

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ОКО СИЛЫ

ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ
1920-1921 ГОДЫ

ЭКСМО

ОКО СИЛЫ

Андрей Валентинов — из тех авторов, которые умеют сочетать, казалось бы, несочетаемое, причем ущерба от этого ни для формы (то есть сюжета), ни для содержания (то бишь философии автора) не наблюдается. Его книги — отнюдь не однодневки; рискну предположить, что популярность этих книг будет возрастать... Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что история России “по Валентинову” гораздо правдоподобнее, нежели та, которую мы все знаем по собственному опыту и по школьным учебникам.

Игорь Феоктистов

ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ. 1920-1921 годы

Книга первая. ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ

Книга вторая. СТРАЖ РАНЫ

Книга третья. НЕСУЩИЙ СВЕТ

ВТОРАЯ ТРИЛОГИЯ. 1937-1938 годы

Книга четвертая. ТЫ, УСТАВШИЙ НЕНАВИДЕТЬ

Книга пятая. МНЕ НЕ БОЛЬНО

Книга шестая. ОРФЕЙ И НИКА

ТРЕТЬЯ ТРИЛОГИЯ. 1991-1992 годы

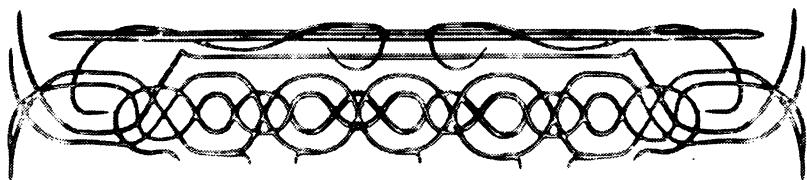
Книга седьмая. ПРЕСТУПИВШИЕ

Книга восьмая. ВЫЗОВ

Книга девятая. КОГОРТА

А. Валентинов

Адрес страницы А. Валентинова в Интернете:
<http://sff.kharkov.com:8080>

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ОЖО СИЛЫ

ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ
1920-1921 ГОДЫ

ЭКСМО-ПРЕСС

2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Серийное оформление
художника *Ангу* и *Николая Симкина*

Валентинов А.
В 15 Око силы: Роман-эпопея. Первая трилогия. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 640 с. (Серия «Нить времен»).

ISBN 5-04-008198-7

Незабываемый 1920-й... Космическая программа Российской империи воплощается в жизнь, эфирный корабль «Владимир Мономах» стартует на далекую планету. Гром ракетных двигателей на полигоне Челкель изменил судьбу белогвардейского капитана Ростислава Арцеулова и красного командира Степана Косухина. Бывшие враги начали понимать, что есть вещи более важные, чем классовая борьба, и что революционная стихия, захлестнувшая Россию, — вовсе не стихия...

Первая трилогия романа-эпопеи, открывшего новый жанр «криптоистории», впервые выходит в авторской редакции. «Око силы» Андрея Валентинова — тайная, спрятанная от нас история XX века.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

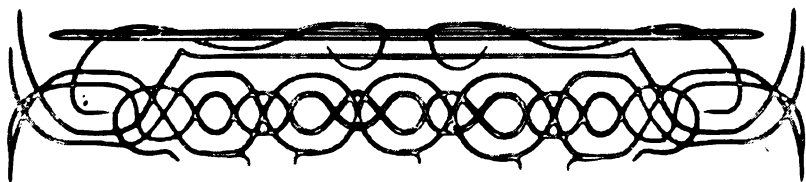
ISBN 5-04-008198-7

© Валентинов А., 2001
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2001

ОТ АВТОРА

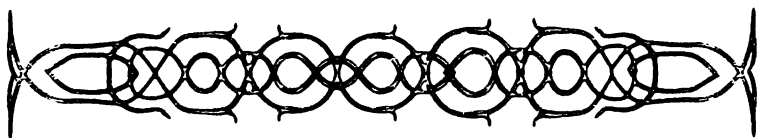
Нынешнее издание «Ока Силы» выходит в свет, как и планировалось первоначально — тремя томами. Девяти томник, выпущенный в свет несколько лет назад, имел существенный изъян, ибо в многотомнике исчезал замысел цельного произведения, единого романа, посвященного тайным страницам истории нашей погибшей страны. Случайные обстоятельства не позволили тогда осуществить окончательную авторскую правку. Это сделано сейчас, причем все изменения носят исключительно стилистический характер, ни в коей мере не касаясь ни структуры, ни содержания. В последнем, увы, не было необходимости. Историк, как известно, пророк, предсказывающий Прошлое. Менее всего автору хотелось выступать в этой неблагоприятной роли. «Око Силы» задумывалось как фантастическая реконструкция некоторых ключевых событий XX века, Века-Волкодава. Вместе с тем автор был уверен, что подлинная история, стань она известной, показалась бы еще более невероятной. Так и случилось. За десять лет, прошедшие со времени написания первых страниц романа, выяснились факты, перед которыми бледнеет любая фантастика.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ

— Прежде чем мы начнем говорить о делах, не могу не выразить восхищения вашей настойчивостью. Добираться в эту даль! Что значит старая дружба!

— Ваше чувство юмора, Агасфер, всегда было весьма... своеобразным. Менее всего мне хотелось лично общаться с вами. Я ехал через Сибирь, сейчас там ад. Вы сидите тут, экспериментируете...

— Спокойнее, мой друг, спокойнее! Вы, я вижу, слишком вжились в роль ходока.

— В чью роль?

— Это неологизм. Так называют аборигенов, которые совершают длительные путешествия, надеясь найти истину. Приходится порой их принимать. Они очень забавны... Я хорошо знаю, что происходит сейчас в Сибири. Кстати, через несколько часов у меня как раз заседание по этому поводу.

— Заседание? Вашего синедриона?

— Как? Ах да, у вас, помнится, тоже есть чувство юмора. Ну, пусть будет синедрион, хотя вам неплохо бы выучить здешние названия.

— Не надо, Агасфер. Я прекрасно знаю, чем Совет Народных Комиссаров отличается от синедриона. Поверьте, мы знаем не только это.

— Прикажете понимать, как намек на возможное разоблачение?

— А вы не боитесь?

— Помилуйте! Да меня здесь уже не первый год именуют куда похлеще. Я и немецкий шпион, и агент мирового еврейства, и масон. Один мой коллега всерьез считает меня марсианином. Ваша версия будет выглядеть весьма бледно... Но к делу. Можете не затруднять себя уговорами. Вы, вероятно, уже догадались о моем ответе?

— Это нетрудно. Вы скажете, что мы — болтливые трусы, а вы пытаетесь делать реальное дело, что сейчас появился уникальный шанс ускорить и исправить человеческую историю и ради

этого можно пойти на определенные жертвы... Определенные кем? Вами?

— Именно так. Люди оказались в тупике, в страшном тупике. Вы знаете, сколько погибло в последней войне? А цифрами детской смертности интересовались? А что касаясь определенных мною жертв... Увы, операции без крови не бывает.

— Тогда почему под вашими знаменами воюют силы, враждебные не только цивилизации, но и всему нашему миру? Почему среди ваших врагов — все, что осталось в этой стране здорового?

— Интересно, кого вы имеете в виду?

— Хотя бы представителей науки и деятелей здешней церкви.

— Вы имеет в виду христианство? Это, как вы наверняка знаете, еще очень молодая церковь, ее позиции весьма слабы. Ну, а ваши представители науки страдают близорукостью. К тому же мои противники действуют весьма недружно.

— А если они все-таки объединятся? Не боитесь?

— Представьте себе, нет. Не боюсь даже фанатиков, их легко натравить на таких же фанатиков, но с противоположным знаком. Я боюсь других... отрешившихся.

— Простите?

— Попытаюсь объяснить... Вы никогда не бывали в цирке? Там показывают фокусы. Помните факиров в Индии?

— Факиры в Индии не показывают фокусов. Они...

— Здесь это называется фокусами. Так вот, большая часть зрителей никогда не разгадает фокус, потому что смотрят на факира. В этом весь трюк. Но тот, кто почему-то отрешился, отвел глаза от приманки, может увидеть главное. Вот таких, отрешившихся, я побаиваюсь.

— Я вас понял. И поэтому вы раздуваете войну, чтобы все смотрели на факира?

— Зачем же так категорично! Я, как и мы все, против всякой войны. И очень жаль, что эти самые ваши представители науки до сих пор держат против меня камень за пазухой. Впрочем, это уже относится к повестке дня завтрашнего... точнее, уже сегодняшнего синедрiona, перед которым мне хотелось бы немного отдохнуть. Все-таки я не марсианин!

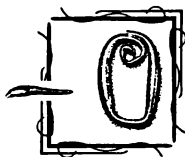
— Я ухожу, Агасфер... Кстати, почему вы выбрали такое нелепое прозвище? Или вы считаетесь с традициями?

— В некотором роде так оно и есть. Здешние традиции, как и люди, весьма забавны.

— Вы уже второй раз повторяете это слово. Неужели вам ничуть не жаль этих людей?

— Жаль?! Знаете, мой друг, мое чувство юмора поистине ничто в сравнении с вашим!

НИЖНЕУДИНСК

гни, ваше благородие!

— Что? — не понял Арцеулов, на всякий случай покосившись в ночную тьму, куда указывал незнакомый ему унтер-офицер — напарник по караулу.

— Огни, господин капитан, — повторил унтер, вновь тыча куда-то вдаль. В голосе его чувствовался плохо скрытый страх. — Повстанцы, ваше благородие! Сторожат!

Арцеулов пожал плечами и всмотрелся. Сквозь темень, опустившуюся на Нижнеудинск и затопившую станцию, он разглядел множество огоньков, охватывавших город неровным полукольцом.

— Прекратите панику, унтер! — наконец буркнул он, морщась от налетевшего ледяного ветра. — Вечно вам повстанцы мерещатся!.. Лучше пройдемся, а то заведем.

Капитан одернул свой черный полушубок и решительно зашагал вдоль эшелона. Но унтер не унимался — заспешил следом, стараясь не отстать.

— Так костры же! — выкрикнул он. — По всем сопкам костры!

— Там легионеры, — не особенно уверенно возразил Арцеулов, вновь кривясь от холода. В полночь, когда они заступили на пост, было минус двадцать девять...

— Никак нет! — возразил унтер. — Чехи — они у самой станции костры жгут. Дальше — бояться. Дальше — эти...

— Ну и черт с ними! — вконец разозлился капитан. — Бежать вздумал, сволочь? Своих увидел?

— Бежать, — недобро пробурчал напарник. — Как же, убежишь! Я ведь, как и вы, — черный гусар!..

Арцеулов повернулся к унтеру спиной и зашагал дальше. Эшелон был огромен, чтобы обойти его, требовалось больше получаса. Впрочем, они были здесь не одни — еще двое шли навстречу, еле заметные в тусклом свете станционных огней. Несмотря на лютый холод и панику, караульная служба неслась исправно — начальник штаба Верховного генерал Зенкевич приказал ставить в караулы лишь офицеров и особо надежных унтеров. Многие ворчали, Арцеулов же отнесся к приказу спокойно — здесь, в ночной тьме, окруженной мигающими огоньками повстанческих костров, исчезало томящее чувство западни, не покидающее его за бронированными стенами поезда Верховного Правителя адмирала Колчака.

В поезд Верховного Ростислав Арцеулов попал три месяца назад, сразу после госпиталя. Точнее, адмирал приказал зачислить капитана в свой конвой еще в апреле прошлого, 19-го года, когда Арцеулов — тогда еще поручик — вместе с полковником Гришиным-Алмазовым прорвался через красный фронт у Царицына, доставляя секретную депешу от Главкома Вооруженных Сил Юга России. Наверное, Верховный решил украсить свой конвой ветераном Ледяного похода и Анненским кавалером, но Арцеулов попросил недельный отпуск, чтобы разыскать в Омске жену, а затем уехал на фронт. Он был зачислен в корпус Каппеля в самый разгар боев на Каме, воевал всего неделю, после чего потянулись месяцы госпиталей. В сентябре капитан был все-таки зачислен в конвой и с тех пор, несмотря на несколько рапортов и личную беседу с адмиралом, служил в охране ставки. Впрочем, с начала декабря Арцеулов уже не просился на фронт — фронт сам нашел его, охватывая цепочкой ночных костров.

Капитан козырнул поравнявшемуся с ним патрулю и ускорил шаг — холод, несмотря на полушубок, становился почти невыносимым. Унтер вновь зашпешил, притопывая на ходу, и капитан мельком подумал, что надо распорядиться выдавать караульным валенки. Внезапно где-то вдали, среди окружавших станцию сопок, резко ударила пулеметная очередь.

— Стреляют, вашбродь. — Унтер уже был рядом, тыча рукой в толстой рукавице в ночную тьму.

— Не сунутся, — поморщился Арцеулов. — Не нас побоятся, так чехов.

— И не холодно им, — суеверным тоном заметил напарник. — Ровно медведи!

Арцеулов на секунду задумался. Повстанцы, равно как и другая красная сволочь, слабо ассоциировались у него с родом людским.

— Ну и пусть мерзнут, сволочи, — рассудил он.

— И волков не боятся! — тем же тоном продолжал унтер.

— Волков?

Как и всякий горожанин, Ростислав помнил волков лишь по детским сказкам и редким посещениям разъездного зверинца.

— Ерунда! — отмахнулся он. — На винтовку не полезут.

— Как же! Вот их высокоблагородие полковник Белоногов тоже так думали...

— Что? — дернулся Арцеулов. — Что ты сказал?

Ростислав неплохо знал Белоногова и немного ему завидовал. Тот был высок, красив, к тому же слыл прекрасным спортсменом. Полковника очень ценил Верховный и держал, как поговаривали, для самых опасных поручений.

— Так что случилось с Белоноговым? — вновь поинтересовался он, заметив, что унтер молчит.

— Нашли его сегодня, — нехотя проговорил тот. — Почти сразу за станцией. Только по полушубку и узнали. И следы вокруг — ни одного людского... Говорят, уйти ночью хотел...

— Бред какой-то! — Капитан знал, что такое смерть на войне, но гибель от волчьих клыков показалась почему-то особенно жуткой. — Почему же он не стрелял?

— То-то и оно, что не стрелял, — буркнул унтер. — Волки... И хорошо, если просто волки!..

— Прекратите! — наконец озлился Арцеулов и молча зашагал дальше вдоль казавшегося бесконечным эшелона.

Сменившись, Ростислав долго грелся у гудящей печки, а затем направился к себе, решив поспать до рассвета. Но еще в коридоре заметил, что дверь купе отодвинута, изнутри стелется папиросный дым и слышатся чьи-то голоса. Стало ясно — поспать не придется.

Арцеулов не ошибся. В купе, кроме его соседа, подполковника Ревяко, сидели неизвестный ему капитан с Владимирским крестом на груди и заместитель коменданта эшелона полковник Любшин. Впрочем, капитан с Владимиром так и остался инкогнито — он мирно дремал, не выпуская из рук пустого стакана. Подполковник Ревяко тоже собирался последовать его примеру, но при виде Арцеулова встряхнулся и попытался привстать.

— А, Ростислав! Добрый вечер! Как там большевички?

— По-моему, уже почти что «доброе утро», — спокойно отреагировал капитан, присаживаясь и принимая от Любшина стопку шустовского коньяка.

Еще пара таких же бутылок, но уже пустых, сиротливо стояла в углу.

— Так все-таки, — не унимался Ревяко, — как там господа повстанцы? Говорят, уже видать?

— Говорят, — согласился Ростислав, которому почему-то совершенно не хотелось рассказывать о кострах, горевших на сопках. — По какому поводу пьем?

— Поминки, — вздохнул подполковник, и Арцеулов сразу же вспомнил о полковнике Белоногове.

Он допил коньяк и вопросительно посмотрел на Любшина.

— Повод есть, — кивнул тот. — Только что сообщили — пал Иркутск...

— Так точно, — поддержал Ревяко. — Помянем нас, рабов Божьих. Любшин, плесните еще!

Остатки коньяка были честно разлиты по трем стопкам.

Мирно спящий капитан с орденом Св. Владимира остался таким образом без своей законной доли.

— Что же теперь? — осторожно поинтересовался Арцеулов, присаживаясь рядом с Любшиным. — Ведь вчера сообщали, что в Иркутск вошли войска Семенова.

— Чехи, — полковник махнул рукой и залпом допил коньяк. — Их Национальный Совет потребовал вывода всех забайкальских частей. Теперь там какой-то Политцентр. Эсеришки!

— В Красноярске уже краснопузые, — добавил Ревяко. — А мы тут ждем, покуда господа чехословаки чохом отдадут нас Совдепам. Сволочи! Всех бы их, союзничков!..

Никто не возразил — союзников здесь ненавидели почти так же, как и красных.

— Нижние чины дезертируют, — тихо проговорил Любшин. — Сегодня ушло два десятка. Если будут бои — сдадутся все.

Ростислав кивнул, вспомнив унтер-офицера, с которым стоял в карауле.

— А Верховный?

— По-моему, он занят тем же, чем и мы, — пожал плечами полковник. — По виду не скажешь, но если судить по господину Трубчанинову...

Ростислав усмехнулся. Лейтенанта Трубчанинова — личного адъютанта Верховного — офицеры недолюбливали.

— Говорят, надо прорываться в Монголию, — подал голос Ревяко. — Как, Ростислав, дойдем? Водки там нет, зато кумысы полно.

— Дойдем, — коротко ответил Арцеулов. — Лучше замерзнуть, чем...

Он не договорил, но собеседники поняли.

— Чуток бы теплее, — заметил полковник. — На завтра обещали похолодание, этак и до минус сорока доползет.

— Все равно, — мотнул головою Ростислав. — Не в плен же сдаваться этим... рачьим и собачьим.

— Зачем в плен? — отозвался Ревяко. — Двадцать червонцев чехам в зубы — и довезут до Читы. А то и попросту — погоны долой, армяк на плечи и ходу... Как полковник Белоногов.

— Господа, что случилось с Белоноговым? — встрепенулся Арцеулов. — Я слышал какую-то чушь, будто бы волки...

— Это не чушь, Ростислав Александрович, — покачал головой Любшин. — Вчера Белоногов переоделся в штатское и попытался уйти на лыжах. Нашли его утром — все, что осталось. Беднягу велено считать дезертиром, да мне что-то не верится.

— Мне тоже, — согласился Ростислав.

Внезапно уснувший капитан, о котором все успели поза-

быть, качнулся и мягко повалился на пол. Пришлось водружать павшего кавалера Св. Владимира на место.

— Вот-с, — констатировал Ревяко. — Молодежь пошла... Вы, Ростислав, лишились редкого удовольствия. Наш гость весь вечер тешил нас, так сказать, прибаутками. И знаете, о чем? Об упырях. Точнее, краснопузых упырях.

— Бред, — равнодушно отреагировал Арцеулов.

— Но излагал знатно, — вступился за капитана Любшин. — Вы ведь на Каме были, Ростислав Александрович?

Арцеулов кивнул. Страшные бои на Каме он забыть не мог.

— Он служил, как и вы, у Каппеля, — продолжал полковник. — Ну и оказался на реке Белой, там, где ударил Фрунзе. Так вот, он утверждает, что прорыв осуществлял полк вампиров, именуемый полком Бессмертных Красных Героев. Пули их, естественно, не берут...

— А пленных они пожирают на месте, — добавил Ревяко. — Жаль, Каппель не догадался вооружить вас осиновыми колами!

— Что за ерунда! — не принял шутки Арцеулов. — Такой полк у краснопузых действительно есть. Но при чем тут упыри?

— А упыри при том, что драпанули господа служивые как зайцы, а после придумали сказочку, чтобы оправдаться, — предположил Ревяко. — Пойди проверь! Морды у краснопузых багровые — от спирта, взгляд, само собой, мутный...

— Я слышал про этот полк, — заговорил Любшин. — Туда, как говорят, направляют лучших красноармейцев из всех частей, а потом посылают в самые опасные места.

— Я тоже слышал, — вспомнил Ростислав. — И впрямь тогда, на Белой, болтали, будто красных пули не берут, но мало ли чего болтают!..

— Пули-то их берут, — согласился полковник. — Но вот что любопытно, Ростислав Александрович... Вы не задумывались, каким образом красные умудряются побеждать? Я не про общую политику и стратегию. Тут и они, и мы наделали глупостей приблизительно одинаково. Я про их умение побеждать в нужный момент в нужном месте, выигрывать, так сказать, ключевые операции. Обратили внимание? Как раз к решающему бою у них и войска дисциплинированные, и население поддерживает, а наши чудо-богатыри как на грех в зайцев превращаются.

— А это все упыри, — вставил Ревяко. — Своих вдохновляют, а на наших ужас наводят.

— Может быть, — спокойно отреагировал полковник. — А может, все проще. И одновременно — сложнее. Один мой хороший приятель предположил, что у красных есть нечто вроде психического оружия.

— Лучи Смерти, — с пафосом заметил Ревяко. — Пещера Лейхтвейса и человек-невидимка!

— Принцип Оккама, — пожал плечами Любшин. — Самое простое объяснение может оказаться самым верным. Технически это, конечно, сложно... Хотя, господа, кто знает?

— Не думаю, господин полковник, — недоверчиво заметил Арцеулов. — Вся беда в нашей мобилизованной сволочи — разбегается при первой же опасности. Поставить по пулемету позади каждой роты — и красным никакие упыри не помогут!

С этим не спорили.

Наутро поезд было не узнать. Известие о падении Иркутска враз разрушило подобие дисциплины, которое еще сохранялось в последние дни. На проверке недосчитались больше половины нижних чинов; многие из офицеров тоже сгинули, даже не попрощавшись. Остальные тревожно перешептывались, а ближе к полудню стали говорить в полный голос. Положение и в самом деле становилось безнадежным: с запада наступала Пятая армия красных, окрестные сопки оседлали повстанцы, а путь в спасительное Забайкалье был отныне намертво перекрыт иркутской проркой. Вдобавок ненавидимые всеми чехи усилили охрану станции, выведя прямо к семафору свой бронепоезд. Поговаривали, что легионеры получили строгий приказ своего Национального Совета не брать в поезда офицеров, отчего цены на такие поездки сразу стали поистине астрономическими.

То и дело в разговорах мелькало слово «Монголия», но почти все считали эту мысль безнадежной. Наибольшие оптимисты уповали на войска Владимира Оскаровича Каппеля, прорывавшиеся, по слухам, через тайгу, но в такой ситуации не верилось даже в непобедимых каппелевцев.

Ростислав Арцеулов не принимал участия в этих разговорах. Болтать и сплетничать не хотелось. Он лишь мельком взглянул на карту и тут же понял — войска Каппеля едва ли успеют на помощь. В Монголию тоже не уйти — мешал не только мороз, но и вездесущие повстанцы красного генерала Зверева. Из наличности у Арцеулова имелось два империаля и пачка никому уже не нужных бумажек, выпущенных Сибирским правительством. Уходить было некуда и незачем. Ростислав боялся лишь одного — что у адмирала не выдержат нервы и он прикажет сложить оружие. Если же этого не случится, то Нижнеудинск в качестве места последнего — личного — боя Арцеулова вполне устраивал.

...Ростислав вполне мог погибнуть еще осенью 17-го, когда взбесившаяся солдатня рвала на части офицеров его полка. Мог быть убит несколькими месяцами позже в Ледяном походе. Смерть ждала Арцеулова весь 18-й год, когда Добровольческая армия то уходила в кубанские степи, то вновь выныривала у оче-

редной железнодорожной станции, чтобы отбить у краснопузых патроны и провиант. Но Ростиславу везло — он был лишь однажды ранен, и то легко. Он уцелел и в марте 19-го, во время отчаянного перехода вместе с Гришиным-Алмазовым через волжские и уральские степи к адмиралу. Им посчастливилось, но с того самого момента Ростислава не оставляла мысль о том, что терпение Судьбы уже исчерпано.

Он не ошибся. Отказавшись служить в конвое Верховного, Арцеулов подал рапорт с просьбой направить его в корпус Капеля. Вместе с ним на фронт ехала Ксения — его жена, которую он чудом нашел в переполненном беженцами Омске. Ксения была медсестрой, за летние бои 17-го имела солдатский Егорий и, несмотря на уговоры мужа и подруг, не желала отсиживаться в тылу.

...Он лежал за пулеметом у высокого берега Белой, когда снаряд разорвался где-то совсем рядом. Через месяц, в Екатеринбурге, Ростислав уже стал выздоравливать, но в госпитале началась эпидемия тифа. Его спасла Ксения, не отходящая от мужа все самые тяжелые дни. Она вытащила его из черного забвения, но однажды, когда кризис уже миновал, Ростислав увидел, что жены рядом нет. Три дня ему не говорили правды, а на четвертый все было кончено — Ксения Арцеулова сгорела от тифа и была похоронена в огромной братской могиле неподалеку от госпиталя.

После этого Арцеулову было уже почти все равно: жить или не жить. Почто — потому что Ростислав не считал возможным дешево отдать свою жизнь, ценя ее в сотню, а то и в полторы сотни краснопузых. В бою вести подобный счет было практически невозможно, но Арцеулов прикидывал, что не выбрал и половины.

А еще ему хотелось дожить до двадцати пяти. Ростислав родился в феврале и втайне надеялся как-то протянуть оставшиеся полтора месяца.

Итак, бежать было некуда и незачем. Арцеулов поудобнее устроился на полке и стал равнодушно глядеть в потолок, не без иронии прислушиваясь к доносившимся до него обрывкам панических разговоров, в которых поминались чехи, золотые имперIALы и Иркутский Политцентр. Сосед — подполковник Ревяко — исчез, и Ростислав вспомнил вчерашнюю фразу о двадцати червонцах и о поезде до Читы.

Ближе к полудню в купе заглянул полковник Любшин, сообщив, что, по слухам, адмирал передал всю власть в Сибири Семенову, а чехи — уже не по слухам — собираются с завтрашнего дня поставить свою охрану к золотому эшелону. Разговор о Монголии действительно был, но большинство офицеров предпочли попросту скрыться на станции, надеясь то ли на милость

союзников, то ли на удачу. Арцеулов лишь пожал плечами — судьба дезертиров его не волновала.

Делать было нечего, и Ростислав сам не заметил, как задремал. Перед глазами закружились какие-то странные тени, чей-то далекий голос позвал его, и вдруг он почувствовал, что не лежит, а стоит, купе залито ярким мигающим светом, а напротив — на пустой койке подполковника Ревяко — сидит молодая женщина в легком белом платье, таком нелепом среди сибирской зимы.

— Ксения, — усмехнулся Арцеулов, тут же сообразив, что спит.

— Ксения... — тихо повторил он, жалея, что сон скоро кончится. Жена, казалось, услышала его, улыбнулась, но глаза оставались печальными и полными болью — такими, какими он запомнил их за долгие недели своей болезни.

— Мы скоро увидимся, — добавил он, постаравшись тоже улыбнуться.

— Нет, Слава, — покачала головой жена. — Не скоро...

— Скоро. — Даже во сне Арцеулов помнил о том, что творилось за железными стенами поезда. — Боюсь, не дотяну до юбилея. Ничего, раньше встретимся!

Ксения еще раз покачала головой — и улыбка исчезла.

— Ты будешь жить долго, Слава. Когда ты умирал, я отмолила тебя. Будет трудно, но тебе помогут... А сейчас мне пора.

— Кто поможет? — Арцеулов настолько удивился, что даже на мгновение забыл, что видит сон.

— Тебе поможет тот, кто уже помог тебе, хоть и желал зла. Тебе поможет тот, кому помог ты, хоть и забыл об этом. И, наконец, тебе поможет старый друг, с которым ты не надеешься увидеться...

— Ты о ком говоришь? — Ростислав окончательно растерялся, но молодая женщина грустно улыбнулась и медленно встала.

— Мне пора, Слава. Прощай... И обязательно надень мой перстень. Тот самый, помнишь?

— Но...

Ростислав хорошо помнил старинный перстень — большой, серебряный, с чернью, доставшийся жене от каких-то давних предков. Перстень был мужской, Ксения никогда не надевала его на руку, но всегда носила с собой. Арцеулов, не веривший ни в чох, ни в вороний грай, изрядно подшучивал над этой привычкой, считая ее чем-то вроде шаманства. Да, перстень он помнил очень хорошо, но надеть его никак не мог — серебряная безделушка, которой так дорожила Ксения, была похоронена вместе с ней в братской могиле неподалеку от екатеринбургского госпиталя. Он узнал это от врача, который передал ему то немногое, что осталось от вещей покойной.

Странный мигающий свет в купе вдруг стал невыносимо ярким. Ростислав прикрыл глаза ладонями и тут же почувствовал легкий толчок в плечо. Он открыл глаза и увидел все то же купе; в окошко сквозь заиндевевшее стекло светило совершенно обычное зимнее солнце, а перед Ростиславом, чуть наклонившись, стоял вестовой в форме черного гусара.

— А! — восторженно вскрикнул Арцеулов, с облегчением убеждаясь, что это был действительно сон.

— Извините, ваше благородие. — Вестовой стал по стойке «смирно». — Стучал к вам, да вы не отвечали. Сморил, видать!..

— Да-да. — Капитан вскочил, соображая, что спать среди бела дня на службе в общем-то не полагается. — Слушаю!

— Вас к Верховному, господин капитан.

Арцеулов вздрогнул. То, что он мог понадобиться адмиралу в такой момент, показалось какой-то дичью. Ростислав хотел было переспросить, но так и не решился.

Наскоро приведя себя в порядок, Арцеулов поспешил вслед за вестовым, мельком поглядывая по сторонам. Эшелон обезлюдел больше чем наполовину, часовые исчезли, а встречавшиеся по пути офицеры то и дело забывали козырять в ответ на приветствие. Капитан почувствовал подзабытый холодок в спине — похоже, это был действительно конец. Далекие костры на сопках, виденные ночью, внезапно перестали казаться чем-то абстрактным. Наверное, если бы не чехи, повстанцы уже давно были бы здесь.

В приемной Верховного все, впрочем, оставалось по-прежнему. У дверей стоял офицерский караул, а в кресле адъютанта все так же восседал лейтенант Трубчанинов. Услышав шаги, он поднял глаза, и Ростислав заметил, что молодой офицер смертельно бледен. Трубчанинов — и это знали все — пил крепко, но теперь он был трезв, и эта странная, неживая бледность на всегда румянном и самодовольном лице адъютанта не понравилась Арцеулову даже больше, чем все происходящее вокруг.

Трубчанинов тихим, невыразительным голосом попросил минуту обождать, скрылся в кабинете, но почти сразу же вернулся и попросил зайти.

Арцеулов хорошо помнил кабинет Верховного, украшенный огромным Андреевским флагом, с гигантским столом из мореного дуба и раскладной английской койкой у окна. Внешне здесь тоже ничего не изменилось, да и Верховный, насколько успел заметить Арцеулов, выглядел как обычно. Гладкое лицо тщательно выбрито, волосы аккуратно разделены «вечным» офицерским пробором, разве что яркие прежде губы стали какими-то серыми, а под глазами легли темные круги.

Услышав рапорт, Верховный лишь кивнул, не поднимая головы. Он сидел за столом, глядя куда-то перед собой. Прошла минута, другая, Арцеулов уже хотел напомнить о себе, но адмирал внезапно поднял голову, пружинисто встал и вышел из-за стола.

— Какое сегодня число, капитан?

Вопрос был настолько неожиданным, что на мгновение Арцеулов лишился дара речи. Казалось невероятным, что Верховный потерял счет времени. Впрочем, Ростислав быстро пришел в себя.

— Четвертое января, ваше высокопревосходительство! Если по большевистскому календарю.

— Ладно. — Лицо адмирала дернулось, словно он попытался усмехнуться. — Сойдет и большевистский... У вас три дня, капитан. К седьмому числу вы должны быть в Иркутске...

Ростислав отчеканил: «Так точно», мельком соображая, как можно попасть в Иркутск из нижеудинской западни.

— В Иркутске вы найдете генерала Ирмана. Он начальник научного отдела военного министерства...

Арцеулов вспомнил рассказ Любшина. Со вчерашнего дня в Иркутске не было никакого военного министерства, там управлял эсеровский Политцентр, который едва ли окажет ему помощь в розысках. Похоже, адмирал подумал о том же.

— Все знаю, капитан. Но вы должны найти генерала Ирмана в любом случае. Найти и передать ему письмо. Вы меня поняли?

— Так точно, — повторил Арцеулов.

— В письме будет только условный знак. На словах передайте следующее: «Приказываю завершить проект «Владимир Мономах». Руководитель проекта прибудет к двадцатому января. В случае неудачи все должно быть уничтожено». Повторите!

Арцеулов слово в слово повторил послание. Адмирал несколько секунд стоял неподвижно, а затем поднял глаза на Ростислава. В адмиральском взгляде сквозило нечто похожее на удивление.

— Вам что-нибудь неясно?

— Извините, ваше превосходительство, — заспешил Арцеулов, которому было неясно не «что-нибудь», а абсолютно все. — Я найду генерала Ирмана...

— Совершенно верно, — резко перебил Верховный. — Вы должны найти его живым или мертвым!..

— Если он будет мертвый, — невольно усмехнулся Ростислав, — он едва ли сможет точно выполнить ваш приказ.

— Да, конечно. — Адмирал тоже улыбнулся, и лицо его на миг потеряло обычную суровость. — Извините, капитан, зарпортовался. Если Ирмана не будет в живых — слышите, только в этом случае! — найдите полковника Лебедева. Он служит в том

же управлении министерства. Больше о приказе никто не должен знать. Еще вопросы?

— В послании сказано «в случае неудачи». Как это понимать?

— А вам и незачем это понимать. — Лицо адмирала вновь застыло, маленькие серые глаза впились в Ростислава. — Ваше дело, капитан, точно передать все Ирману. Впрочем, если он будет столь же непонятлив... Под неудачей я имею в виду прежде всего неудачу самого проекта, а также если его Руководитель не прибудет к двадцатому января и возникнет опасность захвата объекта. До двадцатого января уничтожить проект запрещаю! Запомнили?

— Так точно, — в третий раз отчеканил Арцеулов.

— Хорошо, — сухо произнес адмирал, отворачиваясь и глядя куда-то в сторону. — Имейте в виду, я уже посылал полковника Белоногова. Похоже, красные что-то знают об этой операции. Желаю вам быть более осторожным... Возьмите письмо.

Послание оказалось небольшим, в половину обычного, без конверта, без какой-либо надписи на обратной стороне. Арцеулов успел заметить, что в самом письме никак не больше трех строчек.

— Я не запечатал его, — продолжил Верховный. — Прочитаете и выучите наизусть. Но уничтожать только в самом крайнем случае. Без письма Ирман вам может не поверить.

Арцеулов кивнул и спрятал листок в нагрудный карман своего английского френча.

— Мы, наверно, больше не увидимся, — тихо проговорил адмирал. — Но в любом случае я рад, что эти месяцы рядом со мной был такой отважный и преданный офицер, как вы... Прощайте, господин капитан!

Арцеулов козырнул и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета. Он понял, что Верховный уже не верит в продолжение борьбы. Значит, никакой Монголии не будет. Что ж, в этом случае приказ адмирала оставлял ему хоть какой-то смысл дальнейшего существования. По крайней мере до двадцатого января, когда должен быть завершен совершенно неведомый ему проект «Владимир Мономах».

Он шел по коридору, не обращая внимания на царящую вокруг суматоху и даже не откликаясь на вопросы — кое-кто из знакомых офицеров уже успел узнать об аудиенции и спешил поинтересоваться случившимся. Арцеулов качал головой — теперь, когда был дорог каждый час, он должен покинуть поезд немедленно. Не удержавшись, капитан выглянул в окно и вздрогнул — прямо у эшелона, всего в нескольких шагах, стояла ровная, плотная цепь легионеров. Веселые парни в теплых полу-

шубках довольно скалились, поглядывая на поезд Верховного. Стало ясно — они в западне.

Зайдя в купе, Арцеулов первым делом запер дверь и вытащил из нагрудного кармана письмо. Он не ошибся — в нем было всего три строки. Наверху стояло: «Генералу Ирману. Лично», внизу была хорошо известная ему подпись Верховного, а посреди...

Вначале Ростислав ничего не понял, затем читался, и наконец до него дошло. Единственная строка странного письма гласила: «Рцы мыслете покой». Для пароля адмирал отчего-то воспользовался названиями трех букв церковно-славянского алфавита. Оставалось надеяться, что загадочный генерал Ирман должен иметь обо всей этой тарабаршине куда более точное представление.

Следовало торопиться. Мелькнула мысль, что письмо неплохо бы зашить куда-нибудь в подкладку френча, но времени не было, и Ростислав вновь спрятал его в нагрудный карман. Собственно, брать из вещей было почти нечего. Арцеулов проверил оба свои револьвера: служебный «наган» и маленький бельгийский «бульдог» — подарок давнего приятеля и сослуживца по Марковскому полку Виктора Ухтомского. В полевую сумку были аккуратно уложены две гранаты — такому оригинальному использованию сумки его научил ротный, капитан Михаил Корф. Оружия хватало, куда хуже было с деньгами, и Ростислав выругал себя за то, что не попросил у адмирала командировочных. Значит, железная дорога отпадала сразу, да и возможность как-то прокормиться в пути становилась проблематичной. Впрочем, сейчас было не до того. Арцеулов еще раз выглянул в окно. Ровный строй легионеров стоял и здесь — поезд был окружен со всех сторон.

Ростислав рассовал по карманам оставшийся нехитрый скарб и критически осмотрел полушубок. Тот был всем хорош, кроме одного — вся Сибирь знала форму черных гусар. По слухам, повстанцы вешали офицеров в таких полушубках с особым удовольствием. Арцеулов не числился в черных гусарах, но, когда ударили морозы, ему достался именно такой полушубок. Приходилось идти на явный риск — и немалый. Промелькнула мысль о погонах, но капитан тут же обозвал себя трусом — снимать их Ростислав не собирался.

Оставалось последнее — капитан достал из нехитрого тайника под койкой фляжку и прикрепил к поясу. В ней был шутовский коньяк, из самых лучших, но для Ростислава эта тяжелая металлическая фляга в удобном чехле, с выцарапанным возле горлышка вензелем «С.К.» имела особое значение. Фляга была с ним с конца мая, и все эти месяцы Арцеулов не расставался с ней ни на час...

...Это случилось на реке Белой, совсем близко от переправы, где его рота третий день отбивала атаки частей Фрунзе. Снаряд разорвался рядом, и когда Ростислав открыл глаза, все вокруг было затянуто синим туманом. Кровь заливала рот, а тело словно исчезло, перестав принадлежать ему. Пропали звуки, и эта внезапная тишина показалась Арцеулову еще более страшной, чем недавний грохот разрывов. Потом он увидел лицо жены — Ксения что-то говорила, похоже, пытаясь успокоить, но глаза ее были полны ужаса, и Ростислав понял, что досталось ему крепко. В руках Ксении появился бинт, она попыталась сдвинуть его голову, но тут все заволочло болью, и Арцеулов вновь потерял сознание.

Очнувшись, он почувствовал на голове свежую повязку. Страшно, нечеловечески захотелось пить. Ростислав беззвучно открыл рот. Жена догадалась, в ее руках появилась фляга, но покрытые засохшей кровью губы ощутили лишь каплю — воды не было. Ксения вскочила, надеясь позвать на помощь, и вдруг замерла. Прошла секунда, другая, и Ростислав понял: случилось нечто более страшное, чем его ранение и то, что во фляге кончилась вода.

Кровавый туман перед глазами сгустился; страшные, непохожие на людей, чудовища плыли по воздуху — медленно, неотвратно. Двигавшийся первым монстр подошел совсем близко, страшная, нечеловеческая рожа уставилась прямо в глаза Ростиславу. Ксения неслышно закричала, и тогда жуткий рот искривился в ухмылке, а огромная лапа неторопливо подняла револьвер. Вороненый ствол был совсем рядом, но Арцеулов почему-то совсем не боялся. Он даже подумал, что сейчас все кончится, ему не будет больше хотеться пить, и даже пожелал, чтоб это случилось поскорее. Лапа с револьвером плыла то вверх, то вниз, Ксения кричала, а потом начала что-то быстро говорить, указывая на Ростислава. И тогда рожа вновь скривилась в чудовищной ухмылке, револьвер куда-то исчез, а огромная лапа потянулась к женщине. И тут Арцеулов впервые после того, как очнулся, захотел жить. Он попытался привстать, но тело куда-то исчезло, а рука монстра все тянулась к Ксении, и Арцеулов вдруг с ужасом сообразил, что на жене офицерская форма. Ксения получила звание прапорщика еще в семнадцатом и с тех пор всегда носила на фронте мундир — хотя и муж, и сослуживцы уговаривали ее надеть платье сестры милосердия. Таких красные обычно не трогали, но сейчас на жене были погоны и даже полученный ею тогда же, в семнадцатом, солдатский Георгий. Монстр возвышался словно гора, и фигурка жены показалась Арцеулову совсем маленькой. Пальцы чудовища коснулись серебристого крестика, легко сорвав его, затем обе лапы легли на плечи женщины и рывком оторвали тонкие золотые погоны. Ростислав,

захлебываясь кровью, сцепил зубы, но внезапно монстр повернулся к нему, и Арцеулов почувствовал, как сильные руки приподнимают его голову. И тут перед губами возникла фляга; холодная, непередаваемо вкусная вода буквально обожгла пересохшее горло. На мгновение кровавый туман рассеялся, и Ростислав понял, что никакого монстра рядом нет, а над ним склонился худощавый парень с красивым, чуть скуластым лицом. На парне была новенькая — очевидно, трофейная — английская форма, лишь вместо погон на отворотах краснели петлицы, и на фуражке косо сидела звезда с плугом и молотом. Лицо было хмурым, но в глазах, как показалось Арцеулову, светилось нечто похожее на сочувствие. Парень подождал, покуда Арцеулов напьется, затем взвесил флягу в руке — рука оказалась худой и даже тонкой, совсем не похожей на лапу, — покачал головой, подумал, закрыл флягу крышкой и положил рядом с головой офицера...

Уже в госпитале Ксения говорила Арцеулову, что тогда их спас талисман — старинный серебряный перстень. Тот, который теперь лежал вместе с нею в братской могиле в далеком Екатеринбурге.

С тех пор Арцеулов не расставался с флягой. Сослуживцам он говорил, что это трофей, но в глубине души надеялся на чудо — что фронтовые дороги сведут его с парнем в краснозвездной фуражке. Ростислав был почему-то уверен, что сможет узнать его из тысячи. Да, они встретятся, и тогда он достанет «наган», сунет ствол прямо в скуластое лицо и подождет, покуда красный гад почувствует все, что пришлось испытать капитану на берегу Белой, а затем отдаст флягу и отпустит на все четыре стороны. Возвращать флягу пустой не годилось, и поэтому Ростислав всегда носил в ней коньяк. Пусть красная сволочь не думает, что русский офицер не платит долги!

Все было готово. Арцеулов присел на дорогу, мысленно прощаясь со своим временным пристанищем, затем встал и по давней привычке окинул взглядом купе, проверяя, не оставил ли что-нибудь важное. Взгляд скользнул по койке скоропалительно исчезнувшего подполковника Ревяко — и вдруг на кожаной обшивке вагонной полки что-то тускло блеснуло. Ростислав не глядя взял странный предмет в руку и внезапно похолодел. Несколько секунд он стоял, боясь взглянуть на находку, но затем все же пересилил себя и осторожно раскрыл ладонь.

...Перстень — тот самый, тяжелый, серебряный, с изображением двух переплетенных змей с маленькими бирюзовыми глазами. Талисман Ксении.

Времени не было. Капитан сунул перстень в карман полушубка и вышел в коридор. Надо было спешить. Он выглянул в

распахнутую дверь, дышавшую морозом, и легко соскочил вниз на платформу.

Тут былолюдно. В узком промежутке между вагонами и цепью чехословаков толпились десятка два офицеров, многие из которых уже успели снять погоны и даже переодеться в оказавшиеся под рукой тулупы и полушубки, выглядевшие весьма живописно. Впрочем, этот маскарад мало кого мог обмануть — чехи стояли недвижно, а толстый мордатый майор проверял документы, тщательно сверяясь с каким-то списком. Некоторых желающих после тщательной проверки все-таки пропускали, но большинство по-прежнему оставалось в ловушке.

Все это Ростислав фиксировал в сознании совершенно автоматически. Времени терять было нельзя, но мысль о перстне не давала сосредоточиться. В конце концов он не выдержал и, отойдя чуть в сторону, достал свою находку.

Да, похож: переплетенные змеи, странные, напоминающие руны, знаки, на внутренней поверхности — монограмма из незнакомых букв. Была ли она на том перстне?

Он еще раз припомнил то место, где лежала странная находка. Да, именно там — во сне — сидела Ксения. Совпадение? Точно такой перстень мог быть у Ревяко, и тот в спешке забыл его на койке? Но на койке подполковника утром ничего не лежало, перстень появился позже. Правда, когда Арцеулов был у адмирала, дверь в купе оставалась незапертой...

Ростислав решил отложить дедукцию на более удобное и безопасное время и решительно шагнул к проходу, в котором распоряжался мордатый чешский майор. Уже через несколько минут он понял, что список, с которым сверялся чех, — это список личного конвоя Верховного. Офицеры obsługi, а также охрана других эшелонов майора не интересовали. Кажется, те, кто жег костры на сопках, сумели поладить с братьями-славянами. Поговаривали, что черемховские партизаны пригрозили взорвать кругобайкальские железнодорожные тоннели, если чехи не отдадут золотой эшелон и поезд Колчака. Очевидно, эти слухи были близки к истине.

Значит, не выпустят... Ростислав пристроился в долгую очередь к самодовольному чешскому майору, делая вид, что его интересует только одно — чтобы никто не прошел не в свой черед. Такие желающие встречались, но крепкие руки стоявших в очереди офицеров легко наводили порядок. Вокруг шумели, кто-то пытался хвататься за револьвер, а капитан тем временем раз за разом поглядывал по сторонам, освежая в памяти хорошо знакомые ему окрестности станции. Если его не пропустят, то придется, как это ни печально, дожидаться темноты. Тогда он почти наверняка сумеет уйти, но терять несколько часов светлого вре-

мени не хотелось, тем более с темнотой сюда могли прийти те, что жгли костры в сопках.

Очередь подошла неожиданно быстро. Он сунул майору офицерскую книжку и стал ждать. Чех, медленно шевеля толстыми губами, прочитал его фамилию и уставился в список. Капитан живо представил, как выхватывает удостоверение у этого борова, бьет ребром ладони по горлу, вырывает у ближайшего чеха винтовку... Все это было настолько просто и осуществимо, что Арцеулов закусил губу, чтобы не выдать себя. Он, конечно, прорвется и даже сумеет добежать до станции. У него будет как минимум пара минут, да и чехи — стрелки неважные. Но на станции его встретят другие legionеры...

Майор нашел его фамилию в списке, равнодушно помотал головой, что явно означало отказ, и небрежно вернул Ростиславу документ. И тут Арцеулов заметил, что рядом с майором появился еще один офицер — молодой подпоручик с симпатичным курносым лицом, одетый почему-то не в полушубок, а в зеленую шинель, явно не по погоде. Подпоручик что-то шепнул майору, тот даже не повернул головы, но потом замер, недвижно постоял несколько секунд и вдруг удивленно поглядел на Арцеулова, буркнув: «Пройдите».

Капитан не заставил себя упрашивать, мгновенно проскочив за цепь legionеров. Отойдя метров на двадцать, Ростислав не удержался и оглянулся, но молодого подпоручика в зеленой шинели уже не было.

Станция встретила его шумом сотен голосов. Люди штурмовали чешские эшелоны, пытаясь договориться с legionерами о проезде через восставший Иркутск. И здесь чехи выставили шеренгу «войсков» с примкнутыми штыками. Переговоры вели несколько наглых, таких же мордатых, как и недавно виденный майор, офицеров. По обрывкам доносившихся до него разговоров Ростислав быстро понял, что сумма, названная подполковником Ревяка, давно уже перекрыта и растет дальше. По толпе то и дело ползли слухи о приближавшихся повстанческих отрядах, которые якобы должны занять Нижнеудинск к вечеру, о чем будто бы имеется договоренность между чешским Национальным Советом и командующим партизанским фронтом Зверевым.

Потолкавшись с полчаса, Арцеулов понял, что на станции делать больше нечего. Он выбрался из гудящей толпы, свернув в глубину небольшого пристанционного поселка. Здесь было тихо. Редкие прохожие кидали равнодушные взоры на офицера в приметном черном полушубке. Впрочем, некоторые взгляды

были не столь индифферентны, и Ростислав подумал, что из Нижнеудинска надо уходить, не дожидаясь темноты.

Оставалось одно — достать где-нибудь лыжи и попытаться повторить то, что не удалось полковнику Белоногову. Арцеулов вспомнил карту — неподалеку, в нескольких верстах, начинался Великий Сибирский тракт, по которому уходили к Байкалу отступавшие белые части. Спасти было еще можно, но в этом случае он не успеет в Иркутск к сроку и приказ Верховного останется невыполненным.

Капитан медленно шел по пустой улочке, ведущей прямо в ближние сопки, прикидывая, что надежнее всего собрать на станции десятка два офицеров и попросту захватить один из чешских эшелонов. Братья-славяне за последние полгода отучились воевать и покрылись жирком. Но дорога находится под контролем союзников, и, значит, их остановят на ближайшем же перегоне...

Внезапно Арцеулов остановился, сообразив, что забрел слишком далеко. Станция осталась позади, а за последними домиками начиналась огромная снежная равнина, круто заворачивавшая вверх, к подножию ближайшей сопки. Ростислав повернулся, чтобы идти обратно, но тут же понял, что на пустынной улочке он не один. Совсем рядом топталась большая серая собака, вероятно, вынырнувшая из-за ближайшего забора.

Собак Арцеулов не боялся, но эта ему почему-то сразу не понравилась. Он хотел было отогнать серую тварь, однако сдержался и не спеша пошел обратно. Собака бежала следом — ровно, не отставая, но и не стараясь обогнать. Ростислав не выдержал и остановился. Собака тоже встала и посмотрела человеку прямо в глаза.

Ростиславу стало не по себе. Это было что угодно, но только не собачий взгляд. «Бред», — подумал он и хотел идти дальше, но заметил, что впереди, отрезая ему путь, сидят еще два точно таких же зверя. «Волки, — вспомнил капитан. — Вокруг полковника Белоногова были волчьи следы! Но ведь это же не волки, это собаки!»

Теперь серые твари — не волки, конечно, но такие же крупные и крепкие — сдвинулись в одну линию, надежно закрывая обратный путь. И тут сзади послышался чей-то негромкий смех.

Арцеулов резко повернулся, выхватывая револьвер. В нескольких шагах от него стоял высокий мужчина в теплой серой шинели, подпоясанной офицерским ремнем, но без погон. Лицо человека было необычным — тонкие красивые черты портил красноватый цвет кожи. Это была непонятная краснота — не морозный румянец и не летний загар. Как будто кто-то ввел под кожу неизвестному грязновато-бурую киноварь, отчего даже

ярко-алые губы казались почти незаметными. Большие какие-то блеклые глаза смотрели на Арцеулова презрительно, а рот кривился в недоброй усмешке.

Ростислав понял — его ждали. Незнакомец не вынул оружия, но проклятые собаки были уже рядом, совсем близко. Арцеулов застыл на месте, лихорадочно пытаясь найти выход. Теперь он понял, как погиб полковник Белоногов.

Человек в серой шинели вновь рассмеялся, а затем чуть махнул рукой. Собаки, повинувшись понятной им команде, подошли совсем близко.

— Советую быть благоразумным, господин Арцеулов. — Голос неизвестного был резок и насмешлив. — Письмо при вас?

Ростислав молча кивнул. Выхода не было. Сейчас этот тип потребует послание... Нет, краснолицый явно не дурак, вначале он прикажет выбросить оружие, тогда Арцеулов кинет в снег револьвер, потом откроет сумку — скажет, что письмо там... Интересно, эти псы реагируют только на револьверы или на любой предмет в руке? Если нет, он успеет кинуть гранату...

Незнакомец не спешил. Похоже, ситуация доставляла ему своеобразное удовольствие.

— Бросьте сумку! — услышал Арцеулов. — И не дурите, капитан, а то от вас не останется даже ключев!

Ростислав понял, что вариант с гранатами не пройдет, и послушно отбросил полевую сумку в сторону. Одна из собак тут же подбежала и легла рядом, словно занимая пост.

— Револьвер! — велел краснолицый.

«Все, — подумал Арцеулов. — Господи, как глупо!»

И тут — не к месту, не вовремя — вспомнилось слышанное во сне. Голос Ксении... «Обязательно надень...»

Это было нелепо, но левая рука уже оказалась в кармане полушубка, пальцы нащупали перстень, и тут Ростислав заметил, как одна из собак внезапно вскочила, испуганно дернулась...

Перстень! Ростислав выхватил кольцо и надел на средний палец левой руки. Почему он поступил именно так, капитан и сам не понимал, но думать было некогда. Он поднял руку с перстнем перед собой, яркое зимнее солнце блеснуло на темном серебре, и в ту же секунду собаки как по команде отпрыгнули в сторону.

— Вот вам!

Ростислав взмахнул рукой, и собака, стоявшая ближе прочих, упала на снег, жалобно взвизгнув.

— А ну пошли!

Собаки, оглядываясь, убегали в ближайший переулок. Арцеулов вскинул револьвер, но стрелять было незачем — улица опустела, и только собачьи следы свидетельствовали о том, что все случившееся ему не привиделось.

...Странное дело — следов неизвестного в серой шинели он почему-то не заметил.

Ростислав поднял сумку с гранатами и, не торопясь, пошел обратно. Хотелось бежать, но капитан сдерживал себя. Случившееся казалось слишком диким и неправдоподобным, ясно было одно: этот путь тоже закрыт. Собаки исчезли, но если краснолицый приведет десяток повстанцев с пулеметами, перстень, почему-то напугавший серых тварей, уже не поможет.

Народу возле чешских эшелонов прибавилось. Шум усилился, в нескольких местах уже шла драка, где-то совсем близко ударил выстрел, потом еще один. Толпа шарахнулась было прочь, но затем вновь прихлынула к перрону.

Ростислав стоял особняком, злясь на самого себя. Ничего не придумывалось. Арцеулов вздохнул и достал из кармана пачку папирос «Атаман» с грозным чубатым казаком на коробке. Куда-то подевалась зажигалка; Ростислав, негромко ругаясь, стал шарить по карманам, когда вдруг услышал щелчок — чьи-то руки поднесли к его лицу трепещущий огонек.

— Спасибо, — пробормотал капитан, жадно затягиваясь.

— Не за что, брат-воjak.

Арцеулов удивленно поднял глаза и увидел чешского подпоручика в зеленой шинели. Курносое лицо улыбалось, и только глаза молодого офицера вдруг показались Ростиславу какими-то неживыми — тусклыми и неподвижными.

— Что грустишь, брат-воjak?

По-русски он говорил чисто, почти без акцента. Арцеулов лишь пожал плечами. Легионер покачал головой и вновь усмехнулся.

— Сейчас здесь пройдет пан полковник Гассек, обратись к нему, он посадит тебя на поезд.

Арцеулов замер. Чех козырнул двумя пальцами и, круто развернувшись, зашагал в сторону эшелона. Вдруг он остановился, обернулся и сказал негромко, уже без всякой улыбки:

— Никогда не снимай перстня, брат-воjak!

Ростислав машинально глянул на кольцо, а когда поднял глаза, то странного подпоручика уже не было. Он оглянулся и вдруг увидел нескольких легионеров, не спеша приближавшихся со стороны станции. Впереди шел пожилой офицер с полковничьими петлицами. Думать было некогда. Ростислав подождал, покуда чехи поравняются с ним, а затем быстро развернулся и заступил дорогу.

— Вы полковник Гассек?

Надо было спешить, покуда остальные офицеры не успели вмешаться.

— Та-а-ак, — протянул тот. — А в чем есть, собственно...

Он сердито уставился на Арцеулова и вдруг замолчал. Свита, готовая уже вмешаться, стала нерешительно переглядываться.

— Я капитан Арцеулов. Выполняю чрезвычайное поручение Верховного Правителя. Требуется ваша помощь, господин полковник!

— Ваш Верховный час назад сдал полномочия Деникину, — безразлично прервал Ростислава один из офицеров.

— Помолчите, — перебил Гассек. — Продолжайте, капитан. Арцеулов глубже вздохнул и выпалил:

— Имею приказ добраться до Иркутска. Срочно! Прошу помощь.

— Иркутск занят повстанцами, капитан, — напомнил один из чехов.

Ростислав молчал. Все, что было можно, было сказано. Союзники и раньше не горели желанием помогать Верховному. Теперь же, если адмирал действительно отрекся...

— Вы есть уверены, капитан, что вам нужно именно в Иркутск? — внезапно спросил полковник. — Там мы контролируем только вокзал...

— Так точно!

— Хорошо, — чуть подумав, ответил Гассек. — Мы доставим вас в Иркутск. Остальное — под вашу ответственность. Распорядитесь!

Последнее относилось к тому самому офицеру, что сообщил об отречении адмирала. Он с изумлением поглядел на полковника, затем на Арцеулова, явно не понимая причин такого внимания к безвестному русскому. Но полковник уже кивнул Ростиславу и направился дальше. Капитан с запоздалым сожалением сообразил, что не успел его поблагодарить.

— У пана полковника сегодня непонятное настроение... — вздохнул обладатель безразличного голоса. — Так вы уверены, что вам надо именно в Иркутск?

— Да, — кивнул Ростислав, все еще не веря такой удаче.

— Хорошо, — продолжал чех. — Через полчаса отходит эшелон. Но имейте в виду — только до Иркутска. Если вы рассчитываете на что-нибудь большее...

— Мне надо в Иркутск, — повторил Ростислав, вдруг почувствовав, как нелегко дался ему этот день.

ГЛАВА 2

ПОСЛАНЕЦ СИББЮРО

Степа Косухин оказался в Иркутске ранним утром шестого января, голодный, изрядно замерзший, но полный революционного оптимизма. С ним была его партизанская гвардия — сотня

черемховских шахтеров, вместе с которыми он воевал уже третий месяц. Еще за день до этого они доели последние консервы и дожевали остаток сухарей. О табаке и говорить не приходилось — курящие, в том числе и сам Косухин, страдали неизменно. Мерзавцы чехи предлагали меняться, но ничего путного в обмен не было. В конце концов распропагандированный Степой легионер подарил черемховцам две пачки какой-то жуткой японской отравы, которой хватило лишь на одну раскурку, да и то по половине папиросы на каждого. Впрочем, Степа не унывал. Он выполнил приказ Иркутского большевистского комитета и самого товарища Чудова, а по сравнению с этим все остальное казалось несущественной мелочью.

Приказ этот пришел в Черемхово аккурат вечером третьего января. Товарищ Чудов сообщал о взятии власти в Иркутске эсеровским Политцентром и требовал немедленной присылки подкреплений из числа надежных бойцов. Старшим он приказывал назначить товарища Косухина Степана Ивановича. Степа был горд. В Черемхово и его окрестностях было немало командиров постарше и поопытнее, и он воспринял приказ как особое доверие партии. Правда, кое-кто, как он успел заметить, не очень рвался в Иркутск, где ожидалось серьезные дела. Война шла к концу, и некоторые товарищи начали проявлять самый настоящий оппортунизм. Оппортунистов Косухин презирал. Быстро собрав отряд из добровольцев, он позаботился о том, чтобы каждый из партизан имел по две обоймы к винтовке и по три самодельные ручные бомбы, и той же ночью занял позицию вдоль железной дороги. Первые два эшелона, сопровождаемые бронепоездами, пришлось пропустить, зато третий взяли без боя. Легионерский пост у семафора был обезврежен заранее, и перепуганный чешский комендант эшелона после долгой ругани согласился выделить для маленькой армии Степы Косухина два пустых вагона. Правда, вагоны оказались товарными, мороз продирает до костей, а проклятые чехи категорически отказались выделить отряду хотя бы ящик тушенки. Но всем этим можно было пренебречь. Главное — быстрее добраться до Иркутска, где, как чувствовал Степа, его отряд будет очень нужен для дела Мировой Революции.

Смысл происходящего Косухин подробно объяснял бойцам отряда, для чего неоднократно переходил из вагона в вагон, один раз чуть не свалившись прямо под колеса поезда. Партизаны, ребята сознательные, понимали все с полуслова. Степа был уверен, что радоваться рано. Власть в Иркутске взяли не лучшие представители трудового народа — большевики, а тайные агенты мирового капитала — эсеры, сибирские кооператоры и прочая мелкобуржуазная шушера. Более того, часть города по-прежнему контролируют мерзавцы чехи, которые хотя и объяви-

ли нейтралитет, но втайне, без сомнения, сочувствуют классово близким им гадам белогвардейцам. И, наконец, поблизости от Иркутска стоят банды врага трудового народа атамана Семенова, а с запада, сквозь тайгу, к городу идет недобитый генерал Каппель. Ввиду этого Степа считал совершенно необходимым установление в Иркутске власти Советов.

Со Степой не спорили. Несмотря на свои двадцать два года, он был уважаем за лютую, истинно классовую ненависть к врагу и безупречное пролетарское происхождение. Все знали, что товарища Косухина прислали в Черемхово еще в августе месяце по приказанию Сибирского бюро ЦК, а что такое Сиббюро, знал каждый. Степа, до того громивший белых гадов под командованием Фрунзе, стал одним из организаторов повстанческого движения в районе Иркутска и вскоре неплохо проявил себя, заслужив похвалу самого товарища Нестора — знаменитого анархо-коммуниста Каландаришвили. Каландаришвили и познакомил Степу с товарищем Чудовым, который, как только в Иркутске начались бои, вспомнил о молодом посланце Сиббюро.

Отряд Косухина вывалился из вагонов аккуратно на первой платформе иркутского вокзала и тут же был со всех сторон окружен целым батальоном легионеров. Партизаны уже отстегивали тяжелые самодельные бомбы жуткого вида, когда наконец подбежал перепуганный офицеришка, с которым Степа вступил в переговоры. Как выяснилось, чехи всерьез решили, что воинство Косухина в нарушение перемирия прибыло для штурма иркутского железнодорожного узла.

Будь у Степы не рота, а, к примеру, батальон, он так бы и поступил, ибо соблюдать соглашения с проклятыми империалистами не собирался. Но силы были неравны, и Косухин потребовал немедленного предоставления каждому бойцу по пачке папирос и свободного пропуска в город. И то и другое было ему тут же обещано, после чего довольный таким развитием событий Косухин вывел отряд на привокзальную площадь.

Тут произошла заминка. Степа ни разу не был в Иркутске и не представлял себе, куда и каким маршрутом надлежит двигаться дальше. Втайне он надеялся, что кто-то — если не сам товарищ Чудов — позаботится встретить его гвардию. Но на привокзальной площади, кроме толпы мешочников, дамочек определенного рода занятий и публики явно буржуйского вида, никого не оказалось. Подождав немного, Косухин решил проявить инициативу и действовать самостоятельно.

Прежде чем двигаться дальше, он велел бойцам привести себя в порядок, проверить оружие и проявлять классовую сознательность. Возражений не последовало, но по унылому виду

подчиненных Степа не без грусти сообразил, что два дня в заледенелых вагонах несколько поубавили сознательности в отряде. Он и сам понимал, что бойцов надлежит кормить и вовремя укладывать спать, но делать было нечего, и он дал приказ идти прямо к замерзшей Ангаре, за которой темнел ночной город.

Поход начался спокойно. Бойцы в меру возможностей соблюдали революционную дисциплину и даже пытались идти в ногу. Правда, иркутские обыватели, определенно из нетрудового элемента, почему-то шарахались в сторону, а некоторые, из наименее сознательных, даже пытались бежать. Вероятно, на них производили неизгладимое впечатление огромные самодельные бомбы, болтавшиеся на поясе у черемховцев. Взрывались они не всегда, зато моральное воздействие оказывали немалое, в чем Степа в очередной раз имел возможность убедиться.

Прямо за станцией отряд был остановлен каким-то эсеровского вида патрулем, но Степа не стал вступать в ненужные дискуссии, а попросту скомандовал: «Вперед!» — и отряд прошествовал дальше под изумленными взглядами оторопелых солдат.

Вскоре путь отряду преградила Ангара, через которую пришлось перебираться по неровному льду. Степе объяснили, что могло быть и хуже — могучая река замерзала не каждую зиму, и тогда приходилось доверять сметанному на живую нитку наплавному мосту. Косухин представил себе дымящуюся под ногами черную гладь — и еле удержался, чтобы не перекреститься.

Они шли уже больше часа. Вокруг вырастали недвусмысленно буржуазного вида дома, и Степа начал догадываться, что центр где-то недалеко. Он попытался было спросить об этом у встречаемых, но упрямые иркутские обыватели почему-то избегали беседы. В конце концов Степа избрал ориентиром огромный собор, возвышавшийся неподалеку. Собор привлекал Косухина прежде всего толщиной стен, за которыми можно всегда отсидеться, и высокой колокольной, где следовало расположить наблюдательный пункт.

Однако до собора дойти не удалось. За очередным перекрестком дорогу отряду преградил целый взвод солдат без погон, но с цветными повязками на рукавах шинелей. Степа, конечно, не сбавил бы темпа перед подобным препятствием, если бы не два пулеметных ствола, смотревших на него равнодушными черными зрачками. Это был веский аргумент, и Косухин приказал отряду остановиться.

Из рядов солдат вышел высокий бородатый мужчина в черной кожанке, обвешанный таким обилием оружия, что Степа даже позавидовал, и потребовал объяснений. Косухин сообразил, что его славный отряд почему-то принимают за банду грабителей, отчего в городе несознательные граждане подняли форменную тревогу. Возмущенный Степа хотел уже, проигно-

рировав пулеметы, идти на прорыв, но заметил, что из соседнего переулка не спеша выкатывается броневик. Косухин вздохнул и достал свой мандат.

Грозный мужчина в кожанке оказался самым Фролом Федоровичем, председателем Политцентра. Степа, представлявший эсеров исключительно гнусными интеллигентами с козлиными бородами и в пенсне, поглядел на знаменитого на всю Сибирь боевика с определенным уважением. Федорович же, убедившись, что перед ним не банда, а сознательный авангард черемховского пролетариата, смерил Косухина снисходительным взором и распорядился отвести отряд в казармы, где он будет поставлен на довольствие.

Степа вновь возмутился и потребовал немедленного свидания с товарищем Чудовым. Федорович не возражал, но категорически настоял, чтобы Косухин приказал отряду двигаться в указанном направлении, а именно в казармы, где для товарищей черемховцев будет приготовлена горячая еда. К товарищу же Чудову они направятся вместе, тем более что сам Федорович как раз собирался в городскую тюрьму.

Степа не понял, какая связь существует между товарищем Чудовым и городской тюрьмой — не означало же это, что вождь иркутских большевиков до сих пор томится в застенках? Федорович поглядел на Косухина еще более снисходительно, пояснив, что именно в городской тюрьме товарищ Чудов разместил большевистский штаб.

Степа вздохнул и отдал команду. К его удивлению, бойцы, услышав о предстоящем обеде, разом потеряли революционную бдительность, мгновенно побратавшись с классово подозрительными солдатами. Тем временем из переулка вынырнул огромный автомобиль. Федорович кивнул, и Степа, вновь вздохнув, покорно сел в машину.

Тюрьма охранялась очень хорошо. Караульные долго не хотели пропускать Косухина, несмотря на грозный мандат, и лишь поручительство Федоровича открыло перед ним тяжелые ворота. Степа, еще ни разу в жизни в тюрьмах не бывавший, несколько оробел, но тут же одернул себя. Ведь именно здесь он сможет наконец повидаться с верным большевиком товарищем Чудовым!

...Пров Самсонович Чудов занимал маленькую комнатку на втором этаже административного корпуса. Вождь большевиков сидел за столом, листая пухлое дело в серой обложке. При виде вошедших он грозно поднял брови, но затем радостно хмыкнул и, чуть переваливаясь, направился к гостям.

— А! Здорово, здорово, товарищ Косухин! — прогудел он

низким басом, сжимая огромной ручищей Степину ладонь. — Вовремя ты, вовремя! Здорово, товарищ Федорович, проходи, проходи!

Бог не обделил Прова Самсоновича ни голосом, ни силой, зато ростом глава иркутских большевиков явно не вышел — невысокий Степа был выше Чудова не на голову, а чуть ли не на две. Но в остальном товарищ Чудов выглядел настоящим богатырем — особенно если не стоял, а сидел за столом, подложив на сиденье с полдюжины папок с делами. Пров Самсонович, очевидно, догадывался об этом, поскольку тут же уселся на место, предложив гостям рассаживаться на скрипящих и шатающихся стульях. Степа садиться не стал, а остался стоять, желая доложить Прову Самсоновичу по всей форме. Но его опередил Федорович.

— Отряд Косухина мы разместили, — заявил эсер, доставая из кармана кожаной куртки портсигар и неторопливо закуривая. — Но в следующий раз, товарищ Чудов, прошу меня предупредить. В городе напряженная обстановка, этак недалеко до паники!..

— Ниче, ниче! — взмахнул ручищей Пров Самсонович. — Пушай буржуи мясами поерзают! Пушай страху наберутся. От того делу пролетарьята одна польза будет!

Федорович не стал возражать, но недвусмысленно поморщился. Степа же, напротив, был полностью согласен с мнением Прова Самсоновича. Смушало, правда, что его славный отряд был принят не за авангард Мировой Революции, а за деклассированный разбойничий элемент. Косухин решил, что в следующий раз следует заранее запастись транспарантом красного революционного колеру с соответствующей разъяснительной надписью.

— Мы распределим отряд товарища Косухина для несения караульной службы, — продолжал Федорович. — Плохо, что город не знают... Ну ничего, разбавим нашими!..

Степа чуть не задохнулся от возмущения. Его славных орлов не только отправляли ловить мешочников, но еще и «разбавляли» классово чуждым элементом! Между тем глава Политцентра перекинулся с хозяином кабинета несколькими словами по поводу какого-то генерала Ярышева, после чего пообещал заехать вечером и распрощался.

— Вот, видал? — буркнул Чудов после минутного молчания. — Думает, он тут хозяин! Ниче, ниче, ненадолго!

— А крепкий мужик, — заметил Степа, на которого зашитый в черную кожу председатель Политцентра все же произвел определенное впечатление.

— Посмотрим, какой такой он крепкий! — пообещал товарищ Чудов, вставая и постукивая кулачищем по могучей гру-

ди. — И не таким вязы сворачивали! Мы с тобой, товарищ Косухин, первым делом чего должны сделать, а?

— Как чего, чердынь-калуга! — удивился Степа, любивший порой подобные кудрявые выражения. — Перво-наперво надо власть Советов определять!

— Точно, точно! — удовлетворенно прогудел Пров Самсонович. — Но для этого, товарищ Косухин, следует сил поднакопить. Пушай твои ребята по улицам походят да присмотрятся. А пока делами займемся. Дел у нас, товарищ Косухин, скажу тебе, много. Чистить город надо. Буржуев здесь — тьма. И офицеры тут, доложу тебе, — сила. Лютые — страх!

— Да, сволочи они знатные, — кивнул Косухин. — Всех бы их — к стеночке, чердынь-калуга, да штыками, чтоб патроны зазря не тратить!

— Это правильно, — удовлетворенно заметил Пров Самсонович. — По-нашему это, по-партийному... Постой, — вдруг осекся он. — Ведь у тебя-то самого, товарищ Косухин, брат родной офицером был, белой костью!

— Чего-о? Ты это, товарищ Чудов, брось! — Степа вскочил и от возмущения даже взмахнул рукой. — Ты про белую кость-то не очень! Мой брат кости нашей, пролетарско-крестьянской. И был не каким-то там офицером, а летчиком. На «Фармане» летал!

— А какая к шуту разница? — удивился Чудов. — Офицер — он все одно офицер!

— А такая... — буркнул Степа и замолчал.

Степан Косухин очень любил своего брата Николая. Оба рано осиротели, и Николай, который был старше Степы на десять лет, растил младшего, защищал, помогал учиться, рассказывал дивные истории о дальних странах, полярных путешествиях, о первых аэропланах, которые в ту пору нелегко было увидеть даже на фотографической карточке. Степан гордился братом — таким сильным, красивым, смелым, втайне мечтая закончить летную школу и тоже выучиться на авиатора.

...В октябре 1914 года Степе сообщили, что поручик Николай Косухин не вернулся из разведывательного полета. Случилось это неподалеку от города Рава-Русская в далекой Галиции.

— Ну, товарищ Косухин, — примирительно заметил Чудов, — я ж тебя знаю как верного партийца, а чуждый элемент, он всегда затесаться может.

— Николай — не чуждый элемент, — негромко, но зло отрезал Степа. — Он лучше всех вас был! Он в тринадцатом году рекорд высоты поставил. И на фронт добровольно пошел, хотя мог в авиашколе остаться!

— Ну это ты брось! — возразил Чудов. — Куда он добровольно пошел? На империалистическую войну, защищать царя да

помещиков? Вижу, молодой ты еще, Степан, да недостаточно сознательный!

— Мне, между прочим, орден Боевого Красного Знамени сам товарищ Троцкий вручал, — нахмурился Степа. — А сюда Сиббюро прислало — видать, за несознательность!

Тут уж Прову Самсоновичу пришлось смолчать. Товарищ Чудов уважал товарища Троцкого и тем более Сиббюро, хотя и считал, что те, кто находится за линией фронта, ни черта в здешних делах не понимают.

— Ладно, — примирительно заметил он. — Закроем для ясности. Иди, товарищ Косухин, отдыхай, а вечером делами займемся. Будешь ты в городе Иркутске моим боевым заместителем!..

Отдыхать Степе пришлось здесь же, в помещении тюрьмы, в соседней комнате. Вечером же он получил под свою команду пятерых бойцов большевистской боевой дружины с приказом пройтись по разным адресам, где, по сведениям сознательных граждан, могли укрываться недобитые офицеры. Проводником был назначен молоденький очкастый гимназист из сочувствующих.

Первые несколько адресов оказались липой. Повезло лишь однажды — на одной из квартир удалось задержать полковника, забежавшего на часок повидаться с женой. Арестованного тут же отправили под караулом к товарищу Чудову, а сам Степа с двумя оставшимися бойцами да с очкастым гимназистом направились по последнему адресу — на улицу Троицкую.

Дом был двухэтажный. Перепуганный дворник сообщил, что нужная квартира находится на втором этаже, принадлежит же она не кому-нибудь, а действительному статскому советнику Бергу.

Степа осторожно, стараясь не попадать под свет агонизирующего фонаря, оглядел подозрительные окна. На первый взгляд в квартире было темно, но, всмотревшись, Косухин заметил тонкую полоску света.

«Шторы задернули, — понял он. — Бывалые!..»

Наверх вела узкая наружная лестница. Имелся и черный ход, но он тоже не вызывал доверия. Косухин обошел дом, подумал, шепотом расспросил дворника о планировке квартиры и наконец принял решение.

Один из дружинников получил приказ сторожить у главного входа, другой — у черного. Гимназиста, как недостаточно боеспособного, Степа отослал в дворницкую, предварительно реквизировав у него шарф. Когда все было готово, Косухин скинул полушубок, проверил оружие и обмотал лицо конфискованным шарфом. Осторожно, стараясь оставаться в густой черной тени,

он прошел по лестнице и, легко подтянувшись, оказался рядом с окном одной из комнат. Окно было двойным и закрытым на совесть. Степа тихо чертыхнулся, поправил прикрывавший лицо шарф и что есть силы врезал рукояткой револьвера по стеклу.

Через несколько секунд Косухин был уже в комнате. Соскочив на пол, Степа выхватил гранату и, одним прыжком добравшись до двери, распахнул ее.

Перед ним была еще одна комната, на этот раз освещенная. Посреди стояли трое мужчин. Двое — явно офицерского вида в зеленых френчах, третий же, в очках, худой и тщедушный, сразу напомнил Степе его проводника-гимназиста.

— Ни с места, — выдохнул Косухин. — Не двигаться, чердынь-калуга, а то всех положу, контра! Руки поднять! Эй ты, в очках!

— Простите, вы мне? — с нотками возмущения поинтересовался тщедушный тип.

— Вам, вам! — усмехнулся Степа. — А ну-ка дуй в переднюю и отворяй дверь! И смотри: чуть что — стреляю!

Вскоре в комнату уже входил стороживший на лестнице дружинник, а еще через минуту был открыт черный ход, и вся маленькая Степина армия оказалась в сборе.

— Выкладывай оружие! — распорядился Косухин. — Да живо, контра, пошевеливайся!

У офицеров нашлись два револьвера и кортик. У тщедушного, как и думал Степа, оружия не обнаружилось.

— Ну и хорошо, — резюмировал Косухин. — Граждане, вы арестованы как подозрительный элемент. Прошу документы.

— Так вы ЧК? — удивился один из офицеров.

— А кто же еще? — в свою очередь, поразился людской непонятливости Степа. — Вы что, Красный Крест ждали?

— Мы думали, вы бандиты, — пояснила контра. — А впрочем, разницы не вижу... Вот наши документы. Никакого отношения к хозяевам ни я, ни мой товарищ не имеем. Мы просто поступались, и нас приютили...

У задержанных оказались офицерские книжки; один был капитаном, второй — подполковником.

— Ну, а ты что, тоже поступался? — поинтересовался Косухин у тщедушного юноши в очках.

— Как вы смеете говорить со мной таким тоном! — возмутился тот. — Извольте говорить мне «вы»!

Степа хотел было разобраться с наглым буржуем, но затем решил, что препирательство с таким типом ниже его революционного достоинства.

— Прошу предъявить документы, — предложил он. — И побыстрее, пожалуйста!..

У очкастого типа обнаружилась большая бумага с печатями,

из которой явствовало, что задержанный является студентом Петербургского университета. Фамилия там тоже была, но Степа ее не запомнил.

— Собирайтесь, — велел он арестованным. — А я покажу комнаты осматривать.

При этих словах один из офицеров переглянулся со студентом, и Степа понял, что дело тут нечисто.

— Кто еще есть в квартире? — поинтересовался он.

— Здесь племянница хозяина, — начал офицер. — Видите ли...

— Значит, племянница, — перебил его Степа тоном, не обещающим неизвестной ему племяннице ничего доброго, но тут дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась — и Косухин умолк.

На пороге стояла девушка в длинном, не по росту, платье, концы которого волочились по полу. На голову была накинута огромная малиновая шаль, в руке же она держала большую бумажную розу.

— У нас гости, господа! — радостно воскликнула она. — Гости! Среди ночи! Это так романтично! Позвольте, я подарю вам эту розу...

Девушка подбежала к Степе и протянула ему бумажный цветок.

— Простите, — попытался вставить слово пораженный Косухин, но та, не слушая его, мгновенно пристроила розу на Степин полубок.

— Кто вы, рыцарь, пришедший из тьмы? — спросила она.

— Мы из ЧК, барышня, — пояснил один из дружинников.

— «Чека»? — воскликнула девушка. — А что такое — «чека»? В этом слове столько тайны!..

С этими словами она положила руку на плечо Косухину, отчего тот почувствовал себя крайне неловко.

— Она чего, не в себе? — негромко поинтересовался он.

— Вы же видите! — пожал плечами один из офицеров.

Между тем девушка удивленно посмотрела на Степу, рот ее округлился, и она произнесла нечто среднее между «о» и «а».

— Так вы... — прошептала она, — вы пришли из-за Шера? Вы нашли его? Скажи мне правду, вы нашли его?

— Вы о чем? — Степа огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть поблизости неизвестного ему Шера.

— Это кот, — сообщил другой офицер. — У нее был кот... Во всяком случае, ей так кажется.

— Вы не нашли его, моего Шера! — с отчаянием воскликнула девушка. — О, мой Шер! Неужели вы не можете ничего сделать? Его так легко узнать — это мраморный табби, у него такая умная мордочка!..

— Пошли, — вздохнул Степа. — Поищем вашего кота, барышня...

— Ну ты молодец, товарищ Косухин! — заявил довольный ночным походом Чудов. — Знатных лешей наловил! А чего девку не привел?

— Так она же больная! — удивился Степа. — Да и куда она из квартиры денется?

— Ну-ну, — заметил Пров Самсонович. — Я на твоём месте и её захватил бы... Правило наше такое — брать всех, а там и разбираться. Ну ладно, завтра ещё адресов подкину. Почистим пролетарский Иркутск от буржуйской нечисти!

— Мелочь это, — снисходительно хмыкнул Степа. — Вот если б Федоровича, вражину, за жабры взять!..

Впрочем, «вражина» Федорович мог пока что чувствовать себя в полной безопасности. Более того, именно глава Политцентра изрядно нарушил планы Прова Самсоновича относительно Степы. На следующее же утро невыспавшийся Косухин был направлен на позиции западнее Иркутска, чтобы подготовить их к неизбежным боям — каппелевцы приближались к городу. Целый день Степа руководил рытьем окопов, пристреливал пулеметные точки и готовил минирование большого железнодорожного моста. Приехавший к вечеру на осмотр позиций Федорович остался доволен и предложил Косухину возглавить этот оборонительный участок. При этом вражина эсер сделал кислое лицо, заметив, что его достойный союзник — большевик товарищ Чудов слишком увлекся ловлей гимназисток в ночном Иркутске.

Степа хотел было прочитать недоумковатому эсеру лекцию о значении ВЧК, карающего меча революции, но сдержался. По молодости — или по отмеченной Провом Самсоновичем политической наивности — Косухин все же предпочитал сходить с врагами лицом к лицу. Образ несчастной девушки в малиновой шали, трогательно просившей его, представителя железной когорты большевиков, найти пропавшего кота, не выходил у него из головы.

Степа дал Федоровичу предварительное согласие, дождался смены и с чувством выполненного долга направился к товарищу Чудову.

К удивлению Косухина, у кабинета Прова Самсоновича его остановил караул. Ни мандат, ни даже удостоверение, подписанное недобрым врагом революции Федоровичем, не помогли. Степа всерьез обиделся на товарища по партии и хотел было идти восвояси, когда дверь отворилась и на пороге возник сам Пров Самсонович.

— А, товарищ Косухин, — загудел он, хлопая Степу огромной ручищей по плечу. — Заходи, заходи! Ты не обижайся, тут у нас разговор серьезный, важный... Ну, а ты, ясное дело, свой...

Несколько успокоенный этими словами, Косухин шагнул

внутри и сразу же понял, что у товарища Чудова гости. Точнее, гость был один.

За столом сидел худощавый стройный мужчина в ладно сидевшей серой шинели. Его лицо — красивое, с тонкими, явно не пролетарскими чертами — вначале не особо понравилось Степе. Смущало и то, что цвет был какой-то странный — темно-красный, почти пунцовый. Холодные бесцветные глаза смотрели на вошедшего внимательно, но, как показалось Косухину, без малейших эмоций.

— Знакомся, Степан. — Пров Самсонович, чуть переваливаясь на ходу, вернулся к столу и стал взбираться на стул, стараясь не сбросить лежавших на нем папок. — Это товарищ Венцлав, командир 305-го полка.

Рука товарища Венцлава оказалась тонкой, но сильной и холодной как лед. Степа между тем начал старательно вспоминать:

— 305-й? Это же полк Бессмертных Красных Героев!

— Точно, — прогудел Пров Самсонович. — Видал, кого к нам прислали? Уважают, значит...

Степа чуть не задохнулся от волнения. Весь Восточный фронт знал, что такое полк Бессмертных Красных Героев. Попасть туда мечтал каждый, но брали немногих.

— Я, значит, пойду, — заявил между тем Чудов, пресекая попытку Степы доложить о своих достижениях. — Дела у нас, товарищ Косухин, важнее важных!..

— Идите, товарищ Чудов, — негромко, но властно распорядился товарищ Венцлав, и Косухин понял, что у иркутских большевиков появился новый руководитель.

Пару минут они стояли молча. Венцлав смотрел куда-то в сторону, словно не замечая Степы, а тот никак не решался заговорить с командиром легендарного полка. Наконец Косухин набрался смелости:

— Вы, товарищ Венцлав, прибыли в Иркутск вместе с полком?

— Нет, — не поворачивая головы, ответил тот. — Полк сейчас в составе Пятой армии. Я добрался один, через тайгу. Мои ребята придут позже.

Степа знал, что такое добираться через тайгу по такому морозу, и тут же зауважал товарища Венцлава еще больше.

— Я беседовал с представителем Сиббюро, Степан Иванович. Там вами довольны. Я имею приказ о том, что вы переходите в полное мое подчинение.

— Так точно, — только и смог ответить Степа.

— Я знаю, что вам предложили возглавить западный боевой участок, — продолжал Венцлав, по-прежнему глядя куда-то в

сторону. — Не сомневаюсь, что вы бы справились отлично. Но речь сейчас идет о выполнении особого задания Реввоенсовета...

Степа был поражен не столько важностью поручения, с которым прибыл товарищ Венцлав, сколько тем, откуда командир легендарного 305-го узнал о его разговоре с Федоровичем.

— Но вначале давайте кое-что уточним. — Венцлав медленно повернулся и поглядел прямо в глаза Степы, отчего тот сразу почувствовал себя неуютно. — Вы — Косухин Степан Иванович. Член партии с октября 17-го, воевали на Восточном фронте, за бои на Каме получили орден Красного Знамени...

Степа вновь кивнул. Если в разговоре с Чудовым упоминание об ордене наполнило его гордостью, то теперь ему стало почему-то совестно.

— С августа вы представитель Сиббюро, воевали в окрестностях Черемхово и Иркутска. Значит, местность знаете хорошо?

— Я Иркутск совсем не знаю, — признался Степа. — А вот леса вокруг — это точно... облазил.

— Отлично, — резюмировал Венцлав. — А теперь слушайте внимательно...

Степа подобрался, весь превратившись в слух. Товарищ Венцлав наконец-таки отвел свой взгляд, и Косухин сразу же почувствовал себя увереннее.

— ...Верховный Правитель адмирал Колчак в ближайшие дни будет передан Политцентру. Думаю, он уже не опасен и получит свое. Через некоторое время, очевидно, нам отдадут и золотой эшелон. Но враг еще не разбит до конца. У нас есть данные, что группа офицеров сумела спрятать где-то в тайге часть золотого запаса Республики. Мы должны вернуть это золото, Степан Иванович...

Степа хотел ответить «Есть», но в горле внезапно пересохло. Товарищ Венцлав, казалось, понял его:

— Это трудное задание, Степан Иванович. Мы будем работать с вами вместе. Скоро подойдет подмога, но за это время надо успеть сделать самое важное...

— Где это золото? — неожиданно хриплым голосом спросил Степа. — Куда его спрятали?

Товарищ Венцлав тихо, почти беззвучно рассмеялся, но глаза его оставались по-прежнему холодными и равнодушными.

— Золото было спрятано заранее, и найти его будет очень трудно. Но есть одна зацепка — нам известно, что руководил этой операцией генерал Ирман...

— Так надо же... — начал было Косухин, но Венцлав покачал головой:

— Мы уже выяснили — Ирман не покидал Иркутска. Его нет и на станции, в зоне контроля чехвойск...

Степа стал лихорадочно прикидывать, что бы предпринять.

Ясное дело, квартира генерала, его знакомые, расспросить сознательных граждан в каждом районе... Эх, знать бы приметы, а еще лучше иметь фотографическую карточку!..

Он несмело кашлянул и изложил свои соображения товарищу Венцлаву. Тот, пожав плечами, достал небольшой фотографический снимок. Генерал Ирман был бородат, суров, на скуластом лице темнели большие выразительные глаза.

— Что вы можете сказать, товарищ Косухин? — осведомился командир 305-го после того, как Степа внимательно изучил генеральскую внешность.

— Гидра! — уверенно заявил Косухин. — Такие в плен не сдаются...

— Это очень умный и сильный человек, — задумчиво проговорил Венцлав. — Хорошо, что вы напомнили мне о фотографии... Подождите-ка...

Венцлав взял в руку карточку, провел несколько раз ладонью над ее поверхностью, затем несколько секунд подержал руку над снимком.

— Мне надо было подумать об этом раньше, — наконец заметил он. — А вы действительно зрите в корень, Степан Иванович... Может, вас это несколько удивит, но я почти уверен, что генерала нет в живых.

— А с чего вы так решили? — изумился Косухин.

— Это несложно, — равнодушно бросил Венцлав. — И хорошо, если бы я ошибся...

Но он не ошибся. Вернувшийся вскоре Пров Семенович несколько растерянно сообщил, что двое из арестованных офицеров сообщают одно и то же — генерал Ирман умер от скоротечного воспаления легких как раз под Новый год, когда в Иркутске шли бои.

Степа был поражен, а командир 305-го лишь недовольно скривился и дал Степе совершенно непонятное задание — узнать, где был похоронен Ирман или, если похоронить его не успели, где находится его тело.

Поручение товарища Венцлава было несложным. Квартира генерала Ирмана оказалась пустой и разграбленной, но соседи рассказали Косухину, что генерал действительно скончался и похоронен на Преображенском кладбище. На этом Степа не успокоился, побывав на кладбище и найдя в церковной книге соответствующую запись. Перепуганный сторож показал ему и занесенную снегом могилу генерала. Оставалось все это доложить товарищу Венцлаву. Косухин внимательно осмотрел и генеральскую квартиру, но ничего важного там не обнаружил. Единственным его трофеем была пятнистая генеральская кошка, кото-

рую приютили соседи. Невзирая на протесты, Степа конфисковал зверька, на которого имел свои виды.

Перед тем как возвращаться к товарищу Венцлаву, Степа забежал на Троицкую. На стук долго не открывали, и Косухин начал уже волноваться, когда наконец послышались легкие шаги и дверь отворилась.

Девушка была в прежнем нелепом платье и малиновой ша-ли. Станные неподвижные глаза смотрели на гостя с испугом и недоверием.

— Эта... здравствуйте, барышня... — смущенно проговорил Степа. — Я кошку вам принес. Вот...

Кошка, почувствовав, что разговор идет о ней, выглянула из-за ворота Степиного полушубка и замяукала.

— О! — воскликнула девушка, переходя от испуга к неопи-суемой радости. — Это вы, мой рыцарь из «чека»? Вы нашли моего Шера! О, как жаль, у меня нет розы, чтобы подарить вам!..

— Да чего там... — Степе стало неловко. — Берите...

Девушка осторожно взяла кошку, легко подула на пушистый мех и восторженно погладила мяукающий подарок.

— Я сегодня устрою бал, — шепотом сообщила она. — Мы будем танцевать большой вальс!

— Еда-то у вас есть? — поинтересовался практичный Косухин. — Этак с голоду дойдете!

— Мне не нужно еды, — еще тише проговорила больная. — Мне хватает лунного света...

— Ладно, — вздохнул Степа, сообразивший, что придется позаботиться и об этом. — Как вас зовут-то, барышня?

— Это тайна! — испуганно воскликнула она и отшатну-лась. — Вы пришли узнать эту тайну! Вы пришли меня погубить!

— Ну вот еще! — Степа совсем растерялся, между тем девуш-ка подошла совсем близко и взглянула прямо ему в глаза.

— Нет! Я вижу, вы не желаете мне зла. Я скажу вам... Меня зовут Али-Эмете. Али-Эмете...

— Степан, — представился Косухин и поспешил откланя-ться. Он понял, что бедной девушке совсем худо, если она выдума-ла себе какое-то то ли татарское, то ли вообще персидское имя.

Товарищ Венцлав выслушал Степу очень внимательно, по-хвалил и велел быть готовым к одиннадцати вечера. Косухин ни о чем не стал спрашивать, но на всякий случай проверил оружие и надел лишние теплые носки — ночи в Иркутске были беспо-щадно холодными.

В начале одиннадцатого товарищ Венцлав велел выходить. Возле тюремных ворот их ждали грузовик и несколько бойцов из местных. Ехали долго, и Степа успел разговориться с дружинни-

ками. Те оказались своими ребятами, из железнодорожных мастерских. Сперва Косухин от души изругал поганого эсеришку Федоровича, в чем его дружно поддерживали, а затем только обратил внимание, что дружинники вместо винтовок были вооружены лопатами и даже ломами. Он удивился, но ребята и сами не знали, в чем дело.

Ехали очень долго. Наконец автомобиль затормозил. Из кабины вышел товарищ Венцлав и велел строиться. Вскоре все уже стояли на ледяной, потрескивавшей от холода земле. Степа огляделся и вздрогнул — прямо перед ним были уже известные ему ворота Преображенского кладбища.

— Инструменты взяли? — поинтересовался Венцлав. — Ну, показывайте дорогу, товарищ Косухин!

Степа не стал переспрашивать и, вздохнув, повел отряд к могиле Ирмана.

— Двое к воротам, — распорядился Венцлав. — Никого не пускать!

Затем легко ткнул валенком в заснеженный надгробный холм:

— Начинайте!..

Инструмента Косухину не досталось, чему он был весьма рад — раскапывать могилы ему еще не приходилось. Он стал поближе к товарищу Венцлаву и закурил, стараясь не оглядываться на то, что происходит у него за спиной. Как ему казалось, он догадался, в чем дело — в могиле генерала могли быть спрятаны какие-то важные документы. Венцлав не курил и молчал, глядя куда-то в темноту.

— Как у вас с нервами, Степан Иванович? — внезапно спросил он.

— Это... насчет мертвецов?

Степе на мгновение стало жарко. Мертвецов он боялся с детства.

— Видали мы мертвяков... — наконец рассудил он. — Все-ких.

— Ладно, — кивнул Венцлав и, повернувшись к дружинникам, велел: — Поскорее, товарищи! Мы должны успеть до полуночи.

«Почему до полуночи?» — удивился Степа, но смолчал.

Закаменелая земля поддавалась с трудом, но дружинники были парнями крепкими, к тому же работали, меняясь, в две смены. Вскоре лопата глухо ударилась о крышку гроба.

— Без четверти двенадцать, — взглянул Венцлав на часы. — Вытаскивайте и уходите! Быстрее!

Через несколько минут тяжелый дубовый гроб уже стоял около разрытой могилы. Дружинники, боязливо оглядываясь, заспешили к воротам.

— Ждите в машине! — крикнул им вслед Венцлав и кивнул

Косухину. Степа сглотнул внезапно подступившую слюну и по-дошел ближе.

— Берите лом, — приказал Венцлав. — Крышку долой! Спешите, скоро полночь...

Степа выругал себя за трусость и склонность к мелкобуржуазным предрассудкам и попытался поддеть ломом покрытую бронзовыми украшениями крышку. Дерево не поддавалось. Степа озлился всерьез, ударил ломом что есть силы и увидел, что между крышкой и нижней частью гроба образовалась щель. Остальное было нетрудным — через пару минут отодранная крышка лежала рядом.

Мороз сохранил покойного — суровое лицо Ирмана казалось живым.

— Полночь! — Голос Венцлава прозвучал неожиданно громко, и Степа вздрогнул. — Степан Иванович, станьте рядом и молчите, что бы ни случилось. Молчите и слушайте...

Степа, ничего не понимая, встал поблизости от гроба. Он думал, что товарищ Венцлав собирается обыскать последнее жилище генерала, но Венцлав внезапно простер над гробом руки, плавно провел ими по воздуху и наконец замер, держа ладони над лицом мертвеца. Послышались странные слова — Венцлав читал нараспев что-то напоминающее то ли церковную службу, то ли (что было совсем дико) колыбельную песню. Это продолжалось минуты три, как вдруг Венцлав громко крикнул: «Встань!» — и взмахнул правой рукой.

И тут же Степа почувствовал, что земля начинает уходить из-под ног. Мертвое лицо Ирмана дернулось, задрожали ресницы, и генерал открыл глаза. Но самое страшное лишь начиналось — Венцлав неторопливо двинул рукой, и мертвец начал приподниматься. Минута — и он уже сидел в своем гробу. Белые застывшие губы шевельнулись, и Косухин услышал низкий хриплый голос:

— Зачем... ты звал меня?

— Ответь на вопрос — и я тебя отпущу. — Венцлав наклонился почти к самому лицу мертвеца. — Что такое «Рцы мыслете покой»?

— Это пароль операции «Владимир Мономах». — Мертвый голос звучал ровно и без всякого выражения.

— Кто должен руководить ею после твоей смерти?

— Полковник Лебедев. Но дать приказ может лишь Руководитель Проекта...

— Что такое «Владимир Мономах»?

Несколько секунд мертвец молчал. Сжавшийся в комок Степа вдруг заметил, что в глазах Ирмана мелькнуло нечто осмысленное. Через мгновение он понял — это была страшная, неведомая живым боль.

«Господи, нельзя же так!» — вдруг подумал Косухин. Он давно уже не поминал Творца, считая себя убежденным атеистом, но этот ужас никак не укладывался в столь родное ему учение Маркса и Энгельса.

— Что ты знаешь о «Владимире Мономахе»? — Венцлав резко ударил мертвеца по лицу.

— Господи! — прошептал Косухин. — Прекрати это, Господи! И, сам не понимая, что делает, быстро перекрестился.

В ту же секунду глаза мертвого Ирмана широко раскрылись, в них вспыхнул гнев — и над гробом неторопливо поднялись огромные скрюченные руки.

— Назад! — крикнул Венцлав, но мертвец уже схватил его за горло. Мертвый рот раскрылся, послышалось хриплое рычание. Венцлав пытался сбросить вцепившиеся в него ручищи, но мертвый генерал уже встал, глаза горели красным огнем, черная борода зашевелилась...

— Косухин!.. — прохрипел командир 305-го. Степа опомнился, схватил лом и, зажмурившись, ударил по мертвому лицу Ирмана. Затем ударил еще и еще — пока наконец не услышал чуть придушенный голос товарища Венцлава:

— Хватит, Степан Иванович... Спасибо.

Тело генерала почти вывалилось из гроба. Лицо, куда пришли удары лома, уже ничем не напоминало лик человека.

— Позовите тех, — кивнул Венцлав в сторону ворот. — Пусть закопают... Что, хорош, а?

— Они... все так могут? — шепотом поинтересовался Степа.

— К счастью, нет, — коротко рассмеялся товарищ Венцлав. — Как видите, допрос мертвого свидетеля — вещь достаточно опасная. Но кое-что мы все-таки узнали. Как фамилия того полковника, запомнили?

— Лебедев, — тихо проговорил Степа, чувствуя, что видит какой-то жуткий бесконечный сон. — Полковник Лебедев...

ГЛАВА 3

ПОЛКОВНИК ЛЕБЕДЕВ

О том, что генерал Ирман мертв, Арцеулов узнал почти сразу, еще на иркутском вокзале, куда доставил его чешский эшелон. Было утро 8 января, по-прежнему светило холодное, подернутое белесой дымкой солнце, а мороз окончательно сорвался с привязи — даже днем ртуть зашкаливала за минус тридцать.

Вокзал, занятый legionерами, был полон беженцев. Чехи пускали отнюдь не каждого, в результате чего залы ожидания

оказались забыты офицерами, генералами и высшими чиновниками министерств; в одном из вагонов удобно устроились несколько министров уже канувшего в вечность правительства Верховного. Публика шумела, осаждала буфеты и вела бесконечные переговоры с командованием легиона о вывозе их из иркутской ловушки. Среди этого Вавилона Ростислав довольно быстро повстречал нескольких сослуживцев, которые познакомили его с бывшим адъютантом Ирмана. Молодой штабс-капитан подробно рассказал Арцеулову о смерти и похоронах генерала. Увы, эти сведения ничем не могли помочь, и Ростислав осведомился о полковнике Лебедеве. Адъютант вспомнил, что такой полковник имел какое-то отношение к авиации и несколько раз бывал у Ирмана, но ни в военном министерстве, ни в иркутском гарнизоне вроде бы не числился.

Арцеулов понял, что на вокзале ему делать больше нечего. Оставалось дожидаться ночи и выбираться в город. Адъютант Ирмана, с которым он поделился этой мыслью, поглядел на Ростислава как на ненормального, посоветовав хотя бы избавиться от столь приметного черного полушубка. Арцеулов, однако, рассудил, что первый же патруль заберет его в любом случае — хоть в форме черного гусара, хоть в обыкновенной шинели. Приходилось надеяться на ночь, оружие и собственную реакцию.

Куда более сложным был вопрос о маршруте. Помог все тот же адъютант, начертавший на папиросной коробке целый план, дабы Арцеулов сообразил, куда и как добираться. За этим занятием время прошло быстро. Выглянув в окно зала ожидания, Ростислав понял, что короткий зимний день движется к концу. Подойдя к выходу на привокзальную площадь, Арцеулов закурил и стал наблюдать.

Прямо за линией чешского караула толпилась разнообразная штатская публика, большей частью с узлами и чемоданами. Эти были не опасны, но чуть дальше он заметил несколько вооруженных групп, перекрывавших все уходящие от привокзальной площади улицы. Итак, прямой путь был закрыт. Оставалась еще одна возможность — попытаться обойти посты со стороны железнодорожных путей, но там могли стоять свои посты, кроме того, станция надежно охранялась легионерами...

— Проблемы, брат-вояк?

Знакомый чех в зеленой шинели стоял рядом, с доброжелательной усмешкой глядя на Арцеулова.

— Добрый вечер, подпоручик! — Ростислав поневоле обрадовался знакомому лицу. — Извините, не успел поблагодарить...

— Не за что, — весело, хотя и как-то странно улыбнулся чех. — Я ведь твой должник, брат-вояк...

— Должник? Не припомню, — растерялся Арцеулов.

— А это и неважно. — Чех извлек откуда-то из кармана

странную разноцветную повязку. — Надевай. И не забудь снять погоны.

Ростислав подчинился. Подпоручик внимательно оглядел его, велел снять кокарду и наконец кивнул:

— Так сейчас многие носят. Можем идти...

Арцеулов не стал спорить. Он уже понял — странный чех знает, что нужно делать.

Они прошли через последний легионерский пост и оказались на площади. Подпоручик уверенно кивнул в сторону ближайшего караула.

— У меня нет документов. — Арцеулов на всякий случай расстегнул крючок полушубка, чтобы быстрее дотянуться до оружия.

— Не беда, брат-войак, — усмехнулся подпоручик. — Обойдемся...

Караул состоял из нескольких солдат и офицера — без погон, зато с уже знакомыми повязками. Капитан ожидал окрика и приказа остановиться, но, к его удивлению, офицер лишь козырнул, приказав пропустить Арцеулова и его спутника. Оказавшись за линией постов, Ростислав перевел дух и попытался первым делом содрать не нравившуюся ему повязку — носить вражеские знаки различия было неприятно.

— Не надо, брат-войак, — посоветовал легионер. — Пригодится... Ну, прощай!..

Он козырнул двумя пальцами и, прежде чем удивленный капитан успел опомниться, свернул в ближайший темный переулок.

«Ну и ну, — только и подумал Ростислав, медленно шагая по пустынной улице. — Неужели этого чеха приставил ко мне Верховный? Или?...» Вспомнились слова, слышанные во сне: «Тебе поможет тот, кому ты уже помог, но забыл об этом...» Ростислав стал честно вспоминать, но ничего подходящего в голову не приходило. Чехов он не любил с самого начала и ни разу вместе с ними не воевал.

Впереди была целая ночь, ну а утром... О том, что произойдет утром, когда скрывается будет негде, думать не хотелось. Арцеулов перебрался через Ангару и не спеша двинулся по неизвестной ему улице, прикидывая, что можно придумать в его положении. Будь дело летом, он легко нашел бы себе убежище где-нибудь на чердаке, но в такой мороз это грозило верной гибелью. Можно было, конечно, постучаться в первую же попавшуюся квартиру, но в таком случае он подвергнет опасности не только себя, но и ни в чем не повинных людей...

Внезапно где-то вдали Ростислав уловил громкие мужские

голоса, затем послышались крик и мощная ругань. Арцеулов выхватил «наган», огляделся и нырнул в темную подворотню. Ругань стихла, но голоса продолжали о чем-то громко спорить. Затем спор прекратился, и вдалеке послышались тяжелые шаги. Те, что выясняли отношения, приближались. Капитан прижался к стене, стараясь не обращать внимания на нечеловеческий холод. «Сейчас согреюсь», — решил он. И не ошибся.

Это, как и ожидал Арцеулов, был патруль. Четверо, вооруженные винтовками, вели пятого — высокого, в оборванной, местами прожженной офицерской шинели. «Свой», — понял Ростислав, внимательно приглядываясь к конвоирам. Трое были обыкновенными увальнями-пролетариями. Винтовки они держали настолько нелепо, что капитан даже скривился от презрения. А вот четвертый — он шел последним — его поневоле заинтересовал: маленький, почти квадратный, с могучим торсом и ручищами, почти касавшимися земли. В отличие от всех остальных, одетых в старые шинели явно с чужого плеча, на коротышке-колобке было ладно сшитое кожаное пальто на меху, подпоясанное ремнем с кобурой.

«А это, стало быть, главный», — рассудил Арцеулов, неслышно расстегивая крючки полушубка. Вопрос о том, вмешиваться или нет, естественно, не стоял. Речь шла лишь о наиболее эффективном методе действия...

Ростислав пропустил караульных немного вперед, подождал, покуда один из дружинников поравняется с ним, и, резко выдохнув воздух, прыгнул. Сознание не вмешивалось — дело было несложным, все происходило как бы само собой. Конвоир все же успел услышать какой-то шум и начал поворачивать голову. Подбородок чуть приподнялся — и ладонь Арцеулова рубанула в узкий промежуток. Покуда дружинник с хрипом оседал на землю, его винтовка уже оказалась в руках у Ростислава. Удар штыка пришелся в бок одному из шедших впереди. Тот вскрикнул, и в тот же момент третий конвоир успел-таки обернуться и броситься на капитана.

Это было уже опаснее, поскольку сзади оставался коротышка, но враг, к счастью, оказался новичком в штыковом бою. Арцеулов усмехнулся, легко парируя неумелый удар, резким выпадом всадил штык прямо в сердце — и тут же развернулся. Вовремя! В руках коротышки уже подпрыгивал «наган».

Стрелять не хотелось — на шум могла прибежать подмога, поэтому Ростислав ударил от плеча, попав прикладом колобку в кожанке прямо в зубы. Тот не упал, а не торопясь, даже с некоторым достоинством, сел в сугроб, не выпуская оружия. Арцеулов добавил ему прикладом по физиономии, легко выбив револьвер, и в довершение пнул краснопузого сапогом, отчего тот бухнулся на бок и зарылся в сугроб.

Арцеулов поднял «наган» коlobка и быстро огляделся.

— Уходим! — кивнул он офицеру, неподвижно простоявшему всю схватку. Тот дернул руками, и Ростислав сообразил, что пленный крепко связан. Нож был далеко, поэтому капитан схватил бедолагу за плечо и потащил в переулоч.

— Бежать можете? — шепнул он, прислушиваясь. Вокруг было тихо, и капитан понадеялся, что несколько лишних минут у них имеется.

— Могу, — хрипло ответил офицер. — Вот только руки...

— Черт! — Арцеулов наконец извлек нож, который он носил по давней фронтовой привычке на левом боку, и одним ударом рассек веревки.

— Держите! — Трофейный револьвер был передан освобожденному, и через секунду оба уже бежали вдоль темных домов. Но вскоре Арцеулов понял, что надо передохнуть — ледяной воздух резал горло, не давая перевести дыхание.

— Уф! — выдохнул офицер в оборванной шинели, как только они остановились. — Премного вам благодарен, сударь! Впрочем, какие тут слова, за жизнь не отблагодаришь. Я подполковник Рыбников...

— Капитан Арцеулов, — представился Ростислав, оглядывая спасенного. Рыбников был небрит, на лице красовался огромный синяк, а под левым ухом кровоточил большой порез.

— Изукрасили, — кивнул тот. — Вышел в город... Сдуру, конечно. Хотел к сестре заглянуть, вот и нарвался... Вы того клопа жирного прикончили?

Арцеулов понял, что речь идет о гноме в кожаном пальто.

— По-моему, нет. Я его прикладом...

— Эх, зря! — огорчился подполковник. — Это же господин Чудов, глава здешних большевичков. Его весь Иркутск, гниду, знает!..

— Отложим до следующего раза, — рассудил Ростислав, на которого товарищ Чудов не произвел особого впечатления. — И куда теперь, господин подполковник? Я, признаться, в Иркутске второй раз в жизни.

— Пошли. — Рыбников осмотрелся, а затем решительно зашагал куда-то в узкий проход между домами. — Раньше ночью можно было выходить, а сейчас — как озверели. Говорят, ищут какого-то полковника Лебедева. Такой шум подняли! Можно подумать, что этот полковник им дороже золотого запаса...

— А что за полковник такой? — самым равнодушным тоном поинтересовался Арцеулов, чувствуя, что большевики взялись за дело серьезно.

— А Бог весть! Фамилия самая обычная. Говорят, он из отделе генерала Ирмана, но там никакого Лебедева, насколько я помню, не было...

Между тем они добрались до окраины. Осмотревшись среди небольших одноэтажных хибар, подполковник уверенно указал на крайнюю. Войдя через калитку, поднялись на старое, заскрипевшее под их шагами крыльцо. Капитан постучал три раза, затем подождал и вновь постучал, на этот раз дважды.

— Явка. — Арцеулову эти предосторожности показались почему-то смешными и несерьезными.

— Приходится, — понял его Рыбников. — Главное, чтоб соседи не выдали. Тут бы дней пять отсидеться, а потом...

Что будет потом, пояснить он не успел. Дверь приоткрылась, и оба нырнули внутрь. Их окружила темнота. Где-то рядом слышались тихие голоса.

— Это я, господа, — негромко проговорил подполковник. — Со мною капитан Арцеулов...

Внезапно вспыхнул свет — кто-то зажег керосиновую лампу.

— Что у вас с лицом? — поинтересовались из темного угла. — Что случилось?

— Сплошной форс-мажор! — скривился Рыбников. — Угодил к краснопузым. Спасибо капитану — отбил.

— А вы его знаете, этого капитана? — продолжал интересоваться кто-то невидимый. Арцеулов вздохнул и протянул вперед офицерскую книжку.

— Да полно, господа! — запротестовал Рыбников. — Господин Арцеулов на моих глазах четверых краснопузых порешил...

— Троих, — поправил капитан. — Надеюсь, как вступительный взнос сойдет?

— Проходите, господин Арцеулов. — Чья-то рука вернула ему документ. — Так вы из поезда Верховного? Повезло же вам, что вырвались. Слыхали? Проклятые чехи хотят выдать адмирала Политцентру!..

— Не слыхал, — вздохнул капитан. — Но можно было догадаться. Вот сволочи!..

Они прошли по коридору, затем перед глазами мелькнула лестница, ведущая в подпол. Ему посветили фонарем, и Ростислав спустился по неудобной скрипящей лестнице в глубокий подвал. Вспыхнул огонек керосиновой лампы.

Арцеулов огляделся. В подвале, где в более спокойные годы какой-то зажиточный иркутянин хранил припасы, собралось не менее десятка офицеров. Кое-кто в форме, но большинство попали сюда уже в штатском. Впрочем, маскарад был достаточно нелеп и едва ли мог обмануть даже самых наивных патрульных. Слабый свет ламп бросал странные густые тени, скрывавшие лица, и в первый момент Ростиславу показалось, что он не видит тут ни одного знакомого.

— Прошу любить и жаловать — капитан Арцеулов, — представил его Рыбников, спускавшийся последним и аккуратно закрыв-

ший люк, ведущий наверх. — Мой спаситель и отныне смертный враг антихриста Чудова, коего он отделал в лучшем виде...

— Поздравляем! — откликнулся кто-то. — Только лучше бы вы его, капитан, сразу уложили, без мучений... Клоп краснопузый!..

Кажется, кличка «клоп» уже успела прочно прилипнуть к Прову Самсоновичу.

— Господа, что случилось? — послышался сонный голос, показавшийся Ростиславу очень знакомым. — Надеюсь, не красные?

— А вы и красных проспите, Ревяко, — ответили борцу с Морфеем.

Арцеулов всмотрелся и в неровном свете ламп с радостью заметил офицера, поднимавшегося с рваного, набитого соломой матраца.

— Господин подполковник! — окликнул он. Ревяко секунду всматривался, затем ахнул и полез обниматься.

— Вижу, вижу, живы! — удовлетворенно вещал он. — А я уж и не надеялся. Думал, решили погибнуть героем!

— А я думал, вы уже в Чите, — заметил Арцеулов, решив не препираться с излишне жизнелюбивым офицером.

— Чехи, сволочи! — скривился тот. — Довезли до Иркутска — и взашей. Хорошо еще, что этим... эсеришкам не выдали. Ну, теперь с вами, капитан, мы точно выберемся!..

— Выберемся, — согласился кто-то. — Вот пусть Каппель чуток поднажмет, тогда мы им покажем мировую революцию! А пока рано. Если они из-за одного Лебедева готовы весь город перевернуть...

— Господа, да кто такой этот Лебедев? — самым невинным тоном, полагавшимся, на его взгляд, новичку, спросил Ростислав.

— А это фантом, — охотно откликнулся Ревяко. — Призрак...

— Я знаю троих Лебедевых в военном министерстве, — заметил кто-то. — Один, правда, генерал... Но никто из них не работал с Ирманом.

— Я же говорю — фантом, — удовлетворенно констатировал Ревяко, вновь устраиваясь на матраце.

— Ни черта большевики не найдут! — вдруг заговорил офицер, до этого не принимавший участия в разговоре. — Лебедев — псевдоним. У Ирмана в отделе в самом деле был один полковник, который проходил во всех документах под этой фамилией.

— Зачем? — поразился кто-то. — Этакая конспирация!

— Как видите, смысл есть. Лебедев — будем называть его так — занимался чем-то очень секретным. По-моему, он летчик, хотя, признаться, не уверен...

— Да ну какие у нас секреты? — засомневался один из офицеров, и беседа перешла на другие темы.

Покуда присутствующие разбирались на четверки, чтобы играть в преферанс — занятие, от которого их оторвал приход неожиданных гостей, — Арцеулов подсел к Ревяко.

— Простите, господин подполковник, — начал он, решив выяснить мучивший его все эти дни вопрос. — Вы, когда уходили, ничего не забыли в купе?

— Забыл, — охотно кивнул тот. — Вас забыл, Ростислав. Виновюсь, проявил себя как последняя свинья...

— Бросьте! Я о другом...

И Арцеулов как бы невзначай поднес к свету руку с тускло блеснувшим перстнем.

— Красивая вещь, — уважительно заметил подполковник. — Старинная!

— Так это не ваш?

— Нет, — с сожалением покачал головой Ревяко. — А что, вы его где-нибудь нашли? Значит, повезло, ваш будет...

— Значит, мой... — согласился Ростислав. Наиболее логичная и простая версия рухнула. Правда, то, что перстень не надо отдавать, Арцеулову было по душе. «Никогда не снимай...»

Под утро преферансисты, закончив баталии, стали укладываться. Как понял Ростислав, днем офицеры спали, выставя дозорных. Дом принадлежал какому-то старику, родственнику одного из прятавшихся, но приходилось быть настороже.

Когда все заснули, Ростислав подсел поближе к офицеру, который обнаружил такие глубокие знания о таинственном Лебедеве.

— Что? — встрепнулся тот. — А, новенький? Не спится?

— Не спится, — кивнул Арцеулов. — Господин...

— Штабс-капитан, — подсказал офицер. — Штабс-капитан Мережко.

— Господин Мережко, мне нужно встретиться с полковником Лебедевым.

— Вы что, из ЧК? — неясно в шутку или всерьез предположил Мережко.

— А вы что, не узнали? — обиделся Ростислав. — Я Феликс Дзержинский, только бороду сбрил. Читайте!

И он достал приказ, полученный от Верховного. Мережко подвинулся поближе к неяркому свету лампы.

— Кто вам назвал фамилию Лебедева? — наконец спросил он. — Только говорите тише...

Ростислав молча указал на подпись адмирала.

— Ничего не могу обещать. Скажу сразу: к этому делу не имею прямого отношения. Но попытаюсь...

Проснувшись, Ростислав с удивлением обнаружил, что проспал весь день — публика уже шевелилась, собираясь на ночные вылазки. Арцеулов искал Мережко, но того уже не было. Как выяснилось, штабс-капитан ушел сразу же после наступления темноты. Оставалось ждать.

Мережко появился под утро и сразу же направился к Ростиславу. В руке его белело что-то похожее на листовку.

— А вы, капитан, оказывается, известная особа, — заявил он вместо приветствия, протягивая какую-то мятую бумагу. Ростислав пробрался поближе к свету и обомлел.

Листовка извещала о розыске опасного врага мировой революции, убийцы и садиста капитана Арцеулова. Давались подробные приметы, причем упоминался все тот же черный полушубок. Там же был и портрет — рисунок от руки, но весьма сходный с оригиналом.

— Как раз развешивали, — сообщил Мережко собравшимся вокруг него офицерам. — Видать, месье Чудов не простил рукоприкладства...

«Как же это? — мелькнуло в голове Ростислава. — Приметы, фамилия... Даже портрет!»

— Да, вы у нас герой! — резюмировал непробиваемый Ревяко. — На вашем месте, Ростислав, я бы стал срочно отращивать бороду. Переоделся бы в татарина или в буддийского ламу...

Офицеры живо принялись обсуждать весьма актуальный вопрос об изменении собственной внешности. Тем временем Мережко отвел Арцеулова в сторону.

— Я договорился, — шепнул он. — Вас ждут.

— Когда? — радостно выдохнул Ростислав, уже не надеявшийся на удачу.

— Лучше всего сегодня. Правда, эта наглядная агитация...

Арцеулов лишь махнул рукой. В эти дни на улицах Иркутска офицера могли арестовать и без всякого объявления.

Они выбрались из убежища и долго плутали между небольшими домиками. Затем штабс-капитан, осмотревшись, осторожно постучал в темное окошко одного из ничем не примечательных зданий. На стук появился человек в большой извозничьей дохе. Узнав Мережко, он кивнул, а тот, в свою очередь, указал на Арцеулова. Вслед за этим штабс-капитан так же безмолвно распрощался и отбыл восвояси.

Человек в дохе минуту постоял, о чем-то раздумывая, а затем кивнул Ростиславу, предлагая следовать за ним. На этот раз шли долго. Пару раз приходилось сворачивать во дворы, чтобы спрятаться от патрулей. Маленькие домики стали сменяться более солидными строениями, и Арцеулов понял, что они подходят к центру. Возле одного дома — большого, двухэтажного, с высо-

ким забором — спутник капитана остановился, затем быстро прошел во двор и, взбежав на крыльцо, постучал.

Минуты через две им открыли. В сенях было совершенно темно. Кто-то (похоже, все тот же человек в дохе) помог Ростиславу снять полушубок и шапку, после чего легко подтолкнул в спину. Арцеулов отворил дверь и на секунду зажмурился — после темноты даже неяркий свет керосиновой лампы на мгновение ослепил.

— Присаживайтесь, господин Арцеулов, — услышал он чей-то сильный спокойный голос. Капитан сел на старый покрытый искусной резьбой стул и только тогда начал осматриваться.

Это была обычная комната, какие Ростислав видел в зажиточных сибирских домах. Иконы в красном углу, мебель из темного дерева, пол, устланный светлым ковром... Все это он замечал проходя — куда больше Арцеулова интересовал тот, кто стоял перед ним.

Человек был в штатском. Точнее, на нем не было военной формы, но, присмотревшись, Ростислав сообразил, что темная кожанка, перетянутая ремнем, — это неоднократно виденная им одежда авиаторов. Тот, кто носил куртку, был высок, по виду очень силен, хотя лицо имел скорее добродушное, незлое. На левой щеке темнели следы швов — последствия давней травмы.

— Я полковник Лебедев. — Человек в авиационной куртке, достав удостоверение личности, показал его Ростиславу. Тот мельком взглянул, затем вернул владельцу и вскочил, щелкнув каблуками:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! Разрешите представиться: капитан Арцеулов!

— Знакомьтесь: поручик Казим-бек.

Арцеулов обернулся. Казим-бек уже успел снять доху, оказавшись худым черноволосым парнем в такой же авиационной куртке. Пожимая капитану руку, он дружески улыбнулся.

— Мы нарушили все правила конспирации, — продолжал полковник. — Красные откуда-то узнали пароль. И почему-то очень заинтересовались моей скромной персоной.

— Я понимаю, — заспешил Арцеулов. — Вот письмом...

— Я же говорю, мы нарушаем все правила конспирации, — покачал головой Лебедев. — Вы, господин капитан, тоже. С чего вы, например, решили, что я тот, кого вы ищете, а не подсадная утка господ из ЧК?

Капитан замер, рука с письмом дрогнула.

— Давайте так. В послании будет, очевидно, только пароль. Зато в устном послании речь пойдет о программе «Владимир Мономах». Ну, а чтобы совсем точно — там будет упомянуто о Руководителе Проекта... Достаточно?

— Так точно. — Арцеулов облегченно перевел дух. — Прошу вас, ваше высокоблагородие...

— Меня зовут Николай Иванович, — улыбнулся полковник, читая письмо. — Этак, по-моему, проще...

— Ростислав Александрович, — представился Арцеулов.

— А меня Георгий... Просто Георгий, — добавил Казим-бек.

— С этим ясно, — резюмировал Лебедев. — «Рцы мыслете покой». Наконец-то... Ну-с, слушаем вас, Ростислав Александрович.

— Верховный велел передать... — Арцеулов напрягся, стараясь вспомнить приказ адмирала слово в слово. — Приказано завершить проект «Владимир Мономах». Руководитель Проекта прибудет к двадцатому января. Если проект постигнет неудача, если Руководитель не прибудет к двадцатому или появится опасность захвата объекта, приказано все уничтожить...

— Поняли, Георгий? — вздохнул Лебедев. — Тянули до последнего момента, и вот теперь извольте видеть! Все связи были у Ирмана, я уже не говорю о том, что из города не выбраться...

— Господа, — вмешался Арцеулов, — поскольку я прислан сюда, считайте меня в своем распоряжении.

— Ваши портреты, господин Арцеулов, висят на каждом столбе, — покачал головой Лебедев.

— Ночью все кошки серы, — махнул рукой капитан. — Прорвусь!

— Ежели так, слушайте. — Полковник встал и принялся неторопливо прохаживаться из угла в угол. — Наша задача — собрать группу специалистов и вывести ее в... некий район. Оттуда мы добираемся... известным мне образом... на искомый объект, где ждем Руководителя Проекта...

— Тогда я схожу за профессором, — перебил его Казим-бек. — До рассвета еще часа два...

— Хорошо, — кивнул полковник. — Не будем терять времени. Капитан, улицу Троицкую знаете?

Арцеулов смущенно развел руками.

— Я покажу, — предложил Казим-бек, — нам по дороге.

— Там живут двое из нашей группы, — продолжал Лебедев. — Их фамилии Берг и Богораз. Запомнили?

— Запомнил, — кивнул Арцеулов. — Как они выглядят?

— Понятия не имею. Их опекал Ирман. Хорошо, что он дал мне на всякий случай адрес... Берг — известный физик, его инициалы — «Н. Ф.». Назовете пароль — «Рцы»... и так далее. Не будут верить — добавьте о «Владимире Мономахе». Ведите их сюда, и желательно побыстрее, пока не рассветло...

— Разрешите идти? — Арцеулов встал.

— Да. И смените полушубок. Георгий, найдите что-нибудь не такое экзотическое...

Через несколько минут Арцеулов и Казим-бек шли по улице. На Ростиславе было обыкновенное штатское пальто, почти не гревшее на безжалостном январском морозе.

— Троицкая, — шепнул Казим-бек, указывая на долгий ряд богатых домов, проступавший сквозь предрассветную серость. — Ваш — третий от угла, второй этаж по лестнице. Ну, с Богом, а то мне еще за профессором бежать...

Арцеулов осторожно подобрался к нужному дому и осмотрелся. Окна второго этажа были темными, но внезапно за одной из занавесок мелькнул лучик света. Все это выглядело весьма подозрительно, но отступать не хотелось. Ростислав достал «наган», расстегнул сумку с гранатами и стал осторожно подниматься по скрипящей лестнице.

Ему открыли почти сразу. Арцеулов шагнул в переднюю и тут же почувствовал, как что-то мягкое коснулось ноги. Ростислав усмехнулся — кошка...

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — негромко окликнул он, удивляясь, куда делся тот, кто открыл дверь.

— Ваши пальцы пахнут ладаном, на устах у вас вуаль...

Арцеулов замер — его встречали стихами. Пораженный, он вошел в большую, освещенную керосиновой лампой комнату и удивился еще больше. Прямо перед ним стояла невысокая девушка в длинном, волочившемся по полу платье. Голову украшало нечто вроде чалмы из роскошной шали.

— Добрый вечер... или уже утро, сударыня, — вконец растерялся Ростислав. — Извините, кажется, помешал...

— Это было у моря, где лазурная пена... — шептала девушка, глядя на Ростислава широко открытыми безумными глазами, — где встречается редко городской экипаж...

— О Господи! — вздохнул капитан. Перед ним была, без сомнения, душевнобольная.

— Простите, сударыня... — вновь начал он, но тут лицо девушки исказилось страхом, она сжала руки и стала медленно отступать к стене:

— Вы... вы пришли забрать моего кота. Я знаю! Вы хотите забрать Шера... О, как это жестоко!

— Да не возьму я вашего кота! — вздохнул Арцеулов. — Сударыня, мне нужен господин Берг. Понимаете? Господин Берг!

— Нет-нет. — В ее глазах горел огонек страха. — Здесь нет никого, только я и Шер...

— Мне нужно кое-что передать господину Бергу! — в отчаянии воскликнул Арцеулов, чувствуя, что первое порученное ему дело срывается самым нелепым образом. — Господину Бергу или господину Богоразу...

— Передайте Шеру, — посоветовала девушка. — Он такой умный...

Кот, сообразив, что речь идет о нем, вновь потерял сапоги Ростислава.

— Эх, Шер! — Капитан, наклонившись, погладил пушистую спинку. — Ну что тебе передать? Рцы, мыслете... Послушайте, сударыня!..

Он поднял голову, но девушки в комнате уже не было. Удивленный Ростислав пожал плечами, осторожно отодвинул штору и выглянул на улицу.

— Опустите штору и повернитесь! — Голос прозвучал так неожиданно, что Арцеулов даже не сразу его узнал. Обернувшись, он поразился еще больше. Перед ним стояла та же девушка, но уже не в прежнем нелепом наряде. На ней было аккуратное черное платье, волосы собраны в густую косу, а на носу сверкали стеклышками маленькие очки. В довершение метаморфозы любительница кошек держала в руке револьвер системы «бульдог».

— Договорите пароль до конца.

— «Рцы мыслете покой». Программа «Владимир Мономах»...

— От кого вы? — продолжала девушка, не убирая оружия.

— От полковника Лебедева...

— Где генерал Ирман? — Револьвер по-прежнему смотрел прямо на капитана.

— Умер. Я и сам мало что знаю. Мне приказали найти господ Богораза и Берга...

— Я — Берг, — усмехнулась девушка, убирая оружие. — Наталья Федоровна Берг.

— Арцеулов... Ростислав, — представился все еще не пришедший в себя капитан. — Мне говорили, что господин Берг — известный физик...

— Это мой дядя. Но я тоже известный физик. — Девушка, вздохнув, оглядела пустую комнату. — Дядя уже год как во Франции...

— Надо идти, — опомнился Арцеулов. — Кота берете?

— Это кошка, — вновь усмехнулась Берг. — Подарок из ВЧК...

— Здесь были чекисты?

— Да. К сожалению, они забрали Семена Богораза...

Наталья была уже готова. Все ее вещи уместились в небольшой, весьма тяжелый саквояж.

— Кота... то есть кошку будете брать? — поинтересовался Ростислав.

— Обязательно. — Девушка поймала зверька и бережно укутала шарфом. — Не исключено, что этой мяукающей чекистке

предстоит весьма дальнее путешествие. Если, конечно, мы освободим Семена...

— Странные вы тут все! — поневоле вырвалось у Арцеулова.

— Серьезно? — без тени иронии осведомилась Берг. — Интересно, что вы скажете, когда познакомитесь с Глебом Иннокентьевичем?

Первое, что услышал Арцеулов, войдя в квартиру, был чей-то густой сильный бас.

— Ди-ка-ри! — вещал бас. — Форменные дикари, батенька мой, да еще вдобавок умалишенные! Бед-лам!

«Профессор», — понял Ростислав и не ошибся. В комнате, кроме скромно сидевшего в углу Лебедева, он увидел высокого плотного бородача лет шестидесяти. На широком морщинистом лице вызывающе блестели небольшие очки в роговой оправе.

— Ага! — произнес он, увидев вошедших. — Наталья Федоровна! Очень, очень приятно! А кто это с вами, позвольте узнать?

— Капитан Арцеулов, — подсказал Лебедев, подмигнув Ростиславу. Тот понял — ему рекомендовали ничему не удивляться.

— Арцеулов? — Профессор наклонил огромную голову набок и внимательно всмотрелся. — Вы, простите, из нормальных или тоже из этих... идейных?

— Вероятно, из вторых, — рассудил Ростислав. — Господа, позвольте представить: Наталья Берг...

Девушка молча подала руку Лебедеву и Казим-беку и, не говоря ни слова, присела в свободное кресло.

— Представляете, Наталья Федоровна, — продолжал профессор, — эти бурбоны были уверены, что вы мужчина. Им в голову не могло прийти, что наш лучший физик-практик — барышня, да еще пресимпатичная! Не смущайтесь, не смущайтесь, сударыня, пусть смущаются эти ретрограды! А где Семен Аскольдович?

— Семен арестован, Глеб Иннокентьевич, — тихо проговорила Берг. — Меня не забрали только потому, что удалось притвориться душевнобольной...

— Какое они имеют право! — возопил бородач. — Я немедленно иду в этот, как его, Политцентр, в эту вз-че-ку!

— Вас поставят к стенке, профессор, — заметил Лебедев.

— По-ра-зи-тельно! — выдохнул Глеб Иннокентьевич. — К стенке! Лет тридцать назад мы вместе с господином Миклухо-Маклаем оказались у людоедов Малаккского берега. И, представьте, тут же сумели с ними договориться!

— Здесь вы ни с кем не договоритесь. — Арцеулов скривился. — Тут хуже, чем людоеды, — тут господа краснопузы!

— Как вы сказали, молодой человек? — Профессор развернулся всем своим мощным корпусом, в упор поглядев на капитана. — Простите, ваше имя-отчество?

— Ростислав Александрович...

— А меня зовут Глеб Иннокентьевич Семирадский, я профессор, как теперь принято выражаться, бывшего Петербургского Императорского университета, почетный доктор и прочее, к делу не относящееся... Так как вы изволили выразиться? Краснопузые?

— Они самые, — кивнул капитан. — С ними вы не договоритесь.

— Бед-лам! — взмахнул руками профессор. — Двадцать лет мы готовили проект, над ним работали лучшие умы России, и вот теперь наше богоспасаемое отечество в одночасье решило сойти с ума!

— Мы не сходили с ума, — вздохнул Арцеулов. — С ума сошли они!

— Эти ваши... краснопузые скажут о вас то же самое. Все вы боретесь за какое-то «светлое будущее» и ставите под угрозу научный проект, который способен чуток приблизить нас к этому самому светлому будущему!

— К сожалению, — кивнул Лебедев. — Наталья Федоровна, что случилось с господином Богоразом?

— К нам зашли двое офицеров, — начала девушка. — Мы же не могли оставить их на улице! И той же ночью пришли из ЧК. Я накинула теткино платье и шаль, мне подыграли... Один настолько поверил, что на следующий день принес мне кошку...

Между тем Шер, уже достаточно освоившись на новом месте, заняла позицию возле кресла, на котором сидела Наталья.

— Я выяснила, — продолжала Берг. — Семен сидит в пятнадцатой камере в третьем корпусе...

— Ненормальные! — констатировал профессор. — Будь тут папуасы или даже огнеземельцы, я пошел бы к их вождю и за полчаса договорился о чем угодно!..

— К сожалению, здесь такой вариант не подходит, — спокойно заметил Лебедев. — Какие есть иные мнения?

— А если дать на лапу? — предложил молчавший все это время Казим-бек.

— Опасно, — чуть подумав, заметила Наталья. — Нельзя привлекать к Семену внимание. Если им заинтересуются... Ведь они и так ищут господина Лебедева!

— Есть способ, — внезапно заявил Арцеулов.

— Как же, как же, — вздохнул профессор. — Будем брать тюрьму приступом?

— Нечто в этом роде, — кивнул Ростислав. — Мне будут нужны два помощника...

— Вас самого разыскивают, — покачал головой Лебедев. — Ваши портреты на каждом углу.

— На это я и рассчитываю, — усмехнулся капитан. — Стопроцентный успех обещать не могу...

— Вы не можете обещать и один процент успеха, — махнул рукой полковник. — Вас арестуют прямо на улице.

— Совершенно верно...

Он постарался изложить свой план как можно короче и четче. Арцеулова слушали внимательно, но чем дальше, тем с большей долей сомнения.

— Очень смело, — наконец сказала Берг. — Но, боюсь, не получится.

— А вы знаете, господа, — внезапно заявил профессор, — при всем дилетантизме... кое-что может выйти. Но с некоторыми поправками. А именно...

ГЛАВА 4

НЕПУСКАЮЩАЯ СТЕНА

Голова Прова Самсоновича Чудова, плотно обмотанная бинтами, издавала походила на тыкву, вдобавок повязки глушили голос, и вместо могучего баса слышалось нечто весьма невнятное. В довершение всех бед один удар пришелся аккурат пониже пояса, и теперь Прову Самсоновичу приходилось сидеть, несколько накренившись. Впрочем, эти обстоятельства не сбавили пыла вождя иркутских большевиков. Сквозь бинты то и дело слышалось: «Контра! Искоренить! Каленым железом!»

Степа Косухин, заглянувший в знакомый кабинет, был несколько смущен зрелищем израненного большевика. Товарищ Венцлав, пристроившийся в углу и что-то черкавший в записной книжке, напротив, казался совершенно невозмутимым.

— Найду контру! — в очередной раз донеслось из-под бинтов. — Изничтожу!

— Значит, там был один человек? — поинтересовался товарищ Венцлав, не поднимая глаз от блокнота.

— Ну... один, — без всякого энтузиазма подтвердил Чудов.

— Приметы помните?

— А хрен его помнит! — буркнул Пров Самсонович. — Черный полушубок у него был. Не иначе из этих...

— Черных гусар, — подсказал Степа.

— Во-во... — кивнула тыква. — Да! У него перстень был на руке...

— Забавно, — прокомментировал Венцлав. — А ну-ка, товарищ Чудов, взгляните...

Он показал нечто нарисованное на листке блокнота. Пров Самсонович всмотрелся и охнул:

— Он и есть! Ну, товарищ Венцлав, и глаз у вас!..

Косухин, не выдержав, тоже взглянул. Карандаш Венцлава изобразил красивое лицо с тонкими, явно чуждыми чертами, небольшим, брезгливо сжатым ртом и чуть узковатыми глазами.

— У-у, белая кость! — вырвалось у Степы.

— Поздравляю, Пров Самсонович, — усмехнулся командир 305-го. — Вы имели честь познакомиться с капитаном Арцеуловым. С тем самым, что был послан Колчаком для связи с Ирманом.

«Операция «Владимир Мономах», — понял Степа. — Вот гад!»

— Оказывается, господин Арцеулов все-таки попал в Иркутск. Интересно, очень интересно...

— Размножить патрет! — донеслось из-под бинтов. — Размножить, розыск объявить!..

— Да-да... — кивнул Венцлав. — Степан Иванович, разрешите...

Не обращая внимания на булькающего и бубнящего Прова Самсоновича, он вывел Косухина в коридор и надежно прикрыл дверь.

— Мои люди еще не подошли. — Венцлав говорил тихо, еле слышно. — Вы можете к завтрашнему вечеру собрать десяток надежных товарищей?

— Так точно, — чуть подумав, ответил Степа. — Возьму своих, черемховцев...

— Сделаем так... Завтра, в десять вечера, вы подходите к тому месту, где на товарища Чудова напал этот белый гад. Место найдете?

Косухин кивнул.

— Не знаю, буду ли сам, но я пришлю туда собаку. Поищем след...

— Да какой там след? — удивился Степа. — Почти целый день прошел! Да и снег...

— А мы попробуем. — Товарищ Венцлав мрачно усмехнулся, и Косухину сразу же расхотелось спорить.

Весь день Степа бегал по городу, заменяя временно выбывшего из пролетарского строя товарища Чудова. Ночь прошла не лучше. Со стороны Иннокентьевской уже слышались разрывы снарядов — это наступал Каппель. Приходилось решать уйму вопросов, организовывать новые отряды из сознательных про-

летариев, которые отчего-то каждый раз оказывались недостаточно сознательными, да еще вдобавок выступать на митингах. На следующее утро, вспомнив о приказе Венцлава, Косухин поймал вечно спешившего врага революции Федоровича и договорился, что тот выделит к вечеру десяток бойцов из бывшего Степиного отряда.

Когда стемнело, Степа уже еле волочил ноги от усталости. Очень хотелось спать, но указанное время приближалось, и Косухин, дождавшись обещанной подмоги — Федорович не обманул, — двинулся туда, где белая контра напала на дорогого товарища Чудова.

Место схватки уже успело покрыться легким снежком. Вокруг была масса следов, оставленных дружинниками и просто любопытными. Косухин пожал плечами — в затею с ищейкой верилось слабо. Между тем время подходило к девяти. Бойцы отряда, не понимавшие цели этой странной экспедиции, начали перешучиваться. Степа ждал, поглядывая по сторонам, но товарища Венцлава все не было.

Внезапно послышался легкий шорох. Из темноты прямо к ногам Косухина вынырнула огромная черная собака. На ней не было ни намордника, ни ошейника, и Степа поневоле испугался. Но поздняя гостья внимательно посмотрела ему в глаза, а затем неторопливо подбежала к месту схватки. Все разговоры разом стихли.

— Видать, из породистых! — заметил один из бойцов.

— Нет такой породы, — возразил какой-то знаток.

— Видали? Глаза! Красные!

— Тише вы! — прикрикнул Степа. Собака сделала несколько кругов около места схватки, затем подняла огромную морду, как бы принюхиваясь, и вдруг завывала. Вой был долгий и какой-то странный. Степе вдруг почудилось, что он различает дикие непонятные слова...

Это заметил не он один. Кто-то из бойцов, несмотря на пролетарское происхождение, начал тайком креститься. Косухин вдруг вспомнил мертвое лицо генерала Ирмана, и пальцы его сами собой сложились в щепоть. Но он не успел поднести их ко лбу — собака взглянула на него умными злыми глазами и тихо зарычала. Рука замерла...

— Пошли отсюда, а? — предложил кто-то, но ищейка, вновь зарывав, подбежала прямо к Степе и мотнула огромной черной мордой. Косухин понял и дал команду двигаться.

Собака бежала быстро, почти не принюхиваясь. Лишь изредка она останавливалась — и то, как показалось Степе, не для того, чтобы отыскать пропавший след, а попросту поджидая не столь проворных бойцов. Странное путешествие вначале проходило в полном молчании, но затем языки постепенно развязали-

лись. Черемховцы, меряя валенками зазеленелые улицы вечернего Иркутска, начали высказывать предположения, что именно ищет непонятная псина, и давать советы не мешать ей в ее личной жизни. Но Степа, сам удивленный всем происходящим, одергивал шутников и приказывал не отставать.

Они прошли уже немало, как вдруг собака остановилась и замерла. Бойцы, окончательно пришедшие в веселое настроение, предположили, что здесь и должно состояться намеченное собачье randevu. Но странная ищейка внезапно повернула голову, блеснув огромными красными глазами, негромко зарычала, а затем неторопливо перебежала улицу к ближайшему дому и остановилась у крыльца.

Косухин почувствовал — шутки кончились. Он махнул рукой, один из бойцов неслышно пересек улицу и подобрался к крыльцу, немного подождал, а затем резко махнул рукой.

— Четверо к окнам! — распорядился Косухин. — Остальные за мной! Оружие к бою!

Они ворвались на крыльцо, вышибли легкую дверь и очутились в темной прихожей. Но дом не был пуст — из комнаты лился несильный свет лампы, слышал голос. Внезапно в проеме двери появилось чье-то испуганное лицо, тишину разорвал крик:

— Господа! Красные!

Ударили выстрелы. Двое Степиных бойцов упали на месте. Косухин озлился и, припечатав всю компанию петровским загибом, швырнул в темноту тяжелую гранату.

Взрыв самодельной бомбы, изготовленной в железнодорожных мастерских Черемхова, бросил Степу на пол. С потолка сыпалась штукатурка, громко кричал смертельно раненный офицер, но битва была выиграна. Четверо оборонявшихся легли на месте, а остальные оказались в западне — в глубоком темном погребе.

Косухин подошел к обгорелому люку, предложив выходить по одному и без оружия. В противном случае он обещал швырнуть вторую бомбу прямо в подвал. Наступило молчание, затем вновь ударил выстрел, другой, третий. Косухин взмахнул гранатой, но вдруг внизу все стихло и кто-то крикнул: «Сдаемся!»

Пленных выстроили у крыльца. Всего, не считая двоих тяжело раненных, в плен попало шестеро. Трое застрелились — это и были выстрелы, слышанные из люка.

Офицеры, пораженные неожиданностью нападения, растерянно поглядывали то на мрачного Степу, то на утрюмых черемховцев — гибель двух товарищей рассердила бойцов до последней степени. Косухин пару раз прошелся мимо неровной шерен-

ги пленных и наконец заговорил. Он напомнил белой сволочи, что они и так приговорены историей как лютые и опасные враги мирового пролетариата. Вдобавок они оказали сопротивление бойцам революции, что окончательно решает их судьбу.

Косухин выждал минуту, но ничего кроме негромкой фразы о «красной гадине» не услышал.

— В общем так, чердынь-калуга, — заключил он. — Кто расскажет, где сейчас полковник Лебедев или капитан Арцеулов, доживет, так и быть, до утра. Остальных тут положим. Ну, господа хорошие, какие есть мнения?

— Я... я... — внезапно заговорил один из офицеров. — Подполковник Ревяко... Я знаю Арцеулова...

— Стыдитесь! — крикнул кто-то. Степа махнул рукой, и Ревяко оттащили в сторону. Бойцы вскинули винтовки. Залп вышел нестройный, но добивать никого не пришлось — стреляли почти в упор.

— Так где Арцеулов?

Степа решил не тянуть с допросом, тем более трупы, лежавшие в нескольких шагах, поневоле приглашали к откровенности.

— Я... я все скажу... — бормотал Ревяко. — Он ушел... Его увел штабс-капитан Мережко... Он, Мережко, лежит в подвале, застрелился... Господин красный офицер, не убивайте... Я знаю про полковника Лебедева, он летчик, у него на самом деле другая фамилия...

— Сейчас я тебе дам «господина», — пообещал Косухин, примериваясь к дергающейся скуле, но в последний момент сдержался. Бить пленных не полагалось — это Степа усвоил крепко.

— Увести. К товарищу Чудову... И осмотреть тут все...

Пока бойцы производили обыск, Косухин медленно прохаживался по переулку. Конечно, это был успех — целое гнездо контры накрыто и обезврежено, но ни лютого гада Арцеулова, ни таинственного Лебедева найти не удалось.

Внезапно он увидел собаку, просидевшую весь бой возле крыльца.

— Ну что? — усмехнулся Степа. — Тушенки выдать, герой? А может, ты еще и Арцеулова выследишь?

Собака внимательно поглядела на Косухина и внезапно кивнула.

— Ты... — обомлел тот.

В глазах ищейки вновь загорелись красные огоньки, она отбежала в сторону и оглянулась, как бы приглашая Степу за собой.

— Ладно, чердынь-калуга!

Косухин передал команду одному из бойцов, велел поскорее

все закончить и доложить товарищу Чудову. Собака нетерпеливо ждала и даже начала негромко рычать.

— Пошли, — вздохнул Косухин, доставая револьвер.

На этот раз собака бежала быстро, перепрыгивая через сугробы и ныряя в дыры в заборах. Степа едва успевал за ней. Пару раз он призывал четвероногого сыщика к порядку, но собака не слушала. Она уже не рычала, а тихо выла.

Они выскочили в небольшой пустынный переулок, как вдруг собака остановилась. Но не по своей воле — словно кто-то невидимый поставил перед нею такой же незримый заслон. Ищейка визжала, крутилась на месте...

— Эй, чего с тобой? — поинтересовался Степа, водя револьвером из стороны в сторону. — Никого же нет!..

Но собака, громко взвизгнув, уже отбегала назад, прячась за спиной Косухина. И вдруг Степа, уже начинавший было привыкать к странным делам, творящимся вокруг, замер и невольно протер глаза. Перед ним из крутящихся на ветру снежинок стал проступать человеческий силуэт. Это было уже слишком. Косухин слотнул, снова протер глаза, но серебристый свет сгустился, и Степа уже мог различить ту, что преградила ему дорогу.

...На женщине была накидка, какие носят сестры милосердия. Лицо — странное, серебристое, светящееся изнутри — было спокойным и, как почудилось Степе, очень грустным.

— Косухин... — Голос был тих, еле различим. — Степан, почему вы хотите смерти Ростиславу?

— Кому? — Степа решил перекреститься, но сообразил, что держит в руке револьвер.

— Ростиславу Арцеулову...

При звуке ненавистного имени Косухин тут же пришел в себя.

— В общем так, чердынь-калуга, — решительно заявил он. — Не знаю, как это у вас получается, но сразу говорю: я вашего Арцеулова достану! И никакие фокусы не помогут...

— Вы связались с нечистью, Степан! Вы не боитесь погубить душу, потому что не верите в нее, но разве нечисть может помочь вашей революции?

— Какая такая нечисть? — возмутился Косухин, но тут же вспомнил то, что случилось у могилы Ирмана.

— Нам велено молиться за врагов. Я помолюсь за вас, Степан...

Невесомая серебристая рука осенила Степу широким крестом. Внезапно собака, жалобно завизжав, перекувыркнулась и бросилась прочь. Призрачный силуэт побледнел и стал исчезать...

Сбитый с толку и изрядно испуганный Косухин огляделся, но переулок был пуст. Степа, будучи человеком добросовест-

ным, сделал несколько шагов вслед за уходящими в сторону собачьими следами, но был вынужден остановиться — следы пропали, словно четвероногая тварь тоже растворилась в воздухе.

Косухин был встречен с триумфом. Товарищ Чудов по этому случаю даже слез со стула, попытавшись похлопать Косухина по плечу, для чего ему пришлось несколько раз подпрыгнуть:

— Не уйдут враги от суровой мести пролетарьята! Лихо ты, Степан, их гнездо накрыл! Не сберегли свои мяса, кость белая! Не ошибся я в тебе!

Товарищ Венцлав был более скуп на слова и, коротко поздравив Косухина, предложил пройти к нему. Кабинет Венцлава теперь находился рядом с обиталищем Прова Самсоновича.

— Садитесь, Степан Иванович, — предложил Венцлав. — Курить будете?

Степа с благодарностью угостился неплохой американской папиросой и выжидательно поглядел на командира 305-го.

— А теперь, Степан Иванович, — продолжал тот, — расскажите все, ничего не пропуская. Вы меня поняли?

— Понял, — тихо ответил Степа, сообразив, что товарищу Венцлаву известно даже то, чему был свидетелем один он...

Косухин рассказывал долго, время от времени путаясь и сбиваясь. Венцлав спокойно ждал, на его красном лице не было заметно никаких эмоций.

— Благодарю вас, Степан Иванович, — кивнул он наконец. — Благодарю — и говорю сразу: ни в едином вашем слове не сомневаюсь.

— Значит, это все было? — встрепнулся Степа. — Эта баба... То есть женщина...

— Степан Иванович, — прервал его Венцлав, — я мог бы сказать, что вы переутомились и у вас была галлюцинация. Но вы умный человек, вы уже успели многое увидеть. Не хочу играть с вами в кошки-мышки.

— Значит, это правда, — не выдержал Косухин, — насчет нечисти?..

На красном неподвижном лице Венцлава появилось нечто вроде усмешки.

— Вы с какого года в революционном движении, Степан Иванович? С шестнадцатого, кажется? И кем вас тогда называли жандармы?

— Знамо как, — приосанился Степа. — Бунтовщиками! И даже шпионами немецкими...

— Вот видите... Православная церковь, которая, как вам известно, все века помогала угнетать народ, называла своих врагов ничуть не лучше.

— Ну... это ясно... — задумался Степа. — Выходит, вся эта, извините, нечисть и вправду существует?

— Можно и так сказать! — усмехнулся краснолицый. — А можно иначе. В мире есть явления, которые не хотят или боятся замечать. Более того, все это вполне объяснимо с научной точки зрения...

— А, тогда понятно! — несколько успокоился Косухин. — Если с научной... Но кого я все-таки видел? Призрак или что?

— Пусть будет призрак, — пожал плечами Венцлав. — Я могу назвать это некробиотическим излучением. Подобные случаи известны уже сотни лет...

Венцлав не стал договаривать, покачал головой и замолк.

— А кто эта женщина? — не отставал Степа, в голове которого творился настоящий кавардак.

— Жена Арцеулова. Ее звали Ксения, — неохотно ответил Венцлав. — По-моему, вас что-то с ней связывало. Не пойму...

— Быть того не может! — возмутился Степа и, чуть помолчав, добавил: — А все одно — неправильно это как-то!

— Не раскисайте, красный командир! — Венцлав нахмурился и встал из-за стола. — Если революции понадобится — вы будете сотрудничать даже с упырями.

— Упырей не бывает, — усмехнулся Косухин, решив, что товарищ Венцлав все же шутит. Тот не отозвался и, кивнув Степе, вышел из кабинета. Они спустились вниз в тюремный двор, где собрались свободные от нарядов дружинники, разглядывая только что привезенные трупы расстрелянных Косухиным офицеров.

— Приведите этого... Ревяко, — распорядился Венцлав. Косухин козырнул и отправился в тюремный корпус.

Подполковнику Ревяко было совсем худо. Всю дорогу он умолял Степу не ставить его к стенке, обещая добровольно вступить в ряды РККА. Косухину было поначалу приятно видеть унижение матерого классового врага, но затем его начало тошнить. Забыв, что пленных бить не полагается, Степа двинул Ревяко в скулу, буркнув: «Хоть бы застрелился, мразь!» Это добило подполковника, и во двор он вышел в состоянии, близком к полному затмению. При виде погибших товарищей, сваленных прямо на снег, его затрясло.

— Не надо... — заныл он, решив, что приходит его последний час.

— Успокойтесь, — веско произнес товарищ Венцлав. — Где штабс-капитан Мережко?

— Сейчас, сейчас... — забормотал Ревяко, обходя закопченные трупы. — Не извольте беспокоиться... Вот! Вот он, господа... простите... товарищи...

Венцлав быстро подошел и присел рядом с трупом, легко поводя рукой над мертвым лицом.

— Порядок, Степан Иванович, — мрачно усмехнулся он. — В полночь поговорим...

Косухин вспомнил генерала Ирмана, и ему стало не по себе.

— Товарищ Венцлав... — решил он. — А как вы... ну, определили...

— Стрелял в сердце, — пожал плечами краснолицый. — Мозг цел...

Степа поглядел на мертвое лицо офицера, и ему стало совсем плохо. Штабс-капитан Мережко был красив и молод, его большие голубые глаза смотрели в вечность без страха.

— Отвоевался, — шевельнул губами Степа. — Хоть бы в висок выстрелил, что ли...

Тем временем товарищ Венцлав, отведя подполковника в сторону, о чем-то его оживленно расспрашивал. Косухин вздохнул и подошел поближе. К его удивлению, речь шла о каком-то перстне. Несколько успокоившись за свою шкуру, Ревяко подробно описывал двух черненьких змеек, монограмму из непонятных букв и даже попытался что-то показать на пальцах. Венцлав слушал, не прерывая, наконец он удовлетворенно кивнул:

— А теперь, будьте добры, о полковнике Лебедеве...

— Значит, так, господа... — Ревяко, похоже, уже вошел в азарт, и допрос начал доставлять ему какое-то извращенное удовольствие. — Кто-то сказал, что этого полковника ищут. И тогда штабс-капитан Мережко сообщил, что у Лебедева на самом деле другая фамилия. И будто бы он летчик. Затем капитан Арцеулов о чем-то беседовал с Мережко, и они ушли. Обратного Мережко вернулся один...

— Все рассказали? — спросил Венцлав, делая какие-то записи в блокноте.

— Все как есть! Честное слово дворянина! Как на духу!..

— Косухин! — Венцлав поднял глаза на Степу, и в его взгляде тот прочитал мрачную усмешку. — Вышибите этому слюняю мозги...

— Так точно!

Подполковник завопил, обещая отдать жизнь за власть рабочих и крестьян, но Степа не слушал. Он вдруг подумал, что лютый вражина Арцеулов, наверное, никогда бы не унизился до подобного.

Увидев лежавшие в снегу тела своих товарищей, подполковник рухнул на колени и завыл. Косухин сплюнул, взял упирающегося Ревяко за ворот и толкнул прямо на трупы. Тот упал, взвизгнул, попытался приподняться, но в ту же секунду Степа выстрелил прямо в перекошенное от ужаса лицо.

Косухин наклонился над телом. Добивать не понадобилось.

лось — вопрос с подполковником был решен. И вдруг, совсем рядом с мертвым Ревяко, Степа увидел труп Мережко. Еще не очень соображая, что делает, Косухин наклонился и посмотрел в мертвые глаза погибшего офицера. Рука с револьвером сама собой дернулась, и Степа аккуратно, стараясь не промазать, всадил пулю в ровно подстриженный висок штабс-капитана.

— Вот так! — выдохнул он.

...Все остальное Степа уже решил. Он направился к товарищу Чудову и попросился на передовую. Пров Самсонович вначале было воспротивился, но Косухин тут же напомнил вождю иркутских большевиков о том, что нельзя оставлять дело обороны города в руках тайного двурушника и потенциального предателя Федоровича. Этот аргумент оказался неотразим. Пров Самсонович лично позвонил председателю Политцентра, заявив, что проверенный большевик Степан Косухин командирится в военный штаб Политцентра.

Мрачный Федорович вручил Степе две пачки японских папирос и отправил его на станцию Иннокентьевскую, где уже шла перестрелка между отрядами Политцентра и авангардом Каппеля.

— Сколько времени? — спросил Казим-бек. Арцеулов полез в карман за своим «Буре».

— Без двадцати десять.

— Скорее бы! Ждать и догонять — хуже нет...

— Напрасно волнуетесь, поручик, — пожал плечами Ростислав, — перед боем лучше всего отвлечься. Обычно мы играли в преферанс...

— Никаких преферансов! — решительно заявил, входя в комнату, профессор Семирадский. — Интеллигентные молодые люди не должны...

— Я не интеллигентный, — слабо усмехнулся Арцеулов. — Кажется, уже и таблицу умножения забыл.

— Вот именно! — взмахнул рукой профессор. — О-ди-чание! Великий Плиний даже пешком не ходил, чтобы не тратить времени даром. Его несли на носилках, и он писал книгу! Вот-с!

— Я как-нибудь попытаюсь, — согласился капитан. — Глеб Иннокентьевич, вы все запомнили?

— Молодой человек! — Руки профессора вновь взметнулись вверх. — Кто-то очень умный — уж не Бисмарк ли? — сказал, что война слишком серьезное дело, чтобы ее поручать военным. Если я вполне мог контактировать с дикарями и даже душевнобольными, то с господами, как вы их именуете, краснопузыми как-нибудь совладаю!

— Поймите же, Глеб Иннокентьевич, — вздохнул Ростислав, — это не дикари, к сожалению. Это враги!

— Вздор! — отмахнулся профессор. — Вы так говорите, батенька, потому что сами больны.

— Вероятно. — За их короткое знакомство капитан слышал это уже не впервые. — *Mea culpa!*..

— То, что латынь не забыли, — это хорошо... Да поймите же: то, что происходит сейчас в России, — не революция, не гражданская война и даже не бунт. Это вспышка болезни! Пандемия!..

— Поймите, профессор. — Наталья Берг тоже вошла в комнату и вмешалась в разговор. — В Средние века бывали так называемые психические эпидемии...

— Именно, именно, — кивнул Семирадский.

— Но, позвольте, психическая эпидемия такого масштаба едва ли возможна! Ведь тогда, в Средние века, это было связано с...

— Вздор! — взъярился профессор. — Ничего мы об этих эпидемиях толком не знаем! Сотни тысяч людей срываются и идут освобождать Гроб Господень! Женщины, дети, калеки... Чем нынешняя ситуация отличается? Масштабом? Едва ли!..

— Вы думаете, Глеб Иннокентьевич, — вмешался Казимбек, — если бы мы знали этот... ну... микроб, то могли бы справиться с красными без войны?

— Ну почему с красными! С болезнью, батенька! С болезнью! Ваши белые — такие же больные, как и красные, зеленые и... кто там еще есть? Но в принципе вы правы. К сожалению, несколько нормальных людей среди миллионов сумасшедших ничего поделать не могут.

— Нет, могут, — твердо возразила Берг. — Мы можем поднять в воздух «Владимира Мономаха»...

— Поймите, господин Семирадский. — Арцеулов встал, пораженный неожиданной мыслью. — Если это действительно болезнь — грандиозная эпидемия безумия... то не могли ли эту болезнь занести искусственно? Заразить?

— Нуте-с, нуте-с, — подбодрил профессор.

— Я вспоминаю войну... Не эту — германскую. Было страшно, тяжело, но люди все же оставались людьми! Даже после Февраля, будь он проклят! Ведь Государь отрекся, чтобы избежать братоубийства! И как все мы — идиоты! — славили эту великую бескровную! А потом — раз...

— Для армейского капитана неплохо, — снисходительно одобрил Семирадский. — К сожалению, вслед за вашим умозаключением должно последовать рассуждение о немецких шпионах или масонском заговоре... Поверьте мне, никто из них не ведает, как «заразить», если пользоваться вашим выражением, целую страну.

— А если кто-то все же знает? — совершенно серьезно заметила Берг. — Глеб Иннокентьевич, вы же сами сколько раз говорили о принципе скальпеля Оккама...

— Тогда этого господина... или господ... надлежит немедленно истребить! Да-с! Истребить, предварительно вручив Нобелевскую премию...

— Вы сказали о принципе Оккама, сударыня. — Арцеулов вдруг вспомнился разговор в поезде Верховного. — Один мой знакомый употребил это же выражение, доказывая, что у красных существует какое-то особое психическое оружие. Скажу сразу: я этому тогда не поверил, но, может быть, это логичнее, чем эпидемия?

— Логичнее? — пожала плечами девушка. — Я — физик-прикладник, но тут что-то непохожее на науку. По-моему, это нечто древнее, знаете, как в легендах — спрятанное зло, которое кто-то выпустил наружу...

— Ну-ну, Наталья Федоровна, — покачал головой профессор. — Не возражаю против женской интуиции, но, по-моему, вы начитались сказок из книги господина Афанасьева.

— Пора. — Арцеулов бросил взгляд на циферблат серебряного «Буре». — Будем собираться...

Разговоры разом стихли. Профессор деловито прошел в соседнюю комнату и начал укладывать заранее приготовленный мешок, что-то негромко напевая. Казим-бек также вышел, вернувшись с карабином и несколькими гранатами. Арцеулов секунду постоял, собираясь с мыслями, а затем принялся за дело. Верный «бульдог» был спрятан в кобуру на левом боку, рядышком пристроен узкий обоюдоострый нож, не раз выручавший в рукопашной. Арцеулов накинул полушубок и критически оглядел себя в зеркале.

— Поручик, — обернулся он к Казим-беку, — попробуйте меня обыскать.

— Слушаюсь. — Казим-бек, отложив карабин в сторону, начал добросовестно охлопывать капитана по бокам. — Ничего не заметно, Ростислав Александрович. Правда, если заставят раздеться...

— До этого не дойдет, — усмехнулся Арцеулов. — Ну, я готов.

— Не забудьте самое главное, батенька. — Из соседней комнаты выглянул профессор и протянул Арцеулову нечто небольшое, похожее на белый сверток плотной материи.

Ростислав кивнул и пристроил его за поясом. Точно такой же сверток был вручен Казим-беку.

— Прошу, господа, — позвала Берг, колдовавшая между тем над содержимым своего саквояжа. — Кто первый?

— Сейчас, сейчас, сударыня, — откликнулся профессор, на-

девая видавший виды тулуп. — Вы загритмируете меня под вождя племени чероков?

Наталья не отозвалась. Разложив перед собой на столике несколько баночек с тушью, белилами и краской, она пробовала кисточки. Тем временем Казим-бек надел уже виденную Арцеуловым доху, перепоясался пулеметной лентой и нацепил на рукав широкую красную повязку.

— По-моему, я и так хорош, — заметил он, взглянув в зеркало. — Может, обойдусь без грима?

— Не выдумывайте, Георгий, — строго заметила Берг. — Ваш пажеский корпус слишком заметен.

— Так я углем намажусь, — заикнулся было поручик, но был тут же усмирен и усажен на стул. Наталья взмахнула кисточкой и принялась наносить на добродушную физиономию Казим-бека еле заметные мазки.

— Я тоже готов, — сообщил профессор, входя в комнату. За плечами Глеба Иннокентьевича висел солдатский сидор, над левым плечом грозно возвышалась винтовка с примкнутым штыком, за поясом торчали две гранаты. — Давненько я не играл в любительских спектаклях, да-с!

— Говорить буду я, — предложил Казим-бек. — Я уж их жаргона наслышался!

— Ерунда! — отмахнулся профессор. — В свое время я объяснялся с австралийцами, а это, поверьте, было несколько сложнее...

Между тем Наталья Берг последний раз взмахнула кисточкой над лицом поручика и отпустила его с миром. Георгий нерешительно посмотрелся в зеркало и только вздохнул.

— Превосходно, коллега, — одобрил неунывающий профессор. — Вы смотрите минимум лет на десять каторги!

Действительно, загритмированный Казим-бек выглядел жутковато. Арцеулов, оценив работу мадемуазель Берг, все же подумал, что не следовало превращать симпатичного поручика в подобное исчадие.

— Прошу вас, профессор, — пригласила Наталья, вооружаясь свежей кисточкой.

— Ну-с, ну-с, — озабоченно бормотал Семирадский, усаживаясь на стул. — Все-таки, сударыня, пощадите старика. Я ведь когда-то был вашим оппонентом...

Берг только хмыкнула. Между тем в комнату вошел Лебедев и стал молча наблюдать за происходящим.

— Господин капитан, — наконец обратился он к Арцеулову. — Разрешите...

Ростислав кивнул, и они вышли в соседнюю комнату.

— Ростислав Александрович, — нерешительно начал пол-

ковник. — Вы, конечно, человек военный, но я все же просил бы... Поймите, не могу оставаться здесь, когда все...

— Господин полковник, — вежливо, но твердо начал Арцеулов, стараясь не обидеть собеседника, — вы поручили мне это дело. Позвольте мне самому принимать решение.

— Но вы берете с собой господина Семирадского! — возразил Лебедев. — Он старше меня!..

— Вы — руководитель нашей группы, — покачал головой Ростислав. — Кроме того, вы же сами намекали относительно своего боевого опыта...

— Вот именно! — поддержал Арцеулова профессор Семирадский, появляясь в комнате с большим зеркалом в руках. — Если у кого и есть боевой опыт, то это у меня. Я ведь, между прочим, участвовал еще в англо-бурской вместе с господином Гучковым. И, кроме того, Николай Иванович, чтобы поднять в небо «Владимира Мономаха», нужны двое — вы и мадемуазель Берг. Мы — просто балласт... Кстати, господа, как вам моя внешность?

Нельзя сказать, чтобы профессор стал неузнаваем. Но в его облике, слегка преобразенном гримом, появилась неожиданная свирепость. Вдобавок мадемуазель Берг обозначила Глебу Иннокентьевичу отчетливые монгольские скулы.

— Я бы вас в плен не брал, — одобрил Арцеулов. — Только не забывайте о том, что господа краснопузые обращаются друг к другу на «ты»...

— А у папуасов в их языке тридцать три прошедших времени, — кивнул Семирадский. — Ну-с, по-моему, хорош!

Перед выходом Арцеулов еще раз все проверил. Казим-бек и профессор смотрелись действительно хоть куда — встретить их Ростислав в ином месте и в иное время, он сразу схватился бы за револьвер. Наталья Берг последний раз оглядела всех троих, а затем широко перекрестила каждого.

— Если не будем через два часа — уходите. — Арцеулов крепко пожал руку Лебедеву и девушке. — Постараемся вернуться в более полном составе...

— Господин профессор, — по тону полковника было заметно, что он едва сдерживает волнение, — вы не перепутаете баллоны? Тот, который меньше...

— Сгинь, белая кость! — прорычал перевоплотившийся Семирадский. — Не учи победивший пролетарьят!

— С Богом, господа, — тихо произнес Лебедев и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Они шли по темной улице. Арцеулов шагал первым с заботливо связанными за спиной руками. Черный полушубок был расстегнут, шапка еле висела на левом ухе. Правда, веревки,

опутавшие руки капитана, стягивались «хитрым» узлом, развязывавшимся от первого же рывка. Казим-бек и профессор также выглядели вполне достойно. Поручик сжимал в зубах потухшую папиросину и достаточно мелодично напевал «Яблочко». Но почтенный профессор Семирадский был вообще вне конкуренции — огромный трех свисал почти до бровей, борода воинственно топорщилась, винтовка с примкнутым штыком упиралась прямо между лопаток Ростислава. Профессор время от времени порывался, пренебрежительно бросая: «Шевели ногами, контра!»

Первый патруль они встретили почти сразу — шагов через сто. Несколько замерзших дружинников стали разглядывать странную компанию с нескрываемым интересом. Один из них, очевидно старший, нерешительно взглянул на грозного профессора и заинтересовался сутью дела.

— Отзынь! — рявкнул Семирадский, поведя штыком в сторону вопрошавшего. — Мы, раскудлыть-деревня, ведем врага революции белого гада Арцеулова!

— Поймали! — обрадовался старший и внимательно взгляделся в лицо капитана. Тот поспешил сделать приличествующую случаю мину.

— Ах, контра! — обрадовался дружинник. — Не убегай, гад! Товарищи, вам помощь нужна?

— А то! — рассудил профессор. — Дай-ка, браток, нам пару товарищей, чтоб вернее было.

— Есть! — козырнул дружинник. Вскоре шествие, пополненное сразу четырьмя караульными, проследовало дальше. Следующий патруль прошли еще легче — на этот раз пояснения давал увязавшийся с ними командир. Семирадский лишь порывался и потрясал винтовкой. Осмотрев плененного белого гада, очередные караульные поспешили увеличить эскорт и бодро зашагали по направлению к городской тюрьме.

По мере движения отряд рос, и к воротам тюрьмы Арцеулова уже сопровождала толпа в полсотни дружинников. Профессор, окончательно почувствовав себя в роли вождя племени чероков, время от времени грозно покрикивал на добровольных помощников, приказывая то ускорить, то, напротив, замедлить шаг.

Триумфальное шествие было остановлено караулом у тюремных ворот. На вопрос «Кто идет?» раздался вопль двух десятков голосов, известивших о поимке лютого классового врага. Охрана опешила, но затем начальник караула пришел в себя, предложив принять арестованного. Наступил решительный момент.

— То есть как это принять? — грозно спросил Семирадский, вздымая густую бородищу. — Ты, что ль, у меня эту контру принимать будешь? А кто ты такой есть, а?

Начальник караула попытался отрекомендоваться, но профессор не слушал.

— Видали, товарищи? — обратился он к окружавшей его толпе. — Мы, большевики, понимаешь, ловим эту контру, а охрана-то тут — эсеровская! Да они в одни ворота впустят — в другие выпустят!

Дружинники зашумели. Политцентру не верили, и слова профессора упали на благодатную почву. Растерявшийся начальник караула попытался сослаться на соглашение между большевиками и Политцентром, упомянув товарища Федоровича, но профессор был неумолим:

— Видали мы вашего Федоровича! Правда, товарищи? Ты вот что, тащи сюда самого товарища Чудова, вот тогда и разговор будет!

— Точно! Точно! — Идея Семирадского пришлась всем по вкусу. — Чудова сюда! Чудова!..

Караульный окончательно растерялся и принялся звонить в административный корпус. Толпа удовлетворенно гудела. Наконец калитка тюремных ворот отворилась, и в проходе появился квадратного вида коротышка с забинтованной головой.

— Товарищ Чудов! — заорали обрадованные дружинники. Пров Самсонович недоумевающе принялся разглядывать шумящую толпу, но тут вперед выступил Семирадский.

— Товарищ! — гаркнул он, поднося растопыренную пятерню к треху. — Докладывает комиссар особого красногвардейского отряда имени индийского пролетарьята Петухов! Бойцами отряда задержан лютый враг революции капитан Арцеулов!

— А... Ага-а! — проревел Пров Самсонович и устремился к связанному Ростиславу. Минуты две он внимательно разглядывал его, а затем удовлетворенно крикнул: — Попался, контра! Не ушел! Спасибо, товарищи, за белого гада!

— Служим мировой революции! — нескладно проорала толпа.

— Пошли оформим, товарищ Петухов, — прогудел Чудов, приглашая Семирадского в караулку. Толпа повалила следом, но бдительный Казим-бек стал в дверях, недвусмысленно выставив перед собой карабин. Между тем в самой караулке оказались Пров Самсонович, пленный белый гад Арцеулов, величественный комиссар Семирадский-Петухов и двое караульных, с любопытством наблюдавших за происходящим.

— Ты, товарищ, того, — обратился профессор к одному из них. — Посторожи-ка с той стороны, а то мало ли чего?

Караульный вопросительно взглянул на Чудова, но Пров Самсонович поспешил кивком одобрить столь своевременное распоряжение. Как только дружинник вышел во внутренний двор и прикрыл дверь, Арцеулов и профессор переглянулись.

Семирадский чуть заметно кивнул и стал развязывать свой сидор.

— С боем взяли контру! — бодро комментировал он. — Вот, изъяли при аресте...

— Молодцы, молодцы! — гудел, почти не слушая его, Чудов, заполняя большой бумажный бланк. — Теперь все расскажет, контра!

Между тем «контра» Арцеулов повел плечом, и Казим-бек, громко крикнув: «Так точно, товарищ Чудов!», плотно прикрыл внешнюю дверь. Теперь в караулке их было пятеро, включая часового.

— Вот... вот... — продолжал профессор, доставая из сидора нечто напоминающее небольшой пульверизатор. — Доказательство вещественное...

— Ишь! — заинтересовался Пров Самсонович, на миг отрываясь от бумаги, и в ту же секунду профессор дважды нажал на резиновую грушу. Тонкая струйка ударила в лицо Прову Самсоновичу, он дернулся и замер. Арцеулов быстро поглядел на часового, но тот как раз смотрел в сторону.

Профессор взглянул на застывшего словно статуя Чудова и провел рукой перед его широко раскрытыми глазами. Оставшись вполне удовлетворенным, он прокашлялся и громко заявил:

— Слышите меня, товарищ Чудов?

— Да... — тихо, но отчетливо ответил тот. — Слушаю вас, товарищ...

— Вы должны слушать только меня! — повысил голос профессор.

— Так точно... Только вас...

Караульный, до которого наконец что-то дошло, стал медленно поднимать винтовку. В ту же секунду Арцеулов, отбросив уже ненужные веревки, легко взмахнул рукой. Узкий клинок, еле слышно просвистев в воздухе, вонзился прямо в горло дружиннику. Тот зашатался. Подбежавший Казим-бек аккуратно подхватил тело и осторожно уложил на пол.

— Звоните в третий корпус! — велел Семирадский замершему словно истукан Чудову. — Арестованного Богораза из пятнадцатой камеры сюда! Живо!

— Так точно! — кивнул неузнаваемый Пров Самсонович и взял трубку телефона.

В третьем корпусе не сразу сообразили, в чем дело, и Семирадскому пришлось дважды подсказывать Прову Самсоновичу нужные слова. Наконец на другом конце провода отреагировали, сообщив, что арестованный студент Богораз направляется в караульное помещение. Профессор, кивнув, забрал у одережевшего комиссара телефонную трубку, и тут же ладонь Арцеу-

лова рубанула по заливку вождя иркутских большевиков. Чудов захрипел и рухнул на пол.

— Напрасно, батенька! — шепнул профессор, доставая из сидора тяжелый баллон с широким раструбом. — Он все равно ничего не сообразил бы...

— Что это за гадость? — поинтересовался Ростислав, не без безразличности поглядывая на зловещие приготовления.

— Которая? — усмехнулся Семирадский, колдуя с тяжелым баллоном. — Та, что для господина Чудова, — специальный газ «кикимора». А это, — он потряс баллоном, — обыкновенный хлор с углекислотой. Очень невкусно!..

За дверь, ведущей во двор, послышались шаги. Арцеулов кивнул, и Казим-бек занял позицию у входа. Профессор как ни в чем не бывало стал посередине караулки, закрывая собой поверженного Чудова.

Дверь открылась, на пороге вырос конвойный. За ним стоял невысокий худощавый молодой человек в очках, на лице которого было написано тоскливое равнодушие.

Конвоир удивленно посмотрел на Арцеулова, затем на лежавшего на полу неподвижного Чудова, его рот стал округляться, но в ту же секунду резкий удар прикладом опрокинул его навзничь. Казим-бек быстро втащил молодого человека в очках внутрь караулки и захлопнул засов.

— Маски! — шепнул профессор. Арцеулов и Казим-бек выхватили из-за пояса белые пакеты и, развернув их, стали натягивать на головы резиновые респираторы. Профессор, уже умудрившийся, несмотря на бороду, нацепить жутковато выглядывшую маску, теперь натягивал такую же на пораженного и ничего не понимающего молодого человека. В дверь уже гремели прикладами.

Наконец последний респиратор занял свое место. Профессор поднял повыше большой баллон и крутанул кран. Послышалось шипение, помещение стало заполняться густым дымом. Белое облако заполнило караульную, дым пополз наружу, откуда слышались удивленные крики, затем кашель и отчаянные вопли. Из-под респиратора профессора донеслось удовлетворенное гудение.

На улице же царила паника. Люди падали, некоторые, наиболее сообразительные, бежали со всех ног подальше.

— Газы! Газы, братва! — вопил кто-то, явно из бывших фронтовиков. — Беги-и-им!

Арцеулов выглянул наружу, кивнул и первым выскочил на улицу, сжимая в руках винтовку. За ним Семирадский и Казим-бек волокли освобожденного. Густой дым, поднимавшийся к небу, создавал надежную завесу, и пули, которые начала посылать растерявшаяся охрана на вышках, летели в «молоко».

...В ближайшем переулке Арцеулов, с наслаждением сдернув с лица газовую маску, глубоко вдохнул чистый морозный воздух.

— Ну и мерзость, господи! — с чувством произнес он, небрежно комкая уже ненужный респиратор.

— Помилуйте, Ростислав Александрович! — усмехнулся неунывающий Семирадский, в свою очередь, снимая маску. — Помоему, сработано отменно. Не хуже, чем с папуасами...

— Наглotalся я этой дряни с фронта, — покачал головой Ростислав и повернулся к бывшему пленнику, который, освободившись от маски, неуверенно переступал с ноги на ногу. — Господин Богораз, насколько я понимаю?

— К вашим услугам, — неуверенно произнес бывший студент Петербургского университета, водружая на нос очки. — Кажется, я все-таки успел хлебнуть хлора. Для моего бронхита...

— Эх вы, батенька! — хмыкнул профессор. — Бронхит! Чудный сибирский воздух! Грех жаловаться!

— Вам хорошо говорить, Глеб Иннокентьевич, — скривился Богораз. — А у меня только что была инфлюэнца. Впрочем, господи, не могу не выразить признательности. Вас прислал господин Ирман?..

...Они быстро шли по пустым улицам, стараясь не наткнуться на вездесущие патрули.

— Кажется, оторвались, — удовлетворенно заметил Казимбек и, несколько успокоенный, закинул карабин через плечо. — Подфартило...

— Наука, молодой человек! — наставительно заметил Семирадский. — «Кикимору» разрабатывали целых три года. Смешно сказать, но ее думали использовать для лечения буйнопомешанных...

Внезапно Арцеулов, шедший первым, заметил какой-то странный отблеск — словно блеклый свет от дальних фонарей падал на невидимую преграду из толстого стекла. Ростислав не успел даже удивиться...

— Стена, господи, — растерянno произнес Казимбек. — Однако...

— Обходим, — скомандовал Арцеулов, чуя неладное. — Быстро!..

Они попытались повернуть назад, но первый же шаг оказался последним — прозрачная стена окружала их со всех сторон.

— Интересно, очень интересно... — бормотал пораженный профессор, щупая руками незримую преграду. — Похоже на терmostойкое стекло... Но откуда?

— Сейчас нам объяснят, — невесело предположил Ростислав. Он не ошибся. Из темноты медленно проступила высокая фигура в серой шинели. Незнакомец сделал пару шагов вперед, а затем удовлетворенно усмехнулся:

— С прибытием, господа! Хочу сразу предупредить: не вздумайте стрелять — пули срикошуют в вас же...

Арцеулов всмотрелся в говорившего и вспомнил — этот человек уже пытался преградить ему путь на окраине Нижнеудинска. Краснолицый тоже узнал его:

— Приветствую вас, господин Арцеулов! Как я понимаю, передо мною почти весь экипаж «Владимира Мономаха»?

— Очень интересно, — тихо повторил Семирадский, продолжая ощупывать невидимую преграду. — Для папуасов неплохо, очень неплохо...

— Когда-то это называлось Непускающая Стена, — пояснил краснолицый. — В давние времена этим рассекали вражеское войско. Впрочем, это уже этнография... Господа, у вас есть выбор — или я зову сюда ораву товарища Чудова или вы ведете меня к полковнику Лебедеву...

— Что вам нужно? — Арцеулов еще раз вспомнил их первую встречу — пустую улицу, странных собак с красными глазами, перстень... Серебряный перстень...

— Вы-то мне не нужны, господин Арцеулов, — пожал плечами краснолицый. — Впрочем, ваша ретивость ничем хорошим не кончится... Итак, я жду. Предупреждаю, если сюда подойдут ваши наглотававшиеся хлора знакомые, я ничего не смогу гарантировать...

Пленники переглянулись. Казим-бек растерянно пожал плечами, Богораз вновь впал в нечто напоминающее прострацию, а хмурый профессор продолжал ощупывать Непускающую Стену, время от времени покачивая головой.

— Не старайтесь выбраться, господа, — посоветовал неизвестный. — Впрочем, если я вас не убедил, я могу сжать Стену. Вы будете вроде тараканов в янтаре...

«Перстень, — вновь вспомнил Арцеулов. — Тогда его испугались собаки... А что, если...»

Ростислав сжал правую руку и несильно ударил по Непускающей Стене. Кулак отскочил от преграды, но не сразу, словно перстень продавил на невидимой поверхности небольшое углубление. Краснолицый тоже заметил это:

— Прекратите, Арцеулов! Иначе я вам оторву руку вместе с вашей игрушкой!

Но в голосе его Ростислав почувствовал беспокойство. Он взглянул на руку и поразился — холодное серебро светилось неярким белым огнем.

— Помоги, Господи! — прошептал капитан и ударил что есть силы. Преграда дрогнула. На миг рука словно завязла в невидимом горячем стекле, и вдруг все исчезло — проход стал свободен. Ростислав взглянул на перстень — тот горел словно раскаленный, хотя рука не чувствовала жара.

В ту же секунду Казим-бек дернул стволом карабина. Выстрел в ночной темноте прозвучал неожиданно громко. Ткань на шинели краснолицего лопнула.

— Ага! — крикнул поручик, и вторая пуля вошла рядом. Незнакомец брезгливым жестом махнул рукой в воздухе, и Казим-бек выронил оружие.

— Вы объявили мне войну. — Надменное лицо краснолицего чуть заметно дрогнуло. — Я не искал вашей смерти, господи. Но теперь вы умрете...

Казим-бек, тихо ругаясь, снова поднимал карабин, но оружие не понадобилось — улица была пуста, лишь мелкие снежинки кружились там, где только что стоял неизвестный.

— Что это было? — Казим-бек удивленно поглядел на Арцелова, а затем на профессора.

— Я уже видел его, — неохотно ответил Ростислав. — В первый раз я подумал, что это какой-то дрессировщик...

— *Ergo humanum est.* — Семирадский покачал головой. — Полагаю, однако, что путь свободен. Научный анализ отложим на утро...

Никто не спорил.

ГЛАВА 5

ГОЛУБЫЕ СВАСТИКИ

Отряд Степы Косухина отбил за день четыре атаки, но под вечер все же не выдержал и откатился за станцию. Вzbешенный Степа лично уложил двоих паникеров, дал измученным дружинникам полчаса отдыха и вновь атаковал Иннокентьевскую. Каппелевцы, не ожидавшие контратаки, дрогнули и отошли за сопки. Ночью подошла подмога — несколько десятков эсеровских боевиков, присланных из штаба Политцентра, и Косухин, передав команду своему заместителю, с которым в горячке боя даже не успел познакомиться, лег спать, велел будить себя лишь в случае атаки белых гадов.

Очевидно, каппелевцы тоже выдохлись, поскольку Степе удалось поспать до утра. Его разбудил прибывший на позиции Федорович. Глава Политцентра сообщил, что Иннокентьевскую придется все же оставить — чехи требовали создания здесь нейтральной зоны. Косухин от души высказался по адресу проклятых легионеров, после чего они раскурили с Федоровичем свежую пачку папирос «Атаман».

— Ваш Чудов, похоже, подрастерялся, — неодобрительно заметил глава Политцентра, затягиваясь крепким табаком. —

Завтра чехи передают нам адмирала. Я думал, что по крайней мере порядок в городе ваша организация способна обеспечить...

— А то! — согласился Косухин. — И правильно думали...

— Товарищ Чудов уже несколько дней ловит каких-то Лебедева и Арцеулова. Вчера Арцеулов устроил налет на городскую тюрьму. В охране есть потери, один заключенный сбежал... Интересно, куда прикажете помещать Колчака?

— Во гады! — только и мог прокомментировать пораженный Степа. Его ненависть к беляку Арцеулову выросла по крайней мере вдвое.

— Я говорил с вашим товарищем... как его... Венцлавом, — продолжал Федорович. — Он обещал усилить охрану. К нему прибыл отряд из солдат его полка...

— Из полка Бессмертных Героев! — обрадовался Косухин. — Ну, теперь точно все будет в порядке!

— Надеюсь, — с сомнением заметил Федорович. — Вначале я не придавал поискам этих двух офицеров особого значения, но теперь, когда в город привозят Колчака... Товарищ Косухин, у меня нет к вам претензий как к командиру, но, может, вам стоит вернуться в Иркутск?

К полудню Степа был уже в городе. Пров Самсонович после вчерашнего казуса был несколько не в себе. Теперь он не гудел басом, а больше шипел, порою сбиваясь на сип:

— Обнаглели белые гады, товарищ Косухин! Ты... эта... поймай их! Всенепременно поймай!

Степа с сожалением поглядел на раненого героя революции, козырнул и отправился в соседний кабинет. Но там было пусто — товарищ Венцлав отсутствовал.

Командира 305-го Косухин нашел во дворе. Венцлав стоял перед строем бойцов в таких же, как у него, серых шинелях. На рукавах краснели треугольные нашивки, на головах дыбились высокие суконные шлемы со странным знаком — голубым крестом с изогнутыми краями. Солдаты стояли ровно, как на смотру, красноватые, как у товарища Венцлава, лица были спокойны и равнодушны.

— Прошу знакомиться: бойцы моего полка. — Венцлав, козырнув Степе, кивнул на строй в серых шинелях. — Прибыли сегодня утром.

Косухин подошел ближе к строю и, чувствуя неизбежное волнение — ведь перед ним были бойцы 305-го! — произнес:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здра-а! — дружно и слаженно прозвучало в ответ.

«Ишь, гвардия!» — подумал Степа и доложил Венцлаву о разговоре с Федоровичем.

— Знаю, Степан Иванович, — кивнул тот. — К тому времени, когда сюда привезут адмирала, с Арцеуловым мы покончим. Но Лебедева нужно взять живым... Запомните — только живым.

Косухин не удержался и спросил о странном знаке на шлемах у бойцов 305-го.

— Свастика, — чуть улыбнулся Венцлав. — Знак бегущего огня. Введена приказом Реввоенсовета в некоторых частях. Это очень древний символ, товарищ Косухин...

Степа, решив как-нибудь попозже расспросить товарища Венцлава об этом странном знаке, поинтересовался о дальнейших приказах. Венцлав, подумав, велел Косухину проверить посты внешней охраны, а затем подождать его в караулке.

Степа не стал спорить. Он некоторое время просидел в караулке, где, перекуривая, выслушал историю ночного нападения на тюрьму. Узнав, что белый гад Арцеулов затеял это ради освобождения студента-очкарика, он чрезвычайно удивился. Косухин вспомнил бедную девушку, которой он принес генеральскую кошку, и с сожалением подумал, что так и не забежал ее проведать. Впрочем, он успокоил себя тем, что завтра же выкроит время и занесет ей кое-что из пайковых продуктов.

Проскучав в караулке, Косухин вышел во двор и принялся искать командира 305-го. Странное дело, но бойцы в серых шинелях — красноармейцы полка Бессмертных Героев — расположились тут же, несмотря на мороз и начавший падать снег. Они устроились на сваленных у стены бревнах, поставив винтовки в пирамиду. Сидели странно — никто не курил и, насколько успел заметить Косухин, не разговаривал.

«Вот чудики!» — подумал Степа, подходя поближе.

— Давно тут, товарищи? — Вопрос был глупый, поскольку Степа и так знал, что «бессмертные герои» прибыли сегодня утром. Не дождавшись ответа, Косухин потоптался еще минуту, решив было уходить, как вдруг обратил внимание на одного из красноармейцев. Высокий суконный шлем закрывал половину лица, но странный краснолицый парень показался знакомым. Степа всмотрелся.

— Федя! Княжко! Ты?!

Слова вырвались сами собой. Красноармеец никак не реагировал, и в ту же секунду Косухин обругал себя последними словами. Бред! Его друг, красный командир Федор Княжко никак не мог быть здесь...

Федю ранило под Бугурусланом, и он умер на третий день от заражения крови. Красного командира Княжко уложили в цинковый гроб и отправили поездом в столицу, дабы похоронить со всеми почестями. Косухин провожал друга до станции, хорошо запомнив пустой товарный вагон и серый гроб с нелепыми цинковыми гирляндами.

— Извини, товарищ, обознался, — пробормотал Степа. И вдруг его взгляд упал на руку этого, похожего. На запястье синела небольшая татуировка — «Ф.К.». Княжко рассказывал, что сделал наколку лет в двенадцать, когда служил в подмастерьях.

Косухин повернулся и, стараясь не оглядываться, пошел прочь...

Ждать Венцлава пришлось около часа. Он появился словно ниоткуда; во всяком случае, Степа, следивший за воротами, его пропустил. Командир 305-го быстрым шагом подошел к своим бойцам и что-то скомандовал, те тут же вскочили и стали разбирать винтовки. Когда Косухин подбежал к товарищу Венцлаву, бойцы уже стояли неподвижным строем, странные немигающие глаза смотрели прямо, а острия штыков торчали неправдоподобно ровно.

— Мы их нашли, Степан Иванович... — сообщил тот, увидев Косухина. — Они совсем близко, на Трегубовской...

— Разрешите... — начал было Косухин и осекся. Товарищ Венцлав, поглядев на него со странной усмешкой, кивнул:

— Пойдемте, Степан Иванович, познакомимся с господином Лебедевым. Еще раз предупреждаю: его — только живым!

— А этого... Арцеулова? — осмелел Косухин. — Его, чердынь-калуга, тоже живьем?

— А его — как хотите, — вновь усмехнулся Венцлав.

— ...Надо было уходить еще ночью, — негромко заметил Арцеулов, сидя у окна и поглядывая на улицу.

— Вы же видели Семена, — так же тихо ответила Наталья Берг, — он не мог идти...

Арцеулов уже не первый час наблюдал из окна за обычно спокойной улицей, в который раз ругая себя за то, что не настоял на немедленном отъезде из города. Под утро, вернувшись после столь удачной операции, все, включая даже неугомоимого профессора, решили отдохнуть. К тому же освобожденный из большевистского узилища Семен Богораз совсем расклеился, заявив, что у него жар, и категорически отказавшись куда-либо идти.

Семен Аскольдович Богораз сразу же не понравился Ростиславу, поразив капитана холодным, законченным эгоизмом. Тщедушного студента почти не тронуло то, что знакомые и незнакомые люди — включая почтенного профессора — рисковали из-за него жизнью. Богораз воспринял свое освобождение как нечто само собой разумеющееся и даже упрекнул спасителей в том, что они излишне мешкали. Добравшись до квартиры, он выбрал единственную удобную кровать, на которой обычно спа-

ла Берг, укрылся одеялами и потребовал, чтобы никто его не беспокоил.

— Наталья Федоровна, — помолчав, вновь заговорил Ростислав, — вчера я не хотел спрашивать... Но сегодня, когда господин Богораз на свободе, может быть, мне расскажут суть дела? Я, конечно, обычный офицер, но тоже имею право знать, ради чего все это?

Берг ответила не сразу. Некоторое время она сидела неподвижно, глядя Шер. Кошка тихо мурлыкала, совершенно не догадываясь о том, в какой омут ей довелось попасть.

— Я уже говорила полковнику. Вы, конечно, имеете право знать все, Ростислав Александрович. Но господин Лебедев считает, что так будет безопаснее. О проекте «Владимир Мономах» красные начинают догадываться. Если вы, к несчастью, попадете в плен, вам легче будет молчать. Впрочем, я не могу ничего рассказать, но согласна сыграть в игру «да» и «нет».

Девушка улыбнулась. Ростислав, поглядев на нее, подумал, что, если бы не очки, Наталья Берг, молодой ученый-физик, смотрелась бы весьма привлекательно.

— Это научный проект, — уверенно начал он. — Профессор Семирадский — один из его авторов.

Берг молча кивнула.

— Полковник Лебедев и поручик Казим-бек — авиаторы. Летчики-испытатели?

— Да, — вновь кивнула девушка.

— «Владимир Мономах» — новый тип аэроплана...

— Нет. — Берг покачала головой и снова улыбнулась.

— Дирижабля? Или чего-то летающего, о чем я не догадываюсь?

— Не догадываетесь.

— Господин Богораз — ученый, который отвечает за научную часть эксперимента. Насколько я понял, без него эксперимент не состоится...

Вновь последовал кивок.

— Этот эксперимент очень важен...

— Да. — Берг опять кивнула, на этот раз решительно и резко. — Этот эксперимент очень важен, Ростислав Александрович. Настолько важен, что о его сути знают лишь трое — адмирал Колчак, профессор и господин Богораз.

— А вы? — поразился капитан. — И господин Лебедев?

— Нет, — вновь усмехнулась девушка. — Все мы должны лишь поднять «Владимира Мономаха» в воздух. Так что я от вас, как видите, почти ничего не скрываю.

— О чем это вы, Наталья Федоровна? — поинтересовался Семирадский, появляясь в комнате с тяжелым ящиком, в кото-

ром Арцеулов не без изумления опознал цинк с пулеметными патронами. За ним вошел Казим-бек, волоча за собой «максим».

— Так-с, так-с, — продолжал профессор. — Папуасы танцуют боевой танец и острят топоры... Так какие тайны вы, сударыня, поверяли нашему Айвенго? Неужели сердечные? В таком случае рад за вас...

— Нет, — ответил за девушку Арцеулов. — Я тщетно пытался проникнуть в секрет «Владимира Мономаха»...

— Да-с, дурацкие секреты, — кивнул профессор. — Дурацкие и ненужные, если подумать. Я был с самого начала за то, чтобы рассекретить «Мономаха». Кстати, господин Витте был тоже за это... Но, насколько я понимаю, вмешались военные. То ли великий князь Михаил Николаевич, то ли великий князь Александр Михайлович...

— Великий князь Александр Михайлович предлагал рассекретить «Мономаха» после победы, — вмешался в разговор Казим-бек. — Он считал, что сообщать о «Мономахе» во время войны опасно.

— Ну конечно! — хмыкнул профессор. — Господа папуасы начинают «Мономах» тротилом и кинут прямым на княжескую дачу! Ладно, молчу, все равно господин Арцеулов обо всем в свое время узнает...

— Могу это обещать. — Полковник Лебедев появился в дверях, неся с собою две винтовки и сумку с патронами. — Господин капитан, в случае удачи вы сможете увидеть все своими глазами. Если же нет... Тогда последний из нас, кто останется, перед тем как спуститься в подвал, вам все пояснит...

— В какой подвал? — удивился Арцеулов, помогавший Казим-беку устанавливать пулемет напротив одного из окон.

— Небольшой сюрприз для красных, — невесело усмехнулся полковник. — Здесь у нас в подвале емкость пудов на пятьсот. Я установил взрыватель и провел шнур Бикфорда.

— Пятьсот пудов тротила! — поразился капитан. — Однако, господа...

— Это не тротил, — возразил полковник, деловито заряжая винтовки. — Это топливо для «Мономаха». Его не успели направить по назначению, и я приказал слить его в отопительный бак...

— Господи... — тихо произнесла Берг.

— Ну-ну, сударыня! — бодро заметил Семирадский. — Поверьте, все обойдется. Господин Лебедев просто пленник долга.

— Да, конечно, — спокойно ответила Наталья. — Тем более у меня нет никакого желания попадать к господам пролетариям. Но, — девушка грустно улыбнулась, — если что-то начнется, я выпущу кошку. Она не проговорится...

Шер, не ведая, что решается ее кошачья судьба, оживленно бегала по комнате и даже пыталась играть концами пулеметных лент.

— В соседней комнате, той, что выходит окнами во двор, мы установили еще один пулемет, — заметил полковник. — Господин Арцеулов, вы у нас здесь главный военный специалист, ждем ваших распоряжений...

— Какие распоряжения? — удивился Ростислав. — Если начнется, я и господин Казим-бек займемся пулеметами. Вы, господин полковник, и господин профессор — в резерве, госпожа Берг и господин Богораз — в подвал.

— Я умею стрелять, — заметила девушка. — Семен Аскольдович, между прочим, тоже...

— Кто, я? — В комнате появился заспанный Богораз, удивленно оглядывая грозные приготовления. — Мы что, господа, собираемся воевать?

— В некотором роде. — Арцеулов поглядел на нескладного интеллигента без особой приязни.

— Но, господа, вы же говорили, что все в порядке? — заволовался тот. — Мы же собирались уйти с темнотой...

— Нас могут найти раньше, — так же лаконично пояснил Ростислав.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Богораз, падая на стул. — Чудовищно! Ведь, если мы погибнем, все сорвется!

Арцеулов удивился. Оказывается, студент Петербургского университета боялся вовсе не за свою шкуру.

— Нет-нет, господа, — продолжал тот, — надо что-то придумать... Мы не можем погибнуть!

Ему никто не ответил. Семен Аскольдович вскочил со стула и забегал по комнате, натываясь на стулья.

— Если так, — наконец заявил он, — мы должны немедленно отпустить господина Арцеулова.

Ростислав поразился еще больше.

— Действительно, Ростислав Александрович, — заметила Берг. — Вы и так сделали для нас все, что только могли.

Арцеулов лишь пожал плечами — обсуждать такое он не собирался. Капитан подошел к окну и бросил взгляд на привычную уже картину — двор, высокий забор, за которым была видна такая же пустая улица. Внезапно он заметил серую тень, промелькнувшую по заснеженной мостовой. Ростислав всмотрелся — вторая тень пронеслась возле самого забора.

— Собаки, — наконец понял он, — возле самого дома...

— Ясное дело, батенька, — ничуть не удивился Семирадский. — Этих горемык бездомных сейчас в Иркутске полно. Одичали за войну.

В Иркутске, наверно, и в самом деле было полно бродячих собак, но Арцеулов почему-то встревожился.

— Господа, — в конце концов решился он, — я вам сейчас расскажу одну историю...

— А что случилось, Ростислав Александрович? — встревожилась Берг.

— Я сейчас увидел собак. Конечно, собак здесь много, но...

Арцеулов старался говорить без лишних эмоций. Дойдя до эпизода с перстнем — о том, как и где он его нашел, капитан предпочел умолчать, — он вдруг подумал, что со стороны это может показаться бредом.

— Дико это все, конечно, господа, — заключил он. — Впрочем, вчерашняя история, которой многие из вас свидетели, пожалуй, еще нелепее. Вы, наверно, сейчас будете говорить о нервах и о воспаленном воображении...

— Да отчего же? — пожал плечами Казим-бек. — По-моему, все логично — псы дрессированные, а вы их разогнали. Ваш перстень их отчего-то напугал...

— Считается, что серебро отгоняет нечистую силу, — вскользь заметила Берг.

— Вот-с, — поднял палец Семирадский, — прошу полюбоваться, господа! Наталья Федоровна Берг, блестящий физик-экспериментатор, начинает преподносить нам концепции господина Стокера! Упыри, господа! Лешие! Стыдитесь, сударыня!

— Я согласна сгореть со стыда, — спокойно ответила девушка, — но только после того, Глеб Иннокентьевич, как вы сами объясните эту историю.

— Охотно-с! — кивнул профессор. — Итак, относительно собак я полностью согласен с мнением господ Казим-бека и Арцеулова. Собаки-ищейки, смею напомнить, применялись еще в допотопные времена. Что касается вашего перстня, молодой человек, то вы, вероятно, допустили типичную ошибку людей, не имеющих научного склада ума — рассудили по принципу «после того — вследствие того». Собак могло напугать вовсе не ваше кольцо, а что-то иное. Совпадение-с! Ну, а насчет вчерашнего смею предположить, что мы имели дело с какой-то очень ловкой — и новой! — научной выдумкой. Я лично считаю, что это было использование высокочастотных полей! Да-с!

— Господин Арцеулов, — внезапно подал голос молчавший все это время Богораз, — можно на минуту ваш перстень?

Ростислав, сняв перстень, передал его студенту. Тот осторожно покрутил его, взвесил на ладони, затем отдал обратно:

— Благодарю вас... Господин профессор, прежде всего хочу напомнить вам один постулат Секста Эмпирика: в случае недостатка данных следует воздержаться от суждения. Я не присутст-

вовал при случае, описанном только что господином Арцеуловым, но я был сегодня ночью при эпизоде, нам всем памятном. Конечно, я плохо помню детали. Глотнул газа, к тому же мой бронхит... Но я заметил следующее. Во-первых, перстень господина Арцеулова привлек внимание того странного господина, который пытался нас задержать...

— Ерунда! — не выдержал профессор. — Сей господин тоже начитался Стокера...

— Во-вторых, когда господин Арцеулов пытался разорвать это препятствие, мне показалось, что перстень светился...

— Обман зрения, — фыркнул профессор. — Или ответ фонарей.

— Фонари были далеко. Я осмотрел перстень — обычное старое серебро очень высокой пробы. Светиться он не может, но я склонен в данном случае верить своим глазам. Итак, мы имеем дело с чем-то, чего понять пока не можем. А значит, воздержимся от выводов...

Тут он снова закашлялся. Профессор не перебивал, но весь его вид выражал несогласие.

— И в-третьих, — заключил Семен. — Насколько мне известно, никакое поле не способно иметь твердость стекла. Вчера мы столкнулись с чем-то другим...

— С бесовским заговором! — охотно согласился Семирадский. — И вы туда же, Семен Аскольдович!

— А отчего нет? — вдруг подняла голову Берг. — Наши предки называли это «нечистой силой», но, может, что-то в самом деле существует?

— И это надежда российской науки! — Профессор взмахнул руками и, возмущенно сопя, выскочил из комнаты.

— Мне не повезло, — внезапно заговорил Лебедев, слушавший этот долгий спор молча. — Я не видел ничего, а значит, могу судить лишь с чужих слов. Но вот что я подумал...

— Нуте-с? — Голова профессора показалась в дверном проеме.

— Гипноз. Этот тип в шинели — сильный гипнотизер. А пули господина поручика в него попросту не попадали.

— Ну уж нет! — возмутился Казим-бек. — Господин полковник, вы же знаете, как я стреляю!

— Это не так трудно, — заметил Лебедев. — А перстень... Почему-то он действует на этого типа отрицательно. Достаточно легкого раздражения, чтобы разрушить силу гипноза...

— А что? — согласился Арцеулов. — Господин полковник, по-моему, вы правы!

— Три вида истины! — прокомментировал Семирадский. —

Научная, ненаучная и обывательская! Гипноз — типичное объяснение, когда других объяснений нет!

— А собаки уже во дворе, — внезапно заметила Берг, выглянув на улицу.

— Черт! Неужели мы не закрыли калитку? — Арцеулов вскочил, выхватывая револьвер. — Я сейчас, господа...

Собаки и в самом деле были уже во дворе. При виде капитана они тут же отбежали в сторону и беззвучно оскалились. Знакомые красноватые глаза недобро мерцали затаенным огнем.

— Гипноз, значит, — пробормотал Арцеулов, осторожно подходя к калитке. — Поглядим, какой тут гипноз...

К его удивлению, калитка была заперта. Арцеулов вспомнил высокий глухой забор, окружавший дом, и поневоле присвистнул. Первой мыслью капитана было перестрелять незваных гостей, но он тут же сообразил, что стрельба среди бела дня неизбежно привлечет внимание патрулей. Оставалось попросту выгнать заброд. Арцеулов распахнул калитку и в ту же секунду почувствовал резкое движение воздуха, как будто рядом пронесся сильный порыв ветра. Он взглянул на двор и обомлел — собак не было. Ростислав выглянул на улицу. Там тоже было пусто, лишь на снегу темнело несколько собачьих следов.

— Ну и ну! — Арцеулов, покачав головой, хотел было закрыть калитку, но внезапно ему показалось, что рядом кто-то стоит. Ростислав повернулся и вздрогнул. В глаза бросился зеленый цвет шинели и красные офицерские нашивки.

— Как дела, брат-воjak? — Странный чех стоял у самой калитки и улыбался. Правда, глаза, как и тогда, в Нижнеудинске, показались Ростиславу какими-то тусклыми и неподвижными.

— Здравствуйте! — выдохнул Арцеулов.

— Надо уходить, брат-воjak. — Чех вновь усмехнулся, но тут же лицо его стало серьезным. — Вас нашли... Ты можешь уйти один. У твоих товарищей своя судьба. Учти — им не грозит смерть. Смерть грозит тебе.

— Я не уйду один, — покачал головой Ростислав.

— Хорошо, — кивнул легионер. — В подвале дома есть подземный ход. Он давно замурован, но кладка там новее и камни другие. Вы можете успеть. Спешите, они уже идут...

Арцеулов посмотрел на улицу, но не заметил ничего опасного. Он повернулся к странному чеху, чтобы спросить наконец, кто он такой и что все это значит, но спрашивать оказалось некого — там, где только что стоял подпоручик, было пусто.

Разбираться было некогда. Капитан захлопнул калитку, задвинул засов и поспешил в дом. Его встретили тревожные взгляды. Казим-бек уже возился с пулеметом, заправляя ленту.

— Вы видели? — зашепшил Арцеулов. — Собаки... Калитка... Они исчезли...

— Странно, — заметил профессор. — Я наблюдал. Вы вышли во двор, собаки отбежали...

— Да-да, — кивнул капитан, — а потом...

— Я смотрел на вас, сударь, — продолжал Семирадский. — Вы открыли калитку... Я не заметил никаких собак.

— Я тоже, — согласилась Берг. — Я смотрела на вас, а затем собаки исчезли.

— Это неважно, — прервал ее Лебедев. — Что вы увидели на улице, господин Арцеулов?

— Я разговаривал... — начал было Ростислав, но осекся.

— Но вы были там один! — удивилась Берг. — Вы постояли, поглядели по сторонам...

— Ладно. — Капитан понял, что объясняться нет времени. — Нас обнаружили. Господа, прошу занять позиции. Господин Казим-бек, вы идете ко второму пулемету. Всех остальных прошу покуда перейти во внутренние комнаты.

— Я не уйду, — негромко возразил Лебедев. — Вы правильно намекали относительно моего боевого опыта. Я просто летчик, но из винтовки стреляю не хуже Казим-бека.

— Господин полковник, можно вас на минуту?

Арцеулов отвел Лебедева в соседнюю комнату.

— Слушайте... Очевидно, они окружают дом. До темноты нам не уйти, а это еще час-полтора...

— Я это понял, капитан. — По лицу Лебедева промелькнула невеселая улыбка. — Жаль, я не имею права сдать нас всех в плен...

— Погодите, — перебил Арцеулов. — Вашу адскую машину мы всегда успеем использовать. Здесь, в подвале, может быть подземный ход...

— Это не готический замок, капитан, — невесело улыбнулся Лебедев.

— Там должна быть другая кладка, более поздняя. Идите вниз и посмотрите... В конце концов, мы ничего не теряем. Возьмите с собою этого юношу... Богораза. Простучите стены. Я вас прошу...

— Вы серьезно? — Полковник недоуменно поглядел на Арцеулова. — Хорошо, капитан, попробуем...

В комнате между тем были заметны перемены. Профессор Семирадский притащил откуда-то несколько больших керамических емкостей и теперь заботливо расставлял их возле окон.

— Против папуасов? — усмехнулся Арцеулов.

— Да-с, — согласился Семирадский. — Дикари боятся огня, электрических фонарей и грохота огнестрельного оружия.

— Это война, профессор, — вздохнул Арцеулов, занимая наблюдательный пост у окна. — И там не папуасы — враги!

— Не враги! Не враги, молодой человек! А, скажем, вырвавшиеся из сумасшедшего дома больные...

— Буйнопомешанные, — уточнил Казим-бек.

— Пусть так! Но нельзя же без крайней нужды применять против больных людей оружие! Жаль, у меня почти не осталось «кикиморы»... Ну ничего, подпустим хлорпикрину. Господа, не забудьте маски...

— Вот они, — прервала его Берг.

На улице послышался шум. Около калитки затормозил грузовик, затем другой. Из кузовов посыпались вооруженные парни в полушубках и шинелях.

— Самое время выпускать кошку, — усмехнулся Арцеулов, почувствовав себя в привычной обстановке.

— Вы правы. — Берг подозвала ничего не подозревавшую Шер и вопросительно посмотрела на капитана.

— Сейчас, — кивнул тот, — выпущу ее через дверь... Господин поручик!

— Я! — отозвался из соседней комнаты дежуривший у пулемета Казим-бек.

— Замените меня на минуту. Полезут через забор — стреляйте!

— Господа, господа! — заволновался профессор. — Ведь это же люди, пусть и ненормальные!

— А что же делать, Глеб Иннокентьевич? — поинтересовался поручик, открывая окно и выдвигая пулемет.

— Ну, не знаю... Шапки у них сбивайте, что ли. А лучше подпустите поближе...

И он аккуратно поднял с полу тяжелый керамический цилиндр.

К особняку на Трегубовской Пров Самсонович прибыл лично. Он проследил, чтобы дружинники заняли позиции вдоль забора, и приготовился командовать.

— Товарищ Чудов, они нам нужны живыми, — напомнил Венцлав, стоявший тут же.

— Живыми... Хрен бы им живыми, контра... — просипел Пров Самсонович и, вытащив из кобуры огромный морской бинокль, стал пристальнее разглядывать дом. — Ишь, пулемет выставили, гады! Давить эту контру!

— Не забывайте, у нас приказ! — негромко напомнил Венцлав.

— А что — приказ! — не выдержал Чудов. — Подумаешь, приказ! Научились там в столице приказывать, ровно как при старом режиме! Вот Белобородов на Урале приказа не исполнил — и порешил Романова! И я тоже дурных приказов спол-

нять не буду! Привезут завтра белого гада Колчака — лично порешу! Это по-нашему, по-большевицки!

— Плевать на Колчака, — дернул щекой Венцлав. — Но если мы не возьмем живым Лебедева, я вас тоже порешу — лично. По-большевицки!

Чудов мрачно поглядел на Венцлава, но предпочел смолчать. Дальнейший спор был прерван появлением запыхавшегося Косухина.

— Так что разведал! — бодро доложил Степа. — С четырех сторон забор, окна на первом этаже забиты. Два пулемета, чердынь-калуга, у главного входа и слева, там, где пустырь... Эх, жарим сейчас!

— Стрелять пока не будем! — покачал головой Венцлав. — Сейчас подойдут мои ребята...

— А чего ждать! — нетерпеливо просипел товарищ Чудов. — Тут и наших, сибирских, хватит! А ну-ка, товарищ Косухин, загляни-ка во двор... Давай, Степан!

— Как хотите. — Венцлав дернул плечом и отошел в сторону.

Косухин подтянулся и заглянул за забор. Двор был пуст, дом молчал. Но тут дверь на секунду приоткрылась, и во двор выскочила худая пятнистая кошка.

— Ух ты! — ахнул Степа, узнав свой подарок. От удивления Косухин позабыл о всякой осторожности — и напрасно. На втором этаже дернулось пулеметное рыло, и короткая очередь сбила с красного командира шапку. Пришлось приземляться прямо в сухой колючий снег.

— Ах, контры! — прошипел товарищ Чудов и взмахнул ручищей. — Вперед, товарищи! Выжжем гнездо вражье!

Увы, потеря голоса сыграла с товарищем Чудовым дурную шутку — пламенный призыв был услышан далеко не всеми. Наконец дружинники, осознав свой революционный долг, без особой резвости стали перелезать через забор, с опаской поглядывая на пулемет.

Степа поднялся, помотал головой, сбрасывая залепивший волосы снег, и принялся искать шапку. Лишь найдя ее и нацепив на голову, Косухин сообразил, что атака, собственно, уже началась. Стало стыдно. Степа хотел вместе со всеми лезть через забор, как вдруг кто-то легко тронул его за плечо. Косухин оглянулся и увидел товарища Венцлава.

— Не спешите, Степан Иванович. — Тонкие красные губы дернулись в усмешке. — Еще успеете...

— Так ведь... — начал было Косухин, как вдруг где-то рядом что-то хлопнуло, зашипело, и в ту же секунду Венцлав ухватил Степу за руку и потащил в сторону.

Вовремя! За забором поднялось негустое белесое облако, и улица огласилась хрипом и дикими воплями: «Братва! Газы-ы-ы!!!»

Прову Самсоновичу пришлось хуже всех. Через забор его подсадили, а вот обратно пришлось выбираться самому. Товарищ Чудов, стараясь не вдыхать стелющуюся по воздуху мерзость, беспомощно прыгал у забора, пытаясь ухватиться за край, пока кто-то из дружинников не догадался открыть калитку и вытащить кашляющего и плачущего от рези в глазах вождя иркутских большевиков.

— Это не смертельно, — небрежно прокомментировал товарищ Венцлав. — Похоже, хлорпикрин. Мы имеем дело с гуманистами, Степан Иванович. Забавно... Ладно, где наш главком?

Товарищ Чудов сидел прямо на снегу и плакал. Конечно, проливать слезу стойкому большевику, прошедшему каторги и тюрьмы, не полагалось, но Пров Самсонович мог утешать себя тем, что эти слезы есть не результат интеллигентских эмоций, а последствия отравления, полученного в героическом бою.

— Сжечь! Пушку сюда! — сипел Чудов. — У, проклятые угнетатели народа!

— Вы успокоились? — осведомился Венцлав. — Я могу звать своих людей?

Вместо ответа Пров Самсонович грозно высморкался и погрозил врагу кулачищем.

— Степан Иванович, — предложил Венцлав, — сходите-ка покуда парламентаром. Газ, кажется, уже рассеялся... Белый платок у вас есть?

— По-моему, господа папуасы больше не сунутся, — удовлетворенно заявил Семирадский, снимая газовую маску.

— Не думаю. — Арцеулов, не без удовольствия последовав его примеру, выглянул в окно. — Странно, они не стреляют... Ага! Белый флаг!

— Папуасы капитулируют? — осведомился профессор, готовивший новый керамический цилиндр с неприятной начинкой.

Над забором действительно мелькал белый платок, привязанный к острию штыка. Затем калитка несмело отворилась, и во двор вошел молодой парень в сером полушубке.

— Господа! — поразились Берг. — Это же мой знакомый чекист...

— Желаете лично вести переговоры? — усмехнулся капитан. — Господа, отойдите от окон! Разговаривать буду я.

Парень постоял у ворот, затем, убедившись, что платок на штыке был понят правильно, осмелел и подошел поближе.

— Эй, в доме! — крикнул он. — Покажитесь, стрелять не будем!

Арцеулов подошел к окну, став так, чтобы не искушать судьбу, — поближе к стене.

— Говорите!

Парень покрутил головой, затем поправил черную мохнатую шапку. Лицо его внезапно стало суровым:

— Значит, так, контра! От имени власти пролетариата предлагаю сдать. Всем сохраним жизнь, а кто лично не участвовал в войне, будет отпущен на свободу!

— Всем? — переспросил Арцеулов.

— Чего, мало? — возмутился парламентар. — А нет — так руководствуясь революционной законностью, чердынь-калуга! Слышите, беляки, — всем жизнь будет!

— И мне? — заинтересовался Ростислав.

— А ты кто таков будешь?

— Капитан Арцеулов!

— А ты покажись, Арцеулов! — помолчав секунду, предложил парень.

— Не надо, Ростислав Александрович, — быстро проговорила Берг, но капитан улыбнулся и встал так, чтобы его увидели снизу. Глаза парня сузились, он тоже улыбнулся и ощерил зубы:

— Я тебя запомнил, Арцеулов! Сдашься — ой повезет тебе! Я большевистского слова не ломаю. А иначе лично заколю, гада!..

— У вас все? — осведомился Ростислав. — Уходите, через минуту будем стрелять.

— Бывай, контра! До скорого! — бросил парень и повернулся. Внезапно Берг подбежала к окну и, прежде чем капитан успел ее остановить, крикнула:

— Степан! Спасибо за кошку! Приглядите за ней...

Договорить девушка не успела — Арцеулов оттащил ее назад. Парень дернулся, быстро оглянулся, но, никого не увидев в окне, растерянно потоптался, а затем быстро зашагал к калитке.

— Вы что, Наталья Федоровна! — возмутился Арцеулов. — Да здесь же и тридцати саженой нет! Вас же за милую душу могли уложить!

— А вы сами? — отпарировала девушка. — И, кроме того, он присмотрит за кошкой, если что...

— Полно, полно, — вмешался Семирадский. — Сей папуас и вправду недурен. Если его почистить, научить пользоваться зубной щеткой...

Профессор не успел изложить свой план перевоспитания папуаса. Послышались шаги, и в комнату вбежал Семен Богораз. Молодой ученый был весь в пыли и цементной крошке, даже в волосах белели кусочки штукатурки.

— Семен Аскольдович, да что с вами? — поразился профессор.

Вместо ответа Богораз надрывно закашлялся.

— Ужасно, господа! Не выношу физической работы! У меня бронхит, а там столько пыли...

— Нашли? — самым невежливым образом прервал его капитан.

— Не знаю... Там какая-то дыра, господин полковник пытается сейчас ее расширить...

— О чем вы, Семен? — обомлела Берг.

— В подвале может быть подземный ход, — быстро пояснил Арцеулов. — Наша помощь нужна?

— Нет, спасибо, — помотал головой Богораз. — У меня, конечно, бронхит, и вообще это не занятие для ученого... Скажите, сколько у нас еще времени?

Все переглянулись.

— Мало, — решил Арцеулов. — Господин профессор, Наталья Федоровна, оденьтесь и идите в подвал. Как только пробьете вход, зовите нас с поручиком...

— Ни за что, батенька! — возмутился Семирадский. — За кого вы меня принимаете? И вообще у меня наше главное оружие...

— Они обходят дом! — послышался голос Казим-бека. Капитан выглянул в окно — вдоль улицы выстраивалась цепь солдат в сером с винтовками наперевес.

— Все вниз! — рявкнул Арцеулов, бросаясь к пулемету, и в ту же секунду послышался звон бьющихся стекол — первые пули влетели в комнату.

— Казим-бек! Живы?

— Жив! — донеслось из соседней комнаты. — Господин капитан, краснопузые спятили — как на парад вышли!

Ростислав оглянулся — в комнате никого не было. Он облегченно вздохнул и нажал на гашетку.

Солдаты героического 305-го полка стояли ровной шеренгой посреди улицы, четко, как на учениях, посылая пули по проклятому дому. Внезапно из окна ударил пулемет, затем откуда-то сбоку послышалась еще одна очередь — заговорил второй «максим».

— Товарищ Венцлав! — не выдержал Степа. — Ведь ваши бойцы! Их же перебьют всех!..

— Не волнуйтесь, товарищ Косухин, — усмехнулся комполка. — Не о том думаете. Надо поглядеть, не смогут ли беляки ускользнуть.

Пулемет ударил вновь, и Косухин заметил, как пули прошили шинель одного из Бессмертных Героев. Зрелище было малопривычное, но привычное. Степа уже успел пожалеть парня, как вдруг с изумлением увидел, что тот как ни в чем не бывало пере-

заряжает винтовку и вновь спокойно прицеливается. Новая очередь ударила в грудь бойца, тот покачнулся, но руки с винтовкой не опустились...

— А-а... — только и мог проговорить Косухин, но товарищ Венцлав нетерпеливо кивнул и зашагал влево, туда, где за углом дома стрелял второй пулемет.

— ...Да что они, господин капитан, железные? — не выдержал Казим-бек.

Арцеулов нажал на гашетку — очередь полоснула по шеренге стреляющих, но никто из них даже не пошатнулся.

— Может, кольчуги? — крикнул поручик. — Ничего не понимаю...

Ростислав тоже был изрядно растерян. За годы войны приходилось видеть всякое, но чтобы очередь из «максима» не могла свалить человека с тридцати саженей — о подобном и слышать не приходилось. Хотя нет, было — полк Бессмертных Красных Героев...

Капитан стиснул зубы и тщательно прицелился. На этот раз он метил в голову одного из солдат. Пулемет застучал, красноармеец дернулся, но продолжал стоять.

— К черту! — Арцеулов на миг прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Почему-то вспомнилась вчерашняя ночь, жуткая фигура в серой шинели, такой же, как на этих красноармейцах...

— Что с вами, господин капитан? — крикнул Казим-бек.

— Все в порядке, — выдохнул Ростислав. — Поручик, готовьте бомбы!

— Есть! Думаете, бомбы их возьмут?

— Думаю...

Арцеулов придвинул поближе офицерскую сумку и стал не торопясь доставать гранаты. Из соседней комнаты все еще слышалась стрельба — Казим-бек посылал в неуязвимых красноармейцев очередь за очередью.

— Бросайте, поручик, — посоветовал Ростислав. — Пусть подойдут поближе...

— Здесь, кажется, наш вчерашний знакомый! — откликнулся Казим-бек. — Поглядим, какой он железный!..

Венцлав и Степа Косухин пробирались вдоль забора. Первый пулемет, тот, что стоял над входом, внезапно замолк.

— Никак срезали, — удовлетворенно заметил Косухин.

Венцлав на секунду замер, прислушиваясь, затем уверенно бросил:

— Затаился — хитрит!

— А этот все лупит, — кивнул Косухин на окно комнаты, выходящее на пустырь. Пулеметчик как будто услышал его, и следующая очередь легла совсем рядом. Степа невольно пригнулся, но комполка даже не моргнул.

— Товарищ Венцлав! — крикнул Косухин, падая на снег. Следующая очередь выбила фонтанчики совсем рядом с его головой.

— Вас что, беспокоит пулемет? — усмехнулся краснолицый. — А ну-ка погодите...

Он вновь замер, не обращая внимания на пули, свистевшие рядом. Одна из них разорвала его шинель, но Венцлав и не шелохнулся. Косухин сглотнул — еще две пули пропоролы серое сукно...

— Товарищ... — прошептал он и замолчал.

— Все в порядке, Степан Иванович, — вновь усмехнулся командир 305-го, поворачиваясь к Косухину. — Ладно, если вас это смущает...

«Смущает?» — только и смог подумать Степа.

— Не удивляйтесь, Степан Иванович. Когда вы сами станете бойцом нашего полка, то поймете... Ну, пора закругляться. Как я понимаю, за тем пулеметом мой должник... Дайте-ка свой карабин!

Степа, стараясь не обращать внимания на пули, привстал и протянул оружие Венцлаву. Тот передернул затвор, поглядел в сторону невидимого за стальным щитком пулеметчика, а затем, быстро подняв карабин, выстрелил навскидку. Пулемет замолчал.

— Вставайте, — небрежно бросил Венцлав. — Этот спекся!

— ...Казим-бек! — крикнул Ростислав. — Георгий, вы живы?

В соседней комнате было тихо, пулемет поручика молчал. Лишь пули, влетая через разбитые окна, с привычным свистом впивались в штукатурку.

Арцеулов, пригибаясь, бросился к двери. Уже с порога он понял, что ничем помочь нельзя — поручик лежал на полу, прижимая руку к окровавленному горлу.

— Сейчас, сейчас... — бормотал Арцеулов, пытаясь оттащить Казим-бека в сторону от окна.

Поручик тихо застонал. Арцеулов нагнулся к белому, разом потерявшему все краски лицу молодого офицера. Губы Казим-бека дернулись, на них проступила кровавая пена. На миг открылись живые, полные боли глаза, губы снова дрогнули — Георгий пытался что-то сказать.

— Не удалось... — расслышал капитан. — Вам... удачи...

Голова поручика дернулась и застыла. Глаза вновь откры-

лись, но неподвижный, холодный взгляд уже ничего не выражал. Казим-бек был мертв.

Арцеулов на миг застыл, не веря случившемуся, хотя уже не первый год терял товарищей. Затем он медленно перекрестился и встал. Георгий Казим-бек свою войну закончил. Его, Арцеулова, война продолжалась.

Он выглянул в окно и увидел, что картина изменилась — красноармейцы в серых шинелях не спеша перебирались через забор. Движения их были странными, немного замедленными, как будто они двигались по шею в воде. Удивляться не было времени. Арцеулов схватил связку гранат и, прижавшись к стене, стал ждать.

Серые шинели заполнили двор и на минуту замешкались. Ростислав подумал, что штурмующие начнут атаковать дом со всех сторон — через входную дверь и через окна первого этажа. Окна были забиты, но сам капитан, будь он на их месте, поступил бы именно так. Однако серые шинели решили играть не по правилам — десяток крепких ребят в незнакомых высоких шлемах простучал сапогами по ступеням высокого деревянного крыльца и навалился на дверь. Ну что ж, тем лучше...

Дерево трещало. Арцеулов осторожно выглянул в окно, успев заметить странные голубые знаки на шлемах красноармейцев, и, в очередной раз удивившись, аккуратно кинул связку прямо в серую мешанину тел.

Он не ожидал, что взрыв будет таким сильным. Капитана бросило на пол, он перекатился по осколкам битого стекла, вскочил и, схватив новую связку гранат, выглянул в окно.

От крыльца почти ничего не осталось. На черной земле валялись горящие головешки рядом с окровавленными бесформенными ошметьями.

«Это им за Казим-бека!» — подумал Ростислав.

Он выглянул в окно и поразился. Уцелевшие — а их было десятка два — стояли у самого крыльца, точно ожидая чего-то.

— Сдурели они, что ли? — Вторая связка так и просилась на улицу. Но вдруг, словно по неслышной команде, серые шинели стали окружать дом. Через секунду послышался треск отдираемых досок — штурмующие ломились в окна.

«Все! — понял Арцеулов. — Теперь вниз... Если не успели — закроемся в погребе, дверь железная...»

Он сунул за пояс гранату, нырнул вниз по лестнице, почти сразу столкнувшись с Лебедевым.

— Мы пробили вход, скорее! — выдохнул полковник. — Где Георгий?

— Убит, — коротко бросил Арцеулов.

— Как?!

Лебедев замер, и по его лицу Ростислав понял — полковник

действительно никогда не был на войне. Времени на разговоры не оставалось — в окна уже вваливались красноармейцы с голубыми знаками на шлемах. Арцеулов схватил Лебедева за руку и потащил к дверям подвала. Прежде чем захлопнуть их, капитан еще раз удовлетворенно отметил, что двери сработаны на совесть.

Он задвинул засов и перевел дыхание. В подвале было полутемно — горели две керосиновые лампы. В углу, окруженное грудой вывороченных кирпичей, чернело неширокое отверстие — как раз достаточное, чтобы пропустить человека...

— Где господин Казим-бек? — спросила Берг, стоявшая в стороне, у огромного металлического бака — очевидно, того самого, в котором был приготовлен страшный сюрприз. Профессор и Богораз были рядом, и вид их свидетельствовал, что мужам науки пришлось немало потрудиться на ниве труда физического.

— Господин Арцеулов сказал... — растерянно начал полковник, но так и не договорил.

— Господа! — резко, резче чем хотел, перебил его Ростислав. — Поручик Казим-бек убит. В доме красные. Надо уходить!..

Берг вскрикнула, профессор сурово нахмурился и перекрестился. Семен Богораз внешне никак не отреагировал и лишь чуть отшатнулся к кирпичной стене.

— Что там? — торопил Арцеулов. — Это ход?

— Извините, капитан. — Лебедев мотнул головой и глубоко вздохнул. — Да, похоже на подземный ход. Я все приготовил, можно уходить...

За дверью подвала слышалось буханье сапог. Ростислав вновь удивился — пришельцы обыскивали дом молча.

«Немые они, что ли?» — мелькнуло в голове, и тут в дверь подвала начали колотить чем-то тяжелым.

Лебедев кивнул, и Семен Богораз, с трудом волоча тяжелый баул, стал первым залезать в черное отверстие. За ним последовали Берг и профессор. Арцеулов подошел к пролому в стене, из которого несло ледяным холодом, и вопросительно посмотрел на полковника. Тот не спеша разматывал катушку со шнуром Биффорда.

— Идите, капитан. Я сам...

Сказано это было так, что Арцеулов тут же подчинился.

В проходе было темно, лишь впереди неясно мигал свет фонаря, который нес профессор. Ростислав прошел немного дальше и остановился, поджидая Лебедева. Тот появился через несколько секунд.

— Скорее, капитан, — шепнул он. — У нас две минуты. Надо успеть, это же керосин...

Арцеулов понял. Как только взрывное устройство сработает, огненное море охватит дом и устремится вслед за ними.

Теперь они почти бежали. Намерзший на каменном полу лед скользил под ногами. Дважды Арцеулов чуть было не упал, но каждый раз крепкая рука полковника успевала его поддержать. Фонарь светил где-то совсем далеко и внезапно пропал. Арцеулов ускорил шаг. Один раз он все-таки умудрился упасть, но тут же вскочил и поспешил дальше. Через несколько секунд Ростислав понял, в чем дело — впереди был поворот, и шедшие перед ними уже успели завернуть за угол.

— Туда! — шепнул Лебедев. — Взрывная волна...

Арцеулов кивнул. Они успели добежать до поворота и свернуть за угол, когда земля дрогнула, затряслась, с потолка посыпался мелкий каменный сор, а из только что покинутого тоннеля пахло жаром и гарью...

Косухина спасло чудо. Он уже собирался вслед за товарищем Венцлавом и его бесстрашными бойцами ворваться в калитку и идти на штурм белогвардейского логова, как вдруг подбежавший дружинник потребовал его к товарищу Чудову. Степа хотел было послать вестового подальше, но затем решил, что такое анархическое поведение недостойно красного командира. Он угрюмо кивнул и поспешил в соседний переулок, где расположил свой штаб большевистский вождь.

Прову Самсоновичу изрядно полегчало. Правда, слезы все еще текли по его героическому лицу, но глава иркутских большевиков этого явно не замечал.

— Ну, товарищ Косухин, докладай! — велел он. — А то оставил я вас без партийного руководства...

Степа, сбиваясь, пересказал ход событий.

— Это хорошо, Степан, — рассудил Пров Самсонович. — Ты вот чего... принимай командование. Меня к Федоровичу кличут — чего-то чеки с Колчаком мудрят...

Вдали, у самого дома, рванула граната.

— Ишь, огрызаются! — нахмурился Чудов. — Ниче, ниче, конец приходит гидре! Ты вот что, товарищ Косухин, за Венцлавом-то этим присматривай... Сигнал у меня имеется — нехороший очень. Лебедева возьмут, так ты его к нам волоки, ему не передавай...

Степа вздохнул. Товарищ Венцлав временами казался странным — и даже страшным, но Косухин твердо верил, что Реввоенсовет знал, кого назначать командиром 305-го. В конце концов, то непонятное, чему он был свидетелем, могло быть той самой Военной Тайной, которая, как был убежден Косухин, существует в каждой войне.

Распорядившись, Пров Самсонович закосолапил к поджигавшему его автомобилю. Степа простоял с полминуты, но затем сообразил, что там, в доме, решается судьба важной операции, а он прохлаждается в глубоком тылу. Почувствовав вполне естественный стыд, Косухин схватил карабин и поспешил обратно. Он выскочил из переулка и уже хотел бежать прямо к калитке, как вдруг воздух дрогнул. Степе почудилось, что очертания дома стали расплывчатыми, старый кирпичный особняк треснул, в проемы плеснуло бешеное пламя...

Все остальное делалось бессознательно — сработал фронтовой опыт, не однажды спасавший Степу. Он бросился в глубокий снег, головой в переулок, надеясь, что то страшное, которое сейчас обрушится на всех вокруг, пронесется мимо.

...Взрывная волна вбила его в снег. Когда наконец наступила жуткая тишина, Косухину показалось, что он совершенно оглох. Но вот стали доноситься взволнованные голоса, крики, кто-то позвал его по фамилии.

«Я же командир!» — вспомнил Степа и медленно встал.

То, что увидел Косухин, оказалось даже страшнее, чем он ожидал. Дома не было — на его месте полыхал огромный костер, огонь охватил часть того, что было двором, горела деревянная ограда. Снег на улице почернел, а местами даже испарился. К горящему забору осторожно подбирались несколько уцелевших дружинников.

— Стой! Назад! — крикнул Степа.

Спешить было некуда. Белые гады сгорели, а славные бойцы полка Бессмертных Красных Героев и их командир товарищ Венцлав пали смертью храбрых.

Косухин сделал знак дружинникам, чтобы те не подходили к полыхавшему огню, а сам осторожно стал подбираться поближе. От гигантского костра несло жаром, там что-то взрывалось и падало, как вдруг на фоне бушующего пламени медленно проступила страшная черная фигура. Кто-то высокий, в тлеющей шинели, спокойно выходил из огненного ада...

ГЛАВА 6

ПОГОНЯ

В подземелье лютвал холод, ноги скользили по обледенелым камням, и время словно остановилось. На самом деле они шли — вернее, почти бежали — не более четверти часа.

— Стойте, — скомандовал наконец Лебедев. — Передохнем...

Профессор и Семен Богораз присели на свои баулы, а ос-

тальные остались стоять, боясь даже прислониться к дышащим холодом стенам.

— Давайте помолчим, — предложил Арцеулов. — Послушаем.

Теперь тишину ничто не нарушало. Даже отдаленный гул и треск, доносившиеся с той стороны, где был когда-то дом, стихли.

— Да-с, — молвил наконец Семирадский. — Не смею спрашивать, куда ведет сей лаз...

— А правда, господин Арцеулов, — поддержал профессора Лебедев, — куда мы идем?

— Не знаю, — растерялся капитан. — Мне лишь сказали, что в подвале может быть ход...

— Дом принадлежал какому-то золотопромышленнику, — заметил полковник. — Ход этот ему был не без надобности. Остается надеяться...

Ему никто не ответил. Через несколько минут Лебедев кивнул, и они пошли дальше. Впрочем, на этот раз путь был недолог — через несколько минут неяркий свет керосиновых ламп высветил мощную каменную кладку.

— Тупик, господа... — растерянно проговорил Богораз.

Профессор, несший одну из ламп, прошелся вдоль стены и хмыкнул — влево уходил еще один ход, поуже и пониже.

— А вот еще, — заметила Берг.

И действительно, точно такой же ход уходил вправо.

Вскоре выяснилось, что путь налево закрыт давним завалом. Рухнувшие камни покрылись льдом, и думать о том, чтобы прокопать дорогу, даже не стоило.

— Остается направо, — философски заметил Богораз. — Господа, а продукты-то мы захватили?

— Опасаетесь каннибализма? — хмыкнул профессор, но никто не поддержал невеселую шутку.

Далеко уйти не удалось. Метров через двести проход закончился несколькими ступеньками, которые вели к невысокой двери, заложенной мокрыми от сырости кирпичами. Дальше пути не было.

— Рискнем? — предложил Ростислав, доставая из сумки гранату. — Вела же эта дверь куда-то...

— Но здесь подземелье, — заметил полковник. — Осколки... ударная волна...

Арцеулов пожал плечами, подошел к замурованной двери и стал прикидывать, куда удобнее пристроить гранату. В конце концов он решил просто положить ее на пол у самого порога. Если кладка в один кирпич, этого хватит.

— Уходите, — скомандовал он, — и подальше... Уводите людей, господин полковник!

Подождав несколько минут, Арцеулов снял тулуп, уложил его в проходе метрах в пятнадцати, чтобы не падать на заледене-

лый камень. Остальное было несложным — сорвать чеку и успеть за четыре секунды упасть на тулуп и прикрыть голову руками...

Когда грохот стих, капитан стряхнул с себя мелкий сор, рухнувший с потолка, накинул тулуп и оглянулся.

— Кажется, что-то есть! — крикнул он в темноту. — Прошу вас, господа!..

...Товарищ Венцлав не спеша подошел к окаменевшему от изумления и ужаса Степе, скинул горящую шинель и то, что осталось от шапки, после чего коротко усмехнулся.

— Живы, товарищ Косухин?

— Я... я жив... — вконец растерялся Степа. — А... а... вы?..

— Разве вы не слыхали, что настоящие большевики не горят в огне? — вновь дернул губами Венцлав, но усмешка тут же погасла. — Просто повезло. А вот ребят жаль... Соберите людей и осмотрите все вокруг. На всякий случай... Остальным займемся завтра. Я еще не все понял...

«А чего тут понимать-то?» — хотел возразить Косухин, но дисциплинированно смолчал. Он собрал растерянных и оглушенных дружинников — четверо погибли и столько же были серьезно обожжены — и отправил их на осмотр окрестностей. Сам он остался возле разрушенного дома и начал не спеша обходить его по периметру.

Степа мог быть удовлетворен. Акт пролетарского возмездия свершился — белогвардейская банда обратилась в пепел. Правда, погибли верные товарищи из 305-го, но Косухин хорошо усвоил, что войны без потерь не бывает. Но все же что-то не давало покоя верному бойцу революции и уполномоченному Сиббюро.

«И чего они, дураки, не сдались? — вдруг подумал он. — Вот зверье! Хоть бы девушку пожалели, она же больная была! Как она себя называла? Али-Эмете, кажется?..»

Косухину никак не верилось, что странной девушки, которая так беспокоилась о пропавшей кошке, уже нет. Внезапно подумалось, что, будь его, Степина, воля, он отпустил бы эту банду на все четыре стороны, даже Лебедева и белого гада Арцеулова, лишь бы девушка не погибла. Правда, Косухин тут же осудил себя за эту оппортунистическую мысль, но все равно — на душе было мутно.

Внезапно он услышал мяуканье. Оглядевшись, Степа увидел кошку, ту самую, генеральскую, которую он притащил в дом на Троицкой. Перепуганное животное жалось к рухнувшему забору, глядя на человека безумными зелеными глазами.

«А ведь она за кошку просила!» — вспомнил Косухин и по-

дошел к несчастному зверьку. Кошка попыталась удрать, но Степа поймал ее и, отряхнув налипшие на пятнистую шерсть снег и грязь, сунул за ворот полушубка.

— Какой-то подвал, господа! — заметил профессор, светя в пролом фонарем.

Он не ошибся. Это действительно оказался подвал, уставленный какими-то ящиками и бочками. Здесь было тоже неудобно, но этот холод не шел ни в какое сравнение с ледяным дыханием подземелья. Богораз тут же устроился у одного из ящиков, а остальные, менее склонные к философскому уединению, продолжали осматриваться.

— Лестница! — воскликнул профессор. — Путь к цивилизации! Правда, дверь заперта...

— Не шумите, Глеб Иннокентьевич, — посоветовал полковник. — Там, наверху, люди.

— Ну, знаете! — возмутился Семирадский. — Только что Ростислав Александрович изволил целую бомбу оприходовать...

И словно в ответ в замке заскрежетал ключ. По команде полковника фонари были погашены, и вся группа недвижно застыла во мраке. Дверь растворилась, в проеме показалась странная фигура в долгополой накидке с керосиновой лампой в руке. Нерешительно постояв на пороге, человек стал спускаться. Как только неизвестный оказался рядом, Арцеулов неслышно проскользнул ему за спину и кашлянул.

— А! — дернулся долгополый, но его уже окружили со всех сторон. Фонари вновь зажглись, и перед ними предстал некто длинноволосый, о профессиональной принадлежности которого догадаться было несложно.

— Господи помилуй!.. — перекрестился длинноволосый, глядя полными ужаса глазами на незваных гостей. — Никак злодеи?

— Мы не злодеи, батюшка, — поспешил объясниться Лебедев. — Не бойтесь...

— Не батюшка я... Пономарь я церкви во имя Святого Влаasia...

— Так мы в церковном подвале! — понял Арцеулов. — Господин полковник, где это?

Прежде чем ответить, полковник долго успокаивал перепуганного пономаря, для чего понадобилось показать не только дыру в стене, но и офицерское удостоверение. Наконец тот немного оттаял.

— Слышал я взрыв-то, — вздохнул он. — И видел — огонь до неба. И про ход тайный слыхивал. Давно его заложили, еще лет полста тому... Значит, спас вас Бог от ков антихристовых...

В конце концов пономарь пригласил неожиданных гостей под-

няться в церковь, в которой никого не было — в эти тревожные дни службу правили не каждый день. Во дворе уже темнело, и полковник решил двигаться дальше.

— Нам повезло, — пояснил он Арцеулову. — Места знакомые. Чуть дальше у нас есть еще одна квартира. Часа два переждем, заберем вещи — и в путь...

— А далеко? — поинтересовался капитан. — Или это по-прежнему тайна?

— Сначала на Сайхен...

— Господин полковник, я не силен в здешней географии, — напомнил Ростислав.

— Сайхен... — Лебедев помолчал. — Лучше я покажу на карте, капитан. А пока я хочу попросить этого пономаря, чтобы он заказал панихиду по Георгию...

— Вы давно знали господина Казим-бека?

— Три года, — вздохнул полковник. — Он прошел полный курс подготовки и должен был лететь вместе со мной.

— Перед смертью он пожелал вам удачи. И сожалел, что не довелось самому...

— Да, — кивнул Лебедев. — Не довелось... Проклятая война!

Арцеулов вновь подумал, что его спутник, несмотря на полковничьи погоны, не походит на военного. Арцеулову приходилось встречать авиаторов, это были ребята лихие, полковник же казался совершенно иным. Арцеулов рассудил, что Лебедев, вероятно, тоже ученый, как и остальные. Испытывал новые аэропланы в каком-нибудь исследовательском центре и вот неожиданно-негаданно угодил в горящий Иркутск.

...Запасная квартира оказалась недалеко — всего в получасе ходьбы. Дом был, как вначале показалось Арцеулову, пуст и брошен. Но когда полковник постучал в дверь условным стуком, переменяя, словно в азбуке Морзе, «тире» и «точку», им открыли. Хозяин — молодой плечистый бородач, — ничего не спрашивая, сразу же пригласил гостей в комнаты, пообещав поставить самовар и заодно сообщив, что все готово.

Что именно готово, Арцеулов понял часа через полтора, когда бородач вывел из сарая запряженную тройку длинногривых красавцев-коней. В сани погрузили несколько мешков и баулов, после чего профессор Семирадский, к немалому удивлению капитана, взял в руки вожжи и предложил усаживаться. Хозяин открыл ворота и, поглядывая по сторонам, вывел тройку на улицу. Профессор перекрестился, проговорил: «Ну-с, ну-с, вспомним молодость» — и легко хлестнул вожжами.

Наутро в кабинете Чудова царила великая суматоха. С часу на час чехи должны были передать Политцентру врага революции и наймита международного империализма адмирала Колча-

ка, и Пров Самсонович, находившийся в приподнятом настроении, отдавал последние указания. Бывший Верховный должен был содержаться в иркутской тюрьме, где сживал сам товарищ Чудов, что наполняло широкую грудь вождя местных большевиков чувством законной пролетарской гордости. На Степу в этой суматохе он даже не обратил внимания. Косухин, сообразив, что в такой великий день всем не до него, вышел в коридор и тут же столкнулся с товарищем Венцлавом.

— Поедете встречать адмирала? — поинтересовался тот весьма странным тоном, словно конвоирование белого гада Колчака было делом пустым и никчемным. — Пойдемте, Степан Иванович, пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов...

— Как? — поразился Степа, но послушно проследовал за товарищем Венцлавом в его кабинет.

— Колчак — вчерашний день, — пояснил свои странные слова Венцлав, усаживаясь за стол и кивая Косухину на один из стульев. — Да и в лучшие времена адмирал не представлял особого интереса. Правда, он очень толковый гляциолог...

Очевидно, вид у Степы стал совсем растерянный, поскольку Венцлав улыбнулся и пояснил:

— Это специалист по льдам, Степан Иванович... Так что пусть с ним разбирается товарищ Чудов. А нам с вами надо кое-что обсудить. Прежде всего расскажите-ка про кошку...

Косухин особо не удивился. Он почему-то был уверен, что непонятная история рано или поздно выплывет наружу. Запираться Степа не стал и выложил все — от лихого налета на подозрительную квартиру до того, как ему удалось пристроить кошку при тюремной кухне, предварительно уверив повара, что пятнистая Шер — отчаянный враг крыс.

— Берг... Берг... — задумался Венцлав. — Это семья очень известных физиков. В последние годы появились любопытные публикации какого-то Н. Ф. Берга. Очевидно, это не какой-то, а какая-то...

— Но ведь она больная!..

— Ваша Али-Эмете? — хмыкнул краснолицый. — Эта компания неплохо нас обставила! Я тоже хорош — прошляпил Семена Богораз...

— Товарищ Венцлав, — решился наконец Степа, — если эти гады прячут золото, зачем им физик? Как-то странно...

— Поймете, поймете, Степан Иванович, — каким-то непонятным тоном пообещал Венцлав. — Ладно, оставим в покое кошку, давайте-ка о другом. Допустим, эта группа все-таки спаслась...

— Да быть того не может, чердынь-калуга! — поразился Степа. — Там же такое...

— И все-таки допустим. Куда они могут направиться?

Степе оставалось лишь развести руками.

— Я бы лично рванул из города, да подальше, — наконец предположил он. — Вон Каппель-гад под боком...

— Да, Каппель близко, — согласился Венцлав. — Степан Иванович, вы уже полгода здесь воюете... Что такое Сайхен?

— Гора, — уверенно ответил Косухин. — То есть горы. Ну, как его, хребет... Верст триста отсюда на запад.

— Горы... Мне принесли одну бумажку — раскопали все-таки... Этот Лебедев ездил куда-то на Сайхен. Что там есть у белых?

На минуту-другую Косухин задумался.

— Лагерь какой-то, — вспомнил он. — Охранялся сильно, мы туда и не совались. Слышал, аэропланы туда летают...

— Аэропланы? — В голосе Венцлава слышалось такое, что Степа поневоле вскочил.

— Ну да, — растерянно подтвердил он. — Легкие, которые «Фарманы», и большие «Ильи Муромцы»...

— Разбираетесь в авиации?

— Немного, — кивнул Степа. — Брат летчиком был...

И до него наконец дошло.

— Значит, если они живы, чердынь-калуга, и доберутся до аэродрома...

— Конечно! — рубанул рукой Венцлав. — Ищи их потом! Вы знаете, на сколько летит «Илья Муромец»?

— До восьмисот верст, — кивнул гордый своими знаниями Косухин. — Можно и баки дополнительные поставить...

Венцлав, достав из ящика стола карту, стал ее разглядывать. Степа подошел поближе. Вдвоем они отыскивали горный хребет Сайхен, затем Косухин достаточно предположительно указал место авиабазы — читать карты он был не мастак.

— Уйдут! — Венцлав закусил губу. — Уйдут, товарищ Косухин! Там наших нет, а вдогонку не успеем... Или успеем, а?

— Можно, — решительно заявил Степа. — Ежели наперерез.

— Зимой?

— Если на лыжах — дойду, — подтвердил Косухин. — Да мне и до Сайхена идти не надо, я их, гадов, на полпути встречу! Места знакомые...

Венцлав минуту-другую молча смотрел на карту, затем постучал пальцами по столу и решительно кивнул:

— Хорошо. Подберите нескольких человек и будьте готовы к завтрашнему утру. Сегодня к вечеру я буду знать, живы они или нет. И если да — действуйте... А я тоже что-нибудь придумаю.

— Ага! А если я перехвачу их, тогда чего? Всех брать живыми?

— Как получится, — пожал плечами командир 305-го. — Но Лебедева и эту Берг — обязательно. Последнее вам наверняка будет нетрудно...

Степан вспыхнул, но смолчал, поспешив покинуть ставший почему-то таким неудобным кабинет. В голове у Косухина все смешалось. Зачем белым гадам физики? Куда это они могут летать? Неужели колчаковское золото так далеко?

Степа еще раз вспомнил места, через которые придется идти. Летом местность была непроходимой — страшные комариные топи отрезали дорогу на Сайхен. Но зимой местные кержаки свободно ездили через замерзшие болота на санях. Если каким-то чудом уцелевшие беяки решат ехать этим путем, на лыжах догнать их невозможно. Но Степа неплохо знал короткую дорогу через горы, по которой не раз ходил с повстанцами этой осенью. Она вела как раз к предгорьям Сайхена. И где-то там беглецов можно будет встретить.

Между тем в тюрьме стоял шум — товарищ Чудов с триумфом доставил с вокзала пленного адмирала и теперь водворял его в камеру смертников. Это занятие настолько увлекло Прова Самсоновича, что подступиться к нему было совершенно невозможно. Степа и не пытался, он искал Федоровича.

Ему повезло — глава Политцентра оказался тут же. Выслушав просьбу Косухина выделить пятерых человек из числа его черемховцев, он вначале удивился, а затем решительно отказал, заявив, что в Иркутске каждый штык на счету. Пришлось настаивать, намекнув на крайнюю революционную необходимость поимки белых гадов, пытающихся уйти по тайге к Сайхену.

— С ума сошли, товарищ Косухин! — решительно заявил вражина Федорович, выслушав Степин план. — Я эти места помню. Погибнете ни за чих собачий! Вы что, юноша, в снегу ночевать будете?

На «юношу» Косухин смертельно обиделся, но ссориться не стал, пояснив оппортунисту-эсеру, что знает по пути несколько сторожек и охотничьих домиков, а в крайнем случае переночует и у костра. Степе это было не впервой.

Федорович пожал плечами, обозвал Степу каким-то «бойскаутом», но в конце концов согласился, начертав на клочке бумаги соответствующий приказ. Довольный Косухин хотел уже идти за ребятами, но Федорович остановил его:

— Погодите! Вы доверяете этому... Венцлаву?

Степа возмутился. Правда, возмущение его было не совсем искренним. Командир 305-го с каждым днем казался все более подозрительным, но не с эсеровским же двурушником обсуждать сугубо внутрипартийные проблемы!

— Здесь Венцлава помнят, — продолжал Федорович. — Лет двадцать назад его искала полиция по всей Сибири...

Косухин тут же почувствовал истинную гордость за товари-

ща по партии. Выходит, еще в те давние времена товарищ Венцлав давал жару проклятому царизму!

— Его искали не за политику, — понял Степу вражина Федорович. — Он был разбойник, один из самых страшных во всей Сибири...

— Котовский был тоже разбойник, чердын-калуга! — не сдавался Косухин. — А сейчас на всей Украине первый красный кавалерист!..

— Он не просто разбойник, — спокойно, но твердо перебил Федорович. — Венцлав убивал людей и, говорят, съедал их вместе со своими бандитами. На него завели дело за то, что он выкапывал трупы на кладбище...

— Что?! — Степа вспомнил генерала Ирмана.

— Его обвиняли в каких-то тайных культах, чуть ли не в жертвоприношениях... В общем, я очень удивился, когда наши союзники-большевики приняли его в партию и даже, кажется, поручали что-то важное...

— А может, это и не он был вовсе, — неуверенно предположил Косухин. — Мало ли Венцлавов?

— А он и не был Венцлавом. Звали его тогда Славка Волков. Да только он это — уже несколько человек признали... Так что не верьте ему, товарищ Косухин. Говорят, тех, кто служил ему, Славка Волков опаивал каким-то зельем, чтобы себя не помнили, и посылал на верную смерть...

Степа, не став продолжать этот разговор, отковырял и пошел искать своих товарищей-черемховцев. Самым страшным было то, что он понял: двурушник и уклонист Федорович не лжет. Мертвый Ирман, странные красноармейцы с голубыми свастиками на шлемах, татуировка на руке того, кто так похож на Федю Княжко... Нет, это не случайность и не военная тайна! Что ж, у красного командира Косухина оставался лишь один путь — вначале выполнить приказ, а после сообщить обо всем в ЦК товарищу Троцкому или даже самому товарищу Ленину. Вожди революции разберутся!

Степа действовал быстро. Собрав черемховцев, он ничего не утаил от своих боевых товарищей, рассказав о том, как и где собирается ловить белых гадюк, а потом вызвал добровольцев. Согласилось человек десять. Из них Косухин выбрал пятерых, велел каждому достать лыжи, харчей дня на четыре и быть готовыми к завтрашнему утру. Много людей брать не стоило — большой отряд в дороге не прокормить и не разместить на ночлег. Вшестером же Степа был готов справиться с десятком матерых офицеров, а не только с Лебедевым, Арцуловым и парой физиков-химиков.

Ближе к вечеру его вызвал Венцлав. Выслушав короткий Степин доклад, он молча кивнул и усадил Косухина в автомобиль. Степа сразу же понял, что они едут к руинам особняка, и не ошибся.

...Взрыв не просто разнес дом — на месте особняка оказалась большая воронка с почернелыми краями, в которой лениво копались два десятка дружинников. Степа подумал, что найти что-либо в этом хаосе будет невозможно, но тут же сообразил, что не зря приехал. Венцлав указал на прокопанную дружинниками черную нору.

— Вот так, — усмехнулся он. — А вы говорили, Степан Иванович, что этого не может быть!

— Дела-а! — Косухин, покрутив головой, осторожно заглянул в черное отверстие. — А куда он, чердынь-калуга, ведет?

— Неважно, — пожал плечами краснолицый. — В любом случае их уже нет в городе. Так что надежда на вас, товарищ Косухин. Когда выступаете?

— Утром. Нас чехи подкинут верст двадцать, а там — на лыжи и вперед, чердынь его...

— У Сайхена встретимся, — пообещал командир 305-го, что отчего-то чрезвычайно Степе не понравилось. И он даже не хотел думать — почему.

Арцеулов не катался на крестьянских санях с детства, когда ему приходилось бывать в деревне у дяди — известного адвоката, купившего небольшое имение в Калужской губернии. Имение сожгли еще в 17-м, а дядя-адвокат умудрился летом 18-го подписать какой-то коллективный протест на имя начальника Петроградской «чеки» Урицкого, после чего исчез без следа. Ехать в санях было приятно. Можно укрыться меховой полостью, положить под голову полевую сумку и закрыть глаза... Только сейчас Ростислав понял, насколько он устал за все эти сумасшедшие дни.

Он не уснул — сознание фиксировало и конское ржание, и тихий разговор Натальи Берг с Богоразом о преимуществах какой-то баллистической траектории по сравнению со всеми прочими, и редкие реплики Лебедева, по которым Арцеулов сообразил, что полковник понимает в математических хитростях не меньше, чем его ученые спутники. Ростиславу стало хорошо и спокойно. Он понимал, что это только недолгая пауза, но был благодарен судьбе и за нее. Несмотря ни на что, ему потрясающе везло. Капитан вдруг понял, что его шансы дожить до дня рождения несколько выросли. Впрочем, если быть честным, то неманного.

«Интересно, — подумал Ростислав, — успею ли я хоть что-то

понять во всем этом? Перстень, странный чех, красноглазые собаки, тип в серой шинели, солдаты с синими изогнутыми крестами на шлемах, проект «Мономах». Хорошо бы успеть...» Это будет, пожалуй, третье дело из тех, что осталось совершить в этой жизни — кроме необходимости дожить до февраля и смутной надежды на встречу с краснопузой сволочью, которой он обязан вернуть флягу...

...Остановились под утро в большом селе, названия которого Арцеулов так и не узнал. Их ждали. Молчаливый хозяин поспешил завести коней во двор, и путешественники получили возможность передохнуть. Время подгоняло, но до темноты двигаться дальше было нельзя — в селе хозяйничал повстанческий отряд. Красных было немного, да и заняты они были вполне мирным делом — дегустировали местный самогон. Однако Лебедев и Арцеулов, посоветовавшись, решили все же не рисковать. Полковник рассчитывал, что дальше начнутся малозаселенные места, где можно будет нагнать упущенное.

Они расположились в комнате, которую предоставил им хозяин. Для верности Арцеулов запер дом изнутри, а сам, предложив всем отдохнуть, сел у двери, разложив поблизости весь имеющийся у них арсенал. Перепуганный хозяин спрятался в соседней комнате, а Ростислав, конфисковав у него полный кисет махорки, решил от души перекурить. В эти горячие дни капитан почти забыл о табаке, но теперь, вырвавшись из Иркутска, с удовольствием вертел одну «козью ногу» за другой, пуская густой сизый дым в потолок. За этим занятием его и застал профессор Семирадский.

— Не спится, Глеб Иннокентьевич? — поинтересовался Ростислав.

— Гм-м... — на миг задумался профессор. — Оно поспать не мешало б...

— Так спите! Я покараулю.

— Вздор! — махнул рукой Семирадский. — Полчаса подремал — и баста! Нельзя потакать вредным привычкам!..

— Помилуйте! — поразился Ростислав. — Это сон-то вредная привычка? Знаете, посидишь двое суток в окопах без сна — иначе подумаешь.

— Воевать — тоже вредная привычка! — не сдавался профессор. — Все это, батенька мой, вздор, как и ваше курение. Человек может спать два часа в сутки!

Спорить о вреде курения не хотелось. Между тем профессор не унимался:

— Современная молодежь подает пример всеобщего одичания, да-с! И вы, Ростислав Александрович, не в обиду будет вам сказано...

— Да! — серьезно кивнул капитан. — Одичал!

— Вот-с! Еще хорошо, что вы это признаете! Ну скажите, Бога ради, зачем вас понесло на эту дурацкую войну? Только не говорите, что вы спасали Россию. Это я, знаете, слыхал не раз.

Арцеулов задумался. Этот вопрос ему приходилось задавать и самому себе.

— Я профессиональный военный, профессор. Если кому воевать, то именно мне.

— А потом? Только не говорите, что вышли сокрушать большевиков!

— Потом? — удивился Ростислав. — Знаете, когда в конце 17-го офицеров стали рвать на части, то тут уж волей-неволей возьмешься за винтовку! Хотя бы из инстинкта самосохранения.

— Вот-с! — Профессор поднял указательный палец. — Именно! Из инстинкта! Разум бездействует! Идет децивилизация человечества!

— Как вы сказали?

— Де-ци-ви-ли-за-ци-я! Сначала исчезает разница между современным человеком и папуасом, а затем между человеком и зверем! Не удивлюсь, если скоро, к радости Натальи Федоровны, из всех шелей ползут лешие, домовые, упыри...

— Не верите в упырей? — улыбнулся капитан. Профессор зарычал, но Арцеулов решил перейти в контрнаступление:

— А вы знаете, Глеб Иннокентьевич, мне приходилось читать, что в XVIII веке факты существования упырей были официально зарегистрированы.

— Ну да! В Трансильвании! — принял вызов Семирадский. — А приблизительно в то же время Французская Академия наук официально постановила, что метеоритов не существует. Да-с! Метеоритов нет, а вот упыри есть!

— Скажите, — решил капитан, — а как объяснить, если в человека попадает пуля, и не одна, а он продолжает не только жить, но даже и воевать?

— Это означает, — вздохнул Семирадский, — во-первых, что вы промахнулись. Во-вторых, на этом человеке была кольчуга. В-третьих, вы забыли зарядить в патрон пулю. В-четвертых, произошел какой-то уникальный случай, требующий отдельного пояснения.

— Этих уникальных случаев вчера было приблизительно три десятка.

— Угу, угу, — кивнул профессор. — Взвод упырей. Хотите, я вам тоже расскажу занятную историю? Как раз в вашем вкусе. С упырями.

— Давайте, — согласился капитан, сворачивая новую «козью ногу». — По крайней мере не усну.

— Не уснете. Это я выдумал не сам, а услышал от моего кол-

леги. Лет этак пятнадцать назад он по заданию Русского географического общества проник на Тибет. Переоделся ламой...

— Такие поездки охотно финансировались разведывательным отделом российского Генштаба, — хмыкнул капитан.

— Возможно-с. К сожалению, очень многие привыкли путать грешное с праведным. Так вот, сей лама однажды попросился переночевать в одном тамошнем монастыре, то есть дацане. Попросился в момент печальный — там аккуратно собирались хоронить одного монаха. Ну-с, и пришлось ему наблюдать церемонию...

Профессор помолчал, погладил бороду и продолжил:

— Церемония невеселая, но для этнографа любопытная. Уложили покойничка посреди двора, остальные собрались вокруг, а настоятель стал в головах усопшего. И вот поднял сей настоятель руки и стал бормотать нечто невразумительное. И что вы думали? Покойничек открывает глаза...

— Что? — вздрогнул Ростислав.

— Вот-вот, я так же переспросил. Открывает, стало быть, глаза, затем садится, а потом, представьте себе, встает. И начинает этакий обход, причем идет своими ногами, правда, если верить моему коллеге, несколько косолапо...

Арцеулову вспомнились медленные и неуклюжие движения солдат в высоких шлемах. А ведь если этому мертвому монаху дать винтовку...

— Ну вот, обошел он всех и прилег, на этот раз окончательно. Тем дело и закончилось. Ну как, верите?

— А вы?

— Я ученый, — развел руками профессор. — Своими глазами не видел, но допустим. Отбросим возможность розыгрыша, временного затмения разума или влияния горного воздуха. Пусть это факт. Но для науки мало одного факта! Нужен эксперимент! Много экспериментов, причем на разных объектах!

— Спасибо, не надо, — усмехнулся Арцеулов, представив себе то, о чем говорил Семирадский.

— А-а! — махнул рукой тот. — К анатомии в свое время тоже относились предвзято! Великий Везалий даже пострадал за это от тогдашних папуасов. Ростислав Александрович, отдельные факты — это еще не наука. Даже много фактов — не наука. Сотни свидетелей видели в XVI веке под Парижем волка-людоеда размером с быка. Сотни! Но все равно, не вводить же на этом основании новый подвид волк-каннибал парижский!

— А зачем вы мне рассказали про этот монастырь, Глеб Иннокентьевич? — удивился капитан.

— Я лишь попытался объяснить позицию исследователя. Семен Аскольдович Богораз — исключительного таланта человек, но, например, вот с вашим перстнем изволил увлечься. Как

можно делать такие скоропалительные выводы, даже с учетом мнения глубокоуважаемого Секста Эмпирика?

— А все-таки что скажете? — Ростислав протянул перстень профессору. Тот повертел его в руках, пожал плечами, вернул:

— Азия, возможно — Урал. Очень древний...

— Мне его велели не снимать, — внезапно признался Арцеулов.

— Так не снимайте, — согласился Семирадский. — Если он вам действительно помогает или вам кажется, что помогает... Отчего же нет?

Выехали к вечеру, когда упившиеся повстанцы уснули. Правда, хозяин предупредил, что ночная поездка может стать опасной из-за обнаглевших в эту зиму волков, но выбирать не пришлось. Бородатый кержак привел еще одну тройку и сам сел править. Вторые сани оказались под началом молодого неразговорчивого парня — как понял Арцеулов, племянника хозяина. В результате разместились с комфортом — профессор составил компанию своим молодым коллегам, а Арцеулов оказался в одних санях с полковником.

Так ехали два дня. Миновав заснеженную низину (как объяснил полковник, замерзшее болото), сани свернули на ровную, хотя и весьма извилистую дорогу. Арцеулов удивился, откуда в комариных топях взялось такое, но Лебедев пояснил, что это замерзшая река со странным названием Китой. Им предстояло проехать по льду почти до самых ее истоков, а затем свернуть к верховьям другой реки, на этот раз со знакомым, но таким непривычным в этих местах именем Ока.

Куда предстояло ехать дальше, полковник не стал уточнять. Вообще, он оказался крайне неразговорчивым спутником и почти всю дорогу молчал. Арцеулов еще понял бы, если бы Николай Иванович использовал время по-фронтовому — отдав дань Морфею, но Лебедев и не пытался заснуть. Он молчал, сосредоточенно глядя на дорогу, время от времени его губы сжимались в тонкую полоску, и Ростислав догадывался, что мысли его спутника далеки от веселья. Тишина скрашивалась лишь заунывной песней, которую время от времени принимался напевать возчик.

Ночевали в небольших деревнях, где было тихо и спокойно — эти места война обошла стороной. Хозяева ни о чем их не спрашивали, лишь каждый раз напоминали, что ездить в этих местах стало небезопасно по вине серых разбойников. В одной из деревень предупреждали особо настойчиво, и Арцеулов настоял на том, чтобы оружие было у всех под рукой. Волков — обыкновенных волков — Ростислав почему-то не боялся. Это

было совсем не страшно по сравнению с тем, что приходилось видеть как на фронте, так и в Иркутске.

Местность постепенно стала меняться. Пустые прежде берега теперь были покрыты подступившим с далеких предгорий лиственничным лесом, холмы уступили место высоким сопкам, на вершинах которых среди светлой зелени лиственниц густо темнели кедровые рощи.

В конце концов Арцеулову удалось разговорить своего спутника. Он поинтересовался, где полковник изучал авиационную премудрость. Лебедев оживился и стал рассказывать, как еще до войны он вместе с несколькими другими молодыми юнкерами был направлен по личному приказу великого князя Александра Михайловича во Францию к знаменитому авиатору Блерию. Затем полковнику — тогда еще поручику — пришлось самому учить будущих летчиков в Качинской, а затем Гатчинской воздушных школах. Правда, о том, что было после, Лебедев не говорил, лишь коротко упомянул, что с 14-го года был направлен на испытания новой техники. На фронт, по его словам, полковник приезжал лишь однажды — знакомил молодых летчиков с премудростями бомбардировщика «Илья Муромец». Арцеулов не стал расспрашивать, догадываясь, что в свое время ему доведется все узнать.

Косухин шел быстрым «финским» шагом — ходить на лыжах его еще в детстве научил брат. Остальные — четверо дружинников — заметно отставали, и время от времени Степе приходилось останавливаться, поджидая товарищей. Теперь их стало меньше: один из черемховцев в первый же день подвернул ногу, и его пришлось отправить назад. Следовало спешить — в запасе оставалось только три дня.

Косухин рассчитал все точно. Если беляки попытаются достичь Сайхена, им придется ехать по руслу замерзшего Китоя. Надо было успеть добраться до памятного еще по осенним боям места, где речка со знакомым названием Ока ныряет в неглубокое ущелье. Разминуться негде — значит, беглецы неизбежно попадут в засаду. Степа помнил, что там стоит пустой дом, не то охотничий, не то просто брошенный. Именно в нем обычно останавливались путники, и Косухин считал, что лучшей точки для встречи не найти. Место называлось как-то странно, но как — он не мог вспомнить.

Степин план был хорош, но имел все же серьезный минус — ночевать приходилось прямо на снегу, согреваясь глотком спирта, конфискованного у иркутской буржуазии. Пришлось замерзнуть, и второй день они встретили уже без прежнего оптимизма. Косухин, слушая, как за его спиной товарищи начинают

ворчать, в конце концов плюнул и решил, что следующую ночь можно будет поспать в небольшой охотничьей избушке, которую он запомнил по одному из походов. Это было не совсем по пути, но никто не возражал, чтобы пройти лишку и заночевать под крышей.

Тут-то и случилась беда. Посланный в разведку боец доложил, что ничего опасного возле избы не заметил. Правда, близко он не подходил, да и ранние сумерки не позволяли хорошо осмотреться. Вот тут бы Косухину и насторожиться, но он устал, ужасно хотелось в тепло, да и глухие места не обещали особой опасности. И Степа махнул рукой, разрешая идти на ночлег.

Уже у самой избы он заметил следы чьих-то лыж. Еще не поздно было повернуть назад, но изба казалась такой доступной и мирной, что Косухин так ничего и не решил. А через несколько секунд было поздно. Как только черемховец, шедший первым, открыл дверь, прямо в грудь ему ударил выстрел, и тут же из двух окон по Степину отряду началась бешеная пальба.

Пуля сбила шапку с головы Степана, еще одна разорвала полушубок на боку. Спасло лишь то, что Косухин мгновенно упал, перекатившись под самую стену, в мертвую зону. Краем глаза он заметил, что один черемховец неподвижно лежит у крыльца, еще один упал — живой или нет, непонятно, отстреливаются же только двое. Степа принялся непослушными от мороза пальцами сдирать с пояса гранату. Замолкла одна из винтовок — теперь только последний из его бойцов отвечал врагу. Озверевший Косухин сорвал чеку, стиснул ноющие от холода зубы и, выждав две секунды, зашвырнул гранату в окошко.

Рвануло почти сразу. Степа мгновенно вскочил и прижался к стене. В избе кричали, затем вновь ударил выстрел — и в окно полетела последняя граната. Деревянные стены дрогнули, плеснул черный дым, а затем все стихло.

Шатаясь, оглушенный взрывом Косухин отошел от стены и оглянулся. Все оказалось даже хуже, чем он думал. Трое его ребят были мертвы. Уцелел лишь он да Вася Шутов, давний, еще с сентябрьских боев, знакомец. Вася был жив, даже сумел встать, но сквозь облепивший его снег уже проступала темная кровь. Пули попали парню в бок.

В доме в живых никого не осталось. Их было четверо — в добротных офицерских полушубках с золотыми погонами. Очевидно, беляки уходили через перевал, надеясь перейти долину Китоя и добраться до недалекой монгольской границы.

Трупы офицеров выбросили в снег, а погибших ребят сложили у стены — на большее сил уже не было. В доме оказались дрова, и Косухин, наскоро растопив печку, принялся осматривать раны своего последнего бойца. Бинты у него были, да и за-

дело парня легко — навыйлет, но Степа понял, что Шутов дальше идти не сможет.

Итак, отряд он потерял. В нескольких верстах отсюда была деревня, и даже раненым Шутов без труда туда доберется, но дальше Косухину придется идти одному. Мелькнула мысль вернуться самому, но Степа тут же обозвал себя трусом. В случившемся виноват он сам — он отвечал за отряд, за всю операцию, значит, и расхлебывать доведется ему лично.

До места встречи оставалось всего два перехода, но ночевку придется делать прямо посреди леса. Можно было свернуть на знакомую займку, но в этом случае имелись все шансы опоздать — Лебедев и его группа успеют проскочить к селу Орлик, а оттуда до Сайхена всего один дневной переход. Значит, надо идти напрямик, чтобы к послезавтрашнему вечеру быть в нужном месте. Внезапно Степа вспомнил, как оно называется — Семен-Крест. Там действительно стоял большой крест, срубленный из почерневшей от времени сосны. В свое время проводник из местных что-то рассказывал Косухину об этом кресте, но память ничего не удержала.

Еще только светало, когда Степа собрался, попрощался с Шутовым, подробно объяснив, как добраться до села, и шагнул за порог.

Идти было нелегко. Дорога вела на подъем, приходилось все время петлять между огромными лиственницами, вдобавок стали попадаться неглубокие, но с крутыми склонами овраги. Уже к полудню Степа устал, хотелось присесть, разжечь костер возле какого-нибудь старого рухнувшего дерева и часок-другой погреться. Но время поджимало. Косухин лишь на несколько минут остановился, чтобы сжевать кусок хлеба с сушеным мясом и хлебнуть спирта, и пошел дальше, стараясь двигаться в одном темпе, экономя силы.

Уже начинало темнеть, когда Степа поднялся на вершину хребта. Здесь лес рос гуще, рядом с елями и лиственницами стали попадаться гигантские кедры, идти же стало совсем трудно. Эти места Косухин помнил плохо — он шел по солнцу, как когда-то учил его брат. Оставалось надеяться, что, перевалив хребет и выйдя в долину Оки, он найдет нужную дорогу — те места Степа знал лучше.

Солнце спряталось за густыми кронами лиственниц, вокруг заструились сиреневые сумерки, и Косухин понял, что пора думать о ночлеге. Подходящую поляну он нашел быстро — небольшую, уютную, где лежали два огромных сухих дерева. Степа устроился в промежутке между старыми, покрытыми сухим мхом стволами, и, наломав тонких веток, попытался разжечь огонь.

Получалось плохо. Косухин плеснул немного спирта из фляги, и костер все-таки разгорелся. Сразу же стало веселее. Степа подкинул в огонь сучья потолще и, привалившись к одной из поваленных лиственниц, сжевал остаток сушеного мяса. Найдя сухую ветку, Косухин кинул ее в огонь и решил вздремнуть часок-полтора, затем проснуться, снова подбросить дров и так продержаться до рассвета. Костер почти не грел, жар уходил к холодному звездному небу. Приходилось то и дело подсаживаться прямо к огню, чтобы согреть хотя бы кончики пальцев.

В конце концов Косухин укутался в полушубок, сунул руки в карманы и, надвинув шапку на самый нос, задремал. Сон накатиł волной. Степа лишь успел подумать, сумеет ли он проснуться, чтобы вовремя подкинуть дров.

...Когда он открыл глаза, на поляне стало заметно светлее. Степа удивился, но понял: взошла луна. В ее свете тени стали резкими, а снег начал мерцать маленькими разноцветными искорками. Костер погас, только несколько угольков дотлевали среди серой золы. Почему-то холод исчез, но Косухин решил не лениться и подбросить дровишек. Он легко вскочил, поразившись тому, что тело потеряло вес. Степа сделал несколько шагов по чистому светящемуся снегу и вдруг застыл. Повернувшись, он шагнул еще раз — и вновь замер: валенки не оставляли следов, как будто он скользил по тонкому насту, невесомый, словно сизый дымок от догорающих углей.

«Вот те на!.. Или мне это все снится, чердынь-калуга?» — поразился он. Степа осторожно вернулся на место и присел у ствола. Он попытался ощупать себя и даже ущипнуть, но понял, что не ощущает боли.

— Видать, сплю! — пробормотал Косухин, но эта мысль ничуть не успокоила.

И вдруг он почувствовал, что у костра не один. Кто-то был совсем рядом. Почему-то Степа не испугался — даже когда понял, что навелит его этой ночью.

...У догоревшего костра сидела женщина в коротком полушубке, подпоясанном офицерским ремнем, и в пушистой меховой шапке. Глаза ее были устремлены на умирающие угли. Косухин хотел поздороваться, но так и не решился, внезапно сообразив, что луна поднялась уже высоко, яркий свет заливает поляну, но ни он, ни его молчаливая гостья не отбрасывают тени.

«Сплю», — успокоил себя Степа, но понял, что таких снов не бывает. Решившись, Косухин кашлянул, пытаясь обратить на себя внимание, но женщина в полушубке по-прежнему смотрела, как тускнеет последний уголек.

Наконец он погас, и гостья медленно подняла голову. Этой

ночью она казалась еще красивее, чем в первый раз, когда ее се-ребристый призрак возник посреди ночной безлюдной улицы.

— Здравствуйте, Степан. — Голос прозвучал тихо и ровно, словно доносился откуда-то издалека.

— Здрасьте! — пробормотал Степа. — Вы... Ксения Арцеулова?

— Мое имя вам назвал Венцлав? — Губы женщины чуть дрогнули, глаза недобро прищурились. — Вы все-таки не послушались меня, Косухин! Венцлав губит всех — и тех, кто ему служит, тоже...

— Что? — дернулся Степа. — Но... чердынь-калуга, я же сплю! Вы мне снитесь!

Женщина медленно покачала головой, и тут Косухин испугался по-настоящему.

— Вы умираете, Степан. Костер погас слишком рано. Вы замерзаете, скоро холод дойдет до сердца...

Степа хотел возмутиться, но понял: все это — правда. Попытался вздохнуть... Тщетно.

— Ну, а вы-то зачем здесь? — выговорил наконец он. — Что вам за радость? Полюбопытствовать пришли?

— Я — сестра милосердия, — так же тихо, почти без всякого выражения ответила Ксения. — Вернее, была... — Тут она усмехнулась, но одними губами, глаза оставались спокойными и холодными. — Не хочу, чтобы вы погибли. Я не могу помочь каждому, но вам — мне разрешили...

«Кто?» — подумал Степа, но так и не спросил.

— Вы по-прежнему хотите убить Ростислава? — Женщина спросила об этом так спокойно, что Косухин даже поразился. Вопрос, несмотря на всю невероятность ситуации, его крепко задел.

— Я чего, убийца, чердынь-калуга? Ваш Ростислав — вражина! Такие, как он, всю Сибирь кровью залили! Видели бы вы...

— Видела... Видела, как белые убивали красных и как красные убивали белых. Когда была жива, я никак не могла понять, откуда это безумие...

— А теперь поняли? — зло поинтересовался Косухин.

— Да... Вам это тоже придется понять, Степан. И хорошо, если вы сумеете понять еще здесь, на этой земле. Впрочем, Венцлава вы уже видели...

— А чего Венцлав? — не особо уверенно возразил Степа. — С ним мы сами разберемся, а ежели надо — и к стенке поставим!

— Его не поставишь к стенке. Вы видели это, Косухин. Его смерть — не здесь...

— Он чего — бес? — брякнул Степа, тут же подумав, что такой вопрос никак не приличествует истинному большевику-атеисту.

— Нет... Когда-то он тоже был человеком. Но не в этом дело, Степан. Вы должны понять, что и почему произошло со всеми нами. Я думала... надеялась, что это сможет сделать Ростислав. Но он один. Вы должны ему помочь, когда-то вы уже спасли его...

Степа хотел возмутиться, но смолчал. Не объяснять же этой женщине, что революционный долг обязывает его пристрелить ее мужа как собаку!

— Вот чего, — наконец проговорил он. — Вы, Ксения, меня за зверя не держите. Сидел бы ваш муж дома... Или шел бы к нам, в рабоче-крестьянскую, был бы он мне сейчас первый друг-товарищ. В общем, чердынь-калуга, не знаю, чего будет дальше, но, если не помру, все равно этих беляков достану! Бросят оружие — никого не трону. Сдастся ваш — отведу в Иркутск, а там уж как решат...

— Он не сдастся, — бесстрастно возразила Ксения. — Я не требую от вас никаких обещаний, Степан. На все воля Божья... А теперь — вставайте! Откройте глаза! Просыпайтесь!

Внезапно стало темно и больно. Косухин застонал, дернулся и с трудом открыл глаза. Боль стала почти невыносимой, но он все-таки встал и с наслаждением вдохнул ледяной колющий воздух. Вокруг была ночь, луна зашла за тучи, и на остывшие угли костра падал легкий невесомый снег.

Во фляге, к счастью, оставалось еще немного спирта. Степа отхлебнул глоток и, сдерживая стон, стал собирать хворост. Надо было досидеть до утра.

ГЛАВА 7

СЕМЕН-КРЕСТ

До Сайхена оставалось три дня пути, когда возчики отказались ехать. Случилось это утром, в небольшом селе, приютившемся как раз между верховьями Китоя и Оки. Арцеулов вскипел и схватился за револьвер, но Лебедев удержал его, попытавшись объяснить. Дело оказалось все в тех же волках, о которых путешественники уже успели наслышаться. Но на этот раз это были уже не слухи — за последнюю неделю в селе погибли двое, причем однажды волки налетели среди бела дня. Старший возчик заявил, что волки «не простые» и ехать дальше не просто опасно, а грех. Профессор Семирадский не утерпел и вступил с бородачом в научную дискуссию, после чего стало ясно, что волки эти — особые, «февральские». Профессор восхитился такой фольклорной глубиной, а Арцеулову почему-то вспомнились красноглазые серые твари, которые стерегли его начиная с Ниж-

неудинска. Полковник, однако, прервал дискуссию, решив, что дальше они поедут сами, а лошадей оставят в селе Орлик, последнем перед Сайхеном. Профессор обрадовался, заявив, что соскучился по вожжам, но возчик-бородач хмуро помотал головой, посоветовав не искушать судьбу. Его племянник лишь испуганно моргал и воспринял разрешение вернуться в Иркутск с явным облегчением.

Ехать решили на одной тройке: тесновато, зато меньше хлопот. Ростислав обрадовался — впервые за время путешествия можно было пообщаться с кем-нибудь, кроме молчаливого полковника.

Действительно, разговор завязался сразу. Арцеулов поинтересовался у профессора, что это за «февральские волки». Тот переадресовал вопрос к Берг, присовокупив, что если и занимался фольклором, то исключительно австралийским. Ростислав вопросительно взглянул на девушку.

— Древнее предание, Ростислав Александрович, — ответила та. — Считалось, что в мире борются два начала, два властелина — Белобог и Чернобог...

— Озирис и Сет, Ариман и Ахура-Мазда, Саваоф и Люцифер, — хмыкнул Семирадский. — Эх, Наталья Федоровна, матушка! А еще физик!

— Физику это легче понять, Глеб Иннокентьевич, — улыбнулась Берг. — Особенно после открытия положительных и отрицательных частиц... Так вот, господа, Чернобог был богом смерти, и его время было, естественно, зимой. А самый холодный месяц — это февраль...

— Февраль в древности вообще не любили, — вступил в разговор Лебедев. — Римляне специально его сократили до 28 дней...

— А римляне, Николай Иванович, были еще суевернее нас с вами, — вставил профессор и подхлестнул лошадей.

— Февральские волки — это свита Чернобога, его гонцы из царства смерти, — продолжала Берг. — Они даже не волки...

— Оборотни, — неожиданно для самого себя произнес Арцеулов.

— Вы еще скажите, сударыня, что волков этих пуля не берет, — вновь хмыкнул профессор. — И про осиновые колья...

— Между прочим, господа, осина в самом деле имеет интересные свойства, — внезапно заговорил Богораз, который, казалось, совсем не интересовался разговором. — Там есть очень любопытный фермент...

— Против упырей, — хохотнул Семирадский. — Ох, господа, господа!..

— Успокойтесь! — непонятно, в шутку или всерьез, проговорил Лебедев. — По крайней мере сегодня нам обеспечен спокойный ночлег.

— А что это за село? — поинтересовался Арцеулов.

— Это не село, просто дом на берегу реки, в нем жил какой-то раскольничий старец. Думаю, гонцы Чернобога нас не достанут.

— Там, кажется, стоит какой-то крест, — вспомнил Семирадский.

— Да. Это место так и называется — Семен-Крест.

— А почему — Семен? — удивилась Берг. — Так звали старца?

— Возможно, — согласился Лебедев. — Переночуем, оттуда — к Орлику, ну а там до Сайхена совсем близко.

...К Семен-Кресту Косухин выбрался под вечер. Идти было нелегко — в голове шумело, к лицу прилиwała кровь, а по всему телу расплзался озноб. Ночь у потухшего костра обошлась Степе недешево, но упускать белых гадов не хотелось — слишком многим уже пришлось заплатить. Косухин, отбросив ненужные сомнения, упрямо шел мимо мрачных кедров, то спускаясь в небольшие балки, то вновь карабкаясь по заснеженным склонам. Ноги не слушались, в висках скопилась тупая тягучая боль, но Степа все шел и шел, лишь время от времени поглядывая на проступившее сквозь тучи солнце, чтобы не сбиться с пути.

Под конец стало невмочь. Косухин решил было кинуть карабин — у него оставался верный «наган», — но тут же одернул себя: он один, беляков — минимум четверо. Подумав, выбросил вещевой мешок. Или он доберется до места и встретит беглецов, или к следующему утру ему уже ничего не будет нужно...

Семен-Крест открылся неожиданно — Степа взобрался на очередную горку, деревья расступились, и он увидел заснеженную долину, крутые холмы по сторонам, серебристую неровную ленту замерзшей Оки, а прямо внизу маленький черный квадратик — деревянный дом. Все-таки он дошел...

Спускаясь, Косухин пытался разглядеть, нет ли кого у дома, но все было спокойно. Даже снег в долине лежал нетронутый — после ночного снегопада здесь никто не проезжал. Дом тоже казался пустым. Снег во дворе, у крыльца и у входа в сарай был чист. Огромный черный крест стоял чуть в стороне — и около него тоже не было следов. Оставалось решить, как удобнее подбраться к избе.

Вначале Степа думал схорониться в сторонке и подождать беглецов где-нибудь за деревом, но понял, что попросту замерзнет. Тогда, прикинув, что «гости» прибудут с востока, от верховьев Оки, он стал осторожно пробираться к дому с противоположной стороны, надеясь, что с дороги его следы не заметят. Добравшись до крыльца, Косухин сбросил лыжи и осторожно

запрыгнул на него, минуя ступеньки. Дверь, как он и ожидал, была не заперта. Степа постоял на пороге, осторожно вслушиваясь в тишину пустого жилища, но ничего подозрительного не почуял. Можно было заходить.

Вначале Косухин кинулся к печке, но тут же обозвал себя дураком — дым из трубы заметят сразу. Он подышал в очоженевшие ладони, попрыгал, чтобы разошлась кровь в ногах, и решил, что пора. Зарядив карабин, Степа положил его на лавку, подтянув ее к самой двери, сунул за пояс «наган» и пристроился у небольшого окошка, выходившего аккурат в долину. И почти сразу же увидел маленькую темную точку. Еще не веря в удачу, Косухин всмотрелся: прямо по замерзшему руслу Оки мчалась тройка.

Когда лошади замедлили ход и принялись сворачивать, Степа схватил карабин и передернул затвор. Лошади остановились саженьх в тридцати. Кажется, беляки были с опытом и просто так соваться в Степину засаду не собирались. Но уже темнело, и Косухин надеялся, что следы на крыльце они все-таки не заметят.

Из саней вышли четверо. Лиц было не разобрать, но гада Арцеулова Степа приметил сразу. Трех мужчин он не знал, а вот четвертую и узнавать было не нужно. Странная девушка из дома на Троицкой что-то говорила белому гаду, и Косухину тут же захотелось вышибить стекло и срезать беляка из винтаря. Пятый — немолодой бородатый мужчина, похожий на попа, — остался в санях, остальные же о чем-то беседовали, показывая руки то на дом, то на сарай.

Косухин замер, сообразив, что беляки могут как следует осмотреться и тогда он наверняка пропал. Но враги ошиблись, так же как и сам Косухин двумя днями ранее. Очевидно, их сбил с толку нетронутый снег во дворе. Бородатый, перекинувшись словами с высоким, стоявшим рядом с Арцеуловым, повел лошадей к сараю, а остальные, не торопясь, направились к крыльцу. Степа закусил губу и стал считать секунды. Пять, шесть, семь... Четверо — девушка, Арцеулов, высокий и очкарик, которого Косухин тоже помнил по дому на Троицкой — подошли шагов на десять к дому и остановились. Высокий что-то сказал остальным и, повернувшись, направился к сараю, куда бородатый уже заводил лошадей.

Степа несколько растерялся. Даже если он задержит этих троих у крыльца, остальные легко снимут его первой же пулей. Конечно, можно было пристрелить кого-нибудь, хотя бы высокого, но Косухин не знал, кто из них — Лебедев, которого требовалось всенепременно задержать. Степа негромко чертыхнулся. Трое — Арцеулов, девушка и худой парень в очках — уже подходили к крыльцу. И тут Косухин понял, что должен сделать. «Гад

же я, чердынь-калуга!» — успел подумать красный командир, прежде чем распахнуть дверь и выскочить на крыльцо...

— Стой, контра! — гаркнул он, шелкая затвором. — Ни с места, а то враз девку порешу! Оружие на снег!

Степа рассчитал точно — ствол карабина смотрел прямо в грудь той, что так убивалась по пропавшей кошке. Трое у крыльца замерли.

— И вы там, у сарая! Бросай оружие!

Беляки молчали, ошарашенные неожиданностью. Надо было спешить, пока никто не опомнился и не сообразил, что красный командир Косухин один — против пятерых.

— Кидай оружие, говорю! — вновь гаркнул он. — А то всех постреляю, чердынь-калуга!

Его глаза встретились с бешеным взглядом Арцеулова, и Косухину стало не по себе. И тут же послышалось испуганно-недоуменное:

— Степан, это вы?

Девушка его узнала, и Степе стало стыдно до неимоверности. Он попытался думать о революционном долге, но легче не становилось.

— Сволочь! — Арцеулов медленно снял с плеча карабин и кинул в снег.

— Давай-давай, контрик! — Косухину сразу же стало легче. — И револьвер тоже.

Револьвер упал рядом, тут же утонув в глубоком снегу.

«Который в очках не опасен, — мелькнуло в голове у Косухина. — Значит, те двое...»

— Кидай винтари! — повторил он. — Живо!

Высокий снял с плеча карабин, бородатый же недоуменно пожал плечами и поднял руки.

— Валите сюда! — продолжал Степа, довольный, что дело пошло. — Да побыстрее, контрики, шевелись!

Двое переглянулись и медленно, увязая в снегу, двинулись в сторону крыльца. Внезапно Степа уловил какое-то движение и быстро перевел взгляд на стоявших рядом. Вовремя — белый гад Арцеулов пытался сунуть руку за отворот полушубка.

— Ну, не балуй, беляк! — усмехнулся Косухин, приходя в хорошее настроение. — Мне тебя, гада, еще до трибунала довести надо!

Капитан замер. Степа рассчитал точно — беляк бросился бы, будь карабин направлен ему в грудь, но девушкой рисковать не решился.

— Стой, стой, — подбодрил он белого гада. — Померзни...

Сбоку послышались шаги — подходили двое: бородатый и высокий. Степа, отведя глаза от Арцеулова, взглянул на них. Пожилой бородач смотрел растерянно и не вникал особых опасе-

ний. Оставался высокий — не иначе тот самый неуловимый Лебедев. Косухин, не удержавшись, взглянул в лицо полковнику — и вдруг почувствовал, что карабин валится из рук, а воздух застревает в горле.

— А-а... — только и мог проговорить он, медленно опуская оружие, тут же показавшееся ненужным и лишним.

И в ту же секунду Арцеулов прыгнул. Он рухнул прямо на Степу, вцепился в карабин и, не разжимая пальцев, ударил его локтем в висок. Косухин захрипел, падая на колени, и закрыл глаза. Капитан отскочил в сторону — ствол захваченного карабина смотрел на врага, бессильно завалившегося на бок.

— Не надо, Ростислав Александрович! — крикнула Берг, хватая его за руку.

— Жалеете красную сволочь?

— Не надо, капитан! — Лебедев подошел к лежащему на земле Степе и опустился рядом с ним на корточки. — Уберите оружие!

Его тон был какой-то странный — решительный и одновременно виноватый.

— Да что это вы, господа? — возмутился Арцеулов. — Чем вам дорог этот краснопузый, в конце концов? Вы что, его знаете?

— Да, знаю, — кивнул полковник. — Оставьте его, господин Арцеулов. Это мой брат.

— Что?! — в один голос ахнули Ростислав и стоявшая рядом Берг.

— Мой брат Степан, Степан Косухин. Моя настоящая фамилия Косухин, господа. Он мой младший брат...

— Сей решительный молодой человек? — удивленно произнес Семирадский, подходя к крыльцу и с явным интересом глядя на Степу. — Но вы ведь, помнится, говорили, Николай Иванович, что ваш брат — еще совсем ребенок?

— Вырос, значит, — ответил вместо полковника Арцеулов, вынимая у Степы из-за пояса револьвер и нож. — По-моему, ваш брат, господин Лебедев, преследует нас достаточно последовательно. Не иначе как из родственных чувств...

— Прекратите, Ростислав Александрович, — перебила его Берг, шупая пульс на Степином запястье. — Господин профессор, Семен Аскольдович, его надо внести в дом...

— Да-да, — подхватил Лебедев. — Конечно, господа. Извините, я немного подрастерялся...

— А я его тоже знаю, — удивленно произнес Богораз, до этого не проронивший ни звука. — Этот господин из ВЧК, помнится, был крайне невежлив...

Арцеулов отошел в сторону, делая вид, что происходящее его не касается. Он ограничился тем, что подобрал свое оружие и заглянул в избу, убедившись, что объявившийся родственник

полковника не привел с собой десяток краснопузых. Случившееся не особо удивило капитана. Встреча посреди таежного моря была неожиданной, но за свою фронтовую жизнь Ростислав видел еще и не такое.

Покуда Степу, все еще не пришедшего в себя, втаскивали в дом, а затем заносили вещи, Ростислав стоял у крыльца и курил «козью ногу», прикидывая, что делать с неожиданным пленником. Брата полковника не выведешь в расход и не бросишь связанным в пустой избе. Но и отпускать его капитан тоже не соби-
рался.

Первое, что увидел Степа, очнувшись, было лицо брата.

— Коля! — пробормотал он, пытаясь привстать. — Коля, да ты же мертвый, ты же без вести пропавший!

Николай улыбнулся и покачал головой. Косухин огляделся: изба, странная компания, которую он выслеживал...

— Я тебе все объясню, — сказал брат. — Только ради Бога, Степан, почему ты решил, что я погиб?

— Так бумага же!

Степа встал, хлопнул себя по поясу и убедился, что револьвер забрали. Значит, он в плену...

— Бумага? — удивился Николай. — Тебе должны были сообщить, что я нахожусь в длительной командировке...

— Скажешь... в командировке... Ты же пропал в Галиции, под Рава-Русской! Из разведки не вернулся, чердынь-калуга!

— Ничего не понимаю! — Полковник даже руками развел. — Как они могли?

— Обыкновенно, — отозвался Семирадский. — Обеспечение секретности, сударь мой! Не думал, правда, что дойдет до такого...

— Какой ужас! — сообразила Берг. — Значит, вашей семье сообщили, что вы погибли, господин полковник?

— Выходит, так... Но я же писал, мне сообщали, что мои письма доходят, даже приветы передавали... А я еще удивлялся, Степа, что ты мне не пишешь...

— Ага, на тот свет, — вздохнул Косухин. — Слушай, Николай, объясни мне, чего тут творится? Мне нужен полковник Лебедев, который золото увозит.

— Золото, молодой человек? — поразился Семирадский. — Похоже, вас в вашей «чеке» надули-с! Эка хватили!

— Лебедев — это я, Степа, — пояснил брат. — Так я значился в документах военного министерства.

— Так ты — Лебедев?!

Это открытие поразило Степу едва ли меньше, чем неожиданное появление сгинувшего брата.

— Ты?! Так, значит, ты командуешь этим, чердын-калуга, «Мономахом»!

— Ого, господин полковник! — заметил Арцеулов, входя в избу. — Все ваши тайны для краснопузых — секреты Полишинеля!

— Не понимаю, — пожал плечами Лебедев, — какое золото? Степан, «Владимир Мономах» — это научный проект!

— Ага, научный! — При виде белого гада Арцеулова Степа вновь почувствовал себя на боевом посту. — Видел я вашу науку, чердын-калуга! Сколько ребят живьем сгорело... А я думал, Коля, что ты аэропланы испытывал!

— Я испытывал аэропланы, Степа. А насчет прочего... Наверно, пришло время нам объясниться.

Покуда ставили чай, Степа познакомился с остальными. Правда, Арцеулов не собирался подавать руки красному командиру, да тот и не стремился. Худосочный Семен Богораз не произвел на Косухина особого впечатления, а вот профессор понравился, несмотря на очевидную иронию, с которой тот воспринимал скромную Степину личность.

Руку Натальи Берг Косухин пожимал с явной боязнью. Больше всего ему хотелось немедленно извиниться перед девушкой, объяснив, что он не стал бы стрелять, но слова как-то не клеились.

— Ну, хорошо, — начал полковник, когда процедура знакомства была закончена. — Мы действительно заигрались с этими тайнами. Честное слово, мне неудобно перед вами, Ростислав Александрович! Но если бы вы знали, как все это обставилось! Меня, как видите, даже переименовали...

— И даже похоронили, господин полковник, — вставил Арцеулов.

— Да... Степан, что тебе наплели о проекте «Мономах»?

— Наплели!.. — буркнул Степа. — Сказали, что генерал Ирман вместе с полковником Лебедевым увезли куда-то часть золотого запаса. И что у вас пароль, этот... «Рцы мыслете покой». Буквы славянские...

— Да, «рцы мыслете покой», — кивнул полковник. — Р. М. П. — Российская Междупланетная Программа. Исследование эфира с помощью ракет.

— Как? — поразился Арцеулов. — Вы хотите сказать, что в России пытались создать ракету для эфирных полетов?

— Отчего же пытались, батенька! — ответил вместо Лебедева профессор. — Создали. Называется эта ракета «Владимир Мономах», а господин Лебедев — уж извините, Николай Иванович, буду называть вас по-старому, привык — один из первых ее испытателей.

— Да ты чего, Коля? — обалдело спросил Степа, до которого наконец стало что-то доходить. — На Луну летал, да?

— Нет, — улыбнулся старший. — На Луну не приходилось. Пока осваивали орбиту. Я летал вторым, в апреле 16-го. Первым был капитан Барятинский.

— Нет, давай по порядку, — попросил брат. — Чего-то круто выходит...

— Постараюсь, — кивнул полковник. — Глеб Иннокентьевич, если собьюсь, поправьте... Началось это, насколько я знаю, в начале 90-х по инициативе графа Витте.

— Ну, не Витте и не графа, — тут же вмешался Семирадский. — Идея принадлежала господину Менделееву, а Государю представлял проект тогдашний министр финансов Вышнеградский. Александр III сей проект благословил, и начались работы...

— Первый пуск был в мае 1909-го, — продолжал полковник. — Полет летчика-испытателя планировали на начало 13-го, к романовскому юбилею, но не успели. В начале 14-го, когда стали готовить отряд испытателей, я был туда направлен. Официально считалось, что я преподаю в Качинской авиашколе. Ну, а потом война... В марте 16-го был первый пуск с испытателем на борту. Проект решили рассекретить после победы...

— И сколько же вы были в эфире, господин полковник? — спросил Арцеулов, покуда Степа переваривал услышанное.

— Сутки... Признаться, под конец стало кисло, — улыбнулся Лебедев. — Конечно, когда меня принимал Государь, я уверил его, что полет доставил мне исключительное удовольствие...

— Так ты чего, царя видел? — перебил Степа, которого это обстоятельство поразило почему-то больше всего.

— Представь себе... Мне был пожалован орден Александра Невского, так что мы с тобой, Степа, теперь наследственные дворяне. Поздравляю!

Косухин-младший не ответил. Это было уже чересчур.

— В семнадцатом наша группа распалась, — закончил рассказ полковник. — Не знаю, где сейчас Барятинский и все остальные...

— Мой дядя и еще кое-кто в Париже, — отозвалась Берг.

— Возможно, — кивнул Лебедев. — В мае 18-го Сибирское правительство начало собирать тех, кто остался в России. Работы возобновились, на январь 20-го мы готовили очередной старт. При адмирале программу стал курировать генерал Ирман. Мы должны были испытать новый корабль — «Владимир Мономах-2»...

— Теперь понятно, — рассудил Степа. — Золото это для таких, как я, выдумали... Для дурачков. А вот... как ее... ракета нам, значит, и вправду понадобилась. Это же первое дело для войны! Оприходовать ее надо — ради нужд пролетариата.

— Молодой человек зрит в корень, — кивнул Семирадский. — Этого мы опасались с самого начала. Говорил я господину Менделееву, говорил!..

— Ракета может только одно — взлететь, — возразил старший брат. — Мы собираемся ее запустить, чтобы испытать новый корабль. Специально для этого полета господ Семирадский и Богораз подготовили уникальную аппаратуру. Мы должны были лететь втроем: Георгий, светлая ему память, ваш покорный слуга и еще некто, мне неизвестный. Но зачем большевикам мешать запуск?

— Для порядка, — пояснил Степа. — Хозяйство ваше под контроль взять...

— А вот это невозможно, Степан. База эфирных полетов находится в Китае. Большевикам покуда до нее не добраться.

Косухин стал думать дальше. Пока все складывалось логично, включая даже то, о чем брат умолчал, — об аэродроме на Сайхене. Вот, значит, куда они собирались лететь! Но почему товарищ Венцлав не сказал ему, посланцу Сиббюро, правды, если дело это чисто научное?

— Не сходится, братан, — заявил он наконец. — Чего-то ты мне не рассказал!..

При этих словах бородатый профессор и худосочный молодой человек переглянулись. Лебедев же улыбнулся.

— Остальное увидишь сам, Степан. Ты поедешь с нами...

— Господин полковник! — Арцеулов вскочил, возмущенно глядя то на Лебедева, то на Степу. — Вы что, намереваетесь взять с собой...

— Намереваюсь, — перебил его Лебедев. — А у вас есть другие предложения?

— Да он вас ночью зарежет!

— Степан, вы нас зарежете? — улыбнулась Берг.

Степа смолчал и насупился. Резать, конечно, он никого не собирался. Важнее все узнать — и рассказать товарищам по пролетарской партии!

— Господин полковник! — Арцеулов подумал о том же. — Прошу меня простить, но вы рассекречиваете проект. Красные будут все знать! Если вы не собираетесь подвергнуть своего брата пожизненному заключению...

— Не собираюсь, — вновь улыбнулся полковник. — Я беру Степана с собой, чтобы он не замерз здесь один и чтобы его сумасшедшие комиссары не помешали запуску. А если у большевиков будет желание, они вполне могут продолжить работу сами.

— Это было бы забавно, — заметил Семирадский. — Папуасы запускают эфирный корабль. Боюсь, его распилят на зажималки...

— Или начинят тротилом, — кивнул Лебедев.

— Это кто еще здесь папуас?! — не выдержал Степа. Так его еще не обзывали.

Между тем появился чай, и обстановка несколько разрядилась. Даже Степа оттаял и начал с интересом прислушиваться к очередным эскападам профессора, вспоминавшего о своем путешествии к дикарям Малаккского берега. Ему внимали с интересом все, кроме Семена Богораза, который равнодушно прихлебывал чай, думая о чем-то своем.

Арцеулов также слушал забавные рассказы Семирадского, но внутренне оставался собран. Ситуация Ростиславу определенно не нравилась. Он понял, до чего его спутники далеки от происходящего в горящей, залитой кровью стране. Для них красный командир был неожиданным, но по-своему приятным гостем, а то, что по странному велению судьбы Косухин оказался братом полковника, еще более настраивало их на благодушный лад. Арцеулов думал иначе. Из короткого рассказа Степы он понял, с каким упорством и бесстрашием краснопузый искал их посреди заледенелой тайги. Арцеулов даже достал карту, попытавшись прикинуть маршрут младшего Косухина, после чего лишь покачал головой. Надо было здорово ненавидеть врагов, чтобы идти почти наугад по их следам в тридцатиградусный мороз. Таких людей Ростислав уважал, а если это был противник, уважал, ненавидел и опасался. А посему капитан дал себе слово не спускать с краснопузого глаз.

После чаю компания разошлась по углам. Степа присел на лавку и закрыл глаза — многодневная усталость давала о себе знать. Внезапно он почувствовал чье-то присутствие.

— Господин Косухин! — Наталья Берг незаметно для Степы успела подойти и присесть рядом. — Я вас ни от чего не отвлекла?

— Нет... это... не отвлекли, Наталья Федоровна, — растерялся Косухин, вовремя вспомнив имя-отчество девушки.

Берг рассмеялась.

— Степан, не подражайте нашим ученым мужам и не имейте меня с «ичем»! Можно подумать, что я мадам Кюри и мне по меньшей мере семьдесят лет!

Степан не знал, кто такая мадам Кюри, но смысл сказанного до него вполне дошел.

— Тогда вы это... и меня господином не дразните... Наталья...

— Нет, «Наталья» — плохо, — покачала головой девушка. — Прямо Карамзин какой-то! На «Натали» не претендую, зовите Наташей. А вам как больше нравится — «Степа» или «Степан»?

— А никак, — осмелел Косухин. — «Степа» — как-то обидно, а «Степан»... Ну чего, Разин я, что ли?

— Тогда остановимся на «Косухине», — решила Берг. — Звучит очень современно. Итак, Косухин, как там моя кошка?

— При кухне кошка, — сообщил Степа, благоразумно умолчав, что кухня эта — тюремная.

— Рада за нее, — кивнула девушка. — Я должна извиниться перед вами...

— За что? — поразился Косухин.

— За Али-Эмете. Маскарад был нелеп, но, честное слово, в ЧК мне не хотелось. Еще повезло, что на квартиру налетели вы, а не ваш этот... Чудов. Он бы и Али-Эмете не помиловал!

Степа, вспомнив свой разговор с Провом Самсоновичем, вынужден был признать полную справедливость данного предположения.

— Вы меня тоже извините, Наташа. Я... Ну, в общем, я бы все равно не выстрелил...

— Я знаю, — серьезно ответила Берг, и Степа ей почему-то сразу поверил.

— Ага, — согласно кивнул он, желая закончить неприятный разговор. — Наташа, а вы тоже лететь собрались?

— К сожалению, нет. Я буду на земле, Косухин, хоть, видит Бог, с удовольствием променяла бы свое место в рубке на право быть рядом с вашим братом. Если бы вы видели «Мономаха»!..

— А какой он? — подхватил Степа. — И вообще, Наташа, расскажите мне... ну... с самого начала.

— Постараюсь, — кивнула девушка. — Знать бы только, где это начало...

В эту ночь Арцеулов решил не спать. Верный «бульдог» он пристроил под рукой, а сам лег поближе к двери, чтобы Степа не смог добраться до его горла, как это сделал бы на его месте он сам.

Утро началось странно. Лошади неожиданно заупрямились, отказываясь сделать хотя бы шаг. Выехать смогли только через час — и то с немалым трудом. Семирадский лишь пожимал плечами, сетуя на потерю кучерской квалификации, но Степа задумался всерьез. «Волков чуют...» — решил он, но промолчал.

Ехали медленно. Лошади то и дело останавливались, прядали ушами и испуганно дергались из стороны в сторону, норовя опрокинуть сани, поэтому, несмотря на все усилия, к Орлику — последнему селу перед Сайхеном — добрались уже в глубоких сумерках. Прямо у околицы их встретил вооруженный патруль. Косухин и Арцеулов невольно переглянулись, рука капитана сама легла на затвор карабина, но трое бородачей с охотничьими ружьями, ничего не сказав, пропустили поздних гостей. Пол-

ковник пожал плечами, велел ехать к одному из домов в центре села.

Открыл им мужчина лет сорока, очень высокий, худой, с короткой, явно не крестьянской бородкой. Да и по целым залежам книг, которыми была завалена изба, было ясно, что попали они в гости к человеку образованному.

— Он местный учитель, из ссыльных, — сообщил Лебедев своим спутникам, пока хозяин помогал Семирадскому распрягать лошадей. — Мы у него уже останавливались.

Хозяин отрекомендовался Родионом Геннадьевичем. Услышав слово «ссыльный», Косухин не преминул присмотреться к сельскому интеллигенту. Среди кучи книг Степа сразу же приметил несколько томиков Крѣпоткина.

«Никак анарх», — решил Косухин.

Анархистов Степа не любил, хотя среди них был сам товарищ Каландаришвили — знаменитый вождь сибирских повстанцев. Впрочем, «анархи» были все же получше, чем эсеры или всякие там меньшевики.

О политике, однако, не говорили. Правда, Арцеулов тут же спросил о встреченном ими патруле, но ответ его откровенно озадачил.

— Волки, господа, — пояснил Родион Геннадьевич. — Признаться, такого здесь еще не было на моей памяти. В селе паника. Уже трое погибли...

— То-то лошади бесились! — понял Степа.

— Ничего, — махнул ручишей профессор. — В крайнем случае дойдем пешком! До Сайхена рукой подать.

— Два дня пути, если пешком, — задумался Лебедев. — Лишний день — не беда. Надо достать лыжи...

— Лыжи достанем, это несложно, — заметил хозяин и, помолчав, внезапно заговорил совсем другим тоном: — Господа, вам лучше остаться! Здешние жители не из пугливых, но такими я их еще не видел. А ведь кержаков трудно напугать! Они уверены, что это не просто волки...

— И вы туда же, коллега! — возмутился Семирадский. — Вы же учитель, материалист. Помилуйте, как можно? Февральские волки, упыри, оборотни!..

— А я не материалист, господин профессор, — усмехнулся Родион Геннадьевич, выждав момент, пока Семирадский переводил дух после очередной тирады.

— Как?! — чуть не подпрыгнул тот. — Простите, батенька, но вы же учитель! И, по-моему, из политических!

— Не совсем так. Меня, собственно, сослали за религиозные убеждения...

— А, вы раскольник... сектант. — Семирадский сразу же потерял интерес к собеседнику.

— Нет, — вновь улыбнулся тот. — Я, по убеждению бывших властей предрержащих, самый настоящий язычник.

— Что?! Папуасы! — вскричал Семирадский. — Батенька, бросьте нас разыгрывать! Вы еще скажите, что вы — волхв!

— Увы, — развел руками Родион Геннадьевич. — Все проще. Вы слышали о дхарах?

Гости недоуменно переглянулись.

— Я слышал, — внезапно заявил Богораз. — В 1916 году в «Известиях Императорской Академии наук» была статья. Насколько я помню, дхары — древний народ, который жил на севере Урала. У них, кажется, была своя письменность еще до русских...

— С письменности все и началось, — кивнул хозяин. — Я был народным учителем в селе Якша. Это в верховьях Печоры, там еще живут остатки дхаров... Тогда, в начале века, я был, наверное, единственный дхар с незаконченным высшим образованием, и у меня была неплохая коллекция образцов той самой письменности. Кто-то донес, прислали комиссию из синода — тогда эти вопросы курировал сам господин Победоносцев. Вдобавок я составил письмо против планов нашего губернатора, который в порыве административного восторга хотел снести Дхори Арх — дхарское святилище...

— Сочувствую, коллега, — на этот раз вполне серьезно промолвил профессор. — Но все же, насколько я понял, вашу эстафету поддержали? Кто-то же напечатал статью в «Известиях»...

— Это моя статья. К сожалению, дхарские древности больше никого не интересуют. Но я хотел сказать не об этом. Дхары еще не все забыли из своих древних знаний... Господа, сейчас в тайгу идти нельзя!

— Объяснитесь! — потребовал Семирадский. Все остальные сели поближе, почувствовав, что хозяин не шутит.

— Не знаю, на каком языке с вами говорить, господа, — начал учитель. — Насколько я понял, вы люди науки... Будь вы мои соплеменники-дхары, я бы сказал, что наступает ночь Гургунх-эра, когда ярты покидают укывиша, и что оборотни вышли в этом году слишком рано из своего логова в царстве Смерти, а вагры не боятся даже священного огня...

— Красиво... — тихо прошептала Берг.

— Но на этом языке вы меня не поймете. Что ж, это можно перевести так: в силу не до конца ясных климатических и прочих особенностей нынешней зимы здешняя фауна внезапно стала проявлять не свойственные ей агрессивные наклонности. Вдобавок не исключены некоторые очень редкие явления природы, необъяснимые пока с научной точки зрения... Не ходите в тайгу, господа! Один из вас должен понимать, о чем я говорю...

— Признаться, покорен вашим пассажем о — как бишь

его? — Гургунх-эре, — хмыкнул Семирадский, — но особой опасности все же не вижу.

— Разве что можно оказаться в желудке какого-нибудь *canis lupus*, — не без иронии добавил Богораз.

— Я имел в виду не вас, — покачал головой учитель. — Я обращаюсь к тому, кто носит Охс Вагрэ — Перстень Духов...

Только когда все вслед за хозяином поглядели на Арцеулова, капитан понял, о ком идет речь.

— Помилуйте! — растерялся Ростислав. — Это даже не мой перстень!.. Да вы что, господа, в амулеты верите?

— Не настаиваю, — вздохнул Родион Геннадьевич. — Впрочем... Господин Арцеулов, кажется?

— К вашим услугам, сударь. — Капитан кивнул и, не удержавшись, поглядел на черненьких извивающихся змеек, украшавших печатку.

— Подойдите сюда!

Ростислав шагнул к окну. Сквозь заиндевелое стекло тускло просвечивал ущербный месяц. Родион Геннадьевич секунду постоял словно в нерешительности, а затем резко растворил раму. В избу ворвался ледяной ветер.

— Снимите перстень и посмотрите сквозь него на лунный свет!

Голос учителя прозвучал настолько властно, что капитан немедленно подчинился.

Вначале в круглом серебряном ободке был виден лишь белый холодный лунный диск с заметным ущербом на правом боку. Но вдруг лунная поверхность затуманилась, сквозь тусклую пелену засветились маленькие синие огоньки. Ростислав невольно ахнул, но тут огни пропали, пелена раздвинулась, и вместо лунного диска он увидел темную пещеру, в дальнем углу которой тусклым огнем светилась невысокая ниша. Возле нее стояли двое. Одного — себя — он узнал сразу, второго же рассмотреть не успел — изображение вновь затуманилось, сверкнул синий огонь, и капитан невольно закрыл глаза...

Родион Геннадьевич, не сказав ни слова, закрыл окно. Все молчали.

— Я был бы очень вам признателен, господа, если бы опыты проводились с меньшим риском для здоровья присутствующих, — проговорил наконец Богораз и закашлялся.

Ему никто не ответил. Арцеулов медленно надел перстень на палец и сел в сторонке.

— Вы... вы что-то увидели? — негромко поинтересовалась Берг.

Ростислав лишь пожал плечами, не зная, что сказать.

— И что сей опыт должен означать? — вмешался Семирадский.

— По преданию, так можно увидеть будущее. Можете назвать это дхарским фольклором, господин профессор, — спокойно ответил учитель.

— А мне можно взглянуть? — заинтересовалась Берг.

— Нет, — покачал головой Родион Геннадьевич. — Это может увидеть только владелец Охс Вагрэ, и то не каждый. Перстень высвечивает переломный момент будущего, от которого зависит судьба...

— Да-с, да-с, забавно, — снисходительно молвил профессор. — Рискну все же проявить материализм и умеренный оптимизм. Если наши иппосы завтра все-таки взбунтуются, голосую за пеший поход. Вот-с.

— Вы правы, Глеб Иннокентьевич, — поднял голову Лебедев, за весь разговор не проронивший ни слова. — О февральских волках судить не могу, но нам надо быть в Сайхене хотя бы послезавтра к вечеру... Степан, раз так, ты можешь остаться.

— Господин полковник! — воскликнул Арцеулов, но Лебедев остановил его повелительным жестом.

Степа молчал, как будто сказанное вовсе его не касалось.

— Степан, — позвал брат. — Ты слышал меня?

— Не-а. — Косухин отвернулся. — Не слышал...

— Я серьезно...

— А я нет, чердынь-калуга! Да и его благородие меня не отпустит...

И Степа соизволил взглянуть на мрачного Арцеулова. Тот резко встал и отошел подальше.

После ужина Ростислав отозвал Родиона Геннадьевича в сторону и рассказал о том, что увидел сквозь серебряный ободок. Тот выслушал внимательно, но что-либо объяснить отказался.

— Я ведь не маг, господин Арцеулов. Просто вспомнил предание, а уж как сие толковать — вам, пожалуй, виднее. Почтенный господин Семирадский прав — все это лишь фольклор...

— Нет, — прервал его Ростислав. — Родион Геннадьевич, я, знаете, привык верить своим глазам. Не знаю насчет этого... Гургунх-эра, но кое-что увидеть довелось. Объясните!

— Не смогу... Мы действительно говорим на разных языках. Если бы вы могли мне просто поверить...

— Попытаюсь, — кивнул капитан. — Если что, сумею убедить полковника...

— Хорошо... — чуть подумав, согласился хозяин. — У меня три совета — знаете, как в сказках... Волки — обычные волки — не опасны. Но бойтесь тех, которые с красными глазами...

— Да... — хрипло ответил капитан.

— До Сайхена путь длинный, придется ночевать. Ночуйте где хотите, но не заходите в церковь Святого Ильи. Здешние жители ее боятся. Есть предание, что там служил какой-то расстрига или самосвят. Будете смеяться, господин Арцеулов?

— Нет... Не буду. А какой третий совет?

— Если у вас кто-нибудь, не дай Господь, погибнет...

Учитель замолчал, словно не решаясь закончить. Ростислав терпеливо ждал.

— ...Сразу же отделите его голову от тела.

Как ни странно, услышанное почему-то совсем не поразило капитана.

— Я вас понял, — кивнул он. — Остается надеяться, что ваши советы нам все-таки не пригодятся...

— Дай-то Бог... — странным голосом ответил хозяин.

— Вы что-то знаете? — понял Арцеулов. — Скажите, ведь для нас это очень важно!

— Не скажу — намекну. Вы ведь военный, господин Арцеулов, а значит, должны знать, что иногда у человека можно заметить на лице... нечто... Когда ему грозит опасность...

— Мы называли это «Взгляд Ангела».

— Вы знаете это предание? — удивился учитель.

— У нас его знал каждый, — кивнул капитан. — Ангел приходит к человеку перед смертью...

— Да... Одному из вашей группы грозит очень большая опасность. Очень большая...

Арцеулов долго не мог уснуть. Не то чтобы его до такой степени поразило услышанное, причина была куда более прозаичной — Ростислав наблюдал за Косухиным. Он видел, что Степа, примостившийся в углу и укрывшийся с головой полушубком, не спит. Уже не в первый раз приходила в голову вполне разумная мысль — пристрелить краснопузого, хотя бы «при попытке к бегству». Но, подумав, Арцеулов вдруг понял, что не сможет. Тогда, у избушки — дело другое, тогда они были на равных... В конце концов Ростислав решил, что надо бы связать Степу, забрать у него полушубок и оставить в этой деревне. Черт с ним, краснопузым, пусть дышит! Может, в следующий раз пощадит какого-нибудь офицера, все польза!..

Степа действительно не спал. Правда, он и не думал бежать или, к примеру, зарезать белого гада Арцеулова хозяйским хлебным ножом. Степа размышлял о брате. В глубине души он никогда не верил, что Николай погиб, ведь чудеса случаются даже на войне. И вот брат здесь, но даже в страшном сне Косухин не ожидал, что встретит не вернувшегося из германского плена поручика, а белого полковника, за которым шла охота чуть ли не

по всей Сибири. А тут еще «Владимир Мономах» и эфирные полеты, которые, оказывается, совсем не то, что полеты на аэропланах и даже дирижаблях. Степан слабо представлял себе те сотни верст, о которых говорила Берг, но от ее рассказа веяло жутью: его брат, его Коля, крутился вокруг Земли в стальной чушке среди дикого холода, темноты да еще в каком-то «вакууме». Правда, то, что брат летал на «Мономахе», наполняло сердце Степы законной гордостью. Он даже подумал, что Николая вполне могли бы запустить и первым, но этот Барятинский небось знатного рода, вот и сподобился... Не захотели великие князья пускать первым в «эфир» серую кость!

В общем, мысли у Степы оказались несколько путанными. Твердо он знал лишь одно — брата не бросит и «Мономаха» этого увидит.

ГЛАВА 8

НОЧЬ ГУРГУНХ-ЭРА

Наутро все оказалось хуже, чем думалось. Волчьи следы опять видели у околицы. Лошади были в мыле, к ним стало опасно даже подходить, а не то что пытаться запрячь в сани. Но отступать было поздно. Родион Геннадьевич раздобыл пять пар лыж (Степины догадались захватить с собой), вещи распределили по сидорам, и полковник приказал выступать. Учитель провожал их молча, даже не перекрестив на дорогу.

В лесу было тихо. Тучи за ночь разошлись, на небе неярко светило бледное зимнее солнце. Ветер стих, идти было не просто легко, но и почти приятно. «Почти» — потому что слова о волках крепко засели у всех в голове. Волчьи следы увидели почти сразу. Их было много — и на дороге, и в стороне, среди деревьев. Особенно часто встречались они на полянах; на одной из них, где на минуту остановились передохнуть, ночью побывало, по Степиным подсчетам, не меньше двух дюжин серых. Следы в основном попадались очень крупные, а некоторые оказались такого размера, что даже профессор удивленно качал головой.

— Слышь, Коля, — заметил Косухин, внимательно поглядывая по сторонам. — А чего это волки нами брезгают? Столько дней идем и ни разу не видели. Словно заманивают!

— Ну ты даешь! — рассмеялся полковник. — Расскажи это профессору, будет забавно...

Степа не ответил. По зрелом размышлении собственная мысль показалась Косухину и в самом деле дикой и невероятной. Но будь он, к примеру, волчьим командиром, то поступил бы именно так. Никто из их группы врагов, то есть волков, в

глаза не видел, а значит, потерял бдительность. Засада выходила по всем правилам.

На обед остановились в маленькой пустой избушке с оторванной дверью, почти полностью занесенной снегом. Печь растопить даже не пытались — снег лежал не только на полу, но доставал до подоконников. Перекусили всухомятку. Семен Богораз в очередной раз помянул свой бронхит, категорически отказавшись выпить причитавшийся ему глоток спирта.

— Неплохо прошли, — удовлетворенно заметил полковник, глядя на карту. — Пожалуй, заночуем у Святого Ильи. Холодно, конечно, зато все же крыша...

— Простите, господин полковник? — вскинулся Арцеулов, сразу же вспомнивший слова учителя.

— Заброшенная церковь, — пояснил Лебедев. — Сойдет, тем более ночевать больше негде.

— А... а это не опасно? — не удержался капитан.

— Нечистой силы испугались, молодой человек? — вскинулся Семирадский. — Как же, как же!..

— Я не про это. — Арцеулов смутился. — Просто это идеальное место для засады!

— Полноте, батенька! — успокоил его профессор. — Едва ли нас господа комиссары догонят. Разве что на аэроплане...

Арцеулов и сам не думал, что краснопузые сумеют каким-то образом пройти по зимней тайге из Иркутска им наперерез. Такое мог совершить только бешеный Косухин, но едва ли подобных фанатиков у большевиков избыток. Однако мысль о засаде была хороша тем, что можно не поминать странные советы учителя.

— Извините, господин полковник, — настойчиво повторил он. — Все же рискну настаивать. Кто бы нам ни встретился на пути, он эту церковь не обойдет. Лучше нам туда не сворачивать...

— Но нам негде ночевать! — Лебедев вновь взглянул на карту. — Тут была охотничья избушка верстах в восьми к западу, но ее, помнится, сожгли еще год назад. Сделаем так — подойдем и посмотрим...

— Лучше спросите у своего брата... — буркнул капитан. — Или позвольте мне. Допрос военнопленного не противоречит Гаагской конвенции.

— Ростислав Александрович! — не выдержала Берг, но капитан лишь упрямо мотнул головой.

— Я не намерен, господа, допрашивать родного брата, — спокойно и твердо ответил Лебедев. — Решено. Дойдем до места — увидим...

После этого разговора долгое время шли молча. Арцеулов понял, что ничего не сможет объяснить своим скептическим

спутникам. В иное время он и сам ни за что не поверил бы подобной мистике. Красной засады он не особо боялся, разве что те и в самом деле воспользовались аэропланом или дали радио какому-нибудь повстанческому отряду.

Между тем Степа, молча, с насупленным видом скользивший «финским» шагом рядом с братом, думал о том же, хотя и с несколько иными выводами. В нечисть Косухин верил слабо. Виденное им в Иркутске не могло не заставить задуматься, но Степа, считавший себя истинным марксистом, с легкой совестью относил все к достижениям науки или к природным явлениям, которые эта самая наука еще не познала. Беспокоило другое. Он не стал отвечать при всех ни на один провокационный вопрос белого гада Арцеулова, но сам чем дальше, тем больше начинал беспокоиться. Конечно, товарищ Чудов и местные дружинники не догонят отряд Лебедева. В Иркутске имелись два «Фармана», но они находились в распоряжении уклониста и оппортуниста Федоровича. В повстанческое «радио», о котором думал Арцеулов, Степа не верил, ибо по должности посланца Сиббюро неплохо знал расположение местных отрядов. Ни у Сайхена, ни в междуречье Китоа и Оки повстанцев не было. Но Степа не забыл слова Венцлава перед прощанием. Конечно, даже бойцы 305-го, которых и пули не брали, не умели летать, но Косухин хорошо запомнил жуткую красноглазую собаку (или волка, кто их разберет?), которая вела его по ночному Иркутску. В общем, было над чем задуматься.

Степа не забыл и то, что его брат, оказавшийся полковником Лебедевым, должен быть в интересах мирового пролетариата задержан. Значит, он, Косухин-младший, должен идти и помалкивать, тем более его ни о чем не спрашивают. Но Степа помнил и о другом: о краснолицем Венцлаве и страшной ночи у могилы Ирмана. Брат может не захотеть отвечать командиру 305-го, и тогда тот прибегнет к своим «особым» методам... А самое главное, Косухин сразу сообразил, что группу, в которой он неожиданно-негаданно очутился, вообще не имеет смысла задерживать. Ведь в любом случае ни Чудову, ни даже Венцлаву не достать до Китая, где находится «Мономах». А раз так, то следовало попасть туда и увидеть все своими глазами. Если это в самом деле научный проект, вреда для пролетарской революции не будет, а будет одна лишь польза — и немалая.

— Коля, — наконец не вытерпел он, — ты эта...

Брат выжидательно повернул голову, Косухин вобрал в легкие побольше воздуха и резко выдохнул:

— В церковь не ходи... Ищут вас... Не ходи, братан! В снегу переночуем, в конце концов, не помрем!

— Но ведь нас действительно не могли обогнать, тут профессор прав, — возразил Лебедев.

— Да чего ваш профессор понимает! — окончательно расстроился Степа. — Найдут вас! Могут найти! Этот зверюга-капитан за карабин схватится — и положат всех рядком, без разбора! А мне чего потом делать, а?

— Ты же красный командир! — бледно улыбнулся Николай. — Ты же нас должен арестовать.

— А! — обиделся Степа и замолчал. Рассказывать брату о Венцлаве не хотелось — в такое сроду не поверишь.

Церковь открылась неожиданно — лесная дорога вывела на огромную поляну, посреди которой чернела небольшая церквушка, сложенная из почернелых от времени лиственниц. Рядом виднелись почти полностью утонувшие в снегу старые кресты заброшенного кладбища.

— Через час будет темнеть, — негромко заметил полковник. — Ваши предложения, господа?

Арцеулов не ответил, внимательно осматривая поляну. Человеческих следов он не заметил, только кое-где виднелись уже знакомые отпечатки волчьих лап.

— Снег шел два дня назад, — прикинул Семирадский, подумавший о том же. — Думаю, господа, если оставить версию о ведьмах на помеле...

— Они могли подойти с другой стороны. — Арцеулов говорил не очень уверенно, поскольку думал о другом. — Да и... вдруг здесь подземный ход?

— И пятнадцать человек на сундук мертвеца, — хмыкнул профессор.

— Жутковатое место, — внезапно заметила Берг. — Какая-то тишина здесь... странная, будто ненастоящая...

— Нервы, сударыня, вот что это! — наставительно заметил Семирадский. — Семен Аскольдович, вам тоже ведьмы мерещатся?

— Мне мерещится воспаление легких, — ворчливо ответил Богораз, в очередной раз кашляя. — Впрочем, господа, среди нас двое профессиональных военных. Я в этих делах — пас...

Арцеулов и Косухин переглянулись.

— Дайте ваш бинокль, господин полковник, — попросил Ростислав.

Лебедев протянул ему цейссовский бинокль, и капитан прильнул к окулярам. Церквушка стояла, замеченная снегом почти по самые окна, даже перед дверью намело немалый сугроб. Ничего похожего на следы не было, окна оказались заколоченные, правда, в одном месте, ближе ко входу, несколько досок было сорвано. Но и там следов он не обнаружил.

Ростислав пожал плечами, подумал и неожиданно для себя протянул бинокль Косухину. Тот наблюдал долго, затем молча вернул «цейс» брату.

— Ничего не увидел, — честно отрапортовал Арцеулов. — Но, господа... Может, не будем рисковать? Наш хозяин... Родион Геннадьевич... Он не велел заходить сюда. Место... ну, плохое...

— Ага! — произнес профессор таким тоном, что у капитана тут же пропала охота продолжать.

Между тем Степа лихорадочно соображал. Будь он на месте командира, посланного наперерез беглецам, лучшего места для засады не придумать. Косухин твердо решил, что сам бы ни за что сюда не сунулся. Мало ли что следов не видать?

— Взглянуть бы с другой стороны... — предложил он.

— Разрешите, господин полковник? — вмешался Арцеулов, не желавший отпускать краснопузого в разведку. Лебедев подумал и молча кивнул. Капитан приложил руку к шапке и легко заскользил по опушке леса к дальнему концу поляны.

— Что за ерунда! — продолжал возмущаться профессор. — У вас мания преследования, честное слово!

— Плохое место, — буркнул Степа, ни к кому не обращаясь. Странная церквушка нравилась ему все меньше и меньше.

Капитан вернулся минут через двадцать. За это время профессор успел произнести целую речь о вреде суеверий. Ему никто не возражал, но и не поддерживал, если, конечно, не считать поддержкой надрывный кашель Семена Аскольдовича. Полковник ждал молча, время от времени поглядывая в бинокль. Косухин топтался рядом, посматривая то на брата, то на Наташу Берг. Та тоже не проронила ни слова, но выглядела, как заметил Степа, встревоженной. Наконец показался Арцеулов, добросовестно объехавший поляну по периметру.

— Ни одного следа, — доложил он. — Сдаюсь, господа. Но... Не нравится мне все это! Окружат нас — и баста!

— Нас могут окружить просто в лесу, — резонно возразил профессор. — Там мы по крайней мере будем за стенами!

Спорить не приходилось. Полковник кивнул и первым заскользил через поляну. Степа попытался догнать брата, но Арцеулов, в свою очередь, прибавил скорость и занял место рядом с Лебедевым.

— Косухин, вам тоже это место не нравится? — Берг догнала Степу и оказалась рядом, отставая лишь на полшага.

— Это вы в самую точку, Наташа, — вздохнул Степа. — Ни в какую не нравится!

— Мне тоже, — согласилась девушка и невольно вздрогнула.

Да, место красному командиру определенно не нравилось. Будь он один или с братом — и даже с этим беляком-капитаном,

то ушел бы отсюда, пока не поздно, развел где-нибудь костер, перебеждал ночь...

«А может, и поздно уже», — вдруг подумалось ему.

Неподалеку от входа полковник велел остановиться. Он кивнул Арцеулову, тот, пробравшись через высокий сугроб, подтянулся, заглянул в выбитое окно и махнул рукой.

Первыми к двери подъехали Лебедев с профессором и стали утаптывать валенками глубокий снег. Арцеулов стоял рядом, с сомнением поглядывая на дверь. То, что он успел заметить, немного успокоило: в церкви было пусто, вдобавок пол занесло тонким слоем снега, и на этом белом ковре он не увидел ни следочка.

— Стойте! — внезапно произнес Степа, когда снег у двери был утоптан и полковник собирался потянуть за полуоторванную ручку. — Эта... Подождите!..

— Да в чем дело, молодой человек? — хмыкнул Семирадский. — Вам был голос слышен?

Косухин и сам не мог сказать толком, но в этот момент совершенно ясно понял, что входить внутрь опасно.

— Ну... эта... — попытался сообразить он. — Самострел могут приспособить. Или гранату подвесить...

«А ведь краснопузый прав, — тут же подумал Арцеулов. — Плохо, что я сам не сообразил!»

Лебедев приказал отойти от дверей, Степа аккуратно потянул за ручку, тут же отпрыгнув в сторону и прижавшись к бревенчатой стене. Дверь со скрипом отворилась, так и оставшись висеть, чуть колеблясь на разохшихся петлях. Ничего не случилось.

— Ну, хватит! — решительно заявил Семирадский. — В знак посярмления суеверий вхожу первым!

— Стой, профессор! — заорал Степа, сам не понимая почему. — Не входи, чердынь!..

Семирадский, не оглядываясь, помотал головой и перешагнул порог. Косухин весь сжался, почему-то закрыл глаза — и тут же в уши ударил сухой короткий звук, затем еще, еще...

«Винтарь! — понял Косухин. — Ах ты!..»

При первом же выстреле Арцеулов похолодел, сообразив, что они все-таки попались. Сорвав с плеча карабин, он оттолкнул полковника, стоявшего у самых дверей, и одним прыжком оказался внутри.

Вспышку третьего выстрела Ростислав успел заметить — били из-за алтаря. Четвертая пуля прошла над головой, он упал на колени и тут же врезал прямо по вспышке. Невидимый враг не отвечал. В церкви вновь стало тихо, на белом снегу, покрывавшем пол, по-прежнему нельзя было заметить ни единого следа. Профессор лежал у входа ничком, и его поза Арцеулову

сразу же очень не понравилась. Еще на что-то надеясь, он перевернул тяжелое тело Глеба Иннокентьевича, хотел расстегнуть полушубок, но все и так стало ясно — одна из пуль попала точно в горло, чуть ниже адамова яблока.

Капитан скрипнул зубами и стал перезаряжать карабин. Тот, кто стрелял, мог уцелеть, и капитан не хотел зря рисковать. Тем временем в церковь вошел Лебедев и тут же отшатнулся при виде мертвого тела.

— Погодите, господин полковник, — поморщился Арцеулов, шелкая затвором. — Надо посмотреть...

Он взял оружие на изготовку и шагнул к алтарю. Капитан знал, что едва ли промахнулся, но легче от этого не становилось. В случившемся был виноват прежде всего он, поверивший этому ровному нетронутому снегу...

За алтарем было тихо, но Ростиславу показалось, что он слышит чье-то хриплое дыхание. Капитан сжал в руках карабин и ногой распахнул почерневшую резную дверцу.

Слабый неровный свет упал в дверной проем. На противоположной стороне темнели свежие пулевые отверстия, пахло порохом, но ни трупа, ни живого врага за алтарем не было. По углам лежала густая тень, но в этой тени человек, даже ребенок, спрятаться не мог. Арцеулов на всякий случай ткнул прикладом в один из углов, справа от себя, но металлическая прокладка лишь тупо ударилась о дерево. Он повернулся налево — и тут в черной глубине что-то шевельнулось. Капитан вскинул винтовку, но опоздал — нечто бесформенное, напоминающее сгусток темного тумана, пронеслось мимо, обдав ледяным холодом. Ростислав бросился к резной дверце, но успел увидеть только серую тень, исчезающую в дверном проеме.

— ...Ах ты, чердынь! — Серую тварь Степа распознал сразу, как только в темном проеме алтаря мелькнули горевшие красным огнем глаза. Косухин вырвал из рук брата карабин и выстрелил навскидку. Серая тварь дернулась, но лишь ускорила бег, проскользнув между людьми на белый нетронутый снег поляны. Вторую пулю Косухин послал, уже прицелившись. Собака вновь дернулась, даже подпрыгнула, но словно заговоренная продолжала мчаться к опушке. Третью пулю Степа просто пожалел, сообразив, что свинец здесь не поможет. Он опустил оружие и нехотя повернулся.

Первое, что он увидел, был ствол карабина, целившийся ему прямо в лицо. Палец Арцеулова лежал на спуске.

— Да ну вас! — поморщился Степа и отдал оружие брату.

— Господа, что происходит? — Наташа стояла в стороне, пытаясь подойти, но Богораз не подпускал ее к дверям. — Что с Глебом Иннокентьевичем?

Ей никто не ответил. Лебедев взглянул на капитана, тот медленно покачал головой.

— Позвольте, господа! — не выдержал Богораз. — Мы просим нам объяснить...

— Это я виноват, — выдохнул полковник. — Надо уходить...

— Позвольте! — не унимался Семен Аскольдович. — Я вынужден присоединиться к вопросу Натальи Федоровны! Что с господином профессором?

— Убит, — без всякого выражения сообщил Арцеулов и, взглянув в сторону покинутой опушки, добавил: — А уходить поздно...

Там, где только что не было ничего, кроме нетронутого снега и черных стволов лиственниц, темнела ровная цепь. Собаки стояли недвижно, повернув морды к людям, зримо показывая невозможность отступления.

— В церковь! — крикнул капитан. — Скорее!..

При виде тела Семирадского Берг вскрикнула, а Богораз мрачно насутился и неловко перекрестился. Степа, заходивший последним, плотно прикрыл дверь и задвинул засов.

— И все-таки я не понимаю, — растерянно проговорил Лебедев. — Господин капитан! Здесь же никого не было, кроме этой собаки!..

Арцеулов промолчал и, подойдя к окну, заглянул в щель между досками. Серые твари стояли там же, не двигаясь.

— Теперь я поняла, Ростислав Александрович, о каких собаках вы говорили! — прошептала Берг. — Господи, какой ужас! Что же мы теперь будем делать?.. Без Глеба Иннокентьевича...

— Господин Арцеулов... Степа... — проговорил полковник, поглядывая то на брата, то на мрачного насутившегося капитана. — Прекратите играть в красные-белые, черт вас всех возьми! Речь ведь идет не только о наших с вами жизнях!..

— А я че? — невозмутимо пожал плечами младший. — Давай, братан, карабин, будем разбираться...

— Ни за что! — резко выдохнул Арцеулов. — Господин полковник, извините, но я не уверен, что ваш брат не с этими... этими...

— Дурак ты, капитан!.. — только и проговорил Степа, усаживаясь прямо на бревенчатый пол. Неужели белый гад думает, что он отдаст Николая серым тварям?

— Отставить! — резко бросил Лебедев. — В любом случае я старше вас по званию. Так что под мою ответственность... Степан, бери оружие!

— Так точно. Под вашу ответственность, — холодно ответил Ростислав, поворачиваясь к братьям спиной и вновь подходя к окну. Степа, криво усмехнувшись, медленным ленивым движе-

нием взял оружие, тут же вскочил и занял позицию у другого окна.

— Что делать мне, господа? — Лебедев достал револьвер и провернул барабан, проверяя наличие патронов.

— Будете в резерве, господин полковник, — не оборачиваясь, ответил Арцеулов. — Займитесь Глебом Иннокентьевичем. И скажите господину Косухину, чтобы он выполнял мои приказы.

— Ага, — согласился Степа. — Рад стараться, твое благородие!..

Тело Семирадского уложили неподалеку от алтаря, накрыв полушубком, в головах поставили найденный возле одной из икон огарок свечи. Берг стояла рядом и неслышно шептала молитву. Бледный, нахохлившийся Богораз пристроился сбоку.

— Без него мы ничего не сделаем, — с трудом выговорил он, сглотнув. — Ничего...

Берг покачала головой и погладила Семена Аскольдовича по плечу.

Собаки по-прежнему не двигались — застыли, словно нелепые страшные скульптуры, поставленные зачем-то вдоль опушки. Косухин, стоявший возле окна, уже пару раз порывался взять одну из тварей на мушку, но каждый раз сдерживал себя. Будь это даже обыкновенные волки, на всех все равно не хватит патронов. Но вдруг он заметил, что несколько собак задвигались, оглядываясь по сторонам, а затем отбежали влево и вправо, словно освобождая путь кому-то невидимому.

Арцеулов тоже увидел это и неприязненно покосился на Степу, подумав о том, как поведет себя краснопузый, если начнется приступ. Тем временем Косухин начал медленно сдвигаться вправо и вскоре уже стоял перед оконным проемом.

«И не боится! — зло подумал капитан. — Небось своих увидел!»

Ростислав был не прав. Степа не собирался двигаться, но как-то незаметно для себя оказался у окна — словно непреодолимая сила потянула его прямо под пули. Он застыл словно прикованный, глядя на поляну и отмечая про себя, что собаки, отбежав в стороны, вновь замерли как вкопанные. И тут в освободившемся промежутке воздух стал сгущаться, над сиреневым в закатном солнце снегом за клубился невысокий столбик тумана, сквозь который начало медленно проступать что-то темное. Степа вяло подумал, что надо немедленно отодвинуться к безопасной стене, но невидимая сила по-прежнему прижимала его к оконному проему, подавляя волю и гася сознание.

«Сейчас знаки подавать начнет! — предположил Арцеулов,

проклиная доверчивость полковника. — Хорошо б его... из карабина...»

И вдруг капитана охватило чувство неведомой тревоги. Ростислав удивился, но тут правую руку пронзила боль — серебряный перстень внезапно сжался, сильно сдавив палец. Еще не очень понимая, что делает, Арцеулов резким движением сбил Косухина на пол и, не устояв на ногах, упал рядом. Пуля, слегка задев одну из досок, закрывающих окно, со свистом вошла в деревянную стену над алтарем. Ростислав перекатился в сторону и вскочил. Степа был уже на ногах, но теперь оба прижимались к стене, стараясь держаться подальше от окна.

«Как же так? — удивился капитан. — В него же свои били! Не узнали? Или... узнали?»

Степа подумал о том же, но почему-то не удивился, вспомнив товарища Венцлава. Если уполномоченный Сиббюро Косухин погибнет, некому будет сообщить товарищу Троцкому о том непонятном, что довелось увидеть в Иркутске.

«И про «Мономаха» никто правды не скажет, — внезапно понял Степа. — Что ж это выходит? Измена?»

Впрочем, в эту минуту красного командира мучил и другой вопрос: должен ли он поблагодарить белого гада или контрик обойдется? В конце концов Степа хмуро поглядел на капитана и процедил:

— Благодарствую, гражданин Арцеулов.

— Не за что, месье Косухин!

— Степа! Ты не ранен? — Лебедев, неловко пригибаясь, тоже подошел к окну и теперь стоял рядом с братом.

Тот не ответил — смотрел в шель, пытаясь понять, что происходит на поляне. Арцеулов тоже глянул и тут же отшатнулся. Столб тумана медленно двигался к церкви. Серые твари не спеша следовали за ним, ровно, словно соблюдая строй. Все происходило в полном молчании, будто кто-то стоящий над всем этим внезапно стер звук.

— Коля, назад! Иди назад! — вырвалось у Косухина.

— Но... — нерешительно проговорил полковник. — Что там?

— Гости, — ответил вместо Степы Арцеулов. — Господин полковник, прошу вас... И держите дверь под прицелом!

Лебедев, помешкав еще секунду, послушно отошел к алтарю.

— Косухин! Дерево видите? — Арцеулов ткнул стволом в сторону невысокой пихты, росшей неподалеку от входа. — Подойдут — бейте!

— Ага!

— Господа! — Капитан обернулся назад. — Как только начнем стрелять, падайте на пол! Господин полковник, держите дверь!

Собаки были уже близко. Красные глаза горели, пасти весело скалились — серые твари чуяли близкую победу. То, что казалось клочьями тумана, внезапно стало таять, растворяясь в наставших сумерках.

«Или привиделось?» — удивленно подумал Степа и вдруг почувствовал, как ледяной холод, куда более страшный, чем уже привычный мороз, охватывает лицо и кисти рук.

— Ах ты черт! — Из пальцев Арцеулова внезапно выпал карабин, он схватился за голову, пытаясь сдержать подступившую к вискам невыносимую боль. В ту же секунду рука полковника бессильно разжалась, револьвер с глухим стуком упал на пол...

Степа пытался схватить упавший карабин, но заледенелая ладонь не хотела сжиматься. Арцеулов тихо стонал, не в силах открыть глаза. Засов двери начал мелко дрожать и медленно пополз в сторону.

— Дверь... — безнадежно проговорил Степа. — Братан, дверь!..

В эту секунду, как и в далеком детстве, он верил, что старший брат, такой сильный и смелый, никого и ничего не боящийся, обязательно поможет. Полковник, преодолевая охватившую его слабость, медленно встал, вновь сжимая в руке оружие.

— Не бойся, Степа! Я здесь...

Задвижка отошла в сторону, вывалилась из пазов, негромко ударилась о доски пола. Дверь заскрипела и начала медленно отворяться. Полковник не спеша поднял револьвер и нажал на курок. Сухо клацнул спуск, но патрон остался в стволе. Лебедев спрятал револьвер в карман и шагнул вперед.

Дверь отворилась. В четырехугольном проеме на фоне сиреневого снега выросла высокая темная фигура в шинели и островерхом матерчатом шлеме.

— Что вам угодно? — Голос полковника прозвучал неожиданно сильно и властно.

— Мне угодно войти, господин Лебедев. — Высокий в шинели не спеша перешагнул порог и с интересом огляделся. — Господа, я не оригинален и не люблю стрельбы в упор. Будьте благоразумны!

Он легко махнул рукой, и Арцеулов почувствовал, как боль отпускает. Степа облегченно вздохнул и легко поднял с пола карабин.

— Можете считать меня парламентаром, — продолжал гость. — Позвольте представиться — Венслав, командир 305-го полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии...

— Слушаю вас. — Полковник оправил полушубок и отряхнул налипшие на него снежинки. — Чем обязан?

— Многим... — Венслав неторопливо шагнул мимо Лебедева и бросил беглый взгляд на прижавшегося к стене Степу. —

Игра кончилась, господа! Вы окружены, и теперь самое время выслушать мои условия...

Он бросил иронический взгляд на Арцеулова и очень внимательный, цепкий — на застывших возле мертвого тела профессора Берг и Богораза.

— Итак, мои условия. Прежде всего вы освобождаете пленного...

Венцлав вновь поглядел на Косухина, и тому вдруг почему-то чрезвычайно не захотелось освобождаться.

— Далее... Вы сдаете оружие и отправляетесь в Иркутск, а оттуда через некоторое время в столицу, где вам будут предложены условия для научной работы. Никто, включая господина Арцеулова, не подвергнется судебным или внесудебным репрессиям...

— Значит, за нами охотились, чтобы определить на службу? — резко бросила Берг.

— Не только, сударыня. «Мономах» не должен взлететь!

«Выходит, он знал? — понял Степа. — Все знал!»

Тем временем Арцеулов, не сводя глаз с краснолицего, незаметно сунул руку за отворот полушубка, где лежал «бульдог». Но в последний момент рука замерла. Капитан вспомнил ночную улицу, выстрелы Казим-бека, а затем ровную шеренгу красноармейцев в высоких шлемах. Этого типа не берут пули, зато ему очень не нравится перстень!

Ростислав осторожно поднял правую руку. В старинных сказках волшебными кольцами заряжали ружья против Нечистого. Ну что ж...

Перстень оказался почему-то необыкновенно тяжелым и холодным. Арцеулов сжал его в руке... Не успел — Венцлав резко повернулся, тонкая красная ладонь рассекла воздух, и выпавший из руки Ростислава перстень покатился по полу. Глаза краснолицего зло сверкнули:

— Я же говорил, что это вам больше не поможет! Сидите смирно, господин Арцеулов!

Он вновь отвернулся. Рука капитана метнулась к перстню, но пальцы лишь ударились о твердую невидимую преграду.

«Непускающая Стена, — вспомнил Арцеулов. — Ловко...»

Перстень лежал совсем рядом, но рука напрасно скользила по твердой словно камень невидимой преграде. Капитан понял, что Непускающая Стена накрывает серебряный амулет словно коллаком...

На минуту-другую в церкви воцарилось молчание. Венцлав стоял неподвижно, заложив руки за спину и еле заметно покачиваясь с пятки на носок.

— Нам не о чем вести переговоры, — наконец ответил полковник. — Каждый из нас выполняет свое задание, господин

Венцлав. Могу лишь удивиться, что власть большевиков ставит своей целью срыв важнейшего научного эксперимента. Боюсь, что слухи о вашем варварстве близки к истине. Впрочем, я согласен отпустить господина Косухина, если, конечно, он сам захочет...

— Не-а, — перебил его Степа. — Я лучше останусь. Собачек я там ихних не видел, что ли?

— Товарищ Косухин, — голос Венцлава загустел злобой, — не забудьте, что существует понятие «измена». Я понимаю, что вы беспокоитесь за брата, но его жизнь зависит от вас. Может, вас не стоило вообще посылать на это задание, но настоящую фамилию господина Лебедева мы узнали только после вашего отбытия...

«А ведь прикончат парня!» — вдруг отчетливо понял Арцеулов, и ему почему-то стало жаль Степу. Ростислав взглянул на недоступный перстень и еле удержался от удивленного возгласа — серебро светилось. В затоплявших церковь сумерках свет казался ярким и очень резким, но его лучи бессильно отражались от невидимой преграды, создавая внутри нее светящуюся сферу. Ростислав протянул руку — Непускающая Стена потеплела, но по-прежнему была неприступна.

— Итак, Степан Иванович? — поторопил Венцлав. — Я жду.

— Я остаюсь. — Степа отвернулся.

— Как хотите, — пожал плечами краснолицый. — В этом случае я в силу своих полномочий объявляю вас вне закона...

Он махнул рукой, и полковник почувствовал, что его сковала неведомая сила, мешающая двинуть даже кончиком пальца. Венцлав усмехнулся тонкими ярко-красными губами. В следующую секунду у него в руке оказался револьвер. Ствол целил прямо в голову Степы.

«Падай, краснопузый!» — хотелось крикнуть Арцеулову, но голос застрял в гортани, все тело охватила страшная слабость, а в виски вновь ударила боль.

— Убирайтесь в ад, Косухин! — процедил Венцлав, и щека его еле заметно дернулась.

Ударил выстрел, затем другой. Но стрелял не Венцлав. Он-то как раз и не успел выстрелить — пули пробили кисть, и револьвер вывалился из разом повисшей руки. В ту же секунду Арцеулов почувствовал, как исчезли слабость и боль, а серебристое сияние, до этого запертое в тесной сфере, вырвалось на волю. Капитан схватил перстень и метнул его в краснолицего. Удар пришелся по груди. Перстень, легко отскочив, упал на пол, и Арцеулову на миг показалось, что ничего так и не случилось. Но внезапно Венцлав зашатался, из горла вырвался хрип, а по серому сукну шинели проступили темные пятна. Запахло паленым. Краснолицый дергался, пытаясь сбить левой рукой охватившее

его пламя, но огонь разгорался, шинель пылала, вспыхнул высокий суконный шлем....

— О Господи! — негромко проговорил кто-то.

Кожа начала чернеть и отваливаться кусками. Венцлав по-прежнему стоял, но теперь обе руки висели неподвижно, затем тело зашаталось и с глухим неживым стуком рухнуло на пол. Внезапно огонь стих, все окуталось густым клубящимся дымом, который стал постепенно сгущаться, а затем потянулся к раскрытой двери. Через несколько секунд все было кончено — клочья тумана уползали в вечерние сумерки, а на полу остался лишь еле заметный след гари.

— Аминь, — хрипло проговорил Арцеулов, бросаясь к двери и закрывая засов. Степа шумно вздохнул и передернул затвор карабина.

— Господа, а кто стрелял-то? — вдруг сообразил Ростислав, удивленно оглядываясь.

— Семен Аскольдович, — невозмутимо сообщила Берг.

— Совершенно неинтеллектуальное занятие. — Богораз, безразлично поглядев на револьвер, небрежно сунул его в карман полушубка. — Если бы этот монстр не целился в господина Косухина...

— Спасибо, Семен! — откликнулся Степа. — Выходит, выручил...

— Оставьте, господин Косухин, — скривился студент, поправляя сползавшие на нос очки. — С такого расстояния не попасть в запястье...

— Вы прекрасно стреляете, господин Богораз, — возразил полковник. — Но почему вы стреляли в руку?

Семен Аскольдович пожал плечами:

— Покойный Казим-бек пытался стрелять в сердце, насколько вы помните — безрезультатно. Я решил попробовать перебить кость. Кем бы ни был этот монстр — он не призрак, значит, кости его скелета состоят из такого же кальция, как и у нас, грешных. Впрочем, в научном отношении куда любопытнее его реакция на ваш перстень, господин Арцеулов...

— Обсудим потом, господа, — вмешался Лебедев. — Сейчас надо отсюда как-то выбраться...

— Коля, погляди, — перебил его Косухин, кивая на окно. — Только осторожно, не подставляйся...

Полковник, подойдя ближе, выглянул наружу. Через минуту он покачал головой и медленно отошел назад.

Там, где только что темнела окружавшая церковь собачья свора, теперь стояла ровная цепь бойцов в высоких суконных шлемах.

— Вот, значит, что это за собаки! — негромко проговорил

Арцеулов. — Теперь понятно, кто стрелял в господина Семирадского... Эх, гранат нет!..

— Ваш перстень, Ростислав Александрович, — напомнила Берг. — Положите его у двери.

Арцеулов тут же последовал этому совету, но затем огляделся и с сомнением покачал головой:

— Окна... Право, не знаю, господа. Остается по примеру господина Богораза сокрушать им кости...

— Странно. Они не двигаются, — заметил полковник. — Может, растерялись без своего Венцлава?

— Они ждут, — возразила Берг и вздрогнула. — Вы чувствуете, господа? Что-то происходит...

Все замолчали, прислушиваясь, но в старой церкви ничего не изменилось. Лишь темнота медленно затопляла все вокруг, отчего и без того невеселая обстановка казалась еще более мрачной.

— Не бойсь, Наташа, — бодро ответил Степа. — Сейчас мы свечи сообразим...

Он зажег несколько уцелевших огарков. Огонь осветил темные лики икон, но маленькие островки мерцающего света лишь сгустили навалившуюся мглу. Берг нашла еще один огарок и поставила у изголовья Семирадского, рядом с уже погасшим.

— Хорошо бы продержаться до утра, — ни к кому не обращаясь, проговорил Лебедев.

— Утром могут подойти новые, как говорит господин Богораз, монстры, — возразил Арцеулов. — Да и вряд ли они доставят нам подобное удовольствие...

— Похоже, перстень господина Арцеулова все-таки их сдерживает, — с некоторым интересом заметил Богораз. — Очень, очень любопытно...

— Они хотят нас взять изнутри, — перебила Берг. — Господа, неужели вы не чувствуете?

— Да ну, Наташа! — бодро заявил Степа, подходя поближе к девушке. — Отобьемся, чердынь-калуга!

— Спасибо, Косухин, — улыбнулась Берг. — С вами я спокойна...

Арцеулов покосился на Степу, но промолчал. Он понимал, что краснопузый просто бодрится. И вдруг капитан вспомнил совет их странного знакомого Родиона Геннадьевича. Арцеулов поглядел на неподвижное тело Семирадского, еле видимое при слабом свете свечного огарка, и вздрогнул. Надо отделить голову от туловища. Но зачем?

Ростислав посмотрел на Лебедева, затем на застывшую рядом с телом профессора девушку, на почти незаметного в темноте Богораза. Нет, он не сможет предложить им такое! Гибель

профессора и так была для них трагедией. Правда, оставался еще краснопузый...

Арцеулову совершенно не хотелось разговаривать со Степой, но он догадывался, что только Косухин может что-то понимать в происходящем. Капитан чуть поморщился и подошел к Степе. Тот удивленно оглянулся.

— Господин Косухин, давайте отойдем в сторону...

Степа подчинился. Они шагнули в темный угол и остановились рядом с холодной стеной.

— Господин Косухин, — повторил капитан, — вы... догадываетесь, что нам грозит? Я имею в виду возможности этих... людей.

— Не знаю... — неохотно ответил Степа. — Амба нам всем, видать! Их, гадов, пули не берут. И... Венцлав может мертвяков поднимать. Сам видел...

— Значит, правда... Господин Косухин, мне сказали...

Он не договорил. Внезапно по всей церкви пронесся тихий стон, шедший, казалось, из-под земли. Стены задрожали. Вначале дрожь была мелкой, почти незаметной, но вот послышался треск, заскрипел сдвинутый с места иконостас, потом раздался глухой стук — одна из икон, сорвавшись с места, упала на пол.

— Господа, к центру! — скомандовал Лебедев. — Ближе!

Они стали прямо под куполом, держась плечом к плечу. Арцеулов и Степа загородили собой Наташу. Церковь продолжала дрожать, но к стуку дерева прибавился какой-то новый звук, похожий на скрежет. Он доносился отовсюду — сверху, с боков, но более всего — из-под бревен пола. Казалось, чьи-то гигантские когти скребут из-под земли, пытаясь добраться до людей. Затем вновь послышался стук — били в стены, от чего зашатались и начали сходить с мест доски, закрывавшие окна.

— Похоже на землетрясение. — Голос полковника оставался спокойным. — Господа, ваши предложения?

— Уходить надо, — бросил Арцеулов. — Лучше уж к этим псам...

— Посмотрите! — Рука Берг указывала куда-то в сторону, но вначале никто даже не понял, что случилось. Арцеулов лишь заметил какое-то странное движение там, где лежало тело профессора. Он всмотрелся — полушубок, которым был накрыт Семирадский, медленно сползал в сторону.

— Боже мой! — Полковник перекрестился. — Что же это?

Полушубок дернулся и упал. Тело Семирадского билось об пол, мертвые руки упали вдоль тела, заочевенные пальцы сводила судорога.

— Куда надо стрелять? — шепнул Арцеулов, склонившись к уху Степы.

— В голову. — Косухин сглотнул. — Где мозг...

Мертвое тело продолжало биться, затем голова дернулась и начала медленно приподниматься. Берг тихо вскрикнула, но сдержалась, закрыв рот рукой. Богораз, растерянно сняв очки, протирал стекла, не очень доверяя собственным глазам. Арцеулов понял, что нужно действовать немедленно.

— Господа! Отойдите ближе к стене, — скомандовал он, доставая револьвер. — Наталья Федоровна, вам лучше отвернуться...

Мертвое тело профессора на миг застыло, затем руки со скрюченными пальцами стали медленно сгибаться в локтях. Мертвец уже не лежал, он полусидел, время от времени подаваясь вперед, словно какая-то неведомая сила поднимала его со смертного ложа.

— Что же это они делают? — прошептал полковник. — Степа, ты что-нибудь понимаешь?

Косухин не ответил. Вспомнилась страшная ночь на старом иркутском кладбище, мертвое лицо генерала Ирмана... Он поднял карабин и нерешительно поглядел на брата.

— Пойдите, Косухин. — Рука Берг коснулась его плеча. — Может, Глеб Иннокентьевич жив?.. Ведь этого же... такого не бывает!..

— К сожалению, бывает, — ответил вместо Степы капитан, вспомнив рассказ о тибетском монастыре. — Отойдите, господа, прошу вас!

Тело профессора уже сидело, затем мертвые руки мощно уперлись в почерневшие бревна пола, и покойник начал вставать. На уже успевшем закоченеть лице что-то дрогнуло, затрепетали посиневшие веки, медленно открылись глаза. Но это были не добродушные и всегда ироничные глаза Семирадского — взгляд был тяжел и злобен, словно кто-то другой смотрел через них на мир.

— Глеб Иннокентьевич! — растерянно произнес Богораз. — Если это вы...

— Подойдите сюда, Семен Аскольдович! — Хриплый низкий голос ничем не напоминал профессорский, но Богораз как замороженный замер, а затем сделал шаг вперед.

— Семен! Куда? — Косухин потянул студента за рукав, но тот с неожиданной силой вырвался и шагнул к мертвецу. Побелевшие губы Семирадского дрогнули в нечеловеческой усмешке, скрюченные пальцы потянулись вперед. Богораз медленно, как будто через силу, сделал еще шаг. Мертвец, чуть покачиваясь, наклонился, почти доставая кончиками пальцев до горла студента.

— Господин полковник! — крикнул Арцеулов. — Держите же его!

Опомнившийся Лебедев, схватив Богораз за плечи, резко

дернул на себя. Скрюченные руки мертвеца рванулись, но поймали лишь пустоту. И тут Арцеулов выстрелил. Промаяхнуться даже в полутьме было невозможно — пуля вошла прямо в лоб покойного, страшные глаза на миг закрылись, но в следующее мгновение мертвец вновь скривил губы в ухмылке и, бросив полный ненависти взгляд на капитана, шагнул вперед. Лебедев попытался загородить дорогу, но тяжелая рука с невиданной силой ударила его в плечо, отбросив в сторону.

— Профессор! — крикнула Берг, пытаясь заслонить собой Богораза. Мертвец медленно надвигался, держа полусогнутые руки перед собой, словно ощупывая воздух. Вторая пуля вошла в висок, но покойник даже не вздрогнул.

Степа незаметно подкрался сбоку и что есть силы ударил прикладом по шее мертвеца, но рука со скрюченными пальцами с неожиданной ловкостью перехватила оружие и сильным движением чуть было не вырвала его. Степа вцепился в карабин и несколько секунд пытался его удержать, чувствуя, что вот-вот холодная мертвая рука завладеет оружием. Арцеулов чертыхнулся — он не мог стрелять, опасаясь влить пулю в голову краснопузого. Наконец Степа изловчился и резко дернул карабин, но не удержался и сам упал на пол. Мертвый профессор, тут же потеряв к нему всякий интерес, бросился вперед. Его движения изменились — они стали заметно быстрее и точнее, словно у покойника прибывало силы.

Наташа закричала, пытаясь оттолкнуть мертвеца и одновременно прикрывая собой замершего и словно онемевшего Богораза. Еще одна пуля, выпущенная из «бульдога», вошла в затылок, но покойник лишь негромко зарычал. Огромные руки легли на плечи девушки, а затем медленно поползли к ее горлу.

Арцеулов и Лебедев растерянно стояли сзади, сжимая револьверы в руках. Стрелять они не могли — пули, не причинявшие вреда мертвецу, непременно попали бы в Наташу. Степа уже успел встать, карабин он держал по-прежнему в руках, но тоже не стрелял, лихорадочно пытаясь найти выход.

Руки мертвеца сомкнулись на горле Берг, она захрипела, пытаясь из последних сил оттолкнуть холодное закаменевшее тело. Арцеулов одним прыжком оказался рядом, схватил покойника за руку, пытаясь разжать скрюченную кисть. Впрочем, это было все равно что сдвинуть каменную статую — мертвец даже не двинулся с места, лишь из пробитого пулей горла вновь донеслось хриплое рычание.

— Братан! — внезапно крикнул Косухин. — Коля, кинь мне нож!

Секунду-другую Лебедев непонимающе глядел на брата, затем быстро сунул руку за отворот полушубка и выхватил спрятанный там широкий нож. В тусклом свете догорающих свечей

мелькнуло гладкое блестящее лезвие. Косухин ловко перехватил оружие на лету и бросился к мертвецу. Подскочив сзади, он быстро, почти не целясь, вонзил лезвие туда, где у живого бьется сердце.

Мертвые руки разжались, тяжелое тело зашаталось и упало навзничь. Нож Степа выхватить не успел, еле сообразив отскочить в сторону. Глаза мертвеца закрылись, но тело продолжало жить своей странной жизнью, оно билось и подергивалось, пытаясь сдвинуться с места.

— Наталья Федоровна, вы живы? — Арцеулов подхватил едва стоявшую на ногах Берг и помог ей присесть на брошенный Лебедевым полушубок.

— Да... — тихо проговорила девушка. — Руки у него... как лед...

— Господа, — растерянно произнес Богораз, удивленно моргая, словно пробудившись от глубокого сна, — что здесь было? Я ничего не помню...

— Потом, — коротко ответил Лебедев. — Степа! Что там за дверью?

— Ах да! — Косухин подскочил к окну, выглянул и тут же отшатнулся. Прямо на него глядело еле различимое в темноте неподвижное лицо — те, что окружали церковь, подошли совсем близко, но стояли по-прежнему недвижно, не пытаясь войти. Что-то сдерживало их — или серебряный перстень, лежавший у порога, или еще что-то, ведомое лишь им и их хозяину.

— Они тут! — крикнул Степа. — Че делать будем?

— Пока ничего, — устало ответил полковник. — У меня в рюкзаке фляга со спиртом, достань. Хлебнем по глотку!..

Тело профессора вновь накрыли полушубком. Оно продолжало подрагивать, но все тише и тише. Неведомая сила уходила, даруя мертвецу долгожданный покой. Спирт пришелся кстати — горячее тепло побежало по жилам, и в головах немного прояснилось.

— Странно, — наконец проговорил Богораз, несколько минут о чем-то напряженно размышлявший. — Я был, похоже, загипнотизирован...

— Что же тут странного? — удивился Арцеулов.

— Вообще-то я не поддаюсь гипнозу... Наталья Федоровна, мне очень совестно. Право, вы напрасно рисковали из-за меня жизнью!

— Оставьте, Семен Аскольдович! — резко ответила девушка. — Неужели вы не понимаете, что им были нужны прежде всего вы?..

— Но почему господин Богораз? — удивился Арцеулов.

— «Мономах» не должен взлететь, — негромко, без всякого выражения повторила Берг слова Венцлава. — После смерти профессора Семен Аскольдович последний, кто разбирается в научной программе полета. Понятно теперь, почему первая пуля предназначалась Глебу Иннокентьевичу...

— Слушай, Семен, — достаточно невежливо обратился Степа к вновь вставшему в раздумье Богоразу. — Ты это тогда насчет руки... ну, костей... неплохо сообразил. А теперь стреляли в голову — и ничего...

— А почему вы решили, что нужно стрелять в голову? — спокойно осведомился Богораз, как будто речь шла о рутинном научном эксперименте.

— Семен Аскольдович, может, не надо об этом? — перебил его полковник. — Госпоже Берг плохо...

— Нет, спасибо, — слабо улыбнулась девушка. — Мне лучше. Кроме того, мы, ученые, как известно, люди ненормальные. Впрочем, Николай Иванович, когда у вас при заходе на посадку не заработал двигатель, вы предпочли не диктовать по радио завешание, а целый час описывали полонку.

— Ракета могла не вернуться, — пожал плечами Лебедев. — В этом случае программа была бы сорвана, а эти подробности могли помочь.

— Коля, а как ты... ну... вернулся? — испуганно спросил Косухин.

— Часа через два двигатель удалось починить. Наталья Федоровна, а вы откуда это знаете?

— Я читала ваш отчет, — вновь улыбнулась Берг. — Ладно, не будем об этом. Вернемся к нашим жутким подробностям.

— Мне этот Венцлав...

Степа замялся, но затем все же решился и вкратце рассказал о краснолицем и о страшном «допросе» на кладбище.

— Степан... — растерянно проговорил полковник. — И ты служишь этим... этим?

— Да при чем здесь Венцлав! — взвился Косухин. — То есть при чем, но...

Он сник и замолчал.

— Не надо, Николай Иванович. — Берг легко погладила Степу по плечу. — Не забывайте, что я обязана вашему брату такой бездельней, как жизнь. Если бы он не догадался ударить этого... в сердце...

— Я подумал, — нерешительно начал Косухин, — вот Семен говорил, что они не призраки. Значит, он должен как-то двигаться, ну, кровь, стало быть... А если в сердце...

Он окончательно запутался и замолк.

— Из вас получится неплохой естествоиспытатель, господин Косухин, — кивнул Богораз. — Вы рассудили верно. А что каса-

ется мозга... Мне кажется, что мозг должен оставаться нетронутым, если этому Венцлаву нужно поговорить с... скажем, усопшим. А вот теми, кого вы видели, и Глебом Иннокентьевичем, похоже, управляли со стороны. В таком случае мозг не нужен, во всяком случае, не все его области. Извините, господа, плохо соображаю, к тому же я наверняка заработал воспаление легких...

Богоразу дали хлебнуть спирту, после чего он немного успокоился. Между тем Арцеулов, которого тема беседы не привела в хорошее расположение духа, уже несколько раз выглядывал наружу. Особых перемен он не заметил — недвижимые фигуры в высоких шлемах стояли почти вплотную к церкви, но не трогались с места, как будто чего-то ожидая...

— Господин полковник... — Ростислав еще раз выглянул в окно и бросил озабоченный взгляд на дверную задвижку. — Пока у нас есть время, надо что-то придумать.

— Может, подождем до утра? — предложила Берг. — При свете солнца эти твари потеряют свою силу...

— Едва ли, — поморщился капитан. — Вспомните Иркутск. Да и утром к ним может подойти подмога. Пока нас просто караулят.

— Все-таки подождем, — решил Лебедев. — Мы не прорвемся, капитан. Нас слишком мало...

В церкви воцарилось молчание. Было слышно, как поскрипывает какая-то потревоженная балка, вдали еле слышно шумели кроны лиственных, изредка среди пустого мертвого леса раздавался крик ночной птицы. Последний огарок уже начал мигать, и Степа соорудил из обломков доски подобие факела. Старое дерево горело плохо, но все же неровный мигающий свет позволял что-то разглядеть среди подступавшей тьмы. Внезапно тишину прорезал жуткий скрежет. Кто-то (или что-то) пытался расшатать доски пола.

— Спокойно, господа. — Лебедев достал револьвер, знаком велел всем отойти от опасного места. — Похоже, началось...

Скрежет повторился, затем в пол стали чем-то бить. Удары были невероятной силы, словно кто-то лупил из неведомого подземелья огромным молотом. Дерево трещало, во все стороны летела щепа. Одна из досок выгнулась и с грохотом выскочила из пазов.

— Если кто появится — стреляйте! — велел полковник. Арцеулов и Степа, держа оружие наготове, ждали, напряженно глядя в образовавшуюся в полу глубокую темную щель.

Удары прекратились, в глубине что-то зашуршало, и над черным отверстием показалась рука. Степа, заранее положивший палец на спусковой крючок, невольно отшатнулся — то, что появилось из тьмы, не было рукой человека. Она была темного, черно-зеленого цвета — огромная, покрытая толстыми ви-

тыми жилами, с маленькой, почти круглой ладонью, из которой торчали шесть растопыренных пальцев с длинными изогнутыми на концах когтями.

Рука нащупала край соседней доски, резко рванула, послышался жуткий, ни на что не похожий вой, а затем из провала вылезла вторая шестипалая конечность. Арцеулов выстрелил, но пуля, легко скользнув по черной кисти, рикошетом отлетела в сторону. Вой послышался снова, и невидимый враг стал расшатывать доску с удвоенной силой.

Арцеулов оглянулся в поисках выхода, но уходить было некуда. Мелькнула и сгинула мысль о капитуляции. Ростислав понял, что этим нелюдям живыми сдаваться нельзя. И мертвыми — тоже.

Степа Косухин не думал о смерти. Он тоже не привык сдаваться и втайне мечтал дожить если не до полного коммунизма — светлого будущего всего человечества, — то по крайней мере до освобождения Сибири от белых гадов. Теперь же, когда из ниоткуда, нежданно-негаданно, появился сгинувший навеки брат, Степе совсем расхотелось погибать. К тому же он представлял свою смерть где-нибудь в чистом поле, впереди атакующей цепи красноармейцев, пропадать же в мерзкой западне он не собирался. В голове сам собой сложился план — выбежать наружу и, отстреливаясь во все стороны из четырех стволов, уходить в лес. Хуже уж точно не будет.

Он уже хотел было изложить свой план брату, как вдруг вторая доска, не выдержав нажима огромных лап, поддалась, с треском вырвалась из пазов и отлетела в сторону, отброшенная могучим ударом. Из провала вновь послышался леденящий душу вой, затем из-под земли стала медленно вырастать огромная, вдвое больше человеческой, голова с торчащей густой щетиной на макушке, острыми маленькими ушами и мощными надбровными дугами, под которыми зеленым цветом горели выпуклые глаза.

— Добро пожаловать! — пробормотал капитан, прицеливаясь прямо в глядевшее на него круглое зеленое око.

Но выстрелить он не успел. Внезапно что-то изменилось. Издали донесся непонятный звук, слегка напоминающий свист. Он был почти не слышен — скорее угадывался по чуть заметной вибрации воздуха. Повевало легким ветром, свист повторился...

Страшная голова дрогнула, зеленые глаза засветились ненавистью и страхом, и в то же мгновение ночной гость исчез. Он сгинул так внезапно, что никто не успел даже заметить, когда он пропал в черном провале.

Косухин подбежал к окну, каким-то чутьем догадываясь, что перемены произошли и здесь. Он не ошибся — там, где только

что темнела шеренга в островерхих шлемах, было пусто. Враги исчезли...

Несколько минут все молчали, постепенно приходя в себя. Степа разыскал в одном из углов пару огарков, и в церкви стало немного светлее. Арцеулов достал пачку махорки и принялся сворачивать «козью ногу», Косухин же извлек пачку японских папирос. Ростислав покосился на давно не куренные папиросы, но гордость не позволяла угоститься у краснопузого. Махорка сыпалась из неудачно свернутой самокрутки, приводя капитана в бешенство. Наконец он бросил недокуренную «козью ногу» и тут только сообразил, что дымящий аппетитной папиросой Степа как ни в чем не бывало держит на коленях карабин.

— Косухин, отдайте оружие, — скучным голосом произнес Арцеулов и на всякий случай нащупал в кармане «бульдог».

Степа не ответил, но в душе смертельно обиделся и, не желая ругаться с врагом революции, отвернулся.

— Ростислав Александрович, — вмешалась Берг, — ну что вы, право!

— Он военнопленный, — все тем же скучным голосом пояснил капитан и встал. Косухин затоптал окурки и тоже лениво поднялся, держа карабин за цевье.

— Степан! — негромко произнес Лебедев. Косухин покосился на брата, хотел было сплунуть, но сдержался и аккуратно поставил карабин в противоположный угол. Арцеулов удовлетворенно хмыкнул и стал смотреть в окно.

— Надо уходить, — заметил полковник. — Пока они не вернулись.

— Опасно, — пожал плечами Арцеулов. — Это может быть ловушкой.

Арцеулов продолжал внимательно наблюдать. На поляне стало светлее — над горизонтом поднималась ущербная луна. В ее неярком свете можно было разглядеть ровный строй листовенниц на противоположной стороне поляны, засыпанные снегом кресты старого кладбища и множество следов — человеческих и звериных, покрывших пространство вокруг церкви. Внезапно в дальнем углу поляны капитан заметил какое-то движение. Через минуту он понял, что не ошибся — кто-то шел по дороге, шел быстро, легко скользя по снегу на лыжах.

— К нам опять гости, — проговорил Арцеулов, заряжая оружие. — Кажется, перерыв закончился.

— Так же, карабин можно брать? — обиженным голосом заинтересовался Степа и, не дожидаясь ответа, тоже подошел к окну.

Человек, шедший на лыжах, был один. Он быстро вышел на поляну, секунду постоял, а затем тем же легким шагом заскользил к церкви.

— Не стрелять! — приказал Лебедев. — Подождём...

Капитана и самого не тянуло нажимать спусковой крючок. Одного — будь это человек или даже не человек — он не боялся. Да и этот лыжник был не похож на врага.

Гость был уже совсем близко. Теперь можно было разобрать, что он очень высокого роста, в полушубке и большой мохнатой шапке, с охотничьей двустволкой за плечами. Подойдя к самой двери, человек остановился и стал снимать лыжи.

— Постойте, постойте, — проговорил Арцеулов, всматриваясь. — Да ведь это наш хозяин!

— Родион Геннадьевич? — удивился полковник.

— Он! — уверенно кивнул капитан. — В таком случае, господа, я открою.

Ему никто не возразил. Через несколько секунд дверь скрипнула, и поздний гость шагнул за порог. Хотя свет догоравшего факела и прилепленных у алтаря свечных огарков был слаб, сразу же стало ясно, что Арцеулов не ошибся. Родион Геннадьевич, ссыльный учитель, стоял на пороге и, сняв лохматую шапку, не спеша осматривал церковь.

— К сожалению, я опоздал, господа, — негромко и печально произнес он. — Мне надо было поторопиться. А лучше всего пойти с вами...

Ему не ответили. Учитель еще минуту постоял на пороге, затем подошел к телу Семирадского, откинул полушубок и перекрестился.

— Мы рады вас видеть, — наконец заговорил полковник. — Но, Родион Геннадьевич, здесь очень опасно...

— Знаю, — кивнул тот. — Я предупреждал одного из вас. Я не должен был вмешиваться, но меня попросили... У некоторых из вас есть надежные заступники.

— Кого вы имеете в виду? — недоуменно поинтересовался полковник.

Дхар не ответил, а Арцеулов вдруг вспомнил странного чешского офицера — и Ксению. Мысль показалась ему дикой, невозможной, но ничего другого в голову не приходило.

— Не буду спрашивать о том, что здесь было, — продолжал Родион Геннадьевич. — Жаль господина профессора, но он сам шел навстречу судьбе... Я пришел сказать, чтобы вы отдохнули до утра. Те, кто вас преследовал, ушли, по крайней мере до завтра. Так что, господин Арцеулов, можете забрать свой перстень с порога. Вы поступили правильно, но лучше бы вы последовали моим советам...

— Родион Геннадьевич, — перебила его Берг, — может, хоть вы объясните нам! Что здесь было?

— Нет, — покачал головой учитель. — Боюсь, вы не поймете. Что с того, если я скажу, что ваши враги прислали сюда стаю

мхэру-цхоров, а затем напустили на вас Подземную Смерть — Гургунх-эра? Вы все видели и можете назвать это теми словами, которые вам понятны.

— Мы убили их главного, — сказал Арцеулов и вкратце рассказал о краснолицем Венцлаве. Дхар покачал головой.

— Тот, кто называет себя Венцлавом, не сгинет от огня. Он лишь сбросил мертвую плоть и вскоре вернется. Впрочем, думаю, до Сайхена вы доберетесь спокойно...

— А собаки... или волки или что это там было? — спросил полковник.

— Я отогнал их, — улыбнулся учитель. — То, что я сделал, спугнуло и Подземную Смерть. Признаться, я сам не очень верил, что поможет, но как видите...

— Родион Геннадьевич, — заговорил молчавший все это время Богораз, — вы нас очень обяжете, если все-таки объяснитесь. Вашего главного оппонента, к сожалению, нет в живых, а мы слушаем вас с куда большим доверием, чем сутки назад.

— Ну хорошо, — кивнул Родион Геннадьевич. — Все объяснить не смогу, но... Я не просто фольклорист. Мои предки были дхармэ — по-русски что-то вроде волхвов. Я потомок великого Рхас-дхармэ, который вручал Черный Меч самому Ранхаю, сыну Фроата. Кое-что рассказывал мне дед. Мы, дхары, не боялись всей этой нечисти в отличие от вас — асхаров...

— Асхары — это русские? — уточнила Берг.

— Нет. Асхары — это люди. Хомо сапиенс, так сказать. Конечно, после Петербургского университета начинаешь иначе смотреть на многое. Долгое время то, что передал мне дед, казалось лишь фольклором. Я ведь и писал об этом... Дед сообщил мне Главное Заветие дхармэ, против него не устоят ни оборотни, ни люди... Извините, господа, за несколько несвоевременную лекцию из области древнедхарской мифологии...

— Пойдите, пойдите, товарищ! — не удержался Степа. — Ну, про чертей да про ведьм нам с Колей... то есть с господином полковником тоже бабка рассказывала. Только вы все-таки больше на человека смахиваете. На этого... асхара, стало быть...

— Вы хотели ответа? Я ответил. Впрочем, ваша бабка могла рассказывать и о нас. Асхары называли нас чугами или чугайстрами...

— Погодите, — вмешалась Берг. — Чугайстры — это что-то вроде леших?

— Да, — кивнул Родион Геннадьевич. — Хотя дхары, естественно, ничего общего с фольклорными лешими не имеют... Впрочем, господа, это все не ко времени. Сейчас вам надо отдохнуть, а перед рассветом — уходите. Я покараулю...

Берг пыталась продолжить расспросы, да и остальные были не прочь поговорить с живым человеком после ночного кошма-

ра, но Лебедев приказал отдыхать. До рассвета было еще несколько часов, и требовалось поспать перед завтрашним переходом. Несмотря на уверения учителя, что он сам будет на страже, Арцеулов решил обязательно выставить посты и вызвался лично караулить первый час. Втайне он надеялся еще что-нибудь узнать от Родиона Геннадьевича, но тот твердо, хоть и вежливо пресек все попытки капитана. Пришлось сидеть молча при тусклом лунном свете, проникавшем в церковь через щели в окнах, и утешаться самокруткой из осточертевшей махры.

Они вышли на рассвете. Родион Геннадьевич обещал позаботиться о похоронах профессора и пожелал всем удачи. Впрочем, его глаза, как успел заметить Арцеулов, оставались тревожны и невеселы.

ГЛАВА 9

«ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»

К Сайхену подошли около полудня. Степа сразу узнал невысокую гору, на которой торчала сторожевая вышка. Он помнил, что за горкой, надежно защищенная тремя линиями постов, находится колчаковская военная база. Пару месяцев назад Косухин лично наблюдал за кружившимися над нею аэропланами, составляя план диверсии, которую так и не удалось осуществить.

Берг также бывала в этих местах, а что касается Богораза, то студент держался совершенно невозмутимо, не проявляя ни малейших признаков удивления или интереса. Всерьез заинтересовался увиденным лишь Арцеулов. Капитан слышал о какой-то тайной авиабазе, подчинявшейся лишь Верховному, но не был уверен, шла ли речь действительно о Сайхене. Он-то первым и заметил то, на что не обратили внимания ни полковник, ни его штатские спутники, — вышка была пуста. Караульных не оказалось и у подножия горы. Первая линия постов была брошена.

Они поднялись на гору, где нашли заснеженные окопы — вторую линию постов. Здесь тоже не было ни души, и Степа с запоздалым сожалением подумал, что теперь неприступный Сайхен можно брать голыми руками. Только на самой вершине полковник несколько успокоился — внизу лежал четкий четырехугольник аэродрома, на котором темнели силуэты нескольких аэропланов. Рядом, на высокой мачте, развевался трехцветный флаг.

— Кажется, пришли, — вздохнул Лебедев. — Слава Богу...

Их заметили уже у самого летного поля. Даже не патруль — просто какой-то офицер в белом полушубке наткнулся на гостей

и тут же схватился за револьвер. К счастью, Лебедев вовремя узнал его, и тот, успокоенный, побежал звать начальство.

Встретил их пожилой бородатый полковник, показавшийся Степе чем-то похожим на покойного Ирмана, — начальник авиационной части «Сайхен». Гостей пригласили в небольшой жарко натопленный дом, где накормили обедом. Тут все и выяснилось. Гарнизон авиабазы, узнав по радио об отречении Верховного, разбежался. Остались лишь офицеры, уходить которым было некуда, да десятка полтора нижних чинов. С большим трудом удавалось держать взлетное поле чистым от снега. Охранять базу было нечем, и полковник собирался уходить с офицерами в близкую Монголию, но не мог — ждал группу Лебедева. Теперь же он был искренне рад не только тому, что сможет наконец выполнить приказ, но и возможности поскорее покинуть ставшую такой опасной страну.

— Мой аэроплан в порядке? — первым делом спросил Лебедев. — Заправлен?

Полковник успокоил его, сообщив, что «Илья Муромец», на котором прилетел Лебедев, не только в полном порядке, но и регулярно прогревается, чтобы не заклинило моторы.

— Улетаем через час, — кивнул Лебедев. — Распорядитесь все подготовить. После этого можете уходить. Базу уничтожить, аэропланы сжечь.

Полковник подтвердил, что все понял правильно, и поспешил выполнить приказ. Путешественники остались одни.

— Николай! — Косухин мрачно поглядел на брата, а затем перевел взгляд на Арцеулова. — А зачем аэродром уничтожать? Ведь народное добро...

Ростислав лишь зло усмехнулся. Лебедев же пожал плечами:

— У меня есть приказ, Степан. Это военная база и военные аэропланы. К тому же твой Венцлав не сможет вылететь нам вслед.

На «твоего Венцлава» Косухин обиделся и замолк. Полковник достал из планшета карту и расстелил ее на столе.

— Господа, настало время решать. Я, Наталья Федоровна и господин Богораз улетаем. Вы, господин Арцеулов, и ты, Степа, можете решать сами.

— Я лечу с вами, — тут же ответил капитан. Косухин недоверчиво поглядел на него, но смолчал.

— Хорошо, — кивнул полковник. — В этом случае объясняя ситуацию. Мы летим на особый объект «Челкель» в Западном Китае. Это неподалеку от Яркенд-дарьи. Вот смотрите...

Красный карандаш ткнулся в синюю извилистую линию, изображавшую неведомую им Яркенд-дарью, и в маленький неровный кружок, оказавшийся озером Челкель.

— Господин полковник, но ведь это очень далеко! Как же

мы сможем долететь? — поразился Арцеулов. — Здесь же тысячи две километров!

— Две тысячи триста, — кивнул полковник. — Не близко, конечно. Но я летал, и не однажды. Мы полетим на «Муромце»...

— Это... — стал вспоминать Косухин. — Он может лететь до тысячи верст, да? Но ведь все равно не долетим!

— «Илья Муромец» может пролететь и больше тысячи, Степа. Такого аэроплана еще нет ни у кого в мире. Четыре мотора, по двести двадцать лошадиных сил! Но нам не нужно будет устанавливать рекорды. В Монголии мы сядем и заправимся. Вот здесь, в Бодомган-хурэ...

Красный карандаш указал на маленький кружочек посреди желтого пятна, обозначающего бескрайние степи Внешней Монголии.

— Пойдем на высоте около тысячи метров — это оптимально. Кстати, нам будет помогать холод...

— Я, кажется, понял, — заметил Арцеулов. — Второй принцип термодинамики!

— Да, открытие господина Нерста, закон к.п.д. теплового двигателя. А от Бодомган-хурэ до Челкея тысяча триста километров или чуть-чуть больше. Лет десять назад это был бы рекорд, а теперь, господа, ничего особенного. Плохо лишь, что придется лететь самому. Нужен второй пилот, и я рассчитывал на Казим-бека...

— Но ведь здесь есть летчики? — удивился Арцеулов.

— Не имею права. Этот полет — мое дело. Ничего, долетим...

— Так у нас есть второй пилот, Николай Иванович, — раздался сонный голос Богораза. Студент неуверенно протирал очки, моргая красными от недосыпа глазами.

— Вы имеете в виду себя? — улыбнулся полковник.

— Себя? — удивился Богораз. — Вообще-то я летал на «Фарманах», но в такой ситуации не рискну. Зато среди нас есть некто, прошедший полный курс полетов на «Муромце»...

— Семен Аскольдович! — Берг смущенно взглянула на Богораза, а затем на пораженного услышанным Степу. — В Качинской школе вы делали большие успехи, чем я!

— Постойте, постойте. — Лебедев встал и начал растерянно тереть лоб. — Вы учились в Качинской авиашколе?

— Почти весь шестнадцатый год, — подтвердила Берг. — Как раз там мы узнали о вашем полете. Господин Богораз прошел полную подготовку на легких аэропланах, а я предпочла бомбовозы — «Святогор» и «Муромец»...

— Сколько же вам было тогда лет?

— Целых восемнадцать, — засмеялась Берг. — Родители не отпускали, пришлось ехать якобы на лечение в Коктебель...

— Я, кажется, понимаю, — после некоторого молчания проговорил Лебедев. — Вы учились в Каче... А потом в Можайске?

— Только три месяца, — коротко ответила девушка. Полковник кивнул и больше на эту тему не заговаривал. И Степа, и Арцеулов знали о знаменитой на всю Россию авиационной школе в Каче, но, чему учили в Можайске, не имели никакого понятия.

— Господин Богораз, значит, это вы должны лететь летчиком-исследователем? — Лебедев резко повернулся к студенту. Тот снял очки, покрутил в руках и вновь надел на нос.

— Во всяком случае, меня к этому готовили, — наконец произнес он. — Правда, не представляю, как я буду лететь с моим бронхитом...

— Не понимаю! — не выдержал полковник. — Сначала мне сообщают, что намечается испытание принципиально нового эфирного корабля. Затем выясняется, что будет проведен научный эксперимент, для чего будет послан летчик-исследователь. Вдобавок красным почему-то требуется сорвать запуск! И самое любопытное, что я ничего не знаю ни о новом корабле, ни об эксперименте, ни об экипаже!

— Я тоже не знаю, — спокойно ответила Берг. — Может, Семен Аскольдович нам что-нибудь объяснит?

— Я?! — искренне поразился Богораз. — Попробую, хотя и не понимаю, что тут необычного? К вашему кораблю я отношения не имею, а что касается эксперимента, то речь идет об испытании новой системы эфирной связи. А в остальном — обыкновенная российская бестолковщина. Мудрили, разводили секреты, а экипаж не подготовили. Лететь действительно предложили мне или господину Семирадскому, но, извините, какой из меня аэронавт? При моем-то бронхите!..

Прозвучало вполне убедительно. Во всяком случае, Арцеулов поверил, с сожалением поглядев на нескладного худого студента. Но Степе тон Богораз показался каким-то нарочитым. Нелепый Семен Аскольдович, несмотря на кашель, очки и вечные жалобы, при случае недурно стрелял навскидку, окончил Качинскую школу да еще учился в этом самом Можайске, где, как сообразил Косухин, и готовили экипажи «Мономаха».

«Ой, непростой студент, — понял Косухин. — А ведь таким придурком казался! Так ведь и Наташа, помнится, все кошку искала».

Полковник развел руками и, сославшись на необходимость взглянуть на аэроплан, вышел.

— Так я еще не летала, — внезапно проговорила Берг. — Семен Аскольдович, это почище, чем когда мы с вами летели из Пишпека!

— А-а! — вяло отозвался Богораз. — Надеюсь, такой болтанки все же не будет. Я не выдержу.

— Так вы уже бывали там, в этом Челкеле? — удивился Ростислав.

— Конечно, — улыбнулась девушка. — Два раза. С господином Лебедевым мы просто разминулись...

Косухин промолчал, но мысль о том, что разминулись они с его братом далеко не случайно, все же посетила его. Похоже, кавалера ордена Александра Невского не особо посвящали в детали проекта.

Где-то через полчаса вернулся Лебедев, пригласив всех на летное поле. Там было уже все готово — огромный «Муромец» стоял на расчищенной от снега полосе, а трое механиков заканчивали что-то подтягивать и довинчивать в его механическом нутре.

— Хорош, а? — не удержался полковник, похлопывая по обшивке борта. — Сколько ни летал, а лучше «Муромца» машины не видел! Представляете, господа, семнадцать лет назад братья Райт продержались в воздухе всего три минуты! Их аппарат не мог поднять и средних размеров чемодан! Если бы тогда кто-то сказал, что через несколько лет аэроплан будет поднимать до двух тонн и лететь до полусуток без посадки, никто бы просто не поверил!

— Коля, за штурвал дашь подержаться, а? — непонятно, в шутку или всерьез, попросил Косухин.

Лебедев легко шелкнул брата по лбу, и оба рассмеялись. Арцеулов с некоторым удивлением поглядел на обычно спокойно-го и сдержанного полковника. Здесь, на летном поле, Лебедев стал совсем другим. Летчик был снова в родной стихии. Капитан же рядом с многотонной машиной, которая унесет их за тысячи верст, почувствовал себя снова мальчишкой, впервые увидевшим аэроплан во время показательного полета знаменитого Уточкина над городским ипподромом.

Кабина «Муромца» показалась Арцеулову огромной — здесь свободно могли разместиться все пятеро. Степа, уже бывавший на борту бомбардировщика, лишь завистливо вздохнул, взглянув на недоступный штурвал. Богораз, не проявивший ни малейшего интереса, тут же отправился в хвост, заявив, чтобы его не будили без крайней необходимости. Берг, быстро, но внимательно осмотрев кабину, задала полковнику несколько непонятных для остальных вопросов, указывая на какие-то приборы. Тот столь же непонятно ответил, употребив запомнившееся Косухину странное слово «гироскоп». Затем полковник показал на лежащие рядом с приборной доской летные шлемы, от которых тянулись тонкие длинные проводки:

— Наталья Федоровна, вы с этим знакомы?

Берг, молча кивнув, быстро надела шлем.

— Внутренний телефон, — пояснил Лебедев. — Можно разговаривать в полете. Там, в салоне, тоже есть гнезда, так что можете беседовать. К сожалению, не успели сделать шлемофоны на беспроводной связи...

— Интересно, — наконец выговорил Арцеулов, — Господин полковник, а нам можно во время полета...

Он не договорил, но выразительно кивнул на кабину.

— Вы, наверно, сговорились со Степаном, — усмехнулся Лебедев. — К сожалению, господин капитан, здесь может находиться только экипаж. Вам придется удовлетвориться салоном. Я постараюсь, чтобы там было как можно удобнее...

В большом салоне, занимавшем почти всю хвостовую часть, было действительно уютно. Кроме нескольких розеток для переговорных устройств, там имелись четыре откидные койки, запас одеял и даже стопка детективов о похождениях бесстрашного Ника Картера, а также трактат Аристотеля «Метерологика» с оборванной политуркой. На одной из коек уже устроился Богораз, намеревавшийся предаться Морфею.

Ни Степе, ни Арцеулову спать не хотелось. Косухин пару раз летал на самолетах, но это были старые «Ньюпоры», похожие больше на мотоцикл с неумело приклеенными крыльями, чем на настоящий аэроплан. Арцеулову летать вообще не доводилось, и он испытывал странное чувство — то ли любопытство, то ли легкий страх.

Вскоре в проеме двери показалась Берг.

— Меня выгнали! — сообщила она. — Ваш брат, Косухин, настоящий деспот.

Она присела рядом со Степой, накинула одеяло и поглядела в сторону Арцеулова.

— Ростислав Александрович, если вы не намерены подражать господину Богоразу, то прошу к нам.

Арцеулов хотел было гордо отказать, но потом махнул рукой и присел рядом с девушкой. Та протянула своим спутникам по шлему и показала на розетку переговорного устройства. Степа тут же натянул шлем и начал приспособлять проводки. Арцеулов поколебался и последовал его примеру.

— Готовы? — Высокая фигура Лебедева появилась в дверях кабины. — Через минуту взлетаем.

— Николай Иванович, не забудьте нас, — заявила Берг. — В конце концов, вам же нужен штурман!

— Ладно, часа через два можете меня сменить... Ну, с Богом!

Обрадованная Наташа легко ткнула локтем Степу, и тот чернотой позавидовал девушке, которой позволено сесть за штурвал «Муромца». Арцеулов лишь вздохнул.

Загудели моторы, корпус самолета завибрировал, затем гул

усилился, покрывая все иные звуки. Все поспешили застегнуть шлемы.

— Почему не взлетаем? — завопил Степа в шлемофон.

— Не кричите, Косухин, — послышался голос Берг. — Это же телефон, вас и так слышно. Говорите нормально...

— А-а... — Степе стало неловко.

— Моторы прогреваются, — пояснила девушка. — Сейчас зима, требуется больше времени.

Моторы продолжали реветь, затем их звук изменился, стал ровнее и четче, и самолет тронулся с места. За иллюминаторами замелькали силуэты деревянных домиков, заснеженные деревья у края летного поля, далекие вершины Сайхенского хребта. Машину слегка трянуло.

— Взлетели, — прокомментировала Берг. — Ну, как самочувствие, господа?

— Самое то, — констатировал Степа.

Арцеулов ответил не сразу. В первую минуту ему стало не по себе, в животе появилась странная пустота, к горлу подкатил неприятный комок.

— Хорошо, — неуверенно проговорил он. — А... в какую сторону мы летим?

— Курс зюйд-вест, — сообщила девушка. — Минут через двадцать пересечем границу Внешней Монголии...

Арцеулов вспомнил Нижнеудинск и разговоры в поезде Верховного. Тогда Монголия казалась каким-то Беловодьем за тридевять земель. Но выходит, можно и так — двадцать минут, и постылая Совдепия, бывшая Великая Россия, будет уже в прошлом. Ему уже не раз приходилось думать о том, как он будет покидать родину, если, конечно, уцелеет. Почему-то чаще всего Ростиславу представлялся пароход, реже — узкая тропка в густой тайге, но никогда не думалось, что эмиграция начнется с густого рева моторов и бесконечного белого пространства под крылом.

Самолет набирал высоту. Вершины Сайхена ушли вниз, почти сливаясь с зеленым океаном тайги. Горы быстро кончились, их сменили невысокие поросшие лесом холмы, тянувшиеся вдаль, насколько хватало глаз. Затем вдали мелькнул край огромного замерзшего озера.

— Озеро Хубсугул, — сообщила Наташа. — Где-то здесь граница...

«Вот и попал за кордон, — удовлетворенно подумал Степа, которого не мучил эмигрантский комплекс. — Подфартило, чердынь-калуга!»

— Карты есть? — простодушно поинтересовался он. — Сыграли б!

— Косухин! — не вполне искренне возмутилась Берг. — Порядочные девушки не играют в карты!

— А во что играть-то?

— Ну, в «барыня прислала сто рублей»... Или почитайте нам кого-нибудь из пролетарских поэтов. Этого... Демьяна Голого.

— Бедного, — без особой нужды уточнил Косухин и насутился.

— Расскажите нам о «Мономахе», — внезапно предложил Арцеулов.

— О «Мономахе»? — удивилась девушка. — Но что именно? Вы же скоро сами все увидите.

— Ну хотя бы почему мы летим так далеко. Неужели нельзя запускать эфирные корабли откуда-нибудь поближе?

— Это скучно, — решительно заявила Берг. — Впрочем, если вас тянет на столь пресную материю... Все достаточно просто — чем ближе к экватору, тем запуск эффективнее, да и топлива требуется меньше. Идея пришла, кажется, самому Дмитрию Ивановичу Менделееву. Подробности не помню, но на коронацию Государя приехал какой-то китайский принц, и тогда же был подписан договор. В секретной статье китайцы разрешали нам построить полигон в западном Синьцзяне и отдали нам эту территорию в аренду. На пятьдесят лет, кажется...

— Неглупо, — согласился Арцеулов. — Подальше от родных осин. Похоже, господин Менделеев предусмотрел все, даже Смуту. А китайцы договор соблюдают? У них ведь сейчас тоже война. Как бы их большевички не позарились на «Мономаха»!

— Не знаю... В Синьцзяне действуют войска братьев Мо. Покуда они вели себя вполне корректно...

Упоминание о китайских большевиках весьма заинтересовало Степу. Рассуждая о «Мономахе», он как-то забыл о главном факторе Мировой Революции — о международной солидарности трудящегося пролетариата. Правда, в чисто практическом плане Косухин не был уверен в некоторых важных подробностях, в частности, существует ли в Китае пролетариат вместе с большевистской партией.

Арцеулов, естественно, не догадывался о Степиных сомнениях, но и без того думал о нем не самым благоприятным образом. Краснопузый летел на секретнейший объект Империи — к такому притерпеться было трудно. Но к этому глобальному обстоятельству прибавилась мелочь, хотя и существенная: Арцеулову давно уже не нравилось странное панибратство молодого ученого Натальи Федоровны Берг с чумазым большевиком. Кровь потомственного дворянина Арцеулова кипела. Капитан бросил на красного командира мрачный взгляд и, не желая разговаривать, взялся за детектив о Нике Картере. Косухин, почесав затылок, принялся листать Аристотеля.

Часа через полтора Берг молча встала и направилась в сторону кабины. Степа последовал за ней, надеясь хоть краем глаза взглянуть на рубку бомбардировщика в полете. То, что он увидел, поначалу ошеломило — сквозь прозрачный колпак кабины открывалось огромное белое пространство, освещенное неяркими лучами зимнего солнца. Лишь кое-где темнели какие-то странные пятна, похожие на пучки желтоватой травы. Присмотревшись, Косухин сообразил, что это островки тайги, постепенно отступавшей на остающийся за кормой север. Зрелище было захватывающим, и Степа, забыв, что зашел на секунду, замер у пустого кресла штурмана, вглядываясь в манящую белую даль. Он хотел упросить брата разрешить ему побыть в рубке, но тот ткнул его кулаком в бок, отвел в пассажирский салон и лег на койку, велел разбудить себя через пару часов. Косухин махнул рукой и тоже задремал.

Он проснулся, когда за иллюминаторами уже начинало темнеть. На соседней койке спала Наташа, чуть дальше давил на массу белый гад Арцеулов, а напротив него, к крайнему Степину удивлению, лежал брат. В голове тут же мелькнула дикая мысль о брошенном штурвале, но Косухин тут же заметил, что койка Богораза пуста.

Степа встал и поспешил в рубку, желая поглядеть на гнилого интеллигента в очках за штурвалом «Муромца». Теперь пространство за стеклами кабины уже не казалось белым. Оно потемнело, откуда-то слева напознала черная тень. Косухин понял, что вскоре лететь придется в полной темноте, и немного испугался. Сразу же подумалось, что хилый интеллигент за штурвалом того и гляди наломает дров. Он взглянул на пилотское кресло и поневоле удивился.

Богораза было не узнать. На лице немощного студента почему-то не оказалось очков, да и лицо то ли из-за затоплявших кабину сумерек, то ли по какой-то другой причине стало иным. У рта легли неожиданно резкие складки, холодным ровным блеском горели глаза, уже не прятавшиеся за нелепыми стеклышками. Встреть Косухин такого в Иркутске, он бы отнесся к нему с куда большей серьезностью. Тот, кто сидел за штурвалом, теперь ничем не напоминал нелепого интеллигента с бронхитом.

«Да какой он к чертям собачьим студент! — сообразил Косухин. — Они же здесь все дурака валяют! Каппелевец, да и только!»

Он натянул на голову шлем с переговорным устройством и плюхнулся в свободное кресло.

— Не спится, господин Косухин? — Даже голос Богораза стал другим — жестким и чуть насмешливым.

Степа не знал, что ответить. Наконец, преодолев странную робость, поинтересовался, что будет, когда зайдет солнце.

— Пойдем по компасу, — сказано сие было так, будто студент только и делал, что летал на бомбардировщиках в полной темноте.

— А-а..., конечно, — совсем растерялся Степа. — Семен... Аскольдович, можно мне... за штурвал?..

Богораз коротко рассмеялся — такого смеха Косухин от него ни разу не слышал, отстегнул ремни и встал, кивнув на кресло. Степа, все еще не веря, поспешил туда и что есть силы ухватил еще теплый штурвал.

— Спокойно, Степан Иванович... руки не напрягайте, спину чуть ровнее... Вот так...

Косухин послушно выполнил указания и взглянул вниз. Под колпаком рубки мелькнул невысокий холм, блеснуло в закатном солнце извилистое русло замерзшей реки, а дальше потянулась ровная заснеженная степь.

— Чуть левее, — командовал Богораз. — Еще... Хорошо...

Степа еще с минуту понаслаждался невероятным ощущением полета, вздохнул и освободил кресло. Семен Аскольдович легко хлопнул его по плечу и вновь сел за штурвал. Косухин покачал головой и поплелся обратно.

Когда он вновь проснулся, в салоне неярко горели лампы, за иллюминаторами стояла черная ночь, а в гудении моторов слышалось что-то новое, словно огромной машине стало не хватать воздуха. Никто не спал. Богораз и девушка сидели на одной койке, о чем-то беседуя. Арцеулова в салоне не было.

— Что случилось? — поинтересовался Степа, надев шлем.

— Пока еще ничего... — спокойно сообщил Богораз. — Правда, я окончательно простудился.

И он весьма натурально кашлянул.

Косухин проигнорировал последние слова и вопросительно поглядел на Берг.

— Господин Арцеулов упросил вашего брата разрешить ему подержаться за штурвал, — улыбнулась девушка и без всякого перехода добавила: — Бодомган не отвечает.

Степа вскочил, накинул полушубок и поспешил в кабину, но на полпути встретился с возвращавшимся оттуда Арцеуловым. Тот поглядел на Степу так, что Косухину расхотелось куда-либо идти, и надел шлем. Степа поспешил последовать его примеру.

— Мы над Бодомганом, — сообщил капитан. — Огней нет. Полковник будет садиться... Наталья Федоровна, он вас зовет...

Берг кивнула и встала. Степа поглядел на девушку и нерешительно поднялся.

— Сидите, Степан Иванович, — остановил его Богораз. — Там вы ничем не поможете.

Самолет внезапно изменил курс и стал снижаться, а затем начал описывать круг. За иллюминаторами было темным-темно, лишь над горизонтом слабо светил лунный серп. Под колесами машины мелькала белая, в темных разрывах степь. Внезапно внизу показались несколько одноэтажных домиков, какие-то сараи и решетчатая вышка.

Машина сделала еще круг, «Муромец» взревел моторами и резко пошел на снижение. Дверь в рубку отворилась, и на пороге появилась Берг.

— Меня выгнали, — сообщила та. — По-моему, это дискриминация слабого пола. Мы садимся, господа...

Самолет мчал уже над самой землей. Арцеулов видел, как с каждым мгновением приближается ровная, покрытая сухой травой степь. Снега, как он заметил, почти не было — только местами мелькали небольшие пятна.

Легкий толчок возвестил о том, что многотонная машина коснулась взлетной полосы. Почти сразу же самолет стал подрагивать, резко бросаясь из стороны в сторону. Это продолжалось несколько долгих минут. Наконец «Муромец» замедлил ход и не спеша, как бы неохотно, остановился.

Их встретила тишина. Даже ветра не было слышно. Вокруг лежала тьма, не горело ни огонька, и здания аэродрома еле проглядывали сквозь черноту ночи.

— Надо взять оружие. — Арцеулов почувствовал себя вновь в привычной обстановке. — Господин полковник, что нам здесь надо?

— Горючее... Надо заправиться, капитан. Это российская авиабаза еще с тринадцатого года. Месяц назад здесь все было в полном порядке...

— Месяц назад еще не пал Иркутск. — Ростислав поспешил достать из машины оба карабина.

Оружие им не понадобилось — огромный аэродром был пуст. В заброшенных домах остались забытые вещи, двери складов были открыты настежь, а сорванный трехцветный флаг лежал неподалеку от поваленной мачты.

В одном из складов удалось найти несколько бочек с бензином. Полковник завел моторы и подрулил прямо к воротам, после чего пришлось долго возиться с намертво запаянными бочками. Лишь через несколько часов удалось заправить баки — правда, теперь все, включая Берг, благоухали бензином и маслом, перепачкав не только рукавицы, но и полушубки.

— Отдохнем? — не выдержала Наташа, кивая на казавшийся теперь таким гостеприимным салон «Муромца».

— Отдыхайте, — согласился Лебедев. — А я — за штурвал. Барометр, признаться, мне совсем не нравится...

— А че с ним? — удивился Косухин, слабо разбиравшийся в барометрах.

— Падает...

Оказавшись в салоне, Степа поспешил забраться на койку. Вновь захотелось спать — сказывалось напряжение последних нескольких дней.

...Он долго падал в бесконечную черноту, но вот впереди засверкал желтоватый свет, темная завеса лопнула, разлетелась в клочья. Косухин увидел себя на каменной площадке между двумя уродливыми, источенными ветром скалами. Степа поразился реальности сна — в том, что он спит, сомнений не было — и тут увидел «Муромца». Аэроплан стоял совсем рядом, шагах в двадцати. Косухин ахнул: кабины у самолета не было, она исчезла, сжатая почти в гармошку. «Муромец» стоял, накренившись и уткнувшись носом в скалу, левый мотор дымился, по корпусу прошли глубокие трещины. Рядом с открытым люком лежало несколько вещевых мешков, к которым был прислонен карабин. Косухин посмотрел направо и с облегчением вздохнул — он увидел самого себя. Тот, другой Степа стоял рядом с Берг и Богоразом, чуть дальше он заметил Арцеулова с перевязанной головой, брата же почему-то не было. Степа вгляделся и похолодел — все четверо стояли у невысокого могильного холма, рядом валялись две лопаты, а поверх наспех набросанной серо-желтой земли темнел черный летный шлем.

Косухин попытался крикнуть, заорать, но слова вязли в бездонной тьме, исчезали, таяли... И тут Степа почувствовал, что он не один. Рядом стояла женщина в платье сестры милосердия.

— Ксения... вы...

Он не договорил и нерешительно умолк. Женщина, глядевшая на него, стоявшего у могилы, медленно повернула голову:

— Мне очень жаль, Степан. Я могла бы что-то сделать на земле, но в небесах нет опоры. Даже таким, как я... Попросите Ростислава, пусть отдаст перстень вашему брату, пока вы в воздухе. Это спасет — но не от предательства. Прощайте...

Внезапно перед глазами закружились какие-то черные клочья, все погрузилось во тьму...

Его разбудила Берг. В кабине было уже светло. В лучах утреннего солнца лицо девушки показалось Степе утомленным и немного растерянным.

— Фу ты! — выдохнул Степа. — Снится же! Как там дела, Наташа?

Девушка вздохнула, покачала головой:

— Впереди облачный фронт. Это плохо, Косухин. Очень плохо...

Слово «фронт» было более чем понятным. Правда, фронт назывался обычно Восточным или Западным, куда следовало регулярно посылать лучших товарищей-коммунистов. О существовании облачного фронта Степа до сего дня не подозревал, но сразу же вскочил и поспешил в кабину.

Под колпаком машины тянулась ровная желтая степь, покрытая невысокими холмами. Мелькнуло что-то маленькое, похожее на каплю странной формы, и Степа с трудом сообразил, что это юрта. Впрочем, незнакомый пейзаж почти не интересовал Косухина — он смотрел на небо.

Оно было обычным, бледным, но впереди, у самого горизонта, темнело что-то, напоминающее серо-желтую башню. Она была еще далеко, но с каждой секундой росла, словно разворачиваясь и раздуваясь. Лебедев заметил брата и что-то сказал. Степа поспешил надеть шлем.

— Выспался? — повторил брат и, не дожидаясь ответа, бросил: — Дуй обратно! Пристегнись, в салоне есть ремни. И другим скажи.

— Ага, — кивнул Степа, хотя слово «пристегнись» ему совсем не понравилось. — Коля, а нельзя этот... фронт... ну, обойти? Или выше подняться?

Брат коротко рассмеялся и покачал головой:

— Мало топлива. А выше мы просто не потянем. Какой потолок у «Муромца», помнишь?

— Ну... версты две.

— А тут раза в три повыше. Все, катись!

— Ага, — обиделся Степа и пошел обратно в салон.

Он даже не стал надевать шлем — разговаривать ни с кем не хотелось. Оставалось прилечь на койку. Но полежать не удалось — самолет внезапно тряхнуло, затем еще раз, еще...

Косухин поглядел в иллюминатор: там клубилось что-то темно-серое, страшное...

Что-то прокричала Берг, но Степа ничего не услышал. Он оглянулся: белый гад Арцеулов сидел на своей койке, листая книжечку про Ника Картера. На пальце правой руки тускло блестел знакомый перстень.

«Попросить на время, что ли? — безнадежно подумал Косухин, вспоминая свой страшный сон. — Так ведь не отдаст, бяляк!» Но, поразмыслив еще немного, он все же встал и, едва не упав при следующем толчке, подсел к капитану и подключил проводки шлема в ближайшую розетку. Арцеулов поднял голову, не без удивления поглядев на Степу.

— Эта... поговорить бы надо.

— Слушаю вас, господин красный командир. — Тон беляка не обещал ничего доброго, но Степа все же решился.

— Ты в сны веришь?

— Что?! — поразился Ростислав. Он уже хотел было съязвить что-нибудь подходящее к случаю, но взглянул на растерянное лицо краснопузого и сдержался.

— Не очень... Я чем-то могу помочь?

— Сон мне был... Что грохнемся... Так я подумал про перстень — он ведь вроде как помогает. Ты... отдай его брату. Пока мы не сели...

Арцеулов удивился еще более, автоматически взглянул на черных эмзек на массивной печатке. В словах Косухина была логика. В отличие от Степы, Арцеулов прекрасно знал, что такое атмосферный фронт. Лебедев, сидевший за штурвалом аэроплана, сейчас как никогда нуждался в удаче. И если перстень в самом деле может помочь...

Внезапно вспомнились слова странного чеха. «Никогда не снимай...» Капитан встал, снял шлем и решительно направился в кабину. Степа вскочил и пошел следом.

Полковник Лебедев был внешне совершенно спокоен. Даже его широкие кисти не держали штурвал, а, казалось, лишь лежали на нем. Богораз сидел в соседнем кресле. Нелепые очки вновь исчезли, серые глаза смотрели строго, почти сурово, губы изредка шевелились — студент что-то говорил Лебедеву, а тот чуть заметно кивал, не отводя глаз от того, что было за стеклом кабины. Там клубилась тьма.

Лебедев оглянулся, увидел непрошенных гостей и мотнул головой. Все было ясно без слов, но Арцеулов твердо подошел к приборной доске, взял свободный шлем и что-то сказал полковнику.

Степа видел, как брат удивленно поднял брови, затем нахмурился и произнес что-то резкое. Арцеулов вновь заговорил, затем повернулся, кивнул на Косухина и снял с пальца перстень. Брат тоже оглянулся, и вдруг его лицо изменилось, на миг смягчившись улыбкой. Полковник успокаивающе кивнул Степе и надел перстень на безымянный палец.

Арцеулов тут же отошел к двери и поманил Степу. Косухин вздохнул и уже собрался было уходить, как вдруг что-то изменилось. Мгла перед колпаком кабины поредела, где-то вверху мелькнул клочок голубого неба, и тут серая завеса разорвалась. Сквозь мокрые стекла кабины стала видна желтая неровная поверхность земли, мелькнуло русло высохшей реки, но это продолжалось недолго. Громадная туча, еще темнее и больше прежней, надвигалась с юга.

Степа и Арцеулов замерли, глядя на приближавшуюся с каждым мигом темно-серую громаду. Внезапно почудилось, будто туча стала прозрачной, словно засветился экран гигантского синематографа. И на этом экране, чуть подсвеченном странным, неземным огнем, стал проступать гигантский лик, занимая полнеба. Обозначились неясные контуры тонкого, брезгливо сжатого рта, резкие скулы и чуть прищуренные бесцветные глаза...

Косухин взглянул на брата и понял — тот тоже видит. Руки, прежде лежавшие спокойно, теперь впились в штурвал, а вся фигура напряглась, чувствуя неведомую опасность. Богораз откинулся в кресло, закусил губу, а серые глаза превратились в щелки.

Страшное лицо росло. Теперь оно занимало почти все небо, и вдруг ярко-красные губы призрака дернулись. Не было слышно ни звука, но Косухину показалось, что в голове его медленно начинает звучать знакомый хриплый голос командира 305-го. Послышался злой резкий смех, и в ту же секунду лицо сгнуло, а на стекла обрушился мокрый шквал. Аэроплан резко кинуло влево, Арцеулов едва удержался на ногах, а Степу бросило на стенку кабины. «Муромец» вновь трянуло, и самолет стал заваливаться на левое крыло. Полковник что-то проговорил в шлемофон, и невозмутимое лицо Богораза внезапно стало пепельным. Арцеулов и Косухин невольно повернулись налево и сквозь мокрую пелену разглядели клубы черного дыма.

— Левый мотор!

Степа вспомнил свой сон и похолодел. Полковник вновь что-то сказал Богоразу, тот отрицательно покачал головой, но Лебедев, нахмурившись, повторил. Студент отстегнул ремень и резко встал. Полковник оглянулся и вновь недвусмысленно кивнул на дверь. «К черту! — внезапно подумал Ростислав. — Не уйду!»

Степа подумал приблизительно то же самое, но Богораз с неожиданной для его худой фигуры силой схватил Косухина за плечи и буквально выкинул из кабины. Арцеулов резко пожал плечами и предпочел отступить сам.

В салоне Семен Аскольдович тут же подошел к сжавшейся на койке Берг и показал ей на висевшие рядом ремни. Та быстро кивнула и стала нервными движениями застегивать их на груди. Богораз кивнул в ответ, проверил крепление и повернулся к остальным.

Ни Ростислав, ни Косухин никогда не имели дело с ремнями безопасности, и дело шло туго. Самолет продолжал заваливаться влево, в салоне запахло гарью, а мгла за иллюминаторами стала пузыриться чем-то черным и липким. Студент быстрыми движениями помог обоим справиться с ремнями, после чего ловко проскользнул к своей койке и пристегнулся сам.

— Что случилось? — в наушниках прозвучал взволнованный голос девушки. — Что-то с мотором?

— С маслом, — скучным голосом ответил Богораз. — Пустяки, Наталья Федоровна...

Ни Степа, ни Арцеулов не стали разуверять Наташу. Девушка быстро взглянула в левый иллюминатор, сквозь который были хорошо видны клочья дыма, и грустно усмехнулась.

Гул моторов стал другим — неровным, неуверенным. Аэроплан уже не мчал — полз сквозь липкие тучи.

«Какой уж тут перстень!» — невесело подумал Степа.

Самолет дернулся и начал медленно выпрямляться. Тут же к горлу подкатил комок, а в животе стало холодно и пусто.

— Полковник выключил правый мотор, — негромко произнесла Берг. — Семен Аскольдович, что там внизу?

— Степь... — неуверенно проговорил Богораз. — Точнее, полупустыня. Ровно, но иногда встречаются скалы...

...Косухин вновь вспомнил свой сон — накренившийся «Муромец», ткнувшийся носом в желтую скалу.

— Помогите нам, Господи, — тихо проговорила девушка. — Косухин, помолитесь за меня...

Степа удивленно поднял брови и хотел было сообщить о своем непробиваемом атеизме, но смолчал. Самолет вновь закачал, он резко накренился, затем выпрямился. Моторы уже не гудели, а хрипели, неровно и прерывисто. К гулу прибавился свист — «Муромец» падал. Казалось, воздух, до этого столь послушный и гостеприимный, отказывается теперь держать тяжелую ношу.

Степа не удержался и, дотянувшись до иллюминатора, взглянул. Земля была совсем рядом — желтая, неровная, покрытая источенными ветром камнями. Он уже видел это. Косухин закрыл глаза и вдруг подумал о брате. Николай за штурвалом, и ему нечем помочь...

«Господи! — вдруг прошептал Степа, напрочь забыв про идеи единственного верного на земле учения. — Господи, помогите рабу Твоему Николаю! У меня же больше никого нет, Господи!...»

— Внимание! — вдруг резко произнес Богораз. — Держитесь!

Удар был слабый, всех лишь подбросило на сиденьях, но через секунду машину вновь потрянуло, на этот раз сильнее. Послышался страшный треск, со звоном разлетелось стекло одного из иллюминаторов, аэроплан резко бросило в сторону — и тут-то «Муромца» ударило уже по-настоящему.

Обшивка треснула, послышался грохот срывавшегося с места оборудования, людей подкинуло вверх, но ремни выдержали. Косухин успел подумать, что удалось отделаться легким испу-

гом, и тут вновь послышался треск. Удар невиданной силы обрушился на салон...

Косухину повезло. Он слегка прикусил губу (кровь тут же потекла в рот), вдобавок ушиб голову, но не сильно — войлок обшивки смягчил удар. Уже через секунду он открыл глаза и понял, что жив.

...Салон смяло почти в гармошку, по корпусу прошли глубокие сквозные трещины, на полу блестели выбитые стекла. Берг сидела на койке, бессильно откинувшись назад. Богораз уже пришел в себя и с очумелым видом мотал головой. Косухин поглядел туда, где было место белого гада Арцеулова, и увидел, что капитана нет, лишь обрывки ремней бессильно покачивались, свисая со стены.

«Ого! — только и подумал Степа. — Не повезло беляку!»

И тут же мысль о брате заставила его рвануть застежку ремня. Косухин вскочил и увидел Арцеулова — капитан лежал в углу, лицо было залито кровью, а голова бессильно застыла, откинувшись назад.

«А ведь он перстень снял!» — мелькнуло в сознании, но Степа решил заняться беляком позже. Покачиваясь, он сделал шаг в сторону кабины, краем глаза заметив, что девушка открыла глаза и испуганно смотрит на разбитый салон.

«Потом, потом!» — подумал Степа и тут же увидел брата.

Николай стоял в дверях, на лице — прямо под старым шрамом — краснел глубокий порез, шлем с оборванными проводками сбился набок, но полковник улыбался.

— С прибытием, господа! Мягкой посадки не получилось, но чертовски рад, что мы все-таки живы...

— Взаимно, — без особых эмоций отозвался Богораз, выпутываясь из ремней. — Аэроплан — полностью?

— Вдребезги...

Степа стоял, не говоря ни слова и понимая лишь одно — брат жив и все они живы, а значит, нечего верить дурацким снам. И тут он вспомнил о перстне — и об Арцеулове.

— Братан, — вздохнул он, — тащи аптеку...

— Ах, черт! — Полковник мельком взглянул на Арцеулова и скрылся в кабине. Косухин подошел к раненому и осторожно приподнял ему голову. Рука тут же испачкалась кровью. Арцеулов застонал, но Степа почти сразу успокоился — белый гад жив.

— Что с Ростиславом Александровичем? — Берг подошла сзади и неуверенно дотронулась до бледного, заляпанного кровью лба.

— Ниче! — уверенно заявил Степа. — Башкой долбанулс беляк! Сейчас перевяжем...

— Разрешите? — Богораз чуть потеснил Косухина и присел рядом.

— Ты, Семен, в медицине кумекаешь? — недоверчиво поинтересовался Степа.

— Немного. Боюсь, у него сотрясение... Ага, бинты!

Он взял принесенную полковником коробку с медикаментами, кивнул Косухину, чтобы тот помог, и начал быстро и умело перевязывать раненого.

— Что с ним? — повторила Берг. — Кости целы?

— Целы, — невозмутимо заметил Богораз, бинтуя голову. — И как это ремни не выдержали, не понимаю...

Арцеулов открыл глаза. Голова разрывалась от боли, во рту скопилась густая соленая кровь, ныла ушибленная спина, но он был жив. Эта мысль доставила мгновенное удовлетворение. Правда, настроение тут же испортилось — прямо перед ним сидел на корточках краснопузый Косухин и нахально ухмылялся.

— Ну чего, не помер, беляк?

Ростислав решил не отвечать. Наглая физиономия Косухина его раздражала, он не особо понимал, чему тот улыбается: тому, что Арцеулов жив, или зрелищу валяющегося на полу кабины офицера российской армии.

— Капитан, как вы? — Физиономия Косухина исчезла, над Арцеуловым склонился Лебедев.

— Благодарю... Кажется, ушибся.

Разговаривать было трудно. Ростислав приподнялся и, оглядевшись, покачал головой.

— Да, крепко досталось, — понял его полковник. — Вы еще кабину не видели... Встать сможете?

Арцеулов кивнул и через секунду уже был на ногах.

— Все из машины, — распорядился Лебедев. — Баки, конечно, пустые, но от греха подальше...

Когда они заглянули в кабину, то невольно замерли, а Берг не удержалась от громкого вздоха — кабины не было. Грязно-желтая скала вдавилась внутрь самолета, разнеся фонарь, приборную доску и задержавшись в каком-то сантиметре от пилотского кресла.

— Да, неплохо, — прокомментировал полковник. — Ваш перстень помог, капитан!

Арцеулов не стал спорить, хотя мысль показалась просто нелепой.

Вокруг бессильно уткнувшегося в скалу самолета простиралась желтая бесснежная степь, абсолютно голая, если не считать множества больших и малых каменных глыб, таких же желтых, занесенных легкой летучей пылью.

— Николай Иванович, как же вы сели? — поразила Берг. — Здесь и «Фарману»-то негде...

Остальные молча оглядывались, поражаясь тому, как полковнику удалось посадить многотонный «Муромец». Лебедев развел руками:

— Все-таки гробанул машину. В общем, двойка... Наверно, если бы не ваш перстень, господин Арцеулов...

Он вновь улыбнулся и протянул серебряный амулет капитану.

— Это не перстень, — уверенно произнес Ростислав. — Нас спасли вы, господин полковник...

— Полноте, — скривился Лебедев. — Мне бы в Каче за такую посадку... Хорошо еще, что мы почти прилетели. Степа, да что с тобой?

Косухин стоял как замороженный, не в силах сдвинуться с места. Все, что он видел во сне, теперь было наяву — разбитый самолет у желто-серой скалы, дымящийся почернелый мотор, унылая каменистая степь. Все — кроме одного. Никто не лежал в могиле.

— Ниче, братан, — выдавил из себя Косухин. — Закурить бы...

Он несмело взглянул на вражину Арцеулова. Тот усмехнулся не без злорадства и протянул Степе кисет с махоркой.

Постепенно все пришли в себя. Полковник разостлал прямо на земле полетную карту и вместе с Богоразом стал внимательно вглядываться в неясные для непосвященных пометки.

— Чуток не долетели, — наконец заявил он. — Как раз перемахнули Яркенд-дарью. До ночи не доберемся, но завтра к полудню как раз... Это будет...

— Девятнадцатое января, — подсказал Арцеулов. — Успеем...

Перекусив, начали собирать вещи. К счастью, в машине оказался изрядный неприкосновенный запас. Снега не было, и валенки пришлось сменить на унты.

Шли не спеша — полет всех вымотал. По пути то и дело попадались камни, которые приходилось обходить или перешагивать. Вокруг тянулся все тот же пейзаж — желтая ровная степь, покрытая изветрившимися скалами. Справа открылась небольшая почти пересохшая речушка.

— Яркенд, — пояснил полковник. — Нам еще повезло, что сейчас зима. Ведь слева от нас — Такла-Макан.

Арцеулов кивнул — географию в гимназических пределах он еще помнил. Степа же, недоуменно покосившись на бескрайнюю степь, взглянул на брата.

— Пустыня, — пояснил тот. — И довольно страшная, почище наших Каракумов. Летом туда вообще лучше не соваться — барханы до трехсот метров. Да еще двигаются. Представляешь?

Степа такого даже вообразить не мог, но ему поневоле стало не по себе.

— Говорят, там много древних городов, — добавила Берг. — Сейчас их не найти — засыпаны песком...

— А чьи это были города? — поинтересовался Арцеулов, с любопытством поглядывая налево, где лежала загадочная пустыня.

— Не знаю... Это было очень давно, еще до монголов. Говорят, здесь до сих пор появляются призраки...

— Конница Гэсэр-хана, — внезапно произнес Богораз.

Все, даже Лебедев, немедленно заинтересовались, потребовав от студента объяснений. Он недоуменно развел руками:

— Ну, господа, я же не фольклорист! Какой-то очередной народный герой, тибетский, кажется, или монгольский... Владыка десяти стран света, искоренитель десяти зол. Побеждал всяких чудищ, где-то здесь, например, прикончил людоеда Лубсана. Естественно, чародей... Иногда появляется из глубины Такла-Макана со своими нукерами. То ли карать зло, то ли его творить, уж не знаю.

— А ты его видел? — тут же спросил Степа, чувствуя, что равнодушный тон студента явно напускной.

— Я? — без особой охоты откликнулся Богораз. — Видел. Всадники как всадники...

Несмотря на всеобщий интерес, студент решительно заявил, что ровным счетом ничего не понимает ни в привидениях, ни в кавалерии, и от дальнейших пояснений отказался. Полковник лишь посмеялся, но Арцеулов вдруг почему-то поверил. Ему даже показалось, что где-то там, у горизонта, беззвучно промелькнул полупрозрачный силуэт гигантского всадника...

Степа в призраков не верил, но еще раз подумал, что странный студент с вечным бронхитом явно не прост. Здесь, в степи, Богораз вновь напялил на нос нелепые очки, то и дело надрывно кашлял, поминая свою болячку, но Косухин помнил, каким был Семен за штурвалом самолета.

«Ишь, дурака валяет, — вновь подумал Степа. — Бронхит у него! Призраков, понимаешь, видел. Эх, не раскусил я его тогда, на Троицкой!..»

Идти становилось все труднее. Степь взгорбилась высокими холмами, твердую сухую землю то и дело сменяли островки вязкого песка, и по-прежнему всюду лежали камни — их было много, словно кто-то специально постарался сделать эти места как можно менее уютными.

— Пожалуй, хватит, — заявил Лебедев, когда они подошли к подножию большого пологого холма. — Станем здесь...

Место действительно оказалось удобным. Река была рядом, а на склоне холма чудом уцелели несколько сухих деревьев,

вполне пригодных для костра. Полковник назвал этих представителей здешней флоры диковинным словом «тограк». Сухие колючие ветки горели не хуже березовых, и у огня сразу же стало уютно. Лебедев пустил по кругу прихваченную из самолета флягу со спиртом. Пару дней назад, среди мертвой ледяной тайги, обжигающая жидкость лишь бодрила, прогоняя усталость, но здесь спирт ударил в голову, расслабляя нервы и рассеивая мрачные воспоминания.

Арцеулов сел поближе к огню, засунув руки в карманы полушубка. Хотелось курить, но лень было крутить «козью ногу». На холмы опускался тихий беззвучный вечер, языки огня весело плясали, вздымаясь к черному, покрытому звездной пылью небу. Ростиславу стало хорошо, как давно уже не бывало. Казалось, все страшное уже позади, кончилась проклятая война и он сидит со старыми приятелями, выехавшими на увлекательную прогулку к берегу загадочной реки. Даже краснопузый Косухин, не поленившийся свернуть гигантскую самокрутку и удовлетворенно пускавший в звездное небо кольца сизого дыма, внезапно показался не смертным врагом, а обыкновенным симпатичным парнем, немного забавным, но смелым и надежным, который не струсит и не предаст в минуту опасности.

Но Арцеулов не позволил себе долго предаваться благодушным мечтаниям. Его война не кончилась, самое главное еще впереди. Рядом с ним был не славный парень Степа, а опасный умный враг. Капитан вдруг подумал, что, если бы Косухин не оказался братом полковника, он застрелил бы его здесь же, у этого костра. Не из слепой ненависти — такой ненависти к Степе Арцеулов уже не чувствовал, а по жестокой логике войны. Он представил себе мертвого Косухина, лежащего здесь, на склоне холма, и внезапно для самого себя обрадовался, что краснопузый и сегодня окажется в живых.

Степа не ведал о мрачных размышлениях Арцеулова. Ему было просто хорошо. Он жив, любимый брат был рядом, а остальное могло подождать до утра...

Берг внезапно рассмеялась и, взвесив в руке фляжку со спиртом, из которой только что отхлебнула, покачала головой:

— Какая экзотика! Воспитанная девушка из хорошей семьи хлещет спирт в компании трех подозрительных мужчин! Ужас, господа!

— А кого из нас вы не посчитали? — поинтересовался Арцеулов.

— Не вас, — вновь рассмеялась Наташа. — Вы, Ростислав Александрович, с вашим вечно мрачным видом напоминаете корсиканского разбойника. Я не посчитала господина полковника. Во-первых, потому, что он остается джентльменом даже в

пустыне, а во-вторых, всегда благоговела перед кавалерами ордена Александра Невского...

Лебедев чуть смутился, хотя всем было понятно, что девушка шутит. Даже Арцеулову подобное корсиканское сравнение не показалось обидным. Между тем Наташа передала флягу Степе и вновь покачала головой:

— Представляю, что бы сказал Гастон...

Заметив, что мужчины переглянулись, она поспешила уточнить:

— Это мой жених, господа. Гастон Сен-Луи. Хороший физик и очень воспитанный человек, Он работает у мадам Кюри в Париже...

— А! — неопределенно произнес Богораз, похоже, имея некоторые сомнения то ли по поводу таланта, то ли по поводу воспитанности упомянутого Гастона.

— Как же он вас отпустил? — поразился Арцеулов. — Я бы на его месте не рискнул.

Берг не ответила, лишь вновь усмехнулась, на этот раз не очень весело. У костра повисло молчание.

«Так у нее жених, чердынь-калуга!» — почему-то растерялся Степа. Жених мадемуазель Берг отчего-то представился ему хлипким мерзким типом совершенно буржуйского вида — и непременно в очках.

Когда все собрались спать, Арцеулов настоял, чтобы выставить дежурство. Пустыня пустыней, но капитан не любил быть застигнутым врасплох. Он остался сторожить первым и, когда тьма сгустилась до угольной черноты, вдруг заметил прямо над холмом легкое, чуть мерцающее сияние. Не выдержав, он растолкал Лебедева, но тот улыбнулся и велел ни о чем не беспокоиться.

Рано утром, наскоро позавтракав, они стали подниматься на холм. Капитан хотел расспросить полковника о том, что видел ночью, но на вершине понял, что в этом уже нет нужды. Прямо перед глазами блеснула голубая даль озера, а за ним в ярких солнечных лучах отсвечивали серебром огромные, различные даже за несколько верст, решетчатые конструкции. Посреди них возвышалось что-то высокое с острым, выкрашенным в ярко-красный цвет навершием, похожее на невероятных размеров карандаш, поставленный острием в зенит. Чуть дальше можно было различить небольшие домики и длинные продолговатые здания, обнесенные почти незаметной с такого расстояния оградой.

— Прошу, господа! Челкель! — Голос полковника невольно дрогнул.

— Господин полковник, это ракета? — спросил Арцеулов, поражаясь размерами серебристого «карандаша».

— «Мономах», — кивнул Лебедев. — Здорово смотрится, правда? Эх, жаль, вы не видели — пять лет назад здесь стояли три ракеты. Это уже последняя... Степа, нравится?

— Ага, — выдохнул Косухин. — И это все... взлетит, да?

— Ну, не все, — рассмеялся Лебедев. — Взлетит ракета. Рядом — фермы обслуживания, чуть дальше склады, городок... Ну, пошли!..

Они двинулись вдоль берега Челкея и начали постепенно приближаться к полигону. Серебряный «карандаш» медленно рос. Арцеулов прикинул, во сколько раз ракета выше, к примеру, Александровской колонны, — и лишь покачал головой. Косухин, Александровскую колонну не видевший, во все глаза глядел на невиданное диво.

— Наташа, — наконец не выдержал он, — и это все... ну... взлетит в этот... эфир?

— Я же вам рассказывала, Косухин, — улыбнулась девушка. — Это называется «ракетный поезд». Там три «вагона» — три ракеты, одна за другой. Нижняя вначале толкает верхние, потом там выгорает топливо. Помните?..

— Ага, — сообразил Косухин. — И в этот эфир попадает то, красное?

Он указал на верхнюю часть ракеты.

— Это и есть эфирный корабль, — кивнул шедший впереди полковник. — «Владимир Мономах-2».

— И ты там будешь? Ну, внутри?

— Да. Надеюсь...

Они прошли еще несколько километров. «Мономах» занимал теперь почти полнеба. Можно было уже разглядеть небольшой городок, расположенный правее от стартовой площадки, высокий каменный забор и вышки охраны.

«Сколько же тут их будет? — стал смекать Степа, рассматривая продолговатые здания, походившие на казармы. — Батальон? Пожалуй, больше...»

Арцеулов подумал приблизительно о том же, наметанным взглядом отметив внушительный вид оборонительных сооружений. Полигон стоял посреди ровной степи, лишь частично прикрытый озером, но подойти к нему было не так легко. Особенно если часть подходов, к примеру, заминировать. Ростислав поделился своими мыслями с Лебедевым, и тот подтвердил, что так оно и есть, а посему с дороги лучше не сходить.

Первый патруль они увидели верстах в трех от вышек охраны. Четверо всадников в длинных серых шинелях выехали из-за ближайшего холма и, чуть постояв, рысью направились прямо к ним. Короткие кавалерийские карабины смотрели на гостей.

Им было предложено остановиться и бросить оружие. Лебедев представился и хотел показать свои документы, но приказ был тут же повторен, причем самым категорическим тоном. Пришлось подчиниться. Правда, всадники ограничились тем, что забрали карабины, не поинтересовавшись, имеют ли путешественники еще что-либо в запасе. Арцеулова и Степу это сразу же насторожило. Красный командир Косухин мысленно обозвал патрульных раззявами, а капитан заметил то, что ускользнуло от внимания Степы, — среди патрульных не было офицера.

Когда узкая, едва заметная среди камней дорога перевалила через очередной бугор, всем стало понятно, что сюрпризы не кончились. Прямо перед ними за большими железными воротами стояло двухэтажное здание из желтого камня, рядом с которым высилась мачта с развевающимся по ветру флагом.

Флаг был красный.

ГЛАВА 10

ЧЕЛКЕЛЬ

Отступать было некуда — навстречу от ворот спешили несколько солдат, держа наперевес уже не карабины, а трехлинейки с примкнутыми штыками. Полковник и Ростислав переглянулись, но Лебедев, поняв немой вопрос, покачал головой. Действительно, сопротивляться было бессмысленно. Степа же недоуменно оглядывался, пытаясь осмыслить происходящее. Но хотя зрелище родного флага должно было настроить красного командира на оптимистический лад, он почему-то насторожился и решил быть начеку.

Солдаты перекинулись несколькими словами с патрульным, а затем направились прямо к гостям. Впереди шел невысокий унтер с повязкой дежурного на рукаве.

— Кто такие, граждане? — поинтересовался он, поднося руку к фуражке. Николай Иванович шагнул вперед:

— Полковник Лебедев. Со мною группа специалистов. Что у вас тут случилось?

Он достал из кармана летной куртки какие-то бумаги и протянул унтеру. Тот поглядел на них, потом на Лебедева, о чем-то пошептался с одним из солдат, а затем опять козырнул:

— Здравия желаю, гражданин полковник! Извините, сразу не признал. Пройдемте в штаб...

— Какой штаб? — удивился Лебедев. — Мне нужно к генералу Боярышникову!

— Генерала нет. Пройдемте, граждане...

Пришлось вновь подчиниться, хотя Арцеулова так и тянуло

достать «бульдог» и объяснить «гражданам», как нужно обращаться с офицером. Степа же глядел на солдат с явным недоверием — в январе 20-го обращение «граждане» звучало явно не по-большевистски.

Они прошли через ворота и направились к двухэтажному зданию, возле которого слонялись без дела десятка два солдат с оружием, принявших тут же с любопытством разглядывать прибывших. Ни одного офицера здесь тоже не оказалось.

Гостей отвели на второй этаж, в комнату, на двери которой красовалась небрежно выполненная на клочке бумаги надпись: «Революционный штаб авиаотряда Челкель».

В комнате стоял густой сизый дым от горевших самокруток. За большим столом собрались несколько солдат и унтер-офицеров, а в углу верхом на стуле пристроился прапорщик в погонах, но с красной повязкой на рукаве. При виде вошедших все встали, а некоторые даже попытались отдать честь.

— Кто у вас здесь старший? — спросил Лебедев таким тоном, что Степа даже удивился.

— Фельдфебель Гаврилов, — представился один из сидевших за столом. — Начальник штаба. Это члены штаба, ваше... то есть гражданин полковник. Здравствуйте, Николай Иванович. Вы меня, может, помните?..

— А, Гаврилов... — всмотрелся Лебедев. — Здравствуйте. Вы, кажется, из команды обслуживания? Слушайте, что у вас произошло?

— Пока ничего трагичного, господин полковник, — ответил вместо Гаврилова офицер с красной повязкой. — Разрешите представиться — прапорщик Остроумов. Граждане, здесь женщина, уступите место...

Один из унтеров тут же уступил свой стул, другой был предложен Лебедеву. Берг кивнула и села, с интересом оглядывая присутствующих. Полковник садиться не стал и лишь облокотился на спинку.

— Гарнизон особого авиаотряда Челкель, узнав об отречении Колчака, постановил перейти на сторону советской власти, — продолжал прапорщик. — На общем митинге был избран штаб для временного руководства отрядом и полигоном. Гражданин Гаврилов — начальник, я — его заместитель...

— А где остальные? Офицеры, техники?

— Часть техников перешла на нашу сторону. Что касается офицеров, то мои коллеги проявили совершенно бессмысленный консерватизм...

Арцулов скрипнул зубами: он хорошо помнил семнадцатый год и то, что делала солдатня с проявившими «консерватизм» людьми в золотых погонах.

— К счастью, обошлось без жертв, — продолжал Остро-

умов. — Генерал Боярышников бежал, а остальные забаррикадировались в бункере на полигоне. Мы ведем переговоры, но пока безуспешно. Мы не хотим крови, господин полковник!..

«Либералишки, — прокомментировал про себя Степа. — Эсеровщиной пахнет».

— Позвольте, — растерянно произнес Лебедев, — но скоро пуск «Мономаха»!

— Так точно! — подтвердил фельдфебель Гаврилов. — Вы не подумайте, мы ведь все добровольцы, так что понимаем... «Мономаха» мы чуть не год готовили. Только такое дело получается...

Он замялся, а затем предложил выпить чаю. Никто, даже Арцеулов, не возражал. Чай был разлит в жестяные кружки, откуда-то появились ржаные сухари, а из соседней комнаты были принесены недостающие стулья. В дверь то и дело просовывались любопытные физиономии, но Гаврилов каждый раз решительно приказывал не мешать.

Хлебнув чаю — чай был незнакомый, желтый, — фельдфебель начал рассказ, время от времени дополняемый репликами Остроумова и членов штаба.

После бегства генерала Боярышникова революционный штаб постановил обратиться по радио к Совету Народных Комиссаров с просьбой прислать уполномоченного для передачи Челкеля в ведение Республики. Подготовку к старту было решено продолжить, однако большинство офицеров заперлись в бункере и пригрозили взорвать полигон. Переговоры ничего не дали. Ни Столица, ни Иркутск не отвечали. Работы на стартовой площадке, естественно, остановились. Но это было еще не главной бедой. Отряды генерала Мо, все предыдущие месяцы строго сохранявшие нейтралитет, внезапно подошли с юга, блокировав путь на Яркенд и отрезав Челкель от российского Туркестана. Генерал Мо через парламентаря приказал в трехдневный срок передать ему полигон со всем имуществом, в противном случае обещая начать штурм.

— Ерунда какая-то! — не выдержал Арцеулов. — Нашли время митинговать, господа! Если вам наплевать на полигон, подумали бы о собственной шкуре, прежде чем на офицеров охотиться!

Ему обидчиво ответили, что никакого зла на офицеров не держат, поскольку здешние офицеры — тоже добровольцы, вдобавок люди образованные и культурные. Более того, штаб готов всячески ходатайствовать перед соввластью, дабы разрешить офицерам вновь приступить к своим обязанностям и успешно завершить запуск, но те штабу не верят и считают бунтовщиками.

Лебедев был явно растерян, Арцеулов шипел от злости, Берг о чем-то лихорадочно размышляла, лишь Богораз и Степа казались невозмутимыми. О чем думал Семен Аскольдович, так и

осталось в тайне, а Косухин, дожидая сухарь и аккуратно поставив на стол пустую кружку, оправил полушубок и решительно встал.

— Ну вот чего, товарищи, — с достоинством начал он. — Поговорили — и будя. А теперь меня слушай...

Он достал из кармана гимнастерки тонкий лист пергаментной бумаги, украшенный огромной синей печатью, и положил на стол:

— Я, стало быть, Степан Косухин, представитель Сибирского бюро ЦК. Что такое Сиббюро, слыхали, товарищи?

Удостоверение обошло всех присутствующих и было возвращено при почтительном молчании. Похоже, о Сиббюро были наслышаны даже здесь.

— Так вот. Полномочий у меня на три ваших авиаотряда хватает, а посему объявляю себя комиссаром Челкеля. Возражения есть?

Возражений не последовало. Члены штаба растерянно и даже с некоторым испугом смотрели на пришедшего прямо из Такла-Макана посланца грозного Сиббюро. Брат глядел на Степу, чуть прищурившись, начиная что-то понимать. Если кто и был в бешенстве, так это, конечно, Арцеулов. Ростислав вновь ощущал себя лишним и бесполезным, как на борту «Муромца». И капитан вдруг почувствовал нечто вроде зависти.

— Возражений нет, — констатировал Степа. — А распоряжения такие будут... Караулы выставлены?

— Так точно, гражданин комиссар, — поспешил доложить Гаврилов.

— Товарищ комиссар, — внушительно поправил Косухин. — Хреновые у вас караулы, можно хоть пулемет пронести... Значит, охранять базу как зеницу ока, потому она теперь собственность трудового народа. Это понятно?

Члены штаба согласно зашумели. Выражение «собственность трудового народа» явно понравилось.

— Подготовку к этому... старту ввиду его научного значения для дела мирового пролетариата будем продолжать. А к офицерам и всем прочим посылаем делегацию. Вопросы?

— Они могут не согласиться, товарищ Косухин, — заметил один из членов штаба. — Бояться...

— Ниче, — заявил Степа, взглянув на мрачного Арцеулова. — Мы их попросим — душевно...

Предложение было принято, и члены штаба стали совещаться о составе делегации. Путешественники получили возможность обменяться несколькими фразами.

— Вы молодец, Косухин, — решительно заявила Берг. — Я бы вас даже поцеловала, но вы слишком небритый...

— Думаешь, они будут тебя слушать, Степан? — Лебедев на-

стороженно поглядывал на шумевших солдат. — Ты это хорошо, конечно, придумал, только, боюсь, мы не договоримся...

— Договоримся, Николай, — спокойно ответил Степа, скручивая грандиозную «козью ногу». — Они здесь непуганные...

Полковник не понял и удивленно посмотрел на брата. Арцеулов же, услышав краем уха последнюю фразу, тоже сперва удивился, а потом сообразил. Краснопузый прав — гарнизон Челкеля не участвовал в Смуте. Тут не знали, как поднимать восстание, идти на штурм и провозглашать совдепы. Неудивительно, что на Степу с мандатом Сиббюро здесь смотрели не как на пленного партизана, а как на полномочного посланца грозной Большевиизии.

Косухин, несмотря на внешнюю уверенность, сам был в некоторой растерянности от своей наглости. Ни о чем подобном он вначале не думал, но, слушая нестройную толпу «штабных», понял, что дела не будет. Слишком много Степа насмотрелся на всякого рода митинги, после которых полки бросали позиции, на выборные «штабы» и «комитеты», тянувшие в разные стороны. Осталось одно — рискнуть.

Между тем штаб выбрал делегацию, куда вошли, естественно, фельдфебель Гаврилов и прапорщик с красной повязкой. Посовещавшись со Степой, Лебедев решил взять всех остальных, кроме самого Косухина — новоиспеченный комиссар решил, не тратя времени, начать организацию власти. Арцеулов вначале тоже решил остаться, но понял, что полковник прав. Ведь именно он получил приказ Верховного.

Перед бункером — мощным, врубленным в каменистую землю сооружением — лежали мешки с песком, между которыми торчал ствол «максима». Командовавший заслоном поручик встретил пришедших достаточно сурово, но, увидев Лебедева, обрадовался и поспешил, позвонив куда-то по телефону, пропустить всех внутрь. Их тут же окружила толпа офицеров. Полковника узнали и начали закидывать вопросами. Арцеулов заметил, что кое-кто здесь знаком и с Богоразом, а некоторые явно знали Берг. Наконец офицеры успокоились и, собравшись в большом подземном зале, освещенном огромными желтоватыми лампами, устроили нечто вроде общего собрания. Старшим здесь был молодой полковник, заменивший бежавшего командующего. Вначале говорил Лебедев, затем пришлось выступить и Ростиславу. Капитан передал приказ Верховного, для верности продемонстрировав письмо с подписью адмирала. Прозвучало убедительно, но офицеры все еще сомневались. Арцеулов понял, что многие не прочь перейти на сторону совдепов, но «по

всей форме», с присылкой полномочной комиссии, которая бы приняла этот важнейший для страны объект.

Тогда слово вновь взял Лебедев, предложив всем вернуться на полигон, с тем чтобы подготовить «Мономах» к пуску, после чего гарнизон запросит большевиков об условиях передачи авиабазы, а все желающие смогут уйти на запад, к Анненкову, или на север, к Семенову. Офицеры начали колебаться и в конце концов решили позвать Степу, о прибытии которого уже успели узнать. Косухин явился суровый, продемонстрировал свой мандат и веско обещал от имени большевистской власти полную неприкосновенность тем, кто будет выполнять его приказы. Кто-то заикнулся было о «гарантиях», но Степа так поглядел на вопрошающего, что тот предпочел не настаивать.

В конце концов все согласилось. Баррикада у входа в бункер была разобрана, и осажденные стали выбираться наружу, нерешительно оглядываясь. Ничего страшного не произошло — часть солдат уже была на границе полигона, укрепляя линию обороны, а остальные ждали приказа, чтобы вместе с офицерами готовиться к пуску. Косухин, убедившись, что все идет в нужном направлении, забрал с собою наиболее решительных членов революционного штаба и направился туда, где мог заняться знакомым делом — копать окопы и пристреливать пулеметные точки. Полковник, Берг и Семен Аскольдович вместе с офицерами и техниками двинулись на полигон, а оставшийся не у дел Арцеулов нашел свободную койку в одном из офицерских домиков и завалился спать, рассудив, что толку от него все равно куда нет.

Ростислава разбудили поздно вечером — Лебедев звал его в офицерский бункер. Полковник был там не один — с ним находился, как всегда, невозмутимый Богораз в черном, испачканном маслом комбинезоне. Лебедев был возбужден — дело продвигалось успешно за исключением одного важного вопроса. Арцеулов попытался переспросить, но полковник предложил подождать Берг.

Девушка пришла где-то через час. Она сообщила, что занималась «рубкой управления» (как понял Ростислав, пунктом, откуда производится запуск). Наташа и Лебедев переглянулись, после чего полковник предложил выйти погулять на свежем воздухе.

Они прошли на полигон и стали у подножия «Мономаха». Вблизи ракета поражала — нижнее основание имело не менее двух десятков метров в диаметре, а вершина — красный конус, внутри которого находился эфирный корабль, — была почти неразличима, теряясь в подступающих сумерках. Лебедев сообщил,

что уже успел осмотреть новый корабль и кое-что его весьма удивило. Говоря это, полковник как бы невзначай поглядел на Богораза, но тот никак не отреагировал. Тогда полковник огляделся и, убедившись, что поблизости никого нет, начал:

— Господа, мне надо с вами посоветоваться. Ракета готова к запуску, и к полудню мы могли бы начать. Господин Богораз проверил новое оборудование и тоже готов...

— Так в чем же проблема? — удивился Арцеулов. — Помоему, ваш брат укротил здешних бунтарей...

— Проблема не в этом. Мы сделали все, что могли, но корабль запустить невозможно. Вспомните, Ростислав Александрович, что говорил вам Колчак?

— Постойте, постойте, — напрягся капитан. — К двадцатому... то есть к завтрашнему числу... Ага, Руководитель Проекта! Но его же нет!

— К сожалению... Без него я не имею права давать команду на запуск.

— Помилуйте, господин полковник, — грустно улыбнулся Ростислав. — В нашем положении нелепо ждать каких-то указаний!..

— Я бы и не ждал, — кивнул Лебедев, — но есть одна деталь...

— Ракета не может стартовать, — пояснила Берг. — В рубке управления заблокирована система зажигания. Там стоит шифр, который известен только Руководителю Проекта.

— А кто он, этот Руководитель?

— Я его не знаю, — покачал головой Лебедев. — С ним был знаком только господин Семирадский. Руководитель должен прибыть завтра к полудню и привезти с собой письменный приказ Верховного. Но главное — шифр...

— Ясно, — кивнул Арцеулов. — А если его не будет?

— Подождем пару дней, — нерешительно заметил полковник. — Правда, долго ждать нельзя — день пуска связан с положением Земли относительно Солнца...

— У нас еще будет три дня, — заметил молчавший все это время Богораз. — Если мы задержимся даже на сутки, есть риск не выйти на нужную орбиту...

— Ясно, — чуть подумав, заявил Арцеулов. — Господин полковник, боюсь, проблема не только в астрономии. Полигон блокирован, и если китайцы будут наступать...

Он не договорил — все и так было ясно. Полковник кивнул, и они зашагали обратно. Внезапно из темноты вынырнула невысокая фигура с карабином за плечом.

— Косухин! — удивилась Берг. — Где вы пропадали? У вас такой воинственный вид...

— Ага, — кивнул Степа. — Че, братан, готова твоя ракета?

— Готова, — коротко сообщил Лебедев, не желая вдаваться в подробности.

— Тогда поторопиться надо, — озабоченно заметил Степа. — Я только что с восточного участка. Окопы мы привели в божеский вид, пулеметы поставили... Китайцы два раза парламентаров слали — чтоб, мол, мы сдавались. Их там полк, не меньше...

— День еще продержимся?

— Больше продержались бы, — вздохнул Косухин. — Позиция неплохая. Да только пушки они подвезли — батареи четыре, трехдюймовки. Похоже, завтра начнут... А у нас, кроме пулеметов, ничего.

Полковник и Арцеулов переглянулись. Капитан подумал, что ему следовало не валяться на койке, а тоже быть на позициях. Однако в любом случае неполный батальон не сможет долго обороняться против полка с трехдюймовками.

— Надо готовиться к эвакуации, — решил Лебедев. — Если завтра к полудню не прибудет Руководитель, ждем до вечера и уходим на запад. Дня через три выйдем к границе. Жаль, если «Мономах» придется взорвать...

— До вечера не выйдет, — покачал головой Степа. — К полудню китайцы уже здесь будут. А если задержим — полигон раздолбают. Закатят трехдюймовки на горку — и амба...

— Николай Иванович, — встревоженно проговорила Берг, — что же делать? Я не смогу включить зажигание. Семен Аскольдович, что же вы молчите?

— А? Что? — встрепенулся Богораз. — Помилуйте, Наталья Федоровна, мне-то откуда знать? И вообще у меня голова прямо раскалывается. Давление, не иначе. Здесь такой ветер!..

Степа покосился на студента, едва удержавшись, чтобы не высказаться. Порой Богораз становился невыносим. Берг сверкнула глазами, но тоже смолчала и повернулась к Степе:

— Косухин, выручите! Придумайте что-нибудь! Ростислав Александрович, а вы? Да что же вы все молчите?

— Наталья Федоровна, — Арцеулов выпрямился, — ручаюсь вам, что ни один волос не упадет с вашей головы...

— Да при чем здесь я? Об этом мог бы позаботиться Гастон, но он предпочел остаться в Париже... Помогите завершить проект! Георгий и Глеб Иннокентьевич уже погибли... Неужели все зря?

— Вы вот чего... — не очень уверенно начал Степа. — Я завтра утром что-нибудь соображу. С китайцами этими... Может, продержимся до полудня....

— До полудня, — задумчиво повторил полковник. — Хорошо, Степан, попробуем...

Ночь Степа провел на позициях у костра, употребив время с немалой пользой. Солдаты служили здесь уже четвертый год и о том, что творилось в России, знали лишь из радиোগрамм да неясных слухов, и Косухин до рассвета рассказывал о боях на Восточном фронте, где он громил белых гадов. Слушали его раскрыв рты. А наутро вновь явились парламентареры, прося допустить их на полигон. Степа, решив тянуть время, потребовал, чтобы на переговоры явился кто-нибудь постарше званием. Китайцы ушли, обещав вернуться через час, а еще через полчаса явился вестовой — Косухина звал брат.

Полковника он нашел возле бункера. Лебедев был не один — рядом стоял сонный Богораз в своих непременных очках. Степа вкратце рассказал о положении на позициях.

— Это хорошо, — кивнул брат. — Но утром мы получили радио. Приказано приостановить работы и ждать Руководителя Проекта. Он уже вылетел.

— А кто этот... Руководитель? — удивился ничего не ведавший Степа.

Полковник коротко пояснил.

— Так, значит, этот Руководитель от Колчака!.. — возмутился Косухин. — А зачем работы останавливать? Не-е, не так тут что-то!

Из бункера вышла Берг. Вид у нее тоже был невыспавшийся и немного встревоженный.

— Николай Иванович, рубка управления готова. Кроме системы зажигания, конечно... А, здравствуйте, Косухин! Не смотрите, у меня кошмарный вид...

— Ну, чего там кошмарный... — смутился Степа.

Внезапно где-то на краю летного поля завывала сирена. Все невольно оглянулись. От небольшого домика, где располагался наблюдательный пункт, к ним спешил офицер.

— Господин полковник! — крикнул он, подбрасывая руку к козырьку фуражки. — С востока аэроплан...

— Это он, — кивнул Лебедев. — Пойдемте, господа...

Они прошли к летному полю и остановились у края. Известие о приближавшемся аэроплане уже успело распространиться по базе, поскольку к ним тут же подошли несколько офицеров во главе с молодым полковником, исполнявшим обязанности начальника объекта. От солдатских казарм спешили трое членов «революционного штаба».

Самолет появился неожиданно, вынырнув откуда-то из-за холмов, и резко пошел на снижение. Все ахнули, но тот, кто был за штурвалом, уверенно направил машину прямо на свободную взлетную полосу.

— Лихо он это! — пробормотал Лебедев. — Я бы не рискнул...

Аэроплан — Степа уже успел узнать в нем знакомую модель «Фармана» — коснулся колесами земли и побежал по полосе, постепенно замедляя ход. Ожидавшие переглянулись и направились к центру поля. В последний момент к ним присоединился Арцеулов, который все это время был в рубке управления, осматривая неведомую ему доселе технику.

«Фарман» остановился, но колпак кабины оставался закрытым. Только когда Лебедев и те, кто его сопровождал, подошли совсем близко, козырек в верхней части кабины откинулся, и на землю легко прыгнул невысокий человек в летном комбинезоне. Неизвестный снял большие летные очки и перчатки с широкими раструбами. Лебедев подождал несколько секунд, а затем скинул руку к летному шлему и представился.

— Здравствуйте, полковник. — Голос вновь прибывшего был каким-то странным, словно ему сдавили горло. — С вами, кажется, господин Богораз? Здравствуйте, Семен Аскольдович. Здравствуйте, господа!

Степа внимательно наблюдал за гостем. Лицо у того было самым обыкновенным, совершенно невыразительным, словно размытым, лишь небольшие глаза смотрели строго и решительно.

«Глаза приметные, чердын-калуга, — мелькнуло в голове у Косухина. — Вроде как... Точно!..»

Спутать было трудно — у Руководителя Проекта были такие же светлые глаза, как у командира легендарного полка Бесмертных Красных Героев.

Арцеулов глядел на Руководителя Проекта без особых эмоций. Он лишь мельком отметил, что этот человек совершенно не похож на офицера. И тут взгляд таинственного гостя скользнул по Ростиславу, на мгновение задержавшись на его правой руке.

«Перстень, — понял капитан. — Он заметил перстень! Но откуда ему знать?»

Между тем Руководитель Проекта велел отойти всем, кроме Лебедева и Богораза. Полковник — начальник объекта и кто-то из членов «штаба» пробовали возразить, но тот оставался непреклонен. Пришлось подчиниться. Правда, Степа стал так, чтобы краем уха слышать разговор. Арцеулов и Берг пристроились рядом.

— Я, кажется, успел вовремя, господа, — начал гость, внимательно глядя то на полковника, то на студента. — Вы приостановили работы?

— Простите... Я бы хотел ознакомиться с вашими полномочиями, господин...

Лебедев выжидательно замолк, но Руководитель не понял намека. Он промолчал, а затем достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумагу:

— Прошу вас, Николай Иванович...

Лебедев внимательно прочитал документ, затем передал его Богоразу. Тот мельком взглянул на него и пожал плечами.

— Господин капитан! — внезапно позвал Лебедев. Арцеулов поспешил подойти. — Ростислав Александрович, вы помните руку Верховного?

Арцеулов взял бумагу и стал читать. В документе почерком, очень похожим на хорошо знакомый ему почерк адмирала, сообщалось, что «предъявитель сего» является Руководителем Проекта «Владимир Мономах» и что все его приказы обязательны к исполнению. Внизу стояло: «Александр Колчак».

— Почерк похож, — кивнул капитан. — Но почему-то нет фамилии предъявителя. Кроме того, обычно такие документы печатались на бланке...

— Благодарю вас, капитан, — кивнул Лебедев, быстро переглянувшись с Богоразом. — Слушаем вас, господин Руководитель Проекта...

Тот поглядел сначала на невозмутимого студента, затем на полковника:

— Господа, в силу имеющихся у меня полномочий приказываю отменить старт «Мономаха» и передать полигон под контроль местных властей...

— Но почему? — поразился Лебедев. — К старту все готово!

— Это приказ. Я не обязан отчитываться перед вами...

— Понятно, — неопределенно проговорил Лебедев и хотел что-то добавить, но его опередил Степа.

— Здравия желаю, господин хороший. — Косухин по всем правилам отдал честь, хмыкнув прямо в лицо гостю. — Дозвольте представиться — комиссар авиабазы Косухин. Дайте-ка мне ваш документик...

— Ваш брат уже осмотрел его, Степан Иванович, — спокойно ответил неизвестный.

Степа на мгновение оторопел, но быстро пришел в себя.

— Ага, знакомы, значит? Ну, документик — это дело пятое... Только дозволейте спросить — откуда вы, такой хороший, прилетели? Уж не из России ли?

— Из России, — отрезал неизвестный. — Что вас еще интересует?

— А ежели из России, значит, прямо на «Фармане» — и оттуда?

— А какое это имеет значение? — Голос Руководителя был по-прежнему спокоен, но его тон неуловимо изменился.

— Мой брат имеет в виду, что дальность вашего аэроплана — не больше двухсот километров, — вступил в разговор полковник. — Вы летели с востока. Интересно все же, откуда?

Арцеулов уловил суть разговора, расстегнул кобурку и шагнул вперед.

— Это еще не все, Степан, — усмехнулся полковник. —

В этой бумаге нет условного знака, да и составлена она, как верно отметил Ростислав Александрович, не по форме. Иногда наша российская бюрократия бывает бесполезна!

— Документ составлялся в последний момент, — спокойно пояснил гость. — Я летел с секретной авиабазы. Если хотите, объясню вам все подробнее...

— Кроме одного, милостивый государь, — перебил его Богораз. — Я знаю Руководителя Проекта. Настоящего...

— Господин полковник, разрешите? — Арцеулов достал револьвер и поглядел на Лебедева. Степа снял с плеча карабин и тоже посмотрел на брата.

— Есть еще одна проверка, — вступила в разговор Берг. — Если этот господин знает шифр системы зажигания...

— Хорошо, — кивнул тот, кто называл себя Руководителем Проекта. — Придется кое-что объяснить. Господин Лебедев, я должен поговорить с вами наедине...

— Ни за что! — решительно возразил Степа. Все остальные промолчали, но вид у них был вполне недвусмысленный. Незвестный усмехнулся и кивнул:

— Ладно... Может, так будет лучше. Господа, вас обманули. И прежде всего вас, господин Лебедев. Вам сказали, что запуск «Мономаха» преследует научные цели, что это испытание нового типа корабля. Но это не научный проект. Старт «Мономаха-2» преследует военные цели...

— Что?! — вырвалось у Берг.

— Вы были на борту корабля. Вас не поразила та аппаратура, которая там находится? Вы не задумывались, зачем она нужна?

— Там действительно есть новая аппаратура, — согласился Лебедев. — Но ни пушек, ни пулеметов, смею вас уверить, не имеется...

— Есть оружие и похуже. Вас заставляют участвовать в очень опасном эксперименте, который в случае удачи на много лет продлит эту войну...

«Ах ты, чердынь-калуга! — мелькнуло в голове у Степы. — Вот дела... А я-то хорош!»

— Все равно не понимаю, — упрямо мотнул головой полковник. — Насколько мне объяснил господин Богораз, на «Мономахе» установлен двигатель нового типа и система связи...

— И это все, что он вам объяснил? — поинтересовался гость, и в голосе его послышалась нескрываемая ирония. — И ничего не сказал о планете под названием Тускула и о так называемом проекте «Надежда»?

— Да он вам голову морочит! — не выдержал Арцеулов. — Какая еще планета, господин полковник! Семен Аскольдович, а вы что молчите?

— Планета Тускула находится у небольшой желтой звезды

примерно в двадцати световых годах от Земли, — спокойно ответил Богораз, снимая свои нелепые очки. — Она была открыта перед войной академиком Глазенапом благодаря совершенно новой аппаратуре, получившей название «Пространственный Луч». По некоторым характеристикам Тускула очень напоминает Землю...

— Вы мне ничего не говорили об этом, господин Богораз, — растерянно прервал его полковник. — Но в любом случае... Разве полет имеет военные цели?

— Нет, конечно! — усмехнулся студент. — Но я так и знал, что кое-кто из них попробует помешать запуску...

«Из кого это — из них?» — подумал Степа. Услышав о неизвестной планете, которая вдобавок находится где-то в диком далеке, он совершенно успокоился. Происками белогвардейцев тут явно не пахло.

— «Мономах» не должен взлететь! — решительно произнес неизвестный.

— У вас все? — спокойно поинтересовался Лебедев. — Если все, то вынужден вас покинуть. Запуск состоится через четыре часа.

— Вы не посмеете! — резко бросил гость. — Товарищ Косухин, я передаю вам приказ Реввоенсовета — вы должны помешать пуску!

— Эге! — заинтересовался Степа. — Так вы, товарищ, прошу прощения, от Реввоенсовета или все-таки от Колчака?

— Я прибыл из Столицы, — быстро заговорил неизвестный. — Белогвардейцы готовят себе убежище на Тускуле. Вы должны им помешать. Если они запустят «Мономах», пролетарская революция будет под угрозой...

— Убежище? — Степа очень плохо знал астрономию, равно как прочие науки, но не любил, когда из него делали дурака. — Так ведь ракеты, товарищ, не знаю как вас, только до этой, как ее, орбиты и летают! Какое уж тут убежище?

— Да, «Мономах» выше не поднимется. Точнее, не мог бы подняться, если бы не то, что придумали профессор Семирадский и профессор Богораз...

«Профессор? — поразился Степа. — Так он же студент, чердын-калуга!»

— На «Мономахе» установлен новый двигатель системы «Пространственный Луч». Он способен искривить пространство и доставить корабль прямо к Тускулу... Вы выполните приказ?

Глаза неизвестного уставились прямо в лицо Косухина, и тот вдруг почувствовал, как все вокруг начинает плыть, растворяться в холодном воздухе...

— Косухин! — Ладонь Арцеулова легла ему на плечо, и Степа тут же очнулся. Руки сами собой сжали карабин, ствол

дернулся прямо в сторону гостя. В ту же секунду неизвестный выхватил что-то напоминающее пистолет, но с коротким и очень широким дулом и направил оружие на Богораза. Но выстрела не последовало — Арцеулов уже стоял между ним и студентом. Лицо гостя дернулось:

— Вы думаете, ваш перстень вновь поможет вам, капитан?

Короткий ствол вздрогнул, но в ту же секунду Косухин взмахнул прикладом. Странный пистолет упал на землю, а ствол карабина смотрел человеку в летной куртке прямо в лицо.

— Напрасно, господа... — Неизвестный отступил на шаг, на губах его мелькнула недобрая улыбка. — Вы еще не понимаете, с какой силой пробуете тягаться. Могу лишь обещать, что вы все умрете — и умрете плохо. Прощайте...

Сверкнуло яркое холодное пламя — и человек исчез. Там, где он стоял, осталось лишь несколько кристалликов льда. Только стоявший на взлетной полосе самолет напоминал, что случилось — не сон и не галлюцинация.

— Помните собак? — Арцеулов первым пришел в себя. — Похоже, он из этих... Господин полковник, нам надо спешить!

— Да, — кивнул Лебедев. — Конечно... Не понимаю, право, что он тут наговорил?.. Но, господа, что делать? Ведь шифр системы зажигания нам по-прежнему неизвестен!

— Да, странно, — кивнула Берг. — Зачем этот таинственный джентльмен соблазнял моего Косухина, когда мы все равно не сможем запустить «Мономаха»?

Степа зарделся, поймал негодующий взгляд Арцеулова и смутился.

— Это не проблема, Наталья Федоровна, — равнодушно откликнулся Богораз, вновь надевая очки. — Шифр я знаю. Пойдемте, господа, времени мало...

Он повернулся, чтобы уходить, но его тут же обступили.

— Позвольте, Семен Аскольдович! — растерянно проговорил полковник — начальник объекта. — Так это вы... Руководитель?

— Какое это имеет значение? — дернул плечом студент. — Сейчас несколько не ко времени играть в эти игры. Впрочем, если вам так интересно...

Богораз, тоскливо вздохнув, пошарил в кармане и достал сложенный вчетверо носовой платок:

— Если это прогладить утюгом, то там вы найдете нечто вроде верительных грамот и приказ на запуск. По-моему, глупость редкая...

Члены «революционного штаба» начали с интересом разглядывать абсолютно белый кусок материи.

— Я пошел, господа. — Студент поправил свои нелепые очки и зашагал в сторону бункера.

— У нас есть уют? — растерянно спросил кто-то.

Степа догнал Богораз у самого бункера.

— Слышь, Семен... э-э-э... Аскольдович, — нерешительно начал он. — Ты...

— Что, Степан Иванович, хотите меня арестовать? — На лице странного студента мелькнула ироническая усмешка.

— Скажешь! — обиделся Степа. — А, между прочим, ты хорош — валял дурака. Очки эти дурацкие...

— Очки? — вновь усмехнулся Богораз. — Ах да!..

Он сдернул с носа бесполезные стеклышки и сунул в карман.

— Так ведь это у вас, Степан Иванович, называется конспирацией...

— А чего тебе конспирировать? Если ты в самом деле против советской власти...

— Как? — Богораз даже приостановился. — Ох, Степан Иванович, далась вам эта советская власть! Не в ней дело. А вот господин Венцлав и те, кто за ним стоит... Тут бы я на вашем месте заинтересовался. Интересно, чем им мешает проект «Надежда»?

— Так это правда? — поразился Степа. — Эта... Тускула... «Пространственный Луч»... И насчет убежища...

Богораз вздохнул:

— Правда, Степан Иванович. Благодаря изобретению господина Семирадского и моего однокурсника Александра Тернема система «Пространственный Луч» позволяет достигать очень отдаленных объектов без всяких эфирных ракет. Сейчас на Тускуле имеется небольшая колония наших соотечественников. К сожалению, связь с ними прервалась, а с Земли наладить ее невозможно — атмосфера мешает. Поэтому мы решили поднять «Мономаха» на орбиту, а затем благодаря «Пространственному Лучу» перебросить к Тускуле. На борту корабля стоит аппаратура, которая позволит наладить постоянный мост между Тускулой и Землей. А вот почему это не нравится кое-кому из ваших упырей, не знаю...

— Да чего там, упырей... — пробормотал Косухин, и тут до него дошло: — Так, значит, Николай... он не вернется, да?

— Почему не вернется? Просто полет займет не пару суток, а несколько месяцев по земному времени. Когда мы установим аппаратуру на Тускуле, он сможет вернуться совершенно безопасно и даже с комфортом. Об остальном можете узнать у дяди Натальи Федоровны — Карла Берга, он сейчас в Париже... Еще есть вопросы?

— А... ты действительно профессор? — ляпнул Степа первое, что пришло в голову.

— Профессора мне присудили в Геттингене два года назад, — усмехнулся Семен Аскольдович. — Ладно, Степан Иванович, скажу вам напоследок... В руководстве большевистской

партии имеется какая-то непонятная группа, которая связана с типами, подобными Венцлаву. Они и заварили эту кашу. Зачем и как — не знаю. Имейте в виду, может пригодиться...

Степа хотел продолжить разговор, но Богораз, кивнув, стал спускаться в бункер.

Размышлять было некогда — дела поджимали. Гарнизон Челкеля ждал распоряжений своего комиссара.

— Господин Лебедев дал приказ держать оборону до полудня, — сообщил начальник объекта. — Как только «Мономах» стартует, надо немедленно уходить. Мы подготовили несколько грузовых авто с провиантом...

Пришлось вникать в диспозицию. Вскоре Косухин убедился, что тут разобрались и без него. План был прост: сразу же после запуска «Мономаха» весь состав службы обеспечения полигона на грузовиках уходит на юго-запад, к небольшому ущелью, где можно быстро организовать оборону. Те же, кто находится на позициях, будут отступать на юг, обходя полигон. Возле ущелья оба отряда соединяются и начинают рейд к туркестанской границе.

— Годится, — рассудил Степа. — А на полигоне никого не оставим?

Ему сообщили, что после запуска уйдут все — за исключением тех, кто будет в рубке управления. Косухин велел готовить грузовики, отправил офицеров, не занятых подготовкой к запуску, на позиции, а сам поспешил к брату. Лебедев был возле рубки, рядом с ним стояла Берг.

— Степа! — обрадовался он. — Я уже боялся, что не увидимся. Мне пора...

— Ага, — кивнул Косухин. — Николай, Наташа, после запуска все должны немедленно уйти. Успеют?

Полковник и девушка быстро переглянулись.

— Мне придется остаться, Косухин, — чуть помолчав, ответила Берг. — Пока «Мономах» не выйдет на орбиту, мне нужно будет держать связь. Так что я вас догоню...

— А кроме вас, Наташа, некому?

— Увы, некому, — рассмеялась девушка. — Вот такая я незаменимая! Цените, Косухин!

— Ладно, — мотнул головой Степа, — придумаем чего... Ну, значит, пора мне, а то того гляди китайцы полезут.

— Ну что, Степан... — Лебедев взял брата за плечи и, усмехнувшись, легко дернул за ухо. — Веди себя хорошо, кашу манную кушай... А главное, Степка, постарайся остаться в живых, ладно?

— Да чего ты в самом деле... — Косухин смутился и отвел

глаза. — Ты сам... эта... не геройствуй. Обойдешься без второго ордена. И хоть весточку дай, когда вернешься...

— Париж, рю Гош Матье, 15, Карл Берг. Он будет знать... Иной связи покуда нет. Постараюсь вернуться побыстрее, Степан. Так что сам не геройствуй. Если предложат делать мировую революцию где-нибудь в Сенегале, откажись. Хотя бы до моего возвращения...

— Ага...

Косухину очень хотелось обнять брата, но он не решался. Николай засмеялся, щелкнул его по лбу, а затем наклонился и быстро поцеловал в щеку.

— Я пошел, Степка. Ни пуха тебе...

— К черту, — буркнул Косухин и отвернулся. Внезапно он услышал шаги сзади. Его догоняла Берг.

— Косухин, а со мной вы не хотите попрощаться?

— А мы не прощаемся, — пожал плечами Степа. — Нам еще в Синьцзян топать...

— И все-таки, — голос Наташи внезапно дрогнул, — на всякий случай...

— Еще чего! — буркнул Косухин. — Какой такой случай? Всенепременно увидимся...

Он ускорил шаг и вскоре догнал группу спешивших к грузовому авто. Степа взглянул на гигантский серебристый силуэт замершего на стартовой площадке «Мономаха», вздохнул и полез в кузов.

ГЛАВА 11

«МОНОМАХ»

Арцеулов томился, чувствуя себя ненужным и бесполезным. Он обошел стартовую площадку, поднялся на лифте на одну из ферм, окружавших «Мономаха», тщательно осмотрел рубку. Вырубленный в склоне холма бункер сверкал сотнями лампочек. На пульте управления тускло светились непонятные Ростиславу приборы, что-то гудело и даже жужжало. Здесь было тоже не до него — Богораз устанавливал длинную цифровую комбинацию на большой металлической плите, похожей на банковский сейф, а несколько офицеров-техников зачарованно следили за его движениями. В конце концов Арцеулов обругал себя дезертиром и решил направиться на позиции под начало краснопузого комиссара Косухина, но начальник объекта остановил его, поинтересовавшись, понимает ли капитан в подрывном деле.

Еще на Германской Ростислав закончил курсы подрывников, поэтому охотно вызвался помочь. Арцеулову выделили ун-

тера и нескольких солдат, поручив его вниманию главные объекты: склады с топливом и боеприпасами, лаборатории и саму рубку. Заряды были установлены заранее, но следовало исправить возможные огрехи. Работа заняла много времени, приходилось шагать от одного объекта к другому, делая каждый раз по полверсты и более. Наконец, когда солнце уже стояло высоко, дело было закончено — заряды проверены, а все провода сведены к главному взрывателю, находившемуся в небольшом домике в ста метрах от рубки управления. Капитан запер обитую железом дверь и поспешил к «Мономаху».

Возле ракеты стояла небольшая группа офицеров и техников, окружив двоих людей в странных, похожих на водолазные скафандры, костюмах. Полковник был спокоен и даже улыбался, а Семен Аскольдович же почему-то хмурился.

— Ну что, капитан, — усмехнулся Лебедев, увидев Арцеулова. — Пожелайте удачи!

— Счастливо вам, господин полковник! Счастливо, Семен Аскольдович! — Арцеулов тоже попытался улыбнуться, пожимая руки в огромных тяжелых перчатках. — Значит, все-таки не зря?

— Да, — кивнул Лебедев, и лицо его стало серьезным. — Не зря, Ростислав Александрович. Жаль Георгия, он ведь должен был лететь вместе с нами. И профессора жаль. Этот полет — его заслуга...

Полковник стал прощаться с Берг, уточняя, как лучше им встретиться у ее дяди в Париже, как вдруг взгляд Арцеулова скользнул по серебряной печатке с извивающимися змеями. Перстень Ксении, приносящий удачу. Как говорил странный учитель, Охе Вагрэ, дхарский Перстень Духов. Ему, капитану Арцеулову, тоже понадобится удача, но этим двоим предстоит прорезать атмосферу, плыть по черному безмолвию эфира, а потом неведомым путем добираться до далекой Тускулы, которая, оказывается, так похожа на Землю...

«Никогда не снимай...» — вновь вспомнились слова чешского подпоручика, но рука уже потянулась к перстню.

— Возьмите, господин полковник. На счастье!

Лебедев повертел в руках тяжелую серебряную безделушку и, покачав головой, хотел отдать назад.

— Потом! — решительно заявил Ростислав. — Когда вернетесь, Николай Иванович... Я вас прошу!

Лебедев развел руками и попытался надеть перстень на перчатку. Перчатки были толще ладоней раза в два, но маленький серебряный обруч легко наделся на средний палец и застыл как влитой. Удивленный полковник попытался его снять, но так и не сумел.

— Хорошо. — Перчатка с перстнем поднялась вверх в про-

шальном приветствии. — Верну в Париже, капитан. До свидания! Счастливо, господа!

Он еще раз махнул провожающим и шагнул к лифту. Внезапно Богораз повернулся к Арцеулову:

— Берг останется одна, Ростислав Александрович. Не бросайте ее...

— Не волнуйтесь. — Капитан пожал жесткую перчатку, Богораз кивнул и тоже махнул рукой на прощание.

Руководитель старта — немолодой бородатый подполковник — приказал всем перебраться в бункер. Арцеулов оглянулся, посмотрел на «Мономах», проводил взглядом взлетевший вверх по решетчатым фермам лифт и тут же подумал о Берг. Вспомнив, что ее место — в кресле рубки управления, Ростислав подождал, пока провожающие проследовали к главному бункеру, и направился вслед за ними.

Его пропустили. В рубке былолюдно, напротив огромного пульта, посреди которого светилось толстое стекло, открывавшее вид на застывшую в ожидании ракету, в глубоких удобных креслах сидели несколько техников, лихорадочно шелкая многочисленными переключателями. Наташа устроилась посредине возле большого динамика, над которым светилась одинокая синяя лампа.

Арцеулов не стал мешать и присел в свободное кресло.

— Внимание, господа, — негромко произнесла Берг. — Начинаем...

Синяя лампочка несколько раз мигнула, Наташа щелкнула каким-то рычажком, и в динамике послышался ровный механический шум.

— «Мономах», «Мономах»... — Лицо девушки побледнело, лоб прорезала тонкая резкая морщинка. — Как слышите?

— Я «Мономах», — загредел в рубке усиленный динамиком голос Лебедева. — Мы на борту. Люк задраен. Начинаем подключать скафандры. Сколько у нас времени?

— Девятнадцать минут. — Берг мельком взглянула на какие-то табло. — Все по графику...

И почти сразу же за толстым стеклом беззвучно вспыхнул столб пламени. Земля дрогнула, послышался оглушительный грохот.

«Снаряд! — первым понял Арцеулов. — Китайцы!»

— «Мономах»! — крикнула Берг. — Вы слышите? У вас все в порядке?

— Действуем по графику, — ответил спокойный голос Лебедева. — Что происходит, Наталья Федоровна?

— Генерал Мо начал обстрел. Снаряд разорвался рядом с рубкой...

Ее голос заглушил грохот второго разрыва — на этот раз снаряд упал неподалеку от решетчатой фермы. Третий упал далеко в стороне, попав в невысокое бетонное сооружение. В то же мгновение над плоской железной крышей вспучилось кипящее желтое пламя, ввысь ударил столб черного дыма, и земля мелко задрожала.

«Топливохранилище, — вспомнил капитан, лично проверявший там взрыватели. — Ловко угадали!»

— «Мономах», что у вас? — негромко проговорила Берг. Не дождавшись ответа, девушка повторила вопрос, быстро провела рукой по лицу, а затем достала очки. Ростислав удивился: Наталья второй раз на его памяти надевала их, первый был еще в Иркутске, когда он пришел на Троицкую...

— Порядок, — слышался из динамика немного раздраженный голос Богораза. — Наталья Федоровна, не дергайте нас!..

— Извините, Семен Аскольдович. — Девушка откинулась на спинку кресла, и тут же очередной снаряд ударил совсем рядом с рубкой. На мгновение часть ламп погасла, с потолка посыпалась цементная пыль. Но через секунду свет загорелся, и люди вновь занялись делом.

— Как вы там? — слышался голос полковника. — Не задело?

— Немного. — Берг улыбнулась, стряхивая с волос мелкие кусочки штукатурки. — Десять минут...

— Понял, подключение заканчиваем. Проверьте...

Берг взглянула на какие-то непонятные Арцеулову верньеры, щелкнула переключателем, а затем повернулась к одному из техников. Тот, взглянув на горевшее перед ним табло, кивнул.

— Все в порядке, — сообщила Берг. — Системы работают... Восемь минут...

Следующие два снаряда взорвались почти одновременно — первый угодил в казарму, второй упал возле самой ракеты. Берг вздрогнула, быстро сняла очки и принялась яростно их протирать, продолжая следить за пультом.

— У нас не включается подача кислорода, — слышался голос полковника. — Проверьте, Наталья Федоровна...

— Сейчас... — Девушка быстро переключила какой-то тумблер, взглянула на вспыхнувшую лампочку. — Должно включиться. Попробуйте еще раз, Николай Иванович...

Еще один снаряд упал где-то далеко, и на отдаленный разрыв никто даже не среагировал. К обстрелу начинали привыкать.

— Все в порядке, «Мономах». Пять минут...

Теперь снаряды падали совсем близко. Один разнес небольшое строение метрах в трехстах от ракеты, второй взорвался за рубкой. Свет на мгновение погас, затем снова загорелся. Кто-то не выдержал и закурил. Арцеулов достал кисет, но сдержался — времени оставалось совсем немного, можно потерпеть...

— Три минуты, — сообщила Берг. — «Мономах», готовы? Начинаю отсчет...

— У нас все готово, — подтвердил Лебедев. — С Богом!

Берг включила очередной тумблер. На панели управления загорелась лампа, на этот раз зеленая. На небольшом табло начали выскакивать цифры в убывающей последовательности: 175... 174... 173...

Обстрел на какое-то время прекратился. Арцеулов облегченно вздохнул и достал часы. На циферблате серебряного «Буре» был без двух минут полдень.

— Включая системы зажигания, — негромко проговорила девушка. Через мгновение в нижней части ракеты из огромных сопел ударили фонтанчики огня. Послышался низкий мощный гул. На табло по-прежнему выскакивали цифры: 63... 62... 61...

— Минута! — почти крикнула девушка. — Система зажигания работает! «Мономах», как у вас?

— Полный порядок, — на этот раз ответил Семен Аскольдович. — Наталья Федоровна, вы кнопки не перепутаете?

Трудно было понять, шутит ли Богораз или говорит всерьез. Впрочем, Берг, лучше других знавшая странного студента, усмехнулась и стала быстро переключать какие-то тумблеры, отчего зеленая лампа погасла, а на смену ей зажглась красная. Гул двигателей усилился, языки пламени теперь достигали земли. Бетон стартовой площадки почернел и начал дымиться. 20... 19... 18... — отсчитывало табло.

И тут вновь ударили невидимые пушки. На этот раз они били часто, словно боясь не успеть. Цепь разрывов прошла по полигону, один задел решетчатую ферму, и Арцеулову показалось, что громада «Мономаха» еле заметно качнулась.

10... 9... 8... Ростислав ждал, что девушка и в самом деле будет нажимать на кнопку, но она достала из маленького шкафчика длинный плоский ключ и осторожно вставила в гнездо, скрытое между двумя тускло мигающими лампами.

— Зажигание!

В уши ударил грохот. Из сопел ракеты хлынуло темное густое пламя, нижняя часть «Мономаха» начала окутываться белым паром. Огромный корпус ракеты дрогнул.

— Есть! — послышался еле различимый сквозь шум голос Лебедева. — Движемся!

«Мономах» вновь содрогнулся, медленно, как бы нехотя, приподнялся и повис, словно не решаясь расстаться с землей.

Но струи огня ударили гуще, и ракета, окутанная облаком пара, стала неторопливо подниматься ввысь. Казалось, она росла — гигантский дымящийся столб пламени делал ее еще выше. Земля гудела, стены рубки мелко подрагивали, лампы на пульте мигали, словно передавая какой-то неведомый сигнал.

— Старт прошел нормально! — прокричала Берг в микрофон. — Счастливо, «Мономах»!

— Счастливо, Земля! — послышался слабый, еле различимый голос Лебедева. — До встречи!

— Счастливо! — донесся голос Богораза. — Мы обязательно вернемся! Мы...

Грохот заглушил его слова. Ракета уже была высоко. Сквозь толстое стекло можно было видеть лишь объятую огнем и дымом стартовую площадку. Берг, придвинув окуляр перископа, продолжала наблюдать, что-то быстро записывая на клочке бумаги. Арцеулову перископа, естественно, не досталось. Он хотел высочить наружу, но сдержался.

— Поздравляю, господа! — Наташа улыбнулась, пряча ненужные очки. — Кажется, удалось...

Все зашумели, бородатый подполковник — руководитель старта — поцеловал девушке руку, остальные окружили Берг, что-то возбужденно говоря. Арцеулову и самому хотелось подойти поближе, поздравить Наташу и всех остальных, но разрыв очередного снаряда вернул его к реальности.

— Господа! — крикнул он. — Полигон под обстрелом. Предлагаю немедленно начать эвакуацию!

— Да-да, — закивал подполковник, быстро взглянув на Берг. — Надо собираться, господа! Нас ждет грузовое авто...

— Уходите, — продолжал капитан. — Через несколько минут я взрываю объект...

— Меня не надо. — Берг улыбнулась, но улыбка вышла невеселой.

— Наталья Федоровна, — удивился капитан, — надо уходить! Нас ждут. Все в порядке, «Мономах» взлетел...

— Я останусь... — Наташа покачала головой и перевела взгляд на мигающие огоньки пульта. — Нужно убедиться, что «Мономах» вышел на орбиту. Если что, я смогу им помочь...

— Сколько понадобится времени?

— Минут двадцать, может, больше... Уходите, Ростислав Александрович, я все равно остаюсь.

— Ладно. — Арцеулов повернулся к остальным. — Уходите, господа. У вас еще остался какой-нибудь транспорт?

— Мотоциклет, — сообщил кто-то из техников. — Я могу подогнать его к выходу.

— Хорошо. Уходите...

Подполковник подумал, кивнул и приказал всем уходить. Через минуту в рубке остались только Ростислав и Наташа.

— Вы что, вообразили себя Ланцелотом? — поинтересовалась девушка, не поворачивая головы.

— Представьте себе. — Капитан принялся не спеша сворачивать самокрутку. — А вы принимали меня за кого-то другого?

— Не задавайтесь. — Берг на мгновение обернулась, и Ростислав заметил, что от прежнего волнения на ее лице не осталось и следа. — Вы даже на Дон Кихота не похожи, Ростислав Александрович, — слишком мрачны...

— Зато ваш Косухин — весельчак! — ляпнул капитан.

— Мой Косухин... — мечтательно повторила девушка и рассмеялась.

Арцеулов, невнятно пробормотав о желании покурить на свежем воздухе, поспешил подняться наверх.

У рубки было пусто и тихо. Обстрел прекратился, над полигоном повисла звенящая, почти невероятная тишина. Внезапно где-то совсем рядом послышался стук металла. Капитан резко оглянулся: бородатый подполковник сидел на корточках возле пулемета, без особого успеха пытаясь вставить ленту.

— Я отправил всех на авто, — сообщил он. — Господин капитан, вы не поможете? Честно говоря, я не занимался этим делом еще с училища...

Арцеулов вздохнул и пошел к пулемету, прикидывая, где лучше будет его установить.

Косухин не терял времени, приказав установить под покровом ночи несколько рядов мин, оставив лишь неширокий проход, обозначенный ветками. Именно по этому проходу прошли парламентареры — двое солдат в серых шинелях с меховыми воротниками и офицер в такой же шинели, но с большими красными петлицами и в меховом кепи. Разговаривали долго, но с прежним результатом: сдавать полигон китайским милитаристам Степа не собирался. Время шло, китайцы молчали, но Косухин, не веря этой тишине, приказал всем укрыться в окопах — и вовремя. Что-то грохнуло, затем еще, и на позиции обрушились первые снаряды.

Кое-кто сплоховал — выскочил наружу и тут же был скошен осколками. Вокруг завопили, и над окопами пронеслась хорошо знакомая Косухину бессмысленная и страшная фраза: «Братва, окружают!» Тем временем китайцы быстро и деловито занимали позиции прямо по гребню холмов. Теперь окопы были под прицелом вражеских пулеметов.

Степа, устав ругаться и агитировать, присел в траншее и задымил «козьей ногой». Здесь его и нашел фельдфебель Гаври-

лов, поспешивший сообщить, что уже без пяти минут двенадцать, а значит, пора начинать эвакуацию. Слово «эвакуация» было произнесено особо выразительно.

Косухин взглянул на вождя здешних революционеров так, что тот мгновенно прикусил язык, после чего заметил, что все паникеры будут, как и положено в подобных случаях, отправлены прямиком «в штаб Духонина». Гаврилов не понял. Степа решил уделить минуту-другую истории славных событий 17-го года, но не успел. Очередной разрыв снаряда обильно посыпал их сухим красноватым песком, и читать политграмоту расхотелось. Косухин решил пройтись по окопам, дабы лично подбодрить народ и укоротить паникеров, как вдруг сообразил, что уже наверняка полдень. Часов у Степы не было, он хотел уточнить время у одного из офицеров, возившегося поблизости с непослушной пулеметной лентой, как вдруг почувствовал, что земля начала мелко дрожать. В первую секунду подумалось об очередном обстреле, но затем откуда-то сзади донесся низкий протяжный гул.

«Мономах»!

Забыв об опасности, Степа высунулся из окопа и обомлел. Стройный силуэт ракеты был окутан паром, воздух дрожал, и ракета словно расплывалась в неярком зимнем небе. Сверкнуло пламя, и Косухин вдруг понял, что именно там сейчас находится его брат. Испугаться Степа не успел — «Мономах» дрогнул и медленно начал подниматься над окружавшими его стальными фермами.

Стрельба стихла. Теперь уже весь отряд смотрел на величественно поднимавшегося ввысь серебристого гиганта. Степа оглянулся: китайцы, выйдя из окопов, тоже глядели на полигон.

«Мономах» уже не стоял — поднимался над землей. Из сопел било невыносимо яркое пламя. Ракета уносилась ввысь. Кто-то крикнул «ура!», крик подхватили, солдаты, забыв обо всем, размахивали винтовками, беспорядочно стреляя в воздух. Сзади послышался ответный крик — китайцы махали руками, кто-то даже подкидывал вверх шапку с меховой опушкой.

Там, где только что была ракета, теперь клубился дым, а в небе расплывался неровный белый след, ведущий прямо в зенит. То, что было минуту назад стройной серебристой громадиной, превратилось в еле заметную искру, тающую в белесом пространстве...

«Счастливо, братан!..» — подумал Степа и оглянулся. Солдаты спрыгивали обратно в окопы, возбужденно переговариваясь, кое-кто уже надевал вещевые мешки и закидывал за плечо винтовки. Косухин поглядел на китайцев, деловито занимавших позицию, и понял, что самое трудное только начинается.

— Комиссар! Надо уходить! Пора!

На этот раз кричали все вместе, слитно. Косухин покачал головой и достал «наган». Крики немедленно стихли.

— Значит, так, чердынъ-калуга! На полигоне еще остались люди. Будем держаться, пока сможем. Вопросы?

Вопросов не было, но многие смотрели так, что Степа не пожалел о заранее приготовленном оружии.

— Все по местам! Кто побежит — пристрелю! Ясно?

Теперь уже действительно все стало ясно. Ворчащие солдаты разошлись по позициям. Медленно ползли минуты — одна, другая... пятая...

— Господин комиссар, разрешите?

К Косухину подошел один из офицеров — худой как щепка штабс-капитан с солдатским Георгием на шинели. Степа мысленно отметил всю нелепость подобного обращения, но протестовать не стал.

— Прошу не считать меня паникером, но, по-моему, нас обходят. С севера, там, где озеро, — минные поля. Уже минут пятнадцать там что-то взрывается. Вначале я думал — снаряды, но потом понял: мины. Они расчищают проход.

— Ясно...

О подобной возможности Косухин подумал сразу, но очень надеялся, что неведомый ему генерал Мо по своей ограниченной классовой сущности не окажется столь сообразительным.

— Сейчас разрывы стихли, — закончил офицер. — Вы, как я понял, воевали, господин комиссар, так что оценивайте сами...

Степа кивнул, думая уже о другом. Через несколько минут отряд будет отрезан со всех сторон. Тем, кто на полигоне, помочь уже нечем. Косухин вспомнил о Наташе, но понадеялся, что у тех, кто остался в рубке, будет какой-нибудь транспорт, дабы вовремя уехать.

«А если нет? — вдруг подумал Косухин. — Если Наташе нельзя уходить?»

— Подготовиться к отходу! — крикнул Степа, хлопая себя по карманам в поисках патронов. У него был карабин, две обоймы и револьвер. На короткий бой хватит, а большего и не требовалось.

Приказа ждали. Вещевые мешки были уже за плечами, солдаты привычно разбивались по взводам, откуда-то вынырнул Гаврилов, но, увидев Степу, поспешил убраться подальше. Косухин отправил прапорщика Остроумова к грузовику, приказав немедленно выезжать на условленное место встречи, напомнил офицерам и членам «штаба» маршрут — и вдруг понял, что сам уходить не должен. Там, где еще недавно стоял «Мономах», оставались люди. Там была Наташа. Степа медлил, солдаты нетерпеливо переглядывались, и вдруг по траншее прошелестело:

«Обошли!» Косухин выглянул из окопа и увидел, как с севера, отрезая путь на полигон, быстро движется ровная густая цепь.

Времени не оставалось.

— Уходите! Все! Все!

Убедившись, что его поняли правильно, Косухин отступил в боковой ход сообщения, пропуская пробежавших мимо него солдат. О нем не забыли — то и дело окликали, советуя поторопиться, но Косухин лишь качал головой. Наконец по окопу проскочил последний — арьергардный — взвод. Мелькнула перепуганная физиономия Гаврилова.

— Товарищ комиссар! Скорее-е-е!

— Уходите, товарищ Гаврилов, — отвернулся Степа. — Мне на полигон надо...

— А-а!... — изумленно протянул фельдфебель, но вступать в разговор не стал, решив, что комиссарам по должности положено совершать нелепые, но героические поступки.

«Все, — понял Степа. — Пора!..»

Он выглянул из траншеи. Китайцы на холмах по-прежнему не двигались, еще не зная, что отряд покинул позицию. Но те, что шли от озера, уже разворачивались, окружая полигон.

— Айда!

Косухин скинул шинель, схватил карабин за цевье и выскочил из окопа. Он ожидал выстрелов в спину, но китайцы молчали, не принимая одинокого русского за достойную цель. Степа мельком пожалел, что на нем тяжелые унты, и рванул туда, где дымилась стартовая площадка.

ГЛАВА 12

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

Пулемет поставили прямо перед входом в рубку. Место было удобное — простреливалось не только пространство перед бункером, но и подходы к домику, где находился главный взрыватель. Правда, напарник Арцеулова — пожилой подполковник, которого, как выяснилось, звали Сергеем Георгиевичем, — имел о пулемете чисто теоретическое представление, будучи специалистом по радиосвязи. С тринадцатого года Сергей Георгиевич находился на Челкеле, руководя сооружением сердца полигона — рубки управления. О фронтовой прозе, включая зарядку лент в «максим», ему узнать не довелось. Пришлось капитану проводить занятие, посвященное обязанностям второго номера пулеметного расчета. Лишь на минуту Арцеулов отлучился, спустившись в рубку. Берг сидела у светящегося огоньками пульты и, не отрывая глаз, следила за табло, на котором высвечи-

валась странная неровная линия. На вопрос Ростислава она коротко бросила: «Еще нет».

Итак, приходилось ждать. Более того, Ростислав помнил, что на мотоцикле подполковника смогут уехать лишь двое. Так что в любом случае спешить было некуда...

Закончив разъяснения и проведя короткую проверку усвоенных знаний, капитан, удовлетворенно вздохнув, посадил Сергея Георгиевича за пулемет, а сам решил совершить небольшую рекогносцировку. Он прошел полсотни метров в сторону почерневшей от огня стартовой площадки и огляделся.

Полигон был пуст и тих. Арцеулов настроил взятый у подполковника бинокль, поглядел на север, где проход со стороны озера оставался незащищенным, и тут же опустил тяжелый «цейс». Он не понадобился — даже невооруженным глазом можно было разглядеть наступающие цепи. Оставалось минут десять, столько же можно будет продержаться за пулеметом, а дальше — как выйдет...

Капитан поглядел на восток, но там было тихо. Похоже, краснопузый Косухин все-таки задержал генерала Мо. Арцеулов повернулся, чтобы идти к пулемету, как вдруг заметил бегущего прямо к нему человека — без шинели, зато с карабином, который он то держал в руке, то, на мгновение остановившись, закидывал за плечи.

«Наш, с позиций, — понял Ростислав. — Но почему? Ведь они должны отступать на юг!»

Человек одолел еще полсотни метров, остановился, глотнул воздуха и вновь упрямо, чуть пошатываясь на ходу, побегал дальше. Капитан отметил, что карабина незнакомец не бросает, одобрительно кивнул и вдруг понял, что узнает гостя.

...Косухин бежал легко. Ему ничего не стоило пробежать версту-другую, а затем прыгнуть в окоп и лупить по врагу из винтаря. Правда, теперь на нем были непривычные, не по размеру унты, а за плечами — бессонная ночь, но Степа старался не обращать на это внимания — на счету была каждая секунда. Если он опоздает, этот безрассудный поступок вообще не будет иметь смысла. Сердце билось часто, но ровно, перед глазами мелькали желтые проплешины, поросшие тонкой высохшей травой, но Косухин думал совсем о другом, еще раз прикидывая свой нехитрый план — забрать Наташу и всех остальных и немедленно уходить на юг, на условленное место встречи. А если враги появятся раньше, то он сам будет в заслоне и покажет китайским белогвардейцам кое-что из опыта российской революции.

Затем Степа подумал о брате. Адрес в Париже он запомнил с

ходу, но как добраться туда без помощи Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Косухин представлял слабо. Вдобавок оставалось непонятным, почему сведения о «Мономахе» должен первым получить Карл Берг, когда, если верить рассказам его племянницы, эфирные ракеты садятся где-нибудь в степи, а отнюдь не в столице буржуазной Франции.

Арцеулова Степа узнал сразу и в первую секунду здорово перепугался, представив, как белый гад лихо, навскидку срезает его выстрелом из «бульдога». Ни поворачивать, ни замедлять ход Косухин не собирался — гордость не позволяла, да и укрыться в степи негде.

Арцеулов с бесстрастным лицом наблюдал за приближавшимся Степой, прикидывая, какого черта надо здесь краснопузому. Мелькнула мысль, что комиссар Челкеля решил поквитаться напоследок, для чего и тащит с собой карабин. Мысль была нелепой, но придумать что-либо более подходящее Ростислав не мог.

Шагах в пяти от капитана Степа сбавил ход, скинул с плеч оружие и едва устоял на ногах — длинная дистанция давала о себе знать.

— Сразу не останавливайтесь, — посоветовал Арцеулов, мгновенно входя в роль ротного командира. — Несколькими шагами вперед... Медленно... Не дышите ртом... Вот так...

Косухин отчаянно махнул свободной рукой — говорить он еще не мог — и ткнул стволом карабина в сторону приближавшихся солдат в синих шинелях.

— Вижу, — не особенно дружелюбно откликнулся Ростислав. — Кой черт вас принес, господин комиссар?

— Наташа... — наконец смог выговорить Косухин. — Она... здесь?

«Пристрелить его, что ли? — подумал Арцеулов. — Но ведь прибежал, краснопузый, не побоялся...»

— Наталья Федоровна, — имя-отчество капитан выделил особо, — сейчас в рубке управления и просит не беспокоить... Мотайте отсюда, Косухин! Бегайте вы хорошо — успеете.

— А пошел ты, беляк! — беззлобно ответил Степа и, вскинув карабин на плечо, зашагал прямо к рубке. Арцеулов хотел крикнуть «стой», но сдержался и двинулся следом. Впрочем, они дошли только до пулемета, возле которого сидел в полной боевой готовности Сергей Георгиевич. Послышались легкие шаги, и на пороге бункера появилась улыбающаяся Берг.

— «Мономах» на орбите, господа! — крикнула она и тут только заметила Степу. — Косухин!.. Вы-то откуда?

— Наталья Федоровна, можно уходить? — перебил Арцеулов, бросив быстрый взгляд на приближавшихся китайцев.

— Да... Я вообще-то закончила. Николай Иванович передает всем привет и... Но мне надо выключить аппаратуру...

— Выключу сам, — усмехнулся Арцеулов. — Все туда, быстро!

Он ткнул стволом револьвера в направлении домика, где был установлен взрыватель.

— Но... — начала была девушка.

— Да бегите же!

Берг схватила Степу за руку, и они помчались к зловещей будке. Подполковник нерешительно оглянулся.

— Мотоциклет...

— Заводите его — и туда! — распорядился Арцеулов. — Догоняйте!

Он еще раз измерил расстояние до приближающихся китайцев и быстро, по-спринтерски бросился вслед за убежавшими. И почти сразу ударили сухие хлопки выстрелов...

Бежать под пулями было неприятно, но привычно. Ростислав сделал несколько зигзагов, не давая врагу прицелиться, и с удовлетворением отметил, что краснопузый, продолжая держать девушку за руку, последовал его примеру. Пара пуль просвистела мимо ушей, еще одна чуть не сбила шапку с бегущего впереди Степы, но домик был уже рядом. Косухин и Наташа влетели внутрь, а через пару секунд к ним присоединился Ростислав.

— Дверь! — крикнул он. — Где этот подполковник, черт его...

Он выглянул в маленькое зарешеченное окошко и увидел, что Сергей Георгиевич возится с мотоциклетом. Наконец мотор заработал, подполковник неловко взобрался на сиденье и тронулся с места.

— Скорее, Сергей Георгиевич!

Тот услышал и дал газу. Оставалось метров двадцать, но тут вновь ударил залп. Мотоциклет, резко дернувшись, завалился набок.

Берг вскрикнула. Машина перевернулась и замерла, лишь переднее колесо продолжало бессмысленно вращаться. Подполковник лежал неподвижно, и его поза не оставляла ни малейших сомнений в том, что произошло. Еще несколько пуль ударились в стену. Арцеулов захопнул обитую железом дверь.

— Все! — произнес он как можно спокойнее. — Теперь — прощальный салют...

Он подошел к взрывателю и положил пальцы на черную ручку.

— Не надо! — крикнул Косухин. — Зачем, чердынь-калуга?

— Смена караула, — мрачно усмехнулся капитан. — Шиш

получат китаезы вместо русского полигона! Не хнычьте, красный командир!

Рукою повернулась легко. Маленький домик дрогнул...

— Прощай, Челкель, — тихо проговорила Берг. — Господи, как жалко!..

Степе тоже было жалко Челкеля. Он так и не понял, что нужнее для Мировой Революции: сохранить полигон, даже отдав его китайским белогвардейцам, или пустить все в небо, превратив пусковую площадку, рубку, склады и лаборатории в клубы черного дыма. Арцеулов же глядел на дело рук своих не без удовольствия, но в глубине души и ему было жаль Челкеля. Может, следовало поступить иначе, но думать об этом было уже поздно.

Китайцы, пораженные и оглушенные рвущимися со всех сторон зарядами, залегли, время от времени беспорядочно стреляя. Капитан уже подумывал добраться до мотоциклета, но издалека донеслась резкая короткая команда. Солдаты вскочили и побежали вперед.

— Дайте карабин, Косухин! — крикнул Ростислав, прикидывая, как бы срезать для начала кого-нибудь из офицеров.

Он протянул руку, но Степа отодвинулся подальше.

— Карабин! Черт вас подери, Косухин!

— Остынь, беляк, — буркнул Степа. — А Наташу куда? Попрешат ведь!

Арцеулов скрипнул зубами. На себя и краснопузого ему было наплевать, но с ними Берг...

— Ладно, — нехотя проговорил он, — подождем...

Китайцы окружили домик. Стрельба прекратилась, несколько прикладов ударили в дверь, а затем послышался резкий высокий голос, произнесший какую-то длинную фразу. Сразу же другой голос, такой же непривычный, начал выкрикивать узнаваемые, но искаженные чужим выговором слова:

— Офицер армия Чжунго... приказывать скласть оружие... гарантировать жизнь... хорошее обращение... Повторять...

— У вас есть белый флаг, комиссар? — зло проговорил Арцеулов, вертя в руках бесполезный револьвер. Мелькнула и пропала мысль о самоубийстве — если Наташа попадет в плен одна, ей будет хуже. Между тем Степа беззвучно выругался и подошел к двери.

— Эй, вы! — гаркнул он, прерывая переводчика. — Я комиссар Челкеля Косухин! Слышите меня?

Воцарилась тишина. Степа отбросил засов и резко открыл дверь.

— Кто тут у вас старшой? А ну выходь!

Тон был достаточно внушительный. Солдаты попятились,

переводчик что-то залопотал. Вперед вышел невысокий китаец в такой же форме, как и остальные, но с широкими красными нашивками, и что-то быстро проговорил.

— Генерал Мо... приказывать брать всех живыми... Сдавайте оружие, господин комиссар... — вновь начал стараться переводчик.

— Еще чего! — возмутился Косухин, входя в кураж. — Это российский военный объект, а значит, собственность Республики Советов! По какому, чердын-калуга, праву?

Офицер бесстрастно поглядел на Степу и вновь заговорил. Переводчик поспешил растолковать:

— Приказ генерала Мо... Гарантировать жизнь и возвращения в Россия... Иначе — стрелять на месте.

— У, бестии!..

Выхода не было. Степа сплюнул и бросил карабин под ноги солдат. Туда же полетел револьвер и обе обоймы. Двое китайцев тут же схватили его за руки, третий быстро, но решительно обыскал его, после чего Косухина отпустили.

— Хорошо, комиссар! — сообщил переводчик. — Теперь остальные...

Берг нерешительно шагнула за порог. Двое солдат направились к ней, но Степа рявкнул: «А ну назад!», и те нерешительно остановились. Офицер усмехнулся и что-то сказал переводчику.

— Русская девушка давать слово... нет оружия... — пояснил тот.

— Нет у меня оружия, — вздохнула Берг. — Безоговорочная капитуляция...

Офицер, услышав перевод, поднес руку к козырьку шапки. Берг оставили в покое, она тут же подошла к Степе и прислонилась к его плечу. Между тем Арцеулов медлил.

— Вылазь, беляк! — крикнул Степа, но капитан не отвечал. Китайцы переглянулись и подняли винтовки.

Арцеулов стоял, прижавшись к стене. Чуть ли не впервые за всю свою жизнь он был в растерянности. Будь здесь красные, капитан не сомневался бы ни секунды, но с китайцами он не воевал, кроме того, одна из шальных пуль могла попасть в стоявшую поблизости Наташу. Ростислав без всякой симпатии подумал о Степе, поспешившем капитулировать, но рассудил, что иного выхода нет. В конце концов он, капитан Арцеулов, выполнил свой долг, а если китайцы не сдержат слова, то на душе его по крайней мере не будет лишнего греха. К тому же, если говорить честно, Ростиславу очень не хотелось умирать.

Он бросил на пол оба револьвера и, набрав побольше воздуха, шагнул за порог. Ничего страшного не случилось. Его обыскали, забрали офицерскую книжку и оставили в покое.

Солдаты осмотрели домик, после чего офицер вежливо приложил руку к козырьку.

— Вы есть временно интернированные... Какие имеются просьбы?..

— Курева дайте! — потребовал Косухин, даже не дослушав переводчика. — А там поглядим, кто кого, чердынь-калуга, интернирует!

Их поместили в одной из уцелевших комнат полустогоревшей казармы, но втроем пришлось пробыть всего несколько минут. Все тот же офицер вежливо пригласил Берг пройти с ним, после чего дверь заперли, и Степа с Арцеуловым остались одни. Вначале они не особо волновались, решив, что девушку вызвали на допрос, но ни через час, ни к вечеру Наташа не вернулась. Степа пытался протестовать, но караульные были немы и лишь один раз отворили дверь, вручив арестованным по миске несъедобной каши и по кружке желтого ароматного чая.

Разговаривать было не о чем. Степа мысленно сочинял длинную речь, которую он собирался произнести на допросе, а заодно прикидывал, как лучше вести революционную агитацию при полном незнании китайского языка. Ростислава эти проблемы не мучили. Он почему-то успокоился, решив, что сделал уже все возможное. Бороться больше было не с кем, да и незачем.

На допрос их вызвали поздно вечером. В небольшой комнате первого этажа Степу и Арцеулова ждали уже знакомый им переводчик и какой-то офицер, принявшийся задавать обычные в таких случаях вопросы. Единственным отличием в этой стандартной процедуре было то, что заполняемый протокол выглядел непривычно — это был длинный лист бумаги, на котором выстраивались сверху вниз цепочки затейливых иероглифов.

Узнав фамилии, звания и должности арестованных, китаец долго писал, время от времени переспрашивая переводчика. Косухин уже собрался произнести заготовленную речь, как вдруг дверь отворилась и в комнату вошел высокий китаец в такой же форме, как и у остальных, но с маленькой серебряной медалью на груди. При виде него все вскочили. Арцеулов и Степа переглянулись и тоже встали. Высокий движением головы выслав обоих китайцев из комнаты и неторопливо сел за стол.

— Присаживайтесь, господа, — произнес он почти без акцента. — Разрешите представиться — генерал Мо, командующий Синьцзянским военным округом. Ваши фамилии мне известны, так что обойдемся без лишних формальностей. У вас есть жалобы на обращение?

— А то! — пришел в себя Степа. — А по какому, собственно,

праву нас заарестовали? Здесь советский объект, чердын-калу-га. Я протестую!

— Ваш протест отклонен, господин комиссар. Это территория суверенного Китая, к тому же мы не признаем большевистской власти...

— А договор? — взъерился Косухин. — Ваш же этот... принц его подписал! Это российская территория, а значит, советская! И насчет большевиков поостереглись бы...

— Вы хорошо информированы, Степан Иванович, — кивнул генерал. — Согласно договору, подписанному покойным господином Ли Хунчжаном в 1896 году, территория возле озера Челкель передана в аренду России на пятьдесят лет. Все эти годы мы честно придерживались договоренности, несмотря на то, что правительство в Бейпине не признает ни белых, ни большевиков...

— Ах, не признает?!

Степа наконец-то получил возможность высказаться. Сначала он проинформировал генерала о сущности китайского милитаризма и белогвардейщины, представителем коих генерал Мо непосредственно являлся. Вслед за этим Косухин поделился своими соображениями по поводу мощи победоносной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, руководимой Львом Революции товарищем Троцким. И наконец последовала короткая, но яркая картина неизбежного будущего, когда беднейшее крестьянство Китая в союзе с пролетариатом и при помощи вышеупомянутой непобедимой Рабоче-Крестьянской окончательно разберется с местными буржуями и помещиками, а уж заодно и с их наймитами, включая, естественно, и командующих военными округами.

Арцеулову эта речь, несмотря на чуждую классовую направленность, неожиданно понравилась. Он даже слегка испугался за краснопузого. Впрочем, генерал слушал совершенно спокойно и даже время от времени кивал.

— Благодарю вас, господин Косухин, — заявил он, когда раскрасневшийся Степа наконец умолк. — Вы были весьма откровенны. Что ж, откровенность за откровенность. Мы не трогали Челкель. Более того, проводимые там научные эксперименты приводили нас в восхищение. Поэтому мы вполне благоприятно реагировали на все просьбы правительства Колчака и даже обеспечивали внешнее кольцо охраны. Но Колчак отрекся. Единственной реальной властью в России осталась власть Советов Народных Комиссаров, как вы только что верно отметили, господин Косухин...

Он иронично поглядел на Степу. Тот нахмурился и отвернулся.

— ...Итак, мы ждали распоряжений вашего руководства по

поводу Челкеля. Они последовали быстро и были достаточно неожиданны. Их суть вам уже ясна...

— Большевики приказали уничтожить Челкель? — понял Арцеулов.

— Совершенно верно. Честно говоря, я не хотел заниматься подобным делом и даже несколько затянул исполнение приказа. Но вчера вечером он был продублирован, причем самым решительным образом. Не знаю уж, как господа большевики сумели надавить на наше правительство...

«Венцлав! — вспомнил Степа. — Но ведь переговоры с китайцами вел не Венцлав, а наверняка кто-то повыше!»

— Теперь — второе... — Мо несколько секунд помолчал. — Мои подчиненные обещали вам отправку домой...

Он вновь умолк, словно не решаясь продолжать. Впрочем, Степа и Арцеулов уже начинали понимать.

— Они пошутили? — поинтересовался капитан. — Или это вы шутки шутите?

— Я не шучу. Я не мог предвидеть, что все трое, попавшие в плен, точнее сказать, интернированные, оказались в списке, который я получил сегодня утром. Вы были крайне неосторожны, господа...

— Что будет с госпожой Берг? — перебил Арцеулов.

— Ничего страшного. Завтра утром за ней прибудет аэроплан, а о дальнейшем меня не информировали. Речь не о ней, речь о вас...

— Интересно получается, — вновь прервал его Ростислав. — Я — офицер русской армии, господин Косухин — красный командир, а этот ваш приказ — один на всех?

— Да, — кивнул Мо. — Разве что лично у вас мне приказано изъять какой-то серебряный перстень. Но я не мародер...

Тут уж Косухин не выдержал и недоуменно покрутил головой. Арцеулов лишь усмехнулся — выходит, он распорядился перстнем более чем разумно.

— Сожалею, господа. — Генерал встал и отвернулся. — Вам виднее, господин Косухин, отчего большевики так, а не иначе распорядились вашей судьбой... У вас есть еще время — до рассвета. Прощайте.

Он встал, резко кивнул и вышел из комнаты.

— Забавно, — пробормотал Ростислав, хотя ничего забавного в происходящем, пожалуй, и не было.

Их заперли в той же комнатухе на первом этаже. Из разбитого окна тянуло холодом, и Степа, оставшийся без полушубка, начал изрядно мерзнуть. Он присел на разбитый табурет, сунул руки в карманы и застыл, о чем-то напряженно размышляя.

Арцеулову табурета не досталось, и он медленно ходил из угла в угол, чтобы не замерзнуть.

«Забавно, — вновь повторил капитан столь неподходящее слово, правда, на этот раз не вслух, а про себя. — Похоже, придется помирать вместе с краснопузым. Что ж, приказ Верховного я выполнил, а вот со всем остальным вышла неувязка...»

До дня рождения оставалась пара недель, но теперь этот срок воспринимался уже чисто теоретически. С красными капитан тоже не успел расквитаться полной мерой, вдобавок оставалась фляжка с шустовским коньяком, которую он так и не вернет хозяйину...

Ростислав хлопнул себя по поясу — фляга была на месте.

— Их обманули! — вдруг громко произнес Степа. — Обманули! Товарищей Ленина и Троцкого! Семен прав — банда там, вроде этого Венцлава...

Арцеулов не стал спорить, хотя в его глазах все большевики были одной большой бандой.

— Бежать надо, чердынь-калуга! — продолжал Косухин, вынимая замерзшие руки из карманов и ожесточенно массируя покрасневшие пальцы. — До Столицы добраться и все как есть обсказать!

Он взглянул на зарешеченное оконце, потом на дверь и вздохнул.

— Про что рассказать? — без особого интереса поинтересовался капитан. — Про Венцлава и про собачек?

— И про это!

Косухин вскочил, подышал в холодные ладони и вновь сунул руки в карманы. Он не боялся рассвета и того, что должно случиться. Степу душила злость. Он должен сообщить в ЦК — и о Венцлаве, и о 305-м полке, и о том, кто был так похож на Федю Княжко. Он должен рассказать и о Челкеле, и об эфирных полетах — ведь это важнейшее научное открытие, такое нужное для диктатуры пролетариата! И он должен помочь Наташе Берг...

— Ее... куда-то отправляют, значит...

Арцеулов понял:

— Да... Надеюсь, ничего плохого Наталье Федоровне не сделают...

— Нужно ее освободить! Ах ты, чердынь!..

Степа вновь плюхнулся на табуретку и замер. Арцеулов невесело усмехнулся, выдохнул воздух — перед лицом тут же за клубилась струйка пара — и решительно достал флягу.

— Косухин, выпить хотите?

— Не-а, — помотал головой занятый своими мыслями Степа. — Для храбрости пушай гимназисты пьют! Обойдемся...

Капитан открутил металлическую пробку, взвесил в руке тяжелую флягу и пожал плечами.

— Как хотите. Только вы, Косухин, уже синий. Еще подумают, что вы и вправду трусили...

— А! — Степа, взяв флягу, плеснул коньяк в кружку из-под чая. — Это чего? Не водка?

— Это шустовский коньяк, господин комиссар! — Капитан даже несколько обиделся. — Если вы, конечно, знаете, что такое коньяк...

— Чего уж... пивали!.. — буркнул Степа и, проглотив содержимое кружки залпом, вернул флягу.

Коньяк действительно пришелся к месту. Арцеулов с удовольствием выпил, но не залпом, как неотесанный краснопузый, а маленькими глоточками, после чего вновь протянул флягу Косухину.

— Удобная! И холод держит, и тепло, — одобрил Степа, порозовевший и даже слегка воспрянувший духом. — Вроде моей. Была у меня такая, посеял где-то... Точно! В начале мая, на реке Белой, когда мы Каппеля-гада лупили...

— Это еще кто кого лупил! — начал было Арцеулов, но тут же осекся. — На Белой? Вы... там воевали?

— А как же! — приосанился Степа. — За Белую мне сам товарищ Троцкий орден вручал! А фляжку жаль... Я ведь даже ее пометил, чтоб не сперли...

— Буквы «С. К.»? — Ростислав почувствовал, как холодеют руки. — Там, у горлышка...

— Точно! «С.К.» — Степан Косухин.

Степа растянул чехол, последовал удивленный свист:

— Вот это да! Во, чердынь-калуга, никак она? Где ж ты ее нашел, гражданин Арцеулов?

— Я ее не находил, — сдерживаясь из последних сил, ответил капитан. — Я ее не находил, а вы ее не теряли...

Хотелось закричать, схватить краснопузого за горло...

— Вы отдали ее раненому... умирающему офицеру. Он хотел пить... Помните?

Степа задумался.

— Не-а, — заявил он. — Не помню.

— Это было на самом берегу Белой. С ним была женщина в форме прапорщика, вы сорвали с нее погоны и Георгиевский крест. Вы хотели застрелить раненого, но она упростила вас...

— Какая еще женщина? — махнул рукой Косухин — и осекся. ...Сверкающий снег, умирающие угли костра, призрак в офицерском полушубке. «Когда-то вы уже спасли его...»

Ксения! Ксения Арцеулова!

Он принялся торопливо припоминать — не смог. Тогда, на Белой, они не выходили из боев две недели, и все смешалось в какой-то страшный кровавый клубок...

— Никак это ты был, беляк? — выговорил он наконец.

— Вспомнил, краснопузый?

Арцеулов отвернулся, чтобы Степа не видел его лица.

— Нет. Не помню. — Косухин виновато вздохнул. — Жену-то твою... Ксенией звали, да?

— Ксенией...

Ростислав даже не стал спрашивать, откуда краснопузому это знать. Если уж генералу Мо приказали забрать у него дхарский перстень, так чему удивляться? Впрочем, все это было уже неважно. Арцеулов попытался вспомнить жуткого монстра, что надвигался на него сквозь кровавое море, — и лицо того, кто напоил его водой. Нет, он не узнал бы Косухина, как и краснопузый не запомнил умирающего офицера. Увы, Степу не удастся напугать до полусмерти, а затем одарить шутовским коньяком и отпустить. Красный командир Степан Косухин умрет вместе с ним, Арцеуловым, через несколько часов, перед рассветом...

Вспомнился сон, странный сон, привидевшийся в Нижнеудинске. Поможет тот, кто уже сделал ему добро, желая зла... И Арцеулову внезапно захотелось все рассказать этому парню, которого он уже устал ненавидеть, — и про Ксению, и про приказ Верховного, и про то невероятное, что пришлось увидеть. Но он сдержался: ни к чему. Ни ему, ни Косухину эти тайны уже не понадобятся.

Когда с коньяком было покончено, Арцеулов пытался отдать флягу Степе, но тот отмахнулся и, свернувшись калачиком, лег прямо на холодный пол. Ростислав сел на освободившийся табурет и стал молча смотреть в окошко, за которым сверкало звездами далекое недоступное небо. Косухин что-то бормотал во сне, съезживаясь в комок. Ростислав снял с плеч полушубок и укрыв красного командира...

За ними пришли в начале седьмого, когда на востоке только начинало белеть. Степа мгновенно проснулся, удивленно взглянул на полушубок и молча отдал его капитану. Арцеулов накинул одежду на плечи и даже не стал застегивать крючки. Никто не сказал ни слова.

Полигон казался бесконечным, и Косухин, несмотря на попытки заставить себя думать о неизбежной победе Мировой Революции, успел изрядно замерзнуть. О революции же, несмотря на все усилия, не думалось. Вспоминались брат, смеющаяся Наташа Берг, трехцветная генеральская кошка и почему-то Семен Богораз.

Арцеулов не думал ни о чем — на душе было пусто и темно.

На северном краю полигона, немного в стороне от дороги, по которой они пришли в Челкель, их ждали несколько человек. Среди них Арцеулов сразу же узнал генерала Мо и мрачно усмех-

нулся. Генерал подошел к ним, несколько секунд смотрел, не говоря ни слова, а затем что-то коротко приказал. Один из конвойных снял шинель и накинул ее на плечи продрогшего Степы.

— Господа! — Голос Мо был спокоен и бесстрастен. — В приказе сообщается, что вы должны погибнуть при попытке к бегству. Я не могу нарушить приказ. Единственное, что могу сделать, — выполнить его буквально. Эта тропинка ведет к небольшому ущелью. Спрятаться там негде, а сходить с тропы нельзя — мины. У вас есть два часа, затем я пошлю погоню. Если вы верите в бога Христа или в других богов, может, они вам помогут...

Он резко повернулся и пошел в сторону полигона. Свита потянулась за генералом, остались лишь трое конвоиров. Тот, что был с нашивками офицера, вынул револьвер и лениво кивнул на почти незаметную в темноте тропу.

...Они ждали выстрелов в спину, но сзади было тихо. Метров двести прошли — почти пробежали — молча, после чего остановились, чтобы перевести дух.

— А вы ведь неверующий, Косухин? — поинтересовался капитан, вспомнив слова китайца.

— Не-а. — Степан явно не уловил иронии. — Неверующий... Ну, чего, беляк, прогуляемся?

— Придется, — кивнул Арцеулов и внезапно протянул Степе руку: — Ростислав...

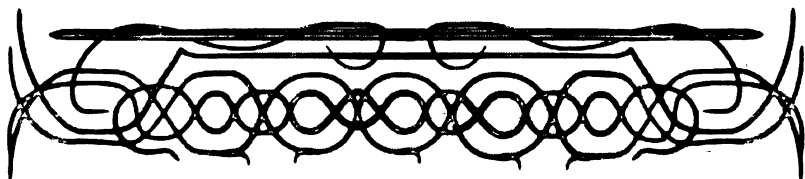
— Степан...

Косухин пожал тонкую сильную ладонь капитана, вздохнул и поправил шинель.

— Ну чего, пошли, Ростислав?..

Арцеулов кивнул, застегнул полушубок и молча зашагал по тропе. Степа на мгновение задержался, чтобы взглянуть на оставшийся за спиной полигон. Ростислав шел быстро, и, чтобы догнать его, Косухину пришлось пробежать несколько метров. Поравнявшись, Степа сбавил ход и пошел рядом, почти плечом к плечу.

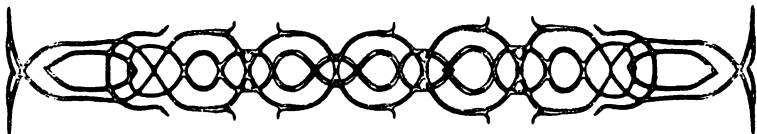
...Двое мужчин уходили все дальше и дальше по узкой терявшейся среди камней и песка тропе, пока не исчезли в предрастветной мгле.

КНИГА ВТОРАЯ

СТРАЖ РАНЫ

ГЛАВА 1

ТРИВИУМ

доль невысоких холмов, почти незаметных в густой темноте, затопившей землю, тянулась тропа. Лишь далеко впереди, у самого горизонта, слегка белела узкая полоска — там медленно, не спеша, проступал ранний зимний рассвет. Идти было трудно — тьма скрывала повороты, вдобавок под ноги то и дело попадались мелкие острые камни. Ко всему донимал холод — в эти предрассветные часы он казался особенно нестерпимым.

Шли молча — Косухин чуть впереди, пряча мерзнущие руки в карманы китайской шинели и натянув черную мохнатую шапку почти на самый нос. Арцеулов немного отставал. Холод, так донимавший Степу, был более милостив к капитану — в очередной раз спасал «гусарский» полушубок. Зато разболелась голова, резко и сильно, так, что Ростислава зашатало. В висках стучала кровь, черные волны накатывали откуда-то со стороны затылка, и каждый шаг требовал немалых усилий. С полчаса капитан держался, но затем стал заметно отставать.

— Ч-черт! — выразительно произнес Косухин, угодив ногой в яму. — Чего это они тут, чердын-калуга, огурцы сажали?

— Здесь были мины, — напомнил Арцеулов, останавливаясь и прикладывая к пульсирующей болью голове ледяную ладонь.

— Точно. — Степа осторожно отошел подальше от зловещей ямки. — Вот зараза! Че, капитан, передохнем? Курить будешь?

Рука Косухина привычно полезла за пачкой папирос, но Ростислав покачал головой.

— Не хочу... — сквозь зубы произнес он. — Голова... Болит немного.

— Ах ты! Это ж тебя в самолете! Эх, надо было повязку сменить!

За последние сутки Арцеулов напрочь забыл и о ране, и о повязке — было просто не до того. Боль вынырнула неожиданно, разом напомнив о неровном гудении моторов, о мелькавшей под иллюминатором желтой земле и о страшном ударе.

— Ничего... Только передохну немного. Давайте-ка сообразим... Идем мы уже около часа. Прошли версты четыре...

— Пять, — прикинул Степа. — Быстро шли! Впереди вроде как горы, а этот Мо говорил про какое-то ущелье... Эх, если б не мины, я б прямо сейчас свернул в степь. Там, глядишь, и встретили б кого подходящего...

— Местный пролетариат, — в тон продолжил капитан, чувствуя, что голову начинает отпускать.

— Или трудовое крестьянство, — невозмутимо согласился Косухин. — Собрали бы, чердынь-калуга, отряд, врезали б по этим белякам, а потом пошли Наташу вырывать...

— Пошли! — вздохнул Арцеулов, удовлетворенно чувствуя, как боль отступает, оставляя лишь едва заметную слабость. — А то нагонят...

Теперь они вновь шли рядом, плечом к плечу. Арцеулов внезапно подумал, что в очередной раз ошибся, причем нелепо и глупо. Он был готов — или почти готов — погибнуть, не дотянув даже до 10 февраля, собственного двадцатипятилетия, — но эта странная и жуткая прогулка по ночной пустыне показалась унижительной. Там, на полигоне, надо было просто послать косоглазого окопным трехэтажным и встретить залп, как полагается офицеру Русской армии, — грудью. Капитан взглянул на мрачного, сосредоточенного Степу, уверенно мерявшего шагами узкую тропу, и в душе колыхнулась привычная злость: «Жизнелюб! Этот смерти ждать не будет!»

Арцеулов отвернулся. Вспомнил жуткий эпизод из читанного в детстве романа о шуанах Вандей: благородные бойцы с гидрой революции связывали пленным федератам руки, надевали на шею горящий фонарь и пускали в темноту, чтобы потренироваться в стрельбе. То же, но не в книге, а на глазах у капитана проделывали марковцы во время осенних боев 18-го на Кубани. Правда, обходились без фонаря и не стреляли, а рубили с наскока. Ростислава передернуло — сходство было разительным, только что руки у них свободны. Ростислав вновь взглянул на Степу.

«Жизнелюб!» — вновь подумал он, но на этот раз с определенной долей зависти.

Косухин не подозревал о том, что заботило капитана, а если бы узнал, то весьма бы удивился. Он и вправду был оптимистом. К этому вынуждал характер, а главное — сам дух единственно верного учения товарища Маркса. Степа давно уже понял, что его долг — лечь костями в землю, дабы из праха выросли будущие счастливые поколения. Гибель за дело Мировой Революции есть не только его долг, но и в некотором роде праздник.

Нетерпеливая смерть уже не раз дышала в Степин затылок. Два раза его ставили к стенке, причем один раз к настоящей —

кирпичной и очень сырой. Эту сырость, обжигающую спину, Косухин запомнил крепко. И каждый раз Степа держался твердо и даже нагло. Он помнил слова комиссара Чапаевской Митьки Фурманова, с которым сдружился на Белой: «Доведется подыхать — подыхай агитационно». Но теперь, когда можно было либо без хлопот умереть прямо у кромки взлетного поля Челкеля, либо идти по неведомой тропе сквозь предрассветную мглу, Косухин не сомневался ни секунды, твердо зная, что на тот свет всенепременно успеет. Зазря Косухин погибать не собирался, и под его черной мохнатой шапкой роились планы, один замысловатее другого.

Светало. Восток белел, тьма отступала назад, к оставленному ими Челкелю, а у самого горизонта разгоралась еле приметная красная полоса. Холмы, едва заметные ночью, теперь были видны во всех подробностях — одинаковые, с голыми, неприветливыми склонами, на которых лишь кое-где торчали высохшие клочья прошлогодней травы.

Когда они в очередной раз остановились перекурить, Арцеулов как бы ненароком взглянул на часы.

— Половина восьмого! Полчаса еще есть... Что там впереди? Глазастый Степа всмотрелся:

— Гора... Или даже две, но далеко... Ежели чего — сворачиваем за холмы...

— Найдут! — поморщился капитан. — Холмы невысокие. Пара конных патрулей — и баста! Надо к горам. Генерал не зря говорил про ущелье...

— Ага, не зря! — хмыкнул Косухин. — Этот беляк тебе подскажет!..

Солнце уже успело наполовину вынырнуть из-за горизонта, когда они добрались до ближайшего подножия. Невысокая горная цепь едва возвышалась над вершинами окрестных холмов, заросших сухим колючим кустарником. Внезапно Степа остановился, упал на тропинку и приложил ухо к земле. Встав, он машинально отряхнул шинель и неохотно проговорил:

— Скачут... Версты за полторы. Рысью идут — не спешат...

— Быстрее! — скомандовал Арцеулов. — Вперед!

Тропа начала сворачивать влево, огибая склон. Идти стало труднее — дорога шла наверх, вдобавок камни стали встречаться заметно чаще. Арцеулов почувствовал, что боль возвращается. Пришлось закусить губу, чтобы не дать вырваться невольному стону. Косухин словно что-то почувствовал и, остановившись, вопросительно взглянул на капитана. Тот отрицательно помотал головой — задерживаться было нельзя. К счастью, боль отступила быстро — почти сразу.

Они поднялись наверх и оказались у небольшого перекрестка.

— И что? — спросил Степа. — Куда теперь?

Арцеулов вытер проступивший на лбу пот — боль не прошла даром.

— Тривиум.

— Чего?

— Перекресток трех дорог, — пояснил Ростислав.

Мудреное латинское словцо было употреблено всуе. Дело было и так ясное — тропинка раздваивалась. Один путь вел к подножию следующей горы, другой сворачивал вправо.

— Если генерал говорил правду об ущелье, то это туда, — Ростислав указал на правую тропу. — Рискнем?

— Эх, не верю я этой контре! — вздохнул Степа. — Ладно, все одно в степь не уйдешь...

Они свернули вправо. Тропа резко покатила вниз, отвесные склоны расступились, и перед ними открылось глубокое ущелье, тянущееся далеко на юг. Косухин вгляделся и неодобрительно бросил:

— Попались, чердынь-калуга! Не скроешься.

Он оказался прав — скрыться было действительно негде. Арцеулов молчал, взгляд его не отрывался от склонов — капитан искал выход.

— Генерал сказал так: «Если вы верите в бога Христа или в других богов, то они помогут вам...» Если мы верим...

— Гляди! — внезапно крикнул Степа, указывая на узкую тропу, ответвлявшуюся от основной дороги. Она уходила вверх по склону, петляя между острых камней причудливой формы.

— Снова тривиум, — негромко, самому себе, проговорил Арцеулов. — Если мы верим в бога...

— Ты чего? — не понял Косухин. — Погляди — какая-то дыра! Пещера вроде...

— Это не пещера, — всмотревшись, покачал головой Ростислав.

Тропинка, забравшись метров на сто вверх по склону, пропадала у ровного четырехугольного отверстия, высеченного в скале. Можно было заметить четко обозначенный порог и грубо выбитое изображение над черным входом.

— Храм! — осенило Ростислава. — Если мы верим в бога Христа или в других богов...

— Так чего, нам туда? — недоверчиво спросил Степа.

Арцеулов задумался. Где-то сзади, возле невидимого за поворотом тропы входа в ущелье, послышался стук копыт.

— Наверх! — решил он. — Может, не заметят.

Косухин не спорил. Встречать врагов на верхнем краю почти отвесной тропы лучше, чем убегать от них по ущелью.

Арцеулов взбирался первым. Тропа стала почти отвесной, приходилось то и дело цепляться руками за камни. Чертыхавшийся Степа отставал на добрый десяток шагов. У Косухина

дело не ладилось — камни вырывались из-под ног, да и вообще лазить по горам он был не мастак.

Тропа, свернув вправо, внезапно кончилась, выведя на небольшую ровную площадку. Капитан остановился, переводя дух, затем поглядел вниз. Оставленное ими ущелье было пустым и безлюдным, но слева, где находился первый перекресток, слышались голоса и негромкое лошадиное ржание. Ростислав поглядел направо — ущелье тянулось дальше версты на три, но затем резко обрывалось, упираясь в отвесный склон. Тупик!

На площадку вылез недовольный и запыхавшийся Степа, отряхнул с рук сухую холодную пыль и тоже поглядел вниз, откуда уже доносился стук копыт.

— Присядайте! — шепнул Арцеулов

В ущелье въезжал патруль — пятеро в знакомых шинелях с меховыми воротниками.

— Эх, заметят! — скривился Степа. — Приметная тропа! Винтарь бы... Я бы тут роту задержал!.. Пошли-ка в пещеру. Чего тут глаза мозолить?

Арцеулов согласно кивнул и повернулся к черному провалу. Когда-то здесь действительно находился храм. Четырехугольник входа был аккуратно врезан в скалу, по бокам резец обозначил две массивные колонны, на которых когда-то были выбиты надписи. Над входом, как заметил Ростислав еще с тропы, находилось изображение всадника, протягивавшего к небу правую руку. Правда, все — и надписи, и всадник — оказалось разбито до неузнаваемости. Кто-то позаботился о том, чтобы редкие гости не смогли догадаться, каким богам поклонялись в этом пустынном месте.

— Вроде Егория, — неуверенно заметил Степа, вглядываясь в разбитое изображение. — Только копыта нет...

— Непохоже, — покачал головой капитан. — Да и откуда тут быть христианскому храму?

Косухин еще раз взглянул на всадника и стал подниматься по ступенькам. Их было семь, причем верхняя оказалась почти полностью разбита, а сквозь остальные прошли глубокие трещины. Секунда — и Степа скрылся в темном проходе. Арцеулов последовал за ним, но перед этим не удержался и вновь посмотрел вниз. Патруль остановился, солдаты, о чем-то споря, указывали на идущую вверх тропу...

Ростислав ждал темноты, но внутри было неожиданно светло. Храм оказался невелик, почти квадратен, с неожиданно высокими сводами. Стены когда-то покрывали глубоко врезанные надписи, но и здесь все было разбито и уничтожено. Справа темнела горизонтальная ниша, такая же ниша, только вертикальная, напоминающая дверь, была там, где у христианских церквей находится алтарь. Возле нее угадывались остатки каких-то

изображений, но здесь руки разрушителей поработали особенно тщательно. Капитан подумал, что это чем-то похоже на буддийский храм, и хотел поделиться своими соображениями с Косухиным, но тот внезапно замер, а затем осторожно дернул капитана за рукав, кивая в угол. Ростислав понял — они были в храме не одни.

...Старик сидел в дальнем углу, расположившись на чем-то напоминающем вытертый ковер или старый халат. На плечи была наброшена то ли шуба странного покроя, то ли опять-таки халат, голову венчала темная остроконечная шапка. Степа, кашлянув, нерешительно произнес: «Здравствуйте...» Человек в остроконечной шапке кивнул, но не поднял головы.

Внезапно сзади послышались резкие гортанные голоса — патрульные взбирались по тропинке.

— Эх ты! — прошептал Степа. — Чего делать-то, чердынь-калуга?

— Придется выйти, — решил Арцеулов. — Останемся — старика прикончат вместе с нами...

Косухин затравленно оглянулся. Выходить на верную смерть не хотелось, но беяк был прав — подставлять под пули невинного не следовало.

— Вот и погуляли! — вздохнул он. — Нет, отгуляли...

Возразить было нечего. Арцеулов еще раз окинул взглядом храм. «Если вы верите в бога Христа или в других богов...» Степа лихорадочно осматривался, соображая, что предпринять. Ниши он примечал сразу, но прикинул, что в них не отсидеться — заметят. Итак, надо уходить. В том, что его, Степана Косухина, комиссара Челкея и уполномоченного Сиббюро, пристрелят при попытке к бегству, старик в остроконечной шапке не виноват. Косухин вздохнул и повернулся к выходу, как вдруг откуда-то сзади послышался негромкий голос. Степа оглянулся — старик смотрел прямо на них и что-то говорил, потом поднял тонкую худую руку, словно приглашая остаться.

— Пора нам, дедушка! — вздохнул Косухин.

Старик покачал головой, а затем вновь взмахнул рукой, на этот раз резко и повелительно, подзывая поближе. У входа уже слышались голоса. Капитан, решив, что выходить все равно поздно, потянул Степу за рукав шинели. Старик кивнул, и они присели рядом с ним. Почти тут же в храме стало темнее — двое солдат, держа карабины на изготовку, стояли у входа.

Беглецы замерли, стараясь не дышать. Старик оставался абсолютно спокойным, только на тонких серых губах его проступила улыбка. Между тем солдаты бегло осмотрелись, затем один из них вернулся ко входу и что-то прокричал. Снизу донеслись ответные голоса.

«Неужели не заметили?» — поразился Арцеулов.

Солдаты принялись осматривать храм. Один заглянул в боковую нишу, ткнув в нее для верности прикладом, другой остановился в полушаге от застывшего Косухина. Секунду постояв, он крикнул, оглянувшись на своего товарища, пожал плечами и шагнул к выходу. Тот еще минуту потоптался на месте, затем тоже пожал плечами и стал спускаться. Шум шагов замер вдали, послышались голоса — и вновь все стихло.

— Фу! — выдохнул Степа. — Слепые, что ли?

Послышался негромкий смех — смеялся старик. Кажется, он понимал по-русски.

— Дедушка, — негромко, все еще боясь говорить в полный голос, начал Косухин, — ты эта... чего? То есть кто?

Старик что-то ответил, но слова были совершенно непонятны. Степа с надеждой поглядел на капитана.

— Я не знаю китайского, — усмехнулся тот. — Да и на китайца он не похож...

Действительно, лицо старика ничуть не походило на раскосые физиономии солдат генерала Мо. Годы наложили свой след — на лбу и под глазами легли глубокие морщины, непогода и солнце покрыли лицо темным, коричневым загаром, но было заметно, что в молодости этот человек был красив.

«Может, таджик? — прикинул Арцеулов. — Или перс?»

Воображение Косухина не шло дальше татарина, но и на татарина этот человек совсем не походил.

— Не понимаем мы, дедушка, — вздохнул Степа.

Старик взглянул на него с явным сочувствием, словно на больного, затем вздохнул и достал откуда-то из-под одежды большую круглую чашу. Холодно блеснул металл — чаша была серебряной, с изображением двух крылатых драконов. Откуда-то появился небольшой глиняный сосуд, напоминающий обыкновенный кухонный горшок, но с длинным горлом.

— Чего это он? — поинтересовался Косухин.

Арцеулов промолчал, соображая, где он мог видеть подобное изображение. Дракон чем-то походил на рисунок на китайских вазах, но все же был другим. Между тем старик, открыв сосуд, налил в чашу, как показалось, обыкновенную воду — совершенно прозрачную и чистую. Степа, облизнув пересохшие губы, подумал, что и в самом деле хлебнул бы глоток-другой, но вдруг замер — драконы на стенках чаши зашевелились. Косухин хотел протереть глаза, но сообразил, что драконы, конечно, и не думали двигаться — двигалась вода, словно в чаше образовался маленький, но сильный водоворот. Появился пузырек, потом другой... Через минуту вода в чаше кипела.

Арцеулов покачал головой, подумав, что хорошо бы позвать сюда Семена Богораза. Ростиславу с его юнкерским училищем понять подобные вещи было не по плечу.

Вода кипела пару минут, затем ее цвет стал меняться. Из прозрачной она постепенно стала розовой, потом красной, а еще через минуту — бурой. Пузыри яростно лопались, и Степа вдруг сообразил, что старик держит серебряную чашу в руке. Тот словно услышал его мысли, вновь сочувственно улыбнулся и осторожно поставил чашу на каменный пол. Кипение тут же прекратилось, вода начала медленно светлеть, вновь становясь чистой и прозрачной. Старик удовлетворенно кивнул, поднес чашу к губам и, не торопясь, отхлебнул. Затем худая, покрытая вечным загаром рука протянула ее Косухину. Тот осторожно подхватил тяжелую серебряную вещь и вновь поразился — рука не ощутила тепла.

— Пить, что ли? — понял он. — Так ведь... Да ладно!

Степа решился и сделал глоток. Вода оказалась вкусной и свежей, словно только что из колодца, причем совершенно холодная. Осмелев, Косухин вновь отхлебнул, а затем протянул чашу Арцеулову. Тот выпил, не задумываясь, и вернул чашу хозяину.

— А ничего! — заметил Степа. — Хотя по здешнему холоду я бы лучше спирту...

— Сейчас согреешься, воин...

Косухин замер — говорил старик. Язык был прежний, незнакомый, но теперь Степа разбирал каждое слово. По разом застывшему лицу Арцеулова стало ясно, что он тоже понял сказанное.

— Сейчас согреешься, — повторил старик. — Это сома дэви.

Степе действительно стало жарко, но не от воды, а от происходящего.

— Я думал, мы пойдем друг друга и без этого, но вы были слишком невнимательны — как и те, что искали вашей смерти.

По бледным губам вновь скользнула улыбка. Несколько секунд все молчали. Наконец Арцеулов решился:

— Кто вы?

— Я тот, кто послан вас встретить, — чуть помолчав, ответил старик. — Вы не догадались, вы слишком спешите, воины, и не успеваете даже подумать... Подумайте сейчас.

Степе как-то не думалось. На представителя китайской секции Коминтерна старик никак не походил. Арцеулов тоже не стал размышлять, и невеселая улыбка старика быстро подсказала ответ:

— То есть... Нам что — конец?

— Ваш путь закончен. Вы прошли его до последнего шага. Вас сторожат у тропы. Скоро они поднимутся вверх, и на этот раз будут более внимательны...

— И что? — возмутился Степа. — Неужто ничего сделать нельзя? Ну, спрятаться там?

— Вам незачем прятаться. Вы уже пришли...

Арцеулов молчал. Спрашивать было не о чем — он все понял.

— А... вы всех так встречаете? — не отставал любопытный Косухин.

— Не всех...

Издалека, со стороны дороги, сухо прогремел выстрел. Враги не ушли.

Степа между тем напряженно размышлял. Помирать совершенно не хотелось, к тому же старик явно что-то недоговаривал.

— Вот что, товарищ, — на этот раз «дедушка» стал «товарищем». — Вы бы это... досказали. Чтобы все сразу. А то непонятно что-то...

— И что вам непонятно, Степан?

На свое имя Косухин не реагировал. Мало ли откуда здесь могут знать комиссара Челкеля?

— Все непонятно. Если нам и вправду крышка, так обычно и без таких... встречающих... обходится. Видел уж, знаю...

— Хорошо, объясню. — Старик вздохнул, но без всякого раздражения, словно разговаривал с ребенком. — Вы прошли путь до конца. Но это был не ваш путь, Степан, и не ваш, Ростислав. Вы сбились с дороги, хотя и не по своей воле.

— Ага! — напрягся Степа. — Это, значит, мы сюда по ошибке попали?

— Не по ошибке. Это не так легко объяснить. Представьте, что вы плывете по реке. Внезапно начинается буря, вас уносит в море... Подумайте! Собирались ли вы еще месяц назад сокрушать покой небес? Приходило ли вам в голову, что такое возможно?

— Стоп, — мотнул головой Косухин. — Значит, по порядку. Ясное дело, не собирались. Но то, что возможно, — это уж извините. Видели!..

— Вы видели много невозможного. То, что случилось, — это и была буря. Ваши пути закончились не так, как должны были; и меня послали вас встретить. Не бойтесь. Все страшное уже позади.

Этого говорить не следовало. Даже Арцеулов, несмотря на овладевшую им апатию, почувствовал нечто вроде обиды. Степа же буквально вскипел:

— Вот чего, товарищ! За политбеседу спасибо, но я лучше пойду прогуляюсь. Глядишь, перед смертью прихвачу с собой другого-третьего! Наслушался я этой поповщины!

Старик покачал головой:

— Вам уже ничего не сделать, Степан. Вам незачем даже ждать пулю. Вот...

Он легко взмахнул рукой, и в то же мгновение вокруг что-то начало меняться. Стало теплее, повеяло весенним ветром, отку-

да-то донесся легкий запах цветущего сада. Внезапно каменная ниша за спиной у старика засветилась прозрачным, еле заметным светом. Камень, в котором она была вырублена, стал бледнеть, исчезать, превращаясь в золотистый туман.

— Дверь открыта, — бесстрастно произнес старик. — Входите! Многие жаждут, но не многие устаиваются этого. Вы заслужили — входите!

Арцеулов вспомнил — он уже видел все это сквозь серебряный перстень, сквозь льющийся из ночной темноты лунный свет...

— Нет! — отрубил Степа. — Спасибо, но я уж лучше здесь останусь.

Старик махнул ладонью, и все исчезло. Вместо золотистого тумана вновь проступил грубый камень.

— Чего же вы хотите?

— Понять, — ответил Арцеулов. — Вы говорили о пути, который мы должны были пройти. Что вы имели в виду?

— Не жалеете о нем. Он был не лучше и не хуже, чем у тысяч ваших сверстников. Он никогда не привел бы вас к этой двери.

— Это как? — вмешался Косухин. — Все мы, прошу прощения, там будем.

— Не все. Большинству придется много раз проходить путь, прежде чем они заслужат право войти сюда.

Косухин был сбит с толку. Отреагировал капитан:

— И все-таки... Вы говорили о том, что нам было суждено...

— Хорошо. Хотите знать об этом? Что ж, сейчас вы вспомните то, что должно было произойти. Вспоминайте!

«Это как?» — подумал недоверчивый Степа, но тут перед его глазами ясно встала знакомая картина: он вместе с другими провожает на черемховском вокзале отряд повстанцев, направляющийся в восставший Иркутск. Косухин стал вспоминать, кого же отправили на помощь к товарищу Чудову, и вдруг сообразил — в Иркутск уезжал он сам, Степан Косухин. Степа удивился и тут же вспомнил Иркутск, однако не зимний, а теплый, весенний, и апрельские лужи, хлюпающие под его латаными сапогами. А затем он увидел эшелон, мчащийся через тайгу. Мелькнул перед глазами силуэт Казанского вокзала, а потом он вспомнил себя в новенькой командирской форме, стоящим впереди шеренги таких же молодых командиров, и товарищ Троцкий, пламенный Лев Революции, вручал орден, но не тот, сданный в особый отдел Сиббюро, а новенький, и на его рукаве краснела широкая нашивка.

А дальше воспоминания — ясные и четкие, словно все это действительно происходило, нахлынули разом. Косухин увидел себя в густой толпе, запрудившей Главную площадь Столицы. Стояла ночь, горели костры, и на душе было горько и тревожно.

Он успел заметить у себя в руках большой венок из еловых веток с черно-красными лентами, на которых было что-то написано свежей серебрянкой. Затем перед глазами поплыли совершенно незнакомые картины: далекий неведомый край, тысячи людей с тачками и лопатами запрудили гигантскую долину, а он, Косухин, в странной, явно буржуйского вида шляпе что-то объяснял внимательно слушающим людям. Степа услышал свою собственную фразу о каком-то пятилетнем плане, который они должны были выполнить почему-то всенепременно в три года, и о товарище Сталине, которому следовало послать телеграмму.

Степа не успел даже удивиться, а воспоминания унесли его дальше. Он увидел молодую девушку в красном платке и с тетрадкой под мышкой и тут же вспомнил, что зовут ее Валентина и он обвенчался с нею — то есть не обвенчался, а «расписался» — как раз на пролетарский праздник Первого мая. Затем он держал в руках маленького пацаненка, который был похож на него самого, а пацаненка звали Николаем в честь пропавшего без вести на Германской брата-летчика. А воспоминания мчались дальше, неведомый край и огромная стройка сменились тихим кабинетом с зашторенными окнами. Перед Степаном на большом красном ковре менялись люди с бледными перепуганными лицами, и Косухин вдруг понял, что они боятся его, бывшего красного командира, и эта мысль показалась ему жуткой и одновременно приятной. Потом он был в другом кабинете, и невысокий человек со скрюченной левой рукой курил трубку, что-то объясняя, а он, Косухин, согласно кивал, отвечая: «Так точно! Слушаюсь...» И это было не обидно, а тоже почему-то приятно. Валентина, встречавшая его поздними вечерами, когда огромная машина доставляла его домой в сопровождении молчаливых парней с лазоревыми петлицами, теперь уже не носила нелепой красной косынки. На ее быстро повзрослевшем лице появились небольшие железные очки, совсем как у Семена Богораза, а Николай Косухин-младший, напротив, носил что-то похожее на красную косынку на худой мальчишеской шее. Впрочем, сына он видел редко, и все чаще машина доставляла его домой под утро.

А потом пришел страх. Он сочился отовсюду — из стен кабинета, от портретов того, с дымящейся трубкой, плавал в глазах жены, вместе с которой он ночью, стараясь не шуметь, сжигал какие-то фотографии с дарственными надписями, чьи-то письма... Страх парализовал все чувства, и Степа вдруг понял, что так страшно ему не было ни на фронте, ни даже в заброшенной церкви, когда когтистая лапа рвала доски пола. И наконец случилось то, о чем вещал страх. Молодые крепкие ребята с теми же лазоревыми петлицами крутили Косухину руки прямо в его огромном кабинете, а затем воспоминания затянуло красным: он

лежал на грязном холодном полу, ощущая только одно — боль. Нечеловеческую боль в разбитом теле, боль в душе от того, что где-то рядом в такой же камере избивали его жену. В ушах прозвучали слова какого-то мордастого с ромбами в петлицах, который говорил о невозможном — что Коля Косухин-младший отрекается от отца-изменника и просит того, с трубкой, разрешить ему взять другую фамилию.

...А в конце была стенка — такая, возле которой ему уже приходилось стоять. Но теперь Степа не стоял, а лежал. Последнее, что он видел, были не вспышки выстрелов, несущих наконец покой, а мелькание кованых прикладов, которые раз за разом опускались на его голову, пока не пришла спасительная тьма...

Косухин сцепил зубы, глядя невидящими глазами на спокойное лицо старика, на разбитый рельеф над алтарной нишей. Он вдруг сообразил, что когда-то это было изображение огромной птицы с распростертыми крыльями. Возле губ оказалась чаша с водой — «сомой», как называл ее старик, — и от первого же глотка стало легче...

Ростислав с удивлением поглядел на белого, не похожего на себя Степу — таким Косухина он еще не видел. А между тем Ростислава тянуло немедленно поделиться — хотя бы с этим краснопупызом — тем, что довелось увидеть (вспомнить?) самому.

Вначале капитан тоже увидел вокзал, но не черемховский, а нижеудинский. Он стоял неподалеку от станции вместе с группой офицеров рядом с суровым и решительным Любшиным. Полковник держал в руке карту и что-то объяснял, показывая на зеленые пятна бесконечной тайги. Потом он шел, отстреливался, снова шел, читал отходную над телами лежащих в глубоком снегу товарищей, снова шел — и наконец увидел яркое весеннее солнце. Капитан был на борту огромного парохода, уносившего его по водам спокойного зеленого моря куда-то вдаль, а на душе было печально и одновременно спокойно.

Затем был огромный город — Арцеулов почему-то сразу понял, что это Париж, хотя ни разу там не бывал. Он стоял в типографии, вычитывая верстку газеты. Мелькнула маленькая комната с окнами на глухую кирпичную стену, потом другая, где собрались его товарищи. На стене висел портрет Государя с черной лентой, а полковник Любшин читал обращение генерала Кутепова, который возглавлял какой-то РОВС.

Затем снова потянулись дни в типографии, но с каждым разом добираться туда становилось все труднее. В руках у Ростислава появилась тяжелая трость. Собrania офицеров становились все реже, а потом капитан увидел себя на старинном клад-

бише возле свежей могилы. На рукаве была траурная повязка, он говорил речь, а вокруг стояли его друзья в старых мундирах со странно глядевшимися здесь сверкающими крестами.

И вдруг Ростислав ощутил давно забытое чувство — ненависть. Он ненавидел, но не комиссаров, оставшихся где-то далеко, а других — в темно-зеленых касках, которые шли по улицам Парижа. Он услышал незнакомое слово «боши», а затем воспоминания перенесли его в темный, освещенный керосиновой лампой подвал. Арцеулов стоял у деревянного стола, возле которого сгрудились молчаливые молодые люди в беретах, и он объяснял им устройство ручного пулемета. Ростислав злился на свой корявый французский и на проклятую болезнь, которая не дает ему пойти с этими ребятами туда, в ночь, где идет война.

Потом были те же улицы и вновь — незнакомые солдаты, но уже в другой форме. Ему вручал медаль худой, огромного роста человек, все называли его «генерал», хотя он был не генералом, а, как помнил Ростислав, президентом этой страны.

И тут воспоминания сузились до размеров комнаты, но уже другой, чуть большей. За окнами зеленел лес. Арцеулов сидел в странном уродливом кресле, которое могло двигаться, зато не мог двигаться он сам. К нему заходили гости — и молодые, и старые, которых он помнил молодыми. На столе лежала книга, на титульном листе которой он мог прочитать свою фамилию. Но чаще всего он смотрел не в окно, не на стол, заваленный рукописями, а в большой странный ящик, на котором мелькали, сменяясь, сначала черно-белые, а затем и цветные картинки. Ростислав увидел «Мономах» — то есть не «Мономах», а другой, похожий корабль, прорывающийся сквозь тучи пара в безоблачное небо. Затем на экране сменялись страшные картины горящих деревень со странными круглыми домиками, мелькали раскосые лица, объятые ужасом, и Арцеулов сердито хмурился.

А потом он вдруг поглядел на свои руки и поразился — это были руки мумии. Ростислав сообразил, что очень стар...

...Бесконечные дни сливались в один, подступало пугающее безразличие, и вдруг, прорывая его, по цветному экрану замелькали новые кадры — огромные, невиданные боевые машины шли по улицам почти забытой им Столицы, и над башнями реяли его, Арцеулова, трехцветные флаги. И наконец он почувствовал слезы на своем худом, почти уже недвижимом лице — над огромным зданием, над гигантским куполом вместо проклятой красной тряпки поднимается русский флаг, который почему-то теперь называли «триколором»...

Значит, он победил! Они все победили — те, кто погиб еще в 17-м, кто шел в Ледяной поход, отстреливался на высоких обрывах Камы, замерзал на Иртыше и Оби... Они победили! Перед глазами мелькнул запруженный людьми аэровокзал, затем за ог-

ромным подернутым морозной дымкой иллюминатором проплыли непередаваемой белизны облака... И все кончилось. Кончилось, но осталось главное. Ростислав понял — не зря. Жаль, что он не увидит этого. Но он узнал — а это куда важнее.

Степа постепенно с трудом приходил в себя. Сознание отвергло, отбрасывало увиденное. Вспомнилась светящаяся золотым туманом дверь. Что там, за нею? Рай?

— Вы видели, — мягко произнес старик. — Вы поняли...

— Кажется, да... — кивнул Арцеулов. Степа по-прежнему молчал. Он-то как раз ничего почти и не понял. Ясно одно — беда. И не только для него и его близких. Что-то страшное случится с тысячами, с миллионами, со страной, за которую они все воевали. Но что?

Косухин одернул себя. Почему, собственно, случится? Страхное уже началось, уже происходит. Венцлав, серые оборотни, 305-й Бессмертный, генерал Ирман, профессор Семирадский. Мало? Но ведь это видел он один, а таких, как он, — тысячи и тысячи. И если сложить... Уйти за эту дверь просто. Расхлебывать будут другие, других будут забивать прикладами, бросать в огромные черные машины с зашторенными окнами... И тут Степа вспомнил о Наташе. Конечно, он тут рассуждает, а девушке и помочь некому! Этот беляк небось уже крылышки примеряет...

— Ладно, товарищ, — решительно заявил он, вставая и отряхивая шинель. — За Ростислава решать не буду, он, чай, не маленький. Только вот чего: говоришь, у нас какие-то заслуги есть?

Старик кивнул.

— Ну тогда вот что... — Степа помолчал, собираясь с мыслями. — Вывел бы ты нас отсюда, раз уж всяким фокусам обучен. А там уж как выйдет...

— Неужели у вас такие важные дела, Степан? Если вы сейчас увидите, дверь может никогда не открыться.

— А чего я там не видел? — осмелел Косухин. — Райские яблочки, чердынь-калуга? И раз уж ваша контора все знает, подсажи, где Наталья Берг...

— Знаю, — кивнул старик. — Та, о которой ты беспокоишься, скоро попадет в монастырь Шекар-Гомп. Но тебе не доходить туда одному.

— Почему одному? — Арцеулов тоже встал. — Я с ним. Помогите, если можете...

Наступило молчание. Внизу вновь треснул выстрел, раздался крик, а затем застучали копыта. Старик сидел неподвижно, беззвучно шевеля бледными губами. Наконец он поднял глаза.

— Вы просите слишком о многом. Тот, кто послал меня встретить вас, строг. Все имеет свою цену...

— Что мы должны сделать? — подхватил капитан.

— Это вы поймете сами. Но будет трудно, куда труднее, чем запускать в небо творения суетного ума. Ни я, ни тот, кто послал меня, не смогут помочь...

— Ладно! — перебил Косухин. — Это уж как выйдет. А может, нам с вашим старшим поговорить?

— С кем? — поразился старик. — Кого вы имеете в виду, Степан?

— Старшего или главного — кто там у вас? — упрямо повторил Косухин. — Пусть он мне все и растолкует!

— Вы понимаете, о чем просите?

— А то! Чего тут не понимать?

— Хорошо, — кивнул старик. — Я передам ваши слова. Вы странные люди — отказались от того, чего другие не могут добиться ни за золото, ни за кровь... А сейчас — идите. Вас встретят и проводят...

Ростислав и Степа переглянулись.

— Идите, — повторил старик. — Но не забывайте — вы в долгу. Прощайте!..

У самого порога Ростислав оглянулся — старик сидел неподвижно, глаза его были закрыты, и капитану внезапно показалось, что перед ним не человек, а каменная скульптура, покрытая пылью и мелкой каменной крошкой, веками падавшей со стен...

На площадку выбрались как можно осторожнее. Степа, пригнувшись, заглянул в ущелье.

— Стоят, гады! Трое. Карабины наготове, чердынь-калуга!

— Подождем, — отозвался капитан. — Вдруг старик правду сказал...

Шли минуты, но в ущелье все оставалось по-прежнему. Китайцы явно скучали, но уходить не собирались.

— Вот язва, — вздохнул Косухин. — Слушай, Ростислав, раз ты образованный, то давай, пока время есть, объясняй. Только без этого...

— Без мистики? — улыбнулся Арцеулов. — Попробую. Тут, на Востоке, есть всякие секты...

— А дверь? — перебил Степа. — Темнил он, вот что! Видал, как заерзал, когда я про главного спросил? Эх, дуруют нас...

Ростислав хотел возразить, но тут вдаль ударил выстрел, затем еще один. Не сговариваясь, Степа и Арцеулов заглянули вниз. Китайцы уже не стояли — мчались, подстегивая лошадей, к выходу из ущелья. А следом, поднимая тонкую белесую пыль,

несся небольшой конный отряд — человек пятнадцать, впереди которых скакал на огромном белом коне всадник в красном халате. Поравнявшись с храмом, он на мгновение задержался, привстал на стременах и что-то крикнул, глядя наверх.

— Кажется, за нами, — заметил Арцеулов. — Ну чего, рискуем?

— По радио он их вызвал, что ли? — неодобрительно заметил Степа. — Придется рискнуть. Сектанты, говоришь...

Он вздохнул и первым начал спускаться вниз, в ущелье.

ГЛАВА 2

КОМАНДИР ДЖОР

Внизу их ждали. Всадников было даже больше, чем казалось вначале, — не менее двух десятков. Привычный глаз Арцеулова тут же отметил, что кони у отряда превосходные, ухоженные и сытые, отлично подогнанная сбруя блестит начищенным серебром. А вот одежда явно подкачала. Все были одеты в настоящую рвань — старые, потерявшие всякий вид шинели без погон, дырявые ватные халаты и в столь же ветхие полушубки. Под огромными лохматыми шапками весело скалились косоглазые физиономии, лица были небриты, некоторые, постарше, щеголяли большими черными бородами.

«Разбойники», — констатировал Степа — естественно, не вслух. Оружие, которым были увешаны пришельцы, не располагало к откровенности.

Человек в красном халате, единственный одетый не просто аккуратно, но даже богато, тронул пятками бока своего белого жеребца и подъехал ближе. На сверкающем золотом поясе висела огромная сабля, на голове чуть косо сидела соболья шапка, загорелую руку украшали перстни. Молодое лицо командира было спокойно, узкие глаза смотрели без удивления, словно всадник давно уже ждал этой встречи.

Степа хотел было сказать обычное «здрасьте», но передумал и четко, словно на параде, приложив руку к шапке, отчеканил:

— Красный командир Степан Косухин!

— Капитан Арцеулов! — Ростислав тоже решил не ударить лицом в грязь.

Всадник в красном взмахнул правой рукой, на запястье которой болталась богато украшенная камча, и что-то проговорил на гортанном незнакомом языке.

— Эх, чердынь!.. — вздохнул Степа, в который раз чувствуя недостаток образования. Арцеулов подумал о том же и хотел обратиться к всаднику по-немецки, но услышал знакомый голос:

— Джор-баши приветствует вас, братья-вояки. Он спрашивает, не изменились ли ваши планы...

Изумляться Арцеулов уже разучился, но все же увидеть чешского подпоручика здесь, у Такла-Макана, не рассчитывал. Чех был все тот же — в зеленой шинели и легкой, не по сезону, фуражке с длинным козырьком. Лицо улыбалось, но глаза, как и прежде, казались холодными, тусклыми. В отличие от всех прочих, у него не было оружия, лишь у пояса болтался короткий нож.

— Наши планы не изменились, — ответил Арцеулов. — Нам надо в Шекар-Гомп... Здравствуйте, подпоручик!

Чех вновь улыбнулся и что-то сказал командиру. Тот кивнул и, обратившись к своим всадникам, произнес несколько коротких резких фраз. В ответ те разом вскрикнули, подняв вверх оружие.

— Джор-баши говорит, что вы смелые люди. Его батыры приветствуют вас...

К ним подвели коней — серого для капитана и рыжего для Степы. Забираясь в седло, Арцеулов вдруг вспомнил, что не видел в отряде ни одной заводной лошади. Косухин, не обучавшийся выездке в юнкерском училище, чувствовал себя весьма неуверенно. Но боялся он напрасно — то ли конь попался хороший, то ли у Степы был прирожденный талант, но в седле сиделось крепко.

Джор-баши, пнув коня каблуком, крикнул, и отряд тронулся с места. Ехали почему-то не в сторону дороги, а обратно — в глухой тупик.

— Командир велел передать, что до Шекар-Гомпа долгий путь. — Чех скакал рядом с Арцеуловым, придерживая рвавшегося вперед норовистого коня. — Он не сможет довести вас к самому монастырю, но там останется немного, и мы объясним, как добраться. Еще Джор сказал, что с радостью пошел бы с вами, но тот, кто приказывает ему, велел передать, что это ваш путь.

Арцеулов кивнул, хотя понял далеко не все. Он поглядел на подпоручика, автоматически отметив его неплохую посадку, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он придержал своего серого, чтобы поравняться со Степой.

...В красную кавалерию Косухина определенно бы не взяли. Приходилось напрягать все силы, чтобы не отставать от остальных.

— Степан, — окликнул Арцеулов. — Как вы?

— Не хуже, чем у товарища Думенко! — отозвался тот несколько сдавленным голосом.

Капитан не слышал об отважном красном кавалеристе, но понял.

— Чеха видели? — продолжал он, но уже потише.

— Подпоручика? Ага. Навидался я таких еще на Волге...
А что, знакомый?

— Знакомый...

Итак, подпоручика видел не только он...

— Станный он, — заметил Степа, — лицо какое-то... И глаза...

Он не стал уточнять, что лицо чеха напомнило ему другое — генерала Ирмана. Впрочем, у Косухина хватало проблем и без странного подпоручика.

— Слушай, Ростислав, а все-таки дверь...

— А что — дверь?

— А то...

Степа и сам не понимал, зачем заводит этот разговор. Наверное, ждал, что впавший в поповщину и мистику белый гад заведет шарманку про рай с адом. Тогда — из здорового чувства противоречия — Косухин сумел бы убедить себя в противоположном.

— Не знаю, — чуть подумав, ответил капитан. — Может, тайное убежище...

— Ага-а... — протянул Степа. — А чего тогда ты не захотел войти? Пересидели бы...

— Береженого Бог бережет... — неопределенно заметил Ростислав. Излишне откровенничать он не собирался.

— Бережет, значит?..

Степа чувствовал, что беляк темнит, и на душе становилось все тревожнее. Многие довелось повидать Косухину за последнее время, но все более или менее вкладывалось в эластичные рамки материалистического учения. А вот дверь не влезала, изрядно смутив стойкого большевика.

Увидев, что Степа погрузился в раздумья, Арцеулов решил заняться единственно возможным видом деятельности — наблюдением. Прежде всего удивила дорога. Капитан хорошо помнил, что от входа до конца ущелья, то есть до высокой горы с крутыми склонами, было версты три. Значит, скакать им недолго, но минуты шли за минутами, а гора не только не приближалась, а как будто даже стала удаляться. Оставалось уповать на оптический обман или мираж, но капитан хорошо помнил карту. Ущелье на ней вообще не было обозначено, а горы казались на крупномасштабной карте маленьким пятнышком, сразу же за которым начиналась бесплодная ширь Такла-Макана. Но пустыня куда-то пропала. Арцеулов был уже готов обвинить во всем нерадивых картографов, но хватало и прочих мелочей.

К примеру, пыль. Капитан хорошо запомнил, как пылили всадники, когда он увидел их с площадки возле храма. Теперь же никакой пыли Ростислав не заметил, хотя дорога оставалась все той же. Да и скакали они как-то странно: слишком ровно, не спотыкаясь, хотя на дороге было полно камней. Между тем

толчков капитан не чувствовал. На шее коня он не заметил и капли пота, животное дышало спокойно, будто шло шагом, а не рысью. Копыта ступали в пыль, оставляя легкие — слишком легкие — следы, но словно не касались земли, проплывая в каком-то миллиметре от дороги. Еще одна странность — Ростислав видел, как неопытный Степа излишне рвет удила, но конь на это никак не реагирует. А таких коней капитан еще не встречал. Можно было, конечно, спросить у чеха, но Ростислав понял, что не сможет правильно сформулировать вопрос. Поэтому он предпочел не спешить.

Через полчаса капитан понял, что не ошибается. Ущелье становилось шире, гора, закрывавшая выход, отступила вдаль и теперь едва виднелась на горизонте. Вспомнились слова старика: «Вы смотрели, но не видели...» Но если так...

Арцеулов почти отпустил поводья и сделал то, что никак не следовало делать всаднику, идущему рысью, — прикрыл глаза. Ничего, казалось, не изменилось, конь рысил дальше, но Ростислав вдруг понял, что напоминает ему эта странная скачка. Теперь, когда он не видел ни дороги, ни ущелья, чувства подсказали — конь не скакал, он словно плыл, но не в воде, а по чему-то более мягкому, податливому, обтекавшему со всех сторон. Ростислав чуть задержал веки полуприкрытыми, и вдруг перед глазами проступило что-то огромное, светло-желтое. Внезапно захватило дух, и капитану показалось, что он вновь оказался в кабине «Муромца».

Он открыл глаза — надоевшее ущелье продолжало неторопливо расширяться, гора, убегающая вдаль, таяла на горизонте. Но Арцеулов уже не верил. Итак, открытыми глазами ничего не увидишь. Ну что ж...

Он вновь прикрыл веки, но не полностью, оставив узкую щелочку. Вначале показалось, что он ошибся. Ростислав попытался вновь, взглянул налево, затем направо...

...Конские копыта действительно не касались земли. Арцеулов не ошибся — они не скакали, а плыли. Только не по воде — воды здесь не было и в помине. Плыли по воздуху, а вокруг не было ничего, кроме светло-голубого зимнего неба.

Земля осталась далеко внизу. Вернее, не земля, а огромная серо-желтая пустыня, то ровная как стол, то горбившая гигантскими барханами. Вспомнился рассказ Лебедева — Такла-Макан, сердце Азии, страшный песчаный ад, непроходимый ни зимой, ни летом, по которому передвигаются трехсотметровые барханы — и призраки...

Земля-пустыня была далеко, будто они вновь летели в «Муромце», но Арцеулову показалось, что они мчатся с гигантской, невероятной скоростью. И сами всадники изменились, став огромными, под стать небу и пустыне.

Тех, кто скакал рядом, капитан не смог разглядеть — все-таки через полуприкрытые веки наблюдать было затруднительно. Лишь на долю секунды показалось, что он увидел руку одного из всадников. Нет, не руку — желтым цветом, в тон далеким пескам, светилась под солнцем твердая, высушенная ветром и временем кость...

Капитан, судорожно вцепившись в поводья, открыл глаза. Ущелье никуда не исчезло, они продолжали рысать по бесконечной дороге. Можно было перевести дух, перекреститься и сказать самому себе спасительное: «Померещилось...»

Часа через полтора скакавший впереди Джор-баши поднял правую руку. Отряд придержал лошадей. Командир огляделся и шагом направил белого скакуна к подножию горы. Всадники стали спешиваться, кто-то побежал к ближайшим зарослям сухого кустарника за дровами, кто-то уже снимал с седла кожаный бурдюк с водой. Намечался отдых — и чай.

Соскочив с коня и поведив его, как и полагалось, несколько минут, Арцеулов поразился, как мало устал. «Интересно, сколько мы проскакали?» — мелькнуло в голове. А ведь они прорысили по ущелью верст двадцать. Но если считать по тому, что мерещилось...

Степа, отпустив коня отдыхать, уселся прямо на землю, по-прежнему хмурый и задумчивый. Молча достав пачку, он выдал Арцеулову предпоследнюю папиросину, согнул гармошкой последнюю и так же молча стал пускать кольца дыма в бесстрастное небо.

Арцеулов, настроение которого, несмотря ни на что, почему-то заметно улучшилось, был готов в очередной раз доставить себе удовольствие и съязвить в адрес краснопузого, но вид у Степы казался слишком уж не располагающим. Поэтому капитан начал иначе:

— Все о двери думаете, Степан?

— Ага...

Степа хотел ограничиться этим исчерпывающим ответом, но внезапно его охватила злость — и на себя, и на недобитого контрика, а еще больше на то, что Косухин не мог обозначить каким-либо внятным словом.

— Хочешь, Ростислав, порадую?

Капитан вопросительно поглядел на Косухина.

— Не знаю, чего ты там увидел, а вот мне старик накрутил, будто большим начальником стану...

— Поздравляю!

— Слушай дальше, беляк...

И Степа, сам не понимая зачем, рассказал белому гаду Арцеулову все: и про орден, и про стройку, и про сухорукого с труб-

кой, и про приклады, падающие на его распростертое на полу тело.

— Вот так... — выдохнул он, и ему сразу же стало легче. — Ну чего, белая кость, порадовался?

— Нет. — Иногда Арцеулов умел отвечать столь же односложно.

— Врешь, — скривился Косухин. — Знаю вас, беляков!..

— Плохо знаете...

Между тем галдящие воины Джор-баши уже возились возле костра, на котором грелся котелок с водой. Арцеулов вспомнил, что после всех неприятностей лишился не только оружия, но и кружки с котелком.

— А ты чего увидел? — поинтересовался Степа. — Небось как наших к стенке ставишь? То-то, гляжу, веселый!

Арцеулов хотел ответить резко, но, взглянув на Степу, несколько снизил тон:

— Судя по вашим словам, Степан, с вами разобрались не наши, а как раз ваши. Революция — это свинья, которая жрет своих детей...

— Сам придумал?

— Нет, это не я. Это Камилл Демулен, тот, что Бастилию штурмовал. Так что нас не вините. А видел я, будто ухожу через тайгу, затем живу в Париже, потом воюю — но не с вами, ну, а под конец сию в кресле и смотрю...

Арцеулов не знал, как назвать странный ящик, по экрану которого бегали изображения, и неуверенно закончил: «Синема».

Он хотел добавить про русский флаг, который будут называть «триколором», но почему-то промолчал.

— Буржуй, — вздохнул Степа. — И жизнь у тебя будет буржуйская!

— Должна была быть, — уточнил Арцеулов. — Должна — но уже не будет. И у вас будет как-то по-другому. Так что, может, все к лучшему. Тривиум! Там, у пещеры, сошлись три наши дороги. Та, которая должна быть, та, что у нас вышла на самом деле, и новая, которая начинается...

Внезапно Ростислав смутился. Получилось как-то слишком поэтично, а в присутствии краснопузого он старался придерживаться военно-полевого лексикона.

— Наша жизнь понадобилась, — заключил капитан. — Кому-то нужно, чтобы мы жили дальше. Вопреки судьбе...

— Да при чем тут судьба? — махнул рукой Степа. — Да и кому мы тут нужны? Тем, что за той дверью, что ли?

Арцеулов лишь пожал плечами.

— Дверь эта... Слушай, Ростислав, ну а все-таки, чего там? Чего нам обещали?

— Вы же в детстве ходили в церковь...

— Ага! — взъярился Косухин. — Рай там, да? Каждому по перу вставляют и эту... арфу в зубы? Слышал, как же! Ты, Ростислав, меня как пролетария, видать, за дурика держишь!

— Я же предположил, что там вход в тайное убежище, — примирительно заметил капитан, которому совсем не хотелось ссориться.

— Брось! — скривился Степа. — Другое там! Только в рай-ад я тоже не верю. Заглянуть бы... Только, сдастся мне, обратного ходу оттуда нет...

Арцеулов не без удивления поглядел на расфилософствовавшего пролетария. Сам он пришел к такому же выводу.

— О чем спор, братья-вояки? — Чех подошел незаметно и присел рядом, держа в руке дымящийся котелок. — Чай будете?

От предложения никто не отказался, и подпоручик вручил каждому по жестяной солдатской кружке. Правда, чай был каким-то подозрительным, но Степа храбро глотнул — и тут же замер с открытым ртом.

— Аг-х-х... Это чего?

Арцеулов, подносивший кружку ко рту, на всякий случай решил подождать. Чех рассмеялся, храбро хлебнув прямо из котелка:

— Смелее, братья-вояки! Это монгольский чай. Он зеленый, с солью, мукой и бараньим жиром.

Звучало не очень обнадеживающе, но в конце концов обе кружки были опустошены, а храбрый Косухин даже попросил добавки. Вскоре прозвучал приказ, и конники стали собираться. Между тем Арцеулов уже несколько раз пытался посмотреть на все происходящее по-своему, через прищуренные веки. Но ничего не выходило. Лишь однажды почудилось, будто он видит ровную желтую степь, а вдаль возвышается огромная, странной формы скала. Капитан нагнулся и взял в руку несколько вывороченных грудок серой сухой земли. Земля на ощупь была самой обыкновенной, но, сжав ее в руке, Ростислав на миг почувствовал что-то иное — словно вместо твердых земляных комков он сжимает в ладони горсть просыпающегося сквозь пальцы холодного песка...

Отряд уже стоял наготове, ожидая команды, когда Джорбаши внезапно привстал на стременах, прислушиваясь, что-то сказал ближайшим всадникам, а после подозвал к себе чеха. Они проговорили не дольше минуты, и подпоручик подъехал к Арцеулову.

— Джорбаши велел передать, что по дороге нас попытаются задержать. Если будет бой — держитесь сзади, ведь у вас нет оружия.

— Так дайте винтари, чердынъ-калуга! — вмешался Степа. — Мы чего, стрелять не умеем?

— Командир Джор отвечает за вас. Не спеши, брат-вояк! Еще успеешь пострелять...

Джор-баши крикнул, взмахнул камчой, и отряд тронулся с места. Арцеулов, оказавшийся между чехом и Степой, устроился поудобнее в седле и прикрыл глаза.

...В глаза ударило что-то желтое, и Ростислав понял, что видит песчаный бархан. Он был совсем рядом, прямо под копытами коня, но они уже плыли по воздуху, и лишь изредка подковы касались песчаной вершины. Отряд поднялся выше, барханы — и этот, и соседний — стали уменьшаться, сливаясь с бесконечным желтым пространством. И чем выше отряд уходил в небо, тем больше становились всадники, словно вырастая на глазах.

Его окликнул чех. Капитан, открыв глаза, убедился, что они едут тем же ущельем, уходящим все дальше на юг. Гора, прежде закрывавшая путь, исчезла без следа.

— Не засни, брат-вояк! — повторил чех. — С коня упадешь!

Арцеулов кивнул и вдруг представил себе, как падает с коня, но не на близкую серую землю, а в голубой океан над мертвой желтой пустыней.

— А что, подпоручик? Долго падать?

Чех взглянул ему прямо в глаза, и Арцеулову на миг стало страшно от этого пристального немигающего взгляда.

Косухин не забирался мыслями так далеко. Он прикидывал, где бы раздобыть оружие, дабы не оказаться у стен загадочного монастыря беззащитным, а заодно что им всем делать дальше. Тут наступала полнейшая неясность, и Степа лишний раз обругал себя за недостаточный интерес к географии, а заодно к лекциям о международном положении в странах зарубежной Азии. О таинственной двери он решил пока забыть. Вместо этого Степа стал мысленно составлять докладную руководителю Сиббюро товарищу Смирнову. Докладная получилась безразмерная, а разделы о «Мономахе» выходили вообще какими-то несуразными. О Венцлаве Косухин решил молчать до того момента, пока лично не прибудет в Столицу и не попадет на прием к товарищу Троцкому — или даже к самому Вождю.

...Выстрелы ударили неожиданно. Арцеулов и Степа успели лишь вскочиться, всматриваясь вперед, а всадники, следуя неслышной команде, уже перестраивались, прикрывая их от врагов. Тех было не менее полусотни — оборванных, в грязных халатах, зато с новенькими английскими винтовками. Большинство заняли позиции за камнями у одного из склонов, а наиболее смелые расположились прямо на дороге, стреляя с колена.

— Эх, винтарь бы!.. — Степа даже закусил губу, чувствуя

свое бессилие. Отсиживаться за чужими спинами красный командир Косухин не привык.

Арцеулов не удивился — он словно ждал чего-то подобного. Отряд сбавил ход, перестраиваясь из колонны в лаву, и Ростислав прикрыл глаза.

...Пустыня кончилась. Перед ними возвышалась гигантская горная цепь. Громадные черные пики, голые, с пятнами снега по бокам, были совсем рядом, а чуть дальше, у горизонта, почти до самого небосвода высились неимоверной высоты вершины, затянутые белесым туманом. Никаких бандитов в рваных халатах — на краю скал ровной цепью стояли черные фигуры с рога-тыми головами, размахивая в воздухе чем-то вроде длинных изогнутых мечей. Ростислав невольно вздрогнул — это не люди! На них не было одежды, вместо пальцев торчали суставчатые отростки с кривыми черными когтями, пасти скалились клыкастой ухмылкой.

«Бред!» — пронеслось в голове. Арцеулов поспешил открыть глаза и тут же нагнулся почти к самой конской гриве — новый залп ударил почти в упор. «Пусть стреляют! — Ростислав осенил себя крестом. — Лучше от пули, чем в зубы к тем...»

Джор-баши крикнул, и отряд рванул вперед, переходя с рыси в галоп. Арцеулов ударил коня каблуком в бок — скакун заржал и помчался стрелой. Рядом летел на своем рыжем Степа, и капитан поневоле позабывал краснопузому. Лучше думать, что прорываешься под пулями на полном скаку, чем представлять, как с каждой секундой приближаются зловещие пасти с острыми клыками, как красным огнем горят немигающие круглые глаза...

Никто из всадников не стрелял, только передовые выхватили сабли. Сам Джор-баши не доставал оружия. Он сидел в седле ровно, и на красивом спокойном лице не отражалось ничего, будто командир не видел опасности — или слишком презирал ее...

Враги не уходили. Те, что оставались на флангах, продолжали огонь, а стоявшие на дороге упали на землю и пытались стрелять лежа. Еще секунда — и конь Джора, мчавшегося первым, разорвет бандитский строй...

...В последний момент Ростислав не удержался и прикрыл глаза. Черные чудища были уже совсем рядом, они подпрыгивали, пытаясь достать всадников кривыми мечами, но каждый раз отскакивали, не нанося им вреда. Красные глаза бешено сверкали, из пастей капала пена, но стало ясно, что всадники прорвутся. Белый конь Джор-баши взлетел чуть повыше, ударил копытами первого демона...

Ростислав открыл глаза — бандит в рваном халате валялся в пыли, бросив винтовку, остальные бежали прочь, а конная лава уходила дальше, недоступная ни стали, ни свинцу. Прогреломело

еще несколько выстрелов — били вдогон, растерянно и беспорядочно, а затем наступила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт.

— Прорвались! — облегченно выдохнул Арцеулов, поглядев на Степу. Тот недовольно хмурился. Война приучила к оружию, и без винтовки Косухин чувствовал себя не просто беззащитным, но и чуть ли не голым.

Отряд вновь перешел на рысь. Погони не боялись, более того, Арцеулов заметил еще одну странность, непонятную опытному фронтовику — после боя бойцы мгновенно успокоились, никто не переговаривался, не шутил, как будто вообще ничего не случилось. Косухин, не интересовавшийся вопросами военной психологии, отметил лишь отсутствие потерь. Немного поразмыслив, он отнес это к низкому уровню стрелковой подготовки местных бандитов.

Где-то через пару часов отряд вновь остановился. В этом месте долина вновь сузилась, горы подступили к самой дороге. Конники спешили и, наломав сушняка, принялись варить похлебку. Покуда котел кипел, Степа и Арцеулов сидели в сторонке, дымя самокрутками из тех крошек, которые удалось наскрести по карманам. Говорить было не о чем, разве что о близкой перспективе остаться без курева.

Похлебка получилась жирной и пересоленной, но для беглецов, последний раз обедавших сутки назад, экзотическое блюдо показалось верхом местной гастрономии. Сразу же потянуло вздремнуть, но времени не было. Джор-баши отдал команду, и отряд вскочил в седла.

Теперь ехали гораздо медленнее. Трое всадников были высланы в дозор, остальные держали наготове винтовки, и оба беглеца в очередной раз пожалели, что остались без оружия.

Следующая засада встретила часа через полтора, когда бледное зимнее солнце уже начало клониться к западу. Где-то вдали ударила пулеметная очередь. Через минуту показались мчавшиеся что есть духу дозорные, и Джор-баши остановил отряд. Всадники кричали, указывая на выступ скалы, нависавшей над ущельем. Слов было не разобрать, но все стало ясно и так: за скалой засел пулеметчик.

На спокойном лице Джорра мелькнула легкая, чуть презрительная усмешка. Он что-то сказал бойцам, те дружно расхохотались, после чего последовала команда. Четверо спешили, передав коней товарищам, и отправились по еле заметной тропе, ведущей навверх, к скалам.

Джор-баши подождал с четверть часа, а затем вновь скомандовал, и отряд шагом двинулся вперед. Неугомонный Степа су-

нулся было в первый ряд, но его тут же оттеснили. Бойцы держали винтовки на изготовку, настороженно посматривая наверх.

Как только послышались выстрелы, стволы ударили залпом. Пулеметчик на мгновение утих, но затем вновь послал очередь, взметнувшую пыль перед конем Джора. Белый скакун даже не дрогнул. Бойцы, дав еще залп, стали рассредоточиваться, не забывая при этом прикрывать Степу и капитана.

— Да чего это они? — наконец не выдержал Косухин. — Да кто ж так, чердынь-калуга, воюет? Это ж каждый унтер знает! Соскочить на землю, да за лошадей, да прицельным огнем!

— Не вздумайте слезать с коня! — резко бросил капитан.

— Сам знаю! Еще да труса примут!

Арцеулов прищурил глаза и чуть не отшатнулся. Ущелье вновь исчезло. Отряд стоял, тесно сбившись, на маленькой каменной площадке между двумя гигантскими пропастями. Прямо над ними нависала покрытая снегом гора, небо было не светло-голубым, а почти синим, вдали, задевая за уступы скал, плыли бледные рваные облака. Арцеулов поглядел вперед, туда, где засада. Пулеметчика не было — на заснеженном склоне разместились громадный многорукий великан. Круглые глаза горели желтым огнем, из пасти то и дело выскакивал длинный ярко-красный язык, расщепленный на конце, словно у гадуки. Огромные шестипалые конечности вцепились в каменные выступы, удерживая громадное туловище на склоне. Круглая голова с большими продолговатыми ушами лежала прямо на плечах, шеи у чудища не было, зато на спине топорщилось что-то похожее на гребень. Великан взревел, длинный узкий язык пламени метнулся вперед, лизнув край скалы, на которой стояли всадники. Бойцы Джора вскинули винтовки — нет, не винтовки, а луки, — и десяток стрел понесся вверх. Великан махнул когтистой лапшей, закрывая морду, две стрелы вонзились в предплечье, и по горам вновь пронесся громкий тоскливый рев.

— Вы слышали? — Арцеулов, открыв глаза, повернулся к Степе.

— Чего? Ну, стреляет, гад. А что?

Объясняться было некогда, да и Степа все равно бы не поверил.

Пулеметчик вновь смолк, но всадники не двигались.

— Эх, прорываться надо, чердынь-калуга! — вздохнул Степа. Арцеулов кивнул и вновь попытался увидеть то, другое...

...Великан был там же, красная пасть недобро скалилась, огромная ушастая голова нерешительно поворачивалась то влево, то вправо. Чудище было чем-то обеспокоено. И тут откуда-то сбоку взвилась стрела, великан заревел, пораженный в бок...

Капитан открыл глаза и услышал стрельбу. Били откуда-то со скалы, совсем неподалеку от пулеметчика.

— Молодец командир, чердынъ его! — прокомментировал довольный Косухин. — Он же своих в обход послал! Ну, сейчас будет дело!..

Действительно, всадники стали перестраиваться, явно готовясь к прорыву. Джор оглянулся, крикнул — и отряд стрелой понесся по ущелью. Где-то наверху по-прежнему гремела стрельба, но пули неслись в другую сторону — тот, кто был в засаде, отбивался от бойцов, подобранных к его убежищу.

Через несколько минут несколько всадников, держа оседланных коней в поводу, отстали, чтобы дожидаться своих. Остальные во главе с Джором поехали дальше, вновь перейдя на спокойную рысь.

Вскоре отряд остановился и спешился, правда чаю не варили и держались настороже. Похоже, остановка нужна была лишь для того, чтобы подождать отставших и дать отдых коням.

Косухин страдал — табак, включая последние крошки из карманов, кончился. Он огляделся, с изрядным пессимизмом отметив, что никто из бойцов Джор не курит. Поразмыслив минуту, Степа направился к одиноко сидевшему в стороне чеху.

— Слышь, товарищ, — нерешительно начал он, — у тебя того... ну, табачку...

Чех улыбнулся, пошарил в кармане зеленой шинели и достал нераспечатанную пачку папирос «Атаман» с портретом врага трудового народа Семенова, выполненным в три краски. При виде знакомых папирос Степа оттаял.

— Спасибо, браток! Я две штуки возьму. Для капитана...

— Бери все, брат-воjak! — вновь улыбнулся легионер.

Обрадованный Косухин еще раз поблагодарил и не смог удержаться от следующего вопроса, на этот раз куда более серьезного:

— Ты, товарищ, видать из чехвойска?

— Был, — на этот раз на лице подпоручика не было улыбки, — до... как это по-русски... апреля прошлого года. Можно сказать, отвоевался, брат-воjak.

— Так чего ты здесь? Ехал бы домой, отдыхал...

— Отдохну, — так же серьезно кивнул чех, — но сначала нужно помочь другу. Ведь мы должны помогать друзьям, правда?

— Правда, — кивнул Косухин. Чех ему понравился. — А кем ты до войны был?

— Гимназистом. Из старшего класса призвали. В пятнадцатом...

Их глаза случайно встретились, и вдруг Степе стало страшно. Такой взгляд он уже видел. Видел — и не забудет до конца своих дней...

Арцеулов, все еще переживавший последний бой — и тот, который видел Косухин, и тот, что видел он сам, — закурил почти без всякого удовольствия и лишь потом догадался поблагодарить Степу за папиросы.

— У чеха взял, — пояснил Косухин, не вникая в подробности. — Хороший, видать, парень...

Вскоре послышался топот копыт и показались отставшие. Степа, пересчитавший всадников, с удовлетворением отметил, что и в этой схватке отряд не понес потерь. Его доверие к командиру Джору заметно выросло.

Солнце клонилось к горизонту, а они все еще ехали по бесконечной долине. Даже слабо разбиравшийся в географии Косухин начал понемногу удивляться. Арцеулов уже не сомневался. Теперь, когда солнце понемногу садилось и дневной свет мерк, ему уже не надо было зажимать глаза. Достаточно чуть прищуриться, и перед ним вставали горы — огромные, невероятно высокие, покрытые мощными ледниками. Лед искрился в лучах уходящего солнца то синим, то зеленым огнем, внизу чернели скалы, а над всем этим нависало темно-синее небо, по которому летели гигантские всадники...

«Карту бы! — в очередной раз подумал капитан. — Это же какие за Такла-Маканом должны быть горы?»

Впрочем, в подобных пределах Арцеулов географию знал, но ответ был слишком пугающим и невероятным.

Солнце уже коснулось горизонта, заметно похолодало, в воздухе изредка слышался далекий птичий крик, а отряд все ехал. Кони шли без усталости, словно только что стояли в стойлах, а не рысили весь день по каменистой дороге. Степа и Ростислав тоже не ощущали особой усталости. Конечно, ночное путешествие и дневная скачка оставили свой след, но оба чувствовали себя достаточно бодро.

«Нервы, — рассудил капитан. — Потом отпустит — и свалюсь».

...Крик прозвучал неожиданно, когда вокруг стояла звенящая предзакатная тишина и даже птицы стихли, уступая свои дневные владения ночи. Кричал один из дозорных, карьером гоня коня к Джору.

— Видал? — прокомментировал Степа. — Снова навались! Джор-то...

Он не договорил, но Ростислав понял. На этот раз командир воспринял опасность куда серьезнее. Он внимательно выслушал дозорного, и даже на расстоянии было заметно, как помрачнело его лицо. Джор повернулся к бойцам и что-то проговорил. В ответ послышались недовольные голоса, но Джор-баши повторил

приказ, на этот раз громче и резче, и всадники начали поворачивать коней.

— Да чего это он? — Косухин был явно озадачен.

Отъехали недалеко — метров на сорок. Джор остался на прежнем месте, положив винтовку на шею своего белого коня. Послышался странный клекочущий звук, вначале еле слышный, затем все более заметный и громкий. Арцеулов и Степа переглянулись.

— Чердынъ его! — протянул Косухин. — Аэроплан!

Ошибиться было трудно — этих звуков они слышались за последние дни. Мотор уже гремел, и вот из-за ближайшей горы вынырнул хищный черный силуэт. Машина с ревом пронеслась над всадниками и сгнула в темнеющем небе.

— На разворот пошел. — Степа облизнул потрескавшиеся от ветра губы. — Сейчас врежет, гад!

Арцеулов молчал, чуть прикрыв веки, — с каждым разом это становилось все проще. Ущелье пропало, вместо него вновь выросли чудовищной высоты заснеженные пики. Они стояли на одной из вершин, вокруг сверкал синеватый лед, и солнце, исчезающее в промежутке между двух гор, казалось огромным. Лед под копытами был чист, без единого следа. Ростислав без всякого удивления заметил, что никто из всадников не отбрасывает тени...

...Мотора он не услышал — лишь какой-то резкий свист. Что-то черное понеслось на них прямо со стороны исчезающего за горами солнца. Оно и в самом деле походило на аэроплан, но чем ближе, тем яснее видны были медленно движущиеся кожистые крылья, длинная изогнутая шея и огромная голова с небольшими рожками и высоким гребнем. Пасть чудища была раскрыта, глаза горели ровным синим огнем, а из-под покрытого чешуей брюха свисали когтистые лапы, покрытые темной бугристой кожей. Крылатая смерть летела почти беззвучно, только негромкий свист продолжал звучать, и от этого свиста дикой болью взорвалась голова, во рту стало сухо...

Крылатый змей летел прямо на сгрудившихся всадников, лениво поводя крыльями. Когтистые лапы начали сжиматься, пасть раскрылась, и оттуда повеяло не огнем, как в старых легендах, а могильным холодом. Казалось, вновь вокруг встали деревянные стены старой церкви и нечеловеческая рука рвет доски пола...

Кони тревожно заржали, переступая с ноги на ногу, и только натянутые уздечки удерживали их на месте. Лишь белый скакун командира стоял как влитой. Джор медленно выпрямился в седле и поднял правую руку к закатному солнцу.

Арцеулов вспомнил барельеф над входом в старый храм. Он был разбит, но не узнать всадника было невозможно...

В руках Джора появилось ружье, до этого лежавшее поперек конской холки. Нет, не ружье — гибкий белый лук, на тетиве уже была наготове стрела. Левая рука застыла в воздухе, а правая начала не спеша оттягиваться к уху...

...Чудовище ускорило свой полет, крылья забились, словно змей почуял опасность. Вновь дохнула черная пасть, мертвый холод стал невыносим. Но Джор по-прежнему не двигался, стрела замерла, готовясь к полету...

У Ростислава перехватило дыхание. Казалось, он уже видел это: всадник на белом коне, в остроконечной монгольской шапке, с натянутым тугим луком на фоне уходящего за горы солнца — и смерть, несущаяся навстречу...

Змей вновь раскрыл пасть, глаза полыхнули белым пламенем, и в тот же миг стрела сорвалась с тетивы. Дохнул холод, Арцеулов невольно закрыл глаза...

— Ну, парень! — ахнул Степа, от возбуждения дергая капитана за плечо. — Попал! Попал! Из винтаря срезал! Ну, чердынь-калуга, дает!

Арцеулов открыл глаза. Командир Джор ленивым движением закидывал винтовку за спину, а аэроплан, неуверенно дергаясь и пуская тонкую струйку черного дыма, уходил куда-то за скалы.

— В мотор попал! — продолжал пораженный Косухин. — Ну, глаз-алмаз!

— Да, — кивнул капитан. В горле пересохло, хотелось пить, и он вдруг впервые подумал, что все им виденное — просто бред. Джор-баши попал в моторную часть аэроплана — дело редкое, но в общем-то вполне реальное. Правда, аэропланы в здешних местах — вещь, пожалуй, еще более невиданная, чем чудища с кожистыми крыльями...

На этот раз в путь тронулись не сразу. Несколько конников съездили на разведку, и лишь затем отряд поскакал дальше. Степа, пораженный лихим выстрелом Джора, не мог прийти в себя, еще и еще раз переживая случившееся. Арцеулов молчал. То, что довелось увидеть ему, обсуждать было невозможно — во всяком случае, не с краснопузым Косухиным.

А затем, когда от солнца, исчезающего за горизонтом, остался лишь тонкий красный серп, на долину упал туман. Он появился как-то сразу, почти мгновенно. Тут же все исчезло, можно было разглядеть лишь спину едущего впереди.

Настроение сразу упало, в особенности у Степы, чья шинель одинаково плохо предохраняла как от холода, так и от сырости. Косухин вначале терпел, а затем принялся негромко чертыхаться. Арцеулов надвинул шапку на лоб, запахнул полушубок и ста-

рался ни о чем не думать. Чувство было странным, словно вокруг все исчезло и он оказался один на один с серой пеленой, в которой сгинул мир — и выдуманный, и реальный. Пару раз он прикрывал веки, но ничего, кроме темноты и тумана, увидеть не смог...

Так они ехали еще часа полтора. Наконец кони перешли с рыси на шаг. Сквозь туман мелькнуло что-то черное, большое. Капитан подумал, что его странные видения продолжаются, но удивленный возглас Степы показал — на этот раз все было по-настоящему. Они подъехали к горе, но не маленькой, похожей на холм, какие они встречали у Челкея, а настоящей, подобной тем, над которыми летели в белесом зимнем небе гигантские всадники.

— Скоро будем! — Чех оказался рядом, кивнув Арцеулову. Тот кивнул в ответ, сообразив, что начинает различать окружающее. Да, здесь были горы. Ущелье кончилось, они ехали по каменной равнине мимо темных крутых склонов, уходящих прямо в небо. Солнце уже зашло, окрестности заливала темнота, но сквозь нее можно было различить громадные неровные силуэты, закрывавшие весь горизонт. Всюду лежал снег — и под копытами коней, и на склонах, и на далеких вершинах, которые угадывались за ночной тьмой.

Арцеулов молчал, притих и Степа, который воспринял перемену спокойнее, чем можно было ожидать. За последние дни красному командиру Косухину довелось повидать столько нового и непривычного, непредставимого в обычной жизни, что открывшиеся за туманом горы не слишком удивили.

Отряд добрался до небольшой площадки возле почти отвесного, уходящего ввысь склона. Она была засыпана свежим, девственно-чистым снегом, лишь несколько огромных валунов чернели по краям да в дальнем углу сквозь вечерний сумрак угадывался черный вход в пещеру. Справа склон разрывало русло небольшой горной речки. По краям смерзся лед, но в центре его не было; вода, с шипением падая с небольшого уступа, уходила куда-то влево, теряясь во тьме.

Джор-баши отдал команду, и всадники остановились.

— Приехали! — Чех, подъехав поближе, кивнул на пещеру. — Там переночуете, братья. А потом идите вдоль реки. Шекар-Гомп в трех днях пути...

Арцеулов поглядел на шумящую воду и соскочил с коня. Степа последовал его примеру и чуть было не упал прямо в снег. Легионер подождал, пока они слезут, затем снял с седла вещевой мешок:

— Держите! На три дня должно хватить.

— Спасибо, браток! — Косухин, подхватив мешок, поспе-

шил закинуть его за спину. — Нам бы, товарищ... ну, хоть бы один ствол...

Чех не ответил, и Степа понял — оружия им не дадут.

Арцеулов поправил шапку и шагнул к Джору, неподвижно сидевшему на своем белом скакуне. Косухин поспешил следом. Джор-баши взглянул на них, по тонким губам скользнула легкая улыбка. Степа поспешил приложить руку к своей черной мохнатой шапке и отчеканил:

— Товарищ Джор! От имени командования Рабоче-Крестьянской Красной Армии позвольте поблагодарить вас и в вашем лице...

Он сбился и неуверенно закончил:

— Ну, в общем, спасибо...

Джор поглядел на Степу, вновь улыбнулся и внезапно протянул большую сильную ладонь.

— Большое спасибо, господин Джор! — Арцеулов секунду подождал, еще раз вспомнив то, о чем когда-то рассказывал Богораз, и негромко добавил: — Спасибо, хан Гэсэр...

Лицо всадника на миг стало серьезным, почти суровым, затем он кивнул Ростиславу и подал ему руку. Они уже хотели уходить, когда командир, немного подумав, снял с пояса что-то похожее на пастуший рожок и протянул его Ростиславу.

— Это эвэр-бурэ, — перевел чех. — Командир Джор говорит, что, если ты потрубишь в него, тебе помогут...

Рог был небольшим, изогнутым, гладким, почти без украшений. Лишь по краям шел простой врезной орнамент в форме переплетающихся ромбов.

— Спасибо, — повторил Арцеулов, пристраивая подарок за поясом.

Всадник на белом коне поднял руку, прощаясь, остальные что-то прокричали, чех улыбнулся и взял двумя пальцами под козырек. Отряд рванул прямо с места в галоп и помчался обратно к подножию соседней горы.

Несколько минут оба молчали, наконец Косухин, шумно вздохнув, снял мешок с плеча.

— Ну чего, беляк, кажись, живем?.. А славные они ребята!

Он еще раз вздохнул и начал деловито протаптывать дорожку к черному провалу пещеры. Арцеулов поглядел вслед уходящему отряду, подождал, пока темнота не сомкнется за последним всадником, и пошел следом. Но что-то заставило оглянуться.

...Ночь вступала в свои права, тьма покрыла вершины гор, лишь в ясном безлунном небе ослепительно ярко, по-зимнему горели звезды. Ростислав замер — прямо по небу, закрывая созвездия, неслышно скользили тени. Небесные всадники уходили вдаль, все выше, пока не исчезли среди бесстрастно мерцавших звезд.

ЧЕРНЫЕ ПОЛУШУБКИ

В небольшой пещерке, где с трудом могли разместиться трое-четверо, кто-то оставил дрова и даже несколько ключев старого ветхого шелка для растопки. Косухин уже хлопотал у очажка, сложенного из грубо обтесанных камней. Через минуту костер горел, рождая тени, дрожавшие на неровных холодных стенах.

В мешке оказались несколько банок американской тушенки и английского сгущенного молока, рис, бульонные кубики и полдюжины пачек все тех же папирос «Атаман». Вдобавок там были еще котелок, тяжелая фляга, две кружки, ложки и два коротких ножа.

— Во ребята! — покачал головой Степа, но затем, подумав, вздохнул: — Эх, винтарь бы!..

— Жду распоряжений, — напомнил о себе Арцеулов, не желая бездельничать. Степа на миг задумался.

— Ну, эта... воды в котелок набери. И дровишек поищи, а то до утра не хватит.

Вопрос с водой решил просто — речка была рядом. А вот дров не оказалось вообще.

— Плохо дело, — прокомментировал Косухин. — Этак в следующий раз в снегу ночевать придется, чердынь-калуга!..

— Не исключено, — согласился капитан. — Поэтому рис сварим сейчас, чтобы потом можно было есть всухомятку. Что там во фляге? Спирт?

Во фляге действительно оказался спирт. Открыли тушенку, плеснули спирту в кружки, и жизнь сразу же показалась куда привлекательнее. Перекусив, Степа закурил и пустился в разговор.

— Значит, так, — начал он, закутываясь в шинель и придвигаясь к огню. — Первое дело — от смерти ушли. Второе — где Наташа, узнали. Ну, и к месту нас, почитай, доставили. Видать, и вправду везет...

Арцеулову не хотелось разубеждать впавшего в излишний оптимизм краснопузого, но пришлось:

— Вы, Степан, не спешите. До Шекар-Гомпа три дня пути, а в самом может быть целый батальон охраны...

Про батальон Степа заводить не стал — не ко времени, а вот насчет прочего не преминул:

— Ты, Ростислав, свой классовый пессимизм к делу не приплетай! Чего мы тут, дров с харчами не найдем? Раз эта пещера имеется, значит, чердынь-калуга, есть и другие!

— А в каждой — по дюжине братьев-разбойников. Между

прочим, неизвестно, чьи мы дрова палим. И вообще, хотел бы я знать, куда нас занесло?

— Ну, значит, спать по очереди будем, — рассудил неунывающий Косухин. — А насчет того, где мы — так дело ясное...

— Ну-с? — покосился капитан.

— Значит, так... — начал Косухин, хмуря лоб. — Ехали мы на юг — это я по солнцу определил. Прошли эдак верст семьдесят — не меньше. Значит, пустыню пересекли и сейчас где-то на другом краю. Жаль, карты нет...

Арцеулов покачал головой.

— Карту-то я помню, Степан. Ехали мы не на юг, а на юго-запад — это я тоже по солнцу. Только Такла-Макан даже в самой узкой части куда шире, чем семьдесят верст. Да и гор там таких нет. К тому же готов спорить, что сейчас мы на высоте не менее километра.

Степа взглянул недоуменно, и капитан пояснил:

— Дышать труднее. Да и вода кипит по-другому — видели? Так что спешить не будем, спим по очереди, а продукты экономим. Вопросы?

Косухин несколько скис и даже подумал, что командир Джор мог бы доставить их прямо к Шекар-Гомпу. Три дня пути без крова, дров и оружия сразу же показались не такой уж легкой прогулкой. Несколько успокоившись, он стал поудобнее устроиваться у гаснувшего костра, решив караулить во вторую смену. Арцеулов не возражал — спать, несмотря на сумасшедший день, не хотелось.

Косухин заснул мгновенно, закутавшись в шинель и положив под голову пустой мешок. Арцеулов сел у входа, чуть сбоку, чтобы видеть площадку возле пещеры, а самому оставаться в темноте. Здесь, в спокойном сумраке, у тлеющих ровным огнем углей, хорошо думалось. Впервые за много дней можно было порассуждать о том, что в его положении можно назвать перспективой.

Итак, ему удалось вырваться из сибирского ада. Если они с краснопузым уцелеют, да еще непонятным пока образом вызволят Наташу Берг, остается только добраться до ближайшего порта, откуда корабль увезет его по зеленому весеннему морю в далекую Францию, где можно жить, смотреть в окошко комнаты на кирпичную стену, почитывать эмигрантские газеты и ждать, покада в далеком, чудовищно далеком будущем умирающий старик увидит на экране непонятного чудного устройства поднимающийся над огромным куполом трехцветный флаг...

Это было искушение, не сравнимое ни с чем. В семнадцатом Арцеулов мог не уезжать на Дон, скрыться у родственников в Твери, варить гуталин, а то и пойти на советскую службу. Весной

19-го имел право попроситься в тыл, поближе к океану — и теперь разглядывать разноцветных медуз у японских берегов. Но сейчас наконец-то он заслужил право на покой и может спокойно катить под парижские каштаны. И вся его будущая жизнь станет лишь бесконечным эпилогом. А может, наоборот, — Смута будет казаться коротким эпизодом молодости, когда Ростислав нелепо и ненужно рисковал жизнью — такой бесконечно дорогой и единственной.

Взгляд капитана упал на спокойное и оттого очень молодое и даже красивое лицо спящего Косухина, и он внезапно подумал, что станет делать потомственный дворянин Степа, если они вырвутся к зеленому морю и уютной каюте. Уговорить его кинуть всю дурь с Коммунией и вместе выращивать шампиньоны? Арцеулов улыбнулся, представив себе буйную реакцию неугомонного фанатика-коммуниста. Нет, Степа поедет обратно делать мировую революцию, чтобы упасть где-нибудь под пулями или — если видение не лгало — в неведомом застенке под ударами прикладов.

Ростиславу стало стыдно. Он вдруг понял, в чем причина их поражения. Она была перед ним — краснопузый Степа, отважный командир Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Арцеулов прикинул, что будет, если такого посадить за парту да как следует подучить, — и тут же вспомнил полковника Лебедева. С такими бойцами красные пойдут от победы к победе, в небо взлетит новый «Мономах», но уже советский, и кто знает, не сбудется ли безумный бред о всемирной Совдепии? Что же он, ветеран Германской и «первопроходчик», может сделать, чтобы этого не случилось? И Арцеулов невольно вздрогнул от беспощадной логики ответа — умереть. Вернуться в Россию, найти тех, последних, кто еще сражается, — и воевать до конца. Парижа не будет, не будет ничего, но он сделает все, что сможет. Его нынешняя одиссея — не эпилог, а только передышка...

Ростислав подумал, что, если следовать логике до конца, он должен, выбравшись из этих ледяных гор, позаботиться о том, чтобы большевистский фанатик не добрался до своих. Такой Степа мог стоять целой роты и...

...И — ничего. Арцеулов обозвал себя Степиным словечком «интеллигент» и даже обрадовался. Там, у Семен-Креста, он мог просто задушить Косухина — голыми руками. Но теперь его рука уже никогда не поднимется на брата полковника Лебедева, на красного командира, когда-то не пожалевшего воды для умирающего беляка...

— ...Ты чего меня не разбудил? — Степа протирает заспанные глаза, приподнимаясь со своего спартанского ложа. — Мы ж договаривались по два часа дежурить?

Арцеулов взглянул на часы — Косухин был точен: он спал два часа и три минуты.

— Мне сон был, — возвестил Степа, надевая шинель. — Только я забыл. Помню лишь, проснуться мне велели...

— Вам бы, Степан, разводящим в карауле быть, — усмехнулся капитан. — Ладно, если что — будите...

— Если что... — вздохнул Косухин, усаживаясь на пригретое место. — Оружия, чердын-калуга, все равно нет. Хоть бы дубину какую!..

...Арцеулов, укрытый теплым полушубком, заснул почти сразу, а Степа, запахнув шинель, закурил, поглядывая то на гаснущие угли, то на унылый вид, открывающийся из пещеры. Он не сказал всей правды. Сон он действительно забыл, зато слова, сказанные перед самым пробуждением, запомнил хорошо, как и голос — сильный, хотя и негромкий:

— Ты хотел говорить со мной, Степан? Просыпайся и жди...

Конечно, во сне может привидеться всякое, но Косухин, несмотря на твердое убеждение в материальности мира, почему-то был уверен, что приснилось это неспроста. Впрочем, вспомнив читанную когда-то в порядке обязательного самообразования брошюрку, Косухин рассудил, что сон есть продукт деятельности головного, то есть его собственного мозга. А значит, этот самый мозг вполне мог предупредить Степу о всяких неожиданностях.

На том он и успокоился. Впрочем, пока все было тихо, горы молчали, а ночной воздух, казалось, слегка звенел. Очаг погас, Степа подкинул несколько поленьев, хотя холода, несмотря на рыбий мех шинели, не чувствовал. Огонь разгорелся, и Косухину стало веселее. Он взглянул на укрывшегося тулупом с головой капитана, озабоченно подумав, что с беляком надо будет что-то делать. Прежде всего Ростислава следовало немедленно отправить в госпиталь, а затем ему, Степе, придется походить по коридорам ЦК, дабы выписать недорезанному белогвардейцу надежную справку об амнистии. После всего этого Арцеулова следовало устроить на работу, дабы гнилой интеллигент не умер с голоду или не направился с револьвером на большую дорогу. Дело предстояло хлопотное, да еще на фоне общих экономических трудностей и проблем Мировой Революции.

«А вдруг его опять воевать потянет?» — подумал было Степа, но тут же решил, что Арцеулов хоть и белый гад, но не дурак и не псих, а значит, с него вполне должно хватить суровых уроков классовой борьбы. Защищать белое дело, да еще на третьем году советской власти, по мнению Косухина, могли лишь полные придурки.

...Вдобавок еще и этот Шекар-Гомп, где прячут Наташу. Монастырь, конечно, охраняют. У ворот Степа представлял себе

всенепрерывно пару пулеметов, а то и пушку. На большее фантазии не хватало, но и этого вполне достаточно против двух ножей.

Косухин в который раз подумал о том, как худо без оружия, и тут вдруг его словно что-то подтолкнуло. Он выглянул наружу и замер — огромный темный силуэт загородил проход, четко видимый на фоне белого снега. Снег же, как показалось Косухину, внезапно стал светиться, словно в ту страшную ночь, когда он замерзал у погасшего костра в междуречье Оки и Китоа. Рука скользнула по рукоятке бесполезного ножа, затем перед глазами вспыхнул невыносимо яркий свет, и Степа невольно зажмурился.

— Мир тебе, Степан...

Косухин открыл глаза и с огромным облегчением понял, что все или почти все ему почудилось. Снег был самым обычным, а перед входом стоял обыкновенный, среднего роста, человек в странном плаще и с непокрытой головой.

— Фу ты! — вздохнул Степа. Ничего страшного не произошло. Вероятно, монах, который помог им у Челкея, передал своим здешним знакомым, чтобы их с Арцеуловым встретили.

— Здравствуйте, — проговорил он, вставая. — Заходите! Мы тут дрова... ну, попалили, в общем...

Человек кивнул, вошел в пещеру и присел у очага, протянув к огню ладони. Руки его были большие и, как отметил глазастый Степа, с крепкими рабочими мозолями. Длинные волосы падали на плечи.

— Я знал, что вы придете. Дров не жалеете, они — для вас. Ты хотел поговорить, Степан?

— Я?!

Человек отошел от огня, присев рядом с Косухиным. Неяркое пламя наконец позволило увидеть его лицо. Ничего особенного Степа не заметил — обычное лицо, не русское, но и не восточное. Незнакомец был немолод; хотя кожа оставалась чистой, без морщин. Глаза казались темными и очень большими.

— Ты хотел поговорить со старшим. Я слушаю тебя.

— Вот вы кто! — сообразил Косухин. — Как бы это... Прежде всего, значит, спасибо, что выручили...

— В этих местах есть пословица: сделай добро — и брось в пропасть... — усмехнулся поздний гость.

— А з-зачем?

— Это значит, что не стоит говорить об этом. Ты хотел узнать, что вам предстоит?

Косухин кивнул.

— Что непонятно тебе, Степан? Что ты должен добраться до места, где держат в плену твоего друга, и помочь ему? Это понятно? Что ты должен помогать в пути всем, кто в этом нуждается, даже рискуя жизнью, как рисковали, помогая тебе?

Спорить не приходилось.

— Что тебе надо не просто спасти Наталью Берг, но и узнать, кто они, несущие погибель и страх? Что происходит в их логове, в чем их сила?

— Это... конечно, — согласился Степа. — Само собой...

— Тогда тебе все понятно, Степан. Пойти, помочь — и узнать. А дальше решай сам. Если увидишь, что беда невелика, то пусть все идет своим чередом. Если же нет — думай...

«А чего тут думать?» — хотел по привычке выпалить Косухин, но осекся.

— Важно, чтобы ты решил сам. И прежде всего — для тебя...

— Это для всего народа важно! — возразил Косухин, почувствовав в речи собеседника нотки интеллигентского индивидуализма.

— Отчего ты говоришь от имени народа? — поинтересовался незнакомец. — Разве ты один воюешь за него? Разве те, кто умер, не имели своего голоса? Чем ты лучше их?

Сказано это было настолько веско, что Косухин сник.

— Истинно говорю: это важно для тебя самого.

Степу так и тянуло почесать затылок, что обычно сопровождало размышлению, но он все же сдержался. И тут он сообразил, что незнакомец, чьи дрова они жгли и в чьем убежище отдыхали, вероятно, голоден.

— Вы... того... — начал он. — Поужинаем...

— Ты поделился со мной огнем, — улыбнулся гость. — Иногда это важнее, чем преломить хлеб. Я не голоден, Степан... Гость встал.

— Мы поговорили обо всем, кроме награды. Чего хочешь ты?

— Я? — поразился Косухин. Награды он был согласен получать лишь от имени трудового народа.

— За все положена награда, — твердо повторил незнакомец. — Все имеет свою цену.

— Это у вас имеет! — огрызнулся Степа, вспомнив уроки Закона Божьего в заводской школе. — Это у вас за чечевичную похлебку чего-то там отдают...

— У нас? — искренне удивился гость.

— А, ладно! — решил Косухин. — Там, у старика, что нас прятал, дверь есть. Интересно было бы туда заглянуть. Только чтоб обратно вернуться!

— Не ведаешь, о чем просишь, — покачал головой незнакомец. — Но да будет так... Прощай, и если будет невоготу, проси помощи — тебе помогут.

— У кого?

— Ты просил помощи возле тела Ирмана. Просил, когда падал самолет. Тебе помогли...

Косухину стало жарко. «Откуда?» — мелькнуло в голове, и вдруг его охватило странное чувство, похожее на стыд.

— Я... ну, в общем, в Бога не верю...

— Не лукавь сам с собою, Степан. Мы еще увидимся... Прощай...

Степа едва кивнул в ответ, почему-то ожидая, что его гость исчезнет в столбе пламени или воспарит в небо. Но незнакомец, секунду постояв на пороге, быстрым шагом направился вправо, как раз туда, где лежала тропинка, ведущая к Шекар-Гомпу. И почти тут же звезды стали гаснуть, а из налетевшей тучи пошел густой пушистый снег.

— ...Что, уже утро?

Арцеулов выбрался из-под тулупа, недоуменно глядя то на Степу, то на розовеющее небо.

— Кажись... — вяло ответил Косухин. Он и сам не заметил, как просидел остаток ночи.

— Почему вы меня не разбудили?

Арцеулов был явно недоволен. Высыпаться за чужой счет он не считал возможным.

— Спать не хотелось, — столь же вяло ответствовал Косухин. — Ты лучше, Ростислав, кипятку сообрази... Пора идти.

Капитан хотел по привычке вступить в спор, но поглядел на Степу и промолчал. Он с удовольствием умылся снегом и стал разводить огонь, сожалея, что в подаренном мешке не оказалось чайной заварки.

Тропу нашли сразу. Она тянулась вдоль ручья, прижимаясь к отвесной черной стене. Ручей протекал в глубокой узкой расщелине, тропа же тянулась как раз между ним и стеною. Она была узкой, не больше полутора метров, и вдобавок завалена снегом. Степа взвалил мешок с продуктами на плечи и уверенно пошел впереди. На протесты Арцеулова он обозвал его контуженым, а на повторные призывы предложил меняться через каждый час. С этим и двинулись. Косухин шел уверенно, оставляя после себя ровный след. Гора прикрывала от ветра, было тихо, лишь шумела речушка да изредка откуда-то доносились отзвуки, похожие на разрывы снарядов. Ростислав, кое-что читавший о горах, предположил, что это эхо от шума падающей лавины. По просьбе Косухина он кратко объяснил, что такое лавина, после чего Степа стал время от времени не без опаски поглядывать вверх.

Разговаривали мало, тем более что общаться, двигаясь гуськом по узкой тропе, было не особенно удобно. Арцеулов, стараясь ступать след в след, прикидывал, что их затея с Шекар-Гомпом может оказаться весьма трудно выполнимой. Ему очень за-

хотелось, чтобы здесь оказались те, кого он оставил еще весной 19-го, — друзья по Ледяному походу, с которыми они шли по такому же снегу, поддерживая друг друга. Ростислав вспомнил ротного, капитана Корфа, фронтового разведчика с двумя Аннами и Владимиром, всегда веселого и отважного Андрея Орловского и давнего, еще с семнадцатого года, приятеля — князя Ухтомского. Арцеулов подумал, что вместе с Виктором Ухтомским он взял бы Шекар-Гомп в два счета. Во всяком случае, это было бы не труднее, чем штурмовать Екатеринодар.

Капитан усмехнулся, вспомнив, как на ночевке в Усть-Лабинской после трех дней тяжелых боев с бригадой балтийских моряков кто-то достал гитару и его заставили играть всю ночь. Тогда под утро он написал, вернее — симпровизировал песню, где главным героем выступал Андрей Орловский, который в ту ночь был почему-то неожиданно мрачен. «Не падайте духом, поручик Орловский...» Позже эту песню пели другие, а вместо Орловского подставляли иные фамилии. Чаще всего пели про Ухтомского — Виктор, аристократ чистых кровей, неистово храбрый и ненормально честный, был всеобщим любимцем. Бог весть кто из них, его друзей по Ледяному анабазису, еще жив! Армии Деникина бежали к Новороссийску, спасти их могло лишь чудо, а чудеса на этой земле происходили все реже...

Последний раз Арцеулов брал в руки гитару в Омске, когда нашел Ксению и они отмечали встречу на квартире у ее тетки. С тех пор играть было некогда и не для кого. Капитан внезапно подумал, играет ли краснопузый Степа на гитаре — или «товарищам» полагаются лишь балалайка? Ростислав с мстительным ехидством представил себе красного командира с балалайкой и в лаптях. Картинка вышла на славу.

Степу заботило другое. Он еще раз вспомнил свой разговор с ночным гостем и остался весьма недоволен. Прежде всего следовало разбудить капитана. Теперь же он даже не решался рассказать о странном разговоре. Не поверит беляк! Да и говорили они не по делу. Собственные речи Косухин обозвал «излияниями», а выходку насчет загадочной двери вообще счел неуместной. Нет, тут, вероятно, нужен не он, а другой товарищ, куда более опытный и надежный. Косухин вспомнил давнего друга-приятеля еще по октябрю 17-го, Кольку Лунина, теперь воевавшего где-то на юге. Тот, даром что моложе Степы, точно сообразил бы, что к чему. Недаром Косухину, несмотря на орден, никогда не поручали больше батальона, а Лунин уже комиссарил в дивизии. Степа вздохнул, выбросив пораженческие мысли из головы. Николаю сейчас тоже небось нелегко на деникинских фронтах!

Часа через полтора Арцеулов после нескольких напоминаний все-таки добился права перейти в авангард. И тут же пожалел — идти первым оказалось куда труднее. Сразу же заныли ноги, а в затылке начал пульсировать маленький, но неприятный очажок боли.

После полудня остановились под большим каменным козырьком и наскоро перекусили вареным рисом, запив скудный обед глотком спирта. На этот раз спирт подействовал плохо, особенно на капитана. Боль сразу же усилилась, выросла, вцепилась клещами в мозг.

Под вечер оба смертельно устали. Ростислав еле волок ставшие невероятно тяжелыми ноги, да и Степа заметно скис. Тропа начала карабкаться на подъем, идти стало совсем трудно, поэтому при первых же признаках ранних сумерек решили искать ночлег. Шедший первым Косухин заметил слева в черной скале узкую расщелину. С трудом удалось устроиться обоим, и то не лежа, а полусидя. О костре не приходилось и думать. После скудного ужина сразу же потянуло в сон, но Степа, несмотря на то, что глаза уже слипались, настоял на том, чтобы заняться повязкой. Он аккуратно промыл рану спиртом, после чего постарался забинтовать ее заново, используя относительно чистые куски. Капитан терпел молча, хоть боль временами была почти невыносимой. Ныла сорванная кожа, но настоящая боль таилась внутри, и тут ни спирт, ни Степина перевязка помочь не могли.

Ростислав заснул сразу. Косухин, оглядев окрестности, решил, что выставлять посты бессмысленно: защищаться нечем, а убегать некуда. Уже засыпая, Степа озабоченно подумал о том, что придется делать, ежели беляк свалится и не сможет идти дальше.

«А он бы со мной что сделал? — мелькнула подленькая мыслишка. — Небось кинул бы и еще посмеялся, недорезанный!»

От подобного его тут же затошнило. Косухин понимал, что капитан хоть и белый гад, но никогда его бы не бросил. Да и в контуженом ли беляке дело? Он, Косухин, отвечает прежде всего за себя, а значит, нечего болтать ерунду. Правда, продуктов в обрез, а тащить на себе капитана он далеко не сможет...

«Значит, загнемся оба! — зло подумал Степа. — Так тому и быть, чердынь-калуга!»

Затем он обозвал себя паникером и тоже уснул.

К счастью, утром оба проснулись отдохнувшими, и мрачные мысли сразу же улетучились. Сквозь тучи проступило солнце, дорога показалась вниз, и идти сразу же стало веселее. Вдобавок

тропа стала расширяться, и вскоре стало возможно шагать плечом к плечу.

Время от времени тропа внезапно расширялась, переходя в небольшую площадку, чтобы затем вновь сузиться, нырнув за очередной поворот. Повеселевший Степа стал требовать от получившего за народный счет образование Арцеулова определения их координат. Тот вначале разводил руками, но Косухин оказался настойчив.

— Значит, говоришь, за Такла-Маканом таких гор нет? А где есть?

— Хорошо, — вздохнул Арцеулов. — Мы, судя по всему, на Тибете.

— Ну так чего молчал? — возмутился Степа.

— Сколько, говорите, мы проехали с Джором? Верст семьдесят? Беда в том, что от Такла-Макана до Тибета несколько тысяч верст. Не верите?

— Тебе верю... А вот карты врут! — буркнул Косухин. — Эх, встретить бы кого да расспросить...

— Ваши слова — да Богу в уши, — внезапно заметил капитан. — Стойте!

Он первым заметил то, что пропустил Степа, излишне увлекшийся проблемами географии. За очередным поворотом открывалась площадка, на этот раз значительно крупнее, чем прежние. Гора в этом месте выгибалась почти ровным полукругом, а на пологом склоне можно было разглядеть что-то напоминающее издали серые кубики.

— Деревня, — удовлетворенно заметил Косухин. — А значит, и люди имеются!

— Тихо что-то... — засомневался Ростислав.

— И дыма нет, — в свою очередь, всмотрелся Косухин. — Зимой в деревне дым всегда будет...

— Это место нам все равно не обойти. Рискнем?..

Решили рискнуть. Подойдя ближе к тому месту, где от основной дороги шла тропка наверх, к каменным домикам, остановились.

— Снег шел позавчера, — заметил капитан. — Следы присыпаны. Выходит, с тех пор не ходили...

— Церковь вспомни, — посоветовал помрачневший Косухин. — Ох, чует сердце!..

Это действительно была деревня — небольшое поселение из десятка почти одинаковых квадратных домиков. Жило здесь никак не больше полусотни неведомого народу, но теперь вокруг было пусто, ни одна живая душа не встречала неожиданных гостей.

Живых душ действительно не осталось, но на улице и в нескольких домах лежали трупы — уже зачехленные, мерзлые, засыпанные свежим снегом, который намело через открытые двери. Всего насчитали с десяток мертвецов — две женщины, ребенок, семеро мужчин. Руки одного из них сжимали странной формы ружье с длинным стволом, заканчивающимся раструбом. Все погибшие были невысокого роста, желтолицые, с маленькими раскосыми глазами.

— Собак, и тех перебили, — вздохнул Степа. — Видать, разбойники...

— В домах почти ничего не взято, — возразил Ростислав. — Похоже, остальных куда-то угнали. Я там рис нашел — надо будет захватить. Им он уже ни к чему...

— Ага, — кивнул Косухин. — А все одно неловко. Вроде как грабим. Вот ружье...

С большим трудом удалось извлечь оружие из зачехленных рук. К разочарованию Степы, ружье оказалось совершенно незнакомой конструкции — не только ствол раструбом, но и в казенной части стоял какой-то совершенно непонятный механизм. Стреляло оно, судя по мешочку, найденному на поясе мертвеца, черным порохом. Еще в одном мешочке имелся запас самодельных свинцовых пуль.

— Тю! — вымолвил Косухин. — Машинка-то времен царя Гороха!

— У нас в Туркестане такое ружье называется карамультик, — пояснил Арцеулов. — Это кремневое оружие. У нас в училище такая штука хранилась в музее. Смотрите!

Он довольно ловко показал, как действует кремнь, затем зарядил ружье и протянул Степе:

— Держите, господин красный командир! Будете меня охранять.

Степа протянул руку к карамультику, но поглядел на иронически улыбавшегося капитана и хмыкнул:

— Не-а, ты, беляк, сам потащишь этот свой... как его там?

— Карамультик...

— Во-во... Вот если «маузер» найдешь, тогда точно отберу.

Капитан, не став спорить, закинул карамультик за спину и аккуратно спрятал мешочки с порохом и пулями. Кремневое ружье вовсе не было безобидной хлопушкой. Ростислав знал, что из подобного антиквариата можно уложить человека шагов за двадцать пять, а в горах ничего иного и не требуется. Пули же были не в пример современным — чуть ли не со сливу величиной. Так что красный командир Косухин остался с мечтой о «маузере», а интеллигент Арцеулов наконец-то получил в руки оружие. Ружье приятно оттягивало плечо, и Ростислав сразу же по-

чувствовал себя здоровым и сильным. Его жизнь вновь получила цену...

Остаться среди пустых домов и засыпанных снегом трупов не хотелось. В мешок уложили немного найденного риса и полупустую жестяную банку с китайским чаем. В одном из домов Арцеулов обнаружил на земляном полу большую рыжую шубу. Вернее, она была большой для ее прежнего хозяина, который не достигал Ростиславу и до плеча. Для него же это скорее был добротный полушубок.

— Держите, Степан, — предложил Арцеулов. — Это будет получше шинели.

Косухин вначале отнекивался, не желая брать чужое, но потом, рассудив, что теплые вещи нужны живым, переоделся. Вид у него стал весьма живописным — лохматая шуба, доходившая до колен, удачно сочеталась с черной шапкой. Там же, в пустом домике, удалось разыскать две пары рукавиц.

— В общем, ниче, — рассудил Степа. — Извините, ребята! — крикнул он, обращаясь к мертвым разбитым окнам. — Мы не от жадности...

Капитан перекрестился и негромко прочитал заупокойную молитву. Смерть, кружившая по России, черным вихрем пронеслась вслед за ними через границу и теперь сопровождала среди этих дальних гор...

— Тех не меньше взвода было, — рассудил Косухин, когда мертвое селение скрылось за поворотом.

— И вооружены они кое-чем поновее, чем кремневые ружья, — добавил капитан. — Я видел гильзы. Это японские семизарядки. «Арисака», кажется...

— Знаю, — кивнул Степа. — Точно бьют, заразы! Навидался я ваших япошек. Наприглашали!

— Я навидался ваших венгров, немцев и китайцев. Зрелище столь же мерзкое. Впрочем, ваши жидки из ЧК ничуть не лучше...

— Ах ты!.. — задохнулся возмущением Косухин. — Семит... То есть антисемит, чердын-калуга! Наши венгры и прочие — это не интервенты, а эти... интернационалисты, то есть интернации... Ну, в общем, за народное дело! Темный ты, Ростислав, а еще интеллигент!

— Куда уж мне... А ваши собачки-оборотни — тоже за народное дело? А Венцлав — из интернационалистов?

Степа засопел носом, но смолчал, не желая отвечать на провокационный выпад. Не этому недорезанному судить о неизбежных ошибках, возникающих в трудном деле борьбы за Мировую Революцию!

Арцеулов видел, что припек-таки краснопузого, и это его

весьма порадовало. В последнее время Степа стал излишне задаваться.

«Пусть подумает, — решил капитан. — Это и пролетариям иногда полезно...»

Он хотел было подбавить жару, припомнив кое-что из виденного в Иркутске — ну, хотя бы чудо-богатыря товарища Чудова, — как вдруг, вздрогнув, схватил Степу за руку.

— Голоса! Впереди...

Косухин прислушался — где-то далеко, но все же не очень, в полукилометре от силы, кто-то переговаривался. Точнее, переговаривались, причем весьма громко. Ругались, не иначе.

Арцеулов снял с плеча карамультук. Оба ускорили шаг, внимательно поглядывая на пустую, покрытую снегом тропу. Кто бы ни был впереди, здесь он не проходил. А это уже становилось интересно...

Голоса смолкли, но через несколько минут раздались вновь — громкие, сердитые, очень недобрые. Послышался крик...

Тропа резко пошла вширь, подведя к очередному повороту. Голоса слышались совсем рядом. Степа рванулся вперед, но Арцеулов, отстранив его, внимательно осмотрел затвор карамультука и выглянул первым.

За поворотом была каменная площадка, каких они уже немало повстречали на пути. Влево шла еще одна тропа, нырявшая в узкое ущелье. На земле валялись несколько мешков, какие-то вещи и брошенный прямо в снег карабин. Возле вещей толпились пятеро невысоких, но крепких косоглазых парней в одинаковых серых полушубках и шапках с меховыми козырьками. Двое держали оружие на изготовку и, весело посмеиваясь, наблюдали за тем, чем занимались их товарищи. А те, уже без всякого смеха, а, напротив, с руганью и криками, что есть силы били еще одного — худого высокого парня в меховой куртке нараспашку. Шапка лежала рядом, тут же в снегу торчал нож, похоже, только что выбитый из рук.

Парень отчаянно сопротивлялся. Пару раз его валили в снег, но он откатывался в сторону, вскакивал и успевал врезаться одному из нападавших в челюсть или в грудь, прежде чем снова упасть. Когда он в очередной раз упал, один из нападавших замахнулся ногой, но тут же рухнул в снег, сбитый ловкой подсечкой.

— Дает! — шепнул Косухин. — Ну чего, капитан, пошли?

Арцеулов помолчал, оценивая ситуацию. Тех, с оружием, пятеро, у парня нет даже ножа...

— Ты чего? — возмутился Степа. — Их же пятеро на одного... И рожи самые бандитские!

Ростислав не ответил и, быстрым движением расстегнув полушубок, скинул его в снег. Затем передал ружье Косухину и сжал в руке нож.

— Первого, кто поднимет оружие!..

Один из тех, кто стоял в стороне, вдруг стал очень серьезным и что-то громко крикнул. Трое, избивавшие парня, отскочили в сторону, оставив жертву лежащей в снегу. Тот, кто отдал приказ, лениво поднял ствол карабина. Парень успел вскочить, но тут же замер, увидев направленный на него ствол. Косоглазое лицо дернулось в злобной ухмылке, палец лег на спусковой крючок...

...И послышался грохот. Карамультик, нацеленный Степой, окутался черным дымом. Косоглазый рухнул в снег — пуля угодила ему точно в висок. Другой, в таком же сером полушубке, попытался обернуться, но, захрипев, начал сползать в снег — Арцеулов был уже рядом и вынимал из его бока окровавленный нож. Один из оставшихся, не успев выхватить оружие, кинулся на капитана, но получил резкий удар в грудь, отбросивший его навзничь.

Парень в куртке, сообразив, что пришла подмога, кинулся на ближайшего косоглазого и повалил его в снег, вцепившись в горло. Пятый — последний — дернул из-за пояса револьвер, но подоспевший Косухин обрушил на его голову приклад. Бандит в сером мягко ткнулся лицом в труп своего товарища. Сцепившись со своей недавней жертвой, косоглазый сумел вырваться и подхватить с земли карабин, но тут хлопнул сухой короткий выстрел, и Арцеулов сунул за пояс трофейный револьвер.

Степа первым делом бросил верно послужившее ружье и закинул за плечо новенькую винтовку. Теперь и он почувствовал себя прежним — уверенным и сильным. Арцеулов ткнул носком унта лежащего в снегу бандита и без особых сантиментов добил его выстрелом в голову, после чего, оглядев место побоища, поморщился и направился надевать сброшенный полушубок.

— Сэнк ю, бойз! — произнес спасенный, весело улыбаясь и вытирая снегом окровавленное лицо. Досталось парню крепко, но оптимизма он явно не терял.

Степа понял, что его благодарят, и промывчал в ответ что-то неопределенное.

— Амэрикан? — продолжал между тем неизвестный.

— А-а! — сообразил Косухин. — Никак нет, браток, не оттуда.

Парень с интересом прислушался и неуверенно проговорил:

— То... пан поляк?

— Вот, чердын-калуга, непонятливый! Русские мы!

— Шердын... — удивленно пробормотал парень, но затем его лицо прояснилось, и он четко, почти без акцента, произнес: — Спасибо, товарищ!

— Вот это дело! — обрадовался Степа. — Это по-нашему!

— Вы америкэнец? — заинтересовался Арцеулов, успевший накинуть полушубок и теперь поправлявший ремень.

— О, йес! — согласился неизвестный. — А'м Тэд Валуже-

нич, Джонсвилл, Индиана стэйт. Бат... бойз, д'ю андестэнд инглиш?

— Немного, — ответил Ростислав по-английски. — Похоже, мистер Валюженич, у вас были некоторые проблемы?

— О, да! И я могу лишь поблагодарить Творца, что Он занес таких решительных русских парней в самую жуткую дыру на Тибете!

— Значит, все-таки Тибет... — проговорил Арцеулов и еле заметно нахмурился.

ГЛАВА 4

УБЕЖИЩЕ

Тэд Валюженич верил Богу, американской Конституции, законам природы и — отчасти — президенту Вильсону. Во всех остальных вопросах он оставался ярым скептиком, каким и положено быть молодому ученому в двадцать два года.

Предок Тэда — люблинский маршалок Тадеуш Валюженич — прибыл в Штаты еще в конце XVIII века. С тех пор Валюженичи считали себя истинными янки, а от польских предков оставили лишь несколько пергаментов с давними королевскими привилегиями, а также имена Тадеуш и Криштоф, которые получали старшие в семье. Так Тадеуш стал Тэдом. Криштофом — Крисом — был его отец, известный филолог-медиевист, в последние годы работавший по приглашению Британской Королевской Академии наук в одном из английских университетов. Польский язык, который в семье полагалось знать, Тэд учить не захотел, чем весьма огорчил своего родителя. Решив все же направить отпрыска по собственной стезе, отец послал Тэда в Сорбонну, но тот, проучившись год и вдоволь наслушавшись о миннезингерах и трубадурах, взбунтовался и перевелся на отделение археологии, что больше подходило его живой натуре. Отец воспринял это решение весьма кисло, но Тэд не унывал и уже через полгода добился именной стипендии и места лаборанта в отделе молодого, но уже знаменитого профессора Луи Робера. Помогли поистине сизифово трудолюбие, а также знание языков. Польский, правда, он так и не освоил, зато досконально выучил древнегреческий, а за последний год увлекся восточными языками — от суахили до наречия тибетских бхотов.

На Тибет Валюженич попал отчасти из-за бхотов, чьими древностями серьезно заинтересовался, а отчасти из-за своего приятеля Шарля Карно. Молодой аспирант, потомок знаменитого математика и генерала Революции, Шарль был аспирантом у Робера и на свои средства организовал тибетскую экспедицию. Профессор Робер лишь покачал головой, узнав о безумном за-

мысле своих учеников, но в конце концов благословил их, вручив письма во все возможные официальные и научные учреждения Китая и Британской Индии. Валюженич вместе с Карно, наняв нескольких проводников, три месяца ездил по глухим горным закоулкам, перезнакомившись с десятками бритоголовых мудрецов в оранжевых одеяниях и сумев правдами и неправдами собрать большую коллекцию тибетской старины. Ближе к зиме, когда даже самые смелые проводники опасались вести экспедицию дальше, Шарль Карно решил добраться до главной святыни бхотов — монастыря Шекар-Гомпа. Местные власти предупреждали, что возле Шекар-Гомпа небезопасно, но молодые люди были согласны рискнуть. Все уже было готово, но в начале декабря Шарль внезапно заболел. Он пролежал в горячке три недели, затем начал поправляться, но ни о какой дальнейшей поездке не могло быть и речи. Тогда Тэд решил рискнуть сам. Тут даже Карно испугался, попытавшись не пустить друга в эту авантюру, но Валюженич был тверд. Он, истинный янки, воспринимал случившееся как вызов и был готов сей вызов принять. В начале января, оставив Шарля в католической миссии под присмотром нескольких соотечественников-французов, Тэд нанял проводников и отправился в путь.

Вначале все шло наилучшим образом, но в последнем селеении, встретившемся по пути, проводники, поговорив с местным старостой, категорически отказались идти дальше. Уговоры не помогли. Проводники были готовы даже вернуть аванс, что для тибетцев являлось делом невиданным. Они объясняли, что хозяин ада Шинджа вместе со своей подругой Лхамо, сев на своих призрачных коней, выбрались на землю как раз у Шекар-Гомпа.

Тэд Валюженич не верил в хозяина ада Шинджу. Убедившись, что суеверия в этом далеком от западной цивилизации крае излишне сильны, он решил добираться сам. До Шекар-Гомпа оставалось не больше двух дней пути, но тут случилась изрядная неприятность: як, на котором ехал молодой археолог, оборвал ночью упряжь и сбежал. Тэд, взвалив вещи на спину, пошел пешком.

Его встретили как раз у перекрестка. Пятеро солдат не стали ни о чем спрашивать, не поинтересовались документами, а сразу, забрав у растерявшегося Тэда оружие, принялись его избивать. Валюженич попытался дать сдачи, но у косоглазых были винтовки. Едва ли все это кончилось бы чем-то хорошим, но тут из-за скалы прогремел Степин карамультук...

Арцеулов предложил тут же убраться подальше от места схватки. Трупы скинули прямо в пропасть, где шумела речка, туда же полетело лишнее оружие, снег был заново утопан и даже кое-где присыпан, чтобы скрыть пятна крови. Критически

оглядев место побоища, Косухин решил, что следопытам, буде таковые явятся, придется изрядно повозиться. После этого он взвалил на спину мешок и выразил согласие идти дальше.

Дальше — означало к Шекар-Гомпу.

Тропа стала настолько широкой, что по ней можно было идти втроем. Впрочем, шли не плечом к плечу, а уступом — Арцеулов и Тэд рядом, Степа же — чуть позади. Такую позицию Косухин избрал сознательно. Беляк и свалившийся как снег на голову американец пустились в беседу на неведомом Степе английском языке, и гордый Косухин предпочел чуток отстать, дабы не делать умное лицо, не понимая ровным счетом ни черта. Сначала рассказывал Валюженич — громко, жестикулируя обеими руками, потом стал говорить Арцеулов, очень спокойно и, как показалось Степе, тщательно подбирая слова.

Так оно и было. Выслушав рассказ американца, Ростислав почувствовал себя в некотором затруднении. Подумав, он сообщил, что они с Косухиным являются военнослужащими российской военной базы в Китае, попавшими в плен и оказавшимися после дальних странствий на Тибете. Американец выслушал внимательно, затем его взгляд скользнул по торчавшему из-за пояса капитана рогу — подарку Джора, после чего Тэд произнес «Оу!» и воздержался от комментариев.

Степе было обидно, что Арцеулов, пользуясь своим буржуазным образованием, отсек от него их нового знакомого. Но тут Валюженич оглянулся, что-то спросил у Ростислава, после чего сместился чуть назад.

— Мистер Косухин... — начал он торжественно.

— Да чего там! Степа я... Степан, — подобрел тот.

— Оу? Сте-пан... Стив! Велл?

— А че? — Имя «Стив» неожиданно понравилось.

— Стив! Я хчу ще один раз высловить вам...

— Да ну! — совершенно смягчился Косухин. — Чего там, Тэд! Сегодня — я, завтра — ты... Ростислав, переведи, будь добр, что пословица есть: сделай добро и брось его в пропасть.

Арцеулов, удивленно поглядев на Степу, перевел, после чего американец улыбнулся и что-то заговорил в ответ, на этот раз уже по-английски.

— Тэд говорит, что он слышал эту пословицу, — перевел капитан. — Только он слышал ее в Ираке. Она звучит так: «Сделай добро — и брось в реку Тигр». Степан, а вы где ее узнали?

— Ха! — только и ответил довольный Степа.

Теперь уже все трое пошли рядом. Пользуясь этим, Ростислав пересказал Косухину историю студента-археолога.

Между тем Косухину пришла в голову какая-то важная мысль. Что-то существенное они упустили, когда, скинув трупы банди-

тов в пропасть, двинулись дальше. Он долго размышлял, а затем хлопнул себя по лбу.

— Эй, граждане, не спешите! Коней у этих косоглазых не было. Так? И даже этих... яков. Как же они туда попали? Не в снегу же ночевали?

Капитан быстро перевел. Тэд сразу стал серьезным.

— Я шел по другой тропе, чем вы, ребята, но никого не встретил. Значит, они пришли с другой стороны...

— Во! — кивнул Степа. — Мы таких тоже не видели. Значит, кубло у них впереди — больше нигде. И близко очень, иначе б они пешком не ходили. А мы топаем себе...

Наступило молчание, после чего Арцеулов покачал головой, негромко заметив: «Кретин!» Затем пояснил:

— Это я кретин, господа. Для кадрового офицера не сообразить такое «дважды два» — позор!

— Брось, Ростислав, — смилостивился Косухин. — Это мы по горячке. Я тоже хорош — когда только понял! Но чего делать-то?

Тэд, выслушав перевод, достал из вещевого мешка карту.

— Давай, капитан, рули! — обрадовался Степа.

Карту развернули. Косухин мало что понял, зато Арцеулов буквально впился глазами в бумажный лист. Наконец-то можно не бродить с завязанными глазами!

Местность была Ростиславу совершенно незнакома. Если бы не надпись, он бы едва ли сообразил, что это Тибет. Впрочем, Тэд тут же показал тропу, по которой они шли, и речку, вьющуюся рядом. Впереди, не так уж и далеко, была обозначена долина, где стоял нарисованный от руки крестик.

— Шекар-Гомп, — пояснил он.

Валюженич добавил, что карта составлена лет пятнадцать назад английской военно-топографической экспедицией.

— Худо дело, — заметил Арцеулов. — Другой дороги-то нет. Степан, смотрите...

Он показал тропу, речку и монастырь впереди. Степа pokrutil головой, разглядывая нависавшие над ними скалы, пропасть по другую сторону тропы, и почесал затылок:

— Вот чердынь-калуга! А пост-то где-то рядом. Пора ему уже быть...

Валюженич переспросил капитана, а затем предложил:

— Я не военный, ребята, но думаю, пора где-нибудь спрятаться и подождать до темноты.

Капитан был того же мнения, но Степа посчитал нужным прежде разведать местность. Решили двинуться вперед в поисках подходящего убежища. Теперь шли осторожно, всматриваясь в каждый поворот тропы. Тэд первым заметил удобную площадку, на которую вполне можно было забраться снизу. Первым

влез Степа, подав американцу ствол карабина, но тот, гибкий словно кошка, взлетел вверх без посторонней помощи.

— Вас почти не видно, — оценил капитан, оставшийся на тропе. — Степан, я пойду посмотрю, что там. Сидите тихо...

— А чего ты? — по привычке начал Косухин, но Ростислав взял карабин на изготовку и зашагал вперед.

— Мистер Арцеулов? — поинтересовался Тэд.

Косухину пришло на ум мудреное словцо:

— Он... это... рекогносцировка!

— Оу, велл! Хи из брэйв бой!

— Ну вот, опять по-своему чешешь! — огорчился Косухин. — Ты лучше, Тэд, расскажи, за какую ты платформу? Ну, за революцию? За коммунизм?

— Оу! — понял Валюженич. — Но, но! Революшен — из крейзи хорс оф прогресс!..

— Буржуй ты, — вздохнул Степа, — капиталист...

— Ка-пи-та-лист... — задумчиво повторил Тэд. — Оу! Рокфеллер, Морган, Херст? Но, но! Но капиталист, Стив! А'м сайн-тист. Онли сайнс, йе!

Теперь уже красный командир принялся чесать затылок.

— Значит, ты, Тэд, не за капитализм, а за этот «сайнс»? А чего это?

Валюженич задумался:

— Сайнс... Математик, кэмистри, хистори, физик... Сайнс!

— А! — осенило Косухина. — Наука, значит! Так наука, друг Тэд, штука тоже классовая! Эх, темнота интеллигенты, навязались, чердын-калуга, на мою голову!.. Так ты этот, историк?

— О, йе! Хистори... Бат эспешли акэолоджи...

— А это чего?

— Оу! — Валюженич тут же загорелся. — Пан не разумеет польску?..

— Да ты валяй, — предложил Степа. — Авось и соображу.

Тэд кивнул и начал излагать суть мудреной науки «акэолоджи».

...Между тем Арцеулов быстро шел по тропе, стараясь держаться ближе к левому краю, чтобы успеть прижаться в случае необходимости к скале. Ему было стыдно, что он, кадровый офицер, воевавший не первый год, не догадался, что вражеский пост совсем рядом. Хорошо еще, что краснопузый вовремя сообразил, а то бы попались теплыми! Ростислав еще раз подумал, что Степа, ежели его умыть и как следует обучить, мог бы стать толковым офицером.

И тут он оборвал себя. Косухин и так был офицером — командиром «рачьей-собачьей», будь она проклята, Красной Армии! Причем таких, как Степа, там немало, раз их, белых, все-таки

выкинули за Байкал. И это было обиднее всего. Нормальные русские ребята, с головой и совестью, лупили в хвост и в гриву таких же нормальных! Получалась форменная ерунда.

«А если бы мне с Косухиным пришлось вести переговоры, договорились бы? — мелькнула уже совершенно безумная мысль. — А почему бы и нет? Договорились! Тогда какого же черта?!»

Вспомнились слышанные им рассуждения: озверение, деци-визация, потеря человеческого облика, психическое оружие, превращение нормальных людей в волчью стаю... Не поверишь, конечно, но как тогда объяснить все это? Не классовой же борь-бой господина Маркса, чтоб он пропал!

Арцеулов помотал головой — думать об этом не время. Шес-тое чувство, редко подводившее на фронте, подсказывало — враг рядом, а значит, надо шагать как можно тише, прижимаясь к скале...

Солдат возник внезапно. Он был в сером полушубке, как и те, что напали на Валюженича, на плече болтался карабин, толь-ко у этого к карабину был примкнут блестящий на неярком ян-варском солнце штык — в полном соответствии с уставом кара-ульной службы. В этом месте тропа оказалась перегороженной невысокой, приблизительно в метр, каменной кладкой. У стены оставался проход как раз для одного человека. Ростислав отсту-пил на несколько шагов и замер, сжимая оружие в руках.

Солдат был один, но сзади, под прикрытием скалы, должен находиться пост — человека два-три, а то и больше. Днем под-ойти невозможно. Конечно, можно попытаться ночью... Арце-улов еще раз, стараясь не шуметь, выглянул, заметив то, что про-пустил вначале, — над каменной стенкой был укреплен большой электрический фонарь, провода от которого тянулись куда-то за скалу. Итак, ночью здесь будет светлее, чем днем...

Оставалось одно — атака. За свою фронтовую жизнь капи-тан брал крепости и посложнее, но этот пост — лишь первый...

И тут Ростислав похолодел — чья-то рука коснулась его плеча. Проскользнула и сгинула мысль, что паршивец Степа решил над ним подшутить. Капитан медленно обернулся. Перед глазами мелькнуло что-то желтое...

...Тот, кто стоял сзади, был действительно в желтом — то ли в плаще, то ли в балахоне. Росту невысокого, лицо смуглое, с раскосыми темными глазами, непокрытая голова отчего-то бри-тая...

Человек в желтом смотрел на Ростислава молча, не мигая, затем в уголках тонких бесцветных губ мелькнула улыбка. Худая костлявая рука сделала приглашающий жест. Арцеулов повино-вался, догадавшись, что неизвестный не желает ему зла.

Они отошли на несколько шагов, так, чтобы часовой не смог заметить, затем худая смуглая рука указала вперед, сделав харак-

терный рубящий жест. Капитан понял — ему показывали, что тропа надежно перекрыта. Затем рука указала на Арцеулова, и неизвестный поднял вверх один палец. Ростислав задумался, сообразил и поднял в ответ три пальца — его спрашивали, один ли он. Теперь кивнул незнакомец, показав назад. Еще не веря в удачу, Арцеулов знаками попытался пояснить, что им нужно обойти пост, но человек в желтом прервал его, вновь показав на тропу. Капитан минуту подумал, а затем решился и пошел обратно, на всякий случай не выпуская из рук карабин. Незнакомец словно тень шагал рядом, время от времени бросая на Арцеулова короткие взгляды, словно пытаясь увидеть что-то важное...

Между тем Косухин и Валуженич совместными усилиями разобрались в сущности мудреной науки «акэолоджи». Степа понял, что Тэд занимается поисками каких-то загадочных «артефактов», причем ищет их как на земле, так и под землей, и если надо, то с риском для собственной головы. Один из «артефактов» Тэд даже продемонстрировал, достав из мешка тщательно завернутую в полотно рукопись на непонятном твердом материале. Косухин осторожно потрогал край манускрипта и долго не мог понять разъяснений Валуженича, пока тот не произнес «Му!», продемонстрировав пару рожек над собственным лбом. До Степы наконец дошло, он внимательно осмотрел пергамент и даже высказал собственное мнение, что это не «му», а скорее «бе-е-е».

Тэд как раз прятал рукопись обратно в мешок, когда Степа толкнул его в плечо и схватил карабин. По тропе возвращался Арцеулов, но не один, а с каким-то желтым и бритым...

Капитан сделал успокаивающий жест, но Косухин, сжимая оружие в руках, уже соскользнул с уступа вниз. Тип в желтом балахоне Степе отчего-то сразу не понравился. Правда, в последний момент Тэд успел произнести свое обычное «Оу!» и добавить «Монк!», однако ясности это не внесло.

— Впереди пост, — сообщил капитан, кивая на тропу. — Днем не пройти. Вот, встретил...

Неизвестный внимательно поглядел на Степу, сложил ладони на груди и быстро поклонился.

— Здравсьте, — сдержанно отреагировал Косухин. — И чего дальше?

Арцеулов хотел пояснить, но тут вниз спустился Тэд, волоча с собой мешки. Он шлепнулся на тропу, вскочил и подошел прямо к незнакомцу. К удивлению остальных, Валуженич тоже сложил ладони на груди, поклонился и принялся вещать на каком-то непонятном языке. Монах поклонился в ответ, некоторое время внимательно слушал, затем заговорил сам.

Арцеулов и Степа слушали, не понимая, уловив лишь знакомое слово «Шекар-Гомп».

— Это буддийский монах, — пояснил наконец Тэд. — Его зовут Цронцангамбо...

— Как? — поразился Арцеулов.

— Цронцангамбо. Так звали знаменитого тибетского короля, который правил в VII веке и ввел здесь буддизм. Цронцангамбо был монахом в Шекар-Гомпе...

— Мужики! — не выдержал Степа. — Я ж не понимаю ни черта!

Ростислав быстро перевел, правда имени монаха повторить не решился.

— Сейчас монастырь захвачен какими-то разбойниками, — продолжал Валюженич. — Он приглашает нас с собой. У них там убежище...

— Вот еще! — вскинулся Степа. — А чего это он такой добрый?

Тэд перевел вопрос. Монах улыбнулся уголками губ, а затем четко и ясно произнес: «Хан Гэсэр!»

— Оу! — воскликнул Тэд.

Степа и Арцеулов переглянулись.

— Хан Гэсэр! — повторил монах и указал на рог, торчавший за поясом у капитана.

— Ошибся, батя! — покачал головой Степа. — Это нам командир Джор подарил.

Монах, услышав имя Джора, кивнул. Валюженич переспросил у Арцеулова, тот ответил, затем повернулся к Косухину:

— Монах считает нас посланцами Гэсэр-хана. Помните, Богораз рассказывал? Джор — настоящее имя Гэсэра. Тэд говорит, что «Гэсэр» — это титул...

Для Косухина все это было излишне сложно, но спорить он не решился.

По тропинке шли вчетвером — монах и Арцеулов впереди, Степа и Тэд — чуть сзади. Валюженич то и дело произносил «Оу!», о чем-то напряженно размышляя. Степа был настороже и даже снял карабин с предохранителя.

До поста оставалось метров сорок, когда Цронцангамбо остановился. Арцеулов осмотрелся — сзади шумела речка, впереди — неприступная скала... Монах вновь улыбнулся, затем положил ладонь на небольшую выемку в каменном утесе. В то же мгновение сквозь камень зазмеилась трещина, и огромный валун без звука отъехал в сторону, открывая низкий темный проход.

— Чердынъ его! — только и смог произнести Косухин. — Ну, дают!

Остальные не могли вымолвить и этого. Брови Тэда поползли вверх, и он чуть слышно присвистнул. Арцеулов лишь вздохнул. Монах полюбовался произведенным эффектом, а затем указал на вход.

— Ну что, красный командир, — усмехнулся капитан, — рискнем?

— А чего? — Степе не хотелось показать себя трусом. — А с удовольствием! Как, Тэд?

Валюженич подмигнул Косухину, показал большой палец и первым шагнул через высокий каменный порог. Монах подождал, покуда все войдут, затем достал из-за камней старинную масляную лампу, зажег ее, после чего вновь прикоснулся к каменной двери. Огромная глыба бесшумно закрыла проход. Все четверо оказались в узком каменном тоннеле, освещаемом неярким светом горящего масла.

Сначала поднимались по ступенькам — Арцеулов насчитал их двенадцать, а затем тоннель пошел ровно, понемногу расширяясь. Стало заметно теплее, из глубин горы шел поток теплого воздуха.

— Оу! — внезапно произнес Тэд, показывая куда-то в сторону.

Все остановились. Цронцангамбо что-то негромко произнес и поднес лампу поближе. Тут уж и Степа не смог удержать удивленного возгласа, а Ростислав выдохнул воздух и быстро прекрестился.

...В каменной стене зияла ниша. Небольшая — не выше полтора метров. Ничего необычного в этом и не было бы, если б не то, что находилось внутри.

Человек... Морщинистое лицо, истлевшая повязка на бедрах, худое изможденное тело с выпиравшими сквозь коричневую пергаментную кожу ребрами...

— Мумия? — понял Арцеулов.

Тэд спросил у монаха, тот что-то веско и почти торжественно произнес, поднеся свободную левую руку ко лбу.

— Не понял, ребята, — растерянным тоном заметил Валюженич. — Это их бывший настоятель, но не мертвый, а вроде как спящий... Здесь не кладбище, хоронят в самом монастыре...

Монах некоторое время подождал, затем кивнул и пошел дальше. Через некоторое время свет лампы упал еще на одну нишу, откуда смотрело такое же морщинистое лицо с закрытыми глазами.

— Фу ты! — Степу передернуло, он повернулся к Арцеулову. — Слышь, спроси Тэда. Он ведь этот... акэолоджи.

Арцеулов перевел вопрос. Валюженич задумался, затем стал что-то говорить. Ростислав растолковал:

— Тэд говорит, что в Индии есть мудрецы-факиры, которые могут несколько лет быть в трансе — как мертвые. А потом их можно разбудить. Правда, они могут так пробить лишь год-два...

— Факиры?!

Косухин встречал факиров лишь в цирке. Но цирк — это одно, а иссохшие тела в нишах — совсем другое...

Через несколько минут они увидели впереди неяркий свет. Вскоре под ногами вновь оказались ступеньки, но вели они уже не вверх, а вниз. Открылся небольшой полукруглый зал, скупо освещенный несколькими масляными лампами. В углу, окруженный маленькими лампадками, сидел тихо улыбающийся Будда странного темно-желтого цвета. Больше никаких изображений не было, за исключением небольшого барельефа на одной из стен. В зал вели три прохода — один, по которому провели гостей, и два — по бокам.

При виде Будды Тэд произнес негромкое «Оу!» и кивнул Арцеулову, приглашая его оценить увиденное. Ростислав не понял, но внимательный Косухин отреагировал тут же:

— Чердынь-калуга! Да ведь он золотой!

Арцеулов прикинул, сколько может стоять этот бурхан в его мире, и покачал головой.

Цронцангамбо провел гостей к центру зала и усадил на небольшое возвышение. Все сняли шапки, а Степа поспешил расстегнуть свою лохматую шубу. Монах поглядел на гостей, кивнул и удалился.

Несколько секунд все молчали, затем Косухин, шумно вздохнув, достал пачку папирос.

— Спрячьте, — посоветовал Арцеулов. — Мы вроде как в храме.

Степа не стал спорить, но папиросы не спрятал, а положил рядом.

— Интересно, ребята, — заговорил Валюженич, как следует осмотревшись. — Это, очевидно, тайное монастырское убежище. Здесь обычно прячут сокровища, реликвии, иногда мумии. Тех, в нишах, вы уже видели.

— Слышь, Тэд, — поинтересовался Косухин, когда Ростислав перевел слова американца, — а по какому ты с ним говоришь?

— Это бхоты, — пояснил Тэд. — Их еще называют «боты», но «бхоты» — правильнее. Я как раз изучал их наречие перед отъездом. Это маленький народ, живут в западном Тибете, в общем, ничем не знамениты. Насколько я знаю, Шекар-Гомп — их единственный известный монастырь. Построили его еще в VII веке...

Послышался легкий шорох. В зал входили четверо монахов, похожих на Цронцангамбо, только трое были постарше, а один — очень молодой, почти мальчик. Сам Цронцангамбо вошел последним, неся большой фонарь, горевший желтым трепещущим светом. Гости встали. Монахи поклонились, после чего Цронцангамбо жестом пригласил всех встать. Наступила тишина.

— Эта... здарсьте, — не выдержал Косухин. — От имени трудового пролетариата России приветствую тибетских товарищей!

Получилось неплохо. Правда, кисло улыбнувшийся Арцеулов даже не стал переводить, но монахи вежливо кивнули. Один из них, самый старший, поглядел на Степу очень внимательно, и взгляд его стал на мгновение решительным и жестким.

«А ведь понимает, — сообразил Степа. — Надо его запомнить, чердынь!..»

Заговорил Тэд. Он поздоровался, затем, указывая на каждого, назвал имена гостей и, судя по слову «Раша», попытался объяснить, кто они и как сюда попали. О себе он сказал совсем коротко, зато достал из вещмешка большой документ с многочисленными печатями и показал монахам. Очевидно, это были его верительные грамоты.

Документ изучали долго, впятером, после чего вернули Тэду. Вновь наступила пауза, затем слово взял Цронцангамбо. Он говорил медленно, чуть нараспев, делая долгие перерывы, чтобы Тэд успел перевести Арцеулову, а тот — пересказать Степе:

— Я приветствую наших гостей из Америки и России. Мы чтим Будду, Христа, просветившегося сотни лет назад в этих краях... В Шекар-Гомпе всегда были рады гостям. К сожалению, вы пришли в тяжелый час. Нашего монастыря больше нет. Мы последние монахи Шекар-Гомпа, а я, недостойный брат Цронцангамбо, — его последний настоятель... Много веков назад Царь Света Кунтузампо победил злую ведьму Бранг Сринмо и низверг ее на землю. Ее застывшее тело, окаменев, стало тем, что теперь называют Тибет. Но злая ведьма еще жива. Под каменной кожей струится голубая кровь, а в нескольких местах, где стрелы Кунтузампо пробили кожу насквозь, эта кровь кипит и испаряется, уходя потоком голубого света в небеса...

Тэд переводил холодно, бесстрастно, его глаза превратились в щелки, а рука с карандашом делала быстрые стенографические записи в блокноте. Арцеулов старался передавать речь монаха как можно более точно, но его труды пропали зря: от подобной поповщины Степу тут же затошнило.

— ...Возле одной из ран в теле Бранг Сринмо и был построен Шекар-Гомп — Страж Раны. Здесь хранился Запретный Талисман, оставшийся после боя Кунтузампо со слугами ада — нараками...

— Оу! — не выдержал Тэд. — Талисман?

Монах еле заметно улыбнулся:

— Ни я, ни мои предшественники никогда не видели Запретный Талисман. Он замурован в подземелье, и над ним произнесено девять заклятий. По преданиям, это спекшаяся кровь царя ада Ямы, называемого также Шинджа. Если кровь ведьмы — голубая, то кровь Ямы — темно-красная, почти черная. Она запеклась в виде большого камня, похожего на тот, который в вашем мире именуют рубином.

— Ого! — не выдержал Степа, мельком взглянув на золотого Будду. — И большой этот... талисман?

Валюженич перевел. Монах поглядел на Косухина и улыбнулся, словно разговаривая с ребенком:

— Большой. В древности те, кто его видел, называли этот камень «Голова Слона».

Косухин пару раз видел слонов в разъездных цирках, поэтому сразу же оценил сказанное.

— Сотни лет мы жили мирно, храня то, что нам было завещано еще отцом Падмасмбхатвой, который повелел основать Шекар-Гомп. Беда случилась недавно...

Тэд внезапно замолчал, став что-то черкать в блокноте, а затем, попросив монаха подождать, обратился к Арцеулову:

— Я что-то не понимаю, Ростислав. Кто-то на них напал...

— Давайте задавать вопросы, — предложил капитан. — Спросите: на них напали солдаты в серых полушубках?

Монах выслушал перевод и покачал головой.

— Странно, — заметил Тэд. — Если я правильно понял, он говорит, что на них напал сам бог Яма, хозяин здешней преисподней, он же Шинджа, он же Чойгьел. Это страшное чудовище сидит в окружении жутких демонов, вокруг пляшут скелеты...

— А они его видели? — поинтересовался материалист Косухин. — Чтобы с этими... демонами?

— Говорит, что видели. Иначе никто бы не решился ворваться в монастырь — даже здешние бандиты чтят его и обходят стороной...

— Ладно, господа, — вмешался Арцеулов, — давайте все же выслушаем. Итак, на них напал этот Яма...

— Яма что-то сделал с Запретным Талисманом и смог набраться сил от раны в теле этой ведьмы...

— Ты про серых спроси, — не выдержал Косухин, — которые с карабинами...

— Потом Яма позвал своих нарав — демонов в черном и поставил их охранять Запретный Талисман. С его помощью он оживил... нет, не так... в общем, призвал мертвецов-варда и каких-то Потерявших Разум...

— Так... — Арцеулов остановил жестом Степу, который со-

бирался вставить очередную реплику. — Эти, Потерявшие Разум, — люди?

— Люди. Те, в серых полушубках. Большая их часть — бывшие местные разбойники, которых Яма лишил разума с помощью этого рубина. Он их одел в серые полушубки и поставил охранять монастырь снаружи...

— Ага, внешняя охрана, — удовлетворенно заметил Косухин. — Теперь понятно — ненормальные в сером. А внутри?

— Внутри нарака в черном. Нарака прибыли издалека, и некоторые похожи... я, правда, не уверен... на европейцев. У них есть общий знак — колесо солнца, но перевернутое наоборот...

Цронцангамбо кивнул молодому монаху. Тот достал из складок желтого одеяния что-то небольшое, очень знакомое. Степа и Арцеулов переглянулись — на худой ладони монаха лежал знак голубой свастики.

— Это они носят на шапках, — подтвердил Тэд. — Ну а варда, насколько я понял, нечто вроде рабов. Они там что-то строят...

— Спасибо, Тэд, — кивнул капитан. — Поблагодарите хозяев и скажите, что мы постараемся попасть в Шекар-Гомп и узнать, что к чему.

— Они так и поняли. Ребята, они считают нас посланцами Гэсэра и думают, что он прислал нас по их просьбе. Вон там... на стене...

Он что-то сказал монахам. Один из них взял фонарь и поднес к барельефу, до этого незаметному в темноте. Колелеблующийся свет сделал изображение почти живым — всадник на огромном коне натягивал лук, целясь в невидимого врага...

Монахи встали, один из них кивнул гостям, приглашая с собой. Их провели коридором, где за деревянной дверью находилась небольшая комната с тремя низкими ложами, покрытыми шерстяными одеялами. На стене горели лампы, в углу стоял большой глиняный сосуд с водой.

— Сейчас нам принесут поесть, — сообщил Тэд. — В общем, отдохнем...

Обед оказался весьма скуден — небольшое блюдо вареного риса и темный чай, пахнущий неведомыми травами. Как только монахи удалились, Валуженич достал из вещевого мешка пару банок консервов, и настроение у всех тут же поднялось. Глоток спирта его еще более улучшил, а после обеда Степа и капитан не выдержали и закурили.

— Ну и язык у пола! — вымолвил Косухин, с удовольствием затягиваясь и пытаясь пустить дым кольцом. — Нет чтобы ясно обсказать — кто напал, сколько их. Тоже мне, демоны!..

— Он говорит тем языком, каким привык, — пожал плечами Ростислав. — Но свастику вы видели?

— Видел...

— Вот... Цо паны мовят? — вмешался Валюженич, внимательно слушавший разговор. — Ай дон'т... Не разумею... — Он покрутил головой и перешел на английский. — В общем, материал для статьи по бхотскому фольклору я уже собрал, а теперь, ребята, может быть, поговорим откровенно?

— В каком смысле? — поинтересовался Арцеулов, сразу же став серьезным.

— В самом прямом, парни! Прежде всего давайте договоримся: мы сейчас в одной команде, так?

— Ясное дело, — согласился Степа.

— То пан згоден... Добже... Если мы в одной команде, то давайте не будем прятать карт. Неужели, вы думаете, я не понял, кто из вас максималист, то есть большевик, а кто белый? Я, конечно, читаю газеты не каждый день, но все-таки...

Арцеулов и Степа переглянулись — крыть было нечем.

— Вы оба только что из России. Но как и, главное, зачем вы попали сюда? Что вам нужно в Шекар-Гомпе? Я задал не слишком много вопросов?

— Да нет, в самый раз, — вздохнул Степа. — Ростислав, ну чего нам рассказать?

Арцеулов пожал плечами, не зная, что ответить.

— Тогда еще пара вопросов, — продолжал Валюженич. — Вернее, один, но большой. Каким образом двое русских парней — один большевик, а другой монархист — стали посланцами Гэсэр-хана? Сделаем скидку на мифологическое сознание дешенних монахов, но у меня, ребята, тоже есть глаза.

И Тэд указал на рог, который Арцеулов, сняв полушубок, положил рядом с карабином.

— Это эвэр-бурэ, монгольский рожок, который принадлежал Гэсэру, или по крайней мере его точная копия. Его изображения известны уже сотни лет. По легенде, этот рог был похоронен вместе с Гэсэром или попал — тоже вместе с ним — на небо. Говорили, что, если потрубить в него, Гэсэр тут же придет на помощь или пришлет своих слуг...

— Ладно, — кивнул Арцеулов. — Правда, не уверен, что это будет понятнее, чем история про владыку ада Яму. Начнем с конца. Мы хотим попасть в Шекар-Гомп, чтобы выручить нашу общую знакомую, Наталью Федоровну Берг...

Слушая голос капитана, рассказывающего по-английски Тэду их странную историю, Степа прикинул, что будь он на месте Валюженича, то едва ли поверил бы и половине. И тут же вспомнил, что сам посчитал рассказ монаха сказкой...

...Выслушав Арцеулова, Тэд даже не произнес свое обычное «Оу!». С лица его исчезла улыбка, словно американец стал на много лет старше.

— Самое странное, что я верю вам, Ростислав, — заметил

он, чуть подумав. — Я слышал о господине Семирадском, в молодости он действительно серьезно занимался этнографией. Но это не главное...

— Вы считаете, что такое не выдумаешь? — усмехнулся капитан.

— В некотором роде... Но рог Гэсэра! Это поразительно. Вы хоть представляете, сколько он будет стоить на аукционе?

— И представлять не собираюсь, — пожал плечами Арцеулов. — Мне дал его Джор — значит, я должен буду вернуть его. Может, Джор — потомок Гэсэра?

— Оу! — заинтересовался Тэд. — Вполне логично!..

...Рассказывая об их приключениях, Арцеулов все же постарался описать путешествие в отряде Джор как можно более естественно. Теперь он и сам уже не очень верил в летящих всадников...

В комнате неслышно появился один из монахов, держа в руке небольшое блюдо, уставленное глиняными чашечками и коробочками. Поклонившись, он подошел к капитану и легко коснулся повязки.

— О, медсин! — понял Валюженич.

Монах промыл рану, смазав ее какими-то душистыми мазями, и осторожно перевязал тонким полотном. Ростислав почувствовал, как боль исчезает, растворяясь и оставляя после себя лишь легкое жжение.

Прошло два часа. Степа уже успел вздремнуть, проснуться и даже соскучиться. Ему было неуютно в четырех стенах без окон.

— Тэд, кликните там кого-нибудь! — предложил он. — Пора и делом, чердынь-калуга, заняться...

— Вот? Цо? — сосредоточился Валюженич. — Оу, ю а райт! Мистер Арцеулов?

— Да, — кивнул капитан, преодолевая естественное желание лечь и проспать часов десять подряд. — Надо взглянуть на монастырь...

На зов явился сам Цронцангамбо. Выслушав Валюженича, он, молча кивнув, жестом пригласил всех следовать за ним. Они прошли темным коридором, свернув куда-то в сторону. Коридор перешел в лестницу, каменные ступени которой вели вниз, на небольшую площадку.

Цронцангамбо подошел к стене и снял большой щит темного металла, висевший посередине. Сразу стало светло — лучи закатного солнца проникли через круглое окно, выходившее наружу. Оно было закрыто не стеклом, а чем-то другим, похожим на цельный кристалл хрусталя, только очень прозрачного, почти не искажавшего перспективу.

— Шекар-Гомп, — негромко произнес монах.

Прямо за окном начинался склон, который вел в огромную котловину с пологими краями. Слева от него находилась небольшая равнина, ровная как стол. Прямо на вершине горы стояло несколько квадратных домиков, окруженных стенами. Рядом возвышались две серые башни, высокие, но кажущиеся издали не больше спички. Справа, в некотором отдалении, виднелось еще несколько домов.

...Но не это бросалось в глаза. Небольшие строения Шекар-Гомпа терялись на фоне того, что происходило в котловине. Левая часть горы исчезла, срезанная сверху донизу, и теперь там чернел огромный провал, ведущий в самые недра. Рядом сгруппировались десятки странных механизмов, похожих на портовые краны, только значительно больше и мощнее. Внутри черного отверстия можно было заметить металлические фермы и толстые трубы, уходящие с поверхности в глубину. Место строительства ограждал высокий забор из металлических секций. По углам торчали вышки с прожекторами.

Левее, на выровненной то ли природой, то ли руками человека площадке стояло несколько одинаковых одноэтажных построек, между которыми были оставлены широкие проходы. Это место было также огорожено, по углам темнели сторожевые вышки. Сзади, за монастырем, тоже что-то сооружалось, были видны три невысокие трубы над белым многоэтажным зданием, верхние этажи которого только строились. А справа, за монастырской оградой, можно было заметить еще одну ровную площадку, аккуратно очищенную от снега. За нею тянулись серые, похожие на ангары сооружения.

Всюду были люди. Они не суетились в беспорядке, а двигались, словно муравьи в муравейнике, где давно и прочно отлажен порядок. От ворот, за которыми стояли продолговатые дома-бараки, к стройке тянулась огромная колонна, по бокам которой шагали несколько человек в одежде иного — темного — цвета. Люди в темном были повсюду: у ворот, у входа в домики, у дороги. В воздухе промелькнула легкая тень, над площадкой блеснул серебристый цвет обшивки, и через несколько секунд небольшой моноплан уже катился по взлетной полосе...

Над монастырскими крышами и над домиками, стоявшими правее, торчали изогнутые металлические конструкции, а над всем этим ровно и неподвижно, застыв в холодном зимнем воздухе, висел серебристый аэростат с номером «3» на боку...

Косухин хотел было произнести «чердын-калуга», но сдержался. Любимое словцо явно не соответствовало тому, что пришлось увидеть. Арцеулов смотрел не отрываясь, лицо его становилось все более мрачным. Первым заговорил Тэд:

— Ребята, скажу сразу: это не мой профиль. Я шел сюда ис-

кать древние рукописи и записывать легенды. Зато теперь я понял, что здесь ищите вы...

— Сила, — констатировал наконец Степа, найдя подходящее слово. — Чего же это такое? Ростислав, чего молчишь, это же по твоей части!

— Не совсем, — негромко откликнулся капитан. — Мне это больше напоминает Челкель. Сюда бы господина Богораза...

Тэд, достав блокнот, начал набрасывать план того, что открывалось из окна. Монах стоял в стороне, лицо его было бесстрастно, глаза не мигая смотрели на монастырь.

— До захода солнца время еще есть, — решил Арцеулов. — Будем наблюдать. Тэд, спросите его — окно можно заметить снаружи?

Валюженич перевел вопрос. Цронцангамбо улыбнулся и покачал головой, после чего, поклонившись, неслышно скрылся в темноте.

Вначале наблюдали молча. Затем, когда в долине уже начало темнеть, Арцеулов расправил затекшие плечи, медленно прошел мимо окна и повернулся к Степе:

— Ну что, господин красный командир, обменяемся впечатлениями?

— Пушай Тэд вначале скажет, — усмехнулся Косухин. — Глаз у него, как я погляжу, острый...

Валюженич, когда капитан перевел ему Степины слова, пожал плечами:

— Не буду делать великое открытие, если скажу, что здесь идет какая-то стройка, причем на самом современном уровне. О'кей, теперь будет что сказать тем, кто считает Тибет задворками цивилизации!

— Ну, а все-таки?.. — настаивал капитан.

— Ну... Основное строительство ведется внутри горы. Такие подъемные краны я видел у нас в Калифорнии, они могут поднимать несколько десятков тонн... Там, внутри, под монастырем, монтируют что-то очень крупное. Строители живут слева, в бараках, их неплохо охраняют. Справа, на горе, аэродром. Над крышами — очень мощные радиоантенны...

— А говорите, не по профилю, — усмехнулся Арцеулов. — Могу добавить, что сзади, судя по всему, строится энергетическая станция, только не пойму, на каком виде топлива. Ангары у аэродрома очень крупные, так что там могут быть эллинги для дирижаблей... Я ничего не упустил, Степан?

— Да чего? — пожал плечами Косухин. — Все верно. Охраняют те, которые в черном. Как там их — демоны, что ли?

— Нараки.

— Во-во. Видно плохо, но, похоже, у них такие же семизарядки, как и у тех в сером. А вот серых я не заметил, они, кажись, только во внешнем кольце, сюда их не пускают. Квартируют черные в монастыре, а справа, в домиках, живет начальство. На вышках пулеметы, у входа в монастырь — тоже. Пулеметы наши — «максимы»...

— «Максим» — английский пулемет, — поправил Ростислав. — Что ж, на обитель бога Ямы не очень похоже, а вот на какой-то сверхсекретный военный объект — очень даже...

— О'кей, — кивнул Тэд. — Только кому он здесь понадобился?

— Голубым свастикам. Степа, вы там красного флага не разглядели?

— Не было там флага! — обиделся Степа. — И свастика — еще не примета.

— Вот как? — уронил капитан.

Степа, конечно, понимал, что голубые свастики — не случайное совпадение, но признавать такое уж больно не хотелось. Вдруг Шекар-Гомп — тайная революционная база на Тибете, создаваемая для нужд Мировой Революции? Выходит, он приведет сюда беляка и раскроет самый главный пролетарский секрет?

— А ну его! — буркнул Косухин, настроение которого заметно испортилось. — Пошли отсюда!...

Арцеулов не стал спорить. Тэд тоже согласился, критически взглянул на составленный им план и захлопнул блокнот. Словно услышав их мысли, из темноты появился один из монахов, неся в руке фонарь, и, поклонившись, закрыл окно бронзовым щитом.

Им принесли ужин. Ели молча, думая каждый о своем. Арцеулов размышлял о том, что господа большевички не так примитивны, как казалось. Очевидно, Шекар-Гомп — нечто вроде большевистского аналога Челкеля. Правда, на полигон для эфирных кораблей он никак не походил, но в том, что тут готовили что-то крупное и связанное с наукой, сомнений не было. Недаром им понадобилась Наташа Берг! А для охраны монастыря наверняка используют тех же странных типов, которые атаковали дом на Трегубовской: бойцов 305-го полка или им подобных...

Ростислав подумал и, решив отложить все проблемы на завтра, опустил на деревянное ложе и мгновенно уснул. Тэд зевнул и последовал его примеру.

Как только дыхание капитана стало ровным и спокойным, Степа открыл глаза. Убедившись, что его спутники спят, он тихо, словно кошка, встал, оделся и взял стоявший в углу карабин. Немного подумав, он оставил оружие, ограничившись тем,

что сунул за пояс нож. У дверей Косухин остановился. Уходить, не попрощавшись, показалось все же невежливым. Взгляд упал на лежавший у постели Тэда блокнот, из которого торчал карандаш. Степа минуту подумал, а затем написал на пустой коробке из-под папирос:

«Ростислав Александрович!

Жди меня до завтра вечера. Не вернись — уходи, сам не суйся. Если чего — кланяйся от меня брату.

Косухин».

Получилось вполне убедительно. Степа положил коробку перед кроватью капитана и вышел, тихо прикрыв дверь.

...Косухину понравились слова Валюженича о «команде», но время, проведенное у потайного окна, заставило его задуматься. Ясно, что караульная служба здесь поставлена отменно и пробраться незамеченными, да еще втроем, скорее всего невозможно. Значит, идти надо одному — и не тайно. В запасе у Косухина были опыт, реакция, изрядная наглость — и удостоверение представителя Сиббюро, лежавшее в нагрудном кармане гимнастерки.

Степа решил рискнуть. Дорогу в помещение с окном он запомнил хорошо и через несколько минут был уже там. В комнате было абсолютно темно и тихо. Но, прислушавшись, Косухин заметил, что из угла доносится чье-то тихое дыхание. Он замер и щелкнул зажигалкой.

— Эй! Кто тут?

Вспыхнул огонь, осветивший старое, покрытое глубокими морщинами лицо. Косухин обрадовался, узнав монаха, который, как показалось, отреагировал на русскую речь.

— Эй, батя! — позвал он. — Ты... эта... поговорим...

Монах зажег фонарь, который держал под рукой, и не спеша подошел ближе.

— По-русски понимаешь, батя?

Монах кивнул.

— А говорить можешь?

Старый монах, показав рукой куда-то вверх, сделал жест, словно запечатывая себе уста.

— Ну ладно, — нетерпеливо зашептал Косухин. — Понимаешь — и хорошо... Мне... эта... надо отсюда выйти. Тут выход есть?

Старик вновь указал рукой вверх.

— Да нет, не с Луны я, — заторопился Степа. — И не с Марса. Мне в Шекар-Гомп надо.

Взгляд монаха стал холодным и жестким, он поклонился, а затем достал из-под одежды что-то небольшое, сверкнувшее в тусклом свете фонаря старым металлом.

...Нож, точнее — стилет из литого серебра. Он показался Косухину необыкновенно тяжелым. Подумалось, что под серебряной поверхностью находится что-то иное — свинец, а то и ртуть.

— Против упырей, да? — снисходительно улыбнулся атеист Степа.

Дождавшись очередного кивка, он спрятал стилет в левый унт. Оружие было скорее забавным, чем грозным, но Косухин решил не отказываться от подарка. Между тем монах подошел к стене и нажал на что-то скрытое под ее поверхностью. Зазмеилась трещина, камень начал отъезжать в сторону. Пахнуло холодом. Косухин поежился и вышел наружу. Здесь была темень — скала бросала густую тень, но совсем близко, всего в нескольких десятках метров, снег блестел: Шекар-Гомп включил свои прожектора, заливавшие окрестности мертвенно-белым светом.

Монах тоже вышел наружу, не обращая внимания на мороз и снежинки, падавшие на бритую голову. Оглядевшись, он указал на какую-то точку в скале рядом со входом. Косухин сообразил, что это место включения механизма, сдвигающего камень с места.

— Ну, в общем, пошел я...

Монах поднял руку в благословляющем жесте, затем вновь показал вверх, в холодное темное небо.

— Не-а, — невесело усмехнулся Степа. — Не оттуда я. И ходу мне туда, по вашим, по поповским законам, нет, потому как убеждений я марксистских...

Но старый монах вновь упрямо указал на небо, затем его рука повелительным жестом метнулась к Шекар-Гомпу, и в глазах полыхнул гнев...

...Дверь закрылась, и Степа остался один под мелким бесшумно падавшим снегом. Надо было идти. Косухин засунул руки в карманы и быстро зашагал к монастырю.

ГЛАВА 5

ШЕКАР-ГОМП

Днем Шекар-Гомп не произвел на Косухина особого впечатления. Он оценил масштаб стройки, но все это было не Бог весть как интересно по сравнению с Челкелем. Не хватало серебряной стрелы «Мономаха», которая сразу придавала происходящему особый смысл. Шекар-Гомп прятал свои тайны глубоко под землей. Степа чувствовал нечто вроде любопытства — и не более. Но теперь, ночью, он понял, что ошибся. Лучи мощных прожекторов заливали окрестность, не оставляя ни единой тени. Четче, чем при неярком свете зимнего дня, вырисовывались

ровные ряды бараков, неспешно двигавшиеся возле взрезанной тверди горы гигантские подъемные краны. Сам Шекар-Гомп тонул в темноте, словно огромное черное пятно посреди ослепительного, но мертвенно-холодного света. Казалось, даже лучи прожекторов были не в силах прорвать завесу тьмы, поглотившей монастырь.

Да, теперь Шекар-Гомп смотрелся иначе. Косухин вспомнил то, что пришло на ум при первом взгляде на монастырь: «Сила!» Неведомая Сила правила здесь, сгущаясь за древними стенами, и он, красный командир Степан Косухин, должен идти туда, чтобы выполнить задуманное. Идти в одиночку.

Тень кончилась. Степа шагнул на ярко освещенный прожекторами склон. Стало неудобно, но Косухин заставил себя держаться как можно более ровно, идти неспешно и даже вынуть руки из карманов. В общем, его затея была не безумнее того, что уже приходилось совершать за последние два года. Он видел, как без боя сдавались огромные города, бросали оружие полки и дивизии — достаточно было кому-то не испугаться и настоять на своем. И в том, что «Мономах» ушел в небо, есть и его, Косухина, заслуга. Ростислав, конечно, на него обидится и даже посчитает невесть кем, чуть ли не сообщником тех, со свастиками, но Степа считал, что должен быть выше обывательских эмоций. Силу, угнездившуюся в Шекар-Гомпе, не сокрушить в лоб. Кроме того, странный ночной гость велел именно ему, Косухину, разузнать, что творится здесь. Выходит, как ни кинь, он поступает верно...

Степа прошел метров триста по ровному чистому снегу, но, похоже, никто не обращал на него внимания. Монастырь молчал, словно появление незваного гостя было здесь делом обычным и вполне допустимым. Косухин начал опасаться, что его расчеты ошибочны. А что, если его просто срежут пулеметной очередью с ближайшей вышки? На миг стало холодно, но Степа сцепил зубы и зашагал дальше. Нет, не должны! Он идет открыто, не прячась, не пытаясь перебраться через ограду. Значит, он должен вызвать по крайней мере любопытство. Правда, весь расчет Косухина строился на том, что его должны встретить люди — хорошие, плохие, но люди. А что, если здесь лишь такие, как славные бойцы 305-го? Перед глазами встало страшное, незнакомое лицо Феде Княжко...

Издаലെка доносился гул работающих машин. Можно было уже разобрать, что он идет со стороны стройки, но не от подъемных кранов — они поднимали свои решетчатые шеи почти бесшумно, — а откуда-то из-под земли, из потревоженных недр...

Косухин ускорил шаг. Все равно сворачивать поздно, склон горы был совсем рядом, можно было даже рассмотреть длинный ряд вырубленных в скале ступеней. И вдруг словно повеяло ле-

дыным ветром. Сердце сжалось. Из темноты вынырнули серые тени. Секунда — и три огромных пса окружили Степу, молчаливо скалясь и сверкая красноватыми глазами.

— Ну, привет! — выдохнул он. — Давно, чердынь-калуга, не виделись...

Стало ясно, что за ним давно следили, а не вмешивались потому, что он шел туда, куда его привели бы и так — к входу в Шекар-Гомп. А вот теперь ему велено подождать.

Люди в черных полушубках появились внезапно. Степа даже не понял, откуда — то ли из тени, лежавшей на горе, то ли со стороны. Косухин взглянул в лицо первому, кто подошел к нему, и облебенно вздохнул — оно оказалось самым обыкновенным, человеческим, к тому же косоглазым.

Солдаты в черном секунду выждали, затем винтовки дрогнули, и через мгновение четыре ствола смотрели Степе в грудь. Так и подмывало поднять руки, но Косухин решил рискнуть.

— Но-но! — произнес он, расправив плечи. — Старшого, живо!

Стволы винтовок нерешительно заплавали в воздухе, затем один из солдат неуверенно, по слогам произнес:

— Кы-то та-кой?

— Представитель Сиббюро! — хмуро бросил Косухин и медленно, чтобы не испугать охранников, полез в нагрудный карман. Солдаты ждали. Степа достал удостоверение, но показывать не стал, махнув бумагой в воздухе:

— Старшого, говорю, давай! Да с переводчиком, если по-русски не понимаете.

«Чердынь-калуга» произносить не стал. На всякий случай...

Типы в черном нерешительно смотрели на бумагу. Наконец винтовки опустились, один из солдат повернулся и быстро зашагал куда-то в сторону, скрывшись в густой тени. Наступило молчание. Степа стоял спокойно, стараясь незаметно рассмотреть своих охранников. На демонов они совсем не походили. Обыкновенные азиаты, вероятно, такие же бхоты, как и все прочие. Полушубки теплые, сидят ладно, на ногах сапоги с меховыми отворотами, на шапках хорошо знакомый знак. Только сейчас, в мертвенном свете прожекторов, свастики казались не голубыми, а черными.

Косухин хотел уже завязать разговор, как вдруг из тени вынырнул солдат в черном вместе с кем-то другим, в таком же полушубке, но без винтовки. Косухин взгляделся — лицо у этого человека было русское.

— Предъявите мандат...

Голос прозвучал тускло, невыразительно. Казалось, неизвестному совершенно неинтересно, каким это образом человека из России занесло в эту даль.

Степа, приняв как можно более независимый вид, протянул бумагу. Тот, кто говорил по-русски, рассматривал ее долго, затем сложил, но не вернул, а сунул в карман.

— Слушаю вас, товарищ Косухин...

— Мне старшой нужен, — упрямо проговорил Степа. — Ему и скажу...

— Это сверхсекретный объект. — Голос оставался таким же невыразительным, мертвым. — Здесь ваши полномочия недействительны.

— А то! — искренне возмущился Косухин. — Ты чего, браток, не знаешь, что такое Сиббюро? Я даже командира дивизии могу снять и вот этой самой рукой порешить!..

Это было некоторым преувеличением, но прозвучало убедительно. Человек, говоривший по-русски, минуту простоял молча, затем бросил:

— Хорошо. Сдайте оружие.

— Держи! — Косухин отдал нож, торчавший за поясом. О стилете, спрятанном в унте, он предпочел умолчать.

Тот, кто говорил с ним, кивнул солдатам, и они принялись обыскивать Степу, правда, без особого пыла и весьма неумело. Будь на то его воля, Косухин пронес бы не только стилет, но и «наган».

— Пошли...

Собаки куда-то исчезли. Солдаты закинули винтовки на плечо и двинулись влево. Степа с достоинством проследовал за ними, стараясь на всякий случай запомнить дорогу. Они прошли шагов двадцать, нырнули в тень, и старший, тот, кто говорил с ним, резко махнул рукой. Блеснул свет, часть склона отъехала в сторону, открывая замаскированный вход.

«Это мы уже видели, — подумал Косухин. — Ничего особенного!»

Но он ошибся. В убежище, где жили монахи, проход был узким и освещался огнем масляных ламп. Здесь же он казался раза в два шире и был залит электрическим светом. По стенам змеились толстые кабели, то и дело попадались какие-то щитки, сигнальные лампочки и отверстия для вентиляции.

«Этого и на Челкеле нет, — прикинул Степа. — Да, сила!..»

Они прошли еще метров сто и попали в круглый зал, где было несколько дверей, закрытых металлическими плитами. Косухина подвели к одной из них. Старший вновь сделал знак, металлическая плита разъехалась на две половины, открыв небольшую освещенную кабину. Степа шагнул первым, вслед за ним вошел один из солдат и тот, кто говорил по-русски. Металлические двери опять съехались, и Косухин почувствовал, что кабина поехала вверх.

Лицо того, кто был старшим, оказалось совсем рядом, и

Степа не упустил возможности рассмотреть своего спутника поближе. На его шапке оказалась не свастика, а привычная красная звезда с плугом и молотом. На щеке краснел шрам — пуля, глубоко распоров кожу, ушла к виску.

«Повезло мужику! — мелькнула мысль. — Не помер!»

Но тут глаза неизвестного взглянули в упор, и Степа почувствовал, как по коже поползли незванные мурашки. Он узнал этот взгляд — мертвый, неподвижный, абсолютно ничего не выражающий. Так смотрел Федя Княжко. Такой взгляд был у Ирмана, у мертвого Семирадского...

«Мертвяки! Нараки... Ну, попался...»

Кабина остановилась, открылись двери, и человек с мертвыми глазами кивнул Степе, приглашая выйти. Косухин шагнул наружу, оказавшись в широком коридоре. На этот раз он находился не в недрах горы — стены были самые обычные, покрытые белой штукатуркой, а в конце коридора темнело небольшое окно.

«Выходит, наверх поднялись... — понял Косухин. — В монастырь, значит».

Они прошли мимо нескольких запертых дверей, а затем остановились у одной, тоже закрытой. Над нею горела лампа, по бокам стояли солдаты в черном с винтовками, но уже не с японскими, а с обычными трехлинейками. Косухин походя отметил, что в коридоре холодно, как на улице. Похоже, тех, кто обитал здесь, холод вполне устраивал.

Первым вошел неизвестный со шрамом. Затем дверь открылась, он появился в проеме и кивнул Косухину. Степа вздохнул и переступил порог.

Кабинет был невелик: с одним окном, столом, на котором чернели три телефона, полудюжиной стульев и чуть косо висевшим портретом Карла Маркса на грубо побеленной стене. В таких обычно обитали секретари укомов. Но Косухина интересовал, конечно, не кабинет, а его хозяин. Тот стоял около окна, глядя куда-то в черную мглу. Был он невысок, носил черную куртку, на носу сверкало небольшое пенсне, а с подбородка свисал клоч неаккуратно подстриженной бороды. В густых вьющихся волосах — белые пряди.

Степа остановился у порога, сопровождающий козырнул и вышел. Наступило молчание, которое Косухин не спешил прерывать. Лишние секунды он решил использовать для того, чтобы лучше рассмотреть этого кудрявого, с бородой. Почему-то показалось, что они уже встречались.

Кудрявый медленно повернул голову. На Косухина глянули темные матовые глаза...

...Он знал этого человека. Его знали все — Якова Гольдина по кличке «товарищ Сергей». Молодой, всего на десять лет старше Косухина, член Центрального Комитета Гольдин с лета 17-го руководил аппаратом ЦК. Несколько раз Степа слышал на митингах его резкие, горячие выступления, а один раз «товарищ Сергей» даже принимал его вместе с группой молодых красных командиров перед поездкой на фронт. Гольдина уважали, ценили, но побаивались. Поговаривали даже, что Вождь начал поглядывать на молодого руководителя с настороженностью — слишком быстро «товарищ Сергей» осваивался на высшем партийном посту. Провокационными слухам Степа, конечно, не верил, но догадывался, что у Гольдина много врагов. Итак, встреча была не первой, но Косухин никак не мог на нее надеяться — хотя бы потому, что в марте 19-го, перед самой поездкой на Восточный фронт, он видел «товарища Сергея» в последний раз. Яков Гольдин лежал в деревянном, обшитом красным кумачом гробу, и красный командир Косухин вместе с другими делегатами партийного съезда провожал руководителя ЦК в его последнее пристанище у стен Главной Крепости. Только тогда на желтом лице «товарища Сергея» не было пенсне, а волосы были черные, без всякого намека на седину...

— Здравствуйте, Косухин. — Голос Гольдина остался почти прежним. — Кажется, мы виделись летом 18-го?

— Так точно, — деревянно отбарабанил Степа.

— Были на Восточном фронте? Кто вас рекомендовал в Сиббюро?

— Товарищ Смирнов...

Косухин постепенно приходил в себя. Главное, серебряный стилет на месте, в левом унте...

— Хорошо... — Стеклышки пенсне блеснули, желтоватая маленькая рука перебросила с места на место какую-то бумагу. Всмотревшись, Степа узнал свое удостоверение. — Как попали сюда?

— А на аэроплане. — Врать Косухин не любил, но уж ежели врать — так на полную катушку. — Генерал Мо подкинул. С Челкея.

— Так... Как вы прошли внешнее кольцо охраны?

— А проще пареной репы! — Степа позволил себе даже усмехнуться. — Бдительности у местных товарищей не хватает! Подтянуть бы надо...

— Вы правы. Бхотская красная армия еще очень молода. Но поскольку мы здесь находимся по приглашению правительства Тибетской Трудовой Коммуны, то вынуждены доверить им некоторые не столь важные участки. Мы ведь здесь недавно — всего полгода... Кто вам поручил заниматься Челкем?

— Товарищ Венцлав...

— Странно, Столица о вашей миссии ничего не знает.
— Знает... — Косухин блефовал, но делать было нечего. — Только дело-то секретное!..
— Допустим. Ну, слушаю вас...
— Ну, это... — Косухин сосредоточился, чтобы точно воспроизвести заранее подготовленную речь. — По приказу, значит, товарища Венцлава занимался поимкой группы белого бандита полковника Лебедева. Накрыл их аккуратно на Челкеле. Там как раз местный комитет восстание начал... В общем, заваруха случилась. Китайцы, милитаристы проклятые, увезли гражданку Наталью Берг и доставили сюда. Имею приказ вернуть ее в Иркутск для нужд Мировой Революции...

— Странно... — Решительный тон Степы явно произвел впечатление на «товарища Сергея». — Похоже, Косухин, здесь какая-то накладка. О Берг мы получили распоряжение из Столицы. Она нужна здесь. Впрочем, я велел дать радиограмму, думаю, ответ скоро будет...

Косухин похолодел. Ну конечно, здесь должна быть радиосвязь, вон какие железки на крышах торчат! Этого Степин план не предусматривал. Он вдруг подумал, что у него есть еще шанс. Сейчас, прямо здесь, признаться товарищу Гольдину во всем. Конечно, его арестуют, турнут из партии, но он честно примет все, что ему положено, попросится на фронт...

И тут перед его глазами вновь встало лицо Феди Княжко. Да, его пошлют на фронт — в составе легендарного 305-го. И тогда у него не будет желания нарушать приказы. У него уже не будет никаких желаний...

Дверь в кабинет отворилась. Вошел все тот же — со шрамом, неся в руке сложенную вдвое бумагу. Косухин понял, что развязка близится. Он присел на стул, рука скользнула к голенищу унта...

Гольдин взял бумагу, развернул, и через минуту его глаза удивленно взглянули на Степу. Косухин понял — у него осталось две-три секунды, прежде чем тот, кого похоронили в марте 19-го, отдаст приказ.

Серебряный стилет был уже в руке, и Степа вновь почувствовал его неожиданную тяжесть. Тот, со шрамом, стоял совсем рядом. Косухин прыгнул, сбил его с ног подсечкой и через мгновение был возле стола. Мертвые глаза «товарища Сергея» все еще глядели удивленно, желтые руки дернулись, но Косухин что есть силы толкнул стол от себя, прямо на Гольдина. Стол сдвинулся неожиданно легко, прижав того к стене. Правой рукой, державшей стилет, Косухин полоснул по проводам телефонов, те не поддались, и он попросту выдернул их из розетки, заодно прихватив лежавшее на столе удостоверение Сиббюро. Тип со шрамом уже вставал, в руке его тускло блестела сталь «нагана»,

но Косухин толкнул его еще раз и бросился к двери. Выскочив в коридор, Степа кинулся вперед, к темнеющему вдалеке окну. За спиной послышался характерный звук — охрана вскидывала винтовки, но еще пара секунд в запасе имелась. Окно в конце коридора, он может успеть до первого выстрела...

Слева послышался странный звук. Степа, скосив на бегу глаза, увидел, как в стене отворяется дверца. Из кабины, точно такой же, в которой привезли его самого, выходил какой-то косяглазый в черном полушубке. Косухин, резко повернувшись, рубанул бхота ребром ладони по горлу и успел вскочить в кабину за полсекунды до того, как стальные дверцы захлопнулись. Ударил выстрел, другой — но пули скользнули по металлу.

На стене имелось несколько кнопок, одна под одной. Косухин уже протянул руку, чтобы нажать нижнюю, но тут же сообразил, что внизу его наверняка ждут. Не туда... Кнопки казались совершенно одинаковыми, но одна была чуть более затертой — значит, ее нажимали чаще. Степа услышал еще один выстрел, уже совсем рядом, за стальной дверью, и, нажав кнопку, с удовлетворением почувствовал, как кабина мягко тронулась с места.

Когда двери открылись, Косухин выскочил в темный коридор. Здесь было не так холодно, и Степа понял, что находится под землей. Редкие лампы освещали длинный пустой проход, откуда доносился негромкий гул. Можно было попытаться вновь вызвать кабину и проехать на другой этаж, но там наверняка ждала охрана. Косухин оглянулся, расстегнул шубу, пристроил стилет за ремнем, перетягивавшим гимнастерку, и пошел вперед, туда, где слышался шум.

Стены были голые, каменные, без следа штукатурки. По всему заметно, что работы на этом этаже еще идут, и то, что он видит, — лишь черновой набросок. Дверей ни слева, ни справа не было. Мелькнуло темное отверстие. Степа заглянул туда и понял, что перед ним грубо вырубленное в скале помещение, еще не законченное, без двери и освещения.

Гул постепенно усиливался, впереди мелькнул синий отблеск. Вначале показалось, что это фонарь, но Косухин быстро понял, что ошибся, — синий свет, заливавший коридор, шел откуда-то снаружи. Степа ускорил шаги, теперь он почти бежал, отмечая слева и справа такие же вырубленные в скале, но еще не оборудованные комнаты. Синий свет был уже близко, гудение стало мощным, басовитым, справа мелькнула дверь, на этот раз настоящая, перед которой кто-то стоял. Рассуждать было некогда — переливающаяся пульсирующая синева была уже совсем рядом. Коридор расступился, и Степа оказался на большой ровной площадке.

Первое, что он увидел, — это огромный зал, вырубленный в скале. В него вело несколько высоких арок, под одной из кото-

рых Степа и находился. Зал был пуст, каменные стены казались удручающе голыми, лишь возле арок имелись следы каких-то каменных изображений, разбитых и даже грубо замазанных черной краской.

В общем, в самом зале смотреть было почти не на что. Зато посередине, там, где площадка заканчивалась ровным круглым провалом, находилось то, что заставило Косухина затаить дыхание. Синий свет, точнее — темно-голубой, с еле заметными зеленоватыми отливами шел из самых недр земли. Там, где начинался провал, в центре зала, из глубины поднималась ввысь огромная светящаяся колонна. Она была громадной — не менее сорока метров в диаметре, густой и, казалось, неподвижной. Но это было лишь первое мимолетное впечатление — синий свет шел мощным густым потоком, еле заметно вибрируя, колеблясь и распространяя вокруг себя легкое свечение, напоминающее радугу. Голубая колонна исчезала где-то вверх. Присмотревшись, Косухин заметил что-то напоминающее огромный колпак, грубо склепанный из светлого металла. Из-под земли шел ровный гул, воздух был свеж и чист, и Степе показалось, что он чувствует резкий, но приятный запах. Почему-то подумалось, что так могут пахнуть камни.

Косухин стоял, не в силах оторвать глаз от голубой колонны, провожая взглядом бесконечные волны холодного огня, вырывающегося из недр и исчезающего в высоте. Значит, именно это монах называл кровью окаменевшей ведьмы! Нет, это никак не походило на кровь. Голубой свет был холоден и чист, в нем чувствовалось что-то далекое, чуждое, не связанное ни с людьми, ни с их нелепыми легендами...

Постепенно глаза стали различать некоторые подробности. Вдали, на другом конце зала, стояла огромная решетчатая конструкция, немного напоминавшая то, что Степа видел на Челкеле. Похоже, ее только начинали монтировать. Косухин решил, что ее собираются пододвинуть вплотную к идущему из-под земли свету, соединив каменную поверхность пола с почти неразличимым отсюда колпаком из светлого металла. Голубой свет словно пытались загнать в ловушку, и эта мысль показалась Степе почему-то неприятной, чуть ли не кошмарной.

Итак, вот она, кипящая кровь Бранг Сринмо! Значит, вот что понадобилось тем, кто носит свастики — тоже голубые! Мелькнула мысль, что совпадение могло быть неслучайным...

Голос прозвучал неожиданно. Щелкнул затвор. Оборачиваться было поздно, и Косухин рухнул на холодный каменный пол, опередив пулю на доли секунды. Шапка смягчила удар, но в голове загудело, перед глазами поплыли желтые пятна. Степа все же нашел в себе силы откатиться в сторону и вскочить. Солдат в черной куртке был рядом, зрачок ствола смотрел Косухину

в лицо. Степа резко дернулся в сторону, вновь опередив выстрел, а затем бросился вперед, стараясь перехватить винтовку за цевье. Это удалось, но вырвать оружие он не сумел — солдат держал его крепко. Степа дернул винтовку еще раз, перед глазами мелькнуло красноватое скуластое лицо с холодными остановившимися глазами — и огромная ледяная пятерня легла ему на горло. Косухин захрипел, рванулся, но скуластый, одной рукой продолжая держать винтовку, другой неторопливо, но сильно сжимал Степино горло. Мертвые, затянутые пеленой зрачки взглянули прямо в лицо...

Степа выпустил винтовку и попытался отодрать холодную ладонь. Боль затопила сознание, рука скользнула вниз, задев рукоятку стилета. Уже без всякой надежды, просто машинально Косухин выхватил стилет и несильно, косо полоснул по руке врага. Острый металл оставил неглубокую узкую рану, но из-под красноватой кожи выступила не кровь, а что-то похожее на черную пузырящуюся пену. Скуластый дрогнул и ослабил хватку. Косухин вобрал в легкие побольше воздуха и прыгнул на врага, целя стилетом в шею. Он не промахнулся — металл вошел как раз возле сонной артерии. Скуластый вновь дернулся, сильным движением отбросил Степу в сторону, но пошатнулся, схватился руками за торчащий в шее стилет и тяжело рухнул на каменный пол. Дрогнули в последних конвульсиях ноги, послышался хрип — и тело замерло.

— Фу ты!.. — Косухин перевел дыхание, не без опаски подошел к труп, вынул стилет из раны и оглянулся. Вокруг по-прежнему было пусто и спокойно. Оставался коридор. Степа хотел оглянуться, но шея заныла, и он стал массировать ее, пытаясь восстановить кровообращение...

— Косухин, сюда!

Степа, забыв о ноющей шее, резко обернулся — под аркой, которая вела в коридор, стояла Наташа Берг, такая же, какой он видел ее в последний раз в Челкеле, в том же белом полушубке, только на лице ее было что-то не так. Присмотревшись, Косухин понял — под правым глазом у девушки красовался внушительного вида синяк.

— Степан, скорее!

Косухин вздохнул, мотнул головой и подбежал к девушке. Та схватила его за руку и потащила влево, вдоль каменной стены.

— Наталья Федоровна! — Из-под арки выскочил какой-то толстячок в расстегнутом пальто и шапке-пирожке. — Куда вы? Опасно, матушка!

— Ну вас! — огрызнулась Берг на ходу и повернулась к Степе. — Косухин, вы-то здесь откуда?

— Да я... это... — промямлил все еще не пришедший в себя Степа, но девушка не дала договорить:

— Я была рядом. Если вы в самом деле такой рыцарь, могли бы вначале заглянуть ко мне, прежде чем затевать драку...

Косухин только вздохнул — встреча с Наташей представлялась ему несколько иначе. Между тем девушка, продолжая держать Степу за руку, быстро провела его к следующему входу, оглянулась и втащила под арку, ведущую куда-то в темноту.

— Я... — вновь заговорил Степа, — это... Здравствуйте, Наташа!

— Здравствуйте, Косухин! — Берг улыбнулась и быстро поцеловала Степу в щеку. — Вас что, тоже сюда притащили?

— Нет, я...

— Пойдемте!

Они шагнули вперед, и темень окружила их со всех сторон. Под ногами хрустели небольшие камешки, шуршала потревоженная пыль.

— Я... это... сам. За вами... — прозвучало бессвязно, но Берг поняла.

— Господи, Косухин! Вы добирались из Челкеля? А Ростислав жив? С вами?

— Ага...

Девушка на секунду остановилась, внимательно вгляделась в темноту и покачала головой.

— Сумасшедшие! Ростислав ладно, он хоть Дюма начитался, а вы-то? Косухин, вы хоть догадываетесь, куда попали?..

Наташа не договорила и, продолжая держать Степу за руку, потащила его дальше по темному коридору.

— Сюда они не суются. Не понимаю, почему, но, похоже, побаиваются. Наше с вами счастье, что здесь еще ничего не готово, даже сигнализация... Видите, я в этом дурацком тулупе — в лаборатории холодно как на улице. Впрочем, им-то тепло ни к чему...

Они прошли еще шагов сто. Темнота стояла кромешная, но Берг то и дело останавливалась, словно надеясь что-то увидеть.

— Куда мы? — осмелился поинтересоваться Степа.

— Косухин, вы гуляете с девушкой. Вам этого недостаточно? — Наташа вновь остановилась, в темноте вспыхнула спичка. — Тут где-то должен быть вход...

Степа оглянулся, но ничего, кроме серых неровных стен и засыпанного мелкими камешками пола, не заметил.

— Значит, чуть дальше... Я ведь тоже не теряла времени, Косухин. Пролит, как и полагается, горькие слезы вместе с другими бедолагами, я попыталась изучить этот гадючник... Или морг — это точнее...

— У вас... что-то с лицом...

— Так вы дипломатично называете мой изящный фонарь? Это еще на Челкеле. Один косоглазый посчитал, что я излишне

интересуюсь местом моей будущей командировки. Выглядывала в иллюминатор аэроплана... Стойте!..

Наташа остановилась и вновь чиркнула спичкой. Слева показалась дверь, вернее, темный проход, над которым было выбито странное лицо с прикрытыми словно во сне глазами. Странность заключалась в том, что глаз было три — третий находился прямо на лбу. Каменные губы кривились в невеселой улыбке.

— Хорошо! — вздохнула Наташа. — Здесь все такое... Так вот, мой коллега, тот, что выскочил вслед за нами... Кстати, очень неплохой физик-теоретик, из Киева... Он вообще не из героев, как вы заметили, но однажды... Ну что, попробуем?

Степа пожал плечами и первым шагнул в проход. Там оказалось еще темнее, воздух был сух и наполнен пылью. Косухин прислушался — тишина была мертвая, но где-то вдаль почудился легкий шорох. Он нерешительно остановился.

— Пойдемте, Косухин. Что бы тут ни было — все лучше, чем в компании ваших краснолицых...

— Почему моих? — обиделся Степа.

— Ах, уже не ваших, господин красный командир? Тем лучше...

Они прошли несколько шагов. Протянутая рука Степы уткнулась в стену. Зажженная спичка высветила совершенно пустую комнату, в одном из углов которой виднелась еще одна дверь, скорее лаз — небольшой, едва ли больше метра высотой.

— Теперь надо подумать... Косухин, у вас есть папиросы?

Степа похлопал себя по карманам. К счастью, курево он не забыл. Они закурили, присев прямо на каменный пол. Наташа глубоко затянулась и вздохнула:

— Это ужасно, Степан! Курю, как крючник. К счастью, папиросами нас снабжают... Так вот, мой коллега как-то был вызван наверх, к здешнему обер-упырю. Такой кудрявый, в пенсне.

— Гольдин...

— Ну да, из этих... Гольдиных... Обсуждали монтаж главной установки — вы видели, там уже установили несущую ферму... Так вот, ему показали план нижних этажей. Память у моего коллеги абсолютная, он этот план запомнил и перечертил. Оказалось, что в соседнем коридоре, как раз в этом, есть несколько помещений, одно из которых вроде бы выводит наружу. Я считала шаги, по-моему, мы не промахнулись.

— Вы думали бежать?

— Думали... — Огонек осветил невеселую улыбку. — Конечно, думали! Но мои товарищи по несчастью смертельно напуганы. В общем, они правы — нам показывали, что здесь бывает с теми, кого ловят...

— А что?

— Не надо... И так невесело. Кроме того, мало выйти из мо-

настыря. Вокруг охрана, а дальше — горы, местные жители или перебиты, или выселены, к тому же зима...

— Да, — кивнул Степа, затапывая унтом окурок. — Видели, чердын-калуга. Хуже колчаковцев!..

— Сравнили, Косухин! Остальное понятно. Наш страж отпирался вас ловить, я человек любопытный — выглянула. Признаться, успела испугаться, но вы его здорово... Я, честно говоря, думала, что их берет лишь осиновый кол...

— Да при чем здесь кол? — поморщился Степа, вставая. — Значит, нам туда?

Он кивнул в сторону неразличимого в темноте лаза.

— Вероятно. Терять нам нечего, живой им в руки я больше попадать не собираюсь, да и вам не советую. Револьвер хоть у вас есть?

— Есть, — пробормотал Косухин, холодея. Оружия, кроме серебряного стилета, у него не было. С запоздалым сожалением он вспомнил о винтовке, оставшейся возле трупa.

— Ну, пошли! Могу пойти первой, чтобы придать вам храбрости.

Степа, мягко отстранив Наташу, осторожно протиснулся в лаз.

— Ну-ка, поглядим, что за пещера Лейхтвейса...

Берг зажгла спичку. Неяркий огонек на мгновение осветил помещение. Здесь также было пусто, в противоположной стене чернела еще одна дверь, но уже повыше, по бокам стояли короткие каменные лежанки. В последний миг, перед тем как спичка погасла, Косухин успел заметить на стенке что-то напоминающее масляный фонарь, которым пользовались монахи.

— Наташа, зажгите еще спичку!..

Это был действительно фонарь, и даже заправленный маслом. Через минуту, после третьей спички, он загорелся, осветив помещение неровным желтым огнем.

— Вовремя, — заметила Берг. — А то у меня уже кончался коробок. Пока нам везет...

Степа шагнул к следующей двери, держа фонарь повыше. Темнота чуть расступилась, и в ту же минуту Берг вскрикнула — прямо поперек прохода лежал высохший труп. Череп в ошметках сгнившей кожи смотрел прямо на незваных гостей. Косухину тоже стало не по себе, но отступать он не собирался. Он уже занес ногу, чтобы перешагнуть через мертвеца, но передумал и аккуратно обошел его, держа фонарь над головой.

...Трупы, высохшие, почти без кожи, и просто скелеты лежали вдоль стен. Некоторые, впрочем, сидели, причем возле двоих стояли большие чаши. На противоположной стене, где чернел проход, прямо над ним было выбито такое же лицо, как и в ко-

ридоре, — трехглазое, с закрытыми веками и невеселой улыбкой на тонких губах.

— Видать, кладбище, — как можно спокойнее заметил Степа, вспомнив слова монаха.

— Вы правы, Степан. — Девушка уже пришла в себя. — Это обыкновенные честные мертвецы, которые не желают никому зла. Наверное, поэтому те, другие, не любят это место...

Минуту они стояли в нерешительности, осматривая склеп. Похоже, это и было старое кладбище Шекар-Гомпа. На некоторых телах уцелели обрывки желтых плащей, а на высохших черепках можно было различить коротко остриженные волосы.

— Простите, — негромко проговорила Берг. — Мы не хотели вас тревожить...

Косухин хотел перекреститься, но сдержался и осторожно шагнул к следующей двери. Вначале комната показалась ему пустой, однако вскоре стало ясно, что это тоже склеп. Но похоронен был здесь лишь кто-то один. Этот неизвестный лежал на небольшом возвышении слева от входа. Сразу же было видно — это не монах. Высохшее тело покрывали почерневшие остатки когда-то роскошного плаща, в ногах лежал изъеденный ржавчиной меч, вынутый из богато украшенных ножен, чуть ниже находилось то, что осталось от лука и кожаного колчана. Лицо покойного прикрывала маска из тусклого золота.

— Какой-то воин, — предположила Берг. — Смотрите, Степан, здесь барельеф. Наверное, это он...

Степа поднес лампу поближе. На большом, во всю стену, барельефе был изображен всадник в острой монгольской шапке. В левой руке он держал лук, а правую поднимал к небу. Изображение было старым, руки мастера — не везде точными, но Степа сразу же вспомнил — точно такого же всадника он видел возле входа в пещерный храм, где их встретил странный старик. Косухин всмотрелся, и ему показалось, что он видел всадника не только там. Что-то знакомое было в повелительном жесте руки, в гордой, надменно поднятой голове и даже в фигуре замершего в напряжении коня. Свет фонаря упал на золотую маску, и Степа тихо охнул:

— Командир Джор...

— Что вы сказали? — удивилась девушка.

— Н-ничего, — пробормотал Косухин. — Это я так...

Золотой лик был спокоен, в неровном свете фонаря казалось, что недвижимые губы слегка улыбаются. Степа вздохнул и тихо отошел от мертвого тела. Надо было искать выход. Он быстро осмотрелся...

— Тупик, — заметила Наташа. — Не может быть... Косухин, здесь по плану есть проход! Господи, ну ищите же!

Косухин вновь обошел небольшую комнату. Стены, высе-

ченные в скале, гладко отесаны, на них не было даже следов двери или прохода, пол каменный, ровный. Оставался потолок...

Внезапно где-то поблизости, со стороны оставленного ими коридора, послышались резкие злые голоса. Кто-то крикнул, раздались ответные крики, затем чей-то резкий голос позвал: «Сюда!»

— Они не войдут! — прошептала Берг. — Иначе они не оставили бы здесь все это...

Степа между тем осматривал потолок. Увы, он оказался обыкновенным — каменным, вырубленным в цельной скале. Крики в коридоре стихли, послышался резкий, пронзительный голос:

— Косухин! Берг! Немедленно выходите и сдавайтесь! Повторяю! Косухин! Берг...

— Вот щас прямо, — пробормотал Степа, продолжая внимательно осматривать склеп.

Голоса в коридоре начали что-то громко обсуждать, а затем заговорил кто-то другой, как показалось Степе, уже ему знакомый. Слова звучали отчетливо и громко, словно говоривший находился рядом:

— Степан Иванович! Наталья Федоровна! Прятаться не имеет смысла. Вся эта средневековая мистика вам не поможет. Через несколько минут мы просто взломаем стену...

— Значит, через дверь тебе, заразе, не пройти! — хмыкнул Косухин. — Наташа, а чего это они своих бхотов не пошлют? Они хоть люди...

— Бхоты боятся. Ищите, Степан, тут должен быть проход! Обязательно! Знаете, как-то очень не хочется превращаться в краснолицую вампиришу со стеклянными глазами...

— ...К сожалению, в этом случае мы не сможем вам помочь, — мягко и даже доброжелательно продолжал неизвестный. — То, что к вам войдет, не склонно к гуманности. Поспешите — у вас осталось всего несколько минут...

— Спасибо, что сказал, — отреагировал Степа, думая совсем о другом. Выбор невелик: четыре стены, пол и потолок. Все он уже осмотрел, оставалась одна из стен, находящаяся за возвышением, где покоился мертвец в золотой маске. Степа осторожно обошел высохшее тело воина, чье запечатленное в золоте лицо так напоминало Джора, и стал внимательно рассматривать барельеф. И тут вдали послышался негромкий, но гулкий звук, словно что-то огромное упало на каменный пол коридора. Звук повторился, затем еще — кто-то шел, его шаги с каждой секундой слышались все громче и громче. То, что приближалось из глубин подземелья, ступало мерно, с тяжелым механическим грохотом, словно по коридору двигалась ожившая каменная глыба.

— Косухин... — Девушка повернулась к Степе. — Вы... слышите?

— А чего? — пожал плечами Косухин, не отрывая глаз от барельефа. — Обещали же! Сейчас, гад, стену крушить станет... Вот, кажись, нашел!

Через весь барельеф, в правой его части, сверху донизу тянулась тонкая словно паутинка трещина. Степа легко дотронулся до края, затем надавил посильнее, но камень не двигался.

Страшные шаги гремели уже совсем близко. Послышалось сиплое дыхание, как будто в коридоре заработала небольшая паровая машина. В тяжелом протяжном вздохе угадывалось какое-то неясное бормотание, угрожающее и одновременно чем-то напоминающее плач...

Степа, стиснув зубы, сосредоточился на барельефе. Лампа начала чадить, масло кончалось, приходилось спешить. В центральной части, изображающей всадника, ничего похожего на трещину не было. Оставалось осмотреть левую часть, находившуюся в головах покойного...

Шаги стихли. Несколько секунд стояла мертвая стылая тишина. Человеческие голоса замерли, люди словно исчезли. А может, внезапно подумал Косухин, те, что в коридоре, и вправду попрятались. Видать, им тоже страшно!

Первый удар был несильный, мягкий, словно в стену стукнули чем-то гуттаперчевым. Косухин лишь усмехнулся, не отрывая глаз от шероховатого камня, но тут же последовал второй удар — страшный, всесокрушающий. Раздался грохот, запахло пылью. Стена, ведущая в первое помещение, не выдержала.

Наташа перекрестилась и, подойдя к стене с барельефом, стала рядом с Косухиным. Новый удар — и вновь грохот рухнувших камней. Послышались тяжкие шаги — то, что сокрушило стену, вошло внутрь. Берг вздохнула и положила руку на Степину плечо.

— Ага! — вновь произнес Косухин, на этот раз вполне довольный. — А вот и вторая...

Действительно, в левой части барельефа удалось найти вторую трещину, такую же ровную и тонкую.

— Да здесь попросту плита! На шарнире, видать. Ежели справа не открывается, то...

...Новый удар был сильнее предыдущих. Воздух наполнился пылью, сквозь грохот рухнувших камней вновь прогремели шаги, уже совсем рядом. То, что крушило камень, было в соседнем помещении, его сиплое дыхание, мощное и ритмичное, доносилось сквозь проход...

Степа надавил на правую часть плиты с барельефом. Вначале ничего не произошло. Косухин испугался всерьез, но стиснул

зубы, негромко выругался и надавил вновь, уже со всей силы. И тут же трещина-паутинка стала глубоким провалом — плита начала поддаваться.

— А ну-ка, Наташа, вместе...

Совместными усилиями трещина превратилась в щель, куда можно было просунуть руку.

— Еще!

...Скала задрожала. С потолка посыпались мелкие камешки, воздух наполнился пылью, глухо звякнул потревоженный меч в ногах мертвеца. Второй удар, еще сильнее — но стена выдержала. Казалось, что-то еще, не только камень, сдерживает неведомую силу.

— Ничего, Степан. — Берг улыбнулась и погладила Косухина по небритой щеке. — Давайте еще попробуем...

— Ага... Три-четыре!

Проход стал шире. Наташа даже попробовала в него протиснуться, но отступила и с сожалением покачала головой. Косухин кивнул, и они вновь надавили на плиту. Медленно, пядь за пядью, отверстие росло...

...Новый удар — третий. Казалось, по всему склепу прошел вздох — стена рухнула. По потолку зазмеились трещины, во рту скрипела пыль, но плита наконец-то поддалась. Косухин жестом остановил Наташу, пытавшуюся заглянуть в открывшийся узкий проход, и, просунув туда лампу, поглядел сам. Неяркий огонек осветил темный низкий коридор.

— Пошли!

Берг проскользнула во тьму. Степа дождал еще секунду и, не выдержав, оглянулся. В стене была проломлена огромная дыра, сквозь которую можно было заметить что-то большое, светящееся неярким зеленоватым огнем. Огромный бесформенный отросток — не рука, даже не звериная лапа — просунулся в склеп. Косухину показалось, что он видит надвигающееся из тьмы круглое немигающее око, горящее красным пламенем. Степа протиснулся в коридор и надавил на плиту с другой стороны.

— Скорее! — торопила Берг. Но Степа все же добился своего — плита поддалась и с легким скрипом стала на место. И тут же, заглушенные камнем, послышались тяжкие шаги — нечто, не торопясь, спокойно и властно входило в склеп...

— Побежали!

Косухин крепко взял девушку за руку, поднял повыше гаснущий фонарь, и они поспешили вперед. Коридор — или тоннель — был низким и ровным. В воздухе чувствовалась не затхлость подземелья, а холодная зимняя свежесть — очевидно, выход был недалеко. Они успели отбежать метров на двадцать,

когда позади послышался вой — низкий, тоскливый, полный страха и даже отчаяния.

— Оно не может проломить стену! — поняла Берг, на секунду останавливаясь.

— Кишка тонка! — согласился Косухин. — Вот, чердынь, а плита-то тонкая!

— Что-то его не пускает...

Степа не ответил — перед глазами встала золотая маска...

Вдали вновь послышался вой, еле слышный, уходящий. Коридор внезапно расширился, пахнуло ледяным ветром, и тут лампа, давно уже мигавшая и чадившая, погасла. Наступила кромешная тьма. Пришлось на минуту остановиться. Наташа вздохнула, прижалась к Степе.

— Ну, вы чего? — неуверенно проговорил тот. — Мы ж, считай, уже на свободе!

— Нервы, Косухин... Вы не слыхали, что у барышень имеются нервы? Даже у физиков...

— Ага, конечно, — согласился Степа. — Ну чего, двинули?

Берг крепко взяла Косухина за руку, и они пошли дальше, благо пол был ровным, а тоннель вел прямо, не сворачивая. Холод становился все сильнее, и Степа начал подумывать о том, что им следует делать, когда проход выведет на поверхность. План был ясен — спуститься в котловину, нырнуть в спасительную тень, добраться до замаскированного входа в убежище... Но все «черные», да и «серые» наверняка уже подняты по тревоге. У хозяев монастыря имеется план, они знают об этом тоннеле — значит, их могут ждать снаружи...

— Косухин! Здесь тупик! — Берг ошупала рукой внезапно появившееся препятствие. — Но почему? Ведь по плану...

— Знаю я эти планы! — неодобрительно заметил Степа, шаря рукой по холодной стене. — Нет, Наташа, тут не тупик. Чуте, как дует? А ну, давайте-ка спички!

Первый же огонек прояснил дело. Тоннель расходился надвое — широкий коридор вел направо, а узкий и низкий, едва в человеческий рост — налево.

— Странно, — Наташа зажгла вторую спичку, — этого на плане нет...

— Тривиум. — Косухину внезапно захотелось блеснуть ученостью.

— Ito, frater, — вздохнула Берг. — Quo vadere?

К своему крайнему удивлению, Степа понял.

— А шас, — задумался он. — Два хода. Один лучше, другой хуже. Какой из них на плане?

— Наверное, тот, который лучше...

— И я о том, — подхватил Косухин. — Вон из широкого как

дует! Тут выход совсем близко. А из узкого, чердын-калуга, еле-еле...

— Я вас поняла, — кивнула девушка. — Вы умница! Жаль, у вас нет невесты, я бы вас у нее отбила...

Степа только вздохнул.

Проход был неудобен — и без того невысокий потолок постепенно еще более понижался. Уже через полсотни шагов пришлось идти, нагибая головы. Но на это не обращали внимания — свежий морозный ветерок становился все ощутимее. На душе повеселело. Через несколько минут Косухин настолько осмелел, что предложил остановиться и перекурить.

— Последняя спичка, — сообщила Наташа, закуривая и передавая огонек Степе. — Что-то мы с вами начинаем шиковать! Ладно, если нас поймают, спички будут уже ни к чему... Косухин, я все-таки не поняла, как вы оказались здесь? Меня везли на самолете чуть ли не сутки...

— То есть как? — поразился Степа. — Хотя... Ну, мы день ехали, три дня шли...

— Это Тибет! От Синьцзяна — несколько тысяч верст... Косухин, а может, это не вы вовсе?

Степа поперхнулся дымом. Наташа, конечно, шутила, но в ее голосе мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Пушай Ростислав объяснит! — решительно заявил он. — Раз он у нас интеллигент. Или Тэда спросим, он вообще чуть ли не профессор, вроде Богораза.

— А Тэд — это кто?..

Говорили уже на ходу. В тоннеле становилось все холоднее. Косухин ожидал, что впереди мелькнет свет, ведь склон котлована залит лучами прожекторов. Но там было темно, и Степа вновь начал тревожиться.

— Ну, Тэд... Он этот... акэолоджи... Из Индиана стэйт...

Девушка рассмеялась:

— Вижу, вы умудрились выучить не только латынь, но и английский. Вы полиглот, Косухин! Стойте, что это?

Действительно, впереди мелькнула слабая полоска света. Косухин прошептал: «Тс-с!» — и тихо, стараясь ступать как можно легче, пошел дальше. Да, впереди был свет — желтоватый, неживой свет прожекторов, но какой-то странный, очень слабый.

— Ух ты!

В лицо ударил морозный ветер. Тоннель кончился, но перед ними был не склон, а небольшая ложбинка, почти полностью прикрытая огромным валуном, который закрывал вход, надежно маскируя его от непрошенных глаз.

— Где это мы? — Наташа подошла к выходу и осторожно выглянула.

— Там же, — вздохнул Степа. — Недалеко, чердынь, ушли...

Они находились в небольшой ложбине на склоне горы, чуть правее лестницы, ведущей к Шекар-Гомпу. До скал, в которых находилось тайное убежище, было не менее полуверсты. Правда, кроме часовых на вышках и обычных патрулей, Степа никого больше не заметил — ни «черных», ни «серых». Но выходило, как ни крути, все же скверно. Их, конечно, увидят. Если не пустят в ход пулеметы — натравят погоню. Но и оставаться опасно — хозяева Шекар-Гомпа быстро разберутся в несложном ребусе с двумя выходами.

Косухин еще раз оглядел ложбину. Вышки, часовые, пост у лестницы... И вдруг ему пришла в голову простая до одури мысль — Степа вспомнил подзабытый устав караульной службы. Бросят ли «черные» из монастыря свои посты, чтобы погнаться за беглецами? Да ни в коем разе! И внешней охране не сообщат, чтобы шуму лишнего не поднимать. Значит, пока те, у котлована и барачков, будут кричать в телефонные трубки да прикидывать, не провокация ли это...

— Наташа, нам надо прямо. Вон скала, видите? Нам туда. Сейчас выходим, идем спокойно, не бежим. Только... у меня... ну, просьба, что ли.

— Поцеловать вас для храбрости?

Степа сник.

— Извините, Косухин, — покачала головой Наташа. — Мой язык давно пора укоротить...

— Надо, пока мы не дошли, чтобы вы меня всенепременно слушались...

— Так точно, мой генерал! — Девушка вскинула два пальца к шапке. — Извините еще раз, Степан. Обещаю...

— Берите... — Степа протянул девушке стилет. — Если чего — бейте. Они... эти... боятся такого. Ну, пошли!..

Девушка тихо проговорила: «С Богом!», быстро перекрестилась и взяла Степу под руку.

— Нет, — покачал головой Косухин. — Идите вперед. А я чуток сзади, вроде конвоира. Эх, винтовку бы!..

Они вышли из-за прикрывавшего вход камня и неторопливо двинулись вниз, но не прямо к спасительным скалам, а чуть левее, по направлению к лагерным воротам. Едва ли товарищ Гольдин подумает, что беглецы сунутся прямо под прожектора...

Метров сто прошли спокойно. Ворота и вышки над высоким

забором приблизились, можно было уже разглядеть часовых в черных полушубках, спокойно стоявших на постах.

— А тут чего, строители живут? — поинтересовался Степа.

— Вроде бы... Я здесь не была, да и работают они не в монастыре, а где-то в подземельях. Через пару лет здесь будет такое — куда там Челкелю!

— Оно и видно, — вздохнул Степа. Внезапно со стороны ближайшего поста раздался громкий крик.

— Вот, чердынь... — Косухин оглянулся. Темная громада Шекар-Гомпа была спокойна. Должно быть, их все еще искали по подземельям. Крик повторился.

— Стойте!

Наташа взглянула удивленно, но подчинилась. Из калитки вышли двое солдат в черном, небрежно закидывая за плечи карабины.

— Ждем, — велел Степа. — Когда подойдут, я это... ну, кашляну. Бейте левого. Лучше — в горло.

Девушка кивнула и закусил губу. Косухин еще раз оглянулся — монастырь молчал. Они находились в зоне ответственности охраны лагеря, и те, кто охранял лестницу, не спешили вмешиваться.

Солдаты были уже близко. Степа всмотрелся и вздохнул с облегчением — обыкновенные косоглазые, низкорослые, со смуглыми лицами. Шли они вразвалку, даже не снимая карабинов с плеч.

«Давай, давай! — мысленно подбодрил Косухин. — Шевели ногами, служба!»

Не доходя двух шагов, солдаты остановились. Один из них, очевидно старший, не спеша снял карабин с плеча и что-то произнес.

— Свои! — спокойно отреагировал Косухин, доставая все то же удостоверение Сиббюро.

Солдат протянул руку, но Степа не сдвинулся с места. Карабин косоглазого оказался со штыком, что было весьма кстати...

Охранник повторил приказ, но уже громче, а затем, не выдержав, шагнул вперед. Косухин спокойно отдал бумагу, искоса поглядывая на второго бхота. Старший несколько секунд смотрел на удостоверение, затем поздравил напарника. Тот тоже заглянул в бумагу. Степа шагнул вперед и самым спокойным тоном произнес:

— Да чего вы, ребята?

Солдаты подняли на него удивленные глаза, и в ту же секунду Степа негромко кашлянул.

Тускло блеснуло серебро. Солдат, стоявший слева, захрипел и начал оседать на землю. Штык второго карабина дрогнул, но Косухин изо всей силы врезал «своему» охраннику в челюсть.

Бил он крепко — бхот рухнул на спину, а карабин был уже в руках у Степы. Косоглазый дернулся, пытаясь встать. Косухин резко нагнулся, штык с легким хрустом вонзился в грудь.

— Винтарь! Винтарь бери! — крикнул Степа, передергивая затвор.

— Что? — Секунду девушка непонимающе глядела на Косухина, затем, сообразив, подняла с земли оружие.

— Прожектора! — командовал Степа. — Левый, у вышки, видишь?

— Да! — Берг деловито шелкнула затвором.

— Гаси!

Стрелял Косухин неплохо, но сейчас спешил, и первые две пули ушли в «молоко». Раздался выстрел Наташи — и угловой прожектор погас.

— Годится! — одобрил Степа. — Теперь центральный, у ворот!

Сам он, обозвав себя «мазилой», прицелился тщательнее, но вновь промахнулся. Нехотя, лениво ударил пулемет, пули шелкнули по камням метрах в пяти от беглецов. Ругаясь вполголоса, Косухин заставил себя на миг забыть обо всем, кроме прицела и слепящего ока прожектора. Спокойнее, красный командир, спокойнее!.. Еще одна очередь взрылила редкий снег уже ближе — но тут палец Косухина мягко надавил на спусковой крючок, и прожектор погас.

Вновь ударил пулемет, на этот раз сзади, со стороны монастыря. Шекар-Гомп опомнился и вступил в бой. Но тут сухо хлопнул карабин Наташи. Свет третьего прожектора мигнул и пропал, погрузив дно котлована во тьму. Снова ударили пулеметы, но уже вслепую.

— Побежали! — Степа схватил девушку за руку, и они бросились вперед, к скалам. Бежать было нелегко — мешали карабины, сзади гремели выстрелы, темноту пронизывали отсветы трассирующих пуль, но враги стреляли, не видя цели. Луч одного из прожекторов метнулся по склону, нащупывая беглецов, прошел мимо...

— Я... Стойте, Косухин! — Берг остановилась, тяжело переводя дыхание. — Сейчас...

Степа оглянулся. Теперь уже два прожектора шарили по дну котловины. Стрельба утихла. Со стороны ворот и от лестницы, ведущей к монастырю, бежали черные фигуры, но они были еще далеко. Косухин прикинул расстояние — до скал оставалось метров двести.

— Скорее, Наташа!..

Девушка кивнула и, чуть пошатываясь, сделала шаг.

— Я... что-то с сердцем... Бегите, Косухин...

Степа не ответил, вдруг заметив, что со стороны ворот, обгоня бегущих солдат, к ним несутся легкие темные тени.

«Собаки... или волки, чердынъ их! Попались!..»

Он еще раз оглянулся — скалы были недалеко.

— Бегите, Косухин, — повторила девушка, — я...

Степа забрал у Наташи винтовку, аккуратно положил оружие на каменистую землю и сильно, не размахиваясь, ударил девушку по лицу. Наташа дернулась и негромко вскрикнула.

— К скалам! Бегом! Поняла, интеллигентка?!

— Да! — В глазах Наташи плавал страх. Косухину на мгновение стало не по себе, но отступить было нельзя:

— Беги!!!

Наташа быстро кивнула и побежала. Степа, вздохнув, передернул затвор. Чтобы добраться до входа, девушке понадобится минут пять или даже чуть больше...

Наташа бежала неровно, чуть пошатываясь и спотыкаясь. «Добежит, — попытался успокоить себя Косухин. — Черт, она же не знает, как войти!..»

Оставалось надеяться на темноту и на то, что обитатели убежища не спят и помогут. Впрочем, сейчас пора было подумать о другом...

Степа вскинул карабин и стал всматриваться в приближающиеся тени. И тут в глаза ударил яркий свет — лучи прожекторов все-таки поймали его. Косухин зажмурил глаза, упал, перекатился в сторону, на мгновение оказавшись в спасительной темноте. Он успел поднять карабин, но тут в глаза вновь ударил свет, и Косухин опустил бесполезное оружие.

«Почему не стреляют? — И тут же пришел ответ: — Живым взять хотят, гады! А у меня и стилета нет...»

...Первая собака — огромная, куда больше тех, что уже приходилось видеть, — вынырнула из темноты и молча бросилась на Степу, пытаясь допрыгнуть и вцепиться в горло. Штык ударил чудищу в грудь, скользнув по крепким ребрам. Собака, сверкнув красными глазами, отпрыгнула в сторону. Второй пес тоже попытался прыгнуть, но в последнюю секунду передумал и, уклонившись от штыка, отбежал в сторону. Сзади послышался шорох, Косухин обернулся и успел ударить прикладом еще одного, пытавшегося прыгнуть на спину. И в тот же миг свет погас. На мгновение Степа ослеп, а когда глаза стали привыкать, заметил что-то странное. Собаки — и те три, которые успели подбежать, и остальные, что были уже совсем близко — падали на землю, пытаясь перекувыркнуться. Косухин решил, что ему мерещится, помотал головой и окаменел — там, где только что была первая собака, вставало с земли нечто высокое, выше Степы, с длинными кривыми руками. Не человек — узкая, почти волчья голова сидела на плечах, спина странно горбилась, тело покрывала гус-

тая шерсть. Косухин не успел даже испугаться — когтистые пальцы потянулись к его горлу. Он отступил на шаг, но тут на голову обрушилось что-то тяжелое, перед глазами вспыхнул огонь, на миг стало больно — и наступила тьма.

Арцеулов спал тревожно. Короткие странные сны сменяли друг друга. Снилось война. Он видел заснеженное поле, обгорелые хаты на окраине брошенной станицы, мелькнули лица Орловского, Корфа, убитого под Екатеринодаром Мити Завалишина. И тут, заслоняя других, появился знакомый силуэт в короткой, не по росту шинели с косо висевшим солдатским Георгием. Из-под теплой зимней фуражки насмешливо сверкнули серые глаза:

— Отдыхаешь, Ростислав?

Виктор Ухтомский стоял, опираясь на винтовку, и на левой щеке краснела знакомая отметина, полученная в бою под Невинномысском.

— Виктор! — Капитан понимал, что это сон, но все же обрадовался.

— Мы увидимся, правда?

— Я сейчас далеко, Виктор, но я выберусь. Найду тебя и всех наших...

— Меня не найдешь. — Князь усмехнулся, на раненой щеке начала медленно проступать капля крови. — Тебе скажут, что я пропал без вести под Каховкой. Это будет через полгода... Но не хорони меня. Мы увидимся, только очень не скоро... Ты дождись...

— Дождусь. — Даже во сне капитан сообразил, что Виктора уже давно может не быть в живых. Похоже, князь тоже понял:

— Нормально, гвардия! Как там ты пел? «Не падайте духом...»

— «...поручик Ухтомский», — одними губами проговорил капитан, и вдруг лицо Виктора исчезло. В ушах прогремел резкий голос генерала Маркова:

— Ар-рцеулов! Пр-роspите цар-рствие небесное!

...Ростислав открыл глаза и мгновенно привстал. Рука по фронтовой привычке сжала лежавший рядом трофейный револьвер. В комнате все было спокойно, разве что немного душно. Фонарь светил теплым желтым огоньком, Тэд спал, положив ладони под щеку и чему-то улыбаясь. А вот Косухина нигде не было видно.

Поначалу этот факт был воспринят Арцеуловым достаточно безразлично. Возможно, краснопузого потянуло перекурить. Капитан и сам был не прочь прикончить папиросину. Рука потянулась к лежавшей на виду пачке, вторая привычно нащупала

зажигалку в кармане полушубка. Но перекурить не пришлось. Взгляд упал на неровные пляшущие буквы, нацарапанные карандашом по твердому картону. Все еще не понимая, Ростислав поднес пачку к свету...

...Первое, что почувствовал Арцеулов, — это обиду. Обыкновенную человеческую обиду. Краснопузый не должен был так поступать! Это, в конце концов, просто не по-товарищески, не говоря уже о том, что соваться в монастырь без разведки, да еще и без оружия — Степин карабин оказался на месте, — да еще, считай, со смертным приговором в кармане...

И тут на смену обиде пришел страх. Да, красный командир проштрафился. Его вполне могут поставить к стенке — хотя бы за Челкель. И поэтому краснопузый мог попытаться загладить вину — откупиться его, Арцеулова, головой...

Рука вновь сжала револьвер, глаза уже начали искать сидор с продуктами. Капитан накинул на плечи полушубок, вскочил и замер.

Страх прошел, его сменил стыд. Ростиславу представилось, что не Степа, а он сам решился на безумную вылазку, а проснувшийся Косухин вдруг решает, что беляк задумал сдать беглого представителя Сиббюро и тем заслужить прощение. Капитан взглянул на часы — начало четвертого. До монастыря спокойно-го ходу минут двадцать, значит, за это время их с Тэдом успели бы давно арестовать — даже если перед этим требовалось время для большевистского митинга с вынесением резолюции. Выходит, в Степином послании правда, он где-то там, в Шекар-Гомпе, если, конечно, еще жив...

Ростислав быстро оделся, застегнул «гусарский» полушубок и проверил оружие. В любом случае досыпать до утра он не собирался, равно как сидеть и ждать. Мелькнула мысль самому попытаться подобраться поближе к монастырю, но рассудок тут же ее отбросил. Прямо в лоб не подойдешь, а обходных путей Арцеулов не знал. Косухин по крайней мере мог попытаться сойти за своего...

Оставалось одно — добраться до помещения с окошком, прорезанным в скале, и наблюдать. Ростислав закинул оружие на плечо и повернулся, чтобы идти.

— Оу, война?

Тэд сидел, протирая глаза, но в руке уже держал карабин.

— Идите за мной!

Объясняться было некогда. Арцеулов быстро прошел по коридору, спустился по ступенькам и почти вбежал в помещение, откуда они наблюдали за монастырем. Первое, что он заметил, — окошко. Оно было открыто, в углу горела лампадка, а рядом с окном сидел один из монахов. Услышав шаги, он встал и быстро поклонился.

— Добрый вечер, вернее, утро, — заторопился Ростислав. — Как бы это спросить... Тэд, где вы?

— Почти здесь! — Американец уже спускался по лестнице. Монах поглядел на капитана и молча указал на монастырь.

— Наш товарищ... — неуверенно начал Арцеулов. — Он...

Монах быстро кивнул, вновь указав худой загорелой рукой на темневший на горе Шекар-Гомп.

— Что случилось, Ростислав? На нас напали? Где Стив? — Валюженич скатился по ступенькам, зацепился за одну из них носком наполовину надетого унта и чуть не упал.

— Он в... — Капитан никак не мог вспомнить, как будет «монастырь» по-английски. — Идите сюда, Тэд!..

Валюженич тоже обиделся на Степу, но рассудил, что лично от него, Тадеуша, толку в разведке мало, а Стив, похоже, настоящий герой. Предложение подежурить до утра было принято с восторгом. Американец заявил, что выпался на месяц вперед и вообще начинает скучать. Пристроившись у окна, он стал внимательно рассматривать пустую, освещенную прожекторами котловину.

Между тем монах поманил Арцеулова за собой. Неяркий свет лампадки осветил неровный участок стены. Рука молчаливого монаха легла на один из выступающих камней. Послышался легкий скрип, в открывшуюся щель пахнуло ледяным холодом.

— Спасибо, — понял Арцеулов и повернулся к американцу. — Ну что там, Тэд?

— Оу, я мало что понимаю во всем этом, но кажется, только что сменили караул у ворот...

— А по-моему, вам не впервой влипнуть в подобные истории, — заметил Арцеулов, присаживаясь рядом.

— Ну что вы! Археология — наука специфическая. Великий Ботта как-то сказал, что обычный график работы археолога — копать днем и отстреливаться по ночам. Остальное время уходит на написание отчета...

— Наверное, поэтому ваш отец и не хотел, чтобы вы жили по подобному графику, — предположил капитан.

— А-а! Старик сам в молодости копал Ниневию и привез с собой две пули в предплечье... Ростислав, видите?

Мимо подножия горы прошли несколько солдат. Откуда-то из тени появились две темные фигурки и стали не спеша двигаться в сторону лагерных ворот.

— Это в лагерь, — рассудил капитан. — Интересно, откуда они вышли? Наверное, там тоже проход в скале.

— О подземельях Шекар-Гомпа я слышал еще в Кампале.

Между прочим, по слухам, там похоронен Гэсэр-хан. Это уже седьмая могила Гэсэра, о которой я слышал. Знаете, как в Средние века: в Кельне хранились мощи Иоанна Крестителя-младенца, в Аахене — его же тридцатилетнего, а в Аугсбурге — помертвые останки и топор, которым ему отрубили голову.

— Сами выдумали? — усмехнулся Арцеулов.

— Не я. Кто-то из протестантских публицистов, чуть ли не Меланхтон... Смотрите, их встречают!..

— Да, похоже, смена караула...

Выстрелов они не услышали. Просто внезапно стали гаснуть прожектора...

— Оу! — удивился Валуженич. — Они, кажется, перешли на режим экономии электроэнергии!

— Нет-нет! — догадался капитан. — Скорее! Карабин не забудьте!

Рука несколько раз без толку ударила по камню, прежде чем спрятанный в глубине скалы механизм сработал и вход начал медленно открываться. И тут же в уши ударил сухой треск выстрелов.

Котловина, только что залитая бледным электрическим огнем, теперь тонула в темноте. Со стороны аэродрома дернулся луч прожектора, начал неуверенно ползти по склону...

— Они там.... — Арцеулов, закусив губу, на секунду задумался. — Тэд!

— Жду приказа!

— Стойте у входа и бейте по каждому, кто подойдет. Лучше в голову или в сердце — чтоб наверняка...

— Оу, понял, но у меня нет серебряных пуль... А вы?

Ростислав, не ответив, нырнул в темноту. Лучи прожекторов, шарившие по темному дну котловины, скрестились, высветив какие-то фигуры, но затем все вновь исчезло. Капитан остановился, не зная, что делать. И тут в нескольких шагах от него кто-то пробежал, следом мелькнула густая черная тень. Крик! Арцеулов взял карабин наперевес и бросился на голос.

...Кто-то лежал на земле, закрыв голову руками, а огромный черный пес наклонился, пытаясь достать до горла упавшего. Арцеулов, вспомнив, что этих тварей пули не берут, размахнулся — и со всей силы обрушил приклад на заросший густой шерстью загривок. Собака упала молча, задние лапы дернулись, пасть оскалилась — удар перебил позвоночник. Арцеулов наклонился над лежащим.

— Степан?

Но он уже понял — это не Косухин. На человеке была не лохматая Степина шуба, а белый полушубок — тоже знакомый...

— Ростислав... Александрович... там...

— Наташа! — ахнул капитан, помогая девушке встать. Берг помотала головой:

— Я сама... Степан...

Ростислав взглянул в темноту и вдруг услышал топот множества ног. Это были не собаки — люди. Уже были видны темные силуэты, приближавшиеся ровным, почти как на учении, строем. Будь Ростислав один, он бы, пожалуй, остался и потратил бы все обоймы, лежавшие в кармане полушубка. Но рядом стояла Наташа, а у входа караулил розовощекий археолог из штата Индиана...

— Уходим...

Капитан, взяв девушку за плечи, потащил ее к скале. Наташа что-то бормотала, но Ростислав не слушал — голоса за спиной были уже совсем близко. Черные тени надвигались, но тут прозвучало удивленное «Оу!», и через несколько секунд каменная глыба с легким скрипом стала на место.

Девушка была почти без сознания. По лестнице уже спускались монахи, Валюженич им что-то объяснял, показывая то на Арцеулова, то на вход, а Ростислав все смотрел в окно, на темный склон, по которому ползли щупальца прожекторов. Где-то рядом был Косухин. И так, пока он спал и видел героические сны, красный командир Степа проник каким-то чудом в Шекар-Гомп, нашел Наташу, вырвал ее из лап нелюдей, а сам остался там. Ему, герою Ледяного похода, довелось лишь прогуляться по склону котловины.

Берг отвели в комнату. Цронцангамбо помазал ей виски мазью, издававшей легкий терпкий запах. Девушка застонала, но монах провел рукой над ее головой и что-то зашептал. Через минуту послышалось тихое ровное дыхание — Наташа спала.

— Они говорят, что к утру с мадемуазель все будет в порядке, — прокомментировал Тэд. — Ростислав, но как же Стив? Может, я посижу у входа, вдруг он все же...

— Да, конечно... — выдавил из себя капитан.

Они по очереди дежурили остаток ночи, но Шекар-Гомп молчал. Затем из-за гор медленно выплыло холодное зимнее солнце, и от лагерных ворот в сторону черного провала потянулись длинные вереницы тех, кого монахи называли «варда». Начался еще один день странной жизни бывшего монастыря.

Степа не вернулся.

В девять утра Арцеулов взглянул на часы, затем на ненавистный монастырь, покачал головой и поплелся обратно. Еще с порога он услышал голоса: Наташи и Тэда.

— Проснулись, Наталья Федоровна? — Арцеулов попытался

улыбнуться. — Вижу, уже познакомились с мистером Валюженичем?

— Да. И даже нашли с ним общих приятелей. Париж — город маленький... Ростислав Александрович, я знаю — это почти невозможно, но все-таки помогите Степану! Иногда люди обязаны помогать друг другу. Белые они, зеленые, красные — все равно...

— Понимаю, Наталья Федоровна, — кивнул капитан.

— Нет, не понимаете! — нахмурилась девушка. — Шекар-Гомп... Живому человеку там нечего...

— Хорошо. — Капитан помолчал и перешел на английский, чтобы Валюженич тоже мог участвовать в разговоре: — Наталья Федоровна, постарайтесь как можно подробнее рассказать, что вы там видели...

— Подробнее... Подробнее, господа, не получится, — вздохнула Берг. — Нас держали в домике возле аэродрома и каждый день, точнее — каждую ночь водили на нижние этажи...

— Нас?

— Нас... — задумалась Наташа. — Нас — группу сотрудников здешней лаборатории. Физики, химики, есть даже психолог. Три группы, человек по семь. Две группы, в том числе и моя, жили под охраной этих «черных» снаружи, третья — в самом монастыре. Я их видела только раз — и больше не хочу. Они... неживые, големы какие-то...

— Мадемуазель Берг, — не выдержал Тэд, — не могли бы вы... поточнее? Мертвецы, оборотни, големы... Может, это просто люди с поврежденной психикой?

— Я не биолог, — чуть подумав, ответила Берг. — Холодные как лед руки, неподвижные зрачки, в случае ранения кровь не течет... И необычайная сила...

— Оу, зомби! — воскликнул Валюженич. — В детстве я зачитывался Карлом Маем...

— Я тоже... Часть из них и вправду похожи на зомби — двигаются, как марионетки, почти не разговаривают...

— Бессмертные Красные Герои, — кивнул Арцеулов.

— Тут такие во внутренней охране — и тоже с голубыми свастиками, причем большинство — европеоиды. Но есть и другие. Люди как люди — только руки холодные и глаза на свет не реагируют... Один такой беседовал со мною...

— Вроде Венцлава, — вновь вставил капитан.

— Вроде господина Венцлава, — согласилась Наташа. — Эти командуют. Есть тут и обыкновенные бандиты, из местных...

— Мадемуазель Наташа, — вмешался Валюженич, — извините за патологоанатомическое любопытство... Монахи говорят, что в монастыре работают «варда» — или «барда», если на общетибетском наречии. Так здесь называют местных зомби...

— На стройке работают обычные люди. То есть не совсем обычные, но все-таки люди. Я видела их — они пробивают дополнительные тоннели на нижних ярусах подземелий. Это местные, из соседних селений. Правда, они тоже странные — как будто накурились опиума.

— Вполне возможно, — пожал плечами Ростислав.

— Может быть... Но мой коллега по несчастью — тот самый психолог, он из Казани, работал в знаменитой тюремной лечебнице. Так вот, он уверял, что это не наркотики, а что-то иное. В общем, из-за этого господа большевики и заинтересовались Шекар-Гомпом...

Берг помолчала, затем закурила, но после нескольких затяжек закашлялась и бросила папиросу.

— Извините, господа... Шекар-Гомп, как вы уже, кажется, знаете, построен на том месте, где находится «рана», пробитая копьем местного бога в теле какой-то бабы-яги...

— Бранг Сринмо, — подсказал Тэд. — Мадемуазель Наташа, это не совсем баба-яга. Баба-яга — персонаж славянского фольклора...

— Догадываюсь, — улыбнулась девушка. — Так вот, с точки зрения физики, эта «рана» — открытый источник неизвестного излучения. Мы называем его «Синий свет». Его исследованием наша группа как раз и занималась. Оно необыкновенной силы, напрочь глушит радиоволны, но для человека относительно нейтрально, даже несколько тонизирует, но не более...

— Наверное, потому монахи и поставили здесь монастырь, — предположил Арцеулов.

— Очевидно... К тому же излучение очень красиво: темный подземный зал — и огромная светящаяся колонна. Но в Шекар-Гомпе хранилась некая реликвия, не столь безопасная...

— Оу, «Голова Слона»! — вспомнил Тэд. — Рубин!

— Это не рубин. По-моему, это вообще не камень, твердость совсем другая, иные оптические свойства. А главное — внутри есть какой-то источник энергии. Этим «рубином» как раз занимаются те, кого вы называете «зомби», а нас подпускали лишь посмотреть. В темноте он светится, причем свет постоянно меняется. У людей начинает болеть голова и даже бывают галлюцинации...

— Великолепный объект для местных шаманов, — усмехнулся Тэд.

— Так, наверное, и было. Пока кому-то еще в древности не пришло в голову пропустить «Синий свет» через «Голову Слона». В этом, похоже, вся штука...

— И что получается? — поинтересовался Арцеулов. — Усиление энергии?

— Да. Излучение становится очень мощным, стабильным,

меняет свет на темно-оранжевый, но главное — резко меняются свойства. И вот тут людям лучше держаться подальше. Самое меньшее — они теряют память и становятся просто куклами...

— «Потерявшие Разум», — вспомнил Арцеулов.

— Те, которые работают на стройке, и часть охранников — как раз из них. Но это, увы, не все. Мне говорили, что в определенное время оранжевое излучение способно превратить человека в такого, как Венцлав, в мертвого — в зомби... Говорят даже, что человек может изменить физический облик, стать демоном, чудищем, уж не знаю чем... Кроме того, какими-то заклинаниями можно вызвать из «Головы Слона» злых духов — настоящих хозяев Шекар-Гомпа...

— Оу, фольклор! — Валюженич, схватив записную книжку, начал делать карандашом стенографические пометки.

— Ну, тут проще. — Арцеулов зло скривился. — Со здешними хозяевами я знаком не первый год. Мы на них ходили в штывы еще под Ростовом. Вот уж не думал, что эта сволочь дотянется даже до Тибета!

— У меня был странный разговор, — немного помолчав, продолжила Берг. — На второй день, как меня сюда доставили, меня отвели в темную комнату — наверное, чтобы я не видела лица собеседника. Как я поняла, он и есть тут самый главный. Между прочим, голос знакомый. Этой ночью в подземелье... Да, кажется...

Девушка задумалась.

— Говорил он со мной недолго и достаточно вежливо. Посоветовал, как он сказал, вникнуть в работу и добавил, что по сложности она превосходит проект «Владимир Мономах». Тут я не удержалась и проявила интеллигентскую смелость. Что-то связвила по адресу господ большевиков...

Наташа помолчала и щелкнула пальцами:

— Это трудно передать. Он засмеялся — очень искренне и совсем не зло. А потом сказал нечто вроде... Нет, я запомнила точно: «Наталья Федоровна, голубушка, не обращайтесь на идиотов. Когда вы едите рокфор, то не думаете о плесени, которая сей сыр сотворила. Мы счистим плесень, и для этого нужен Шекар-Гомп».

— Ого! — Арцеулов даже привстал.

— Я и сама удивилась. Удивилась — и поверила, по крайней мере в ту минуту...

— Очередной Сен-Симон, — вздохнул Тэд. — Сен-Симон и Лучи Смерти, которые превращаются в Лучи Счастья. Если я напишу об этом рассказ, его напечатает разве что наша газета «Пух и прах Индианы». Столичные такого избегают...

— Вы правы, — согласился Ростислав. — Читателям это будет неинтересно, а врачи запрут нас... ну, хотя бы в Казанскую

лечебницу. Но сейчас важно другое. Наталья Федоровна, как можно незаметно попасть в монастырь?

— Мы с Косухиным прошли подземным тоннелем. Они — новые хозяева — о нем не знали. Но теперь тоннель, понятно, перекрыт, а после вчерашнего они увеличат охрану...

— Уже увеличили, — кивнул капитан. — Не исключаю даже, что они попытаются найти наше убежище. Господа, я военный... Если передо мной поставят задачу попасть в Шекар-Гомп — я доберусь. Один шанс из ста, но доберусь. Но вот где именно искать Степана?

— Но, господа, — вмешался Тэд, — почему бы не спросить об этом здешних монахов? Уж они-то должны знать, как туда пробраться

...Цронцангамбо, которого они встретили в зале с золотым бурханом, даже не дослушал вопрос до конца:

— Никак. Ваш друг совершил чудо. Великий Гэсэр знал, кого посылать в Шекар-Гомп. Но чудеса не повторяются.

— Мы должны помочь Стиву! — настаивал Валюженич.

— Да... — перебил монах. — Все утро я спрашивал совета. Я молился и ждал и когда уже отчаялся, мне ответили...

Он помолчал, а затем взглянул Тэду прямо в глаза:

— Переведи своим друзьям. Мы не должны помогать вашему другу. Посланец Гэсэра выполнил свой долг. Его путь окончен...

Валюженич, сбиваясь и запинаясь, перевел. Арцеулов скрипнул зубами и медленно встал, недобро глядя на монаха.

— Его путь окончен, — повторил тот. — Ваш друг просил у Того, Чью волю я узнал сегодня, не торопить его душу. Он хотел завершить два дела — спасти ту, что теперь вместе с вами, и узнать тайну Шекар-Гомпа. Он сделал это...

Цронцангамбо поклонился и медленно вышел из зала. Минуту все молчали, затем, не говоря ни слова, поплелись обратно в комнату. Тэд, присев на деревянное ложе, ерошил густые волосы, о чем-то усиленно размышляя. Берг смотрела куда-то в сторону, а затем негромко заговорила по-русски:

— Ростислав, надо идти сегодня же ночью, иначе можем опоздать. Пусть этот мальчик заснет...

Валюженич замер, затем поглядел на Наташу, перевел взгляд на Арцеулова и невесело усмехнулся. Стало ясно — он понял.

— Тэд... — начал Ростислав.

— Да, Тэд... — Американец заговорил медленно, почти равнодушно. — Тэд годится на то, чтобы служить переводчиком и охранять вход от бродячих собак... Ребята, все, что можно было сказать о моей скромной персоне, уже высказывали — хотя бы

мой уважаемый отец. Но сейчас вы, похоже, не понимаете правил игры...

Теперь Валюженич говорил уже иначе — твердо, даже сурово:

— Ростислав, вы военный и, наверное, хороший военный. Но в монастырь вам не проникнуть, и вы решили героически умереть — чтобы вас не мучила знаменитая русская совесть. Вы, мадемуазель Наташа, тоже решили умереть — за компанию. А мальчика Тэда оставляете для продолжения образования в Сорбонне... Наверное, мне и вправду следует почитать Достоевского!..

Арцеулов и Берг хотели возразить, но Валюженич резко махнул рукой:

— Мы, американцы, — индивидуалисты. Каждый думает прежде всего о себе — и это правда. Но есть другое правило — джентльмен должен помогать джентльмену. Помогать, пани и панове! Когда человек болен, вы зовете врача, а не пехотного генерала. Сейчас вам нужен специалист...

— Извините, Тэд, — улыбнулась Наташа. — Я вас поняла, можете не продолжать, но как нам может помочь ваша археология?..

— Вы можете дать слово, что будете со мною откровенны?

— Ну, Тэд, — нетерпеливо бросил Арцеулов, — извините нас...

— Ладно... Я пошел. Надо поговорить с Цронцангамбо. Между прочим, кое-что могу посоветовать сразу. Мистер Арцеулов, у вас есть вещь, которая нам обязательно пригодится.

Арцеулов бросил взгляд на стоявшие в углу карабины.

— Нет, — усмехнулся американец, — это лекарство для другого случая. Я имею в виду рог Гэсэра. Но не спешите, я должен кое-что узнать. Не смею командовать, но я бы продолжил наблюдение за монастырем...

— Да, — кивнул Арцеулов, вставая, — вы правы. Пойду на пост, а вы, Наташа, покуда отдыхайте. Будем меняться...

Девушка кивнула, и по ее взгляду Ростислав понял, что она почувствовала то же, что и он. Слова Валюженича пробудили то, чему, казалось, нет места у стен Шекар-Гомпа, — надежду.

ГЛАВА 7

ИСКУШЕНИЕ

Степа очнулся в полной темноте и застонал от боли — ныла ссадина на голове, болело ушибленное плечо и неизвестно когда ударенное колено. Но, справившись с первым болевым приступом, Косухин глубоко вздохнул и решил, что еще дешево отде-

лался. Его лишь оглушили и бросили куда-то на твердый и холодный каменный пол. А вот куда именно — понять было трудно. К счастью, руки и ноги были свободны, и Степа смог обследовать узилище, быстро определив, что оно небольшое, квадратное, с мощной железной дверью. Итак, руки-ноги были целы, голова вновь работала — значит, о полной капитуляции речь вести рано. Враги, с точки зрения Косухина, совершили серьезную ошибку: оставили его в живых да еще дали время на размышление. А это уже кое-что.

Итак, он в плену. Пощады ожидать не приходилось, оставалось надеяться на чудо. Хотя бы на то, что классовый враг капитан Арцеулов вместе с классово чуждым и столь же классово безграмотным Тэдом каким-то образом вызволят его отсюда. Как и на то, что этой ночью Наташе все-таки удалось уйти...

Степа помассировал зудящие кисти, вдруг сообразив, что чувствует под пальцами свежие рубцы. Он присел на пол неподалеку от двери и задумался. Умирать не хотелось. Более того, умирать было никак нельзя. Рука скользнула по полу и вдруг наткнулась на что-то странное. Косухин пошарил рукой и понял — веревки, добротные крепкие веревки, какими можно связать медведя. Ощупав их, он сообразил, что узлы на месте. Веревки не развязаны — разрезаны...

И тут он понял. Этими веревками связывали не того, кто сидел тут раньше, и, уж конечно, не медведя, а его, Степу Косухина. От того и рубцы на запястьях! Связали и... раздумали? Выходило что-то несуразное. Или... совсем наоборот!

Пораженный догадкой, Косухин начал шарить по полу, надеясь, что неведомый друг, освободивший его от пут, оставил что-нибудь полезное — хотя бы револьвер. Рука задела несколько мелких камешков, старую, раздавленную сапогом спичку, и вдруг...

Вначале Косухин не понял. «Это» показалось тяжелым и бесформенным, просто куском железа, к тому же изрядно прожжавевшим. Ладонь ощупала неровный металл, коснулась все еще сохранявшего следы заточки острия, легла на удобную костяную рукоять.

Меч...

В старом ржавом оружии было что-то знакомое. Степа закрыл глаза, попытавшись представить себе, как меч выглядит при свете, — и вспомнил. Он уже видел этот ржавый клинок — совсем недавно, в подземном склепе. Перед глазами встала золотая маска с еле заметной улыбкой в уголках тонких губ...

Конечно, револьвер был привычнее, но Степа помнил — пули этих вырожденцев не берут. А вот меча — как и серебряного перстня — они почему-то опасаются. Недаром то, что рушило стены, так и не переступило через кости воина в золотой маске!

Косухин вскочил, сжал в руке меч и зло оскалился. Он жив, не ранен, даже вооружен, а значит, камера превращалась в крепость.

Ждать пришлось долго. Наконец послышались шаги. Степа услышал их издалека — тяжелые, мерные — и поспешил лечь на пол. Меч был в руке. Косухин лишь повернулся, чтобы оружие не заметили с порога. В замке заскрипело, дверь стала медленно отворяться. Ударил свет — не мигающий огонек масляной лампы, а мощный луч электрического фонаря. В камеру входили двое. Первый — обыкновенный косоглазый в черном полушубке, а вот второй... Еще недавно Степа наверняка бы испугался. Лицо второго когда-то было русским. Когда-то — потому что теперь лицо исчезло. Не было нижней челюсти, в свете фонаря страшно щерилось несколько уцелевших зубов над открытой черной гортанью. От носа осталась едва половина, сквозь порванную кожу проглядывала желтая кость. Глаза были на месте, но без век и, как показалось, без зрачков...

Тюремщики не торопясь вошли в камеру, бегло огляделись, затем косоглазый с фонарем сделал знак второму — страшному. Тот, беззвучно кивнув в ответ, стал наклоняться к Косухину. Косоглазый стоял рядом и светил. Степа выждал немного — и взмахнул мечом.

Скрюченные кисти бессильно разжались — удар пришелся прямо в черный зев. То, что когда-то было человеком, зашаталось, с грохотом рухнув на пол. Косухин был уже на ногах. «Черный» взвизгнул и бросился наутек. Фонарь — большой, тяжелый, с яркой белой лампой — остался в камере. Хлопнула дверь...

Степа перевел луч фонаря на неподвижное тело. Глаза закатились, пожелтевшие белки не двигались. То, что лежало на полу, стало походить на обыкновенного изуродованного войной мертвеца. Косухин вздохнул, пальцы сами собой сложились в щепоть, красный командир поднес руку ко лбу, но креститься не стал, в последний миг расценив это как слабость. Бога нет — Степа привык в это верить. Оставалось рассчитывать только на себя...

Фонарь был поставлен у стены, прямо перед дверью. Сам Степа сел в темноте, чтобы оставаться невидимым. Сдерживая страх, он обыскал тяжелое холодное тело, но никакого оружия не обнаружил. Впрочем, меч, — а при свете Косухин убедился, что это действительно меч, — оказался вполне к месту. Первый бой выигран, оставалось ждать продолжения.

...Новые гости появились вскоре — не один, сразу несколько. Протопали тяжелые шаги, а затем послышался резкий противный голос, уже звучавший в подземелье:

— Косухин! Прекратите сопротивление и сдавайтесь!..

— Ага, сейчас и сразу! — хмыкнул Степа.

Голос замолчал, но тут заговорил другой, тоже знакомый:

— Товарищ Косухин! Говорит особый уполномоченный ЦК Гольдин. Это недоразумение! Сейчас мы войдем в камеру, и я вам все объясню. Только вначале выбросите оружие...

— Эту железяку? — с наивозможнейшей наивностью поинтересовался Степа.

За дверью помолчали. Затем Гольдин вновь заговорил, но теперь его голос звучал не так уверенно:

— В ваши руки попала опасная вещь, товарищ Косухин. Это так называемый меч Гэсэра. Но на самом деле это не меч. Это опасный предмет...

— Косухин! — прервал его первый голос. — Мы ломаем стену! Вы уже знаете, что это нетрудно...

— Давай! — согласился Степа, чувствуя — враг блефует.

Действительно, стену никто ломать не стал, вместо этого вновь послышался голос Гольдина:

— Товарищ Косухин, повторяю: это недоразумение...

— Ага! — не выдержал Степа. — Точно, чердын-калуга! Недоразумение! Мертвяков в бой посылаете, псов всяких ненормальных... Да и сами вы, товарищ Гольдин, как здесь оказались?

— Я нахожусь там, где нужно революции и партии. Моя смерть была инсценировкой...

На миг Косухину показалось, что он попросту спятил, но тут перед глазами встала далекая, почти уже забытая Столица, еловые венки у красного гроба, большой портрет с черным крепом, желтое восковое лицо...

— Я буду здесь, — тихо, но решительно заявил он. — Лучше с голоду помру! Сам я в ваш мертвецкий полк не запишусь...

— Обойдемся без твоего согласия, Косухин! — перебил его первый голос. — Ты предатель и негодяй! А твою Берг мы на дне морском съедем...

«Наташа-то на свободе!» — обрадовался Косухин и почти совершенно успокоился.

— Ага, попробуй! А кто из нас предатель — это пусть товарищ Троцкий да товарищ Ленин рассудят!..

За дверью замолчали. Степа, решив, что враги перешли к осаде, стал устраиваться поудобнее и вдруг услышал стон. Тело, лежавшее у порога, еле заметно дернулось. Косухин осторожно подошел ближе.

...Мертвые белые глаза стали другими — обычными, человеческими, в них плавала боль.

— Браток... — Голос из изуродованной гортани было почти не разобрать. — Браток, где я? У беляков?

— Да, — Степа сглотнул, — вроде как в плену.

— Ах ты!.. — Стон сменился хрипом. — Помираю, видать! Больно...

По телу вновь пробежала дрожь, ноги дернулись, в горле вновь забулькало.

— Вспомнил! — Голос внезапно стал ясным, почти человеческим. — Ты вот что, браток, передай товарищу Киквидзе...

Глаза закатились, тело дернулось и застыло. Степа сидел, сжавшись в комок, боясь даже пошевелиться. Он знал, кто такой товарищ Киквидзе. Легендарный командир 16-й стрелковой был смертельно ранен под Царицыном в январе 19-го, ровно год назад. Тот, кто пришел в себя в подземелье Шекар-Гомпа, числил комдива в живых. Если бы здесь лежал Федя Княжко, он бы, наверное, спросил, взят ли наконец Бугуруслан...

— Сволочи! — прошептал Косухин, пожалев, что едва ли сумеет доложить обо всем в Столице. И это было обиднее всего...

Он думал, что услышит шаги, но голос прозвучал внезапно, как будто говоривший все время простоял за дверью:

— Степан Иванович! У вас нет настроения побеседовать?

Он уже слышал этот голос, совсем недавно уговаривавший их с Наташей сдать. Слышал и прежде — на Челкеле, когда «Руководитель Проекта» передавал ему, Косухину, приказ Реввоенсовета. Но теперь Степа понял, что знал этого человека еще раньше. Правда, голос был немного другим, чуть измененным, да и выглядел говоривший совсем иначе...

— Не возражаете? — продолжал голос. — Я войду. Выключите, пожалуйста, фонарь...

— Не-а! — встрепенулся Косухин.

— Степан Иванович, знаете, я не люблю напрягать голос. Придется убедить вас иначе...

В ту же секунду фонарь погас. Степа вскочил с места — кто-то шагнул в камеру. Дверь при этом — Косухин был уверен — и не думала открываться.

— Можете спрятать свой антиквариат. — Голос звучал совсем рядом. — Да-да, я о мече, который так напугал здешних товарищей. Архизабавно, правда? Я не стал их переубеждать — из педагогических соображений... Присядьте...

Тон говорившего был настолько властным и, главное, голос показался столь знакомым, что Косухин покорно сел.

— Здешние товарищи воспринимают вас весьма неадекватно, принимают вас за духа-мстителя Шекар-Гомпа. Забавно, весьма забавно...

Похоже, это слово очень нравилось говорившему. Степа между тем лихорадочно вспоминал, где он уже слышал этот голос, но память отказывала, словно кто-то поставил невидимую заставку.

— ...И даже полезно. В руках тех, кто здесь служит, имеется

огромная сила. Вы послужите неплохой острасткой — чтоб не зазнавались. Но сами вы, надеюсь, не считаете себя духом?

Степа решил было не отвечать на провокационный вопрос, но не сдержался:

— А че? Все лучше, чем мертвяком ходячим из этого, чердынь, легендарного! Или собачкой вашей...

— Собачки не понравились? — Неизвестный хмыкнул, но тут же голос стал суровым и жестким. — Товарищ Косухин, как вы считаете, кто главный враг нашей Революции?

— Мировой капитал, — отбарабанил Степа, даже не сообразив, что время для политбеседы выбрано не самое подходящее. — Нет... Подумайте. Самое время.

Насчет последнего Косухин не поверил, но все же задумался:

— Ну, это... Мы, стало быть, враги всего прежнего порядка жизни...

— Да...

Слово прозвучало настолько весомо и тяжело, что Степа испуганно замолчал.

— Ни меня, ни вас не устраивает прежний порядок жизни. А что было и есть его основой, Степан Иванович? Что мы должны сокрушить прежде всего?

К своему немалому удивлению, Косухин и впрямь заинтересовался:

— Ну, страх, наверное. Люди боятся — голода, начальства... Ну, это... безработицы...

— Верно. А что лежит в основе любого страха? Чего боятся люди больше всего?

— Смерти... — негромко проговорил Степа, и ему стало не по себе от этой простой мысли, — смерти...

— Да. Смерть — основа всего существующего порядка. Смерть — вот что мешает и будет мешать людям. Именно смерть — наш враг. Мы не говорим это на митингах, но не будет никакой победы, никакого великого будущего, если мы не уничтожим смерть...

Косухин помотал головой, соображая.

— Так ведь... партия и собирается... Больницы там, здравоохранение...

Послышался смех — злой и оттого очень обидный.

— А чего? — взъярился Степа. — К попам, что ль, обращаться? Они-то вечную жизнь и обещают, чердынь-калуга!

Вновь смех, на этот раз вполне добродушный:

— Степан Иванович, ваша атеистическая девственность просто прелестна! Вы хоть Библию читали? Вспомните! Смерть — не результат чумы или испанки. Люди получили ее вместе с проклятием. Был такой достаточно известный эпизод...

— Да не морочьте голову!..

Степа чувствовал — его не просто морочат. От него чего-то хотят, чего-то очень серьезного. Недаром этот, со знакомым голосом, так распелся!

— Вы еще вспомните про сад, как его?

— Эдемский, — охотно подсказал голос.

— Во-во, чердын-калуга! Эдемский... Адам, Ева и этот... архангел с мечом в зубах... Вы мне лучше про Венцлава расскажите!

— О товарище Венцлаве мы еще поговорим. Сейчас о главном. Мы еще не можем победить смерть до конца. Но даже те, кто пал ее жертвой, теперь служат нашему делу. Вас это так пугает?

— Не пугает... — Косухин задумался, уже всерьез. — Только неправильно это! Мертвые — они сами по себе. Уроды всякие, нечисть да нелюдь... Нечего им среди людей делать!

— Так говорят священники, — прервал его невидимый собеседник. — Они — наши враги, товарищ Косухин. Они — слуги нашего Главного Врага, Того, Кто придумал смерть.

— Как? — обомлел Степа. — Ведь Бога-то нет!

— Бога? Бога — нет...

Сказано это было таким тоном, что Косухину, несмотря на привычность этих слов, стало страшно. Только сейчас он понял, что означает эта очевидная для каждого большевика истина. Бога нет, зато есть Венцлав, есть Шекар-Гомп с его нелюдями, есть этот, говорящий из темноты... Степу в чем-то обманывали, более того, приводили к чему-то страшному. Куда более страшному, чем если б колчаковские контрразведчики пытались сведения об иркутском подполье...

— Бога нет, Степан Иванович, — продолжал неизвестный, на этот раз вполне спокойным тоном. — Но есть те, кто служит нашему врагу. Они столь же реальны, как Венцлав или ваши любимые собаки. Кстати, это не собаки, вы плохо разбираетесь в биологии... Главное — все, кто помогал вам на Челкеле и здесь, — враги нашего дела...

Степа ничего не ответил. Выходит, врагами были не только белый гад Арцеулов, Наташа Берг и его брат, но и старик в пещере, командир Джор, монахи в тайном убежище. И тот, кто беседовал с ним у догорающего очага...

— Сейчас вас схватят и выбьют из вас все. Потом вы встанете в строй и наденете шлем с голубой свастикой. Бывают мстительные натуры — вас, например, могут заставить расстрелять Наталью Берг или вашего брата. Вас не спасет ничто, даже если вы разобьете голову о стену. Мне служат все — и живые, и мертвые... Вспомните господина Семирадского...

Косухина словно обожгло. Перед глазами встал Глеб Иннокентьевич — веселый, добрый и умный, такой, каким Степе не

стать никогда, даже если сто лет учиться. И тот же Семирадский — мертвый, неузнаваемый, сжимающий пальцы на горле Наташи...

— Не все, — отрезал он. — Иначе б вы со мной тут не беседовали!

— А вы логик, товарищ Косухин! Но вы все-таки ошибаетесь. Я могу заставить — или убедить — каждого. Но лучше, если вы поможете мне живой. Дело в том, что те, которых мы вырываем из власти нашего врага, могут пока еще не все. Мне нужна ваша память, хочу пройтись по всей цепочке — в обратном порядке. Мне надо точно знать, где и кто помогал вам, кто беседовал, что обещал. Поймите, это куда важнее, чем раскрыть заговор белогвардейцев. Все имеет свою цену — я обещаю вам жизнь...

— Ага, — без всякого энтузиазма отреагировал Степа.

— Напрасно не верите. Вам простят измену — а ведь вы изменник, Степан Иванович! Я не трону вашего брата и, если это вам так важно, оставлю в покое Наталью Берг. Но остальных я хочу получить. Они — враги. Решайте, Степан Иванович. У всех бывают ошибки. Но не все могут расплатиться так дешево...

— А давайте иначе, — возразил Косухин. — Пусть меня трибунал судит. Настоящий, который в РСФСР. Ежели я и вправду, чердын-калуга, изменник, пусть к стенке ставят — руководствуясь революционной законностью. Имею я на это право?

— Нет, не имеете. Единственное ваше право сейчас — принять верное решение...

Степа молчал. Если он примет «верное решение», то, возможно, его и в самом деле не тронут. В конце концов, невелика он птица, красный командир Степан Косухин. Он останется жив, не превратится в нелюдь с мертвыми глазами и, может быть, еще протянет сколько положено — чтобы упасть на каменный пол под ударами прикладов...

— Я вижу, вы смущены, Степан Иванович. — Голос стал мягким, словно обволакивающим. — Посмотрите на это иначе. Считайте, что вы — красный разведчик, посланный с опасной миссией. Вы раскрыли заговор врагов Революции. Поверьте в это, и все станет на свои места...

Это было заманчиво. Он, Косухин, — не затравленный беглец и предатель, а отважный разведчик. Может, ему дадут орден. Еще один — как он и видел в своем странном видении. Черт с ними, с остальными, тем более что и Бога-то нет... Интересно, почему этот сладкоголосый спросил его о Библии? Степа был плохо знаком с Писанием, но в памяти стало проступать что-то слышанное еще от бабушки, вразумлявшей внука долгими зимними вечерами. Тот, Который был Плотником, ушел зачем-то в пустыню. И подступил к Нему...

— Думайте, Степан Иванович. Время идет...

Степа легко, по-кошачьи подобрал ноги, готовясь к прыжку. Рука сжала костяную рукоять клинка. Незвестный должен быть рядом, в трех-четырех шагах...

— Решили, Степан Иванович?

— Да!

Степе вдруг стало легко и спокойно, словно все трудности остались уже позади.

— Рад за вас. Поверьте, вы не...

— Изыди!

Косухин прыгнул, целя клинком туда, откуда шел голос. Он не промахнулся, но темноту озарила вспышка, и железо бес- сильно царапнуло о камень. И в ту же секунду вспыхнул фо- нарь...

Камера была пуста. На стене белела свежая зазубрина, а в руке осталась лишь рукоять — клинок словно испарился. Взгляд упал на мертвое тело возле двери. Косухин охнул — на каменном полу, широко разбросав желтые, уже успевшие потемнеть кости, лежал скелет; изуродованный череп весело скалился беззубым ртом...

И тут камера дрогнула. Ударил ледяной холод. Косухину по- казалось, что он сходит с ума — стены поплыли, как будто ка-мень начал таять. Пол пошел невысокими волнами, потолок на- кренился, а холодный воздух стал густ и горяч. Передняя стена мягко выгнулась вовнутрь, словно была из воска, камень тек, плавился — и внезапно лопнул. В прореху ворвалась чернота. Свет погас, невидимые клещи сжали голову. Степа крикнул, но чернота хлынула в горло, а затем пол вырвался из-под ног и куда-то пропал, открывая ледяную бездну.

Арцеулов сидел возле смотрового окна. Записная книжка Валуоженича лежала рядом, открытая на странице с грубо вычер- ченным планом Шекар-Гомпа. Был третий час дня.

Валуоженич забежал лишь однажды и вновь исчез, даже не сказав обычного «Оу!». Берг, желавшую вместе с капитаном на- блюдать за монастырем, Ростислав еле уговорил поспать — после всего случившегося девушка чувствовала себя слабой и разбитой. Итак, Арцеулов вел наблюдение. Дело было привы- чным, перед ним был объект, которым следовало овладеть. О- ставалось произвести разведку и принять правильное решение. Неравенство сил не смущало, он, как и краснопузый Степа, хо- рошо знал, как иногда захватывают самые неприступные кре- посты. Правда, если Косухин больше полагался на смелость и наглость, то капитан предпочитал выдержку и точный расчет.

За несколько часов Арцеулов неплохо изучил все подходы к

монастырю и систему охраны, оценив ее весьма невысоко. Хозяева Шекар-Гомпа полагались больше на количество солдат, чем на военную науку. Будь у капитана хотя бы рота, он попытал бы счастья, но у него имелся лишь нестроевой археолог Тэд и несколько монахов в желтых балахонах. Оставалось наблюдать дальше.

Ростислав внимательно взглянул на вычерченный и уже много раз исправленный план. Косухина, если он, конечно, жив, держат в подземелье. Именно там «черные» собрали главные силы. Капитан поглядел в окно: лагерь, вышки охраны, котлован, в котором копошатся фигурки рабочих, лестница, ведущая в монастырь, домики справа, аэродром со стоящими там двумя легкими бипланами. Глаз отметил новую деталь — аэростат наблюдения с номером «три» медленно опускался...

Тэд появился внезапно. Он устало улыбнулся, присел и потер щеку.

— Трудные попались парни! В последний раз я вел такие переговоры возле Кампалы — просил подарить нам с Шарлем рукопись девятого века. В общем, так...

Теперь он негромко и сурово, без тени обычной улыбки, заговорил:

— Они уверены, что Стива не спасти. Я спрашивал о каком-нибудь подземном ходе...

— И что? — не выдержав, перебил Ростислав.

— Увы... Убежище так и задумано, чтобы из монастыря сюда не добраться. Кроме того, они действительно считают, что Стива незачем вырывать. Он выполнил все, что можно, теперь его ожидает нирвана...

— Странная философия, — сдерживаясь, проговорил Арцеулов.

— Восток... Смерть — лишь очередное перевоплощение. Итак, под землей туда не добраться. Поверху — как думаете?

— Можно... — задумался капитан. — Но нам очень нужен хотя бы один человек внутри...

— О'кей! Понял. Кстати, узнал насчет вашего рога. Я все-таки археолог, а мы все сплошь мистики....

Ростислав улыбнулся — мысль показалась неожиданной.

— Не удивляйтесь. Возиться с мумиями,кладами, закланиниями! Да и сама наша работа, когда все зависит от Его Величества Случая... Я подумал, не сможет ли этот рожок сыграть ту же роль, что и духовые инструменты в известной кампании по взятию Иерихона. Помнится, у еврейских парней сработало...

Арцеулов взглянул на подарок Джор-баши, лежавший тут же, рядом.

— Я же говорю, Ростислав, мы, археологи, — мистики. Увы, должен вас разочаровать — путь в Шекар-Гомп он не откроет.

Будь все так просто, Гэсэр не стал бы посылать в Шекар-Гомп разведку. Ему стоило приехать и протрубить пару раз...

Арцеулов хотел вернуть Тэда с небес на землю, но вспомнил то, что видел в пути. Крылатый змей, дышащий ледяным ветром, и всадник, застывший на белом коне с луком в руках...

— Зато внутри Шекар-Гомпа ваш эвэр-бурэ будет как раз к месту. Там вы можете позвать на помощь...

— Эх, Тэд!

— Ладно... Тогда резюме — помогать нам не будут. Они — не будут.

— То есть? — не понял капитан. — Вы говорите: они — не будут. А кто тогда?

— Оу, Ростислав! — Валюженич усмехнулся, и лицо его сразу же помолодело. — Сейчас вы обвините меня в очередном — как это говорят у вас в России? — уклоне. Между прочим, я два часа уговаривал мистера Цронцангамбо. Представьте себе, уговорил... Я бы советовал вам поприсутствовать — хотя бы ради тибетской экзотики. Вы слышали о здешних таинствах?

Капитан вспомнил рассказ покойного профессора.

— Надеюсь, вы не заставите меня наблюдать прогулку покойника?

— Оу, знаете об этом обряде? И даже видели его?

— Нечто в этом роде, — распространяться Ростиславу не хотелось.

— Тогда вас нечем удивить. Пойдемте...

Капитан бросил взгляд на монастырь. Все по-прежнему, только воздушный шар был уже возле самой земли. «Черные» возились с большими баллонами, вероятно, готовясь дозаправить аэростат газом — гелием или водородом...

— Пойдемте, — поторопил Тэд. — Представление устраивают специально для нас. Между прочим, я пригрозил мистеру Цронцангамбо гневом Гэсэра. По-моему, это был решающий аргумент.

— Ох, Тэд!

Капитан встал и стал подниматься по лестнице. Валюженич заспешил следом. Проходя мимо небольшой комнатки, ставшей на эти дни их пристанищем, Арцеулов на мгновение заглянул внутрь. Наташа спала, желтый свет горящего масла освещал ее строгое, напряженное даже во сне лицо...

Они вошли в зал, где у стены загадочно улыбался золотой Будда. Все монахи были уже на месте, сидя полукругом и держа в руках нечто, показавшееся Арцеулову неведомым оружием. Но, присмотревшись, капитан увидел, что это, конечно, не оружие: у двоих были небольшие барабаны, у одного — странное колесо, похожее на трещотку, а сам Цронцангамбо, сидевший посередине, грел на небольшой жаровне нечто черное в боль-

шой глиняной чаше. Только шестой монах сидел совершенно неподвижно и лишь улыбался, опустив веки.

И тут Арцеулов вздрогнул — этот шестой был здесь лишним. Монахов в убежище пятеро, все они на месте — Цронцангамбо, старик, понимавший по-русски, молодой монах-послушник, двое остальных, похожих друг на друга, словно братья...

Валюженич мягко надавил на плечо капитана, предлагая садиться. Арцеулов повиновался и присел как раз напротив настоятеля и нового монаха. Вначале Ростислав взглянул на черную остро пахнущую жидкость, кипевшую в чаше, затем перевел глаза на бесстрастное смуглое лицо Цронцангамбо и наконец посмотрел на неизвестного. Глаза сразу же отметили нечто непривычное — на голову монаха была брошена тонкая, напоминающая кисею ткань, скрывавшая черты лица. Несмотря на это, что-то знакомое почудилось в его неподвижной позе. Чуть опущенная голова, скрюченные руки, легкая улыбка...

Как только Арцеулов сел, старательно скрестив ноги — вышло это у него не особенно ловко, — Цронцангамбо медленно обвел всех долгим спокойным взглядом и кивнул. Тут же заговорили барабаны — негромко, ритмично, глухо. Монах, державший колесо, стал вращать его, что-то заунывно бормоча. Остальные начали вторить, покачивая головами в такт. Молчали лишь Цронцангамбо и неизвестный, сидевший по-прежнему ровно, ни разу не шелохнувшись. В голове у Арцеулова мелькнула догадка, он повернулся к Тэду, но с удивлением заметил, что американец покачивается в такт барабанному рокоту, а губы парня шевелятся, повторяя слова молитвы. На миг капитану стало жутко, но тут рука Валюженича легко сжала его локоть. Арцеулов немного успокоился и стал наблюдать дальше.

Барабанный бой усилился, монахи уже не говорили, а пели, и в их ровном слитном хоре Ростислав уловил слово «мане». Наконец до него дошли слова молитвы, бесчисленное количество раз повторяемой монахами:

— О мане падме хум... О мане падме хум...

— О мане падме хум! — неожиданно для самого себя повторил Арцеулов, и в эту секунду Цронцангамбо быстрым движением сбросил покрывало с головы сидевшего рядом. На Ростислава взглянуло серо-желтое иссохшее лицо с полуприкрытыми веками. Губы кривились легкой усмешкой, отчего сидевший стал внезапно похож на Будду, но не на молодого, отлитого в золоте, а на постаревшего, после многих лет молитв и аскезы. Сомнений не было — рядом с Цронцангамбо сидел тот, кого Арцеулов видел в нише темного прохода, — бывший настоятель монастыря, неведомой силой задержавший течение своей жизни. Мумия...

Арцеулов вспомнил рассказ Семирадского и похолодел.

Сейчас Цронцангамбо велит мертвецу встать, худое тело неловко распрямит окаменевшие мышцы, откроются бессмысленные пустые глаза, и мертвец двинется, покорный неведомой магии...

Капитан и в прежние годы не увлекался оккультизмом, а события последних дней окончательно отбили всякий интерес к подобным зрелищам. Он вновь взглянул на Тэда, на этот раз удивленно и недоумевающе. В ответ последовал легкий кивок — Валюженич продолжал повторять слова молитвы.

— О мане падме хум! О мане падме хум! — Монахи вновь и вновь повторяли священные слова, барабаны рокотали, крутилось странное колесо. Только сейчас Ростислав заметил, что его желтая поверхность покрыта странными, похожими то ли на змеек, то ли на жучков знаками. Черная жидкость в чаше кипела. Цронцангамбо осторожно отставил глиняный сосуд в сторону и кинул в огонь щепотку чего-то серого, похожего издали на порох. Пламя вспыхнуло, по залу поплыл резкий одуряющий аромат. Капитану показалось, что стены сдвинулись, стало темнее, а голоса монахов загрели, заглушая барабаны. И вдруг, совершенно внезапно, все стихло. В первую секунду тишина была оглушающей, но тут Цронцангамбо, вновь кивнув, осторожно поднял чашу с каменного пола. Ростислав удивился еще больше — Валюженич медленно встал, провел сложенными ладонями перед лицом, поклонился, а затем стал громко, нараспев произносить непонятные, диковинно звучащие слова. Вначале капитану показалось, что американец впал в транс, но затем он заметил, что в левой руке Тэд держит листок из блокнота с карандашными каракулями, время от времени туда поглядывая. Арцеулов успокоился — с Валюженичем все было в порядке. Голос американца звучал все громче, монахи сначала незаметно, а затем все явственнее стали кивать в ответ. Наконец Тэд, сделав секундную паузу, выкрикнул короткое странное слово:

— Орхо!

— Орхо! — эхом откликнулись монахи. Арцеулов поймал себя на том, что тоже повторил заклинание, хотя и не вслух, а лишь мысленно.

Тэд на миг перевел взгляд на капитана, и тот заметил, что глаза американца блестят от возбуждения. Наверное, Валюженич и впрямь чувствовал себя на высоте. Не каждому студенту Сорбонны удастся поучаствовать в тайном обряде бхотов! Арцеулов невольно усмехнулся, но усмешка тут же замерла на губах — тот, кто сидел рядом с Цронцангамбо, шевельнулся.

Ростислав ждал чего-то подобного, но зрелище оказалось страшнее, чем он думал. Дрожь побежала по неподвижному телу, бесцветные губы слегка дернулись, затрепетали веки. Арцеулов закусил губу, но внезапно охнул. Глаза медленно раскрылись, но их взгляд был чист и ясен — взгляд человека немолодо-

го, много прожившего, но, без сомнения, такого же живого, как и все сидевшие рядом.

...Цронцангамбо, подняв чашу, поднес ее к губам проснувшегося. Тот с явным усилием сделал глоток, по телу вновь прокатилась дрожь, ладони, до этого неподвижно скрещенные на груди, шевельнулись. Монах взял чашу из рук Цронцангамбо и сам поднес ко рту. Пил он медленно. С каждым глотком исчезали остатки оцепенения, кожа теряла неприятный серый цвет, тонкие серые губы стали наливаться краской. Наконец монах осторожно поставил чашу рядом с собой, улыбнулся и поклонился окружающим.

Ростислав почему-то ожидал, что теперь все должны вскопичить, закричать или по крайней мере как-то выразить свои чувства. Но монахи молча поклонились в ответ, а затем, следуя быстрому жесту Цронцангамбо, встали и, собрав свой магический скарб, по одному вышли из зала. Теперь их осталось четверо — если не считать безмятежно улыбавшегося золотого Будду.

Монах расправил плечи, провел рукой по лбу, а затем заговорил. Голос был самым обыкновенным, только очень тихим. Цронцангамбо что-то сказал в ответ, монах кивнул, а затем с улыбкой поглядел на Валюженича и Арцеулова.

— Он просит нас подойти поближе, — шепнул Тэд.

Капитан встал и с некоторой робостью шагнул вперед, нерешительно остановившись возле жаровни. Монах кивнул. Ростислав понял и присел рядом. Валюженич пристроился тут же, скрестив ноги по-турецки.

Вновь послышался тихий голос, на этот раз обращенный уже непосредственно к Арцеулову. Тот взглянул на Валюженича.

— Его зовут Цонхава. Он просит вас, Ростислав, быть внимательным и слушать его слова. Не знаю, почему...

Но Арцеулов уже понял, вспомнив пещеру и старика, напившего их сомой. Надо быть внимательным, чтобы видеть и слышать...

Ростислав заставил себя сосредоточиться, представив, что вокруг нет ничего — ни зала с улыбающимся Буддой, ни тех, кто сидит рядом. Слова звучали глухо, непонятно, но вдруг он почувствовал, вернее, услышал, как кто-то сказал по-русски:

— Вижу, ты уже начинаешь понимать, воин...

Арцеулов хотел оглянуться в поисках неведомого переводчика, но тут же сообразил: слова, сказанные на чужом языке, отразились в его сознании...

— Да, кажется... — неуверенно проговорил он. — Здравствуйте!

— Мир тебе, посланец Гэсэра. Я не ждал столь быстрого возвращения в круги скорби, но тебе нужна помощь...

— Оу, Ростислав! Вы понимаете по-бхотски? — шепнул по-

раженный Валюженич. Объясняться было некогда. Капитан, кивнув Тэду, вновь заговорил:

— Господин Цонхава, мне, честное слово, неудобно. Я не посланец Гэсэр-хана, но мне и моим друзьям действительно нужна помощь...

— Ростислав, я не понимаю! — Растерянный Тэд напряженно вслушивался в малознакомые русские слова. — Как вам это удается?

Цонхава с улыбкой взглянул на нарушителей его покоя и покачал головой:

— Ты, кто вызвал меня... Как зовут тебя, чужестранец?

— Тэд... — Валюженич запнулся, — Тадеуш, если точно...

— Та-де-уш, — монах повторил по слогам незнакомое имя. — Ты молод, но смел, знаешь язык бхотов и не боишься преступить порог недоступного. В тебе чувствуется древняя кровь, очень древняя...

— Оу, мои предки стали дворянами еще в XV веке! — Американец был явно польщен. — Они из Великопольши...

— Я не о том, — перебил монах. — Не о званиях и правах, которые даются людям другими людьми. Но не будем сейчас об этом... Ты нетерпелив, Тадеуш. Твой спутник — посланец Гэсэра — уже понял, что требуется. Не спеши. Слушай — и думай...

— Я не... — начал вновь Арцеулов, но осекся. — Ну, в общем... Меня зовут Ростислав...

— Мир тебе, Ростислав. Не будем спорить о словах. Считать-ся посланцем Небесного Всадника почетно. Те, что называют тебя так, совсем не обязательно думают, что ты лично знаком с царевичем Джором, умершим тысячи лет назад...

Монах взглянул на сидевшего рядом с ним Цронцангамбо, и тот еле заметно улыбнулся в ответ.

— Я из России, — продолжал капитан. — Я офицер...

— Вижу, Ростислав. — Губы монаха вновь улыбнулись, но глаза оставались спокойными и грустными. — Ты воин, и тебя занесла сюда война. Я постараюсь говорить на твоём языке — не на русском, это, как видишь, не требуется, а на том, что тебе понятнее. Кто-то искал твоей смерти, ты бежал сюда, в наши горы...

— Нет... То есть не совсем так. Враги взяли в плен моего спутника. Ему нужна помощь...

— Оу, мистер Арцеулов! — воскликнул Тэд, внимательно вслушивавшийся в речь капитана. — Неужели я научился понимать по-русски?

Монахи улыбнулись, и Тэд смущенно замолк.

— Слушай внимательно, Тадеуш, — кивнул Цонхава. — У тебя слишком горячая кровь, ты всегда спешишь. Слушай — и не торопись...

— Я, наверное, начал не с того. — Капитан взглянул на мол-

чаливого Цронцангамбо и решил: — Господин Цонхава, то, что случилось со мною и моими товарищами, — лишь частность. Произошло нечто худшее. Шекар-Гомп захвачен. Там сейчас какие-то бандиты, некроманты, оборотни...

— Мы еще успеем поговорить об этом, — нарушил молчание Цронцангамбо. Арцеулов отметил, что понял слова настоящего, сказанные по-бхотски, хотя и не так явственно, как речь Цонхавы. Казалось, голос Цронцангамбо доносится откуда-то издалека.

— Шекар-Гомп... — медленно повторил Цонхава. — Значит, беда все-таки случилась! Ростислав, вы знаете, что скрывает монастырь?

— Ну, ведьму... — нерешительно начал капитан, — которую ранили, и она...

Тут он заметил, что Цонхава беззвучно смеется. Цронцангамбо тоже улыбнулся, но, как показалось Арцеулову, немного смущенно.

— Спасибо тебе, Ростислав, что ты пытаешься говорить со мною на моем языке, — отсмеявшись, заговорил Цонхава, — но не будем о Бранг Сринмо и запекшейся крови царя ада Ямы. В недрах под Шекар-Гомпом спрятана страшная сила. За горами, в земле поклоняющихся богам Тримурти, есть сказание о божественном оружии, которое получил царевич Арджуна...

— Оу, «Бхагавадгита!» — не выдержал Тэд, слушавший речь монаха с приоткрытым от волнения ртом. — Война с Пандавами!

— Да, война с Пандавами... Ты неплохо знаком с нашей историей, Тадеуш. Под Шекар-Гомпом спрятана смерть. Но, к счастью, его создатели позаботились, чтобы никто не смог овладеть ею. На Земле нет средств, чтобы вернуть оружие царевича Арджуны...

— На Земле? А на других планетах? — быстро спросил Арцеулов, вспомнив о «Мономахе».

— Там — есть. И, возможно, опасность ближе, чем кажется... Но то, что спрятано под Шекар-Гомпом, можно использовать иначе. К сожалению, наши предки не уничтожили средство, способное вызывать беду. И даже хранили его в самом Шекар-Гомпе.

— Рубин «Голова Слона»! — понял Тэд. — Кровь бога Ямы!

— Да. Его привезли издалека. О нем говорят странные вещи... Я не о царе ада. Вы, люди чужой земли, где поклоняются другим богам, лишь посмеетесь над такими баснями. Но камень, который ты, Тадеуш, назвал рубином, — вовсе не камень. Он не сотворен природой, но не создавался и людьми...

— Брат, — перебил Цронцангамбо, — наши гости не готовы к тому, чтобы осознать истину...

— Мы тоже... «Голову Слона» можно использовать, чтобы усилить и исказить то, что вырывается из недр горы. Это оружие не убивает, но может сотворить кое-что похуже смерти... Значит, Шекар-Гомп в руках врагов! Вы разбудили меня слишком поздно...

Он повернул голову к Цронцангамбо, и тот, несмотря на всю свою невозмутимость, явно смутился:

— Все случилось слишком быстро, брат. Мы не ждали нападения. Погибли все, я увел лишь четверых...

— Враги не должны были войти в Шекар-Гомп. Если это все-таки случилось, значит, теми, кто напал на монастырь, предводительствует некто, знающий больше, чем все мы. А это знание недоступно человеку... Я хочу узнать вашу историю, Ростислав и Тадеуш. Расскажите по очереди. Говорите коротко и не бойтесь произносить непонятные мне слова. Я пойму...

Рассказ Тэда не занял много времени. Цонхава слушал его, слегка улыбаясь. Арцеулов поймал себя на мысли, что монах слегка посмеивается над молодым археологом. Но при первых же словах капитана улыбка исчезла с лица Цонхавы. Он слушал молча, не перебивая, но глаза с каждой минутой смотрели все мрачнее. Наконец он покачал головой:

— Гордыня людей заполонила землю — и земля наполнилась кровью. Теперь людская гордыня не щадит и небеса... Я верю, Ростислав, что те, кто создавал «Мономаха», думали о людском благе, но за ними могут пойти другие... Впрочем, на земле происходит нечто худшее. Хранители Шекар-Гомпа успокоились слишком рано — и проглядели зло... Но не будем об этом. Твой спутник, как я понял, из вражеской армии?

— Это не имеет значения, — твердо ответил Арцеулов. — Здесь у нас общие враги.

— Он, наверное, смел и умен. Ему повезло; через короткое время, когда силы зла осwoятся в монастыре, даже ему не проникнуть в Шекар-Гомп. И, возможно, даже мне... Ты что-то хотел сказать, брат?

Последнее относилось к Цронцангамбо. Монах взглянул на Цонхаву, затем на Арцеулова и неохотно проговорил:

— Мы нарушаем волю Небес. Их спутник выполнил все, что ему велено. Его ждет иная награда, большая, чем можем предложить мы или кто-либо на земле...

— А что скажешь ты? — Цонхава повернулся к Тэду. Валюженич не думал и секунды:

— Оу, мистер Цонхава, когда-то мои предки воевали против татар и казаков. Никто из них не бросил бы товарища в беде. У нас в штате Индиана таким не подают руку и выкидывают из салунов. Стив спас мне жизнь — о чем еще говорить?

— А как же воля Небес? — улыбнулся монах. Слова Валюженича явно пришили ему по душе.

— А разве все, что делается, делается не по высшей воле? — удивился Арцеулов.

Брови Цронцангамбо поползли вверх. Цонхава вновь засмеялся:

— Каждый видит Небеса по-своему. Для вас лицо Бога — пока лишь лицо воина. Да будет так, всему свое время... Довольно! Сейчас я поговорю с вашей спутницей. Надо понять, что успели сделать с монастырем захватчики. А ты, Ростислав, подумай, что будешь делать, когда мы найдем твоего товарища. Важно не только войти, но и выйти...

Монах встал и, отведя руку Цронцангамбо, пытавшегося помочь, подошел к бурхану Будды и низко поклонился. Затем, кивнув Тэду, безошибочно направился к проходу, который вел в комнату, где спала Наташа. Валюженич поспешил следом, Арцеулов и Цронцангамбо остались в зале.

— Вы, я вижу, недовольны. — Капитан взглянул на помрачневшего монаха.

— Тебе не понять меня, воин, — вздохнул тот. — Хотя нам теперь не нужен толмач, мы все равно говорим на разных языках...

Арцеулов, откланявшись, отправился на свой наблюдательный пункт. Снаружи уже темнело, вот-вот должны были загореться прожектора, но пока в котловине стоял серый сумрак. Особых перемен он не заметил: постовые в черных полушубках на месте, охранники ведут очередную колонну, на аэродроме появился еще один биплан... Баллоны с газом возле аэростата исчезли. Очевидно, заправка закончилась, и теперь возле корзины наблюдателя, которую мощные канаты удерживали у земли, стоял лишь одинокий часовой...

— Оу, Ростислав, вы здесь? — Тэд появился неожиданно и присел рядом, возбужденно потирая ладонью то лоб, то вихрастый затылок. — О'кей, кажется, этот парень знает, что делает. Представляете, он за пару минут сумел научить мадемуазель Берг своему эсперанто...

— Это не эсперанто, — усмехнулся капитан.

— Знаю! Это почище эсперанто. У нас мистер Цонхава смог бы сделать потрясающий бизнес... Да что там бизнес! Будь у меня под рукой несколько хеттских или этрусских текстов!.. Нобелевскую премию мы бы поделили пополам... Нет, я отдал бы ему три четверти...

Арцеулов не выдержал и рассмеялся.

— Тэд, лучше расскажите, каким это образом вы превратились в шамана и воскресителя умерших?

— Оу! — Валюженич даже потерял руки от возбуждения. — Это был класс! Понимаете, Ростислав, я уже видел таких, как мистер Цонхава. Это умеют йоги и факиры в Индии...

— Но зачем им это? — удивился капитан.

— Ну, если я отвечу, что они желают пообщаться с местными небесными боссами, вы сочтете меня мистиком. Скажем, они желают отдохнуть от земной дребедени и привести мысли в порядок. Способ не из худших, между прочим. Я слышал, что лертаргия лечит все болезни, даже рак... Ну вот, я и подумал, что кто-нибудь из местных «спящих» может нам помочь. Когда мистер Цронцангамбо опять сослался на волю Небес, не желая помогать Стиву, я потребовал, именем Гэсэра, естественно, чтобы они спросили мнение предыдущего настоятеля. Им-то и оказался мистер Цонхава. Нынешний не решился брать ответственность на себя, и я вызвался провести обряд лично. По-моему, вышло неплохо...

— Он поможет нам пробраться в Шекар-Гомп? — Ростислав кивнул на монастырь, вокруг которого только что загорелись прожектора.

— Да. Но нам придется тут же уйти, не возвращаясь в убежище. На этом настаивает Цронцангамбо — парень боится, что его команду отсюда выкурят. В чем-то он прав... Ростислав, ты у нас главный...

— Я? — хмыкнул капитан. — Главным себя чувствует обычно мистер Косухин, а в его отсутствие — мадемуазель Берг. За ними идете вы...

— О'кей, оценил... — с самым серьезным видом кивнул американец. — Поэтому на правах второго заместителя главного босса хочу узнать у военного специалиста — что делать, если нам все же удастся попасть в монастырь и найти Стива? Я глядел на карту. Отсюда лишь один путь — обратно. Рискну предположить, это знаем не только мы...

— Вот как? — вновь хмыкнул Арцеулов. — А я-то думал, что нас, убедившись, какие мы крутые ребята, отпустят и дадут сандвич на дорогу... Путь есть, Тэд, но кому-то придется чертовски рискнуть... Не меньше, чем тем, кто пойдет в монастырь.

— Меня устраивают оба варианта, — кивнул Валюженич. — Расскажите?

— Да. Смотрите...

И капитан повернулся к залитой прожекторами котловине, над которой темнела мрачная громада Шекар-Гомпа.

ГЛАВА 8

ТРОПА СВЕТА

На этот раз о Степе позаботились основательно. Когда Косухин очнулся, его руки украшали стальные браслеты, каждый из которых был приклепан к длинной железной цепи. Степа лежал на полу, но уже не каменном, а бетонном, цепи тянулись куда-то вверх, исчезая под потолком.

— Очухался, сволочь?

Сказано было вполне по-русски, и тут же тяжелый сапог ударил в грудь. Удар был от души — Косухин на миг задохнулся от боли. Второй удар пришелся в живот, но Степа уже был готов — резко отодвинулся в сторону, схватился за сапог обеими руками и что есть силы рванул. Тот, кому сапог принадлежал, явно не ждал такого и без всякого сопротивления грузно рухнул на пол. Косухина охватила злость. В цепи, значит, куете, гады?

Не открывая глаз — ни к чему, — он безошибочно нащупал горло врага и ловко завернул цепь вокруг шеи. Оставалось как следует дернуть, что Степа и сделал. Послышался хрип.

— Хватит, Косухин!

Это произнес кто-то другой, стоявший совсем рядом. Степа подумал, отпустил цепь и открыл глаза.

На полу рядом с ним валялся мордатый парень в темно-синих галифе и новенькой, такой же темно-синей гимнастерке. Рядом стоял другой, повыше, в такой же гимнастерке и галифе и с тонким хлыстом в руках.

— Вставайте, поговорим...

Мордатый открыл глаза и начал отползать в сторону. Косухин хмыкнул и встал, расправляя затекшие руки. Цепи зазвенели, но пока не мешали, свободно стелясь по полу.

Тип с хлыстом прошелся взад-вперед, затем резко повернулся. И тут Косухин обомлел, хотя вроде бы навидался всякого. Маска! Большая, из тонкого темного шелка, закрывавшая почти все лицо. Видны были лишь глаза, черные курчавые волосы и такая же черная борода. Маска — это само по себе как-то непонятно, но самым странным было то, что там, где находились прорезы для глаз, кожа была тоже черной, даже веки и складки под глазами.

«Негр, что ли?» — подумал Косухин, несколько раз видевший негров в цирке, во время чемпионатов по французской борьбе. Встречались, хотя и редко, такие и среди красноармейцев. Но Степа заметил еще одну странность. Несмотря на маску, почему-то показалось, что лицо неизвестного поросло густой короткой шерстью. Косухин невольно взглянул на руки, но на них были перчатки.

— Можешь звать меня Анубис, — продолжал странный негр. — Давно хотел взглянуть на тебя — живого. На мертвого-то я еще посмотрюсь...

Степа узнал этот голос. Именно Анубис приказывал им с Наташей сдаваться. Спутать трудно — голос был резкий, какой-то механический, совсем не похожий на характерную речь Гольдина или на мягкий баритон того, кто заходил к нему в камеру.

— Сейчас будешь отвечать на вопросы — четко и ясно. Первый же неверный ответ или заминка — и тебе станет больно. Очень больно, Косухин...

Сказано это было без всякой угрозы — просто как констатация факта. Степа хотел ответить, но сдержался. Силы следовало экономить.

Анубис щелкнул пальцами. Что-то зашумело, и Степины цепи поползли вверх. Через минуту Косухин уже почти висел, едва касаясь пола носками унтов. Тип в маске еще раз щелкнул пальцами. Мордатый парень, до этого жавшийся где-то в углу, взял с пола ведро воды и облил Косухина с головы до ног, после чего принялся опутывать его тонкими проводками.

— Понятно? — хмыкнул Анубис. — Физику в школе учил, Косухин?

Степа молчал, помня старое правило подпольщика: на допросе нельзя говорить ни о чем. Даже о том, чему учился в школе. Первый же ответ станет соблазном для второго, уже не столь невинного...

— Сейчас через тебя будут пропускать электроток, — продолжал Анубис. — Умереть не умрешь, но больно будет до невозможности. Вода — прекрасный проводник. Знаешь, что такое проводник, Косухин?

Степа закрыл глаза. О пытках током он слышал — среди повстанцев рассказывали и не такое. Вначале не верилось — он привык воспринимать электричество как явление чисто прогрессивное, необходимое для освещения улиц и домов будущего Города Солнца...

— Итак, запомни: правильный ответ — боли не будет. Неправильный — пожалеешь. И учти — умрешь не скоро. Сердце у тебя здоровое, мы проверяли... Готов?

«Молчать, — приказал себе Косухин. — Вот теперь — молчать».

— Язык прикусил? Итак: фамилия, имя, отчество?..

Степа приоткрыл глаза. Анубис стоял рядом, шелкая хлыстом по носку до блеска начищенного сапога. Мордатый уселся за столик в углу и склонился над листом бумаги, готовясь записывать.

— Оглох, что ли? Фамилия, имя, отчество?

Степа молчал. Конечно, можно было ответить на этот чисто

протокольный вопрос, как и на многие другие, надеясь выиграть время, попытаться сплести историю — внешне правдивую, что заставит Анубиса прервать допрос. Но Косухин знал, что спасительные на первый взгляд увертки ведут всегда к одному — человек начинает говорить правду. Молчать все же лучше, хотя и страшнее.

Первый удар тока показался оглушительным. Боль пронизала все тело от пальцев вытянутых рук до пяток. Дыхание перехватило, сердце на миг перестало биться.

— Повторяю: фамилия, имя, отчество?..

«Молчать!» — вновь приказал себе Степа. От нового удара он застонал, но тут же закусил губу. Стонать тоже нельзя...

...Он не терял сознания. После нескольких ударов, когда перед глазами уже плыло оранжевое марево, мордатый вновь облил Степу водой, и в голове немного прояснилось. По подбородку текла кровь — когда он успел прокусить губу, Косухин уже не помнил. Глаз он не открывал — так было легче.

— Чего молчишь, дурак? — В голосе Анубиса звенела насмешка, но Степе показалось, что тон стал менее уверенным. — Косухин Степан Иванович, 1897 года рождения, из рабочих — трудно сказать? Итак, фамилия?

«Молчать!...» — повторил Степа и вдруг вспомнил, у кого лицо покрыто шерстью, а на руках приходится носить перчатки, чтобы скрыть когти. Правда, у Анубиса ни рогов, ни хвоста не имелось. Значит, обыкновенный гад, вроде тех, что пытали его друзей в колчаковской контрразведке. Только корчит из себя...

Опять боль — и все мысли исчезли. В глазах стало темно, и на мгновение показалось, что он теряет сознание. Это было спасением — хотя бы на время. Анубис, казалось, понял его:

— Не надейся, Косухин. От тока сознания не теряют. Будешь мучиться, пока не изжаришься. Ну что, созрел?

— Молчать... — Степа уже не понимал, что говорит вслух, — молчать...

Что-то слегка задело по лицу — боли он не почувствовал, вернее, эта боль не шла ни в какое сравнение с той, настоящей. Лишь потом Косухин понял — палач в маске ударил его хлыстом... Еще удар, в глазах вспыхнул желтый огонь, и Степа с какой-то неведомой ясностью почувствовал — следующего сердце не выдержит. Но цепи внезапно ослабли. Косухин рухнул на пол, и на него вновь плеснули ведро воды.

— Дурак... Все равно заговоришь, сволочь...

Косухин, услышав стон, удивился, но затем понял — стонет он сам. Степа постарался собрать остаток сил. Каждая минута — выигрыш для Наташи и для белого гада, который получит свой пропуск к зеленому морю...

— Нет, не спятил, иначе пел бы птичкой!

— Но вы же обещали...

— Хотите сами попробовать?

Голоса доносились как сквозь вату, но Степа узнал того, кто говорил с Анубисом. Гольдин... Пришел полюбоваться, упырь!..

— Я всегда говорил, что не в восторге от ваших методов...

— Прикажете поить его чаем с лимоном?

— Нет. Но если он умрет, мы ничего не узнаем...

Степа насторожился. Даже сейчас он помнил о Венцлаве и его полночных допросах. Мелькнула надежда — эти такого не умеют! Как бы подтверждая его мысли, Гольдин негромко бросил:

— Сам не захотел — поручил нам. Вот, кстати, ответ из Иркутска... Делать нечего, зовите Гонжабова...

— Ради этого мальчишки?

Гольдин не ответил, и через секунду хлопнула дверь. Косухин чуть приоткрыл глаза. Анубис был в комнате один. Он стоял у столика и читал какую-то бумагу. Будь у Степы немного сил, он бы рискнул, несмотря на цепи, достать палача. Но каждый мускул, каждая клетка тела были заполнены болью. Оставалось одно — думать.

...«Сам», который поручил палаческую работенку этим гадам, — вероятно, тот сладкоголосый, что смерть не любит. Гонжабов — что-то скверное, похуже Анубиса. А вот из Иркутска...

— А ты большой человек, Косухин! — хмыкнул Анубис. — Слава Волков за тебя заступается, советует не превращать в марионетку. Чем ты его очаровал?

Выходит, из Иркутска отозвался сам товарищ Венцлав! Вначале Степа не очень понял насчет марионетки, потом сообразил. «Марионетки» — славные бойцы 305-го, страшные мертвые куклы...

— Все, вставай!

Цепи зашевелились и поползли вверх, вздымая непослушное тело. Двигаться было больно, но Косухин все-таки заставил себя приподняться.

— Смотри на меня, сволочь!

По лицу вновь ударил хлыст, стало больно и противно, и Косухин открыл глаза. Лицо в маске было рядом. Степа машинально отметил то, что упустил раньше: губы Анубиса были тоже совершенно черные, а нос какой-то странный — приплюснутый и круглый.

«Во урод! Даже со своими в маске ходит!»

Мысль эта доставила Степе некоторое удовлетворение, и он даже улыбнулся.

— Ха! Вижу, повеселел! — Анубис покачал страшной голо-

вой и сплюнул. — Ничего, сейчас с тобой побеседует Гонжабов. Вы с ним споетесь...

В дверь постучали, Анубис крикнул: «Входи!», и на пороге показался невысокий очень молоденький косоглазый в ладно подогнанной темно-синей форме. На голове была фуражка с голубой свастикой, на груди Степа с изумлением заметил орден Боевого Красного Знамени РСФСР.

— Товарищ начальник особого отдела! Класноалмеец Гонжабов по вашему пликазу плибыл!

Звучало смешно, но смеяться не хотелось. От невысокого худого паренька веяло чем-то зловещим — и куда более страшным, чем от верзилы Анубиса.

— Знакомься, Гонжабов: товарищ Косухин, тот самый. Очень несговорчивый... А это товарищ Гонжабов. — Анубис повернулся к Степе. — Знаешь, Косухин, за что у него орден? За Шекар-Гомп! Если б не он, мы бы не взяли монастырь. Между прочим, комсомолец, мечтает вступить в партию. Может, дашь ему рекомендацию, Косухин?

Степа хотел крикнуть, чтобы эта сволочь не смела упоминать партию, но сдержался. Молчать!..

Между тем Гонжабов, с интересом поглядев на растянутого на цепях Степу, улыбнулся:

— Здравствуй, Косухин. — На этот раз «р» прозвучало на славу. — Как там поживает отец мой Цронцангамбо? Я хочу его увидеть. Я соскучился, Косухин!

«Отец?» — Степа удивился, но быстро вспомнил, что монахи так называют старших.

— Я очень соскучился по отцу моему Цлонцангамбо. — С «р» вышла явная промашка. — Ты ведь знаком с ним, Косухин, плавда? Отец Цлонцангамбо обидел меня, своего сына. Он меня проклял! — «Р» зазвучало вновь. — Проклял, Косухин, и назвал Нарак-цэмпо. Это имя злого духа, Косухин, очень злого! Я не обиделся, я ведь его сын. Но я хочу его видеть... И ты отведешь меня к нему, Косухин, плавда?

Гонжабов по-прежнему улыбался, маленькие глазки внимательно осматривали Степу, словно оценивая. Между тем Анубис потоптался минуту, затем кивнул и направился к двери, буркнув нечто непонятное. Гонжабов даже не оглянулся:

— Он не хочет смотлеть, Косухин. Даже он, пледставляешь? По-моему, он думает, что я в самом деле Нарак-цэмпо.

Болтовня бывшего монаха стала раздражать. Косухин вдруг заметил, что Гонжабов стоит совсем рядом. Упустить случай было грешно. Степа сцепил зубы и что есть силы двинул ногой. Худосочный заморыш упал, откатившись на добрую сажень в сторону, но тут же встал, и улыбка его стала еще шире:

— Ай-яй-яй, Косухин! Нехолосо... Но я не обиделся, не бой-

ся. Сегодня я не могу обижаться — ведь я должен полюбить тебя, Косухин...

Гонжабов еще пару минут походил вокруг Степы, однако более не приближаясь, затем вздохнул:

— Ну, будем начинать, Косухин. Ты уже увидел всякие чудеса — но это не чудеса. Здесь умеют делать из людей варда — это несложно... А вот такое ты видел? Смотри!

Он легко взмахнул рукой. И вдруг Степа почувствовал страшный удар, обрушившийся из пустоты. Он помотал головой, хлебнул воздуха и изумленно раскрыл глаза. Гонжабов смеялся:

— Я мог бы забить тебя до смелти, даже не коснувшись. А вот еще — смотли!

Он вытянул вперед ладонь и резко провел ею по воздуху. Степа почувствовал острую боль — гимнастерка на груди лопнула, из глубокого пореза хлынула кровь.

— Я могу вырвать твоё сердце, Косухин!

Все «р» были на своих местах, и Степа успел подумать, что эта нелепая речь — чистое притворство.

Еще взмах — и кровь засочилась из шеи.

— Я мог бы отрезать тебе голову, Косухин! Но я сделаю иначе... Но, может, ты решил заговорить?

Степа почувствовал, что начинает сдавать. Еще немного — и...

— Хочешь жить — говори. Но поторопись, Косухин. Ты ведь просто человек, ты даже не монах, как мой отец Цронцангам-бо...

Гонжабов отошел на шаг, медленно вытянул правую руку и стал еле заметными движениями водить ладонью вверх-вниз. Боль возникла снова, но на этот раз прямо против сердца. Казалось, что-то тупое и тяжелое медленно проламывает ребра. Степа, не выдержав, взглянул — кровь сочилась из пореза, но там, где была боль, кожа оставалась нетронутой.

— Смотри, смотри, Косухин! — Гонжабов по-прежнему улыбался, но в уголках губ запеклась пена. — А лучше говори, все говори... Сейчас я дотронусь до сердца...

Дыхание перехватило. Пульс замер, затем забился неровно, часто. Невидимое лезвие вонзалось все глубже... Гонжабов повернул ладонь, стало еще хуже — словно клинок провернули в ране.

— Надумал, Косухин?

То невидимое и страшное, что было в груди, внезапно собралось воедино, и в следующую секунду Степа ощутил, как это невидимое охватывает сердце. В глазах зарябило, кровь уже не стучала, а била молотом, страх начал затоплять сознание, мешая думать...

— Я держу твоё сердце, Косухин! Сейчас я сожму руку...

«Нет!» — хотел закричать Степа, но последним усилием воли

сдержался. Все исчезло — осталось лишь неровно бившееся сердце. Тело вновь напряглось, дернулось — но уже без участия сознания.

— Говори, Косухин, говори...

— Господи! Ты — есть... Помоги!

Губы шевельнулись беззвучно. Он почувствовал, что проваливается в темноту...

...Боль не исчезла, но куда-то ушла, оставшись, как и тело, где-то далеко в стороне. Здесь же было тихо и очень светло:

«Дохожу», — понял Косухин, открыл глаза и увидел пепельное, залитое кровью лицо со слипшимися от пота волосами и чуть подергивающимися веками. Степа подумал, кто этот бедолага, и вдруг понял — это он сам. Косухин испугался — и отступил на шаг. Он был по-прежнему в камере. Гонжабов стоял посередине, застыв в ожидании, а он — другой — бессильно висел на цепях, откинув голову назад.

Страх исчез. Степа вновь почувствовал себя сильным, краешком сознания все же понимая, что все это — бред. Он — настоящий — висел рядом, прикованный и полумертвый. Но разбираться было некогда. Лицо Гонжабова, теперь уже не улыбающееся, а искаженное злостью, передернулось, пальцы вытянутой руки сжались... Косухин ударил — резко, что было сил. Удар пришелся по руке, Гонжабов дернулся, изумленно обернулся, и Степа ударил вновь — ребром ладони по сонной артерии. В глазах потемнело, вернулась боль, и он ощутил наконец свое тело: холодный пот на лбу, засыхающую кровь на груди и на шее, затекшие руки. Но боль была уже не той, страшной, сердце билось хотя и быстро, но ровно и четко. Косухин глубоко вздохнул и открыл глаза...

...Гонжабов сидел на полу, прислонившись к стене. С лица напрочь исчезло самоуверенное выражение, да и в целом вид его был не из лучших. У двери стояли Анубис и Гольдин, о чем-то негромко разговаривая. Наконец Анубис кивнул своей жуткой головой, буркнув:

— Придется... Вот с кем бы не связывался!

Гольдин пожал плечами и молча вышел. Появился мордатый парень в синей гимнастерке и вытащил все еще не очухавшегося Гонжабова в коридор. Анубис покачал головой, затем поглядел куда-то вверх и шелкнул пальцами. Степа почувствовал, как цепи начинают опускаться. Он попытался сесть, но сил не было, и он лег на пол. Все тот же мордатый снял со Степиных рук стальные браслеты и принялся отматывать проводки.

— Готовься, Косухин. — Анубис подошел поближе, с интересом разглядывая неподвижно лежавшего Степу. — Здорово ты

его! Правильно, а то слишком задаваться стал... У тебя орден за что?

— За Белую, — внезапно для себя ответил Косухин.

— Молодец! — Казалось, палач не заметил, что жертва начала говорить. — А товарищ Гонжабов получил свой за то, что впустил нашу боевую группу в монастырь. Так что правильно ты его вырубил. Как это тебе удалось?

На этот раз Косухин смолчал. Не только из принципа, но и потому, что и сам толком не понимал. Не верить же тому, что увиделось в бреду!

— Ну и вид у тебя! — Анубис покачал черной головой. — Выпить хочешь? Напоследок...

— Хочу, — хрипло ответил Степа и попытался приподняться.

Анубис отошел к столу. Что-то булькнуло. Через минуту он вручил Косухину большую кружку с чем-то желтым. Степа хлебнул, охнул и удивился:

— Коньяк, чердын-калуга! Шустовский...

— Шустовский... А ты непростой парень, Косухин, коньяки различаешь. А еще из рабочих!

Объясняться Степа не стал. Теперь солнечный напиток окончательно ассоциировался у него с близкой смертью. Пил он медленно, подражая белому гаду Арцеулову. С каждым глотком становилось легче, Косухин сумел приподняться, сесть и даже пригладить мокрые спутанные волосы.

— Еще чего хочешь? — поинтересовался Анубис. — Давай не стесняйся — положено.

— Умыться. И папиросу.

Мордатый принес ведро воды и полотенце. Кое-как смыв кровь, Косухин закурил папиросу неведомой ему марки — очень крепкую, с темным табаком. Перед глазами все поплыло, задрожали руки.

— Не спеши! — подбодрил Анубис. — Докуривай — подождут. Да, крепок ты, Косухин! Теперь понятно, почему Слава Волков за тебя просит. Но ты сам виноват. С тобою ведь Главный говорил! Неужели не убедил?

— Не-а, — спокойно ответил Косухин. Похоже, тот, кто беседовал с ним в темной камере, — действительно Главный...

— Против кого прешь, Косухин? Против главного проекта Революции!..

— Заткнись! — не выдержал Степа. — Не смей о Революции!

— Вот недоумок! — Анубис даже засмеялся. — Да на кой черт нам Сиббюро и вшивые повстанцы с берданками?! Нам нужна сила! Понял? А здесь будет центр — Око Силы! Уразумел?

«Око Силы... — повторил про себя Косухин. — Вот оно, значит, что...»

— А может, все-таки договоримся, а? Нам такие, как ты, нужны живыми...

— А пошел ты!.. — с удовольствием выговорил Степа, кидая окурок. — Колом бы всех вас осиновым!

...Вошли двое, в такой же темно-синей форме, и, подняв Косухина с пола, потащили из камеры. Степа хотел осмотреться, но его тут же успокоили сильным и точным ударом по голове, а затем уложили на носилки, накрыв чем-то тяжелым и темным. Покуда его несли, Косухин никак не мог понять, что в происходящем ему кажется странным, пока не сообразил — его несли ногами вперед...

Пахнуло холодом — они выбрались на поверхность. Носилки качнуло — те, кто их нес, переступили высокий порог. Степа почувствовал, что спина коснулась чего-то твердого. Покрывало сдернули, и вокруг груди крест-накрест легли толстые веревки. Послышались торопливые шаги, и он остался один.

С трудом приподняв голову, Степа увидел, что находится в центре большого полутемного зала, освещенного двумя масляными светильниками. В их тусклом свете можно было разобрать, что стены когда-то были украшены барельефами, но, как и повсюду, чьи-то руки тщательно выровняли поверхность камня.

Внезапно Степа сообразил, что в зале стало светлее. Прямо перед ним, шагах в двадцати, горел красный огонек, с каждой минутой становившийся все ярче. Вскоре Косухин понял — перед ним на большом квадратном возвышении находился огромный, светящийся неровным красным огнем камень странной неправильной формы. Свет горел все сильнее, темнота отползала к углам, и вскоре стал виден полупрозрачный гигантский кристалл. Красный огонь рос, сгущался, сквозь него начали проступать ярко-белые пятнышки, напоминающие глаза...

— «Голова Слона», — вспомнил Степа. — Вот, значит, и увидел!..

— Хорошо! — Арцеулов встал, бросив взгляд на исчерченную пометками карту Шекар-Гомпа. — Быть по сему...

План обсуждали уже в третий раз. Сначала с Тэдом, затем с Цонхавой и наконец сейчас — в присутствии Наташи, Валуженича, Цонхавы и Цронцангамбо. Тут был и молчаливый монах, понимавший по-русски, но он, как и следовало ожидать, не проронил ни слова.

— Я не воин, — поджал губы Цронцангамбо. — Если что и поможет, то это рог Гэсэра. Его силы не прогонят врагов, но отвлекут....

Настоятель говорил по-бхотски, но переводчик не требовал-

ся — странное искусство Цонхава действовало. Капитан был готов поспорить, но не стал. Они с Цронцангамбо действительно говорили на разных языках.

— Не будем мешать. — Настоятель встал, кивнув старику-монаху. — Мы еще увидимся...

Они вышли, лишь Цонхава остался сидеть, о чем-то размышляя. Берг и Ростислав переглянулись.

— Господин Цонхава, — начал капитан, — вы пока не сказали главного... Мы должны попасть в Шекар-Гомп...

Монах улыбнулся:

— Я обещаю, что вы попадете туда. Думай о бое — это сейчас главное...

Арцеулов успокоился, прикинув, что между убежищем и монастырем может быть известный лишь Цонхаве тайный ход. Он взглянул на часы. Монах понял:

— Не буду мешать. Встретимся в святилище...

Он встал, поклонился и шагнул за порог.

— Пора, босс? — нетерпеливо бросил Тэд.

— Да... Проверьте оружие.

Каждый взял по карабину, карманы полушубков были наби-ты патронами.

— Ножи...

Валюженич засунул за пояс трофейный нож. Берг покачала головой.

— Вот. Это дал мне Степан...

На ее ладони оказался серебряный стилет. Валюженич широко открыл глаза:

— Оу! Артефакт! Китайская работа, династия Мин...

— Главное, он действует на этих нелюдей, — заметила Наташа, пряча оружие. — Я готова, господа...

Арцеулов еще раз окинул взглядом их временное убежище, показавшееся внезапно таким уютным и безопасным.

— Что ж, с Богом... Тэд, все помните?

— Все, генерал!..

— Хорошо, — кивнул капитан. — Пора...

Они прошли темным коридором, оказавшись в зале, где Валюженич не так давно столь удачно исполнял роль шамана. Теперь здесь было пусто, лишь в центре неподвижно сидел Цонхава. При виде вошедших он встал.

— Мы готовы, — сообщил Арцеулов. — Куда нам идти?

— Не спешите. Время есть. — Монах устало повел головой. — Я размышлял... Как сказал бы брат Цронцангамбо — беседовал с Теми, Кто хранит нас, недостойных...

— Оу! — не выдержал Тэд. — Там наш замысел не одобрили?

— Не мне судить о высшей воле, Тадеуш. По-моему, «там», если пользоваться твоими словами, смотрят на вас как на детей,

которые думают остановить ураган, строя стену из камыша. Но и камыш может стать камнем... Мы никуда не пойдем — добраться до Шекар-Гомпа можно и отсюда...

Ростислав хотел переспросить, но тут из темного прохода выступили молчаливые фигуры в желтых одеждах. Последние монахи Шекар-Гомпа медленно проходили мимо них и, так же молча поклонившись, исчезали в другой двери. Монах, шедший последним, чуть задержался и жестом отозвал Валюженича в сторону. Тот поспешил подойти. Монах улыбнулся и показал ему четыре пальца.

Брови Тэда поползли вверх. Старик вновь улыбнулся, указав на него, Арцеулова, Берг, а затем кивнул в сторону Шекар-Гомпа, после чего достал из-за пояса маленький мешочек и вручил Валюженичу.

— Оу, сүвенир? — обрадовался тот. — Для всех четверых, да? Спасибо...

Монах кивнул и, поклонившись, исчез в проходе. Тем временем Цонхава что-то сказал настоятелю. Цронцангамбо пожал плечами и повернулся к Арцеулову и Берг:

— Желаю вам успеха. Я буду молиться за вас... Не судите меня строго — у каждого своя ноша... Мир вам, посланцы Гэсэра!..

И, не дожидаясь ответа, исчез в темноте.

— Мы готовы, господин Цонхава, — повторил Арцеулов.

Монах, не отвечая, подошел к одной из стен, на вид совершенно ровной и гладкой, медленно поднял руки ладонями вперед и стал негромко произносить короткие резкие слова.

— Не понимаю, — шепнул Валюженич. — Это, кажется, не по-бхотски...

Арцеулов тоже заметил, что утратил способность понимать чужую речь. Вспомнив совет монаха, он сосредоточился и стал внимательно слушать. Вначале слова оставались непонятными, но внезапно в сознании промелькнуло:

— Открываю... Тропу... Света...

— Тропа Света! — прошептала Наташа, которая тоже попыталась вслушаться, похоже, с большим успехом. — Он говорит, что просит Небо открыть Тропу...

Руки монаха еле заметно дрогнули, и стена начала бледнеть. Камень таял, оплывая ровным белесым свечением. Через несколько минут четко обозначился проход — высокая дверь, заполненная легким молочным туманом.

— Оу! — не выдержал Валюженич. — Этого не умел и мистер Гудини!

Цонхава подождал еще несколько секунд, затем опустил руки и повернулся:

— Если вы поняли мои слова, то уже знаете — это Тропа

Света. Нам не нужны подземные ходы — Тропа Света выведет куда пожелаете. К счастью, наши враги еще не научились такому... Вы готовы?

Все переглянулись. Арцеулов обернулся к девушке:

— Наталья Федоровна?

Берг молча кивнула в ответ, ее руки сжимали карабин, глаза не отрываясь смотрели в молочную пелену.

— Тэд, все поняли?

— Йе! — Валюженич поднял вверх два пальца, изображая знак «Victory». — Жду сигнала, босс!

— Мы готовы! — Капитан обернулся к монаху. Цонхава мгновение помолчал, а затем вновь поднял руки:

— Я открываю путь... Да пребудет с вами Тот, в Кого вы верите и Кто оберегает вас!

— Спасибо! С Богом!..

В тот же миг молочный туман исчез. В пустом темном проходе показалась грубо побеленная стена коридора, освещенная синеватым светом. Ростислав кивнул девушке и быстро прошел вперед. Наташа в последний раз оглянулась, поймала спокойную, немного печальную улыбку Цонхавы и последовала за Арцеуловым. Проход оказался коротким — не длиннее двух шагов. Как только девушка ступила на темный пол, проход за ее спиной вновь засветился молочным светом. Там, где только что находилась дверь, теперь была лишь глухая стена — каменная стена Шекар-Гомпа.

— Неужели мы в монастыре? — все еще не веря, покачал головой Арцеулов, осматривая длинный пустой коридор, освещенный одинаковыми синеватыми лампами.

— Да, — шепнула Берг и невольно вздрогнула. — Я знаю это место. Нам направо... Пошли!

Капитан отбросил сомнения, вскинул карабин и, стараясь ступать тише, направился за Наташей, но буквально через несколько секунд остановился. Коридор вывел на небольшую площадку. Там тоже было пусто, но в стене имелась приоткрытая дверь, обитая железом, возле которой топтался косоглазый часовой в темно-синей форме и фуражке со свастикой.

— Аппаратная, — шепнула Берг. — Здесь главный распределительный щит...

Арцеулов кивнул, прикинув расстояние до двери. Шагов пять — могут заметить. Берг поняла и вскинула карабин к плечу, но капитан покачал головой. Он еще раз смерил расстояние, а потом взглянул на часового. Тот смотрел в другую сторону, но, что-то почуяв, начал медленно поворачиваться. Рука Арцеулова

нырнула в карман. Миг — и новенький патрон, описав дугу, со стуком упал возле самой двери. Часовой дернулся, оглянулся — и негромко охнул. Нож вошел в горло мягко и беззвучно — как в масло...

Арцеулов подхватил падающее тело и кивнул Наташе. Через секунду Берг была рядом. Повинуясь беззвучной команде, она стала у стальной двери. Капитан оглянулся и дернул за массивную металлическую ручку.

...Большая комната. У стены — огромный щит, на котором мигают сотни лампочек, рядом двое — «синий» в фуражке со свастикой и некто в белом халате, на который брошено серое пальто...

При виде незваных гостей «синий» выхватил пистолет, но пуля, выпущенная из карабина капитана, вошла ему в сердце. Тот, что в халате, вскрикнул, рука потянулась к какому-то рычагу... Крик оборвался — Наташа скривилась и опустила карабин...

— Пошумели... — неодобрительно заметил Арцеулов и хотел направиться к щиту, но внезапно обернулся. Вовремя! Тот, чье сердце он прострелил, медленно, пошатываясь, шел к нему, протягивая вперед руки со скрюченными пальцами. Капитан вновь выстрелил — и снова не промахнулся, но мертвец продолжал идти, недвижные глаза глядели с холодной ненавистью, в уголках посиневшего рта выступила пена.

Ростислав отступил, держа карабин на изготовку. Скрюченные пальцы уже тянулись к его горлу, но внезапно послышался хрип. Враг неподвижно застыл — в его спине торчал стилет. Берг стояла рядом, крепко сжимая рукоять. Страшные руки дернулись, плетью повисая вдоль тела, из раны за клубился легкий дым, глаза закатились — и труп грузно рухнул на бетонный пол.

— Фу-у! — выдохнул Арцеулов. — Ну, спасибо, Наталья Федоровна!

— Не за что. — Девушка была уже у щита, внимательно рассматривая панели. — Идите к двери, Ростислав Александрович. Я уж сама...

Капитан нерешительно поглядел на Наташу и послушно встал у входа, держа оружие наготове. Между тем Берг закончила осмотр и удовлетворенно кивнула:

— Все ясно. Гашу с двух выстрелов...

— Может, лучше просто выключить? — осторожно предложил Арцеулов. — Мы и так нашумели...

Берг усмехнулась:

— Выключим — могут включить. А так — сожгу все, если повезет, даже резервную цепь. И вообще, кто из нас физик-экспериментатор?

Карабин сухо ударил свинцом, затем еще — и девушка спо-

койно закинула оружие за спину. В первое мгновение ничего не случилось, но вот с треском лопнула одна лампочка, следом — целый десяток, резко запахло горячей проводкой. Над пультом взлетели синие искры — взрыв, еще один — и все погрузилось во мрак...

— Люблю такие эффекты! Раз в полгода обязательно сжигаю всю аппаратуру. Посветите, пожалуйста...

Вспыхнул фонарь — прекрасный американский фонарь из арсенала мистера Валуженича, — и девушка осторожно пробралась ко входу, стараясь не наступить на замершее неподалеку от двери тело охранника.

— Порядок? — шепнул капитан, вслушиваясь в темноту. В коридоре было тихо, но где-то вдали раздались крики, громкая ругань. Сухо ударил выстрел...

— Денек провозятся. Главного специалиста я уложила. Того, в пальто... Все, можем идти...

Арцеулов шагнул в коридор и направился к одному из проходов, подсвечивая фонарем.

— Сюда? — спросил он, останавливаясь у входа в узкий коридор с неровным сводом. — Да... Господин Цонхава уверен, что Степан сейчас в храме... Свет... Лучше идти в темноте...

Капитан щелкнул выключателем, и они быстро пошли по коридору. Вокруг по-прежнему было тихо, но вдали шум усиливался, вновь ударил выстрел, послышался топот множества ног.

— У них есть резервная цепь? — Арцеулов обернулся к девушке, чье дыхание угадывалось рядом.

— Если и есть, то слабая. Станция еще не готова, работают лишь два генератора. В любом случае на прожектора не хватит...

— А вдруг эти... демоны... видят в темноте?

Послышался смех:

— Тогда бы им не нужна была вся эта иллюминация... Тише, кажется, тут...

Впереди мелькнул луч света — там горел электрический фонарь. Капитан осторожно выглянул — коридор кончился, впереди была еще одна площадка и дверь, на этот раз не стальная, а бронзовая, покрытая непонятными изображениями. У двери трое — двое с карабинами, в фуражках, и третий — высокий, с непокрытой головой, которая в ярком свете фонаря показалась какой-то странной. Фонарь — большой, с мощным аккумулятором — стоял на столике справа от двери.

— Это здесь? — прошептал Ростислав, коснувшись губами Наташиного уха. Та вздрогнула:

— Щекотно! С детства боюсь... Тут они хранят рубин. Цонхава уверен, что Степана будут держать в храме...

— Ну что ж...

...Такого камня Косухин никогда не видел. Однажды ему довелось конвоировать груз с драгоценностями из Казанского банка в Столицу, но там камешки были мелкие, хотя и красивые. А тут нечто громадное, невероятное...

И главное — камень светился. Вначале реалист-Степа искал спрятанный в стене фонарь, но потом понял — «Голова Слона» светилась сама. Красный огонь шел изнутри, с каждой минутой усиливаясь и становясь ярче. Собственно, он не был красным — скорее красно-фиолетовым. В его глубине то и дело загорались голубые и белые огни, и тогда рубин действительно начинал походить на голову многоглазого зверя. Неровный переливающийся свет завораживал, одновременно пугая. Вспомнились слова монаха о том, что это не рубин и вообще не камень, да и создан как-то странно — не природой, но и не человеком...

Внезапно Степа услышал какой-то звук. Он удивился, прислушался и поразился еще больше — играла музыка. Звук был немного резкий и одновременно заунывный, но очень красивый. Вначале еле слышная, музыка крепла, заполняя темный храм. И вдруг Косухин почувствовал — стало теплее. Он вдохнул полной грудью и испугался. Воздух был вязким, плотным, вливаясь в легкие, как жидкое масло.

...Музыка уже гремела — резко, повелительно. И вот внутри огромного кристалла сквозь фиолетово-красное марево проступил темный силуэт. Мгновение постояв, он неторопливо отделился от камня и шагнул вниз. На этом месте был уже другой; минута — и он тоже был внизу. Темные фигуры спускались в зал, выстраивались в две шеренги, образуя широкий проход, и постепенно продвигались к месту, где лежал Степа. Он хотел рассмотреть странных гостей, но это никак не удавалось — под взглядом они начинали расплываться, таять в плотном густом воздухе. Косухин лишь заметил, что они мало напоминают людей. Руки и ноги были на месте, но большие приплюснутые головы росли прямо из плеч, спины странно сутулились, а на месте лиц было что-то вообще непонятное, не похожее ни на человеческий лик, ни на звериную морду. Постепенно живой коридор начал смыкаться, образуя полукруг, в центре которого лежал связанный Косухин. Камень уже не светился — кипел огнем, языки пламени вырывались наружу из-под неровных граней, в воздухе повеяло гарью...

«Ждут кого-то», — сообразил Степа.

Музыка стала тише. Послышался отдаленный звук десятков труб, пламя в камне забило, стало белым, и вот сквозь пламя начала проступать высокая бледная фигура. Рост определить было трудно, но этот, вышедший последним, казался великаном. Огромные узловатые руки застыли у пояса, круглая голова

не спеша поворачивалась из стороны в сторону, словно странный гость кого-то искал. И тут Степа, не отрывавший взгляда от кристалла, понял — тот, кто стоял перед ним, вовсе не бел. Это была не белизна, а невыносимо яркий свет раскаленного добела металла. Пахнуло жаром. Огромная нога ступила вниз...

Сияние стало меркнуть, сменяясь красным цветом, затем начало чернеть. Теперь перед возвышением, где лежал связанный Косухин, громоздилась огромная темная фигура, такая же бесформенная, как и молчаливые караульные по бокам, только там, где у людей бывают глаза, светились — но не два, а три красных огонька...

Музыка стихла. Огоньки смотрели прямо на Степу, и он почувствовал, как по телу медленно разливается холод. Косухин попытался дернуться, но веревки держали крепко, холод сковывал ослабевшее тело, мешая двигаться. Нечто, стоявшее уже совсем близко, медленно приподняло огромную шестипалую лапу. Косухин увидел, как темная маска спадает с трехглазого лица, а из-под нее проступает бородатая ширококоротая личина, похожая на жуткую клоунскую маску. Огоньки глаз горели торжеством, клыкастый рот весело скалился. Шестипалая лапа тянулась к Степе, она была уже прямо над сердцем, в кроваво-красном свете рубина тускло сверкнули неровные чешуйки, толстые и твердые, словно выточенные из камня...

«Вот мерзота, чердынь!..» — пронеслось в сознании Степы. Холод накатил волной, сердце замерло — и тут где-то далеко, на самом краю земли, резко пропел рог.

...Постовые стояли ровно, изредка переминаясь с ноги на ногу. Третий — высокий, со странной головой, — кивнул и исчез в глубине одного из проходов.

— Пора! — шепнул капитан.

Один из часовых успел вскинуть карабин. Ростислав выстрелил в упор, резко перевел ствол — но опустил оружие. Пуля, выпущенная из Наташиного карабина, уложила второго на месте. Путь был свободен. Арцеулов оглянулся, убедившись, что выстрелы не привлекли внимания, а затем рванул тяжелую, обитую бронзой дверь.

В глаза ударил красный мигающий свет. На миг капитану показалось, что в зале пожар.

— Рубин! — шепнула Берг. — Где же Степан?..

— Осторожно!

Густые тени метнулись к ним. Ростислав еле успел закрыть собой девушку, выставив перед собой ствол карабина. Мельком

он успел заметить странную черную фигуру, склонившуюся над кем-то, неподвижно лежавшим на возвышении в центре зала.

— Там Косухин!

Берг тоже увидела, но отвечать было некогда. Нечто черное извивающееся уже тянулось к ним. Палец Арцеулова нажал на спусковой крючок, но оружие молчало. Он перехватил карабин, пытаясь ударить прикладом, но что-то вцепилось в ствол, потянув оружие на себя. Краем глаза Ростислав заметил, как Наташа машет перед собой серебряным стилетом, не подпуская тянувшиеся со всех сторон то ли лапы, то ли щупальца.

И тут, казалось, совсем не к месту Арцеулов вспомнил о подарке Джор-баши. Рывок — и карабин упал на каменный пол. Темное щупальце тянулось к горлу, и Ростислав, понимая, что терять уже в сущности нечего, выхватил из-за пояса рожок и резко дунул. Трубить он не умел — в юнкерском училище время от времени приходилось играть побудку, но давние навыки успели забыться. Тем внезапнее оказался звук — долгий, сильный, неожиданно яркий. Арцеулов вдохнул побольше воздуха и затрубил вновь. Гулко отозвалось эхо — и наступила мертвая тишина. Затем послышался тихий стон. Тени сбились в неровную кучу вокруг громадного черного силуэта словно в поисках защиты. Капитан подхватил упавшее оружие, щелкнул затвором...

У камня, по-прежнему светящегося красно-фиолетовыми отблесками, вспыхнул фонтан ярко-белого огня. Свет рубина, мигнув, начал быстро темнеть. Белый огонь вырос, закрутился смерчем и медленно двинулся прямо на бесформенную толпу черных теней. Темный комок распался, бесформенные пятна, уже ничем не напоминающие людей, стали исчезать, а огромная тень внезапно приобрела контуры, становясь похожей на черного медведя, вставшего на задние лапы. В передней лапе чудища мелькнуло что-то напоминающее огромные многозубые вилы — и тут светящийся смерч дрогнул. Белая пелена разорвалась, перед черным гигантом мелькнула высокая фигура в ярко-рыжем халате и с такой же рыжей бородой. Видение продолжалось не более секунды — светящийся смерч вновь сомкнулся и обрушился на черного. Арцеулов успел заметить острое лезвие меча, сверкнувшее семью серебряными звездами.

...Белый смерч закрутился, обволакивая черную тень, пахнуло жаром — и вдруг все исчезло. По огромному залу вновь пронесся тихий стон, огромный кристалл последний раз мигнул фиолетовым отблеском и погас, сгинули черные тени, а столб белого света метнулся к дверям и прошел прямо сквозь них, обдав капитана и девушку сухим жаром.

— Слава Богу! — вздохнула Берг. — Чуть не задело. Вроде шаровой молнии...

Ростислав понял — Наташа ничего не увидела. Все случившееся для нее было лишь яркой вспышкой электрических разрядов. Впрочем, поговорить об этом можно было и потом — Берг уже спешила туда, где на небольшом возвышении недвижно лежало человеческое тело.

— Степан! — Девушка притронулась к мертвенно-бледному лицу Косухина и отдернула ладонь. — Он... он... Ростислав...

— Спокойно!

Рука капитана уже держала холодное запястье Косухина, нащупывая пульс.

— Он жив, Наталья Федоровна. Я его понесу, а вы стреляйте в каждого, кого увидите. Куда идти — помните?

— Направо...

Арцеулов кивнул, взмахом ножа перерезая веревки, опутавшие тело, и взвалил неподвижного Косухина на плечи. Степа тихо застонал.

«Стонет — значит, живой!» — удовлетворенно подумал капитан и быстрым шагом направился к выходу. Берг шла чуть позади, держа оружие наготове, но черная пустота зала молчала.

За дверью по-прежнему горел фонарь. Неподвижные тела часовых отбрасывали огромные уродливые тени. Арцеулов оглянулся...

— Стойте!

Голос был резкий и хриплый. Берг обернулась, выставив вперед оружие, но стрелять не стала. Тот, кто обратился к ним, был уже не способен причинить зло.

Человек сидел чуть в стороне, прислонившись к стене. Одной рукой он опирался об пол, чтобы не упасть, другой — поддерживал голову. Сквозь пальцы текла кровь — в свете фонаря она казалась абсолютно черной.

— Стойте, посланцы Гэсэра...

Человек на миг отнял ладонь. Берг вскрикнула — под рукой было то, что никак не походило на человеческое лицо. Черная шерсть облепляла плоскую личину, из пасти выглядывали желтые клыки, на макушке торчали острые волчьи уши. Все залила кровь, сочившаяся из разрубленного черепа. Арцеулов вспомнил — это тот, кто разговаривал с постовыми. Теперь ясно, почему он показался непохожим на человека....

— Передайте Джору... — Голос перешел в хрип, слышался тяжелый вздох. — Цхон, сын Цагана Гэрту, перед смертью проклинает его и называет трусом. Он не посмел явиться сюда и послал своего шута Пэнь Гуаня...

— Кто вы? — спросила ничего не понимающая Берг.

— Здесь меня называли Анубис. Ваш друг, думаю, запомнил мое имя...

Арцеулов потянул Наташу за руку.

— Бегите... — слышалось вслед. — Око Силы все равно найдет вас...

Темный коридор шел под уклон. Арцеулов нес Степу без особого труда — казалось, на его плечах не крепкий двадцатидвухлетний парень, а десятилетний ребенок.

— Сейчас выход, — шепнула Берг. — Я пойду первой...

Она обогнала капитана и почти побежала, держа оружие наготове. Впереди возникло светлое пятно — горел фонарь. Мелькнула чья-то фигура, послышался крик — и Наташа выстрелила. Голос стих, девушка бросилась вперед, и тут из темноты ударил ответный выстрел. Пуля просвистела совсем близко, задев Наташины волосы.

— Стойте!

Арцеулов осторожно уложил Степу на пол, прислонив его голову к стене. Вновь ударил выстрел. Капитан сорвал с плеча карабин и выстрелил в ответ, целя по вспышке. Наступило молчание.

— Идем? — Берг вопросительно взглянула на Арцеулова, но тот, покачав головой, тихо поставил карабин к стене и, выхватив нож, гибким движением бросился вперед. Послышался крик, что-то упало. Наташа поспешила на шум, но опоздала. Арцеулов уже вставал, вытирая лезвие о черный полушубок лежавшего на земле часового.

— Все, — вздохнул он, переводя дыхание. — Это второй. Пойдемте...

Путь был свободен — фонарь освещал два неподвижных тела и приоткрытую дверь, откуда веяло холодом.

За дверью была ночь. Котловина Шекар-Гомпа выглядела необычно — в ней стало темно, только возле лагерных ворот и у въезда на летное поле светили небольшие фонари.

— Порядок, — удовлетворенно заметил капитан. — Сорвали этой нечисти иллюминацию! Нам направо?

— Лестница — направо. Но вы хотели...

— Помню...

Арцеулов вновь взвалил Степу на плечи и быстро, насколько позволяла ноша, пошел налево, туда, где светили редкие огни аэродрома. Берг последовала за ним. Где-то совсем близко слышались крики, но здесь, у стены монастыря, было пусто. Очевидно, этой дорогой давно никто не ходил — охрана пользовалась более удобным путем через нижние тоннели.

Аэродром открылся внезапно — большое четырехугольное поле, обычно белое от света прожекторов, но сейчас темное, с

еле различимыми силуэтами застывших во тьме аэропланов. Вдали проступал ряд ангаров, возле которых сутились тени.

Внезапно Степа что-то пробормотал и дернулся. Капитан остановился и осторожно опустил Косухина на землю. Ресницы дрогнули, открылись удивленные, непонимающие глаза.

— Как дела, красный командир? — Арцеулов старался говорить как можно увереннее, с оттенком обычной иронии.

— Я чего... не помер? — Степин голос был необычен — слабый, растерянный, какой-то детский.

— Косухин! — Берг опустилась рядом и осторожно приподняла Степину голову.

Степа узнал Наташу, улыбнулся, но тут его лицо внезапно стало серьезным, он попытался приподняться, застонал и вопросительно поглядел на капитана.

— Мы у стены монастыря, — пояснил тот. — Идти сможете?

Косухин кивнул, попытался встать, но, вновь застонав, уронил голову.

— Все болит, чердынь-калуга! Доконали, гады...

— Попробуйте! — Капитан постарался говорить строго, помня одно — надо спешить. Косухин послушно кивнул, сжал губы и медленно, опираясь на руку Ростислава, встал.

— Порядок, — попытался улыбнуться он, но тут же скривился. — Губа... Прокусил...

Арцеулов сунул Степе револьвер и указал на лежавшее у подножия горы летное поле.

— Бить по команде, — велел он, передергивая затвор карабина. — Лучше всего по аэропланам.

— Ага. — Косухин уже вполне освоился и привычно прокручивал барабан револьвера. Берг молча вскинула оружие, целясь.

— Не попадем, зато пошумим. Огонь!

Выстрелы разорвали темноту. Арцеулов выпускал пулю за пулей, рядом гремел Степин револьвер. Наташа стреляла реже, целясь тщательно, словно в тире. Над одним из аэропланов вспыхнуло яркое пламя.

— Угадала, — деловито заметила Берг, перезаряжая оружие.

Над летным полем слышались крики. Нестройно ударили ответные выстрелы, наконец вспыхнул прожектор — неярко, вполсилы. Луч упал на монастырскую стену, не спеша пополз вниз...

— Уходим, — велел капитан. — Теперь — к лестнице!

У стены по-прежнему не было ни души. Зато позади, у аэродрома, шум все усиливался, гремели винтовочные выстрелы, и наконец мерно заговорил пулемет. Арцеулов усмехнулся — его замысел сработал. Узнав, что на монастырь напали, те, кто ко-

мандовал здесь, первым делом должны были подумать об аэродроме: захват аэроплана — наиболее верный способ уйти из каменного мешка. Капитан не без удовольствия подыграл противнику, и теперь, покуда «черные» и «серые» сбегались на защиту уцелевших аэропланов, вел свою группу вниз, туда, где находилась его настоящая цель.

На лестнице тоже никого не было. Ступени оказались старые, разбитые, вдобавок Косухин, несмотря на все усилия, едва мог стоять на ногах, и Арцеулову приходилось то и дело поддерживать его, не давая упасть.

Когда до подножия оставалось с полсотни ступенек, путь преградила темная фигура. Неуверенный голос спросил по-русски: «Кто идет?»

— Архангельск! — крикнул Ростислав первое, что пришло в голову. — Отзыв?

Часовой замаялся — уверенность капитана на мгновение сбила его с толку. Впрочем, подумать ему не дали. Не желая стрелять, Арцеулов двинул прикладом, затем точно и сильно ударил еще раз — по голове упавшего. Тело в черном полушубке дернулось и застыло.

Внизу, по ровной, чуть пологой поверхности котловины мелькали чьи-то тени, слышались голоса — и на русском, и на каком-то ином, незнакомом языке. На беглецов не обратили внимания — вероятно, охрана все еще считала, что враги пытаются прорваться на летное поле. Цель была уже близка — темный, едва заметный в ночном сумраке силуэт огромного аэростата, удерживаемого у земли несколькими прочными канатами.

Возле корзины стоял одинокий часовой, лениво посматривая по сторонам. Арцеулов жестом велел группе остановиться и тихо свистнул. Часовой вздрогнул, послышался ответный свист, и беглецы увидели веселую физиономию Тэда Валюженича:

— Оу! Бойз! Тэкси вэйтс фо ю!

— Олл райт, Тэд. — Арцеулов толкнул Степу к корзине. Косухин покрутил от удивления головой, но Валюженич, приговаривая: «Велл, Стив, велл!», уже тащил его по узкой лестнице вверх. Арцеулов оглянулся на темную громаду монастыря:

— Око Силы, значит? А все-таки мы справились...

— Оу, Ростислав, скорее! — торопил археолог. Берг была уже в корзине, держа наготове топорик. Другой был в руках у Тэда. Арцеулов кивнул и быстро поднялся вверх. Он перевалился через край корзины, и в ту же секунду топоры ударили по канатам. Корзина дрогнула. Еще удар, еще — и освобожденный от пут гигант бесшумно взмыл в черное холодное небо.

МОРАДАБАД

Корзина, рассчитанная на двоих, была перегружена: четверо беглецов, оружие, какие-то приборы и несколько вещевых мешков...

— Тэд, как вы умудрились притащить все это сюда? — поразился капитан, устраивая потерявшего последние силы Косухина возле борта.

— Оу, я был похож на дромадера! — засмеялся Валюженич. — Но не бросать же находки — Шарль не простит!

— Господа, — вмешалась Берг, — Степан раздет. У нас есть что на него накинуть?

Косухин не сопротивлялся, покорно дав надеть на себя шубу, выпил глоток спирта и тут же задремал. Аэростат был уже высоко. Сильный ветер нес его в сторону от Шекар-Гомпа, и внизу не было ничего, кроме неясных очертаний безмолвных гор. Монастырь исчез, сгинул, словно страшный сон, из тех, что иногда снятся перед рассветом.

— О'кей! — Валюженич порылся в одном из мешков и достал две банки с яркими этикетками. — Мясо с бобами! Стива разбудим?

— Пусть спит, — откликнулся Арцеулов, — ему досталось... Наталья Федоровна, с вами все в порядке?

— В полном, — усмехнулась Берг. — Вернусь в Париж — устрою истерику сразу за все месяцы, и пусть Гастон приводит меня в чувство... Что со Степаном?

— По-моему, кости целы. Но там, в храме, его и нас, похоже, пытались... отравить...

— ...Газами, — кивнула девушка. — Помните — какие-то руки, чудища? Наверное, Косухин наглотался, да и мы тоже. Психическая реакция...

— Наверное...

Арцеулов не собирался разубеждать Наташу. Версия о газах выглядела убедительнее, чем легенды о царе ада Яме и его бесах. И тут Ростислав вспомнил слова того, кто назвал себя Анубисом.

— Тэд, — обратился он к американцу, с аппетитом уничтожавшему свою долю консервов, — кто такой Цаган Гэрту?

— Оу! Экзамен по мифологии? — откликнулся Валюженич, отправляя пустую банку за борт. — Это из мифа о Гэсэре. Цаган Гэрту — Хан Белой Юрты, прозвище злодея Гуркара, который весьма серьезно домогался невесты Гэсэра, некоей мисс Другмо. История длинная, но кончилась для Цаган Гэрту печально.

— У него был сын? — Берг тоже вспомнила странный разговор.

— Оу, не знаю. Это ведь легенда!

Арцеулов спросил об Анубисе. Американец покачал головой:

— Последний вопрос на сегодня! Мечтаю на время забыть о богах, героях, ведьмах и упырях... Анубис — древнеегипетский бог, чудище с черной собачьей головой. В Средневековье «Ану-бис» стало именем одного из бесов. Встречается в ранних текстах о докторе Фаусте... А что?

Капитан переглянулся с девушкой. Та пожала плечами:

— Так назвал себя один из местных типов. Он обвинил Гэсэра в трусости...

— Он не оригинален. Гэсэр — не просто богатырь, он — трикстер. Колдовство, хитрость, ловля души врага. Гуркара он убил, превратившись в маленького сопливого мальчишку... Вижу, Шекар-Гомп подействовал на вас весьма серьезно. Признаюсь, проблемы вендетты потомков Цаган Гэрту интересуют меня далеко не в первую очередь...

— А что — в первую? — полюбопытствовала Берг.

— Для начала — куда мы летим?

Арцеулов выглянул из корзины. Тьма сгустилась. Небо покрывали низкие тучи, далекая земля исчезла, утонув в густом сумраке.

— Нас несет на юго-восток, — уверенно заявила Наташа, — Точнее, на юго-юго-восток.

— Юго-восток... — Валюженич задумался. — Значит, мы оставляем океан справа и попадаем напрямиком в Индию?

— Не напрямиком. Если ветер не изменится, мы пройдем над западным Непалом.

Валюженич опасливо поглядел в черную пропасть, над которой неслышно несясь азростат, и слегка поежился.

— Насколько я помню, этой штуковиной невозможно управлять. Остается положиться на Мистера Творца...

— Есть гайдроп, — пожала плечами Берг. — Мы всегда сможем снизиться. А вообще-то помощь Того, Кого вы упомянули, была бы к месту.

Степа проснулся от холода. Он вздрогнул, разлепил глаза и недоуменно огляделся. Рядом, положив голову ему на плечо, спала Наташа. Чуть дальше, приваленный какими-то мешками, дремал белый гад Арцеулов. Тэд стоял к ним спиной, глядя в большой черный бинокль.

— Бр-р-р... — Косухин осторожно, чтобы не задеть Наташу, потянулся, сразу же почувствовав ноющую боль во всем теле. — Где это мы?

— Оу, гуд монин, Стив! — Американец опустил бинокль и весело улыбнулся. — Хау д'ю ду?

И тут Степа вспомнил: монастырь, Анубис в черной маске, наглая усмешка Гонжабова, красно-фиолетовое пламя в черноте храма...

Наташа открыла глаза и покачала головой:

— Ну и вид у вас, Косухин! Впрочем, у меня, наверное, не лучше... Гуд монин, Тэд!

Степа был несколько смущен, но затем рассудил, что вид у него действительно не из самых удачных. Он приподнялся и поглядел вниз:

— Ух ты! Чердынъ его калуга! Во забрались!

Солнце уже взошло. Аэростат летел над огромным плоского-рем, окруженным высокими, в снежных шапках, пиками. Все окутывал легкий белый туман. Воздух был чист и свеж, но дышалось трудно — чувствовалась огромная высота.

Полюбовавшись с минуту горной панорамой, Косухин задумался о вещах более земных. Аэростат он узнал сразу и оценил задумку капитана. А вот в остальном ясности не было. Здесь, на свежем воздухе, в лучах утреннего солнца, вчерашние видения казались бредом.

Арцеулов тоже проснулся и предложил умыться. С этим вышла заминка — воды на борту не оказалось. Степа воспринял это известие стоически, тем более что неунывающий Тэд сообщил о наличии целой фляги спирта. Берг покачала головой:

— К счастью, у нас нет не только воды, но и зеркала... Ну и вид у нас всех, джентльмены!

— Нице! — рассудил Степа. — Заживет. Вот что, мужики, расскажите-ка, что вчера было?

Рассказ занял все утро с перерывом на завтрак. Арцеулов говорил по-русски, то и дело прерываясь, чтобы пересказать Тэду кое-что, тому еще неизвестное. Но все заметили, что Валюженич стал понимать по-русски значительно лучше. Уроки Цонхавы не прошли бесследно.

Услыхав о предсмертном проклятии Анубиса, Косухин мрачно усмехнулся. Допрыгался, нелюдь! Оставалось пожалеть, что рыдом не оказалось «комсомольца» Гонжабова...

— Вот почему вы спрашивали меня о Цаган Гэрту! — понял Тэд. — По-моему, у этого Анубиса был обычный сдвиг на мистической почве...

Ни Арцеулов, ни Берг не стали возражать, но тут же вспомнили то, о чем умолчал капитан: плоскую шерстистую морду с острыми волчьими ушами — и черную кровь, льющуюся на каменный пол.

— А мистер Пэнь Гуань никакой не шут, а весьма почтенный бог, правда китайский. Ведает судьбами людей, гоняет

бесов и имеет знаменитый на всю Поднебесную меч с семью серебряными звездами. В Шекар-Гомпе плохо знают мифологию!

И вновь Арцеулов не стал спорить, хотя ясно помнил семь серебряных звезд, сверкнувших в сумраке храма...

— Сюда бы Богораза! — Наташа задумалась. — Но в качестве рабочей гипотезы... Они хотели, чтобы мой Косухин, если пользоваться выражением Ростислава Александровича...

При этих словах Степа и Арцеулов несколько смутились.

— ...О чем-то им поведал — хотя бы о тайнике, где мы все прятались. «Рубин», который вовсе не рубин, может концентрировать энергию, излучение... уж не знаю что... Вдобавок, как я и говорила, пустили какой-то сильный газ. Неудивительно, что всем нам начали мерещиться лешие с русалками! Вы ведь видели всякую жуть, Косухин?

— Ага, — согласился Степа. — Всякие черные, потом этот... с граблями вместо рук.

— Вот видите... Наверное, в древности с помощью этого «рубина» могли проводить жуткие обряды, дабы держать в руках паству... Теперь ваш талисман, Ростислав Александрович...

Наташа осторожно взяла в руки подарок Джора.

— Похоже, частота звука этого рожка каким-то образом резонирует с «рубином» и прерывает реакцию. Причем достаточно бурно — чуть ли не с шаровой молнией. Анубису как раз и досталось одним из разрядов. Впрочем, если вам больше по душе история про царя ада Яму и врага бесов Пэнь Гуаня...

Тэду, скептику и логика, версия пришлась по душе, а Арцеулов и Степа предпочли промолчать. То, что видели они, казалось слишком невероятным.

Косухин был немногословен, говоря о допросе, — не для Наташиных ушей были такие рассказы. Зато Анубиса, Гонжабова, Гольдина и того, кто говорил с ним в темной камере, постарался описать как можно точнее.

— Философ! — зло заметил Арцеулов, выслушав пересказанные Степой рассуждения неизвестного. — Мне бы этого борца со смертью! До ближайшей стенки доводить бы не стал...

— А повернул он ловко! — покачала головой Берг. — Выходит, наш главный враг — смерть и Тот, Кто смерть придумал...

— Оу! — заинтересовался Валюженич. — Я не силен в догматике, но это, кажется, намек на Мистера Творца? Не ново!

— Но ведь он говорил, что Бога-то нет, — неуверенно возразил Степа. — Не-е, пусть товарищ Троцкий разбирается! Развели тут на Тибете поповщину!

— Лейба разберется! — скривился Арцеулов. — Мой вам совет — если у вас все же хватит дурости вернуться обратно в Большевизию, забудьте о Шекар-Гомпе. Напрочь!

На «дурость» Степа обиделся, но слова недорезанного заста-

вили задуматься. Конечно, и мысли не могло быть о том, что он, красный командир Степан Косухин, не вернется в РСФСР. Но стенка, упомянутая капитаном, вполне могла стать реальностью. Оставалось одно — сразу же, не ожидая ареста, добраться до Столицы — и в Главную Крепость, к товарищу Троцкому. А еще лучше — напрямик к Вождю. А там будь что будет!..

Плоскогорье кончилось, оборвавшись огромной пропастью, за которой стали подниматься заснеженные громады, одна выше другой. Аэростат шел над самыми вершинами. Пару раз казалось, что высоты не хватит и наполненный гелием баллон врежется в гору. Арцеулов, к ужасу Тэда, хотел отправить за борт всю коллекцию «артефактов», чтобы облегчить корзину, но обошлось. Аэростат пролетел в десятке метров от голой, покрытой голубоватым ровным льдом вершины, на которой одиноко торчал черный скалистый выступ. За ней была еще одна пропасть — узкая, черная — и новая гора, чуть пониже предыдущей...

Берг внимательно изучала карту, взятую у запасливого Тэда, то и дело сверяясь с компасом.

— Географа из меня не выйдет, — наконец заявила она, — но если очень приблизительно...

Она поглядела вниз, где под корзиной аэростата медленно проплывали поросшие темно-зеленым лесом склоны. Мелькнуло узкое ущелье, на дне которого угадывалась синяя неровная полоска реки.

— Должно быть, пересекли хребет Нагтибба. Мы где-то в верховьях Ганга...

— Далеко от индийской границы? — поинтересовался практичный Арцеулов.

— Если я не ошибаюсь, мы ее уже пересекли. Мы в Британской Индии, джентльмены! Поздравляю!

— Оу! — обрадовался Валюженич, разобравший знакомое слово. — Вандефул!

Степа при этом известии присвистнул — до Индии он добраться и не мечтал. В голове забродили слышанные в детстве рассказы о слонах, обезьянах и местных эксплуататорах, называемых «раджи». Но были воспоминания и поновее. Меньше чем год назад, аккуратно после боев на Белой, перед ними, командирами Восточного фронта, выступал сам Лев Революции. Товарищ Троцкий сообщил, что принято решение помочь братскому индийскому народу, для чего в Туркестане создается Индийская Красная Армия. Помнится, кто-то из соседней бригады записался в эту Индийскую Красную и был направлен для переподготовки в Казань. После Белой, когда от Степиного батальона осталась рота неполного состава, планы освобождения пролета-

риата Индии были восприняты без достаточного энтузиазма. Каково же было удивление представителя Сиббюро Косухина, когда на таежной заимке под Черемхово он познакомился с Батей — легендарным Нестором Каландаришвили, который без всяких обиняков сообщил, что именно ему, вождю партизан Восточной Сибири, поручено Реввоенсоветом возглавить поход через Гималаи. Батя предусмотрительно обзавелся хинди-русским словарем и держал при себе ординарца-индуса, служившего до войны официантом в Чите.

Итак, перед Степой была не просто далекая таинственная страна — перед ним лежало будущее после битвы с британским империализмом, и Косухин ощутил себя уже не беглецом, а полпредом Мировой Революции.

Мысли Арцеулова, не подозревавшего, в каких горных высях витает краснопузый, были куда более прозаичны. Он вспомнил, что документов у них не осталось, значит, после посадки их скорее всего арестуют. Добраться же до русского консула, ежели таковой в Индии имеется, будет трудно по самой простой причине — денег ни у него, ни у остальных нет ни гроша.

Горы стали заметно ниже. Солнце засветило ярче, воздух окутался теплой голубой дымкой, между серо-коричневыми отрогами стали мелькать ярко-зеленые пятна долин.

— Летим до Дели? — Берг заглянула в карту.

— Хорошо бы... — согласился капитан. — Как бы местные власти не приняли нас за воздушных шпионов...

В дело вмешался Тэд, уловивший слово «Дели». Выяснив, в чем дело, он заявил, что документов у него хватит на всех четверых. В крайнем случае он обратится к консулу самой великой, демократичной и золотозапасной державы мира, и гордый мистер Джон Буль вынужден будет разжать свои челюсти...

Ветер крепчал. Аэростат мчал быстро, по-прежнему на огромной высоте. Горы исчезли, внизу простирались невысокие холмы, окруженные ровными четырехугольниками полей. То и дело попадались темные пятнышки деревень. Стало заметно теплее, и осмелевший Тэд снял полушубок. Доев последнюю банку консервов, решили поспать — лететь предстояло еще долго.

...Разбудила всех Берг. В голосе девушки чувствовалась тревога — аэростат снижался, заходящее солнце ярко освещало близкую землю, темные пятнышки выросли, распадаясь на десятки маленьких точек-домиков, окруженных изумрудно-зелеными квадратами полей. Мелькали ровные стрелки дорог и темно-синие рукава оросительных каналов. Стало ясно — до Дели не добраться. Наташа предположила, что давление гелия

оказалось чрезмерным и обшивка аэростата не выдержала. Сприть не стали. Надо было думать не о причине, а о результате. А он очевиден — с каждой минутой земля была все ближе.

Вскоре аэростат уже не спускался, а падал. Ростислав, вспомнив читанного в детстве Жюль Верна, предложил облегчить корзину. За борт полетели оружие, патроны и даже полушубки. Степа схватился было за вещевой мешок, где хранились Тэдовы «артефакты», но американец, завопив, прижал мешок к груди. Однако даже после того, как из корзины были выброшены инструменты, приборы наблюдения и все прочее, положение почти не изменилось. Аэростат заколебался, но затем дрогнул и вновь пошел на снижение. Оставалось ждать неизбежного.

...Остались позади крыши небольшой деревеньки, вершины густо-зеленых деревьев, блеснула поверхность залитых водой рисовых полей, промелькнула тонкая линия канала — и тут аэростат дрогнул и, резко накренившись, рухнул вниз. Корзину ударило о землю, подбросило, впереди сверкнула ровная поверхность небольшого пруда, и через секунду аэростат с глухим вздохом мягко врезался в воду.

Беглецам повезло — они упали совсем рядом с берегом, кроме того, серебристая туша баллона не накрыла корзину, грузно осев рядом. Никто даже не ушибся, лишь Валюженича вышвырнуло за борт, и он без крика погрузился в воду. Степа пришел в себя первым и с криком: «Держись, Тэд!» — стал срывать с ног унты, готовясь прыгать, но из-за борта послышалось успокоительное «О'кей», и мокрый, но живой американец ухватился руками за край корзины.

Им повезло еще раз — глубина была как раз по плечи. Корзина уже наполнялась водой, и Арцеулов, вспомнив фронтовой опыт, скинул верхнюю одежду, связал ее в тюк и спокойно спустился за борт, не забыв захватить Тэдовы «артефакты». Степа и Берг последовали его примеру. В последний момент Валюженич забрался в тонущую кабину, успев забрать остаток вещей, в том числе забытые Степой унты.

Берег был низкий. Пришлось забраться выше, чтобы найти ровное место. К счастью, спирт во фляге еще оставался. Его хватило, чтобы хлебнуть по глотку и плеснуть на собранные сушья. Ранние сумерки осветил огонь костра, от мокрых вещей повалил пар, и все, одевшись, принялись закутывать клацающего зубами Валюженича в уцелевшее одеяло.

...Костер горел весело, бросая отблески на подступившие к небольшой полянке раскидистые деревья с тонкими длинными иглами. Согревшийся Тэд, похожий в одеяле на вождя краснокожих, предложил сходить на разведку, но обсудить это предложение не удалось. Послышались шаги, голоса. Свет костра упал на смуглые лица в белых тюрбанах — сквозь прибрежные зарос-

ли продирались несколько невысоких мужчин в широких светло-серых одеждах в сопровождении важного вида усача в большой чалме и зеленом френче. В руках усатого грозно поблескивала винтовка, остальные сжимали в руках длинные деревянные палки.

— Спокойно! — произнес Арцеулов, вставая. — Я поговорю...

Но его опередил Тэд. Быстро развязав свой мешок, он извлек оттуда внушительный сверток, в котором оказалась кипа бумаг, украшенных разноцветными печатями. При виде наряженного в одеяло американца усач обомлел, но Тэд поспешил представиться, продемонстрировав свой американский паспорт. За паспортом последовали иные документы, но усатый господин в чалме умоляюще поднял руки и заговорил.

Он оказался деревенским полицейским с экзотическим именем Лал Дас. Старания Валюженича пропали даром — читать он не умел, а слова «научная экспедиция» и даже священное для Тэда «акэолоджи» слышал первый раз в жизни. Впрочем, главное Лал Дас уловил и вежливо предложил «сахибам» проследовать в деревню.

Возражать не имело смысла. Костер загасили, и процессия, предводительствуемая сбитым с толку полицейским, проследовала по узкой тропинке к темнеющим вдалеке хижинам.

Саму деревню рассмотреть не удалось. Подозрительных «сахибов» завели в странного вида дом — то ли деревянный, то ли сплетенный из веток — и приставили караул.

...Когда все уснули, Арцеулов еще долго стоял у входа, глядя на далекие перемигивающиеся звезды. Итак, он в Индии. Осознать это было трудно — месяц назад капитан видел из окна купе заснеженный Нижнеудинск, и даже Монголия казалась страной за тридевять земель. Ростиславу вдруг захотелось рассказать кому-нибудь из друзей о том, куда его занесло, — хотя бы Ухтомскому, чей дядя четверть века назад бывал в Индии с цесаревичем Николаем. «Вот бы удивился князь!» — подумал капитан, но тут же грустно усмехнулся. Бог весть, где сейчас Ухтомский! Ростислав вспомнил свой странный сон. Сбылось! Он уцелел, совсем рядом было море — то самое, теплое, зеленое... Но капитан уже знал, что поплывет не во Францию, а в Россию, туда, где сражались его друзья. Он еще не оплатил свой счет. А счет вырос — ведь раньше Ростислав не знал о Шекар-Гомпе...

А Косухину приснился брат. Степа обрадовался, а затем немного растерялся. Таким Николая он никогда не видел — Косухин-старший был одет в пышную парадную форму, на дорогом мундирном сукне сверкали ордена, на боку красовалась сабля в золоченых ножнах. Он хотел было спросить брата, почему тот

так вырядился, но Николай озабоченно покачал головой и, достав расческу, принялся, как это бывало в далеком детстве, расчесывать Степа, пытаясь привести в порядок его давно не стриженные кудри. Потом брат подвел его к зеркалу. Степа взглянул — и еще более удивился. На нем тоже был мундир, но какой-то другой — строгий, с большими красными петлицами на отворотах, а на груди, на муаровых лентах, пятнами крови темнели два ордена Красного Знамени. Степа вдруг понял — их с братом ждут, от этой встречи зависит очень многое... Но тут все исчезло, и он увидел Наташу. Косухин вновь обрадовался, но девушка взглянула на него, не узнавая, и был ее взгляд пустым и мертвым...

Утро началось с удивленного вопля Тэда. Все вскочили, Ростислав привычно схватился за пояс, где раньше всегда висел револьвер, но Валуженич тут же всех успокоил, пояснив, что увидел во сне, как проваливается на экзамене по древнегреческому. При этом выражение его физиономии оставалось несколько обалделым. Степа хотел посоветовать нервной интеллигенции пить на ночь бром, но тут в хижину просунулась смуглая рожа в чалме, и Лал Дас церемонно пожелал пленникам доброго утра.

Возле хижины уже толпились полицейские в такой же светло-зеленой форме, в чалмах и при оружии — на помощь Лал Дасу прибыло подкрепление. Лал Дас пояснил, что говорил по телефону (слово «телефон» было произнесено со всем возможным пиететом) с начальством и от одного начальства получил строжайший приказ немедленно доставить задержанных в город Морадабад.

Покуда Лал Дас бегал распоряжаться по поводу повозок — до Морадабада было километров двадцать, — Арцеулов предложил обсудить один важный вопрос. В городе им придется объясняться с англичанами — и объясняться всерьез.

— Оу! — отмахнулся Тэд. — Нет проблем! Вы, то есть мы — отряд научной экспедиции археологического департамента Сорбонны, ваши документы потерялись при переправе через горную реку...

— А аэростат? — улыбнулась Наташа.

Археолог задумался.

— А че! — вмешался Степа. — Попали в плен к разбойникам, ну и это... убежали.

— Разбойники на аэростатах. Пираты голубого океана, — невозмутимо прокомментировал капитан.

Косухин обиженно засопел.

— Нет проблем! — вновь заявил Валуженич. — Мой друг

мистер Карно решил провести воздушную разведку Тибета, для чего и арендовал аэростат...

— За воздушную разведку Тибета вы схлопочете от британского правительства лет десять каторги, — вздохнул Арцеулов.

На этот раз обиженно засопел Валюженич.

— Позвольте, господа, — вмешалась Берг, — представьте себе, что мы летели не от Шекар-Гомпа, а от... Челкея. Попали в плен к генералу Мо и бежали, как верно указал Степан Иванович.

Косухин гордо поднял голову.

— Ремиз, — покачал головой капитан. — У Тэда бумаги на тибетскую экспедицию. Придется сказать часть правды — мы попали в плен, нас отправили в какой-то монастырь, где и забрали документы. А мистер Валюженич помог нам всем бежать. Аэростат мы, понятное дело, украли у неведомых разбойников. Наталья Федоровна незачем скрывать свою личность, а вот вам, Степан, придется на время забыть о Марксе — Ленине — Бронштейне. Британцы будут не в восторге, узнав, что в Индию прибыли трое русских, но если один из них окажется агентом Коминтерна...

— Нет проблем, — вновь влез в разговор неунывающий Валюженич. — Стив будет белым офицером. Лейтенантом...

— Поручиком, — поправил Арцеулов. — Но если господину Косухину предпочтительнее стать полковником...

Степа заупрямился:

— Ну его — офицером! Лучше унтером...

— Никаких унтеров, господин комиссар! — хмыкнул капитан. — Тут вам не Совдепия, здесь чины ценят. Вы станете не просто поручиком Косухиным, а дворянином Косухиным!

Степа молчал — проклятый беляк явно глумился, а ответить ему было нечего.

— Мы сошьем вам форму, Косухин, — добавила масла в огонь Берг. — А потом мы пойдем на бал к местному губернатору, вы пригласите меня на вальс и преподнесете корзину цветов...

Красный командир чувствовал себя несчастным и затюканным. Корзина цветов добила его окончательно.

Между тем запыхавшийся Лал Дас сообщил, что повозки для «сахибов» поданы. Это оказались две обыкновенные телеги на высоких колесах, покрытые сверху навесом наподобие тента. Вместо лошадей были впряжены мелкие, но крепкие с виду длиннорogie быки.

Вначале ехали молча. Даже общительный Тэд замкнулся и лишь кидал недовольные взгляды на полицейских. Наконец он не выдержал:

— То... мистер Ростислав. Я... не мочь казать по-английски... Паны жандармы розумеют...

Он секунду помолчал, вспоминая все ведомые ему славянские слова, затем продолжил:

— В обители естем... быть святой ойтец — ен не розмовлям...

— Помню, — шепотом подтвердил капитан. — Старый монах, понимает по-русски...

— Так... Ен даси... давай на спомин...

Валюженич покопался в своих вещах и достал небольшой замшевый мешочек.

— Я запамятовать... забыть. Тилько цой ранок шукав в вализе та натрапыв. От...

Он аккуратно вытряхнул мешочек. Свет утреннего солнца заиграл сине-фиолетовым отливом — на ладони Тэда лежали четыре больших прозрачных камня.

— Ого! — выдохнул Арцеулов.

— Я реагував також — вы чули, — усмехнулся Валюженич. — То е сапфиры. Нас четверо — то камней стойко ж. Кожному — по одному...

Капитан не знал, что и сказать. О деньгах он подумал как раз утром, накануне отъезда, прикинув, можно ли в этих краях подзаработать, хотя бы грузчиком.

— То нам усем выстачить грошей до века Мафусаилова... — удовлетворенно закончил археолог.

— Это не просто камни, — подумав, возразил капитан. — Нам дали их не для того, чтобы мы прожили безбедно до старости. Это оружие — такое же, как винтовка. Понимаете?

Валюженич задумался, затем кивнул:

— Пан мае рацию!..

Морадабад оказался белым, двухэтажным, с полупустыми улицами, на которых можно было встретить лишь деревянные повозки да редких пешеходов. Пахло провинцией, такой же глухой, как поминаемые Косухиным Чердынь с Калугой. Правда, в северных палестинах не встречались перебежавшие прямо через дорогу обезьяны, но на этом экзотика исчерпывалась. Совершенно обычным оказалось и учреждение, куда их доставили, — полицейский участок, как две капли воды похожий на подзабытые уже околотки Российской Империи. Только стражи порядка щеголяли здесь в белых чалмах да вместо покойного императора Николая на стене кабинета красовался король Георг, впрочем, весьма с Николаем схожий.

Их ждал худой загорелый англичанин в фуражке с высокой тульей, в монокле и тоже с усами, хотя менее пышными, чем у его подчиненных. Он представился, произнес фамилию на-

столько невнятно, что никак нельзя было понять, Джонс ли он, Джойс или Джоунз.

Лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз достал несколько листов бумаги, аккуратно разложил их на столе и скучным голосом поинтересовался, кто они и по какому праву нарушили границы Индо-Британской Империи. Валюженич изложил условленную версию событий. Офицер кивнул, словно ничего иного и не ожидал, записал услышанное на бумагу, а затем предложил предъявить имеющиеся документы. Бумаги Тэда он изучал долго, но потом кивнул, на этот раз вполне удовлетворенно — и поглядел на остальных. Берг достала сложенную вчетверо бумаженцию, увидев которую англичанин произнес «Оу!» не хуже самого Валюженича. Степе и Арцеулову пришлось хуже — документов у них не оказалось. Джонс-Джойс-Джоунз нахмурился, затем задумался и наконец выдал резюме.

Из его слов все, кроме не понимавшего по-английски Степы, узнали, что их появление вызвало в Британской Индии изрядный шум. Администрация в Дели поручила Джонсу-Джойсу-Джоунзу провести тщательное расследование на предмет возможной опасности для британских интересов. Ввиду этого страж порядка вынужден задержать всех четверых впредь до завершения расследования. Впрочем, он был согласен перевести задержанных под домашний арест под залог в сто фунтов стерлингов за каждого. Валюженич тут же потребовал встречи с американским консулом, иначе мистер Ллойд-Джордж будет иметь дело лично с мистером Вильсоном, но ему было велено отправить телеграмму и ждать результата. Вдобавок выяснилось, что долларов Валюженича в пересчете на фунты хватает как раз на полтора человека. Англичанин вновь подумал, на этот раз значительно дольше, и наконец предложил отсрочку в три дня. Это время задержанные могут жить в городе, но под охраной полиции.

Отеля в Морадабаде не нашлось, и по совету одного из полицейских пришлось снять домик-развалюху, где не было окон, а дверь закрывалась лишь изнутри.

...Консул прибыл через два дня. Он оказался толстым, широкоплечим и необыкновенно энергичным. Представившись, американец долго тряс руку каждому, а затем увел с собою Валюженича и беседовал с тем больше часа, после чего решительно направился в полицию. Вернулся он скоро, весьма рассерженный, обругал Джонса-Джойса-Джоунза, пообещав ввести против Британской Индии торговые санкции. Здесь, в твердыне английских владений, с Америкой не особо считались. Консул заявил, что немедленно едет в Дели, дабы «принять меры».

Перед отъездом Берг сообщила американцу адреса ее английских коллег, которые могли бы поручиться за Наташу перед британским правительством. Телеграмму в Париж, своему дяде Карлу Бергу, она отправила еще в первый день.

Все возможное было сделано, оставалось ждать. Тэд, решив использовать время с толком, предложил обследовать город. Неугомонный «акэолоджи» узнал, что в Морадабаде есть уникальный храм девятого века, а в окрестностях — заброшенные развалины чего-то еще более древнего. Полицейские за небольшую мзду обещали сопровождать «сахибов». Обрадованный Валуженич предложил наутро отправиться в путь, но встретил понимание лишь со стороны Наташи.

Степа и Арцеулов остались в городе, почти не выходя из дома, — Косухин спал, а Ростислав молча сидел на пороге и смотрел на пустую пыльную улицу, по которой то и дело пробегали маленькие любопытные обезьянки. Но скучать им довелось недолго. На третий день, когда Тэд и Наташа отправились осматривать какую-то гробницу, Степа, выкурив утреннюю папиросину, пожаловался на самочувствие и улегся спать, а капитан, взяв начатую пачку, присел у двери. Он успел сделать пару затяжек, когда заметил, что к дому, не торопясь, приближается гость, причем не индус, а европеец. Арцеулов встал. Перед ним, без сомнения, был военный, но в штатском светлом плаще, кепи и с коротким стеком. Капитан ждал. Незнакомец подошел поближе, улыбнулся и подбросил руку к козырьку. Прделано все было с легкостью, даже изящно, но серые глаза гостя глядели твердо и строго.

— Добрый день, — произнес Арцеулов по-английски. Гость кивнул, секунду помолчал и ответил, но не по-английски, а по-русски, чисто и правильно:

— Здравствуйте, господин Арцеулов. Ростислав Александрович, насколько я помню?

В первую секунду капитан подумал, что перед ним соотечественник, но затем понял — это не так. Слишком правильно человек в кепи выговаривал русские слова.

Гость небрежно прислонил стек к порогу и присел рядом с капитаном.

— Мистер Валуженич и госпожа Берг решили осмотреть гробницу Шах-Мансура. А вас древности не интересуют?

— Нет... Простите, с кем имею честь?

Англичанин усмехнулся:

— Я именно тот человек, которому придется решать вашу судьбу, Ростислав Александрович. Я в таком же звании, как и вы, так что поговорим на равных. Вы не будете возражать?

«ВЛАДИМИР БЕСПОКОИТСЯ»

— Вы из полиции? — скучным голосом осведомился капитан.

Англичанин улыбнулся, покачал головой и достал большой серебряный портсигар. Сигару он выбирал тщательно, наконец, найдя понравившуюся, откусил кончик и долго прикуривал.

— Не из полиции. Я представляю другую службу...

По воздуху неторопливо поплыло несколько красивых трепещущих колец дыма.

— Еще три дня назад я был в Афганистане и был весьма занят... осмотром тамошних достопримечательностей. Но меня вызвали — и послали к вам. Из этого вы можете сделать вывод, насколько компетентная служба Его Величества заинтересовалась вашим неожиданным визитом. Позвольте представиться: Генри Фиц-Рой, метеоролог, занимаюсь, как вы уже догадались, погодой...

Он выпустил в воздух новую серию колец и на секунду задумался.

— Компетентная служба Его Величества получает странное донесение. Граница Британской Индии нарушена, причем достаточно оригинальным образом — по воздуху. Будь это в Европе — удивляться нечего, но ваш аэростат прилетел со стороны Гималаев. Этим, в конце концов, могли бы заняться военные власти... Но вот состав вашей группы... — Он покачал головой. — Мистер Валуженич нам известен, но с ним пребывают трое русских. Двое — вы и мистер Косухин, по вашим словам, офицеры белой армии. Вот это уже любопытно, ибо, насколько я знаю, армия Колчака воевала несколько севернее Гималаев. Но это еще не все. С вами прибыла мисс Берг. Она предъявила документ из Российской Академии наук...

Арцеулов вспомнил бумагу, которую Наташа показывала в полиции, с запозданием подумав, что девушке стоило посоветоваться с ним.

— В Лондоне знают, кто такая мисс Берг, равно как и ее дядя, живущий сейчас в Париже. Итак, молодая и талантливая сотрудница одной из секретнейших лабораторий бывшей Российской Империи оказывается в компании двух русских офицеров и американского археолога. Как прикажете это понимать? Вот я и решил побеседовать с вами и с господином Косухиным...

— А? Чего? — Из дверей выглянула заспанная физиономия Степы.

Англичанин вежливо привстал.

— Господин Косухин? Степан Иванович?

Степа бросил быстрый взгляд на Фиц-Роя, затем на Арцеулова и внезапно стал серьезным:

— Ну да... Здравствуйте, стало быть.

Англичанин представился, правда, не упомянув ни о звании, ни о «метеорологическом» ведомстве. Но Степа был человеком, выдавшим виды, а посему лишь кивнул, попросив минуту, чтобы умыться.

— А он действительно Степан Косухин? — вдруг спросил Фиц-Рой, покуда Степа плескался, приводя физиономию в относительный порядок.

— Конечно, господин Фиц-Рой! — удивился капитан.

Появился Степа, умытый и даже причесанный. Гость если и застал его врасплох, то только в первую секунду. Из какой службы может быть этот тип в штатском, Косухин сообразил сразу.

— Я беседовал с господином капитаном о том, какое впечатление произвела ваша посадка, — продолжил Фиц-Рой, когда Степа уселся рядом и с достоинством закурил папиросу, отказавшись от предложенной сигары; — а также успел заметить, что с вами, Степан Иванович, предстоит особый разговор...

Он замолчал и выжидательно поглядел на Степу. Тому стало немного не по себе.

— Итак, вы действительно Косухин?

Степа хотел было рубануть: «Да кто же еще, чердынъ-калуга?», но вспомнил свою легенду и с достоинством ответил: «Так точно». Получилось неплохо, даже Арцеулов одобрил тон — сухой и слегка обиженный. Фиц-Рой порылся во внутреннем кармане, достав оттуда пакет из плотной бумаги. В пакете оказалась фотография на твердом паспарту с золотым обрезом.

— Не соблаговолите ли, Степан Иванович... — Трудное русское слово Фиц-Рой произнес точно, тщательно выговаривая буквы. — Кого из... э-э-э... персонажей этого фото вы можете узнать?

Арцеулов бросил беглый взгляд на снимок и тут же вздрогнул, узнав человека, чье лицо походило на портрет в полицейском участке...

Степа, естественно, тоже узнал Государя. Первая мысль была вполне большевистская: «Издевается, гад!» Но что-то заставило его еще раз взглянуть на фото, на этот раз внимательнее. Рядом с царем Кровавым собрались офицеры, один к одному — белая кость, в орденах да лентах. У Косухина аж дух перехватило от возмущения. Справа от императора, подпирая его мощным плечом, стоял чернобородый темноглазый генерал. Косухин похолодел, узнав Ирмана. А по другую сторону от душителя революции... Степе стало жарко — куда же он смотрел, чердынъ-калуга! — брат Коля! Николай улыбался, его тезка — царь-кровопивец — тоже...

Вспомнился недавний сон. Тогда он увидел брата именно таким — в мундире, с орденами, вдобавок спешившего на какую-то важную встречу. Уж не на эту ли? А ведь Николай рассказывал...

— Знакомое фото, господин Фиц-Рой. Если не ошибаюсь, 16-й год. Моему брату Государь, — это слово Степа буквально выдавил из себя, — вручает орден...

Степин тон вновь понравился Арцеулову. «Государь» прозвучало даже с чувством.

— Хорошо, Степан Иванович. — По лицу Фиц-Роя промелькнула улыбка. — Не смею спрашивать, кто из... э-э-э... запечатленных здесь ваш брат...

— Слева, — сухо вставил Косухин, подразумевая — от царя.

— ...Но не соблаговолите ли назвать других ваших знакомых?..

— Генерал Ирман. Справа.

— А еще? Одного вы должны знать.

— Разрешите... — Косухин вовремя вспомнил это интеллигентское слово и вновь взял снимок. Никого больше он не узнавал. Лица как лица — типичные классовые враги. Да и кого еще узнавать-то? А не того ли, о котором говорил брат, — князя Барятинского, которого прежде всех послали в этот самый «эфир»?

В первом ряду, кроме Николая Кровавого, старшего Косухина и генерала Ирмана, стояли еще двое: немолодой офицер, явно не из летчиков, и... Степа лишь вздохнул — если и бывают те самые аристократы, то этот явно из них. Высокий, чернобрый, длиннотелый, с вежливым, но каким-то скучающим выражением лица...

— Князь Барятинский — рядом с моим братом...

— Благодарю, — удовлетворенно заметил англичанин, пряча снимок. — Причину награждения вашего брата вы, конечно, назовете?

Арцеулов весь напрягся, но Степа не оплошал. Смерив англичанина высокомерным — откуда только такой и взялся! — взглядом, он спокойно бросил:

— Нет.

— Почему?

И тут Косухин превзошел самого себя. Вспомнив, как вели себя на допросах офицеры — белая кость, голубая кровь, — он выпятил нижнюю губу:

— Есть такое слово — «присяга»!..

«Браво, краснопузы! — подумал Арцеулов и тут же добавил: — Ну и сволочь!»

— Понял, — помолчав, кивнул Фиц-Рой. — В таком случае прошу изложить обстоятельства вашего появления в Британской Индии.

«У-у, пристал!» — помрачнел Степа и уже собрался было из-

ложить их легенду, но спохватился. Ведь он же офицер, чердынь-калуга!

— Здесь присутствует мой командир. Вам, должно быть, знакомо понятие... субординация, господин Фиц-Рой?

Интеллигентское словечко Степа чуть было не забыл, но вовремя вспомнил, а небольшая пауза придала его фразе дополнительную убедительность. Даже Фиц-Рой смутился:

— Прошу прощения, Степан Иванович. В таком случае мне остается попросить рассказать об этом вас, господин капитан.

Арцеулов кивнул. Он решил не ударить лицом в грязь и заговорил в Степиной манере — сухо, с достоинством:

— В начале января я получил личный приказ Верховного прибыть в Иркутск и помочь вывезти оттуда госпожу Берг...

Все, что он говорил, было очень похоже на правду. Для верности капитан даже упомянул Казим-бека, якобы погибшего при аварии аэроплана. Только краснопузый Степа превратился в «поручика Косухина».

— Итак, вы прибыли в Челкель... — поторопил англичанин.

— ...На одну из баз в Западном Китае, — невозмутимо поправил Арцеулов. — К сожалению, она уже была захвачена войсками командующего Синьцзянским округом генерала Мо. Мы улетели буквально под выстрелами... Через несколько часов мы сделали вынужденную посадку. Где именно — не знаю, сбились с курса. Почти сразу же были взяты в плен, откуда вскоре бежали...

Англичанин, чуть подумав, кивнул:

— Будем считать, что убедили. Итак, вас взяли в плен...

— ...Местные — тибетцы в черных полушубках. Нас заперли в какой-то хижине, где мы и встретили мистера Валуженича. Ночью нам удалось бежать. Мы пробрались по тропе на юг и там наткнулись на какой-то монастырь...

Англичанин замер.

— Монастырь хорошо охраняли, но ночью там что-то случилось, погасили прожектора, и мы сумели захватить аэростат. Остальное вам известно.

— Вы... не были в самом Шекар-Гомпе?

— Где? — вполне натурально удивился Арцеулов.

— В этом монастыре... Впрочем, если бы вы попали туда, то едва ли вырвались бы живыми... Скажите, вы запомнили детали? Я имею в виду систему охраны, сооружения...

— Кое-что запомнил. — Капитан чуть не усмехнулся, чувствуя, что «метеоролог» клюнул. — Соболаговолите выдать лист бумаги и карандаш...

По той скорости, с какой англичанин выдирал листок из блокнота, было ясно, что капитан не ошибся. Арцеулов не торопясь разложил бумагу и тщательно нарисовал все, что видел из

окошка монастырского тайника: монастырь, аэродром, бараки, строящуюся электрическую станцию, и даже указал расположение прожекторов. Закончив, он показал схему Степе, и тот с важным видом внес пару незначительных поправок.

На этот раз от флегматичности Фиц-Роя не осталось и следа. Он впился глазами в рисунок и несколько минут молчал, то и дело кивая и покачивая головой, наконец тщательно спрятал схему.

— Благодарю вас, господа. Будем считать эту помощь вашим билетом в Британскую Индию. Она поможет королевским вооруженным силам разобраться с этими бандитами...

— Так это действительно бандиты? — наивно поинтересовался капитан.

— Конечно, нет! Вначале мы думали, что это мятежники. Вице-король послал туда роту, затем батальон. Никто не вернулся — ни один человек...

Фиц-Рой встал и, вежливо поклонившись, отбыл. Некоторое время Степа и капитан сидели молча, глядя ему вслед. Наконец Косухин не выдержал и с чувством произнес:

— У, раскудрить в Христа, в Богородицу, в крест животворящий! Чуть язык, чердынь-калуга, не обломал! «Соблаговолите!» Тыфу, интеллигенты!..

Арцеулов расхохотался:

— А я уже было подумал, что вы потихоньку набираетесь культуры...

Степа свирепо воззрился на белого гада, но потом не выдержал и тоже рассмеялся.

Их больше не беспокоили. Каждый день Валуженич навещался на телеграф, но консул советовал ждать. Тэд поначалу сник, но затем снова воспрянул духом и продолжил свои прогулки по городу и его окрестностям. Как-то так вышло, что на эти прогулки он приглашал исключительно Берг. Каждый раз, получив от американца предложение осмотреть очередную гробницу, Наташа искоса поглядывала на Степу, тот смущался и отворачивался.

Ростислав и Косухин остались предоставленными самим себе. Они обошли весь городишко, который запомнился лишь вездесущими обезьянками, худыми беспризорными коровами и большим полуразрушенным храмом Шивы, стоявшим в самом центре. На базаре, в одной из лавок, Арцеулов на мелочь, одолженную Тэдом, купил несколько дешевых изданий Киплингa. Степа без всякой надежды поинтересовался, нет ли чего почитать по-русски, но русских книжек в Морадабаде не нашлось. С тем и вернулись.

Степа затосковал.

— Хорошо тебе, буржую! — буркнул он, с завистью глядя на схватившего книжку Арцеулова. — Хоть бы рассказал, про что там...

— «Книга Джунглей», — охотно пояснил Ростислав. — Там говорится о маленьком мальчике, которого воспитали волки. Его звали Маугли...

Выслушав краткий пересказ истории волчьего приемыша, Косухин внезапно помрачнел. Вспомнились серые твари с красными глазами, мохнатые лапы, тянущиеся к нему из темноты... Сказка Киплинга показалась зловещей и мрачной. Степа махнул рукой и, хмуро взглянув на вновь взявшегося за книгу Арцеулова, внезапно предложил:

— Слышь, беляк, давай — кто кого поборет.

— Французская борьба? — отозвался Ростислав, не отрываясь от приключений Маугли.

— Ага, — зловеще протянул Степа, предвкушая грядущее удовольствие. Французской борьбой он всегда увлекался, к тому же его сослуживец Василий Ломов (он же Осман Хаджи, чемпион мира и Васильевского острова) показал Косухину пару недурных приемов.

Арцеулов хмыкнул и внезапно вскочил — резко, пружинисто. Гимнастерка полетела на пол.

— До пояса, — предупредил капитан, и в глазах его мелькнул веселый огонек.

— Знамо! — с достоинством ответил Косухин, тоже снимая рубашку. — Ну, чего? Три, четыре...

С первой же минуты Арцеулов понял, что попал на сильного противника. Он пару раз увернулся, попытался захватить Степину руку, но Косухин ушел и внезапно схватил Арцеулова за пояс. Коронный прием Васи Ломова — и беляк очутился на земле.

— То-то! — Косухин вдруг вспомнил, как лихо капитан умеет драться. — Слышь, Ростислав, покажи, как ты это... Ну, руками...

Арцеулов понял:

— Этому нас в юнкерском учили. Полезная штука...

Он поднялся, отряхнул с рук пыль и, подождав, покуда утихнет ноющая спина, предложил:

— Нападайте. Не бойтесь, бейте чем попало.

— Зашибу, — предупредил Степа, который и сам был мастер подраться.

Капитан кивнул, и Косухин бросился в бой. Ему показалось, что удар в челюсть вместе с подножкой уже достигли цели, как вдруг почувствовал, что его отрывают от земли, крутят — и вот он уже валяется на полу, а к шее приставлена ладонь.

— И по сонной артерии, — спокойно прокомментировал Арцеулов.

— Еще! — потребовал Степа — и получил еще.

После четвертого раза он помотал головой и потребовал:

— А научи!

— Ладно, — усмехнулся Ростислав. — Пару синяков заранее обещаю. Смотрите!..

Предсказание насчет синяков сбылось вполне. Впрочем, один, под левым глазом, заработал сам Арцеулов — Степа оказался способным учеником. Вид у них обоих был столь боевым, что вернувшиеся из очередного похода Тэд с Наташей обомлели, и американец мог со всем основанием произнести свое неперенное «Оу!».

Между тем сегодняшний осмотр мечети Бабура был не совсем обычным. Осматривали они ее не вдвоем, как планировалось, а втроем. Третьим оказался вежливый и интеллигентный англичанин, носивший красивую аристократическую фамилию Фиц-Рой...

— По-моему, мы не сбились, — заметила Берг, — хотя расспрашивал он... допрашивал, — поправилась она, — более чем профессионально.

— Я молчал, как пограничник у индейского столба пыток, — добавил Тэд. — Похоже, они действительно боятся этих в Шекар-Гомпе. Так и тянуло рассказать ему про наш номер с мистером Цонхавой...

На следующее утро мистер Джонс-Джойс-Джоунз лично посетил пленников и вручил несколько телеграмм. Одна была от американского консула, другая — от Карла Берга из Парижа, а третья — из Королевской Академии наук, в которой британским властям в Индии разъяснялось, кто такая Наталья Берг. И как итог всего, еще одна — от самого вице-короля, в которой сообщалось, что американский подданный мистер Валуженич и «гость Британской Индии» мисс Берг с этого дня свободны и вольны покинуть Морадабад в любое время. По поводу мистера Косухина и мистера Арцеулова никаких распоряжений не последовало.

— Надо ехать в Дели, — заявила Берг, когда англичанин удался. — Иначе, господа, у вас есть шанс застрять тут надолго, и мой Косухин окончательно одичает.

— Там нет русского консула, — возразил капитан, не отреагировав на «моего Косухина».

— В Дели до войны была русская колония. Там должен быть кто-то, имеющий выходы на местных чиновников.

— Оу! — оживился Тэд. — Мисс Наташа, поехали завтра же! Из Дели мы завернем в Агру, я покажу вам Тадж-Махал...

Вечером, когда Валюженич, ложившийся с первыми сумерками, уже видел третий сон, Наташа достала телеграмму от дяди и, развернув, протянула Арцеулову.

— Понятно, — чуть помолчав, проговорил тот и, отвечая на немой вопрос Степы, перевел:

«Немедленно возвращайся в Париж. Владимир беспокоится. Карл Берг».

— Какой Владимир? — вначале не сообразил Степа.

Наташа улыбнулась:

— Если бы меня спросил об этом мистер Фиц-Рой, то я бы ответила, что это мой жених...

— «Мономах»! — сообразил Степа. — Так что же это? Никак Николай вернулся?

— Еще не знаю. Но в любом случае, если бы не ваша горькая арестантская доля и не полное отсутствие как фунтов, так и стерлингов, то я уже завтра ехала бы к ближайшей пристани.

— Дело не в деньгах. — Арцеулов решил завтра же поговорить с Валюженичем о сапфирах. — Но ехать вам непременно надо.

— Да ясно, чердынь-калуга! — поддержал Степа. — Ведь если Коля вернулся...

— Я вас не брошу, господа, — спокойно заметила Наташа. — Не буду напоминать о двух джентльменах, которые ради одной истерички — синего чулка сунули головы в ад, но это просто непорядочно.

— Погодите... — Арцеулов еще раз перечитал телеграмму. — Если бы господин полковник и господин Богораз вернулись, ваш дядя мог бы так и сообщить: «Владимир вернулся». Но тут сказано иначе... Наталья Федоровна, в этой аппаратуре, о которой говорил Семен Аскольдович, могут быть сбои? Может, без вас «Пространственный Луч» не удастся наладить?

— Ах ты... — До Степы дошло. — И чего же тогда?

— Завтра же поезжайте в Дели, — решил Арцеулов. — Берите билет на ближайший пароход и вместе с Тэдом возвращайтесь в Париж. Если удастся найти кого-нибудь из русской колонии, кто бы мог нам помочь, — тем лучше. С нами ничего не случится, Наталья Федоровна. В конце концов, мы просто удерем — вдвоем легче...

Валюженича и Наташи не было четыре дня. Чтобы не давать волю беспокойству, Арцеулов всерьез занялся со Степой изучением боевых приемов. Косухин учился быстро: реакция у него была отличная, глаз — острый, а злости, столь необходимой в

любой драке, — хоть отбавляй. Когда Косухин овладел наиболее простыми ударами и захватами, Арцеулов попросил одного из полицейских, наблюдавших за обучением с нескрываемым интересом, достать где-нибудь обыкновенный табурет — мебели в хижине по индийскому обычаю не было. Когда табурет — старый и колченогий — был доставлен, Ростислав показал, что можно сделать с его помощью. Косухин получил еще один синяк, а пораженный полицейский убежал и вскоре вернулся с самим Джонсом-Джойсом-Джоунзом. Лейтенант вначале молча наблюдал, затем не вытерпел и сбросил мундир, предупредив, что и сам обучался совершенно секретной новинке, которую называют «джиу-джитсу». Косухина он победил вчистую, но Арцеулов оказался крепким орешком. Получив, в свою очередь, синяк, англичанин пожал соперникам руки и пригласил их к себе, в маленький аккуратный домик, где полицейский вел свою холостяцкую жизнь. Пришлось опустошить бутылку виски, закусывая чем-то настолько пряным, что пить хотелось еще целые сутки...

Валюженич и Берг вернулись под вечер. Наташу было не узнать — изящное шерстяное пальто, новенькая шляпка, в руках — роскошная сумочка. Валюженич был в новом костюме, плаще и шляпе, которая смотрелась на нем несколько странно. С собою Тэд приволок большой чемодан и два огромных пакета.

Степа лишь моргал, когда из чемоданов и пакетов извлекались предметы буржуйской роскоши — два новых костюма, рубашки, ботинки и даже бритвенные станки «Жиллетт». Косухина тут же заставили переодеться, побриться и причесаться. В конце концов Берг, руководившая экзекуцией, осталась довольна, заявив, что теперь она все-таки примет приглашение Степы на бал к губернатору, где ее, само собой, будет ждать корзина с цветами. Кончилось это тем, что Косухин снял с себя буржуйские тряпки, переоделся в привычное облачение и, весьма обиженный, забился в угол.

— Мы взяли билеты на пароход из Бомбея, — сообщила Наташа, когда все наконец успокоились и расселись на циновках возле очага. — Уезжаем завтра...

— Хорошо, — кивнул невозмутимый Арцеулов. Степа тоже одобрил, хотя на душе у него вдруг стало тоскливо.

— Я бы не согласилась, но в первый же день нам очень повезло. Мне удалось найти... вернее, Тэду удалось найти одного нашего земляка. Его фамилия Ингвар — Николай Константинович Ингвар.

Степе странная фамилия ничего не говорила, а Ростислав вострепнулся:

— Простите — Ингвар? Художник Ингвар? Так он в Индии?

— Уже четвертый год. Его здесь неплохо знают, он лично

знаком не только с губернатором провинции, но и с вице-королем, у него неплохие связи в Лондоне. Господин Ингвар обещал держать меня и Тэда в курсе дел — я дала ему мой парижский адрес. А может... Может, мне все-таки не ехать, Косухин?

Степа от неожиданности вздрогнул. Он вдруг понял, как хорошо бы было, если б Наташа осталась. Но ведь девушка спешит в Париж не просто для встречи с дядей! Быть может, от нее зависит, сумеет ли брат вернуться из черного небытия, куда унесла его окутанная дымом стрела «Мономаха»?..

— Вы... поезжайте, Наташа, — вздохнул он. — Я это... сам в Париж приеду...

Тем временем Тэд достал из чемодана пару бутылок шотландского виски и бутылку чего-то французского, белого — для Наташи, чем и был отмечен последний совместный ужин. Перед сном Валуженич вручил Арцеулову пачку денег и сапфир. Как оказалось, Тэд продал только три камня. Все равно денег было столько, что Арцеулов лишь покачал головой и решил покуда ничего не говорить Степе.

...Валуженич, как обычно, заснул рано, а остальным не спалось. Наташа уже успела рассказать, как найти ее в Париже, и даже подробно описала своего дядю, который представился Степе типичным буржуем с плакатов РОСТА. Косухин, в свою очередь, изложил давно продуманный план. Россия была напроочь отрезана от морей блокадой, но из редких британских газет, иногда покупаемых капитаном, Степа узнал, что товарищи из НКВД не теряют времени даром и уже заключили временное, до скорой победы Мировой Коммунистической, перемирие с Эстонией. Значит, следовало добратсья до Европы, завтнуть в Париж, а оттуда — напрямик в Ревель.

Берг план одобрила. Арцеулов тоже не возразил, хотя и знал — здесь их с краснопузым дороги разойдутся.

Степа задремал, а Берг и Ростислав все еще сидели, докуривая последние папиросы. Внезапно Наташа, о чем-то долго размышлявшая, подняла голову.

— Ростислав Александрович...

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил капитан.

— Нет... То есть да... Не нравится мне эта поездка. Если со мной что-то случится...

— Да что это вам в голову взбрело? — возмутился Арцеулов.

— В Париже есть еще один человек, знающий о «Мономахе». Он может помочь. Фамилия вам знакома — Богораз. Аскольд Феоктистович Богораз, генерал-лейтенант, отец Семена. Точного адреса не знаю, он живет где-то на Монпарнасе...

— Наталья Федоровна, да что может случиться? — Капитан всерьез забеспокоился.

— Не знаю. Наш семейный врач обязательно сослался бы на девичьи нервы. Моя покойная матушка решила бы, что это от моей беспутной жизни среди одичавших мужчин, а Семен Аскольдович просто поглумился бы. Впрочем, один факт заинтересовал бы даже его...

Наташа затянулась и резким движением затушила папиросу, бросив окуроч в очаг.

— Никто, понимаете, Ростислав Александрович, никто и ни при каких обстоятельствах не имеет права разглашать название проекта «Владимир Мономах»! И если дядя в телеграмме позволяет себе намек на «Владимира» — тут что-то не так... В общем, если бы телеграмма была не от дяди, я бы скорее всего осталась с вами и вытащила бы моего Косухина на бал к губернатору...

Внезапно она засмеялась:

— Ну вот, болтаю о всякой пинкертоновщине!.. Знаете, Ростислав Александрович, вы у нас вроде старшего в семье...

Арцеулов даже и не думал обижаться. Он вдруг понял, что где-то так оно и есть.

— Вчера мистер Валуженич сделал мне предложение — руки, сердца и прав гражданки Северо-Американских Соединенных Штатов. Мы были в Агре, как раз выходили из Тадж-Махала, Тэд что-то излагал о той бедной даме, ради которой гробница и была выстроена... В общем, со стороны все это выглядело достаточно inferнально, вполне в стиле наших похождений...

— Что мне сказать? — растерялся Ростислав. — Разве что спросить о месье Гастоне?

— О Гастоне? — Берг искренне удивилась. — Ах да, конечно. Знаете, когда Гастон мне делал предложение, то не преминул заметить, что для него наука всегда останется на первом месте и что он из семьи с устоявшимися традициями, которые я должна буду соблюдать. Впрочем, он неплохой человек...

— Но в Сибирь с вами не поехал, — хмыкнул Арцеулов.

— Не поехал. Хотя я надеялась... Впрочем, я не о Гастоне...

— Вы ждали другого предложения? — не сдержался Ростислав и ненароком поглядел на мирно дремлющего Степу. Берг перехватила его взгляд и покачала головой:

— Не ждала. К сожалению. Правда, я слабо представляю себя в роли комиссарши. Придется носить кожаную куртку, «маузер» и ругаться как извозчик. Даже для меня это перебор...

Наутро прощались. Арцеулов и Степа проводили уезжающих на маленькую аккуратную железнодорожную станцию. Тэд был весел, заставил Степу в десятый раз повторить свой париж-

ский и — на всякий случай — американский адреса. Арцеулов же рассказал, как найти в Англии, точнее — в Шотландии, его почтенного батюшку, работавшего в знаменитом Абердинском университете по приглашению своего коллеги и друга Вильяма Рамзея.

Наташа молчала и старалась улыбаться. Степе она пожала руку, а Ростислава на прощание обняла и чмокнула в щеку.

Поезд тронулся. Капитан и красный командир еще долго стояли на опустевшем перроне...

Несколько дней их никто не беспокоил. Лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз укатил куда-то в глушь, где в одной из деревень произошло ритуальное убийство. Из Дели новостей не было. Лишь однажды пришла телеграмма из Бомбея — Наташа и Тэд сообщали, что благополучно добрались до порта и через час отплывают.

Однажды утром Арцеулов пролистывал купленную им накануне газету и внезапно охнул. Степа вопросительно взглянул:

— Ты чего?

— Сволочи... — негромко произнес Арцеулов. — Господи, какие сволочи!

Он бросил газету и нервно закурил. Косухин с недоумением глядел на разволновавшегося беляка.

— Они... ваши... расстреляли Верховного. Без суда! Этот ваш Чудов... Знал бы — порешил бы его еще тогда!

— Колчака разменяли? — вскинулся Степа. — Ну так, чердынь-калуга, чего еще с ним делать было? Ты, беляк, хоть знаешь, чего ваши творили в Сибири? Знаешь? Небось, когда всю Центросибирь в олекминской тайге порубали, о суде не думали. И когда в Куломзине стреляли каждого десятого! А как целыми уездами пороли? Да твои беляки — зверье, бешеные псы, похуже всяких оборотней. На вас крови — броненосцы пускать можно, поплывут!

— Я воевал, — сдерживаясь, ответил капитан. — И, между прочим, защищал народ от ваших Венцлавов, Анубисов и прочей нечисти...

— Защищал? — искренне возмущился Косухин. — А ты народ спросил? Знаешь, как народ к вашей белой кости относится? Ты бы Маркса лучше почитал, Ростислав. Или товарища Ленина. Это называется классовая борьба...

— Я читал Маркса, Степан. И, наверно, побольше вашего. Интересовался по молодости лет. Но скажите от себя — не от этого бухгалтера, — зачем вам нужна эта война?

— То есть? — не понял Косухин. — Мы защищаем, чердынь-калуга, завоевания пролетарской революции от таких, как ты, недобитков! Мы для чего власть в России брали, а? Потому что

Вильгельм приказал? Или погулять решили, чердынъ-калуга, как Стенька Разин?

Арцеулов усмехнулся. Он вполне допускал оба эти варианта.

— Не улыбаясь, беляк! — отрезал Степа. — Власть мы брали для построения всемирной Коммунии! И Россия только плацдарм, понял? А плацдарм нужно чистить и укреплять. РСФСР должна стать крепостью — кто не с нами, тот против нас!

Арцеулов внезапно задумался. «Кто не с нами...»

— Вот что я вам скажу, господин красный командир. Кому-то здорово надо отвлечь внимание. А лучший отвлекающий фактор — это война. Ваши же пропагандисты, помните, трезвонили, что Государь начал в 14-м войну, чтобы отвлечь народ от всякой там классовой борьбы?

— А ты, я вижу, совсем марксистом заделался. — Косухину стало весело. — Да посуди, интеллигент, от чего нам народ отвлекать?

— От тех, кто пришел к власти, — внезапно даже для самого себя проговорил Ростислав. — От ваших Венцлавов, Анубисов, прочей нечисти — и от тех, кто повыше.

Косухин хотел возмутиться, но вспомнил холодное желтое лицо товарища Гольдина — того, второго, с мягким медовым голосом.

— Война все спишет — тех же славных бойцов 305-го. В мирное время на них обратили бы внимание, правда? И заодно перебьют всех, кто поумнее по обе линии фронта. А уцелевшие будут строить не всемирную Коммунию, а то, что задумано на самом деле. Задумано — да от вас скрыто!

— Во даешь! — восхитился Степа. — И кто ж они, эти придумщики? Может, лешие с домовыми?

— Перед самой войной я купил книжку, — усмехнулся в ответ Ростислав. — Автор — какой-то Богданов. Этаким российский Уэллс! Сей Богданов пишет, что революционеры планеты Земля тесно связаны со своими коллегами на Марсе. И, стало быть, помогают друг другу...

— Смеяться можно? — Косухин вздохнул. — Не какой-то Богданов, а Александр Александрович, старый партиец, большевик. Книжка «Красная Звезда» называется, написана для пропаганды идей революции среди молодежи. Читал я ее — ничего, интересная.

— Не нравится марсианская версия? Мне тоже. Есть такой принцип — «скальпель Оккама». Он гласит, что наиболее вероятное объяснение — самое простое. Поэтому все ваши тайны здесь, на земле. И, похоже, вы сами уже увидели кое-что в Шеккар-Гомпе!

На этот раз Степа помедлил с ответом.

Весь следующий день Арцеулов был молчалив, вяло реагируя на попытки Косухина завязать разговор. Степа решил, что перегнул в споре палку и обидел беляка-интеллигента. Он хотел обидеться в ответ, но как-то не выходило. Ссориться с белым гадом совершенно не хотелось — и эта мысль его окончательно расстроила.

Вечером Арцеулов неожиданно предложил выпить. Степа не стал возражать, и они распили бутылку гадкого местного пойла, закусывая холодным вареным рисом. После второй кружки Косухин, сломав большевистскую гордость, попытался объясниться, но Ростислав не поддержал разговор.

Косухин ошибался. Капитан и не думал обижаться на его эскапады. Просто этот день — обычный февральский денек — был для Ростислава особенным. Ему исполнилось двадцать пять — возраст, до которого он совсем недавно и не надеялся дотянуть. А если и надеялся, то думал, что встретит юбилей где-нибудь в окопах за Байкалом, на таежной тропе или в подвале «чеки». Все, что угодно, кроме этого: Индия, забытый Богом городишко с обезьянками на пыльных улицах и нахальный краснопузый, с которым приходится делить крышу. Косухину он ничего не сказал, сам не понимая, почему. Может, не хотелось выслушивать поздравления от имени Реввоенсовета с обещанием при первом же случае подарить собрание сочинений Бронштейна. А может, просто настроение было неподходящим — юбилей не радовал. Позади — фронт, впереди — тоже фронт, где придется выводить в расход таких же вот твердокаменных, как краснопузый Степа, с которым его кто-то умело развел по две стороны пропасти, расколовшей Россию...

А наутро их вызвали в полицейский участок. Всемогущий хозяин Морадабада — лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз вернулся, причем вернулся не один.

ГЛАВА 11

ИНГВАР

В полицейском участке и Косухин, и Арцеулов вновь смогли полюбоваться портретом короля Георга. Встретивший их Джонс-Джойс-Джоунз был суров и озабочен, тут же пожаловавшись, что ему достался не округ, а болото с гадюками, с которыми все же легче найти общий язык, чем с индусами. Но слушали его вполуха. Косухин — оттого, что не понимал по-английски, капитана же заинтересовал человек, сидевший в кабинете. С первого взгляда было ясно, что он не имеет никакого отношения к полиции Его Величества. Не англичанин, не индус —

сильный, широкоплечий, с небольшой русой бородой, в которой поблескивали серебряные пряди, одетый по-дорожному, как одеваются богатые путешественники. Его ничуть не смущало пребывание в этих стенах. Напротив, он с явным интересом разглядывал многочисленные инструкции, облепившие стены, портреты разыскиваемых, время от времени бросая взгляд то на Косухина, то на капитана. В больших голубых глазах светилось любопытство и, как показалось Арцеулову, сочувствие.

Наконец лейтенант соизволил перейти к делу. Оказалось, что по ходу расследования Джонсу-Джойсу-Джоунзу пришлось завернуть в Дели, в департамент внутренних дел Англо-Индийской империи, где он встретил господина, который как раз собирался в Морадабад. Господин Ингвар оказался не только соотечественником его подопечных и известным во всем мире художником, но и ученым, большим знатоком Индии, обещавшим помочь лейтенанту в расследовании.

— Ингвар Николай Константинович. — Голос художника был глуховатым, но сильным, а пожатие широкой кисти — весьма ощутимым. — Извините, несколько задержался, господа. Ваше дело потребовало встречи с вице-королем, а потом господин Джоунз попросил меня заехать в одну из деревень...

Они вышли из участка, оставив лейтенанта писать отчет. Как пояснил господин Ингвар, лейтенанту Джоунзу (того звали именно Джоунз, а не Джонс или Джойс) придется с этим делом повозиться.

— Меня почему-то принимают за знатока Индии, — негромко рассказывал художник. — Англичане — странные люди. Иностранцев не любят и даже не очень уважают, но одновременно считают, что в их отечестве нет настоящих специалистов и таковых следует звать из-за кордона. Все равно, будь это врачи, композиторы — или знатоки Индии. Меня местные власти причисляют к последним. Но нет худа без добра — благодаря этому сам вице-король охотно выслушал мою просьбу, и мне теперь легче выступать в роли ходатая...

— Спасибо, — искренне поблагодарил Арцеулов. — Свалились мы на вашу голову!..

— Отнюдь, — усмехнулся Ингвар. — Не буду упоминать разные вечные истины о помощи ближним, ибо они сейчас не в чести, но я художник. А художнику просто необходимо знакомиться с новыми людьми. Признаться, ваше появление в Индии на борту аэростата уже становится настоящей легендой. Лет через двадцать о вас будут говорить как о каких-нибудь посланцах Гэсэр-хана...

— А-а... — растерялся Степа, но поспешно прикусил язык. Арцеулов между тем поспешил перевести разговор на другую

тему, поинтересовавшись, чего желает от художника мистер Джоунз.

— Это как раз к вопросу об иностранцах. В Дели почему-то посчитали, что мои скромные знания об индийских обычаях и культах могут пригодиться в расследовании. Речь идет о поклонниках богини Кали...

— А это кто такая? — осмелился поинтересоваться Косухин.

— Может, вначале поговорим о ваших делах? — улыбнулся художник. — Это интереснее, чем ритуальные убийства и прочий мрак.

Между тем они добрались до скромного жилища, где коротали свои дни пленники.

— Вижу, вы не очень бедствуете, господа, — заметил художник. — Редкий случай для русских эмигрантов. Так вот, о ваших делах... Вопрос оказался сложнее, чем я думал. К визитам иностранных военных англичане относятся с опаской, к тому же вы появились весьма оригинальным способом. Но не это главное...

Он помолчал, затянулся папиросой и продолжил:

— К счастью, за шпионов вас не принимают, а это уже немало. Но в Дели почему-то уверены, что вы знаете какой-то важный секрет. Я беседовал с одним офицером — капитаном Фиц-Роем. Вы его, кажется, знаете?

— Который из контрразведки? — не удержался Степа.

— Который. Он мне сказал прямо, что в интересах Британии задержать вас подольше, а еще лучше — перевести в метрополию. На мои замечания по поводу вашей невинности сей господин процитировал Петра Великого о том, что нужда — выше добродетели.

Арцеулов и Степа переглянулись. Ингвар вызывал доверие, к тому же он имел право знать, кому помогает.

— Хорошо, — кивнул Ростислав. — Мы вам расскажем то, о чем не сообщил мистер Валюженич. Прежде всего нам, пожалуй, придется представиться заново.

Он выжидательно поглядел на Степу. Тот кивнул — быть белым поручиком уже успело надоест.

— Я действительно капитан Арцеулов. А вот господин Косухин...

— Косухин Степан Иванович, — бодро продолжил Степа. — Красный командир, представитель Сиббюро ЦК РКП(б) по Иркутской губернии. Большевик...

Последнее слово он произнес неуверенно. Все-таки Николай Константинович был явным интеллигентом. Но Ингвар лишь улыбнулся:

— Очень приятно! Знаете, в первый раз встречаю настоящего большевика. Смута застала меня уже за границей. Могу лишь

выразить некоторое удивление таким бело-красным десантом на Индостане.

Арцеулов хмыкнул и тут же посерьезнел. Предстояло вновь, в очередной раз пересказать их странную историю. На этот раз он решил говорить обо всем.

...Художник слушал, не прерывая, лишь время от времени что-то черкал в большом блокноте. Сначала рассказывал капитан, но затем включился Косухин, которому в первый раз захотелось поведать о своих злоключениях в Шекар-Гомпе. Ингвар отложил блокнот, большие кисти сжали трость, губы искривила невеселая гримаса.

— Шекар-Гомп, — повторил он, когда выговорившийся Степа умолк. — Страж Раны... Об этом монастыре ходили слухи самые разные. Говорили, что Цронцангамбо и его монахи убиты разбойниками... Неудивительно, что мистер Фиц-Рой так вами заинтересовался. Вы ему ничего не рассказывали?

Капитан в двух словах пояснил, что именно они сообщили англичанину.

— Да, об этом лучше молчать. Я бы вам советовал, господин Косухин, не возвращаться в РСФСР. Едва ли о вас забудут так быстро...

Степа не отреагировал на подобное провокационное заявление. Прятаться по всяким Индиям да Франциям он не собирався.

— Я должен подумать, — сказал наконец художник. — Единственное, что я вспомнил, — это предание о рубине «Голова Слона». Вы пересказали его верно. Могу лишь добавить, что я слышал о настоятеле Шекар-Гомпа Цонхава. Именно Цонхава убедил далай-ламу не трогать «Голову Слона» и навеки оставить ее замурованной в подземелье монастыря. Правда, тот Цонхава жил в XVII веке...

Арцеулов и Степа переглянулись.

— Ну, а с вами так... Я договорился, что вы можете покинуть Морадабад и переехать в Дели...

Ростислав и Косухин вновь переглянулись, но на этот раз весьма удовлетворенно.

— ...Под мое честное слово. Там будет не так скучно. Госпожа Берг и мистер Валуженич будут связываться с вами через меня — по моему делийскому адресу. Посмотрите Дели — вы ведь там еще не бывали?

— Да где уж нам! — согласился Косухин. — Спасибо, Николай Константинович, эта... выручили!

— Пока еще нет, — покачал головой художник. — Меня очень просили помочь местным властям в деле с поклонниками Кали. Хотя, признаться, не представляю чем. Тут скорее нужен Пинкертон, чем специалист по культам.

Степа не удержался и вновь попросил художника рассказать о загадочной богине Кали. Тот покачал головой:

— После всего, что вам довелось пережить, молодой человек, сия история не произведет на вас особого впечатления. Кали — жена бога Шивы. Выглядит достаточно зловеще: черная, о четырех руках, в каждой — то нож, то отрубленная голова, вокруг шеи — ожерелье из черепов...

— Страшилки! — пренебрежительно заметил реалист Степа.

— Страшилки, конечно. К сожалению, с этой абсолютной вымышленной дамой связаны вполне реальные злодеяния...

— Я что-то читал, — перебил капитан. — Поклонники Кали — туги, кажется — организовали ритуальные убийства...

— Да. От их рук погибли, судя по всему, сотни тысяч индусов. Может, и больше — жертвы исчезали, и находили их редко. Англичане борются с этим злом уже больше века, причем довольно успешно. Но в последние годы среди поклонников Кали распространяется слух, что приближается Ночь Брахмы...

Сообразив, что его собеседники не столь знакомы с индийской мифологией, Ингвар пояснил:

— У индусов есть свое учение о конце света, довольно своеобразное. Он у них наступает после долгой эпохи — кальпы. Сама эпоха — это День Брахмы, а безвременье, которое следует за нею, — Ночь. Подсчеты велись издавна, и могу с явным оптимизмом констатировать, что ближайший конец света не близок...

Степа ухмыльнулся. Поповским рассказам он не верил. Арцеулов же слушал с немалым интересом — среди его довоенных знакомых немало говорилось об индийских тайнах, о необычных открытиях госпожи Блаватской и о Свете, который придет с Востока.

— Недавно среди поклонников Кали пошли слухи, будто подсчеты неверны и ближайшая Ночь Брахмы настанет не через энное количество тысяч лет, как ожидалось, а буквально на днях. И это будет не просто очередная смена Дня и Ночи, а так называемая Махапралая — Великое Уничтожение мира. Будто его предвестники уже действуют на Тибете, в Непале и, между прочим, у нас в России. В этой связи поминают и Шекар-Гомп — он ведь считался именно Стражем... Ну-с, а богиня Кали как раз и обязана по долгу своей службы готовить мир к гибели — окутывать тьмой, наводить ужас и так далее. А значит, и господа туги активизировались... Все это я уже поведал господину Джонунзу, но сей достойный представитель британской короны желает моей конкретной помощи. А вот тут я, как говорится, пас...

— А чего ему надо? — удивился Степа. — Он же, чердынь-калуга, полицейский, пусть и ловит этих... тугов.

— Он их ловит. Как раз вчера задержал одного весьма подо-

зрительного типа — судя по всему, руководителя всех тугов делийской провинции. Этакое местного Распутина. Если бы он признался...

— Ну, это не проблема! — неожиданно для самого себя заметил Арцеулов.

— Точно, — поддержал его Степа. — Будь я на фронте, чердынь-калуга!..

— Господа, господа! — покачал головой художник. — Вы, к счастью, не на фронте. Здесь британские законы, презумпция невиновности и «Habeas Corpus Act». Вы можете лишь вежливо допрашивать мерзавца, даже зная, что он лично убил во славу Кали несколько сот человек...

— Во гад! — бурно отреагировал Косухин.

— Если желаете, завтра я попрошу лейтенанта продемонстрировать вам этого господина. Зовут его Рам Сингх. Полюбуетесь, хотя ничего приятного не обещаю...

На прощание Ингвар подарил Степе и Арцеулову их портреты — вернее, небольшие карандашные наброски, которые успел сделать во время разговора. Рука у художника была твердой и точной — Арцеулов лишь покачал головой, а горячий Степа был в полном восторге, втайне мечтая лишь о том, что сможет в ближайшее время показать портрет брату, товарищам по партизанскому отряду — и Наташе.

Наутро посыльный вызвал Арцеулова и Степу в участок, где намечался допрос задержанного. Ростислав шел без особой охоты — убийц в этой жизни он уже успел навидаться. Степе тоже было противно, но он испытывал странное любопытство. Слова Ингвара о Распутине его задели, и Косухин ожидал увидеть нечто грозное и страшное, непременно с огромной черной бородищей и горящими глазами.

Его ждало разочарование. Арестованный оказался низеньким худеньким человечком, действительно с бородой, но не черной, а какой-то пегой, с подслеповатыми бегающими глазками и несколько перекошенным ртом. Вид у господина Рам Сингха был действительно вполне уголовным, но, с точки зрения Степы, поклонник Кали не тянул больше чем на мелкого карманника.

— Вот-с, господа, полюбуйтесь, — предложил Ингвар, когда завершились взаимные приветствия, — мистер Рам Сингх уверяет, что он обыкновенный возчик, развозит товар в лавки и ни о какой богине Кали не знает...

Арестованный, услышав свое имя, закивал головой и стал что-то быстро говорить на хинди. Капитан поглядел на ободранного недомерка и усомнился — все-таки тайный жрец Кали дол-

жен хоть чем-то выделяться среди тысяч оборванцев. И вдруг Ростислав заметил взгляд — быстрый, испуганный, брошенный Рам Сингхом на кого-то — на кого именно, капитан вначале не понял. Он присмотрелся, заметив странную особенность — губы индуса продолжали шевелиться, но глаза жили своей жизнью. Новый взгляд — злой, ненавидящий, и на этот раз Арцеулов понял, на кого смотрит индус. Понял — и поразился. Рам Сингх, тайный убийца и вождь убийц, смотрел на красного командира Степана Косухина.

Сам Степа нимало не подозревал об этом, слушая пояснения господина Ингвара, переведившего рассказ лейтенанта. Рам Сингх был давно на подозрении у полиции. После его приезда в том или ином селе исчезали люди, но недавно его поймали «на горячем» — в соседней деревне пропал сын старосты. В ночь его исчезновения Рам Сингх видели возле дома, где жил юноша.

...Теперь уже Арцеулов не сомневался — туг смертельно испуган, но боится не полиции, а именно Степы. Это было более чем странно, и капитан решил попробовать то, чему учил его Цонхава.

«Слушай внимательно, — приказал он себе. — Слушай...»

Вначале быстрая, почти бессвязная речь индуса казалась тарбарщиной, но внезапно стали понятны отдельные, пока неясные слова:

— Бедный... дети... целый день... за что, господа...

Догадаться было нетрудно — Рам Сингх жаловался на нищету и просил «господ», то есть, конечно, «сахибов», отпустить его подобру-поздорову...

— За что, господа, за что? Рам Сингх — бедный извозчик из честной семьи! Мои предки чтили Шиву, чтили Вишну, мы знать не знали никакой Кали...

Но глаза — подслеповатые глаза Рам Сингха — со страхом и ненавистью смотрели на Степу. И Ростислав решил рискнуть.

— Косухин!

Степа недоуменно оглянулся. Уж слишком голос капитана был резок.

— Степа, делайте то, что я скажу. Вопросы потом, хорошо? Косухин весьма удивился, но решил не спорить.

— Посмотрите этому типу в глаза!

Степа подчинился и тут же похолодел — настолько взгляд индуса был страшен. Рам Сингх отшатнулся, худая рука дернулась, закрывая лицо.

— Не отводите взгляд! — продолжал Арцеулов. — Теперь — шаг вперед, медленно! Еще шаг!

И Рам Сингх не выдержал. Комнату прорезал хриплый крик:

— Калима-а! Калима-а! Калима-а-а!

Все оцепенели от неожиданности. Рам Сингх продолжал

кричать, и его голос четко отпечатывался в сознании Арцеулова, словно кто-то невидимый давал точный синхронный перевод:

— Калима-а! Будь ты проклят, Северный Демон! Возвращайся в свои горы, где светит Рубин Смерти! Уходи — здесь ты не хозяин! Здесь хозяин я — Рам Сингх, великий жрец Кали и ее раб!..

Пораженный и ничего не понимающий Степа пожал плечами и отошёл в сторону, подальше от греха. Рам Сингх, упав на пол, забился в корчах, повторяя «Калима-а!» и проклиная неведомого Северного Демона, пришедшего к нему в образе красного командира. Лейтенант позвал на помощь. Трое усарых полицейских принялись приводить арестованного в чувство.

— ...Поразительно, — бормотал Ингвар, когда они втроем покидали участок, — почему-то он принял вас, Степан Иванович, за демона. Я не очень понял — он говорил так быстро...

Вечером Ингвар побывал у лейтенанта Джоунза и узнал новости. Рам Сингх во всем признался и лишь просил оградить его, верного слугу Кали, от страшного Северного Демона, на лице которого запечатлелся отблеск Рубина Смерти...

— Помните, вы рассказывали о «Голове Слона»? — добавил художник. — Наверное, это излучение оставило след и Рам Сингх сумел его заметить... Так или иначе, лейтенант весьма доволен, и, думаю, мы с вами завтра же сможем уехать в Дели. Боюсь, после этого случая меня окончательно признают экспертом по религиозным вопросам...

Перед сном, когда нехитрый скарб путешественников был уже собран, Степа долго о чем-то думал, а затем нерешительно обратился к капитану:

— Слышь, Ростислав, ты это... Чего этот Сингх на меня взъелся? У меня же — лицо такое?..

— Да, не повезло вам, Степан, — мрачным тоном отвечивал Арцеулов. — Скоро третий глаз прорежется, а там и рога вырастут. Будете знать, как в большевиках ходить!

— Да иди ты! Я с ним по-серьезному...

Степа уже немало наслушался по своему адресу от несознательных граждан РСФСР. На «разбойника», «душегуба» и «немецкого агента» Косухин научился реагировать правильно, но демоном его покуда никто не величал. И вот на тебе — причем не где-нибудь, а в Индии, в стране, на которую партия возлагает особые надежды в деле построения мировой Коммунии!

«Мучайся, мучайся, краснопузый», — злорадно думал Ростислав. Конечно, на Степином лбу третий глаз пока не прорезывался, но капитан был вполне согласен с Ингваром. Излучение

«Головы Слона» не прошло бесследно, и жрец Кали каким-то образом сумел его почувствовать...

Наутро Николай Константинович зашел к ним уже с дорожным баулом — он собирался на станцию, чтобы вместе со своими подопечными ехать в Дели. До поезда оставалось еще больше двух часов. Можно было не спеша перекурить и побеседовать. Ингвар, не бывший в России уже несколько лет, был не прочь расспросить Степа и Арцеулова, чтобы узнать новости сразу из двух источников — «красного» и «белого».

Косухин, почувствовав себя в привычной роли, принялся разъяснять заблудившемуся вдали от родины интеллигенту смысл коммунистических преобразований. Специально для Николая Константиновича он припомнил читанное в «Правде» как раз перед поездкой в Сибирь — о создании под эгидой оплота революционной культуры Пролеткульта особых школ по обязательному обучению юных пролетариев живописи и скульптуре, а также об организации в каждой дивизии кружков по изучению сольфеджио. Слово «сольфеджио» Степа выучил крепко, чтобы в дальнейшем использовать для агитации.

Ингвар был действительно сражен и лишь растерянно переспросил, всех ли юных пролетариев будут учить живописи. Получив категорический ответ: «Всех!», он только развел руками. Вдогон Степа рассказал о строительстве петроградского крематория, где будет наглядно продемонстрирован большевистский подход к культуре захоронения. Теперь окончивших свой трудовой путь пролетариев можно будет утилизировать в двадцать пять раз быстрее, чем прежде. Цифру «25» Степа также выучил для последующей агитации, и она произвела должный эффект.

Крематорий стал последней каплей. Ингвар откровенно признался, что отстал от быстро мчащейся вперед жизни. Косухину оставалось лишь успокоить растерявшегося перед величием Революции интеллигента, указав на новые горизонты, открывшиеся в нынешнее время для художников — пролетариев кисти: оформление массовых празднеств и «Окон РОСТА».

Ингвар вновь развел руками, признавая свою отсталость в данном важном вопросе, но Арцеулов, наблюдавший эту сцену со стороны, не мог не заметить усмешки, промелькнувшей на лице художника. Она не была злой — Ингвару определенно нравился молодой комиссар, агитировавший его на создание пропагандистских лубков на тему разгрома Колчака или экономии керосина.

— Да-с, — подытожил Ингвар. — Признаюсь, господин Косухин, в последние годы я впал в явный, выражаясь современным языком, уклон. Все, знаете, Индия или Тибет, предания здешних...

— ...мракобесов, — подсказал Степа.

— И иные недостаточно идейно выраженные занятия...

Он протянул небольшой портретик Степы, который успел набросать между делом. Красный командир Косухин был изображен отчего-то в гусарском кивере и с кинжалом в зубах. Все синяки и царапины на Степиной физиономии были зафиксированы с величайшей точностью.

— Спасибо, Николай Константинович! — Косухин и не думал обижаться. — Вы эта... прямо как наши товарищи из РОСТА... Ну чисто Каледин вышел!

Ингвар поклонился, пообещав по возвращении в Россию немедленно записаться в загадочное РОСТА. Между тем Арцеулов, укладывавший то немного, что еще осталось из их имущества, внезапно наткнулся на вещь, о которой уже начал забывать.

— Господин Ингвар, — обратился он к художнику, — я рассказывал вам об этом. Взгляните...

И он протянул собеседнику эвэр-бурэ — подарок командира Джора. Художник осторожно взял рог в руки и поднес к свету.

— Господин Валуженич говорил, что это точная копия рога Гэсэра, — наконец проговорил он. — Признаться, не уверен. В разных источниках я видел изображения трех типов этого рога. К тому же ваш выглядит как-то очень ново. Впрочем...

Он достал блокнот и стал быстро рисовать. Глаза прищурились, карандаш летал, словно наделенный своей отдельной жизнью. Рог на бумаге, как успел заметить любопытный Степа, получался как настоящий, даже с тенью.

— Постараюсь где-нибудь использовать. — Ингвар тщательно сравнил рисунок с оригиналом. — Вам, господа, перешлю вашу часть гонорара, ежели, конечно, найдется покупатель на всю эту мистику... В Дели я покажу вам портрет Гэсэра...

— Ух ты!.. — только и мог вымолвить Косухин.

— Не портрет, конечно, — рассмеялся оговорке Ингвар. — Просто картина. Я попытался изобразить Гэсэр-хана, каким его описывают легенды, — на белом коне, с луком в руках, в тот момент, когда он прицеливается во врага...

Арцеулов вспомнил: командир Джор, рука, оттягивающая тетиву, — и черная тень, дышащая могильным холодом...

— Я бы хотел у вас спросить, господин Ингвар, — начал он, неуверенно глядя на художника, наносившего последние черточки на рисунок. — Как вы можете объяснить то, что с нами произошло?

— Вы имеете в виду революцию? — резко бросил Ингвар.

— Наверное, и это тоже. Но прежде всего то, что мы видели... Ведь такого не может — не должно — быть! Нечисть, нежить, Шекар-Гомп, Венцлавы, Анубисы...

— Вы обратились не по адресу, — вздохнул Ингвар. — Я — художник, который увлекся Востоком, начитался легенд — и не больше. Ваш коллега, уверен, объяснит вам куда быстрее и доходчивее.

— А то! — не удержался Степа. — Ты, Ростислав, как был беляк, так беляком и остался. Нечего Революцию путать со всякой мерзостью!

— Все-таки мерзостью? — ненароком переспросил Ингвар.

— Да! — рубанул Косухин. — Мерзостью, это точно! Я себе так вижу — какие-то гады примазались к нашему большевистскому делу и заговор готовят. А в Шекар-Гомпе их самое кубло! Да еще интеллигентов научных собрали!..

— Ох уж эти интеллигенты! — согласился Ингвар.

— Ну, а все-таки, Николай Константинович... — настаивал капитан.

— Я не политик, не историк и даже не специалист по марксизму и этому, прости Господи, историческому материализму. Могу рассказать одно предание, как раз тибетское. Сейчас все это становится модным...

— Блаватская, — вспомнил Арцеулов.

— Ну, госпожа Блаватская — явление относительно безвредное. Нынче пошли другие, покруче, ищут на Востоке чуть ли не марсиан. Ничего не поделаешь — мода... А это предание — настоящее и довольно редкое. Мне рассказали его в одном монастыре неподалеку от Лхассы... Ну-с, постараюсь быть ближе к тексту...

Ингвар помолчал, затем вновь заговорил — неспешно, нараспев, негромким глуховатым голосом:

— Наш мир — это шатер с восемью шестью, полог которого образует Небо. Небосвод вращается вокруг великой горы Кайлас, которая пронизывает мир снизу доверху — от преисподней, где скрываются духи ада, через мир людей до небес, где обитают боги-хранители Лха. Их много, и не всем им есть дело до мира людей. Но Великий Лха, Отец Бытия, пожалел нас и послал своих сыновей, чтобы они охраняли людей и помогали в бедах. Их пришло четверо, сыновей Великого Лха: Лха Белых Небес, Лха Живого Света, Лха Внутреннего Покоя, но самым могучим был Лха Старший Брат, имени которого время не сохранило.

Отец Бытия, посылая их на землю, велел не вмешиваться в людские распри. Люди должны сами определять свою судьбу — хорошо ли, плохо ли, но сами, без подсказки и приказа. Лха обязаны были следить за тем, чтобы угроза из Внешнего мира, находящегося за пределами Шатра с восемью шестью, не изменила привычной жизни и чтобы поддерживалось в нерушимости

главное равновесие миров — равновесие между Жизнью и Смертью, между живыми и духами-цхун...

Ингвар на минуту замолчал, закрыв глаза, вспоминая слышанное, затем продолжил:

— Сыновья выполняли приказ Отца Бытия. Но шли годы, века, тысячелетия, а люди, предоставленные самим себе, коснели в нищете, злобе и невежестве. И тогда Лха Старший Брат сказал братьям: «Не будем больше ждать, поможем людям!» Братья, помня приказ Отца, не захотели нарушить высшую волю. Опасаясь, что Лха Старший Брат сам нарушит ее, они оградил мир золотой стеной и поставили вдоль этой стены демонов-яки. Лха Старший Брат был бессилен перейти золотую стену, но желание помочь людям оказалось сильнее запрета. Лха был мудр и видел, что люди не поверят ни ему, ни его слугам. Поэтому он решил найти себе помощников в другом мире, мире духов-цхун. Эти неприкаянные души когда-то свободно бродили среди живых, наводя ужас и неся смерть, но много веков назад сын Лха Белого Света Ньятицэнпо, дух-птица, спустился с порога небес и запер двери могил. И вот теперь Лха Старший Брат решился открыть эти двери и, создав войска из духов-цхун, установить среди людей справедливость и мир. Он знал, что многие погибнут в войне и хаосе, но надеялся, что уцелевшие проживут счастливо. И вот запоры отворились, раскрылась дверь в подземное царство Владыки Шинджи, и войско мертвых выступило в поход. Три брата Лха видели беду, но ничем не могли помочь — им было запрещено вмешиваться, и раз они не смогли предотвратить войну, им оставалось лишь наблюдать за нею, по-прежнему карауля золотую стену, чтобы никто не проник в Мир-Шатер из Внешних миров...

— Ничего себе, чердынъ-калуга! — возмутился Степа, не переносивший поповских баек. — Напустил, значит, мертвяков, благодетель!

— Лха Старший Брат хотел помочь людям, — негромко пояснил художник. — Он видел, что живые полны страха и суеверий и сами не способны освободиться. Когда война будет окончена, он надеется опять запереть духов-цхун в их могилах, а пока они нужны ему — ведь мертвые не знают страха и сомнений...

— Где-то я уже подобное слышал, — заметил Арцеулов. — Был некий персонаж, чей-то любимец, который возомнил о себе слишком много, взбунтовался — и был отправлен ко всякой нечисти. Он тоже хотел, как там, Степан? «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...»

— Давай, давай, беляк, — хмуроотреагировал Степа. — Глупись!

— История о Светоносном иная, — возразил Ингвар. — Люцифер восстал против Бога — и поэтому обречен. А тут, господа,

на мой взгляд, совсем другое. Лха — не всемогущие боги. Поэтому никакого предопределения нет. Младшие братья, насколько я понимаю, не могут вмешаться, даже если люди погибнут, не выдержав подобного эксперимента...

— Сказки все это! — решительно заявил Косухин. — Байки! Причем неправильные.

— Там не хватает комиссара? — любопытствовал Арцеулов.

— Это на тебя комиссара не хватает, беляк! — огрызнулся Степа. — А в сказке нескладно выходит. То эти братья мир стерегут, чтобы никто не вмешивался, то, когда братец ихний напустил всякую нечисть, отсиживаются, вроде как я — не я...

— Да, не очень логично, — согласился Николай Константинович. — Но беда в том, что духи-цхун уже действуют среди людей. Это уже людские проблемы, которые они обязаны решать сами...

— А вот это верно! — удовлетворенно констатировал Косухин. — Как бишь в твоей любимой, Ростислав: «Никто не даст нам избавленья»?..

— Добьемся мы освобожденья своею левою ногой, — кивнул капитан. — Бедный Евгений Потье! Писал песню для мирных анархистов — и надо же, к кому попала! Аккурат к духам-цхун...

— Во, понеслась! — скривился Степа. — Вы напрасно, гражданин Ингвар, этому несознательному сказки рассказываете. Теперь он всюду духов видеть будет, на свечки в церквях все деньги истратит. А еще образованный!

— И вы не верите в Его помощь? — Художник с интересом поглядел на развоевавшегося красного командира. — И никогда не просили помочь?

«Еще чего!» — хотел горделиво заявить Степа — и осекся. Это было неправдой — он просил о помощи тогда, когда никто из миллионов людей не смог бы помочь: у могилы Ирмана, в падающем «Муромце» и совсем недавно, когда «комсомолец» Гонжабов вырывал у него сердце. Просил — и... И ему помогали...

— Если и чего... — хмуро начал Косухин, замолк и наконец рубанул: — то от несознательности и темноты, чердынь-калуга! Ниче, скоро пролетариат пообразованнее вашего будет...

— Не спорю, не спорю, — согласился Ингвар. — С победившим пролетариатом дискуссию лучше не вести. Однако же, господа, пора...

Уже уходя, Ростислав невольно оглянулся на неказистый домик. Казалось, жалеть не о чем — их плен в забытом Богом Морадабаде кончался, но что-то мешало уходить отсюда с легким сердцем. Эта лачуга стала первым безопасным пристанищем за многие месяцы, где не грозила смерть, где не надо ночью выставлять караулы и быть ежесекундно готовым вступить в

бой. Кто знает, когда в следующий раз судьба подарит им такое?..

Степа не оглядывался — он спешил вперед, в загадочный Дели — цитадель британского колониализма и одновременно оплот героического индийского пролетариата. О покинутом скромном приюте красный командир не жалел — его жизнь только набирала обороты, впереди была далекая дорога, которую следовало пройти, чтобы вернуться в первую в мире страну победившей Революции и стать плечом к плечу с товарищами по партии. Он спешил и не понимал, чего ждет контуженый беляк у входа в покосившуюся развалюху.

Ингвар стоял молча, никого не торопя. Его спокойные серые глаза, не отрываясь, смотрели на соотечественников, таких разных и в то же время в чем-то очень схожих...

В конце концов Арцеулов, вняв ироничному покашливанию Степы, мысленно сказал: «Прощай» — и, повернувшись, зашагал, не оглядываясь, по пустой в этот час улице. Его ждали нагданное ему теплое зеленое море — и Россия.

ГЛАВА 12

ЖЕЛТЫЙ ПЛАЩ

...Зеленое море Ростислав увидел через два месяца, когда на индийскую землю пришла весна, показавшаяся явившимся с севера странникам настоящим летом. На редких деревьях шумных делийских улиц распускались невиданной красоты соцветия, воздух стал настолько теплым, что пришлось забыть не только о купленных в феврале плащах, но даже о пиджаках. Впереди было лето с его непременно многомесячными дождями, но ни Степе, ни Арцеулову увидеть его не довелось. Страна чудес — древняя и таинственная Индия, она же бесправная колония загнивающего британского империализма, навек осталась для них землей мягкого тепла и яркого весеннего солнца.

Эти месяцы они провели по-разному, хотя жили вместе — в небольшой квартирке, снятой по совету Ингвара в европейской части Дели. Сам художник пробыл в городе недолго, уехав на север, где готовилась его очередная экспедиция в Гималаи. Впрочем, он регулярно присылал телеграммы и пару раз наведывался в город, рассказывая о своих грандиозных планах по изучению неведомой для европейцев горной страны, а заодно о том, как продвигается дело двух русских, занесенных войной в самое сердце Британской Индии.

С последним дело продвигалось трудно. Их не отпускали — вежливо, чисто по-британски, с многочисленными отговорками

и уверениями в наилучших чувствах. Пленников не допрашивали и не пускали по их пятам слежку. Они лишь не должны были — под честное слово — покидать Дели, о чем сумел договориться с британцами Ингвар. Слово это соблюдалось строго. Не только Арцеуловым, который вообще серьезно относился к обещанию русского офицера и дворянина, но и Косухиным, помнившим великую большевистскую истину о том, что мораль — категория классовая. Красный командир не желал подводить политически неразвитого, но такого симпатичного интеллигента, который вдобавок рисует не хуже, а в чем-то даже и лучше, чем художники из любимой Степиной фронтовой газеты «В ружье!».

Картины Ингвара они посмотрели сразу же по приезде, навестив художника в его делийской мастерской. Арцеулов, помнивший работы Николая Константиновича еще по довоенным выставкам, был поражен — он не ожидал такого. На холстах громоздились огромные невиданной высоты горы, у заброшенных храмов расцветали странные раскидистые деревья, молчаливые мудрецы застыли в покое у кромки искрящихся на солнце вечных снегов. А главное — краски, цвета, которые невозможно представить тому, кто не бывал за неровной стеной самых высоких в мире гор.

...Гэсэр-хан оказался совсем не похожим на командира Джора, но Ростислава это нисколько не огорчило. Огромный всадник в остроконечной монгольской шапке натягивал тетиву на фоне кроваво-красного неба. Гэсэр — победитель зла и вечная надежда тех, кто нуждался в защите...

Степа осматривал картины с открытым ртом, даже не замечая этого явно неслидного для представителя Сиббюро обстоятельства. Он то и дело сглатывал слюну, а когда довольный произведенным впечатлением художник поинтересовался его мнением, Косухин чуть было не выговорил то, что давно лезло на язык: «Ну, батя, даешь!», однако спохватился и, впервые назвав Николая Константиновича «товарищем», заявил, что данные картины имеют огромную художественную ценность для победившего пролетариата, а посему для них нужно создать «народный музей» — выражение, очень понравившееся самому Степе, — а «товарищу Ингвару» присвоить, соответственно, звание «народного художника».

Ингвар посмеялся над подобным предложением, хотя и не весело. О музее думать не приходилось, картины шли на продажу. Когда они покидали мастерскую, художник неожиданно предложил Степе и Арцеулову любую работу на выбор как подарок по случаю их странного знакомства. Арцеулов на мгновение даже задохнулся от восторга, сразу же подумав о Гэсэр-хане. Но реальность тут же отрезвила. Он ехал туда, где музам надлежало молчать. Степа реагировал куда спокойнее, обстоятельно разъ-

яснив «товарищу Ингвару», что большевики выступают против частной собственности на произведения искусства. А потому он, Степан Косухин, не имеет права даже думать о владении картиной, место которой исключительно в «народном музее». При этом он взглянул на особо полюбившийся ему горный пейзаж и вздохнул.

Ингвар уехал, взяв с Косухина еще одно обещание — не заниматься политикой. Степа согласился скрепя сердце. Впрочем, в первые дни они просто осматривали огромный город — скученные кварталы Шахджеханабада, многочисленные руины и не менее многочисленные храмы. Юркие мальчишки, поднаторевшие в искусстве гидов, провели их на вершину красного минарета Кутб-Минар, показали Жемчужную мечеть императора Аурангзеба, поводили по закоулкам белокупольной Соборной мечети. Несколько раз Степа и Арцеулов прошлись по роскошно отстроенным кварталам нового Дели и даже пообедали, благо средства позволяли, в знаменитом ресторане «Могол».

Осмотр можно было продолжать еще долго, но Косухин взбунтовался, заявив, что уже сыт памятниками местного мракобесия и монументами колониальной экспансии. Ростиславу пришлось ходить по Дели в одиночестве, но вскоре интерес пропал и у него. Вокруг все было слишком чужим. Арцеулов впервые понял, что ностальгия — это действительно болезнь. Лекарств от этой беды не было. Русская колония в Дели, и без того немногочисленная, за годы войны разъехалась, и даже в здешних библиотеках нельзя было найти русскую книжку. Оставалось читать британские газеты, выискивая среди вороха пестрых новостей короткие сообщения о событиях на далекой родине.

Косухина он видел лишь вечерами, а иногда и раз в несколько суток. Степе было не до ностальгии — он наконец-то нашел себе дело. Миллионный Дели ничем не напоминал замшелый Морадабад, и красный командир с головой окунулся в местную жизнь. Степа ожидал, что найдет здесь если не сплоченную партию индийских большевиков, то хотя бы отчаянных революционеров-бомбистов, готовых положить свои молодые индийские жизни за освобождение родной земли. По большевистскому Степиному разумению, время баррикад в Индии уже наступило. По всему Дели повторяли слово «Амритсар». Это название было на слуху в уличной толпе, красовалось на плакатах, пестрело в газетных заголовках и в неровных строчках листовок. Помог Арцеулов, пересказавший Степе содержание читанных им газетных статей.

...В пенджабском городе Амритсаре доблестный британский генерал О'Дайер расстрелял безоружную демонстрацию, уложив

на мостовую более тысячи человек. Вызванный для отчета в Лондон, он был награжден почетным золотым оружием с бриллиантами...

Арцеулов, и сам не восторгавшийся подобным героизмом, постарался объяснить Косухину, что все не так просто. Газеты писали о провокаторах среди демонстрантов, об угрозе бунта и погромов. Но Степа не хотел слушать, окончательно убедившись, что великие вожди Революции правы. Даже здесь, вдали от бестолковой российской жизни, цивилизованные британцы ведут себя не лучше романовских держиморд! И Степа ждал баррикад.

Но баррикад не было. Сквозь мешанину непонятных слов Косухин улавливал название какого-то Индийского Конгресса, который призывал всех индусов воздерживаться от насилия и протестовать мирно. Люди собирались, шумели — и расходились. В одной из листовок, принесенных Степой после очередного похода по бурлящим улицам, содержалось совершенно бессмысленное предложение — не покупать британских товаров, что, по мысли какого-то Ганди, не иначе местного Федоровича, должно было разом подорвать британский империализм. Впрочем, подумав, Степа отверг подобное сравнение. Вражина Федорович хоть и был из уклонистов уклонист, но все же имел твердую руку и когда бросал бомбу, то редко промахивался. А вот Ганди... Нет, индийский пролетариат и вкупе с ним трудовое крестьянство оказались явно не на высоте! Косухин махнул рукой — и захотел обратно в Россию.

Но вот с этим было трудно. Ингвар, заехавший в Дели в середине марта, лишь развел руками, посоветовав ждать. Трудность была не только в том, чтобы уехать. Ни у Степы, ни у капитана не осталось ни единого клочка бумаги с печатью, а без документов нечего и надеяться на то, чтобы доехать до Европы. Горячий Косухин уже стал подумывать о побеге. Смущало лишь слово, данное художнику. Да и как бежать, было совершенно неясно.

Арцеулов, поразмышляв несколько дней, однажды утром, ничего не сказав Степе, убежавшему послушать уклониста Ганди, надел для пушей солидности пиджак и направился в канцелярию вице-короля. Сам вице-король его, конечно, не принял, да капитан на это и не надеялся. Зато ему достаточно быстро организовали встречу с пожилым весьма респектабельным английским чиновником, который был сед, упитан и покрыт «вечным» колониальным загаром.

Англичанин оказался вполне осведомлен о деле «мистера Арцеулова и мистера Косухина». Он доброжелательно улыбнул-

ся, сообщив, что вопрос решается и когда-нибудь в конце концов, вероятно, будет решен. Капитан сдержался, попросив уточнить, но англичанин лишь развел руками и пояснил, что это все, что он может сказать как официальное лицо.

Намек был понят, и Ростислав поинтересовался, что загорелый толстяк может сообщить неофициально. Англичанин вновь улыбнулся, а затем вполне искренним тоном поинтересовался, куда, собственно, спешить двоим русским? Насколько он, толстяк, осведомлен, они располагают определенными средствами, не бедствуют, а значит, ничего не мешает им пожить несколько месяцев вдали от ставшей такой негостеприимной отчизны.

В этом, конечно, был свой резон. Арцеулов невольно задумался, а толстяк, вновь подчеркнув, что говорит в данный момент как лицо исключительно частное, заметил, что у британских властей тоже есть свой резон. Никто не считает двух российских офицеров, занесенных войной в Индию, шпионами. Более того, британские власти сочувствуют борцам против большевизма, но... Но у всех имеются личные обстоятельства — семьи, служебное положение, будущая пенсия, и никто не желает брать на себя ответственность разрешить «мистеру Арцеулову и мистеру Косухину» покинуть Индию. Мало ли что может решить Лондон? К тому же некоторые служащие (тут капитан вспомнил господина Фиц-Роя) до сих пор уверены, что русские являются носителями некоей чрезвычайно важной информации...

Оставалось поблагодарить за откровенность и откланяться, но что-то задержало Арцеулова. Он еще раз посмотрел на уютно устроившегося в кресле толстяка, олицетворявшего собой ненавистную всем нормальным людям канцелярскую мудрость, и заметил то, на что не обратил внимания прежде. На левой щеке англичанина белел шрам, вместо двух пальцев правой руки, мизинца и безымянного, торчали короткие обрубки, а на зеленом кителе сверкал скромный знак военного ордена. И капитан, с бесцеремонностью фронтовика указав на искаленную кисть, а затем на орден, спросил: «Где?»

Лицо толстяка изменилось, как-то сразу помолодев, стало суровым и жестким. Он коротко бросил: «Кабул» — и капитан вспомнил стихи Киплинга о городе Кабуле на реке Кабул, в которой тонет британский эскадрон, а уцелевшие выхватывают сабли и мчатся в горящий мятежом город...

И Ростислав сказал англичанину то, о чем говорить не собирался. Что он поедет из Индии не в Париж и не в Нью-Йорк, чтобы обжиться на чужой земле и мучаться ностальгией. Он поспешит в Россию. В Крыму, на последнем клочке свободной русской земли, генерал Врангель собирает уцелевших. А ему, капитану Арцеулову, собственно, больше незачем жить на этой

земле, и если искалеченный на афганской войне англичанин — офицер и дворянин, то он должен понять.

Толстяк долго молчал, а затем совершенно спокойным тоном поинтересовался, такого же ли мнения господин Косухин? Арцеулову на миг стало жарко. Да, красный командир Косухин того же мнения — он спешит в Россию, в ряды «рачей и собачей»! Сказать об этом британцу? Степу не расстреляют, но иерусалимский барон Лейба Бронштейн долго не увидит в своем кагале одного из далеко не худших красных командиров.

...Был еще один резон — уже без всяких Бронштейнов. Капитан не верил, что те, кто пытался убить Степу под Иркутском и в Шекар-Гомпе, оставят парня в покое. В красной Рэсэфэсэрии Косухина ничего хорошего не ожидало. Достаточно сейчас, сию минуту, сказать несколько слов — и Степан останется в живых. Британская каталажка — не сахар, но не помрет же он там! Посидит — может, поумнеет...

Да, в этом был резон. Все казалось логичным и правильным, особенно с точки зрения столь уважаемой и ценимой самим же Косухиным «классовой борьбы», но...

Капитан спокойно, даже с достоинством, объяснил англичанину, что его спутник Степан Иванович Косухин не менее его спешит на фронт — и он готов ручаться за это словом дворянина. Арцеулов говорил чистую правду, ибо лишь тюремные решетки удержали бы Степу от желания примкнуть к ордам Лейбы Бронштейна.

Англичанин кивнул, а затем заметил, что бюрократия наряду с очевидными недостатками имеет и определенные преимущества. Например, будь у мистера Арцеулова и у мистера Косухина российские заграничные паспорта, у британских властей не осталось бы формальных оснований не выпускать их за пределы Англо-Индийской империи. И он почти уверен, что им удастся спокойно взять билеты на пароход. Предваряя неизбежный вопрос, толстяк пояснил, что паспорта выдавал российский консул, который вот уже год как покинул Индию. Зато в Бомбее проживает член консульской миссии по фамилии фон Денике, который работает в торговой фирме «Керал Ист». Конечно, этот фон Денике не имеет права выдавать заграничные паспорта. Но у него — совершенно случайно — могут храниться бланки, уже подписанные консулом. И он — тоже совершенно случайно — может уступить их за соответствующую мзду. А чтобы эта мзда оказалась действительно соответствующей, достаточно намекнуть, что за этот год он уже дважды проделал эту операцию. Для таких целей лучше всего нанять юриста — и не англичанина, а индуса...

Капитан слушал, стараясь не пропустить ни слова, и лишь осмелился поинтересоваться, не удивятся ли британские власти,

что он и его спутник получают паспорта, подписанные консулом, давно покинувшим страну. Англичанин пожал плечами, пояснив, что паспорта могли быть выписаны хоть пять лет назад. Чиновников вряд ли заинтересуют подобные мелочи...

Арцеулов попытался благодарить, но толстяк тут же оборвал его, заявив, что не сделал ничего хорошего. Напротив, он совершил грех, помогая двум молодым людям отправиться практически на верную смерть. Взгляд капитана скользнул по его изувеченной кисти, англичанин нахмурился и спрятал руку за спину...

Ростислав не стал тратить время. В самом центре Дели он нашел маленькую юридическую контору, хозяин которой, молодой индийский юрист, только что приехавший из Европы и явно не обремененный клиентами, охотно и даже с некоторым азартом взялся устроить это нехитрое дело.

Пользуясь тем, что оказался в центре города, Ростислав зашел в ювелирную лавку, попросив оценить сапфир — тот, что еще не был продан. Ювелир, худой старик-индус, долго разглядывал камень, назвал цену, оказавшуюся даже выше, чем предполагал капитан, а затем, не выдержав, спросил, откуда этот камень у уважаемого гостя. Конечно, он, ювелир, понимает всю бестактность вопроса, но дело в том, что камень необычный. Сам по себе он очень хорош — цейлонский, сильного и чистого цвета и неплохой огранки, но еще более любопытна его история. Таких сапфиров было сто. Более трехсот лет назад они были специально собраны для того, чтобы один из императоров Моголов мог заплатить выкуп за своего сына, попавшего в плен к северным варварам. Эти сапфиры получили название «Камней Спасения».

Капитан ограничился тем, что сообщил старику часть правды — он привез камень из Тибета. Сапфир же продавать не стал — деньги еще оставались, а кроме того, судьбу последнего камня должен решать не только он, но и краснопузый Степа.

Косухин заявился в их маленькую квартирку поздним вечером возбужденный и несколько помятый. Как оказалось, неугомонный большевик побывал на огромном митинге, собранном Индийским Конгрессом. Народу там была тьма-тьмушая, вдобавок под конец вмешалась полиция, устроив давку, в которой Степе и досталось. Но на подобные мелочи Косухин не обращал внимания. Сегодня он наконец увидел того самого Ганди, о котором столько говорили, называя Махатмой и считая чуть ли не Карлом Марксом. О самом Ганди Степа запомнил лишь, что тот был худ и имел большие оттопыренные уши. Вождь говорил на хинди, и Косухин сообразил лишь, что речь шла о каком-то

«сварадже». Но заинтересовал Степу не «сварадж», а то, как тысячи индусов смотрели на неказистого смуглого человека с бритой головой, одетого в какое-то подобие старого одеяла. Так на его памяти не смотрели ни на кого — ни на товарища Троцкого, ни даже на самого Вождя. И Косухину подумалось, какая польза была бы Революции, призови этот ушастый не к какому-то «свараджу», а к ясному и недвусмысленному вооруженному восстанию.

Арцеулов подивился Степиной кровожадности и окончательно разочаровал его, пояснив, что «сварадж» — это кампания мирного неповиновения, включающая отказ от сотрудничества с англичанами и бойкот иностранных товаров. Косухин вздохнул и понял, что местные большевики, буде они тут все же имеются, явно упускают контроль над народными массами. Расстроило и то, что индийские товарищи сторонились его, вероятно, из-за буржуйских тряпок, которые Степа надел по явному недомыслию. Более того, его пару раз больно пнули, называя почему-то «инглизом». Капитан посочувствовал красному командиру, посоветовав в следующий раз прийти на митинг в одеяле, предварительно обрив голову. Ни о паспорте, ни о камне Ростислав решил пока не говорить. Степа с его мировыми проблемами был слишком далек от подобных житейских мелочей.

Через два дня приехал Ингвар. Художник был весел, возбужден и много рассказывал о подготовке к путешествию в Гималаи. Он привез новый альбом рисунков, и Степа с Ростиславом могли полюбоваться памятными им горами в белых снежных шапках. Арцеулов улучил момент и поведал Николаю Константиновичу о совете толстяка-англичанина. Ингвар, подумав, согласился, что подобное жульничество может оказаться результативнее, чем все его хлопоты.

Среди прочего художник принес им письмо от Валуженича, которое нашел в своей почте, скопившейся за время отсутствия.

...За эти два месяца Ростислав и Степа получили три телеграммы. Первая была из Марселя, подписанная «Наташа и Тэд», в которой сообщалось, что пароход «Дон» благополучно доставил путешественников во Францию. Вторая, подписанная так же, была уже из Парижа. Третью отправил Тэд, сообщивший, что сдал Наташу с рук на руки ее дяде.

И вот наконец письмо. Как только Ингвар, пригласив своих подопечных в ближайшее время зайти к нему поужинать, откланялся, нетерпеливый Степа разорвал конверт и уткнулся носом в исписанные неровным почерком листки. Арцеулов, уверенный, что Валуженич пишет по-английски, терпеливо ждал, когда безграмотный комиссаришка прибегнет к его помощи. Но

Косухин, к величайшему изумлению капитана, дочитал до конца, произнес «гм-м» и передал листки Ростиславу.

Ларчик открывался просто — Валюженич писал по-русски. В первых же строчках Тэд особо оговаривал это обстоятельство, признавшись, что прибегает к помощи словаря, но в дальнейшем обещает не делать и этого. Слог хромал, но понять было можно — даже Степе. Американец сообщал, что встретился с Шарлем Карно, который не мог не изумиться рассказу своего приятеля. Сам Карно, так и не выздоровев окончательно, был вынужден вернуться во Францию, не завершив экспедиции. Оба они получили нагоняй от профессора Робера, который, впрочем, тут же накинулся на привезенные «артефакты». Отец же, Валюженич-старший, ограничился тем, что обозвал сына придурком. Насквозь обруганный, но довольный, Тэд приступил к прерванным занятиям, уже успел заскучать при такой спокойной жизни и звал «мистера Арцеулова и Стива» в Париж.

О Наташе в письме не было ни слова. Арцеулов перечитал его еще раз — Валюженич рассказывал лишь о себе. И это было странно. Ясное дело, Косухин тоже обратил на это внимание, поделившись с Ростиславом несколько успокоившим того сообщением, что, будь у Наташи неприятности, Тэд непременно сообщил бы об этом. Арцеулов вполне с этим согласился, решив про себя, что, вероятно, предложение, сделанное горячим американцем у Тадж-Махала, не нашло отклика — и бедняга Валюженич предпочел промолчать. Но все же в глубине души шевельнулось что-то неприятное. В конце концов Тэд мог просто написать одну фразу, что Наташа жива и здорова... Вспомнился их разговор перед отъездом, и капитан всерьез встревожился. Впрочем, делиться с Косухиным своими опасениями он не стал — здесь, за тысячи верст от Парижа, ничем друзьям не можешь.

Несколько дней прошло для Арцеулова в томительном ожидании. Степе было легче. Красный командир продолжал бегать по митингам, на одном из которых ему феноменально повезло: он встретил пожилого индуса, работавшего несколько лет в России и знавшего русский язык. Косухин воспрянул духом. Новый его знакомый оказался «конгрессистом», то есть типичным буржуазным либералом, зато сообщил, что в Дели имеются несколько молодых людей, читающих давно уже непопулярного и ничего не понимавшего в индийских делах немецкого экономиста Маркса. Большого не требовалось, и уже на следующий день Косухин свел знакомство с худым, интеллигентного вида очкариком, носившим странную для Степиного уха фамилию Ранадиве. Тот действительно читал Маркса, но со всем осталь-

ным вышла осечка. Молодой индус, недавно приехавший из Англии, где он учился в Оксфорде, ни слова не понимал по-русски. Правда, такие понятия, как «Красная Армия», «товарищ Ленин», «коммунизм» и «даешь!» были ясны без перевода, но результат от горячей речи коммуниста Косухина был обескураживающим. Товарищ Ранадиве приложил палец к губам, испуганно оглянулся и произнес также вполне понятное слово «полис». Лишь после больших трудов Степа смог убедить излишне пугливого выпускника Оксфорда познакомить страшного посланца Коминтерна с другими «товарищами».

Встреча с «товарищами» была намечена на вечер следующего дня. Степа составил краткий англо-русский словарь, куда с помощью Арцеулова внес такие совершенно необходимые термины, как «пролетарская революция», «экспроприация экспроприаторов», «всеобщее вооружение трудящихся» и даже «продразверстка». Правда, ехидный Ростислав постарался подобрать наиболее подходящие эквиваленты для подобного людоедского жаргона, переведя «продразверстку» как «грабеж», а «пролетарскую революцию» — как «бунт оборванцев». Наивный Степа, не ведая об очередной белогвардейской провокации, старательно зубрил эти столь необходимые каждому агитатору и столь близкие его сердцу слова...

Уже вечерело, и Косухин начал собираться, когда слышались быстрые шаги и в комнату вошел капитан. Степа взглянул на него с некоторым удивлением — вид у Арцеулова был какой-то особенный. Заметив Степин взгляд, Ростислав усмехнулся и не торопясь достал из внутреннего кармана пиджака пакет из плотной бумаги.

— Можно ехать, — сообщил он, с удовольствием затягиваясь купленной по этому случаю дорогой сигарой. — Паспорта, господин Косухин! Сегодня я зарегистрировал их в канцелярии губернатора...

— Во, чердынь!.. — Степа бросился к столу, схватил пакет и извлек оттуда две книжечки в твердой обложке с обязательными старорежимными орлами.

Арцеулов не без удовольствия поведал историю с оборотистым господином фон Денике, затем достал сапфир и положил его рядом с паспортами, рассказав о подарке старого монаха и добавив, что сей камень принадлежит исключительно краснопузому Степе.

Сапфир буквально добил Косухина. Он оторопело глядел то на возвращавшие им свободу книжечки в твердой обложке, то на переливающийся фиолетовым светом камень.

— Ну ты даешь, Ростислав! — проговорил наконец он. — Чего ж мне раньше не сказал, чердынь-калуга?

— Вы же занимались проблемами свараджа, господин уполномоченный Сиббюро! — хмыкнул довольный произведенным эффектом капитан. — Решил вас не отвлекать...

— Значит, так... — Степа уже успел переварить новость и был готов отдавать распоряжения. — Заказываем билеты из этого, как его, Бомбея. Я узнавал, там пароходов больше всего ходит. Плывем до Марселя, а там в Париж. Пристрою тебя, интеллигента, — и в Ревель...

— Слушаюсь, господин комиссар, — покорно кивнул капитан. — Я уже заказал вам билет — как раз из Бомбея. Пароход «Маргарита» отходит через четыре дня.

— Это хорошо, — милостиво одобрил Косухин. — Годится... И тут до него дошло. Беляк сказал не «билеты», а «билет»!

— Я не еду в Марсель, — спокойно пояснил Арцеулов. — Плыву в тот же день, но на час позже — в Стамбул.

— Вот чердынь!.. — поразился Степа. — Да чего ты в Стамбуле не видел? Там же сейчас война, в этой Турции! Товарищ Кемаль лупит проклятых интервентов...

— Едва ли я встречу с господином Кемалем, — скривился Арцеулов. — Из Стамбула поеду в Варну, а оттуда домой...

— То есть? Ты эта... не спеши, Ростислав. Вот кончится война, будет амнистия, тогда и вернешься. Посиди покуда в Париже да книжки почитай...

— Плевал я на вашу хамскую амнистию! — рубанул капитан. — Я еду в Россию, господин Косухин! Генерал Врангель собирает в Крыму тех, у кого еще остались совесть и честь! Теперь ясно, краснопузый?

И тут только до Степы дошло. Вначале он потерял дар речи, а затем выдохнул: «Сволочь!»

Арцеулов не отреагировал. Почему-то в голосе Степы он почувствовал не ненависть, а что-то совсем другое. А Косухин уже бушевал:

— Ты... ты... гад белый! Что, не навоевался?! Крови мало народной пролил, да? Да я тебя лучше своей рукой положу, беляка! Чего выдумал!

Арцеулов не отвечал, поймав себя на странной мысли, что ничуть на Степу не обижается, как будто этот чумазый парень имеет законное право ругать его словно нашкодившего гимназиста.

— Да там же самое зверье собирается! — продолжал кричать Степа. — Они же гады, убийцы! Мало им крови! Что, не навоевался, интеллигент?

Косухин вобрал побольше воздуха и прибавил нечто, совсем уж не вязавшееся с предыдущим:

— Да тебя же там убьют, Ростислав! Понимаешь, чердынькалуга, — убьют!

Махнув безнадежно рукой, красный командир замолчал и отвернулся к стене.

— Степан, давайте не ссориться...

Арцеулов говорил спокойно, что давалось ему без всякого труда. Он действительно не хотел ссориться напоследок.

— А я что, с тобой мирился? — огрызнулся Степа, не оборачиваясь. — Вражиной ты был, вражиной и остался! Я думал, что ты хоть сейчас чего-то понял...

— Понял? После Иркутска? После Челкея? После того, как комиссары пытали вас током? Что я должен был понять? Только то, что ваша банда оказалась еще страшнее, чем все мы думали! И там, в Крыму, мои товарищи пытаются сделать хоть что-то. А я должен отсиживаться в Париже?

— Да побьют вас всех! — Степа резко обернулся, лицо его исказилось болью. — Понимаешь, Ростислав, вам всем крышка! Всем, умным, образованным, воспитанным — конец! Штык в брюхо, чердын-калуга, — и амба, в штаб Духонина! Ну, если тебе и всем твоим так не нравится социализм, мотайте куда-нибудь в Аргентину. Авось отсидитесь там пару лет, пока Мировая не начнется...

— Вы можете считать меня белым гадом, Степан, но трусом даже вы меня не назовете. И мои друзья — не трусы. Ни Виктор Ухтомский, ни Андрей Орловский, ни Михаил Корф. На кого мы должны оставлять Россию? На вашего Венцлава и его упырей?

— С ними сами разберемся, — буркнул Косухин, но в голосе его не было уверенности.

— Не разберетесь, красный командир! И если кто рискует, то это вы. У меня будет оружие, меня будет защищать целая армия. А вас — уж не знаю... Ладно, в любом случае у нас с вами остались кое-какие общие дела. Прежде всего...

Арцеулов изложил Степе то, что говорила ему Берг, правда, не сказав о наивном американце и его предложении, упомянул о генерале Аскольде Богоразе, напоследок посоветовав сразу не ехать к Карлу Бергу и вообще не очень афишировать свое пребывание в столице Франции. Затем капитан положил на стол бланк заказа на пароходный билет, объяснил, где его следует выкупить, и приложил к нему солидную пачку денег — половину того, что у него оставалось. Косухин молчал, закусив губу, и было даже непонятно, слышит ли он то, что говорит Ростислав.

Когда Арцеулов умолк, Степа лег на койку и отвернулся к стене, напрочь забыв о встрече с индийскими «товарищами». Капитан пожал плечами и вышел прогуляться по вечернему Дели, понимая, что дальнейшего разговора не будет.

Наутро Ростислав обнаружил, что койка Косухина пуста, все вещи исчезли, а на пустом столе лежит записка, поверх которой

равнодушно сверкает фиолетовыми гранями «Камень Спасения».

Степа писал в совершенно непривычной для него манере, вежливо, даже почти без грамматических ошибок. Он уведомлял «гражданина Арцеулова», что впредь не желает иметь с ним никаких дел, но поскольку вынужден воспользоваться предложенными деньгами, а также будучи должен «гражданину Арцеулову» за эти месяцы, оставляет камень в счет оплаты долга. Подпись отсутствовала, более того, записка была перечеркнута крест-накрест, однако новой Степа почему-то не написал, лишь нацарапал сверху: «Шел бы ты, Слава, к черту!»

Арцеулов невесело усмехнулся. Славой называла его Ксения. И вот назвали снова — наверное, в последний раз.

С Ингваром он простился в тот же вечер, перед поездом, увозившим капитана в Бомбей. Оказывается, Косухин уже успел забежать к художнику, поблагодарить и пригласить того вернуться в революционную Россию. Правда, как сообщил не без усмешки Ингвар, красный командир посоветовал ехать не сразу, а чуток погодя, когда победивший пролетариат, покончив с контрреволюционной гидрой, будет готов к более полному восприятию картин художника. В РОСТА поступать Николаю Константиновичу Степа уже не советовал, то ли забыв, то ли передумав.

Перед тем как расстаться, Арцеулов достал сапфир и передал его Ингвару. Предваряя возражения, заявил, что вовсе не собирается таким образом отблагодарить художника за его заботы о двух русских эмигрантах, а передает камень для того, чтобы Николай Константинович мог продолжить свои гималайские экспедиции, и заодно рассказал услышанную от ювелира историю сапфира.

Ингвар долго разглядывал камень, и отблеск кристалла странно отражался в его глазах. Наконец он покачал головой и вернул сапфир капитану.

— Он будет вам нужнее. В эмиграции он бы не дал вам умереть с голоду. А вы едете на фронт...

— И его закопают вместе со мною после первого же боя, — возразил Ростислав.

— Может быть, — спокойно согласился художник. — Но может случиться и так, что этот камень спасет вам жизнь. Ведь это же «Камень Спасения»!..

— Вы верите в эту мистику?

— Ну, я же недаром увлекаюсь Востоком... — пожал плечами Ингвар. — Не спешите расставаться с сапфиром, Ростислав

Александрович. К тому же ваш друг оставил этот камень именно вам...

— Мой... друг?

Арцеулов недоуменно поглядел на художника, с трудом соображая, что речь идет не о ком-нибудь, а о краснопузом Степе.

— Да, ваш друг, который сам не свой от того, что вы едете, как он считает, на верную смерть. Не пренебрегайте его даром!

— Степан рискует больше моего, — вздохнул Арцеулов. — Ему нельзя сейчас возвращаться в Россию!

— Как и вам, Ростислав Александрович. Лучше всего, если бы вы оба поработали вместе со мною. Ведь мы занимаемся куда более важным делом, чем та мерзость, которую вы зовете войной.

— «Красота спасет мир»?

Художник грустно улыбнулся:

— Да, конечно, «айне колонне марширен, битте колонне марширен...» Красота не спасет мир, вы правы. Но культура — это единственное, что может объединить людей. Все остальное лишь разделяет — политика, религия, экономика. Когда-то в Индии это понимали... Поэтому я здесь, а не в Париже или не в Таврии, хотя, поверьте, стреляя я недурственно. Жаль только вас, честных и умных — белых, красных и всех прочих цветов...

— Мы защищаем культуру, — возразил Арцеулов. — Ту самую культуру, которая должна спасти мир. Иначе господа комиссары доберутся и сюда...

— Защищаете... Культура не нужна мертвым, Ростислав Александрович! У мертвых другие интересы. У них — Шекар-Гомп... Боюсь, Око Силы еще напомнит о себе, и тогда действительно понадобятся защитники.

— Я готов, — кивнул Арцеулов. — И не один я...

— Слишком многих уже нет, — вздохнул художник, — а теперь и вы с вашим другом едете убивать. И дай-то Бог вам не встретиться на поле боя! А войско Лха Старшего Брата растет, и, может, скоро господа комиссары покажутся вам сущими агнцами по сравнению с теми, для кого они мостят дорогу...

Уезжал Ростислав с тяжелым сердцем. Все, что мог, он сделал — и сделал правильно. Оставался лишь долг большевикам — и Арцеулов ехал в Таврию отдавать его. Но что-то было не так. Уже ночью, когда экспресс, мягко покачиваясь на рельсах, подъезжал к Бомбею, Ростислав сообразил, что ему мешает. Тогда, в поезде Верховного, он, казалось, подумал обо всем. Но в те дни капитан еще не знал о Шекар-Гомпе, об Оке Силы, о Лха Старшем Брате. И если через несколько недель, месяцев или даже лет он упадет посреди белесой крымской степи, эти знания пропадут вместе с ним. А все остальные могут просто не успеть понять, что собирается сейчас среди заснеженных гор,

готовясь обрушиться с вершин на весь мир. И, быть может, это требовало от него, Ростислава Арцеулова, чего-либо иного, чем просто возвращения на безнадежный фронт...

Но менять что-либо было поздно. Яркое солнце заливало утренний Бомбей. У пирсов толпились огромные — белые, серые, черные — пароходы, билет лежал в кармане, и оставалось лишь одно — подняться по трапу и сказать «прощай» прекрасной стране, которую Ростислав так и не успел узнать. Арцеулов стоял у трапа, провожая глазами вереницу пассажиров, поднимавшихся на борт огромного лайнера «Фламинго». Где-то неподалеку отправлялась «Маргарита», на которой плыл краснопузый Степа. Он не пришел попрощаться, впрочем, и Ростислав не собирался разыскивать Косухина. Ругаться не хотелось, а говорить было не о чем.

...Внезапно он почувствовал чей-то взгляд, а вместе с ним — тревогу. Ростислав обернулся. В глаза бросилась яркая желтая ткань — плащ, который носят буддийские монахи...

— Господин... Цронцангамбо?!

Монах сложил руки на груди, поклонился и медленно заговорил. В первую секунду Ростислав растерялся, но затем заставил себя сосредоточиться: «Что-то случилось. Слушай!.. Слушай внимательно...»

Контакт наладился быстро. Уже через минуту капитан стал разбирать отдельные слова:

— Спешил... брат Цонхава... Надо...

— Погодите, — остановил его Арцеулов. — Я сейчас...

Монах на минуту замолчал, а затем заговорил вновь, и на этот раз смысл сказанного четко отпечатывался в сознании:

— Да пребудет с вами мир, Ростислав! Рад, что нашел вас. Я очень спешил, но от Шекар-Гомпа было трудно добираться. Я шел пешком...

— Что-то случилось? — перебил капитан. — Обнаружили убежище?

— Нет, но боюсь, скоро придется уходить. Брат Цонхава велел передать...

Он замолчал, переводя дух. Арцеулов успел сообразить, что Цронцангамбо шел пешком — от самого Шекар-Гомпа! Шел, чтобы предупредить. Капитану стало стыдно за то, что он когда-то обвинял монаха в излишнем благоразумии.

— Брат Цонхава говорил с духами. Никто из нас не умеет так разговаривать с духами, как он. Вам, людям Запада, это, наверное, кажется странным...

— Нет-нет! — Арцеулов понял, что и в самом деле верит мо-

наху. Люди Востока разговаривают с духами. Люди Запада называют это предчувствием или интуицией...

— Он говорит, что вам четверым грозит опасность — гораздо большая, чем он думал раньше. Кого-то из вас ждут предательство и смерть, а может, и то, что хуже смерти. Кого — духи не смогли объяснить. Учти это, Ростислав, и сообщи своим друзьям. Прощай...

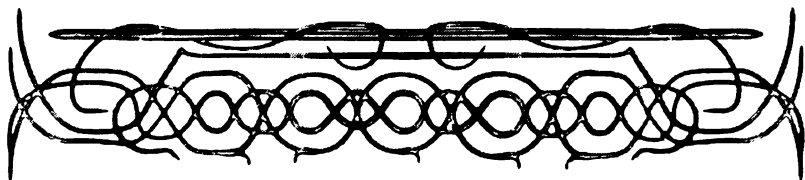
Цронцангамбо поклонился и, прежде чем капитан успел сказать хоть слово, исчез в толпе. Ростислав растерянно оглянулся. Надо задержать монаха, расспросить подробнее, бежать к трапу «Маргариты», ловить там дурака Степу, которого он не имел права отпускать в Совдепию на растерзание упырям Венцлава, надо ехать Париж, чтобы узнать, все ли в порядке с Наташей, отчего молчит Тэд...

Поздно!

Заревел гудок. Арцеулов взглянул на часы и понял, что «Маргарита» уже отчалила, унося Косухина в Марсель. Ему не успеть...

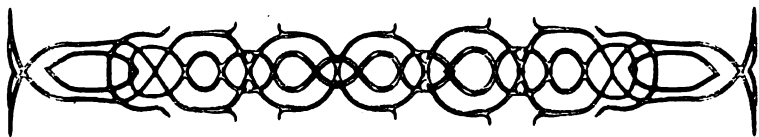
За бортом плескалась зеленая вода — то самое, обещанное ему, теплое весеннее море. «Фламинго» отходил от пирса, медленно скользя мимо огромных пароходов, ждущих своего часа — часа отплытия. В памяти мелькнули строчки подзабытого за военные годы, но когда-то любимого поэта — о кораблях, закоривших бухту, принесших с собой мечту о далеком океане. Но Ростислав не думал о том, что впереди. Там все ясно — фронт и последний клочок родной земли, который ему суждено защищать. Арцеулов смотрел на берег, на уходящую от него навсегда Индию, и ему вдруг почудилось, что над белыми бомбейскими домами, над зелеными пальмами и острыми крышами храмов, над суетой огромного порта неслышно проступают ледяные вершины, среди которых чернеют четкие контуры монастырских башен. И легкий морской ветерок внезапно показался ледяным, как будто мертвое дыхание Шекар-Гомпа настигло его даже здесь.

...Толпа теснилась на медленно удалявшейся пристани. Арцеулов долго всматривался, надеясь разглядеть желтый монашеский плащ, но тщетно — берег исчезал, становился серой неясной полосой, которой тоже предстояло сгинуть, уступив место равнодушной зелени морского простора.

КНИГА ТРЕТЬЯ

НЕСУЩИЙ СВЕТ

ГЛАВА 1

АМНЕЗИЯ

Торячий воздух струился над недвижным морем, серая дымка заволакивала горизонт, но город уже виден. Огромный, белый, он спускался с неровной гряды поросших тусклой зеленью холмов, сбегал к еле заметной кромке берега, утыкаясь в огромные волнорезы, в темные громады доков и бесчисленные причалы, над которыми горбились уродливые силуэты подъемных кранов. Город дышал: еле заметный вначале, ровный гул усиливался с каждой минутой, уже можно было различить в нем несмолкаемую переключку пароходных гудков и резкий вой портовой сирены.

— Марсель, мистер Косухин.

Степа Косухин, не оглядываясь на соседа, высокого толстого англичанина, так и просившегося на агитационный плакат, разоблачающий происки мирового империализма, кивнул, достал пачку нестерпимо дорогих папирос и с отвращением закурил.

Папиросы Косухину не нравились. Он заплатил бы вдвое дороже за «Атаман» или «Дюшес» и даже за пачку пайковой махорки. Но махорки в буфете не оказалось. Курильщики могли выбирать между дюжиной сортов дорогих толстенных сигар и не менее дорогими папиросами. Степа злился — недобитая контра Ростислав Арцеулов подсунул красному командиру изрядную свинью. На сам пароход жаловаться не приходилось, но интеллигент Арцеулов в звериной злобе к представителю победившего пролетариата приобрел Косухину билет не в демократический и общедоступный третий класс, не в мелкобуржуазный второй и даже не в откровенно буржуйский первый — недорасстрелянный колчаковец купил билет в класс люкс. В горячке сборов Степа, простая душа, не обратил на эти тонкости внимания. И зря!

Не успел Косухин ступить на борт «Маргариты» и предъявить билет, как его приветствовал лично капитан — настоящий морской волк: старый, с седыми усами и в ослепительно белом кителе. Дабы Степа ничего не спутал, помощник капитана в таком же белом кителе поспешил изложить сказанное на вполне

приличном русском языке. Косухин пробормотал: «Сэнкью» — и попытался исчезнуть в глубине корабельных лабиринтов, но не тут-то было. Тот же помощник капитана вручил «мистеру Косухину» большую корзину, из которой нагло выглядывала бутылка буржуйского вина «Шампанское» и букет отчаянно пахнущих цветов — подарок от пароходной компании. Но и после этого Степу не отпустили, а отвели в каюту, которая оказалась целой квартирой из двух комнат с роскошной мебелью, персидским ковром и даже канарейкой в клетке. Корабельный лакей, именуемый здесь «стюардом», показал ему апартаменты и на ломаном русском предложил канарейку убрать и заменить попугаем. Тут уж Косухин не выдержал, потребовав оставить в покое канарейку, а заодно и его самого.

Ясное дело, неприятности на этом не кончились. Завтрак и ужин ему приносили в каюту, а обедать приходилось в салоне, причем Степино место оказалось через один стул от капитана. Рядом с Косухиным был усажен русскоговорящий помощник, дабы развлекать знатного гостя непринужденной беседой на родном языке.

Весь рейс Косухин чувствовал себя отвлратительно. С соседями — сверхбуржуями, обитавшими в каютах люкс, он из принципа (а равно как из разумной осторожности) не общался. Особы попроще — первого и второго класса — вежливо раскланивались, но подходить к столь важному пассажиру не решались. Немного придя в себя, Степа рассудил, что белый гад Арцеулов поступил абсолютно верно — плыть классом люкс куда безопаснее, чем в пролетарском третьем. В буржуазном обществе, как твердо усвоил Косухин, закон на стороне богатых, а значит, подозрений у вездесущей полиции будет меньше. Степа понемногу успокоился, научился вежливо отвечать на приветствия пассажиров и начал скучать.

Дело было труднопоправимым. На пароходе играли в бильярд, в карты и даже — полулегально — в рулетку. Рулетку и карты Степа отбросил сразу. Оставалось набивать руку на бильярде, чем Косухин и занимался в нескончаемо долгие вечера после ужина. На корабле имелась библиотека, но книжки в ней были на каких угодно языках, кроме русского. Зато там обнаружился альбом Николая Ингвара, и Степа часами просиживал на палубе, разглядывая странные, ни на что не похожие работы художника. Одна из скучающих дам попыталась вовлечь Косухина в искусствоведческую беседу, но говорила она по-французски, и Степа ограничился тем, что принес из каюты несколько рисунков, подаренных Николаем Константиновичем. Увидев их, дама обомлела, выдохнула: «О-о!» — и поспешила отстать от таинственного русского миллионера — ценителя современной живописи.

Итак, «Маргарита» подходила к Марселю. Все, что можно, Степа уже предусмотрел. Русскоговорящий помощник капитана, узнав, что «мистеру Косухину» необходимо в Париж, причем как можно быстрее, заказал по радио билет на поезд, а заодно и такси, чтобы отвезти его от пристани аккуратно на вокзал. Степа, языков не знающий, попросил также помочь составить телеграмму Валуженичу, так что особых забот у него не оставалось, по крайней мере до Парижа.

Марселя Степа так и не увидел. У трапа его встретил юркий молодой буржуй в клетчатом костюме — агент железнодорожной компании, вручил билет и усадил в такси. Парижский поезд отходил через полчаса.

Степа пришел в себя только в купе. За окном мелькали белые аккуратные домики марсельских предместий, с вершин окрестных холмов тянуло вечерним холодком, колеса равнодушно отстукивали километр за километром, а Косухин все не мог поверить, что земля, по которой несет его чистый, новенький, не в пример российским, поезд, — Франция. Это уже было слишком: Синьцзян, Тибет, Индия, бескрайний зеленый океан — и теперь Париж.

Чтобы отвлечься, Степа еще раз перебрал пункты своего плана: Тэд, улица Гош-Матье, Карл Берг, Наташа... Впрочем, о Наташе он старался не думать. Где-то по Парижу бродит поганец и трус Гастон Сен-Луи — законный Наташин жених, а и ему самому надо спешить в Россию... Главное — брат! Главное, чтобы таинственный «Пространственный Луч» не подвел и полковник Лебедев, командир эфирного корабля «Владимир Мономах-2», сумел вернуться с неведомой Тускулы на родную Землю. О большем Степа и не мечтал.

...Он проснулся ночью — мгновенно, словно от толчка, вытер вспотевший лоб, оглянулся. Сон... Ему привиделось что-то страшное... В купе было пусто, колеса поезда продолжали деловито стучать, но страх не проходил. Косухин включил ночник — маленькую лампочку у изголовья, сел на койку и закурил. Внезапно сквозь теплынь майской ночи повеяло холодом. Степа вскочил, еще раз оглядел пустое купе... Мало ли что приснится, в конце концов! Он покачал головой и без всякого удовольствия взглянул на свою небритую физиономию, отразившуюся в роскошном, в полный рост, зеркале.

— Хорош, чердынь-калуга! — пробормотал Степа — и замер.

Все было по-прежнему. Он стоял посреди купе, под ногами стучали колеса, тускло горел ночник, а из зеркала на него глядело отражение — чужое... Все еще не веря, Косухин помотал головой...

...На Ксении Арцеуловой была черная офицерская форма.

Ярким серебром горел Георгиевский крест. Серые глаза смотрели прямо, и от этого взгляда Косухину стало не по себе.

— Здравствуйте... — прошептал он, но лицо женщины осталось недвижимым. Степа зажмурился, а когда вновь взглянул, лицо исчезло.

— Фу ты!.. — успел выдохнуть Степа, но тут же вновь замер, сообразив, что в зеркале ничего нет. Он бросился вперед, чуть не ткнувшись в стекло лбом, однако гладкая поверхность отражала лишь пустое купе с горящим ночником. Но вот из глубины стало медленно проступать лицо — снова чужое и тоже знакомое. Степа закусил губу — на него смотрел профессор Семирадский, такой же, каким запомнился при жизни, только глаза, обычно веселые и беспокойные, были теперь странно недвижны и тусклы.

И вдруг Косухин начал понимать.

— Что... что случилось?

Лицо Семирадского дрогнуло и стало на глазах меняться. Волосы и борода потемнели, густые брови сдвинулись к переносице, и Степе показалось, что он вновь стоит на лютном январском морозе посреди старого кладбища. Сквозь зеркало на него смотрел генерал Ирман...

— Что... случилось? — еле слышно повторил Косухин, но зеркало молчало. Мертвое лицо начало медленно исчезать, растворяясь в полумраке. Еще мгновение зеркало оставалось пугающе пустым, а затем там появилось то, чему и надлежало быть, — сам Степа, бледный, взъерошенный, с закушенной нижней губой...

Косухин глубоко вздохнул и без сил опустился на край койки. Надо было жить дальше. В конце концов, все это могло быть бредом, сном, видением...

«А если нет? — мелькнула холодная страшная мысль. — Если я действительно видел... Ксения, Семирадский, Ирман... Зачем?»

Ответ был один. Они — по своей либо по чьей-то иной воле — приходили о чем-то сообщить ему. Сообщить — или предупредить... А вот о чем именно, Степа даже боялся подумать.

Он лег, выключил ночник и, усилием воли заставив себя обо всем забыть, заснул мертвым сном без сновидений...

Утро было ярким, за окном мелькали протянувшиеся на многие километры парижские пригороды, и Косухин поспешил привести себя в порядок. У него еще будет время поразмышлять. Сейчас — Париж!

Толпа запрудила перрон, но Валуженича он узнал сразу. Тэд, наряженный в совершенно буржуйского вида клетчатый костюм с розаном в петлице, стоял рядом с каким-то пухлым коротышкой и, вытянув худую шею, всматривался в окна тормозя-

шего состава. Косухин рассмеялся и помахал ему сквозь открытое окно. Валуженич заметил, подпрыгнул от неожиданности и устремился к дверям.

— Оу! Стив! Ай эм... Глэд... Бардзо...

Отхлопав Степа по спине, американец выдохнул воздух и отчеканил:

— Товарищ Косухин! Позволь... э-э-э... витать тебя в Париж — метрополи оф будущей мировой революция!

— Вот это хорошо! — солидно одобрил Степа. — Ну, привет, акэолоджи! Как ты, не закис?

Между тем оказавшийся тут же пухлый толстячок уже тянул Степин чемодан. Тэд помог отнять багаж у сопротивлявшегося Косухина и кивнул:

— Стив, это есть май френд Шарль Карно — потомственный пролетарий.

Степа с изумлением взглянул на «потомственного пролетария», но коротышка Шарль улыбнулся, и Косухин решил не углубляться в классовые проблемы, после чего все трое стали продираться через толпу к подземному переходу.

— Шарль майже не разумеет по-русски, — сообщил между тем Тэд. — Бат добже знает латыну, грецьку та чайниш.

Степа с уважением поглядел на знавшего загадочный «чайниш» Шарля, тогда как тот, сообразив, в чем дело, закивал и наконец уверенно произнес:

— Это... это не есть важно.

Степа взглянул на «пролетария» с удивлением, но уточнять не стал. Между тем, пройдя бесконечными лабиринтами, они вынырнули на гигантской привокзальной площади, где стояли, ожидая пассажиров, длинные ряды разнообразных авто. Шарль огляделся и уверенно кивнул в сторону чуть ли не самого роскошного из всех — большого белого автомобиля, возле которого сутился шофер в кожаном пиджаке и таком же картузе.

«Хорош пролетарий!» — усмехнулся Степа, покуда его чемодан размещали в багажнике, а его самого, словно последнего буржуя, усаживали на заднее сиденье. Убедившись, что все расцелись, Карно произнес: «Огюстен!» — и шофер, даже не спрашивая адреса, тронул машину с места.

— То, Стив, як я нау спик рашен, то есть по-русски? — не без гордости поинтересовался Валуженич.

— На все сто, чердынь-калуга! — подбодрил приятеля Степа. — А чуток подучишь — на две сотни будет!

— Это не есть важно, — вновь повторил Карно и пристально взглянул в глаза Косухину.

— Бат вай, чердынь-калуга? — от удивления Степа перешел на иноземную речь.

— Стив, ты помнишь мистера Цонхава? — ответил вместо Карно Тэд. — Мы разговлялы...

— Не помню, — вздохнул Косухин. — Я же тогда в Шекар-Гомпе был! Но мне Славка рассказывал...

— Сом дэви! — внезапно произнес Карно, а затем заговорил по-французски — медленно, выделяя каждую фразу. Косухин вздрогнул. В памяти всплыли слова старика в пещере... Он заставил себя сосредоточиться, вслушиваясь в непонятную ему французскую речь, и вот, словно откуда-то из глубины, начал проступать смысл улышанного.

— Слушай, слушай внимательно, Степан, — говорил Карно. — Я тоже приобщен к этому ритуалу. Сом дэви — напиток богов, и это не самое великое из того, что мы теперь с тобой можем...

— К-кажется... я это... понимаю, — проговорил пораженный Степа. Шарль улыбнулся, кивнул и тут же отбросил всякую важность.

— Ну, в таком случае, как говорит наш друг Тадеуш, — о'кей! Мы сможем с тобой общаться без всяких переводчиков, Степан. Нужно лишь каждый раз немного сосредоточиться.

— Ой, ребята, давайте о другом, — вмешался Тэд. Теперь он говорил по-французски, но понимать Степе было куда проще, чем расшифровывать его обычный русско-польско-английский суржик. — Шарль, Стив никогда не был в Париже!

— Да, конечно, — усмехнулся Карно и, обернувшись к шоферу, бросил: — Огюстен, в центр...

Больше двух часов Косухина возили по Парижу, представляя обалдевшему красному командиру чудеса столицы мира. Степа лишь неуверенно повторял вслед за Шарлем: Л'Арк Триомф, Сакр-Кер, Ситэ, Нотр-Дам... Тур д'Эфель добила его окончательно. Косухин желчно завидовал: в пролетарской Столице ничего похожего пока не было — и не намечалось. Наконец они пообедали втроем в уютном кафе, которое, как пояснил Шарль, находится в районе Монпарнас и где вечерами бывают какие-то знаменитые художники.

...Слово «Монпарнас» крепко засело у Косухина в голове. Где-то здесь, на Монпарнасе, живет генерал-лейтенант Аскольд Богораз, отец вечно кашлявшего притворщика Семена...

— Сейчас завернем ко мне, — говорил Шарль, пока они курили черные, незнакомые Степе папиросы «Галуаз». — Отдохнем, а там надо разработать для нашего гостя программу. Лувр, Мэзон д'Инвалид... Версаль, конечно. Там, Степан, французские короли жили...

— Ах, короли! — Классовое чутье наконец-то проснулось, и Косухин с подозрением воззрился на пухлого самоуверенного

Карно. — Слышь, Шарль, а чего это тебя Тэд пролетарием называл? Да еще потомственным?

Карно и Валюженич удивленно переглянулись.

— Оу! — сообразил Тэд. — Стив, я перепутал! Этот жаргон... Я хотел сказать, что Шарль — из семьи потомственных революционеров.

Это было ничуть не лучше, скорее наоборот.

— Его прапрадед был командующим армией Французской революции. Лазарь Карно работал вместе с Робеспьером.

О Робеспьере Степа, конечно, слышал и воззрился на Шарля с явным уважением.

— Да, он был кем-то вроде Троцкого, — кивнул Карно. — Кое-кто до сих пор не может простить нашей семье, что Лазарь Карно голосовал за казнь короля. Моего деда убили за это...

— Ты что? — Степа сочувственно покачал головой. — Вогады! А дед твой, он кто — тоже революционер был?

— Сади Карно был президентом Французской республики, — пояснил Валюженич, после чего у Степы отпала всякая охота расспрашивать дальше.

— Ладно, — прервал молчание Карно. — Поехали все же ко мне. Мой отец будет рад с тобой познакомиться. Не волнуйся, он не президент Франции — всего лишь сенатор.

С точки зрения Степы, это было немногим лучше, но он вежливо промолчал, а затем выразительно поглядел на Тэда.

— Мы найдем к тебе завтра, Шарль, — понял его Валюженич. — Сейчас у нас со Стивом есть важное дело...

— Ну конечно! — возмутился Карно. — Сейчас вы будете разглядывать находки из Шекар-Гомпа! Я всегда знал, что американцы бесцеремонны, а русские — те же американцы, только голодные и небритые...

Тэд проигнорировал эту шовинистическую реплику, после чего Шарль распрощался и укатил вместе с молчаливым Огюстеном, категорическим тоном заявив, что ждет их завтра к пяти.

— Вот его бы в Шекар-Гомп!.. — не без злорадства заметил Косухин, проводив взглядом наглого буржуя.

— Шарль прекрасно дерется, — возразил Валюженич. — Он уже собирался ехать мне на выручку, но я вовремя дал телеграмму из Морадабада...

— И все одно — буржуй! — рассудил Степа. — Ладно, Тэд, рассказывай...

Валюженич взглянул на Степу как-то странно и нерешительно проговорил:

— Понимаешь, Стив, кое-что случилось...

— Как? — обомлел Степа. — Чего ж ты молчал, не писал? С кем случилось? С Наташей?

— Ну...

Валюженич начал говорить, но Степа то и дело был вынужден останавливать приятеля. Понимать Тэда стало сложно. Без Шарля Карно таинственная сила, позволявшая разбирать чужую речь, сразу ослабла.

— Я не пил сома дэви, — пояснил Валюженич. — Тут нужен тот, кто овладел этой силой, как мистер Цонхава или Шарль...

Наконец Степа как-то приспособился, и смысл сказанного стал вновь понятен. Тэд прямо с вокзала доставил Наташу на улицу Гош-Матье и сдал с рук на руки господину Карлу Бергу, а на следующий день девушке стало плохо — приступ какой-то странной болезни свалил ее в первую же ночь после приезда в Париж.

— Я не писал вам, — вздохнул Валюженич. — Вы были с Ростиславом далеко. Помочь — ничем бы не помогли... Сейчас ей лучше, но... Стив, она ничего не помнит! Понимаешь — ничего! Амнезия!

— Что? — Косухин подумал было, что он вообще перестал понимать Тэда. Тот напрягся и заговорил по-русски:

— Амнезия — то колы человек все забывать. Травма мозкова, то... понимаешь?

— Да говори по-английски! — прервал Косухин. — Только медленно...

— У нее было что-то вроде воспаления мозга. Врачи говорят, что это результат нервного потрясения. Когда Наташа пришла в себя, то забыла все, что было с ней за последний год, после того как она уехала из Парижа. Сейчас она здорова, но меня не помнит. Я говорил с ней...

Тэд замолчал, Косухин же все еще не верил. Амнезия — он слышал о таком, но какая-то странность была во всем случившемся. Нервное потрясение? В Шекар-Гомпе и позже, в Индии, Наташа была спокойна и даже временами весела — куда веселее его самого. Если бы с ней и вправду было что-то не в порядке, это заметили бы сразу — или после, на пароходе...

— Меня просили не встречаться с нею, — продолжал Валюженич. — Я видел ее потом пару раз издалека — вместе с этим Сен-Луи...

Тон, которым было произнесено имя Наташиного жениха, был настолько недвусмысленным, что Степа взглянул на Тэда и понял если не все, то многое. В душе шевельнулось какое-то неведомое доселе малоприятное чувство.

— Вот так, Стив, — вздохнул американец. — Прежде чем поедешь к господину Бергу, ты должен это узнать. Меня просили передать всем, кто был с Наташей эти месяцы, чтобы они ей ничего не рассказывали. Врачи считают, что это опасно...

Косухин не ответил. Наташа все забыла! Иркутск, кошку Шер, штурм дома на Трегубовской, серых тварей, обступивших

старую церковь, взлетевшую в небо стрелу «Мономаха», Шекар-Гомп... Это казалось невероятным и страшным.

— Наверное, ее психика не выдержала, — тихо проговорил Тэд.

— Психика, чердын-калуга! Искалечили человека!.. — буркнул Степа и вновь умолк, не желая покуда углубляться в обсуждение этой новой неожиданной беды. — Ладно, понял... Тэд, а этот Карл Берг — как он тебе?

— Оу, мистер Берг — важный человек! И очень мрачный...

— Важный, — повторил Косухин. — Стив, а о Николае... О моем брате... ты спрашивал?

— Хотел, но затем вспомнил все эти ваши игры в секретность...

— Да, — кивнул Степа, вставая. — Ты прав. Сам спрошу.

Косухин хотел ехать на улицу Гош-Матье сразу, но Тэд уговорил подождать, пояснив, что Берг днем обычно уезжает по своим научным делам и застать его можно лишь вечером. Степа согласился, Тэд поймал такси, и они отправились на левый берег Сены, где в небольшой квартирке на шестом этаже огромного нового дома обитал археолог.

Квартира Тэда была завалена книгами, кипами исписанной бумаги и, разумеется, всяческими «артефактами» — от уже знакомых Степе тибетских рукописей до ржавого оружия и даже чучела крокодила, покрашенного отчего-то в желтый цвет. Особенно много было в квартире всяческих идолов, мелких, но весьма жутковатого вида. В углу были свалены несколько кирок, лопаты и дюжина ножей.

Все это показывалось Степе с соответствующими комментариями. Косухин качал головой и напряженно думал, является ли наука «акэолоджи» полезной для мирового пролетариата или бедняга Тэд по классовой несознательности посвятил жизнь очередной буржуйской глупости.

...Несмотря на все уговоры, Косухин решил ехать к Бергу сам. В конце концов Валюженич сунул Степе несколько десятифранковых бумажек и, вырвав из блокнота листок, аккуратно написал по-французски два адреса — Карла Берга и собственный, дабы Степа мог показать их таксистам. Ясное дело, пользоваться необычным даром в присутствии посторонних не стоило, и Косухин решил общаться в городе, как и полагалось иностранцу, жестами и мимикой. Валюженич вновь поймал такси, Косухин смело бросил «бон суар» в ответ на приветствие шофера и сунул тому бумажку с адресом Берга.

Улица Гош-Матье оказалась почти полностью застроенной двух- и трехэтажными особняками с решетчатыми металличе-

кими оградами, из-за которых выглядывали зеленые кроны высоких каштанов. Дом, в котором обитал Карл Берг, был им под стать — двухэтажный, с нешироким фасадом, узкими, под старину, окнами и высоким крыльцом. К удивлению Косухина, в окнах не было света, хотя в соседних домах уже горело электричество.

Отпустив авто, Степа секунду постоял в нерешительности, сообразив, что полностью безоружен и суется к неведомому ему Бергу без всякой разведки (не считать же разведкой визит Тэда!). Он мотнул головой, отгоняя странную неуверенность, взбежал по ступенькам и уже поднял руку к электрическому звонку, как вдруг знакомая волна холода охватила его. Пальцы онемели, кровь застучала в висках, и тихий, еле слышный голос позвал:

— Косухин... Косухин... Косухин...

Степа отдернул руку, быстро оглянулся, но на улице ничего не изменилось. Дом был тих и спокоен. Косухин потер ладонью лицо, вновь оглянулся и решительно нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывали. Степа хотел позвонить вновь, но внезапно створка распахнулась, и на пороге возник человек в черном смокинге. Пустые холодные глаза уставились на Косухина без всякого выражения, безразличный голос произнес:

— Мсье?..

— Я... Мне к господину Бергу, — рубанул Степа, решив, что здесь должны понимать по-русски.

Человек в смокинге не двигался. Степа машинально окинул взглядом крепкую фигуру, заметив, что одежда незнакомца на левом боку подозрительно оттопыривается.

— Передайте — я Степан Иванович Косухин, — вновь заговорил он, с сожалением подумав, что, кроме расчески, иного средства защиты с собой не захватил.

Дверь закрылась. Потянулись минуты ожидания. У Степы мелькнула недостойная мысль улизнуть, пока еще есть время, но он не дал этой мысли укрепиться, дождавшись, пока дверь вновь отворилась. Тип в смокинге окинул гостя все тем же равнодушным взглядом пустых глаз:

— Заходите, сударь.

На этот раз он говорил по-русски.

Степа вошел, оказавшись в полумраке картинами. Из темноты появился еще один тип, как две капли воды похожий на первого: тот же смокинг, тот же равнодушный взгляд, тот же револьвер на боку, разве что ростом повыше и в плечах пошире.

— Прошу за мной, сударь, — проговорил первый и направился в глубь дома. Косухин с самым невозмутимым видом последовал за ним. Второй смокинг пристроился сзади.

В коридоре было темно, но откуда-то сбоку лился неяркий

свет. Идти приходилось с осторожностью, чтобы не наткнуться на комоды и шкафы, загромождавшие проход. Провожающий стал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Тот, что сзади, не отставал, и Косухин чувствовал себя не особенно уверенно, утешаясь тем, что в каждом доме свои порядки. Может, этот Берг налетчиков боится?

Поднявшись по лестнице, Степа оказался перед высокой дверью. Первый смокинг неслышно приоткрыл ее и кивнул:

— Вас ждут...

В комнате было темно, хотя и не так, как в коридоре: в окно лился неяркий вечерний свет. У окна стоял огромный стол, слева и справа застыли, поблескивая стеклами, высокие, до потолка, шкафы, скрывавшие ряды книг, на полу лежала медвежья шкура. Стол был заставлен странного вида приборами, о назначении которых Степа не мог и догадываться. Там же лежал большой старинный фолиант, раскрытый приблизительно посередине.

Берг стоял у окна — огромный, высокий, широкоплечий. Налитое силой тело обтягивал такой же черный смокинг, как и на других обитателей этого странного дома. Когда он обернулся, Степу поразило лицо — необыкновенно бледное, словно Наташин дядя страдал малокровием или пользовался пудрой. Черные глаза смотрели спокойно, без малейшего удивления.

— Господин Косухин? Прошу садиться. Чем могу служить?

Голос у Берга оказался под стать фигуре — громкий, басовитый, и даже негромкий тон не мог скрыть его мощи.

— Я... — начал было Степа, присаживаясь на высокий, с резной спинкой стул.

— ...Насколько я знаю, знакомый Натальи Федоровны, — прервал его Берг. — Как сообщил мне господин Валуженич, вы были вместе с нею в Индии. Благодарен вам, сударь, за внимание, но должен сообщить, что Наталья Федоровна нездорова, поэтому ваш визит представляется излишним. Напоминания о пережитых страданиях не пойдут ей на пользу...

Косухин сидел, сжавшись в комок. Берг подавлял, его огромная фигура нависала горой, и Степа чувствовал себя крайне неуютно, словно и в самом деле в чем-то провинился.

— Поэтому, сударь, еще раз благодарю за внимание к нашей семье и на этом прошу завершить свой визит.

— Ну, это я понял. — Степа наконец-то собрался с силами и встал. — Только у меня к вам еще одно дело...

Берг никак не реагировал, всем своим видом показывая, что пребывание гостя в его кабинете и так затянулось.

— Какое же дело, сударь? — Теперь голос звучал громче, в нем чувствовалось раздражение.

— Рцы, мыслете, покой, — рубанул Косухин, вспомнив стран-

ный пароль, который когда-то услышал посреди утонувшего во тьме кладбища. — Я по поводу «Мономаха»...

Берг секунду-другую молчал, затем медленно опустился в огромное кресло. Темные глаза смотрели на Степу не мигая, но в этом взгляде по-прежнему не чувствовалось ничего, даже легкого любопытства.

— Какое отношение, сударь, все это имеет к вам?

— Я брат полковника Лебедева.

Черные глаза на миг вспыхнули, но в них и теперь не было любопытства — в них горел гнев.

— Значит, вы — Косухин, комиссар Челкеля? Забавно...

«Интересно, а за кого он меня раньше принимал? — удивился Степа. — Ведь я же, чердын-калуга, сразу назвался!»

— В таком случае попрошу вас немедленно покинуть этот дом. Я не приемлю теории и практики господ большевиков. Вы и вам подобные — хуже чумы! Уходите!..

— Я уйду! — Степан старался говорить как можно спокойнее, но теперь уже проняло и его. — Но сначала вы сообщите мне, господин Берг, что случилось с моим братом!

— У меня нет сведений о полковнике Лебедеве, — тихо и как-то устало проговорил Берг. — Ни он, ни господин Богораз не выходили на связь. Тускула молчит. Это все, что я могу вам сообщить...

Степе показалось, что в комнате внезапно стало совсем чернотой. Николай не вернулся!..

— Хотя я и не разделяю ваших политических симпатий, все же считаю своим долгом выразить вам свое сочувствие. Надеюсь все же, что господин Лебедев еще выйдет на связь и вы сможете встретиться с братом...

Тон был ледяным, и Степе стало еще тяжелее. Берг стоял у стола, огромные руки лежали на раскрытой странице древней книги, и вдруг Косухин заметил: на указательном пальце Берга тускло сверкнул большой тяжелый перстень. Хозяин дома уловил его взгляд — рука исчезла за спиной. Впрочем, эту мелочь Степа приметил лишь мимоходом. Он все еще не мог осознать случившегося — брат не вернулся.

— Я... хочу... Я вам не верю! У вас должна быть система связи! Этот... «Пространственный Луч»! Вы должны знать, что случилось с «Мономахом»!

— Я не обязан отвечать на подобные вопросы, но, если настаиваете, объясню. Связь с «Мономахом» велась с Земли — с полигона Челкель. Из того, что мне успела рассказать Наталья Федоровна, я понял, что рубка управления была взорвана и связь, естественно, прервалась. Установка, о которой вы упомянули, должна заработать в случае благополучного прибытия «Мономаха» на Тускулу. Одно из двух: или господину Богоразу

не удалось наладить ее, или случилось нечто худшее. Нам с вами, господин Косухин, остается лишь ждать.

— Ладно, — мотнул головой Косухин. — Буду ждать. А сейчас я хочу видеть Наташу... Наталью Федоровну. Я должен знать, что с ней все в порядке.

— Я уже говорил вам, сударь!.. — посуровел Берг.

— А я уже слышал! Я ничего не буду, это... напоминать. Познакомьте нас, будто я ваш гость, и все. Хочу увидеть, что она здесь и жива.

Берг на мгновение задумался, затем нажал кнопку вмонтированного в крышку стола электрического звонка. Дверь кабинета бесшумно растворилась, на пороге возник тип в смокинге.

— Где сейчас Наталья Федоровна?

— Они с господином Сен-Луи собираются в театр.

— Пригласите...

Косухин повернулся к двери и замер. Минута, другая — и вот в коридоре послышались быстрые шаги. Во рту у Степы пересохло. Секунда — и Наташа уже была в кабинете. На ней оказалось роскошное вечернее платье, на шее сверкало большими камнями колье. Девушка ничуть не походила на себя прежнюю. Встреть Косухин такую — он и не оглянулся бы. Обычная дворяночка...

— Что случилось, дядя? Добрый вечер, сударь!..

Последнее, естественно, относилось к Степе. Сказано это было так, словно в кабинете Карла Берга появился новый предмет мебели.

Между тем в кабинет вслед за Наташей вошел невысокий брюнет с пухлым брюшком и весьма заметной проплешиной. Вид у него был сонный и одновременно высокомерный, особенно после того, как его взгляд упал на гостя.

— Прошу знакомиться, — спокойно, но с еле заметной иронией бросил Берг. — Господин Косухин, наш гость из Большевизии. Моя племянница Наталья Федоровна. Гастон де Сен-Луи, ее жених.

— Вы из России? — Наташа поглядела на Степу с искренним любопытством и протянула ладонь, которую тот нерешительно пожал. — Вы, наверное, офицер? Мой дядя телефонирует какому-то офицерам...

Косухин сглотнул, не зная, что ответить. Между тем месье де Сен-Луи с явной неохотой протянул руку, затем подумал — и Степа внезапно сообразил, что ему предлагают для рукопожатия два пальца.

— Гастон! — Наташа и сама заметила это, но Сен-Луи лишь улыбнулся, окинув Степу с ног до головы взглядом, в значении которого трудно было усомниться. Кровь ударила в голову Степе. Косухин тоже протянул руку — и подал Гастону один

палец. Тот дернулся и убрал ладонь, затем что-то шепнул девушке. Та нерешительно кивнула:

— Господин Косухин... Дядя... Извините, мы спешим.

Степа молчал, сил хватило лишь на то, чтобы кивнуть в ответ. Уже в дверях Наташа оглянулась. Взгляд девушки скользнул по комнате, на миг остановился на Степе. Косухин вздрогнул. Если Наташа действительно собиралась в театр, то настроение ее было не из самых подходящих: в ее глазах плавал страх...

Подождав, пока стихнут шаги в коридоре, Берг выглянул в окно, а затем повернулся к гостю:

— Итак, вы убедились. Наталья Федоровна здорова, но совершенно не помнит ни вас, ни того, что было в последние месяцы. Еще раз прошу не напоминать ей об этом и лучше всего оставить ее в покое. Если будут новости о господине Лебедеве, я вас извещу.

«Интересно, чердынь-калуга, как это он меня известит? — думал Степа, покуда молчаливый лакей в смокинге провожал его к выходу. — Он ведь и адреса-то моего не спросил! Вот гад!»

То, что господин Берг не говорил всей правды, было ясно. Он, конечно, знал, кто такой Косухин, с самого начала, иначе не стал бы беседовать с ним о «Мономахе»... Впрочем, трезво рассуждать Степа был не в силах. Пропал Николай — по сравнению с этим даже поганая рожа талантливого физика Гастона де Сен-Луи казалась обстоятельством абсолютно второстепенным.

И еще одна мысль не давала покоя. Какая-то мелочь, на которую он вначале не обратил внимания. Степа перебрал еще раз подробности встречи в полутемном кабинете — и тут его осенило. Перстень! Перстень на руке Берга! Большой серебряный, так похожий на тот, что был у Арцеулова! Но ведь Славка дал его брату перед стартом! Правда, Степа видел перстень лишь секунду, не больше, но зачем тогда Бергу так поспешно его прятать?

...Стемнело. Улица Гош-Матье была почти пуста. Степа, плохо знавший местность, с трудом вспомнил, откуда подъехало такси, и побрел в ту сторону, надеясь выйти на более людную магистраль и там поймать авто, чтобы добраться до квартиры Валуженича. Он шел медленно, не обращая внимания на происходящее вокруг. Внезапно его внимание привлек смех: на тротуаре, возле большого черного автомобиля, стояли четверо совершенно буржуйского вида молодых людей, перебрасывавшихся фразами на непонятном Степе французском языке. У всех явно было превосходное настроение. Когда Косухин поравнялся с ними, один из четверки ленивым движением достал из кармана большой портсигар, вынул папироску и хлопнул себя по карману, вероятно, в поисках спичек. На лице у буржуа появилось

выражение легкого разочарования, но тут его взгляд упал на Степа. Курильщик сделал жест, понятный всем вдыхающим никотиновый дым, без всякого перевода. Косухин вздохнул и полез в карман за спичками. Когда Степа поднес огонек к папиросе, он внезапно заметил взгляд одного из четверки. Тут тоже не требовался переводчик. Степа резко отпрянул назад, но поздно: курильщик отбросил папиросу, и его ладонь метнулась прямо к Степиному горлу. Косухин успел взмахнуть рукой, пытаясь задержать удар, но тут кто-то из стоявших рядом выбросил вперед руку с кастетом.

— «Как мальчишку взяли!» — мелькнула последняя мысль, и все исчезло.

ГЛАВА 2

СВЯТЫНИ ЛОГРОВ

Вначале он услышал гул мотора и почувствовал легкий запах бензина. Болела голова, кисти рук, стиснутые наручниками, затекли и ныли. Степа понял, что сидит на заднем сиденье авто, стиснутый с двух боков и лишенный всякой возможности к сопротивлению. Ноги, правда, были свободны, но в данном положении они годились лишь на то, чтобы наступить кому-либо из похитителей на мозоль.

— Поручик, он жив?

— К сожалению. Эти большевистские паскуды живучи словно кошки.

— И все-таки проверьте пульс.

Говорили, естественно, не на французском, а на самом обыкновенном русском языке, и Косухин горько пожалел, что напрочь потерял столь необходимую бойцу Мировой Революции классовую бдительность.

Чья-то рука легко сжала Степино запястье.

— Как у младенца, господин капитан!

— По-моему, он уже пришел в себя, — уверенно предположил третий голос. — Взгляните, господа, веки дергаются. Господин чекист, можете не притворяться!

Косухин никак не реагировал, и кто-то сильно ударил его по лицу.

— Прекратите, поручик! — Голос внезапно стал злым и резким. — Не смейте бить пленного!..

Играть в прятки было бессмысленно, и Степа открыл глаза. Он не ошибся — его везли в том самом черном автомобиле. Шторки на окнах салона оказались опущены, но сквозь переднее стекло можно было увидеть освещенную фарами дорогу,

вдоль которой мелькали выхваченные неровным светом силуэты деревьев.

— Очухались, ваше комиссарское превосходительство? — спросил поручик, сидевший, как выяснилось, слева. Он был молод, даже моложе Степы, но юное лицо пересекал глубокий ровный рубец.

Косухин решил не отвечать.

— Ничего, у генерала разговорится, — заметил тот, что был за рулем. — Господин капитан, разрешите мне его лично ликвидировать. Должок имеется...

— Это не ко мне, Сергей, — отозвался капитан, сидевший справа. — Никогда не занимался... ликвидацией.

— Тогда выдадим этому типу револьвер и устроим техасскую дуэль, — предложил тот, кто сидел рядом с шофером. — Извините, Виктор, это ваше чистоплюйство...

Разговор был не из веселых, но Степа заставил себя думать о другом. Эта четверка — явные беляки, видать, еще совсем недавно воевавшие против трудового народа где-нибудь на Дону или за Байкалом. И действуют они не без подсказки господина Карла Берга. Все становилось на свои места. Косухин вспомнил полный страха взгляд Наташи. Она знала, потому и пыталась намекнуть по поводу «офицеров»...

Авто резко свернуло в лес, прокатилось сотню метров по узкой просеке и выехало на поляну. Блеснул свет фар — еще один автомобиль стоял неподалеку.

— Аскольд Феоктистович ждет, — констатировал капитан. — Пospешим...

Степа мельком обратил внимание на столь редкое имя-отчество. Оно показалось знакомым, но соображать было некогда — Косухина вытащили из машины и повели навстречу выходившему из другого автомобиля высокому, худому, совершенно лысому старику. Впрочем, разглядеть внешность генерала было трудно — мешал свет горящих фар, бивший прямо в глаза.

— Вижу! — резкий сухой голос оборвал начавшего было докладывать капитана. — Вы уверены, что не ошиблись?

— Его документы, ваше превосходительство... — Офицер передал Степин паспорт старику. Тот, не читая, сунул выданную в Бомбее липу в карман:

— Времени мало, господа. Мешок и веревки захватили?

— Так точно!

Вероятно, захватили не только мешок и веревки, но и несколько кирпичей. А может, таковые имелись поблизости, дабы надежно упокоить Степу на дне ближайшей речки.

— Что он говорил? — Вопрос был задан небрежно, явно для проформы.

— Ничего, ваше превосходительство.

— То есть? — Генерал, уже готовившийся уходить, резко обернулся. — Капитан, вы уверены, что не отправите на тот свет случайного прохожего?

— Да русский он! — вмешался поручик, с нетерпением переминавшийся с ноги на ногу. — Я этих комиссаришек за версту чую!

Генерал подошел поближе и взглянул Степе в лицо. Косухин не преминул усмехнуться, но усмешка тут же погасла: тот, кто смотрел на него, внезапно показался знакомым. Степа видел лысого генерала впервые, но голос, холодные серые глаза, даже безглиявая гримаса...

— Господин чекист, мои люди не ошиблись?

Генерал тоже чуял комиссаров если не за версту, то за два шага — всенепременно.

— Ошиблись, — буркнул Косухин. — В Чрезвычайной Комиссии не состоял, — и, решив, что это может звучать как просьба о пощаде, поспешил добавить: — а вот теперь жалею!

Генерал усмехнулся — и в голове у Степы словно сверкнула молния. Как же он мог забыть? Аскольд Феоктистович! Аскольд Феоктистович Богораз!

— Хорошо, — кивнул старик. — Можете приступать, господа!

— А погоду, превосходительство... — Косухин вновь заставил себя улыбнуться. — А как же это... последнее желание?

— Резонно, — кивнул генерал. — Как обычно — папироску? Или желаете «Интернационал» исполнить?

Степа проигнорировал и тон, и содержание сказанного. Если это действительно Богораз-старший...

— Вы, Аскольд Феоктистович, когда Семена увидите, то расскажите ему, как меня, чердын-калуга, кончали. Ему интересно будет.

— Что?! — Глаза генерала сузились, и Косухин понял, что не ошибся. — Что вы сказали, молодой человек?

— А вы плохо слышите? Могу повторить...

— Не дерзите! — Генерал подошел совсем близко, голос упал почти до шепота. — Что... ты... комиссарская шкура... знаешь о моем сыне?

— А вам-то что? — Косухин пожал плечами. — Просто расскажите Семену. Он ведь все-таки Руководитель Проекта!..

Генерал отшатнулся.

— Кого вы мне привезли, господа? Дайте его документы!

— Они у вас, ваше...

— Ах да...

Богораз-старший вынул из кармана Степин паспорт. Кто-то из офицеров поспешил включить фонарик.

— Косухин Степан Иванович... Дворянин... Русское консульство в Бомбее... Косухин?! Пойдите!..

Генерал несколько секунд о чем-то думал, затем вновь поглядел на Степа. На этот раз на его лице было заметно крайнее удивление.

— Степан Иванович Косухин?.. Господин Косухин, какое вы имеете отношение к полковнику Лебедеву?

— А у нас отчества одинаковые, — буркнул Степа.

— Я бы просил вас отвечать серьезно!..

— А я че — несерьезно? Я-то вас сразу узнал — больно на Семена похожи. А если вы действительно занимались «Мономахом»...

— Молчите! — резко оборвал его Богораз и обернулся. — Снимите с него наручники, господа. И оставьте нас вдвоем.

Через минуту руки Косухина были свободны. Офицеры отошли к машине. Степа с генералом остались посреди поляны.

— С ума сошли, молодой человек! Название программы остается секретным!

— Ну да, конечно... — хмыкнул, не удержавшись, Косухин. — «Владимир» беспокоится!..

— Вы и о телеграмме знаете? Да, господин Берг совершил непростительную ошибку. Но это не освобождает нас от соблюдения тайны.

Он замолчал, а затем полез в карман за папиросой. Генерал, как оказалось, курил те самые черные «Галуаз», которые Степа уже успел распробовать.

— А мне можно? — не удержался он. Курить после всего пережитого хотелось до невозможности.

— Прошу вас, молодой человек... Итак, насколько я понял, вы младший брат господина Лебедева? И, если я не ошибаюсь, были в Индии вместе с госпожой Берг?

— Не ошибаетесь.

— Странно, вашей фамилии нет в списках допуска... Впрочем, сейчас это неважно. Господин Косухин, что вы знаете о Семене?

Вопрос был поставлен слишком широко, и Степа брякнул наобум:

— У Семена Аскольдовича очки с обыкновенными стеклышками. И он здорово аэропланы умеет водить.

На лице Богораза вновь мелькнула усмешка — на этот раз не ироничная, а обыкновенная — добрая, немного растерянная...

— Да, вы правы. Но я имел в виду другое. Семен... жив?

Тут уже растерялся Степа. Жив ли улетевший куда-то в эфир Богораз-младший, он и сам был не прочь узнать.

— Когда я видел его в последний раз, Семен был жив-здоров...

— Вы видели его в Омске? Или в Иркутске?

— Да не только там...

Приходилось подбирать слова, дабы не проговориться о том, как он в действительности познакомился с генеральским сыном.

— Мы... На Челкеле виделись.

— Что-о? — изумился генерал. — Но ведь полигон взорван и запуск не состоялся! Насколько мне известно, Семен даже не добрался туда...

Степа лишь головой покачал. Похоже, Карл Берг не только ему не спешил сообщать правду.

— «Мономах» взлетел, Аскольд Феоктистович. Ваш сын улетел на нем вместе с Колей... С полковником Лебедевым. Насколько я знаю, они вышли на эту...

— Орбиту... — тихо подсказал Богораз. — Вы сами видели запуск?

— Да, видел.

Перед глазами вновь встала холодная зимняя степь — и окутанная дымом серебристая стрела, медленно поднимавшаяся вверх в облаках белого пара...

— Не понимаю... — негромко проговорил генерал. — Не понимаю...

— А вы у господина Берга спросите, — осмелел Степа. — Я вот, чердынь-калуга, попробовал.

— Берг... — повторил генерал. — Он позвонил мне и сообщил, что в Париж прибыл агент ВЧК, который собирает информацию о «Мономахе». Велел устранить его, то есть вас, немедленно... Но... он ведь знал, кто вы?

Косухин даже не стал отвечать.

— Да, — решительно кивнул Богораз. — Это уже мое дело... А вам, господин Косухин, приношу глубочайшие извинения. Надеюсь, мои офицеры не были с вами излишне... навязчивы...

— В самый раз, господин генерал!

Перспектива близкого знакомства с заранее припасенным мешком начала отодвигаться. И Степа решил. В конце концов, Богораз-старший показался ему ничуть не глупее своего отпрыска.

— Только... Аскольд Феоктистович... Господин Берг не очень ошибся. Я, правда, в ВЧК не состою, но я действительно красный...

— Что? — В серых глазах сверкнуло изумление. — Вы?! Брат полковника Лебедева? Но тогда что вы делали на Челкеле?

— Я был комиссаром Челкеля...

Слово было сказано. Оставалось ждать, не переоценил ли он старшего Богораз.

— Комиссар эфирного полигона... — Генерал покачал головой. — Вы хотите сказать, что красные... большевики помогали запустить «Мономаха»?

Косухину очень хотелось рубануть: «А как же!», но он предпочел все же сказать правду:

— Не красные. Я помогал...

Вышло несколько нескромно, но Богораз не стал уточнять.

— Хорошо. А теперь очень коротко: когда, что, как...

«Очень коротко» затянулось минут на десять. Генерал слушал молча, время от времени кивая.

— Ясно, — заключил он. — А потом с Натальей Федоровной приключается эта странная болезнь, ее дядя уверяет, что пуск сорван, а все участники операции пропали без вести... Да, а что с господином Казим-беком?

— Погиб, — коротко ответил Косухин. Перед глазами вновь встал дом на Трегубовской и ровная шеренга бойцов с голубыми свастиками на шапках...

— Жаль Георгия! А вы не встречали господина Семирадского?..

— Убили его. — О смерти Глеба Иннокентьевича говорить особенно не хотелось.

— Упокой, Господи... — Генерал медленно перекрестился. — Мы познакомились с Глебом, еще когда он был студентом, а я — юнкером. О генерале Ирмане не спрашиваю — мне уже сообщили. Да, мы заплатили очень дорого... Постойте, Степан Иванович, но, если корабль стартовал, почему не выходит на связь Тускула?

Степа промолчал. Отвечать было нечего.

— Мы отвезем вас обратно. — Генерал жестом указал на авто. — Вы где квартируете?..

— Я... — Косухин замялся — говорить о Валюжениче не хотелось. — У одного знакомого. Студента...

— Студента? Постойте... — Генерал хмыкнул. — А его, часом, не Валюженич зовут? Американский поляк, археолог, учится в Сорбонне, недавно приехал из Индии? Интересно выходит, Степан Иванович! Берг сообщил, что этот студент — американский разведчик, который собирается чуть ли не завербовать Наталью Федоровну... Ладно, сделаем так. Я отвезу вас к Валюженичу, а Бергу сообщу, что вы ликвидированы. Завтра рано утром вы и господин Валюженич должны уехать из Парижа. Дня на три. А там — посмотрим!..

Тэд уже начал волноваться, но, увидев Косухина, мгновенно успокоился и потащил его ужинать, сообщив, что ради приезда гостя он приготовил семейное блюдо — бигос по-польски. Степа, решив не портить приятелю аппетита, проглотил тарелку этой экзотической пищи, а затем как бы случайно поинтересо-

вался, нет ли у американца дел подальше от Парижа. Тот даже не удивился.

— Оу, Стив! То я... То моя праця наукова, розумешь...

— Ты... Не спеши, Тэд...

В этом вопросе требовалась полная ясность, и Косухин сосредоточился, вспоминая советы старика. Но то, что так просто выходило у проклятого беляка Арцеулова и потомственного буржуя Шарля, получалось у Степы с немалым трудом. Наконец он приспособился и начал понимать.

— Тут такое дело, Стив, — принялся объяснять Валюженич. — Я, пока ездил на Тибет, пропустил чуть ли не год, и месье Робер того и гляди выкинет меня за безделье. Экзамены я сдал, но надо срочно закончить семестровую работу по археологии, а для этого требуется съездить в Бриньоган, в местный музей. Если бы не твоя телеграмма, я был бы уже там.

Был принесен атлас, и Степа ознакомился с местоположением полуострова Бретань и маленького городка Бриньогана, приютившегося на самом берегу Атлантического океана.

— Дня за три управимся? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Если постараться... — несколько удивился Валюженич. — Стив, а что случилось?

Ответить на такое оказалось нелегко. Косухин задумался.

— Тэд, ты это... ну, доверяешь мне?

Американец явно обиделся:

— Ты же знаешь, Стив, что я, как потомок великопольских шляхтичей и американских янки, испытываю биологическую ненависть к русским!.. Значит, мальчику Тэду опять ничего нельзя рассказать?

— Да расскажу я все! — вздохнул Степа. — Потом, в этом... Бриньогане. Хорошо?

— Ладно, Стив, — сменил гнев на милость археолог. — Недаром мне говорили, что с большевиками нельзя иметь дел... Жду приказаний, мой бригадир! Выезжаем завтра?

Степа подумал и кивнул.

— О'кей! С вокзала позвоню Шарлю, иначе, если мы с тобой исчезнем, он мобилизует своего отца-сенатора, а тот — всю французскую полицию вместе с Сюртэ женераль и Вторым бюро Генштаба...

— Ладно, — неохотно согласился Степа. — Но скажи ему, чтоб помалкивал. И вот еще что... У тебя оружие имеется?

— Откуда? — крайне изумился американец. — Я ведь мирный обыватель!

Произнеся эту фразу, Валюженич подмигнул, а затем извлек из шкафа замотанный в тряпки револьвер и несколько обойм.

— Рядовой Валюженич к бою готов!.. Кстати, о визите к Бергу, как я понимаю, расспрашивать тоже не следует?

Косухин лишь молча покачал головой. Бог весть как отреагировал бы горячий парень Тэд на его вечернее приключение! И хорошо, что они уезжают к черту на кулички! Менее всего Степа хотелось подставлять под пули наивного «акэолоджи». Только бы стая потеряла их след...

Тэд поднял Косухина в половине шестого. Он спал еще меньше: рюкзак был уже собран, у порога лежали две аккуратно завернутые в мешковину кирки. Вычищенный револьвер забрал себе Степа. Последними были уложены большая карта Бретани с какими-то пометками и пухлая тетрадь. Проблема была лишь с деньгами. У студента таковые оказались на исходе, а посему решили поменять Степины фунты-стерлинги, но не в Париже, а в банке города Ванна, где как раз следовало делать пересадку.

...Пока такси мчало их на вокзал, Косухин прикинул, что для поездки в обыкновенный провинциальный музей кирки не нужны, — но не стал заострять на этом внимания.

С вокзала Валюженич позвонил в особняк Карно, разбудил видевшего сладкий сон Шарля и кратко проинформировал о происходящем. Тот попытался задавать вопросы, но затем капитулировал, пообещав молчать как рыба и ничего не предпринимать.

В купе второго класса Тэд и Косухин оказались вдвоем. Американец предложил поспать, заметив, что наука «акэолоджи» требует умения спать в любое время дня и ночи, дабы в нужный момент быть готовым действовать в полную силу. Степа полностью одобрил правила сей мудреной науки. Валюженич немедленно уснул, а Косухин долго глядел на мелькавшие за окном деревеньки, на добротные дома, крытые красным шифером, в очередной раз жалея, что его знакомство с Францией складывается так неудачно. Даже рассказать оставшимся в России друзьям-товарищам и прежде всего давнему приятелю Кольке Лунину будет, считай, и нечего. Разве что обрисовать забавную сценку на лесной поляне, но за подобными впечатлениями можно было не ехать так далеко.

После полудня отоспавшийся Тэд решил ввести своего недостаточно подкованного в науке «акэолоджи» приятеля в курс дел. Степа приготовился слушать: о Берге говорить было рано, а кроме того, ему и в самом деле стало любопытно. При всем презрении к вредному сословию интеллигентов красный командир уважал науку, которая, как известно, приближает светлое будущее всего человечества.

Для начала Валюженич попытался объяснить название сво-

ей семестровой работы. На этом рассказ замер — и надолго, ибо американец писал на тему «Атрибутация памятников Псевдоартуровского круга на примере Бретани». Не помогали ни мимика, ни скудный Тэдов запас русских слов.

— Ты бы попроще! — взмолился Косухин, мысленно ругая проклятый царизм, не давший возможности получить должное образование. Слово «атрибутация» его особо пугало.

— Ну, Стив!.. Куда уж проще? — Валюженич вздохнул и начал говорить медленно, выделяя каждое слово: — В Западной Европе бытуют легенды о короле Артуре. Он жил давно и правил королевством, которое называлось Логрис. Этот Логрис по одним данным находился в Англии, но по более древним — во Франции, в Бретани. Пока понятно?

— Валяй дальше! — Покуда и вправду было понятно.

— В Средние века Артура очень почитали. В Бретани было много мест, которые легенды связывали с его именем. В церквях и в частных домах хранилось много артефактов, которые якобы относились к Артуру и его рыцарям. Все эти вещи — более поздние, но очень интересно, как в Средние века люди себе представляли Артура и все, что с ним связано.

— Ага, стой! — Кое-что начало доходить. — Ты описываешь эти, чердын-калуга, артефакты...

— Йе! Оружие, украшения, одежда...

— Ну, это я понял, — задумался Степа. — Ты, значит, едешь по музеям...

— Я уже почти все сделал. Только Бриньоган остался. Музей там очень старый, создан еще при Людовике XVI.

— Угу-угу.. — Косухин сделал вид, что поверил, а затем внезапно, как это делал при допросах пленных, рубанул: — А кирками ты, Тэд, решил чего, в витринах музейных ковыряться?..

— Кирки?.. — растерялся Валюженич. — Понимаешь, Стив... Э-э-э...

Он затих, потом вздохнул и начал рассказывать о главном.

За эту пару месяцев Валюженич объездил почти всю Бретань — и не зря. В одном из архивов ему удалось найти рукопись XII века, в которой совсем по-другому рассказывалась история Логриса.

— Понимаешь, Стив, в этой рукописи сказано, что логры — не люди. Они трикстеры, оборотни. Пришли откуда-то с востока, настоящее их название — дэрги. Там даже приводится несколько заклинаний. Похоже, это действительно какой-то древний язык... В общем, эти логры-дэрги повелевали обычными людьми, причем творили настоящие чудеса. Во всех легендах об Артуре сказано, что он смог вытащить впаянный в камень меч одной рукой...

— Так это же сказки! — пожал плечами реалист Степа.

— Йе, конечно! Но что интересно: я рассказал об этих дэргах шефу — месье Роберу, а он показал мне выписку из одной византийской рукописи, где говорилось о том же, только дэрги там назывались «дарами». Значит, эту легенду знали и в Византии!

— Дары! — что-то знакомое промелькнуло в памяти. Дэрги... Дары... Дхары... Ну, конечно! Родион Геннадьевич!

Тэд удивленно умолк, а Степа медленно, чтобы не сбиться, стал пересказывать все, что сумел вспомнить: об учителе-дхаре из таежного села, о поселке Якша на Урале, где живут потомки дхаров и молятся возле какого-то Дхори Арха, о Перстне Духов, которых Родион Геннадиевич называл «вагры»...

Валюженич слушал с открытым ртом, затем судорожными движениями выхватил тетрадь, стал быстро записывать.

— Стив! Что ж ты молчал?

— Да откуда мне было знать, что это, чердынь-калуга, тебе интересно? — резонно возразил Степа. — Ну, легенды... Ты же сам говоришь, что дэрги пришли с востока!

Как раз к месту вспомнилось, что Родион Геннадьевич говорил о своей статье, которая была издана в каком-то академическом журнале...

— Наверное, «Известия Императорской Академии наук»! — Тэд сделал пометку в тетради. — У нас в библиотеке есть все комплекты, пересмотрю за час. Хорошо, что я научился немного читать по-русски! Ну, Стив!

Косухин, впрочем, не числил за собой особых заслуг. Дары-дэрги — особого толку в этих сказках он не видел. К тому же пока ничего не было сказано о кирках...

Тэд вздохнул:

— Оу, Стив, ты заставляешь меня признаться в покушении на закон!..

...В этой же рукописи американец прочел о том, что логры-дэрги владели четырьмя священными реликвиями, чья волшебная сила позволяла удерживать власть над людьми. Первая из них — знаменитый меч Артура.

— В поздних рукописях его называли «Эскалибур», — пояснил Тэд, — но в этой книге он назван просто Темный Меч. Он давал силу поражать врагов на расстоянии...

Косухин согласился, что подобное оружие вполне могло бы пригодиться и в двадцатом веке.

— ...Потом — знаменитое кольцо Артура, перстень, заклинавший духов...

Степа вздрогнул. Серебряный Охс Вагрэ — Перстень Духов, тот, что носил Арцеулов, о котором спорили Богораз и Семирадский! Кольцо, привидевшееся Степе на руке Берга!..

— А какой он, перстень этот? — осторожно спросил он.

— Оу, серебряный с большим белым камнем. Этот камень мог менять цвет.

Описание не подходило. На перстне Арцеулова никаких камней не было — лишь массивная серебряная печатка с двумя змейками. Да и можно ли верить всяким сказкам?

— Кольцо и меч последние логры унесли с собой на восток. По легенде у них была еще одна, самая главная реликвия — Венец Логров. Этот Венец позволял предвидеть будущее и знать о прошлом...

— Так ты его, чердынь-калуга, выкопать решил? — хмыкнул Косухин. — Дашь, «акэолоджи»!

— Венец Логров был разбит во время последней битвы Артура с Мордредом. Его осколки пропали бесследно. Но у дэргов оставалась четвертая реликвия — ножны...

Валюженич открыл тетрадь и показал Степе рисунок:

— Так было в рукописи. Эти ножны защищали владельца от любого оружия. Перед последней битвой их похитили у Артура, поэтому он получил смертельную рану. В Бретани в музеях хранятся две пары таких ножен — конечно, все более поздние...

— Подделки! — разочарованно протянул Косухин. — Вот если бы знать, где настоящие...

— Если б знать... — согласился Валюженич и, внезапно склонившись к самому уху Степы, прошептал: — Я знаю!

— Чего-о? — не поверил тот.

— Я знаю, где настоящие, Стив! В рукописи сказано! Там есть даже рисунок места, где они спрятаны! Понимаешь?

— Ну, это еще бабушка надвое сказала! — махнул рукой недоверчивый Косухин. — Да с этого самого XII века могло ничего не уцелеть!

— Уцелело, Стив! Я проверял! Это церковь Святого Иринея неподалеку от Бриньогана, она разрушена в годы революции, но стены и фундамент уцелели, понимаешь? Там сейчас пусто, развалины!..

— А закон?

— Ну, вести раскопки без разрешения нельзя... Стив, я буду копать сам. Ты останешься в городе.

— Вот еще, чердынь! — возмутился Степа. — За кого ты меня, Тэд, принимаешь? Нет, Тэд, ты точно гнилой интеллигент. Ладно, поищем твои ножны. И это все?

— Мало? — удивился Валюженич. — В рукописи еще сказано, что, потеряв реликвии, логры лишились своей силы и были покорены людьми. Но что сила вернется к ним, если удастся собрать все четыре реликвии вместе...

— Сказки! — зевнул Степа. — И тебе, Тэд, за эту бузу деньги

платят? Я б на это и гроша, чердын-калуга, не дал, разве что когда коммунизм настанет и всем будет по потребностям...

На это несознательный Валюженич заявил, что ждать придется слишком долго, и Степе пришлось пуститься в длительные разъяснения по поводу основных теоретических положений единственно верного учения.

...До Ванна добрались лишь к вечеру. Пришлось заночевать в привокзальном отеле, потратив последние деньги, с тем чтобы наутро зайти в банк. С банком чуть было не вышла неувязка. Когда забывший о бдительности Степа вывалил перед кассиром пачку фунтов, у того на лице появилось такое выражение, что Косухин чуть было не схватился за револьвер. Положение спас Валюженич — вернее, его американский паспорт. Лицо кассира мигом приняло совсем иное выражение, фунты были разменены на франки, а Степа еще раз обругал себя за беспечность.

По пути на вокзал, воспользовавшись часом свободного времени, Тэд свернул к серой громаде Ваннского замка и провел Степу вдоль огромных стен, показав полуразрушенные башни и старинные, обитые проржавелым железом ворота. Археолог сыпал именами герцогов Бретонских, творивших в этих стенах свои феодальные безобразия, а Косухин лишь качал головой, прикидывая, что взять замок мудрено даже сегодня, разве что с помощью батареи тяжелых гаубиц. Напоследок американец поведал историю какого-то Робера д'Артуа, который данный замок штурмовал и здесь же нашел свою смерть. Валюженич пояснил, что сей Робер д'Артуа, оказывается, был авантюристом, спровоцировавшим Столетнюю войну. Узнав об этом, Косухин рассудил, что печальный финал милитариста более чем закономерен.

В Ванне оставалось еще много любопытного, но следовало спешить на поезд. Вагон оказался забит фермерами, ехавшими с Ваннской весенней ярмарки, и путешественники забились в угол купе, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Впрочем, их соседи были заняты разговорами, разве что то и дело пытались угостить Тэда и Степу местным кальвадосом, который оказался на поверку жуткой кислятиной.

В Бриньоган поезд пришел после полудня. Подождав, пока высыпавшие из поезда фермеры разойдутся, Валюженич предложил пройтись к морю и наметить дальнейший план действий. На берегу, где сушились на кольях старые рыбацкие сети и замерли вытащенные на берег черные баркасы, в этот час было безлюдно. Погода испортилась. Дул холодный ветер, небо покрылось тяжелыми тучами, по серой поверхности моря одна за одной шли высокие, в гребешках пены волны.

— Не похоже на Индийский океан! — поежился Валюженич. — А вообще-то хорошо. Люблю море!

— Вроде Балтики, — рассудил Степа. — Невесело тут, чердынь-калуга!

— Оу, это замечательные места, Стив! Здесь высаживались викинги Эриха Рыжего! Представляешь?

— Не-а, не представляю, — улыбнулся Степа. — Я ведь, Тэд, неученый совсем!

Валюженич тоже усмехнулся:

— Ничего, Стив, кончится ваша дурацкая война, я прижму своего папашу, Шарль — своего, и мы определим тебя в Сорбонну. Ну, если захочешь — в Кембридж.

— Куда, чердынь-калуга? Не, товарищ акэолоджи, у меня дела. Пока во всем мире Коммуну не построим!..

— Стив! Слушай, да это же сказки! — не выдержал Валюженич. — Ты же умный человек! Как можно верить в эту эсхатологию?

— Во, слова выучил, — покачал головой Степа. — Это не сказки, Стив. Просто за это надо дорого заплатить.

— Догадываюсь чем. Если, к примеру, головой Ростислава и твоей — то я не согласен. Своей, кстати, тоже.

Степа не стал вступать в эту бесплодную дискуссию. Он хорошо знал, что весьма часто гибнут как раз те, кто вовсе не собирается отдавать жизнь. Но эту очевидную истину развивать не хотелось.

— Ладно, Тэд! Потом про твою эсхатологию потолкуем... Вот чего со мной в Париже было. Только не перебивай, а то собоюсь.

Валюженич слушал, лишь качая головой. На его подвижном лице то и дело появлялась гримаса то ли удивления, то ли крайнего возмущения.

— Знаешь, Стив, — не выдержал он, — ты настоящий дикарь. Полинезиец, мумба-юмба, в крайнем случае — зулус!

— Благодарствую, — степенно отвечивал Косухин.

— Мы же в цивилизованной стране, а не на Тибете! Надо было немедленно заявить в полицию, там бы этого генерала мигом познакомили с соответствующими статьями уголовного кодекса! Мешок с кирпичами... Может, тебе этого Богораза жалко? Слушай, ты вообще за белых или за красных?

— За красных. Разве в Богоразе дело? Вот Берг...

— Йе, тут ты прав. Слушай, а ты это кольцо разглядел?

Валюженич, как это часто случалось, сумел ухватить главное. Но Степа не мог ничего сказать наверняка. Почему бы Бергу не иметь похожий перстень? Но на душе было тревожно.

Они вернулись на вокзал, забрали из камеры хранения рюкза-

зак и кирки и двинулись в город, но успели лишь пересечь маленькую привокзальную площадь, как послышалось фыркание. Из ближайшего переулочка выкатилось небольшое ярко-красное спортивное авто. Валюженич остановился и вздохнул.

— Что? Ты чего? — не понял Косухин.

— Как говорят в детективных романах, я так и знал...

Недоумевающий Степа проверил прикрепленный у пояса револьвер, но тут же все разъяснилось. Дверца красного авто открылась, и оттуда выскочил Шарль Карно в зеленой военной куртке, но без погон.

— О-ля-ля! Где вас носит? — воскликнул он недовольным тоном. — И вообще, Тадеуш, с твоей стороны это последнее свинство! Мы же договаривались ехать вместе!

Впрочем, встретив потерявшихся приятелей, Карно быстро успокоился, сообщив, что он сам, равно как и его персональное авто, в их полном распоряжении. Он добавил, что до развалин церкви Святого Иринья километров двадцать, а такси в этих диких местах не водятся. Косухин вздохнул — тайная экспедиция Тогда оказалась не такой уж тайной.

Автомобиль вновь фыркнул, чихнул и бодро покатил по мощенной булыжником улице. Бриньоган был двухэтажным: каменные, крытые бурой черепицей дома, казалось, успели пережить не одно столетие. Люди встречались редко, небольшой, под деревянным навесом рынок был пуст, лишь иногда по брусчатке мостовой проезжали велосипедисты или крестьянские повозки.

— Провинция! — прокомментировал Карно. — Живой музей! Уверен, что половина здешних обитателей думает, что Францией до сих пор правят Бурбоны. Мой предок посылал в эти места не одну карательную экспедицию, да все без толку.

Косухин с пониманием поглядел на Шарля. Что такое карательная экспедиция, объяснять не требовалось. Карно уловил его взгляд:

— Здесь жили отчаянные контрреволюционеры — белые, прямо как у вас. У меня, признаться, душа кипит. Самое шуанское гнездо! Эх, сюда хотя бы одну «адскую колонну» генерала Россиньоля!..

Впрочем, Бриньоган на этот раз избежал участи, обещанной ему потомственным революционером. Автомобиль, изрядно распугав лошадей и удивив редких прохожих, затормозил у двухэтажного дома, где размещался местный музей. Появление трех гостей из Парижа произвело настоящий фурор. Пожилой директор потащил их в свой кабинет, угостил все тем же кальвадосом и сообщил, что музей в полном распоряжении «господ из Сорбонны».

Валюженич тут же устремился в кладовку, носившую науч-

ное название «фонды». Шарль с Косухиным для начала прошли по второму этажу, где была представлена основная экспозиция, но вид старинных доспехов, прялок и потемневших от времени распятий вызвал у Степы смертную тоску. Между тем Карно потребовал предоставить им отдельную комнату и кофейник, что было мигом исполнено. Затем неугомонный Шарль заварил кофе, а сам удалился, вскоре вернувшись с огромной книгой, обтянутой потемневшей от времени кожей.

— Взял на время из экспозиции, — сообщил он. — «Хроника Бретани» XIII века — самое ценное, что имеется в здешнем сарае.

Он осторожно раскрыл медные застёжки и со скрипом поднял обложку.

— Просто преступление, что это находится не в библиотеке Сорбонны! Здесь ее того и гляди отдадут сапожнику! Смотри, Степан...

Косухин без особого интереса поглядел на ровные ряды аккуратно выписанных черными чернилами букв, на красную кинувшую заглавий, на странные, не похожие ни на что рисунки.

— Про войну? — поинтересовался он на всякий случай.

— Угу. Почитать хочешь?

Степа лишь улыбнулся, но Шарль, глотнув кофе, пододвинул стул поближе.

— Я хотел показать тебе одну вещь. Сомы дэви дают человеку куда больше, чем умение понимать без переводчика. Смотри сюда — просто разглядывай текст. Только внимательно!

Степа стал недоверчиво всматриваться. Буквы были занятные, но совершенно незнакомые. Он добросовестно вглядывался минуту-другую и уже хотел отдать рукопись Шарлю, когда в голове внезапно промелькнула странная фраза: «Многих порази...» Косухин вздрогнул, стал медленно водить пальцем по строке, и странный далекий голос начал подсказывать ему:

— «Пришли в лето Господне 983-е безбожные язычники-даны и взяли аббатство Святого Лаврентия, могилы вскрывши и живых многих порази. И поднял герцог Пьер свое знамя над главным донжоном Ванна...»

Степа зажмурился. В ушах шумело. Он вновь открыл глаза, бросил взгляд на пожелтевший лист пергамента...

— Получается? — нетерпеливо бросил Карно. — Получается, Степан?

— «Поднял этот... герцог свое знамя над главным... как его... донжоном Ванна...» — неуверенно повторил Степа.

— «...И созвал рыцарей храбрых и вассалов их, и двинулся на данов в третий день после Троицы...» — подхватил Шарль, глядя в книгу. — Теперь понял?

— Это на французском, что ли? — жалобно спросил Косухин.

— Хуже, Степан. Это испорченная средневековая латынь. Ее даже специалисты читают с пятого на десятое. Это что! Позавчера я взял хеттский текст. Его вообще никто еще не переводил. И вот, пожалуйста, узнал о каком-то Табарне, который ходил войной на город Цальпу и захватил быков и три колесницы. Жаль, никто не поверит... Больше не читай — устанешь с непривычки.

Степа и не собирался знакомиться с рукописью дальше. Впечатлений хватало. То, что он умел теперь, было поразительно, но совершенно бесполезно. На что ему, командиру Рабоче-Крестьянской Красной Армии, умение читать этот архивный хлам?

— Голова не болит? — поинтересовался Карно, заметив его состояние. — У меня сперва дико болела. Ничего, Степан, это только начало. Я уверен, что смогу еще больше. Представь, беру старое письмо — и начинаю разговаривать с автором!

— Свихнешься!

— Может быть. Паду жертвой науки, — рассмеялся Шарль. — Во всяком случае, это нужнее для человечества, чем сгнуть где-нибудь у вас в Таврии во время штыковой.

Степа был настолько под впечатлением от случившегося, что даже не нашел в себе сил кинуться на защиту столь нагло попираемых пролетарских идеалов. Стало страшно. Он боялся Шарля и еще больше — себя. Странный дар получил он в заброшенном храме, когда пил из холодной серебряной чаши...

Валюженич появился часа через три. Бросив на стол тетрадку, он хлебнул холодного кофе и удовлетворенно проговорил:

— Две кольчуги, ожерелье, ножны и обломки меча. Все — не старшее XII века. Теперь порядок! Скучали? Шарль, ты что, за «Хронику» взялся?

— Перелистал, — небрежно заметил Карно. — Мы со Степаном картинки разглядывали. Ну что, можно ехать?

— Да. Я как бы ненароком спросил — там сейчас пусто. Церковь обследовали года два назад, но лишь сняли план и сфотографировали...

— Тогда поехали! — Карно встал и потянулся. — Как говорится: «Вперед, сыны отчизны милой, мгновенье настает...»

Косухин вяло поплелся вслед за оживленными археологами. Предстоящая поездка ему почему-то окончательно разонравилась. Книга еще ничего, а вот если Карно вздумает поговорить с какой-нибудь каменной статуей!..

...Авто мчалось по пустынной дороге. Слева и справа виднелись поля, на которых колосилась невысокая, только начинавшая желтеть озимая пшеница. Затем поля кончились, потяну-

лись пастбища, по которым бродили упитанные бретонские буренки. Земля была неровной, то и дело горбилась небольшими холмами, там и сям громоздились серые валуны. Все это было под стать безрадостной погоде и поневоле наводило на невеселые мысли.

Впрочем, Карно и Тэд не обращали на природу ни малейшего внимания. Шарль долго язвил, обвиняя приятеля, в научном эгоизме и нетоварищеском поведении, обрисовав яркую картину путешествия бросивших его приятелей на старой крестьянской подводе, которая всенепременно опрокинула бы их в кювет. Валюженич отшучивался, но вынужден был признать преимущества автомобильного транспорта. Затем оба пустились в рассуждения о святом Иринее, и Карно принялся рассказывать о каком-то Овернском Клирике, написавшем уникальное жизнеописание святого.

Косухин молчал и лишь время от времени оглядывался назад. Дорога была пуста, но береженого, как известно, Бог бережет, и Степа на всякий случай вынул револьвер и еще раз проверил оружие. Наконец, где-то через час, автомобиль нырнул в лес, а затем остановился.

— Здесь, — заметил Валюженич, разглядывая карту. — Где-то рядом...

Они посоветовались, и Карно медленно поехал вдоль кромки леса. Внезапно стена высоких деревьев оборвалась.

— Ага, поворот! — обрадовался Шарль.

Автомобиль свернул на узкую лесную просеку. На этот раз ехали недолго. Деревья поредели, и перед глазами предстала большая поляна, в глубине которой темнел силуэт полуразрушенной церкви. Трава обступила стены, тянулась выше, покрыв рухнувшие своды и давно пустые проемы окон. Возле разбитого купола выросло несколько молодых деревьев.

— Она! — удовлетворенно кивнул Карно. — Романский стиль. Построена в X веке, разрушена коллегами моего прапрадедушки в годы войны с шуанами. Насколько я знаю, здешний священник прятал самого Фротто. Этому негодяю в тот раз удалось уйти, а попа гильотинировали тут же — перед входом.

Валюженич кивнул, хотя думал явно о другом.

— Спрячем машину вон за теми деревьями. У нас часа два до темноты... Но... может, все же не стоит?

— Ставлю на голосование. — Карно обернулся к Степе. — Я — за то, чтобы попытаться. Ты, Степан?

Косухин пожал плечами:

— Раз уж ехали, чердынь-калуга!..

— Почти единогласно. Командуй, Тадеуш!

— Йе! — Нерешительность Валюженича разом исчезла. —

Стив, бери рюкзак, пошли! Шарль, прячь машину и забери ключ — на всякий случай. Ну, вперед!

Трава доходила до колен. Под ноги то и дело лезли камни, когда-то рухнувшие с церковных стен. Приходилось идти осторожно, рассчитывая каждый шаг. Сзади послышалась ругань: догонявший их Карно оступился и теперь поминал святого Ирины не самыми теплыми словами.

Вход — дверь без створок и несколько ступенек — сохранился, но внутри уже почти ничего не напоминало о храме. Там тоже росла трава, громоздились кучи покрытых мхом камней. Свет, падавший через пустые окна и пробитую крышу, освещал картину полного хаоса и запустения.

— Поработали тут! — Карно догнал приятелей и покачал головой, оглядывая то, что было когда-то церковью. — Скульптуры — и те разбили! Неудивительно, что здесь никто не бывает.

Стены были действительно пусты. Лишь одинокий ангел, случайно пощаженный временем и людьми, грустно посматривал на пришельцев, выглядывая из невысокой ниши.

Валюженич остановился прямо под куполом и открыл тетрадку, где была начерчена мудреная схема. Несколько минут он осматривался, затем показал что-то Шарлю. Тот кивнул.

— О'кей, джентльмены. — Тэд закрыл тетрадь. — Стена возле алтаря, три шага на запад...

Из рюкзака были извлечены складной метр и компас, после чего американец принялся за какие-то сложные измерения.

— Шеф убил бы нас за такую профанацию археологии, — заметил Карно, деловито расчехляя кирки.

— Йе, самому стыдно. Но что поделаешь?

— А как это... ну, по науке копать надо? — осмелился спросить Степа.

В ответ послышался дружный смех:

— Оу, Стив, рассказать — испугаешься!.. Ага, кажется, здесь.

Тэд решительно ткнул ботинком в мощную каменную кладку:

— Чуток придется подрывать — полметра, не больше. Начали!

Шарль уже снял свою зеленую куртку и, засучив рукава, держал кирку наперевес. Второй киркой овладел Степа, не желавший оставаться в стороне. Мелькнула мысль выставить пост, но тут же пропала: в этой глуши бояться вроде нечего и некого.

Валюженич руководил. На его носу грозно блистали стеклышки очков, а в голосе неожиданно прорезался командирский металл:

— Шарль, покажи Стиву, как надо копать. Это же кирка, а не мотыга! Не нарывай много земли, ударил раз-другой — и отбрасывай... Шарль, копай вдоль стены!

— Не учи ученого. — Пухлый буржуй Карно, к удивлению Степы, орудовал киркой быстро и красиво. У Косухина дела шли хуже. Лопатой он был орудовать мастак, а вот с киркой

сталкиваться не приходилось. Впрочем, яма углублялась быстро, уже начали проступать засыпанные землей камни кладки — темные от влаги, с проросшими сквозь щели белыми корнями травы. Через некоторое время Валюженич сменил Шарля.

— Тадеуш, мы забыли помолиться! — заметил Карно, с удовольствием закуривая и пуская сизые кольца дыма. — Ириней был великим борцом с нечистью, так что можешь представить, сколько ее сюда набежало, когда храм разрушили!

Валюженич только хмыкнул. Яма уже напоминала настоящую могилу. Тэд покачал головой и провел киркой черту, показывая, что выкопанное следует расширить.

— Все вы, американцы и русские, безбожники! — продолжал обнаглевший буржуй. — Тебе, Тадеуш, с твоим прагматизмом никогда не найти реликвии Артура!

— Ты еще про Грааль скажи, — подзадорил его Валюженич, соскребая киркой налипшую на кладку землю.

— А что? У меня появились по этому поводу неплохие мысли...

Карно затоптал окурок и сменил Степу, который поспешил также достать курево.

— Мужики, а что такое Грааль? — в свою очередь, поинтересовался он.

В ответ вновь послышался смех.

— Еще один граалист! — хмыкнул Карно. — Грааль — древняя святыня логов. Считают, что это то ли чаша с кровью Христа, то ли драгоценный камень. Артур и его рыцари только и занимались тем, что его искали...

— Ты упрощаешь, Шарль, — заметил Валюженич.

— О-ля-ля! Это я упрощаю? Это твои любимые трубадуры натрубили Бог весть что. Во-первых, Грааль не чаша и не камень, а святилище. Во-вторых, он не был скрыт, просто туда пускали лишь посвященных. Там, похоже, был действительно какой-то священный камень...

— О'кей, а в-третьих, выбрасывай землю. Все, займемся кладкой...

Теперь кирки били глухо, слышался неприятный скрип — камни поддавались с трудом. Степа попытался прийти на помощь, но археологи дружно его отогнали. Наконец первый камень был выворочен.

— Промазали, — сообщил Карно, ткнув киркой в отверстие. — Там продолжается кладка. Какой берем, слева или справа?

— Справа, — решил Валюженич, и кирки заскрипели снова.

Между тем в разрушенной церкви начало заметно темнеть — майский день клонился к закату. Тени густели, и Степе вдруг стало тревожно. Вспомнилась другая церковь — но не каменная,

а деревянная. Там тоже было темно, лишь горели огарки свечей и такие же черные тени наползали из углов...

— Есть... — Валюженич поддел шатающийся камень и легко отпрыгнул в сторону. Карно не утерпел и сунул в отверстие кирку.

— Пусто! — воскликнул. — Здесь пустота! Тадеуш, ты — гений!

— Оу, я это знал! — Валюженич, достав из рюкзака фонарик, осветил в темное отверстие. — Шарль, надо снять еще один камень.

Карно застонал от нетерпения. Две кирки впились в серый известняк.

— Могила? Тадеуш, это погребение? — нетерпеливо спросил Шарль. — Что это?

— Для могилы слишком мало места. — Тэд светил фонариком, не подпуская Карно, так и норовившего сунуть в отверстие руки. — Хотя... какой-то сосуд, красная глина... и что-то продолговатое... Отстань, Шарль, я зарисую. Лучше посвети!

Карно вновь застонал, но Валюженич достал карандаш и начал добросовестно рисовать в тетради то, что высветил луч фонаря. Между тем в церкви уже почти стемнело, только сквозь разбитый купол и верхние окна еще сочился неяркий серый сумрак.

— Я, кажется, знаю, — наконец заявил Тэд. — Это все-таки могила, Шарль. Бретонский обычай.

При слове «могила» Степу передернуло, и он машинально ошупал спрятанный за поясом револьвер.

— Это как? — удивился Карно. — Постой, это когда тело сначала закапывали на несколько лет в землю, а потом кости складывали в сосуд и...

— Пять баллов и зачет у шефа. Да, обычай времен Крестовых походов. Ладно, вроде зафиксировал. Стив, хочешь лично вытащить эти бесценные артефакты?

От такого предложения Косухину стало не по себе. Никакого желания он не ощущал, но отказываться было стыдно. Степа вздохнул и неожиданно для себя перекрестился. Оглядевшись, он с удовлетворением понял, что этот недостойный большевика поступок никем не замечен, и, вновь вздохнув, полез в яму.

— Сначала сосуд, — велел Валюженич.

«Сосуд» оказался обыкновенным горшком с крышкой. Очевидно, в нем была трещина, поскольку глина стала прямо под руками распадаться, и Степа еле успел поставить находку на землю. Сквозь распавшиеся стенки тускло засветилось под лучом фонаря что-то желтое...

— Так и есть, — кивнул Валюженич. — Кости. Интересно, в таких погребениях почти никогда не находят черепов. То ли они хоронили их отдельно, то ли...

— Степан, давай дальше! — Карно явно сгорал от нетерпения.

Следующий предмет показался каким-то странным, и Косухин никак не мог сообразить, что это может быть. Только когда луч фонарика осветил находку, стало ясно: ножны — кожаные, покрытые позеленевшими бляшками. В ножнах был меч, вернее, все, что от него осталось, — потрескавшаяся костяная рукоять с медным крестом.

Карно покачал головой и произнес по-французски какую-то непонятную фразу. Заметив, что Косухин его не понял, он медленно повторил:

— «И это все? Да как же это так? Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно!» Это из Бодлера, Степан. Был такой пролетарский поэт...

— Хорошо, фиксируем. — Валюженич уже вооружился карандашом и открыл тетрадку. — В тайнике найден меч в ножнах. Ножны кожаные, с металлическими накладками. Рукоять меча костяная. Сохранность — неудовлетворительная. Меч можно предварительно датировать второй половиной XI века...

— Седьмой тип по классификации Шаррона, — кивнул Карно. — В общем, труха. Сдадим в наш музей — первокурсникам показывать. Ну как, Степан, нравится?

Но Косухин не отвечал. Вот уже несколько минут он напряженно вслушивался. Сомнений не было — где-то неподалеку работал автомобильный мотор.

ГЛАВА 3

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

— Влипли! — Валюженич тоже услышал и негромко выругался. — Не иначе лесник или жандармы. Стив, забрось кирки подальше!..

— Постой, я выясню, в чем дело. — Карно накинул куртку и отряхнул землю с ботинок. — Тадеуш, у тебя есть разрешение на разведку?

— О'кей, имеется. Только бы не заметили меч...

— Спрячь. Поговорю с ними — задержу на пару минут...

Карно быстро пошел к еле заметному в наступившей темноте выходу. Тут только Степан начал что-то соображать.

— Шарль! — крикнул он. — Вернись! Не ходи!

Но Карно, не слушая его, уже ловко пробирался по каменным завалам.

— Ничего, Шарль им заморочит головы. — Валюженич,

спрятав находки между камней, начал быстро закидывать яму. — Стив, помоги!

Камней под руками было более чем достаточно, и вскоре черное отверстие исчезло под их грудой. Теперь в царившем в храме сумраке заметить следы работы было трудно.

— Кирки спрятали, — бормотал Валюженич. — О'кей, Стив, мы студенты Сорбонны, обследуем старинные церкви... Ну надо же, в таком глухом месте — и наткнуться!..

Степа не верил в подобные случайности, и револьвер был уже давно извлечен из кармана пиджака. Шум мотора стих, настала тишина, затем послышались шаги. В проеме двери проступили черные тени...

— Господин Косухин! Не вздумайте стрелять!

Степа похолодел. Ни лесник, ни местные жандармы не стали бы кричать по-русски.

— У нас ваш приятель! После первого же выстрела мы продырявим ему голову. Сдавайтесь, господин Косухин!

— Там Шарль! — сообразил Тэд. — Стив, что нам делать?

— Ничего...

Степа встал и передал Валюженичу револьвер. Придумывать и в самом деле было нечего.

— Я здесь! — крикнул он в темноту. — Я сдаюсь!

Темные фигуры вошли в церковь. Прибывшие чертыхались, перебираясь через каменные завалы. Косухин быстро пересчитал — пятеро.

— Где Шарль? — спросил он, надеясь выиграть время. В тот же момент вспыхнул фонарик. Луч метнулся по серым стенам, затем осветил троих: Карно — растерянного, с наручниками на запястьях, и тех, кто шел рядом. Фонарик почти сразу же погас, но второго Степа узнал сразу — того самого, в черном смокинге, который встречал его в особняке Берга. А третьим, к его немалому удивлению, оказался Гастон де Сен-Луи собственной персоной.

— Сюда! — приказал голос из темноты. — Нам нужны вы, господин Косухин. Ваших друзей мы отпустим...

Выбирать было не из чего. Степа шепнул Тэду: «Прячься» — и медленно пошел вперед. Валюженич на миг замешкался и вдруг, одним прыжком догнав Косухина, зашагал рядом. Краем глаза Степа заметил, что американец держит в руках свою бесполезную находку — ржавый меч в потрескавшихся кожаных ножнах..

— Тэд! Назад! — вновь прошептал он, но было поздно. Луч фонаря ударил в лицо.

— Тэд!!!

Валюженич усмехнулся и положил руку на Степино плечо. И тут темнота заговорила:

— Господин Косухин! Господин Берг велел найти вас, чтобы сообщить о вашем брате...

— Что?! — Степа рванулся вперед, но рука Валюженича удержала его на месте. — Где Николай, гады?

— Отправляйся к нему, красная сволочь!

Сухо шелкнули курки. В тот же миг американец, по-прежнему крепко державший Косухина за плечи, поднял перед собой меч, словно надеясь заслониться от пуль. Послышался смех — и тьму прорезали вспышки выстрелов.

Степа сообразил, что падает. Затем — что жив, лежит на земле, а в правую руку ему суют рукоять выроненного им револьвера.

— Стив, о'кей? — шепнул Валюженич. Степа удивленно вздохнул, затем опомнился и замер.

— Готовы? — послышалось невдалеке.

— Да, оба. Я бил комиссару прямо в сердце.

— Но все-таки проверьте. По-моему, этого американца только ранило...

В темноте закрипели шаги, и через минуту над замершими Степой и Тэдом склонились две фигуры в черных смокингах.

— Готовы!..

В ту же секунду Степа резко перевернулся и, почти не целясь, нажал на курок. Выстрел, второй — и два тела глухо ударились о землю.

— Что случилось, господа?

«Третий, — подумал Степа. — Всего было четверо — и Шарль».

Вспыхнул фонарь. Луч света растерянно качнулся из стороны в сторону и замер, наткнувшись на трупы. Косухин выстрелил вновь, навскидку — фонарь дернулся и упал на землю.

— Шарль! — заорал Валюженич. Где-то рядом слышалась возня, затем кто-то ойкнул, наконец раздался голос Карно:

— Ребята, я держу его! Скорее!

Косухин включил фонарь. Шарль Карно лежал на земле, навалившись на Гастона. Рядом неподвижно застыл еще труп в черном смокинге.

— Шарль! — Валюженич уже бежал вперед, но тут Сен-Луи дернулся, отбросил Карно в сторону и, спотыкаясь, кинулся к выходу.

— Наручники, смерть Господня! — Шарль выругался и беспомощно оглянулся. Степа уже был рядом.

— Давай руки!

Карно поднял скованные руки вверх, и Косухин одним выстрелом разбил цепочку. Шарль хлопнул Степу по плечу и подобрал лежавший на земле револьвер убитого.

— Скорее! Он уходит! — Валюженич был уже у входа.

— Стой! — заорал Степа. — Назад, Тэд, не дури!

Он кричал по-русски, но Валюженич понял и поспешил ос-

тановиться. Вскоре все трое собрались у входа, прижавшись к дышавшей сыростью стене.

— Подождем. — Косухин перевел дыхание и быстро перезарядил револьвер. — Никто не ранен?

— Мне по уху съездили, — с готовностью сообщил Карно. — Но вы-то почему, ребята, живы? Они что, холостыми стреляли?

— Промазали, — отмахнулся Степа. — Руки у них, видать, не оттуда росли. Тэд, ты нас нарочно на землю толкнул?

— Нарочно, — усмехнулся археолог. — Рубашку порвал, когда падал. Жалко, новая...

— Молодец! — отчески похвалил Косухин и, немного подумав, добавил: — А все-таки должны были нас, рабов Божьих, порешить!

— Не должны были. Потом объясню. — Валюженич осторожно выглянул и тут же отдернул голову. — Вторая смена, господа!

— Сколько их? — Степа уже занимал позицию, пристраивая оружие поудобнее.

— Один. Но не тот, что убежал...

Потянулись томительные секунды, но вот послышались тяжелые гулкие шаги. В просвете двери появился силуэт. Это был действительно не Гастон: тот, кто стоял у входа, казался повыше ростом и явно шире в плечах. Голова сидела низко, будто у пришедшего из темноты не было шеи.

— Огонь! — шепнул Степа.

Ударили револьверы. Воздух наполнился кислым запахом сгоревшего пороха, но странный гость медленно, не торопясь, шел к ним.

Степа закусил губу и тщательно прицелился прямо в голову врага. В темноте сверкнула искра — словно пуля ударилась о камень.

— Назад!

Он помнил такое — пули не брали тех, кто окружал дом на Трегубовской. Пули не брали Венцлава...

Все трое отбежали к алтарю. Темная фигура медленно двинулась им вслед.

— Оу, упырь? Стив, ты мне что-то об этом рассказывал! — Тэд был скорее изумлен, чем напуган. Косухин не ответил, и тут Карно включил фонарик. Степа тотчас вырвал его из рук неосторожного аспиранта, но секунды, пока свет бил в лицо непрошеного гостя, вполне хватило.

— Не упырь, — спокойно констатировал Карно.

...Не лицо — грубая маска из чего-то твердого, похожего на плотную глину. Вместо глаз — две маленькие щели, тело тоже вылеплено из глины — неуклюжее, громоздкое, со свежими следами рикошетивших от твердой поверхности пуль...

— Стив, что нам делать? — Валюженич нерешительно вертел в руке револьвер. Другая по-прежнему сжимала меч.

— Не знаю, — честно признался Степа. — Попробуем обойти — он, чердынь-калуга, еле ползет!

Истукан действительно двигался медленно, но чутко следил за своими противниками, неплохо ориентируясь в темноте. Кроме того, Косухин с запозданием сообразил, что те, кто послал чудище, сейчас ждут у входа, чтобы встретить убегающих выстрелами в упор.

Вероятно, Валюженич подумал о том же. Секунду-другую он размышлял, затем произнес: «О'кей!» — и отдал Косухину револьвер.

— Ты чего? — Степа поглядел сначала на американца, потом на приближавшегося монстра, преодолевавшего последнюю перед алтарем кучу камней. В ответ послышался тихий шепот — Валюженич что-то негромко говорил, прикрыв глаза ладонью. Затем выпрямился, поднял меч, не вынимая его из ножен, и шагнул вперед.

Карно вскрикнул и выстрелил. Пуля скользнула по голове страшного гостя и рикошетом отлетела к стене.

— Тэд, куда?

Валюженич уже стоял рядом с чудовищем. Руки с мечом были подняты на уровне глаз. Тот, кто искал их смерти, внезапно замер.

— *Vade retro! In nomine Dei!*

Голос Валюженича стал тяжелым и густым, словно молодой американец за секунду постарел на много лет. Степа вскинул револьвер, но опустил оружие. Стрелять нельзя: Валюженич закрывал собой врага.

Секунды тянулись одна за другой. Но вот послышался хриплый звук — монстр медленно поднимал руки. Короткие толстые пальцы растопырились, потянулись вперед. Валюженич стоял неподвижно, словно тоже став камнем. Руки монстра почти коснулись меча, и вдруг Косухину показалось, что в храм ударила молния — ножны вспыхнули невыносимо ярким голубым светом.

Чудище попятилось, нерешительно задвигало головой, грузно повернулось...

— Тадеуш! Назад! — не выдержал Карно, но Валюженич даже не сдвинулся с места, лишь поднял повыше старый меч.

...Монстр уходил. Теперь он двигался иначе — быстро, неровно, спотыкаясь на каждом шагу. Карно и Степа переглянулись. Нетерпеливый Шарль показал вперед, но Косухин отрицательно покачал головой. Прошло несколько томительных минут. Тишину нарушал только звук тяжелых шагов — страшный гость был уже далеко. Косухину невольно вспомнилось, как в

другой церкви, деревянной, беляк Арцеулов кинул в краснолицего Венцлава серебряный перстень...

Наконец черный силуэт исчез за порогом. Валюженич медленно опустил меч. Степа и Шарль уже были рядом.

— О'кей. — Американец аккуратно положил оружие на землю, а сам присел на ближайший камень. — Кажется, получилось...

— Ты прочел заклятие от нечистой силы? — Карно возбужденно потер руки.

— Йе, но это не главное. Я подумал... Стив, ты спрашиваешь, почему в нас не попали пули?

Косухин кивнул.

— Промahnуться по нам не могли — слишком близко, но я подумал, что шанс у нас все-таки есть. Если эти ножны — настоящие...

— Ножны от меча Артура? — не выдержал Карно.

— Да, если ножны логрские. Когда пули в нас не попали, я был уже почти уверен...

— Потом, — перебил Степа. — К двери!

Он сунул Валюженичу его револьвер и поспешил ко входу. Выглядывать было опасно. Степа занял прежнюю позицию — возле стены. Он прислушался — снаружи стояла тишина. Внезапно сзади вспыхнул свет. Карно, включив фонарик, что-то пытался найти между лежавшими на полу камнями.

— Шарль! — позвал Валюженич, но Карно лишь покрутил головой. Внезапно он вскочил, подпрыгнул, воскликнул что-то вроде «оп-ля!» и поспешил к приятелям.

— Нашел! Там, где стояло это чучело...

Он вновь включил фонарик и раскрыл ладонь. Свет упал на два маленьких осколка.

— Отнесу в лабораторию, и мы узнаем, из какого теста слепили нашего приятеля! По-моему, это все-таки глина...

— Тише! — Косухин поднял руку. Послышалось гудение мотора.

— Укатали, — вздохнул Шарль, когда шум медленно стих. — Похоже, обратно, в Бриньоган. Но у них было второе авто...

Они прождали с полчаса, но возле церкви все молчало, лишь издали доносился шум ночного леса. В конце концов Косухин решил рискнуть, и они вышли наружу.

Возле церкви было пусто. Рядом с автомобилем Карно стоял другой, тоже небольшой, но черный. Там никого не было, передняя дверца распахнута настежь, на траве лежала монтировка.

— Порядок! Целая, — сообщил Карно, осмотрев свою машину.

— Пора уходить, — рассудил Валюженич. — Да, набрались впечатлений, джентльмены!..

Возвращаться в темную, пахнувшую порохом и смертью церковь не хотелось, но следовало спешить. Валюженич аккуратно собрал находки, замотав меч в свою порванную рубашку. Карно забрал кирки и бегло осмотрелся, чтобы чего-либо не забыть. К трупам решили не прикасаться.

— Остается помолиться святому Иринею, — заключил Шарль, когда они покидали храм. — Не подвел старик — защитил. Но, кровь Христова, кто мне объяснит, кому мы могли понадобиться?

— Я объясню, — пообещал Степа. — Но после, ладно?

Карно вывел машину на шоссе. Поскольку их враги направились в Бриньоган, Шарль предложил ехать в противоположную сторону, чтобы через Ренн и Ле-Ман вернуться в Париж.

— Стив, а что эти бандиты сказали о твоём брате? — поинтересовался Валюженич, когда авто повернуло на юго-запад и поначало прочь от леса. — Я не понял...

— Я тоже... не понял, — медленно, пересиливая себя, ответил Косухин. Однако ему самому все уже было ясно: Берг велел передать, что Николая нет в живых...

Вспомнился перстень на руке Наташиного дяди, а затем то, что Степа увидел в зеркале, когда поезд мчал его в Париж. Они приходили к нему — Ксения, Семирадский, Ирман... Предупредить об опасности — или рассказать о брате?..

Между тем Карно требовал немедленного и точного отчета, дабы узнать, по какому поводу его, законопослушного французского гражданина, решили прикончить прямо во время осмотра исторической достопримечательности. Пришлось плести очередную историю, в которой Карл Берг предстал в облике озверелого белогвардейца, устроившего охоту за красным командиром и его друзьями. Остальное додумал сам Карно:

— Это все тот парень, Гастон! Наш Тадеуш, похоже, излишне желал продолжать знакомство с мадемуазель Натали, а этот тип нанял нескольких апашей. Ну, ребята, мы и влипли!

Ни Тэд, ни Косухин не стали возражать.

— Жаль, что его не пристрелили! — заключил несентиментальный Карно. — У него такие противные потные руки!..

Под утро въехали в Ренн и остановились в первом же небольшом отеле, чтобы отоспаться. Затем поехали дальше, уже не спеша. Никто не торопился в Париж — и прежде всего Степа.

В Ле-Мане сделали дневку. Косухин был отконвоирован в здешний собор, где прослушал лекцию об особенностях французской готики. От посещения музея он все-таки отбился и предпочел просто погулять по городу, втайне надеясь, что хотя бы здесь, в пролетарской Франции, удастся встретить товарищей по партии. Увы, население Ле-Мана еще недостаточно вос-

приняло самые передовые идеи. В городе, как удалось выяснить, преобладала изначально реакционная католическая партия, а слабую оппозицию ей составляли вовсе не коммунисты, а какие-то мелкотравчатые радикалы. Степе в который раз очень захотелось домой. Ни стонущая под колониальным игом Индия, ни Франция — родина Коммуны почему-то не спешили под знамена Мировой Революции. И это было очень обидно.

В Париж вернулись ранним утром — из Шартра, где была последняя ночевка, выехали после полуночи. Осторожность была нелишней. Старинный меч, заботливо укутанный в рубашку Тэда, еще мог сойти за музейный экспонат, но три револьвера вызвали бы лишние и совершенно ненужные вопросы. Счастливо избежав знакомства с дорожной жандармерией, автомобиль нырнул в лабиринт парижских улиц, и через полчаса Шарль затормозил возле дома, где обитал Валюженич.

— Ну вот, Стив, съездили, — усмехнулся Тэд, когда красное авто скрылось за поворотом. — А я-то думал, что после Тибета меня ожидают скука и воспоминания... Ладно, кажется, наступает тайм-аут.

Косухин не совсем понял, что такое «тайм-аут», но уже был готов согласиться с приятелем, как вдруг замер и схватил американца за руку. Из подъезда, куда они собирались зайти, вышел человек — очень знакомый. Его лицо Степа узнал сразу: молодое, красивое, с глубоким шрамом на щеке. Тогда, в машине, его называли поручиком...

— Что? — вскинулся Валюженич. — Опять?

Ответить Степа не успел. Поручик подошел к ним, вытянул руки по швам, щелкнул каблуками:

— Доброе утро, господа. С прибытием!

Говорил он по-русски, но Тэд, что-то сообразив, положил руку на пояс, где был спрятан трофейный револьвер. Косухин криво усмехнулся:

— Стало быть, здрастье! Мешок, что ли, привезли?

Поручик покачал головой:

— Прошу извинить, господин Косухин. Не за мешок, тут я выполнял приказ. Я вел себя с вами грубо, но мне сказали, что вы чекист. Я воевал с красными с октября 17-го...

— Оу! — сообразил Валюженич. — Цивил во? Эгэн?

— Я от генерала Богораза, — продолжал офицер. — Его превосходительство приказал немедленно доложить о вашем появлении. Прошу быть осторожными и не открывать посторонним двери.

— Бат... Вот хэппенд? — от удивления Валюженич растерял весь запас русских слов.

— Генерал просил не выходить из квартиры, — ответил поручик на неплохом английском. — Господин Берг куда-то уезжал. Вчера он вернулся — и снова пропал... Извините, господа, я должен позвонить генералу.

Он вновь щелкнул каблуками, повернулся и исчез за углом.

— Последуем разумному совету, — рассудил Валюженич. — Вот тебе и тайм-аут!..

Из квартиры решили не выходить. Тэд велел консьержу заказать в ближайшем кафе завтрак, после чего запер дверь, скинул со стола все бумаги и аккуратно положил свою находку. При дневном свете меч смотрелся непрезентабельно — костяная рукоять побурела и растрескалась, окислившаяся медь распадалась при малейшем прикосновении, а кожаное покрытие ножен, казалось, вот-вот рассыплется на мелкие лоскутья.

— Стив, делай что хочешь, но меня не трогай, — распорядился американец, поудобнее усаживаясь за столом и вооружаясь скальпелем и лупой. — На полке слева — несколько книг про короля Артура. Газеты в прихожей. Все, начинаю!..

Косухин, опасливо поглядев на нырнувшего с головою в науку приятеля, полистал газеты на непонятном французском языке, после чего взялся за книжки. Они были тоже не на русском, зато там имелись всяческие картинки, правда, не особо интересные: мужчины в железных доспехах, женщины в странных невиданных платьях. Степе стало скучно. Он рассудил, что это, вероятно, феодалы-эксплуататоры, смотреть на которые не было ни малейшей охоты. Он уже хотел отложить книгу, дабы взять следующую, но увидел еще одну картинку, на этот раз цветную. На ней была изображена битва. Воевали феодалы как-то странно — без всякого порядка и строя. На большом поле, неподалеку от многобашенной крепости, толпа всадников в доспехах лупила друг друга длинными мечами. Косухин прикинул, что надо иметь немалую силу, чтобы разрубить стальные латы. Вероятно, физическая подготовка феодалов была поставлена грамотно.

В центре на сером в яблоках коне был изображен некто с маленькой короной, укрепленной на шлеме с глухим забралом, — не иначе ороль. Монарху приходилось нелегко: его окружала целая дюжина врагов. Еще трое лежали на земле, свидетельствуя, что король был мастак по части рукопашного боя. Степа уже собирался перевернуть страницу, мысленно осудив реакционные нравы феодальной знати, как вдруг его внимание привлекла не замеченная ранее деталь. В руках король держал меч, от которого исходило серебристое сияние. Такое же сияние окутывало золотой венец на шлеме, черные ножны и большой перстень, надетый прямо на железную перчатку.

Косухин прикрыл глаза. Он уже видел такое — в занесенной снегом церквушке и совсем недавно, среди руин старого храма...

— Это Артур.

Степа вздрогнул. Как подошел Валюженич, он даже не заметил.

— Любопытное издание Мэллори. Тут интересные комментарии. Вот...

Тэд, перелистав несколько страниц, медленно прочел вслух:

— «По некоторым ранним свидетельствам, Мерлин, уходя из пределов этого мира, предсказал гибель логров, заявив: «Вы не смогли быть ангелами, но и людьми пробудете недолго — быть вам бесами»...

— И чего тут интересного? — удивился Степа. — Я уже, чердынь-калуга, с одним лешим беседовал, который с незаконченным высшим образованием.

— Ладно, прагматик! — засмеялся американец. — Пошли посмотрим. Кажется, я что-то нашел...

Он подвел Степу к столу, на котором лежал меч, и взял в руки скальпель.

— Лезвие превратилось в труху, — начал он. — Думаю, его даже вынуть не удастся. А вот ножны... Гляди!

Тэд аккуратно провел скальпелем, счищая тонкий слой ветхой кожи. Затем Степе была вручена лупа. Косухин повертел в руках хитрое буржуйское изобретение, принаравливая стекло к глазам, а затем всмотрелся. Вблизи кожаное покрытие гляделось еще хуже. От него остались лишь чешуйки, каким-то чудом еще державшиеся на основе. Но тут взгляд упал на очищенное Тэдом место, и Косухин замер от удивления: из-под черных лохмотьев проглядывал ровный блестящий слой металла.

— Так это ж серебро, чердынь-калуга! — не удержался он.

— Промахнулись, мой генерал. Серебро окисляется — здесь была бы симпатичная розовая пatina. Похоже, сплав, но такого сплава я не встречал...

— Так оно из-за этого светилось?

— Следуя логике — из-за этого. Так что, мистер материалист, никакой мистики. Не удивлюсь, если эта штука может не только светиться и отклонять пули...

Косухин задумался и даже начал тереть лоб, что свидетельствовало о высшем мозговом напряжении. Получалось и вправду складно. Выходит, логры кое-что понимали в защитном вооружении!

— Там, в книжке, где этот Артур... У него тоже меч светится и ножны...

— А также кольцо и венец, — кивнул Тэд. — Четыре великие реликвии логров. Ну и, конечно, Грааль...

Валюженич рассмеялся.

— Ты чего? — удивился Степа.

— Стив, такая удача выпадает раз в жизни! Если даже это и не ножны от Эскалибура, то все равно что-то потрясающее...

— Ты сначала этот Грааль найди, — осадил Степа расхваставшегося приятеля.

— Оу, по теории Шарля, его уже нашли, только не распознали. Понимаешь, Стив, Артур был не чистый логр — метис, незаконный сын. Священные реликвии он захватил, но главное святилище — Грааль — было ему недоступно. Его охраняли настоящие логры — Анфортас и его рыцари...

— А помедленнее можно? — взмолился Степа.

— Извини! Поэтому Артур и посылал своих рыцарей на поиски Грааля. Никто из них не добрался, кроме Персиваля, который, по мнению Шарля, был чистым логром. Ну а сам Грааль, возможно, обыкновенный каменный круг, каких в Бретани и на западе Англии полным-полно. Дело не в камнях, а в тех, кто умеет ими пользоваться... Потом Артур погиб, реликвии частично пропали, а логры ушли в леса и там одичали...

— А когда, чердынь-калуга, они соберут все эти побрякушки вместе, тогда и свету конец наступит, — подытожил Степа. — Ну и поповщину ты развел, Тэд! А еще образованный.

— Это не я. Это все Шарль, — не обиделся Валюженич. — И речь идет не об Апокалипсисе, а о возрождении логров, которые снова смогут стать...

— ...Ангелами, чердынь-калуга, — скривился Степа. — Ох, Тэд, ну и сору у тебя в башке!

После шести, когда Степа и Тэд подумывали спуститься в кафе и перекусить, в дверь позвонили. Валюженич отправился открывать, но Степа, жестом остановив его, достал револьвер.

— Кто? — поинтересовался Тэд.

— Женераль Богораз! — сообщили в ответ. Степа кивнул, и американец открыл дверь.

Генерал был в поношенном штатском костюме и модном кепи. Револьвер был спрятан умело, обнаружить его мог только опытный Степин глаз.

— Здравствуйте, господа! — Аскольд Феокистович перешел на русский. — Степан Иванович, представьте меня...

Процедура знакомства не заняла много времени. Генерал отказался пройти в комнату и сразу приступил к делу:

— Степан Иванович, мы едем к Бергу. Пора выяснить, что там у него происходит. Вы присоединитесь?

— Ясное дело! — Степа сунул револьвер за пояс и застегнул пиджак. — Тэд, я пошел.

Валюженич недвусмысленно покачал головой и показал два пальца.

— Там нужны военные. — Богораз поглядел на необстрелян-

ного штафирку весьма недоверчиво. — Господин Валюженич, мы доставим вам вашего друга в целости и сохранности.

Тэд не ответил, быстрым движением переместившись к двери и заслонив собой проход.

— Как хотите, — пожал плечами генерал. — Будет весьма жаль, если с гражданином Северо-Американских Штатов случится какая-нибудь неприятность...

— Весьма жаль, — согласился Валюженич, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. Генерал неодобрительно взглянул на американца, но возражать не стал.

Внизу их ждал памятный Степе автомобиль. Кроме шофера в нем был еще один знакомый капитан, которого его товарищи называли Виктором. Шофер никак не реагировал на новых пассажиров, а капитан поздоровался с Косухиным самым дружеским образом, как будто они вместе только что побывали на пикнике.

Авто тронулось с места, Богораз, сообщив офицерам, что «господа Косухин и Валюженич» примут участие в операции, стал рассказывать.

...Сразу после того, как Степу чудом не отправили на дно Сены, за Бергом было установлено наблюдение. Целый день обитатели особняка на улице Гош-Матье вели себя как обычно. Берг, правда, не выходил из дому, Наташа же и Гастон съездили в институт Кюри, где оба работали, а вечером сходили на выступление труппы Дягилева. Но уже на следующее утро шофер Берга подогнал к особняку автомобиль-фургон, куда погрузили какой-то ящик. Еще один автомобиль — небольшой, на котором часто ездила Наташа, — направился к Ситэ, где ему удалось оторваться от наблюдения, но вскоре он вернулся, после чего в оба автомобиля уселись Берг, Гастон и пятеро людей из obsługi особняка — все с оружием. Авто проехали через центр, где ушли от наблюдения и скрылись.

Берг приехал через два дня, но уже на одном автомобиле. Второе авто и трое охранников куда-то исчезли. Берг, Сен-Луи и двое оставшихся с трудом втащили ящик в дом, при этом было заметно, что Гастон сильно хромал...

Степа и Валюженич переглянулись. Где искать брошенный автомобиль и троих в черных смокингах, они вполне представляли.

На следующий день Берга и Гастона видели в центре Парижа, после чего оба исчезли. Сейчас в особняке тихо, ставни закрыты, на телефонные звонки никто не отвечает.

— Так значит... — Степа секунду-другую размышлял, стоит

ли кое-что рассказать генералу, но в конце концов решил. — Мы тоже кое-что видели...

Он вкратце поведал о путешествии в Бриньоган, опустив некоторые яркие подробности.

— Не понимаю, как они нас выследили? — добавил Валюженич. — Дорога была совершенно пуста...

— Господин Берг — мастер, — неопределенно ответил генерал. — Ладно! Сейчас мы во всем разберемся. Если Берг все же предатель...

На улице Гош-Матье было пустынно, лишь редкие прохожие не спеша шли по своим делам. Возле дома Берга стоял автомобиль. Как только авто генерала затормозило, оттуда вышел поручик со шрамом.

— Все тихо, ваше превосходительство, — доложил он. — Из дому никто не появлялся, свет не зажигали...

— Хорошо. — Богораз решительно распахнул дверцу. — Начинаем. Прошу господ штатских выполнять мои указания.

Валюженич понял намек, но дисциплинированно смолчал.

— Степан Иванович, не желаете рискнуть?

Косухин кивнул и вышел из машины.

— Оружие прячете профессионально, одобряю... — усмехнулся генерал, бросив быстрый взгляд на Степу. — Но стрелять — в крайнем случае.

Они пересекли улицу и поднялись по ступенькам. Генерал позвонил в дверь, затем огляделся и кивнул Степе. Тот понял и стал справа — в этом случае выстрелы не должны его задеть. Богораз отошел левее.

Прошла минута, другая. Косухин подумал, что Богораз прикажет ломать замок, но внезапно дверь отворилась. Степа подался назад и замер. На пороге стояла Наташа.

— Господин... Косухин, я не ошибаюсь? — В ее голосе чувствовалось удивление. Тут она обернулась и увидела генерала. — Аскольд Феоктистович! Слава Богу! Я так волнуюсь... Вы не знаете, где дядя?

Богораз и Степа переглянулись.

— Они с Гастоном куда-то уехали. Я в доме одна... Как хорошо, что вы заглянули!..

— Разрешите войти?

Генерал оглянулся и кивнул своим людям. Офицеры вышли из машины и быстро направились к крыльцу. Сзади шел Валюженич. Наташа удивленно поглядела на генерала:

— Аскольд Феоктистович...

— Мы все объясним, — пообещал Богораз, и растерянная Наташа повела гостей в дом. Они прошли в гостиную, где на стенах висели весьма странные, на Степин вкус, картины — черные и красные многоугольники, помещенные прямо на негрунто-

ванном холсте. Косухин вспомнил, что знаком с самим Ингваром, который не чета этим мазилам, и мысленно возгордился.

— Присядем, — кивнул генерал, и все трое устроились в глубоких креслах, обитых темной тканью. — Наталья Федоровна, вынужден вам сообщить, что мы все попали в... г-м-м... достаточно сложную ситуацию...

— Что-нибудь с дядей? — испугалась Наташа. — Или с Гастоном? Знаете, с того вечера, как здесь появились вы, господин Косухин...

— Расскажите нам все, — перебил генерал.

Девушка нерешительно взглянула на Степу. Богораз понял:

— Степан Иванович осведомлен о наших делах. Он брат полковника Лебедева.

— Правда? — Наташа изумленно взглянула на Степу. Тому стало не по себе. Вспомнились заснеженный Иркутск, пустая комната — и девушка, закутанная в шаль, просящая его, красного командира, найти пропавшую кошку...

— Вы — брат господина Лебедева? Горжусь, что познакомилась с вами! Как жалко, что я ни разу не встречала Николая Ивановича...

...Перед глазами Степы встала холодная степь, костер у подножия поросшего сухими колючками холма, Наташа, сидящая рядом с Николаем...

— Но тогда я ничего не понимаю... — Девушка нервно рассмеялась. — Аскольд Феоктистович, наверное, у меня до сих пор что-то не в порядке с психикой! Несколько дней назад я слышала, как дядя велел вам ликвидировать господина Косухина! Я даже, признаюсь, пыталась предупредить...

...Степа вспомнил испуганный взгляд Наташи, ее слова об «офицерах». Значит, ему не почудилось...

— Вы поступили верно, — спокойно ответил Богораз. — А мы были введены в заблуждение. Что было потом?..

— Потом... Потом вы позвонили, и я поняла, что нашего гостя уже нет в живых. И, признаться, еле удержалась, чтобы не заявить в полицию...

— Наталья Федоровна, мы просто ошиблись, — мягко повторил Богораз.

— А если бы не ошиблись? Если бы господин Косухин действительно был чекистом?

Генерал ответил не сразу.

— Я отвечаю за безопасность программы, — наконец вздохнул он. — И за вашу безопасность тоже... Что было дальше?

— Дядя работал в лаборатории. Ближе к вечеру ему позвонили, и он вдруг приказал Гастону собираться. Затем он забрал всех людей и куда-то уехал... Вчера утром вернулся — и снова ушел, ничего не объяснив. У Гастона что-то случилось с ногой...

Они очень спешили. Сутки я здесь одна. Хотела выйти, но заметила, что за домом следят...

— Это были мои люди, — кивнул генерал. — Вы не знаете, куда мог уехать ваш дядя?

— Не знаю... И совершенно не понимаю, почему от меня что-то скрывают!

Наташа замолчала. Богораз немного подумал, а затем как бы невзначай поинтересовался:

— Наталья Федоровна, Тускула на связь не выходила?

— Нет... — поразились девушка. — Ведь «Мономах» так и не взлетел!

... Степа вспомнил взволнованную Наташу возле входа в рубку управления, окутанную паром серебристую стрелу, уходящую в небо... Неужели можно это забыть?

— Вы... — Он хотел сказать «Наташа», но вовремя одернул себя. — Наталья Федоровна, совсем... ну, это... не помните?

— К сожалению. — Девушка отвернулась. — Врачи обещают постепенное восстановление, но пока я помню лишь, как уезжала в Россию, а потом — клинику в Париже. Я знаю, меня привез во Францию господин Валюженич. Он такой... такой... забавный...

И Наташа внезапно улыбнулась.

— Да уж, не Гастон, чердын-калуга! — не выдержал Степа. Генерал укоризненно покачал головой. Наташа побледнела.

— Я бы просила, сударь, в этом доме не говорить в подобном тоне о моем женихе. Господин де Сен-Луи — выдающийся ученый и не вам чета!

«Да уж конечно!» — отпаривал Степа, но не вслух, а про себя. Похоже, Наташа действительно не знала, чем занимается месье де Сен-Луи в свободное от науки время.

— Ваше превосходительство! — На пороге стоял капитан. — Мы осмотрели дом. Пусто. Только дверь в подвальное помещение закрыта.

— Могли бы поверить мне на слово, — вздохнула Берг. — Это дверь в лабораторию. Там замок с шифром.

— Откройте, Наталья Федоровна. — Богораз встал и кивнул Степе.

— Но там же установка «Пространственный Луч»!

— Тем более. Следует взглянуть.

Наташа некоторое время молчала, словно собираясь возразить, но затем резко встала и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Остальные последовали за ней. Прямо за дверью девушка наткнулась на Валюженича, тот отшатнулся, нерешительно пробормотав: «Гуд ивинг...» Наташа невольно улыбнулась и снисходительно бросила: «Добрый вечер, сударь».

— Стив, я тут все осмотрел! — Тэд поравнялся с Косухиным

и быстро заговорил по-английски. Степа, такого не ожидавший, сперва ничего не понял, но затем собрался с мыслями, и постепенно слова приятеля стали приобретать смысл:

— Этот Берг — отчаянный коллекционер! Здесь у него столько артефактов! Он, наверное, ухлопал на них уйму денег!..

— Да, видать, что не пролетарий, чердынь-калуга! — согласился Косухин. — Эх, в чеку бы его, да к товарищу Чудову!

Мысль была хороша — в ВЧК Бергу самое место, но и Прову Самсоновичу пришлось бы изрядно повозиться с подобным вражиной.

Они спустились в подвал и очутились перед большой, из кованой стали, дверью.

— Отойдите, — велела Наташа. — Я наберу шифр.

Через минуту дверь медленно отворилась.

— Всем оставаться на местах. — Генерал обернулся и кивнул Степе. — Мы войдем вместе с господином Косухиным.

— Но вы же знаете правила!.. — возмутилась Берг. — Там установка...

Генерал не ответил и, вновь кивнув Степе, перешагнул порог. Косухин задержался: дверь внезапно привлекла его внимание.

— Чердынь-калуга! — не удержался он. — А дверь-то изнутри закрывается!

— Конечно, — удивилась девушка. — Дядя всегда запирает, когда работает.

Богораз, бывший уже за порогом, обернулся.

— А все-таки странно, Наталья Федоровна. Насколько я понимаю, даже если дверь заперта на замок, ее можно открыть изнутри, причем — смотрите — простым поворотом рукоятки...

Наташа лишь развела руками, не придав этой детали особого значения. Но Косухин поневоле задумался. Чтобы закрываться в лаборатории, Бергу вполне достаточно поставить на дверь засов. Хитрое устройство явно предназначалось для того, чтобы открывать дверь изнутри, после того как ее по всем правилам заперли снаружи. Причем открывать одним движением руки...

— Господин Косухин, заходите! — вновь позвал Богораз. Степа поневоле почувствовал некоторую робость, однако собрался с силами и храбро перешагнул порог. Он никогда не бывал в научных лабораториях, но почему-то представлял их именно так: масса приборов, мигающие лампочки и, конечно, пуды всякой научной писанины.

Помещение оказалось большим, квадратным, пол сверкал свежим кафелем, а стены были выкрашены в ровный серый цвет. Косухин почему-то ожидал увидеть хотя бы один портрет — какого-нибудь уважаемого интеллигента с пышной бородой или, на худой конец, Николая II. Он знал, что все образо-

ванные обожают портреты. Но стены были пусты, за исключением нескольких наскоро прикрепленных листов ватмана, расчерченных каким-то схемами и графиками.

Около стены прямо против входа стояли три стола. На одном, как и ожидал Степа, находились какие-то приборы, другой прогибался под тяжестью папок с бумагами, а вот третий был отчего-то девственно-чист. На нем приютилась лампа под зеленым абажуром, из чего даже неопытный следователь мог догадаться, что именно здесь работал Берг. Но сейчас на столе не лежало ни одной бумажки, массивные ящики были наполовину выдвинуты и пусты.

То, что было справа, показалось Косухину куда более интересным. Почти всю стену занимало нечто вроде огромного металлического шкафа, по всей поверхности которого размещалось столько лампочек, верньеров и кнопок, что Степа оказался полностью удовлетворен увиденным. Похоже, этот железный шкаф и был здесь самой важной вещью. Слева от него на стене располагался рубильник, рядом стояла большая электрическая печь. Справа в стене зияла ниша в человеческий рост, над которой было укреплено несколько лампочек. Внутри ее покрывал тусклый светлый металл. Ниша была пуста.

Приглядевшись внимательнее, Косухин сообразил, что с металлическим шкафом что-то не так. Ни одна из лампочек не горела, стрелки приборов бессильно склонились к нулям. Это еще можно было понять, но в некоторых местах металл оказался снятым, отчего обнажились голые искривленные проводки, а вместо приборов зияли черные отверстия. Налицо был явный беспорядок.

Богораз заметил это сразу. Когда Степа вошел, он был уже возле установки, методично разглядывая блок за блоком. По тому, как сразу напряглось его обычно невозмутимое лицо, Косухин сообразил: с «Пространственным Лучом» что-то не так.

— Установка размонтирована!.. — Наташа, стоя на пороге, тоже увидела случившееся. — Господи, кто это сделал?

Она подбежала к генералу, и они принялись осматривать приборы уже вдвоем.

Степа, решив не мешать, отошел в сторону. Будь у него образование получше, он бы не преминул изучить всю здешнюю машинерию ради нужд Мировой Революции. Но проклятый цизм лишил его такой возможности, посему Косухин решил действовать иначе. Через минуту он был уже возле стола с бумагами и держал в руках верхнюю папку. Увы, и тут вышла загвоздка. Писано было не по-русски, а если и по-русски, то вперемешку с какими-то цифрами. Встречались и чертежи, но уж больно мудреные.

— Разобрались, молодой человек? — Генерал тоже подошел

к столу, в его голосе звучала знакомая ирония. Степе даже показалось, что он слышит голос хитрого притворщика Семена.

— Нет, конечно. — Косухин ответил неожиданно серьезно, как никогда бы не стал отвечать Семену Аскольдовичу. — Я ведь необразованный, господин генерал. Четыре класса...

Очевидно, Богораз что-то понял, его тон сразу изменился:

— Не хотел вас обидеть, господин Косухин. Но можете не стараться, это не те бумаги. Они не имеют прямого отношения к лаборатории.

— Это старые дядины черновики. — Наташа быстро перебрала папки и растерянно поглядела на своих спутников. — И черновики Гастона... Зачем дядя их сюда принес?

— Какие бумаги пропали? — Генерал уже все понял и тоже положил ненужные папки на место. Теперь он смотрел не по сторонам, а под ноги, о чем-то напряженно размышляя.

— Все... — Голос девушки упал почти до шепота. — Лабораторный журнал, рабочие записи, наблюдения за работой установки. Пропала рукопись профессора Глазенапа — мы ею все время пользовались. Все письма, все чертежи...

— Значит, установка размонтирована, основные приборы сняты, а документация увезена или уничтожена... Наталья Федоровна, вы понимаете, что произошло?

— Лаборатории «Пространственного Луча» больше нет. — Наташа справилась с волнением, слова прозвучали ровно и бесстрастно. — Наверное, мне полагается теперь застрелиться. Не знаю, что случилось, но я была обязана это предотвратить.

— Полно, Наталья Федоровна. — Генерал вздохнул, в глазах его промелькнуло странное выражение — усталости и даже отчаяния. — Мы все доверяли господину Бергу. Увы, теперь уже поздно...

— Вы думаете, это дядя? Но зачем? Ведь это же не восстановить за десять лет!

Наташа пошатнулась, еле устояла на ногах и бессильно опустилась на пододвинутый Богоразом стул. И тут только до Степы дошел смысл случившегося. Он еще раз оглядел разоренную лабораторию, бледного, не похожего на себя Богоразу, Наташу, уткнувшуюся лицом в сцепленные руки...

— Значит, теперь... — Он хотел сказать о брате, но язык не повернулся. — Те, кто на Тускуле? Они...

— Мне очень жаль. — Генерал говорил медленно, слова подбирались с трудом. — Это единственная установка «Пространственного Луча», вторая была в Пулковое под Петербургом, но она демонтирована еще в 17-м. Если Семен... Семен Аскольдович не смонтирует установку на Тускуле...

Он не стал договаривать, но все и так было ясно.

— А он... ну, Семен Аскольдович, имеет эти... запасные части?..

— Нет. Мой сын... — Голос Богораза оборвался, и ему пришлось начать снова: — Аппаратура, которая была на борту «Мономаха», рассчитана лишь на создание простого приемного устройства. Но я знаю Семена. Он сумеет... Однако может пройти не один год...

Косухин вспомнил сумерки за стеклами кабины, желтую степь под крыльями «Муромца» и Богораза-младшего, уверенно державшего штурвал. Запомнилось лицо — неузнаваемое, без дурацких фальшивых очков, с неожиданными складками у рта. И Степа вдруг поверил, что Семен сумеет что-нибудь придумать. Если, конечно, — этого говорить при генерале не следовало, — Руководитель Проекта жив...

— Наталья Федоровна, — генерал, похоже, принял какое-то решение, тон его вновь стал спокойным и деловым. — Покиньте лабораторию.

— Все? — грустно улыбнулась Наташа. — Я отстранена от программы?

— Не выдумывайте. Но здесь может быть что-то неожиданное. Например, адская машина. Я осмотрю все сам...

— Не-а, — покачал головой Косухин, почувствовав, что его фронтовой опыт может наконец пригодиться. — Вдвоем поглядим...

Наташа вышла в коридор. Генерал прикрыл стальную дверь, и они принялись внимательно осматривать все углы. Богораз занялся левой стеной, где была установка, Степе досталась правая. Здесь стоял маленький столик, на котором была водружена чугунная пепельница, торчали две розетки, а на стене висели замеченные еще с порога листы ватмана. Ничего опасного обнаружить не удалось, но Степа еще и еще раз внимательно осматривал и ощупывал все, что могло показаться подозрительным. Белые листы с графиками поначалу не привлекли внимания, но Косухин вспомнил то, чему сам учил молодых партизан, и аккуратно снял листы ватмана со стены. Не то чтобы им тут не место, но выглядели они уж как-то подозрительно ново. Теперь следовало осмотреть часть стены, которую эти схемы закрывали...

— Вы что-то нашли?

— Вот... — Косухин не без гордости указал на то, что скрывала бумага, — тонкие, еле заметные щели, образующие ровный четырехугольный контур.

— Ого! — Богораз осторожно постучал пальцем — стена издала гулкий глухой звук. — Фанерная перегородка! Просто, но в исполнении удачно...

Это оказалась ниша, прикрытая аккуратно выкрашенным в

цвет стены листом фанеры. Осмотрев его и не найдя ничего подозрительного, решили рискнуть. Фанера снялась легко. Генерал отставил лист в сторону и покачал головой:

— Да-с, однако. Взгляните-ка...

...Прямо на незваных гостей смотрела знакомая глиняная личина. Теперь, в ярком электрическом свете, она казалась не страшной, а скорее нелепой: грубые черты, отдаленно напоминавшие человеческое лицо, узкие пустые щели вместо глаз. Огромная голова сидела прямо на квадратных плечах, подобия рук застыли вдоль грубо слепого туловища. Кукла — странная, несусальная, со свежими отметинами от пуль...

Богораз осторожно дотронулся до поверхности:

— Глина... Нет, скорее камень, но какой-то странный. Вот уж не предполагал, что Берг собирает идолов! Как вы думаете, Степан Иванович, зачем этот урод в лаборатории?

— А вроде талисмана, чердынь-калуга, на счастье, — брякнул Косухин первое, что на ум взбрело. Рассказывать генералу правду он не торопился.

— Чушь какая-то! — Богораз покачал головой и поставил лист фанеры на место. — Не будем ничего говорить Наталье Федоровне. Хватит с нее на сегодня...

Степа не стал возражать, но мысль все время возвращалась к одному и тому же: дверь закроют, но ее можно будет отворить изнутри одним движением руки — или того, что заменяло руки этому монстру...

Когда стальная дверь скрыла разоренную лабораторию, все поднялись наверх, где их ждал изрядно соскучившийся Валюженич, принявшийся рассказывать Степе об увиденных им здесь «артефактах». Генерал между тем о чем-то негромко говорил Наташе.

— Нет, я не уеду! — Девушка внезапно повысила голос. — Дядя велел мне оставаться в доме. Поверьте, я здесь в полной безопасности...

Степа сразу же понял, в чем дело. Наташа оставалась в этом проклятом доме наедине с затаившимся монстром. Правда, уже сутки она была здесь одна, но тогда никто не заходил в лабораторию...

Генерал, этого не знавший, все же продолжал настаивать.

— Не уеду! — решительно повторила девушка. — Надеюсь, вы не будете применять силу?

— Не буду... — Богораз помолчал. — Но я оставляю своих людей. Двое будут на улице в автомобиле, двое — в самом доме.

Берг передернула плечами:

— По-моему, это называется домашний арест. В таком слу-

чае я сама выберу себе конвоиров. Господин Косухин, смею я вас просить об этом одолжении?

— Но... — начал было генерал.

— Бойтесь, что меня завербуют в ВЧК? — Наташа невесело усмехнулась. — Вы уж извините меня, Аскольд Феоктистович, брату полковника Лебедева я доверяю больше, чем вашим, так сказать, специалистам...

— Одного мало, — покачал головой Богораз.

— Оу, я готов! — Валюженич уже был рядом. Наташа вновь улыбнулась, но на этот раз вполне искренне. Тэд еле заметно покраснел.

— Надеюсь, господин Валюженич сможет отличить револьвер от зубочистки, — с некоторым сомнением заметил генерал. — Ладно, как хотите, но наружную охрану я беру на себя...

Степа и Валюженич переглянулись. Косухина так тянуло рассказать о том, что пришлось увидеть в лаборатории, но следовало выждать. Между тем Богораз отозвал своих офицеров в сторону и отдал им какие-то распоряжения. Застучали каблук — и через минуту в доме остались лишь четверо: Наташа, двое ее добровольных охранников и он сам.

— Подъеду утром. — Богораз неодобрительно взглянул на улыбавшегося Валюженича, затем перевел взгляд на Степу. — Господин Косухин, надеюсь на вас!..

Хлопнула тяжелая дверь, и долгое гулкое эхо прокатилось по пустому дому.

ГЛАВА 4

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Степа тщательно осмотрел входную дверь и остался доволен — засовы можно было сокрушить разве что из пушки.

— Черный ход заперт, — подсказала Наташа. — Господа, извините, что я проявила некоторый деспотизм, но не хотелось оставаться в компании с этими башибузуками. Еще раз благодарю, хотя все это совершенно напрасно: в дом не войти, к тому же всегда можно вызвать полицию... Ладно, пойду приготовлю что-нибудь на ужин. Какое вино вы предпочитаете к рыбе?

Косухин только вздохнул, но Тэд, которому Берг повторила вопрос по-французски, встрепенулся и заявил, что не отказался бы от шамбертена. Степа вспомнил, как они пили с Наташей неразбавленный спирт, и невольно хмыкнул.

— То добже, — возбужденно заговорил Валюженич, когда девушка, извинившись, оставила их одних. — То може... рассказать Наташа, как все есть?

Тэд был, конечно, прав, но Косухин вспомнил о том, что ученые парижские врачи запретили девушке волноваться. А вдруг медицина права? Наташе и так сегодня досталось...

— После, — решил он. — Ты слушай сюда, Тэд...

И Степа быстро, надеясь успеть до возвращения Наташи, рассказал о том, что увидел в нише, закрытой листом фанеры.

— Оу, той глиняный хлоп здесь! — Тэд озабоченно нахмурился и похлопал рукой по револьверу. — То... какой наш план?

Ничего путного в голову не приходило. Случись беда — револьверы бесполезны, разве что удастся попросту удрать. Монстр двигается медленно и вдобавок с таким шумом, что времени будет достаточно...

За ужином Степа сразу же почувствовал себя лишним. Тэд заливался соловьем, расхваливая кулинарное мастерство хозяйки и обсуждая с ней преимущества разных сортов французских вин. Беседа велась, естественно, на французском, и Косухину оставалось угрюмо молчать. Было обидно — и весьма. Когда они с Наташей бежали по черным коридорам Шекар-Гомпа, никто не интересовался тонкостями вин и его умением вести светскую беседу. Здесь же Степа сразу становился «серой костью».

После ужина перешли в гостиную, и беседа продолжилась. Насколько удалось понять Косухину, Наташа и Валюженич теперь говорили об искусстве. Степа окончательно скис и лишь молча курил папиросу за папиросой.

— Вы все молчите, господин Косухин. — Наташа, прервав беседу об импрессионистах, наконец-то обратила внимание на гостя. — Вот господину Валюженичу очень нравится Моне...

— Мне Ингвар нравится, — выложил Степа весь свой запас знаний о живописи. — Рисует здорово и мужик отличный!

— Ингвар? — На лице девушки отразилось удивление. — Вы его знаете? Постойте... Значит, вы тоже приехали из Индии?

Косухин пожал плечами. Какая теперь разница! Эта девица белоручка ничем не напоминала прежнюю Наташу.

— И мы с вами уже были знакомы?

— Немного...

Наташа внимательно посмотрела на него, и в ее глазах мелькнуло что-то странное, словно девушка начала вспоминать. Это длилось лишь какой-то миг — и все исчезло. Наташа вновь улыбнулась и заговорила с Тэдом по-французски.

Степа, дабы не тратить время попусту, попросил разрешения обследовать второй этаж, где находились жилые комнаты. Осмотр его удовлетворил. Спальня Наташи выходила не в коридор, а соединялась с ним через маленькую комнату, в которой

стоял диван и пара кресел. Лучшего места для сторожевого поста не придумать.

— Полно, господин Косухин! — Наташа наблюдала за его стараниями с весьма заметной иронией. — Поверьте, если бы мне что-либо угрожало, я тут же уехала бы. Я ведь ужасная трусиха!

Степа лишь вздохнул.

— Лучше ложитесь спать, господа. Утром я вас разбужу, и вы сможете доложить генералу, что честно выполнили свой долг. В соседней комнате есть еще один диван...

Берг улыбнулась, произнесла «бон нуи» и уже взялась за ручки двери, но в нерешительности остановилась.

— Господин Косухин, можно вас на минуту?

Тэд понимающе кивнул и вышел в коридор, заявив, что еще раз проверит входную дверь.

— Степан Иванович... — Девушка мгновение помолчала, а затем решительно подняла голову. — Я знаю, что больна. Но женщины наблюдательны... Скажите честно, в Индии... мы с вами были не просто знакомыми?

Косухин дернул плечами и отвернулся. Но Берг не отставала:

— Мы познакомились в Индии? Или... еще где-нибудь? Вам что, тоже не велели беспокоить умалишенную?

— Велели, — не выдержал Степа. — А с умалишенной — это уже было. Я вас, Наташа, заарестовывать пришел, а вы Али-Эмете назвались. Так и познакомились...

— Правда? — В глазах девушки мелькнуло изумление. — Значит, я жертва ЧК? И вы меня называли Наташей, а я вас...

— По фамилии, — буркнул Степа, чувствуя себя последним дураком. Рассказать обо всем? Так ведь не поверит...

— В таком случае спокойной ночи... Косухин, — улыбнулась девушка. Степа вздохнул и в самых расстроенных чувствах опустился в кресло.

— О'кей, я все проверил, — сообщил Тэд, входя в комнату. — Привидений не обнаружено... Я выглядывал в окно: авто мистера Богораза стоит на противоположной стороне, в ней двое его апашей.

Валюженич говорил по-английски, но Степе теперь не требовалось особых усилий, чтобы понять приятеля. Правда, это касалось лишь Тэда — чтобы разбирать речь остальных, приходилось напрягать все внимание.

— Заодно позвонил Шарлю, чтобы он не поднял на ноги парижскую жандармерию. Пришлось соврать, что мы пошли с тобой в оперу... О'кей, мой бригадир, жду распоряжений!

— Спать будем, — пожал плечами Степа. — Прямо тут, по очереди...

— Чего ты боишься? — Американец бухнулся в кресло и вытянул поудобнее ноги. — Дом, конечно, как в фильме про доктора Калигари, но не думаю, чтобы Берг решил убить собственную племянницу!

Косухин задумался.

— Мне вот чего кажется. Берг и сам перепугался. Удрал, сволочь, но дом все же оставил под охраной...

— Ты имеешь в виду это чудище в подвале?

— Ага. Что, если этот, чердынъ его, идол приказ получил, чтобы, значит, лабораторию стеречь? Войдет кто...

— Еще скажи, что им управляют на расстоянии. — В тоне Валюженича чувствовалось явное сомнение. — Не знаю, Стив. Насчет этого артефакта я не специалист. О'кей, посторожим и мы...

Валюженич поерзал в кресле и раскрыл принесенную с собой книгу в богатом кожаном переплете. Косухину читать было нечего, и он предпочел скучать, вообразив себя на настоящем боевом посту — дело привычное, хотя и невероятно тоскливое.

Вскоре Тэд задремал, уронив книгу на пол. Будить его Степа не стал, решив посторожить пару часов, а уж потом поспать самому. Было тихо, спокойно — и очень скучно. Каждые полчаса где-то в соседней комнате еле слышно били часы — и больше ничего не происходило.

Честно прождав два часа, Степа разбудил Валюженича и тут же уснул. Время во сне тянулось столь же медленно. Он снова слышал бой часов, но почему-то уже не издали, а совсем рядом. А затем раздался стук маятника. Вначале неясный, он становился все четче, все громче...

— Стив!

Косухин мгновенно проснулся и выхватил револьвер. В комнате все было по-прежнему. Он прислушался: вдали четырежды негромко пробили часы.

— Извини, что разбудил. — Голос Валюженича звучал виновато. — Но, понимаешь... В общем, мне стало не по себе...

— Это на тебя дом действует, — рассудил Косухин. — Правильно, что разбудил, а то мне всякая ерунда снилась...

— Я чувствую себя как-то... Знаешь, у писателя Эдгара По есть рассказ, — Тэд нервно рассмеялся, — про одного джентльмена с расшатанными нервами. Ему все казалось, что умершая сестра очнулась в гробу и медленно идет прямо к нему...

— Это ты брось! — возмутился Степа. — Меньше книжек дурацких надо читать! Горького взял бы, это писатель правильный, пролетарский. А то свихнешься...

Валюженич неуверенно улыбнулся и вдруг вскочил с кресла.

— Стив, там что-то происходит! Надо разбудить Наташу!

Тревога передалась и Косухину. Он встал, вновь прислушался, но вокруг царила мертвая тишина. Степа хотел было успокоить приятеля, но вдруг почувствовал знакомый холодок в спине. Холодок, затем ледяной холод... Степа стиснул зубы...

Из коридора донесся глухой тяжелый вздох.

— Дверь под прицел!

Поздно! Нечеловеческой силы удар обрушился на деревянные створки. Засов выдержал, но обе половинки треснули, с притолоки посыпалась штукатурка, по всему дому пронеслась легкая дрожь. Косухин взвел курок — и тут новый удар отбросил в сторону сорванный засов. Дверь рухнула.

...Глиняная маска теперь не казалась бесстрастной. Грубо вылепленные губы кривились, в черных глазницах светился красноватый огонь. Огромные конечности с растопыренными пальцами тянулись вперед...

— По глазам! — крикнул Тэд и выстрелил. Степа тоже прицелился, но не успел — чудище входило в комнату.

Краешком сознания Косухин успел удивиться — монстр ступал бесшумно, тихо. Сухо ударил выстрел — еще одна пуля из револьвера Валюженича прочертила едва заметную полосу на глиняной личине. Монстр не дрогнул — глаза вспыхнули красным огнем, огромная фигура подалась вперед...

И тут Степа понял: чудище не шло — плыло, едва касаясь пола. В его движениях появилась странная легкость, и Косухин решил, что никакая это не машина. В глазах горела осмысленная глубокая ненависть — монстр знал, что делает, он видел своих врагов.

— Что случилось? — В дверях спальни стояла Берг, успевшая накинуть легкий китайский халат, украшенный извивающимися драконами.

— Наташа, назад! — Косухин дернул револьвером, но стрелять не стал. В небольшой комнате рикошет опасен, а пуля ничем не могла повредить глиняному тулову. Монстр наступал на Валюженича, тот уже ткнулся лопатками в стену, стараясь уклониться от тянувшихся к горлу глиняных клешней.

Степа прикинул расстояние, поглубже вдохнул воздух и кинулся вперед, пытаясь обойти чудище слева. Глиняная рука дернулась, но Косухин все же успел поднырнуть и через мгновение стоял рядом с Тэдом. Прямо на Степу глядел горящий маленький глаз. Косухин поднял револьвер и поднес его вплотную к правому глазу глиняной твари. Ударил выстрел. Там, где только что горел красный огонь, стало черно и пусто.

— Йе! — Валюженич дважды выстрелил, промахнулся, выстрелил вновь. Глиняная клешня рассекла воздух, Тэд резко на-

клонился и отскочил в сторону. Монстр замер, прислушиваясь. Видеть он уже не мог — третья пуля Тэда попала в цель.

— Скорее в комнату! — Наташа широко растворила дверь спальни. — Я открою окно!

Это слышали не только люди. Ослепленное чудище среагировало мгновенно. Одна клешня метнулась туда, где стоял Степа, вторая поднялась, загораживая дорогу. Косухин упал на пол, перекатился, вновь вскочил на ноги.

— Тэд! Быстрее!

Монстр обернулся, глиняная лапа вновь взметнулась в воздух, но американец успел раньше. Миг — и он был уже в дверях. Степа подождал, пока Тэд войдет, и заскочил сам, захлопнув створку перед самым носом врага.

— Скорее! Туда! — Наташа резким движением распахнула окно. Пахнуло предутренней свежестью, и Степа успел подумать, что зимой пришлось бы выбивать раму. Сильный удар потряс комнату — ослепленный монстр пытался выбить дверь спальни, но попал в стену.

— Тэд, ты первый!

Валюженич на мгновение замешкался. Новый удар, на этот раз более точный, — и дверь распахнулась. Чудище стояло на пороге.

— Давай, Тэд! — Степа стал посреди комнаты, готовясь задержать страшилище. Американец уже был на подоконнике, еще секунда — и он, опустившись на вытянутых руках, мягко прыгнул на газон.

— Наташа! Прыгай!

Девушка попыталась забраться на подоконник, но монстр опередил ее. С неожиданной ловкостью он заскользил по полу и, толкнув Косухина, очутился рядом с Берг.

Степа сунул за пояс ненужный револьвер. Стрелять не было смысла, а обойти монстра невозможно: даже слепой, он чувствовал каждое движение в комнате. Наташа отошла к стене и резким движением пододвинула кресло, пытаясь загородиться от врага. Тщетно! Кресло с треском ударилось в стену, глиняные клешни потянулись вперед, пытаясь нащупать горло жертвы...

Выбирать не приходилось — Косухин нагнулся и резко дернул ковер, в который тяжело упирались ноги чудища. Монстр загреб конечностями, пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и с грохотом рухнул на пол.

— Наташа!

Девушка поняла все без подсказки. Перепрыгнув через лежащее на полу страшилище, она одним движением оказалась на подоконнике и, не мешкая ни мгновения, прыгнула вниз.

— Стив! Где ты? — донесся с улицы голос Валюженича. Степа бросился к окну. Монстр уже вставал — легко, почти не каса-

ясь клешнями пола. Медлить не следовало. Прыжок — и Косухин был уже на подоконнике. Внизу он заметил бегущих к дому офицеров Богораза. Наташа и Валюженич стояли чуть в стороне, американец возбужденно махал руками.

За спиной послышался шум. Краем глаза Косухин заметил тянувшиеся к нему пальцы, на миг почувствовал обессиливающий страх, но превозмог себя и прыгнул.

Газон оказался мягким, и Степа лишь слегка ушиб ногу. Валюженич помог ему встать.

— Господа, что случилось? — Поручик со шрамом стоял рядом, растерянно глядя на своих подопечных. Второй, незнакомый Степе офицер уже успел вытащить револьвер.

— Оу! — воскликнул Тэд и указал вверх.

— Господи! — Поручик перекрестился. Монстр стоял у окна. Пустые незрячие глаза в свете уличных фонарей смотрелись особенно жутко.

— Наташа... Наталья Федоровна, у вас это... все в порядке? — запоздало поинтересовался Степа.

— Спасибо, даже не ушиблась. — Девушка не казалась испуганной, скорее до предела удивленной. — Можете называть меня по имени, у вас это получается более ловко, Косухин... Господа, — обратилась она ко всем остальным, — мне крайне неудобно. Не понимаю, что случилось с Бриареем...

— Простите? — Поручик нерешительно взглянул на неподвижную фигуру. — Вы имеете в виду... этого, сударыня?

Девушка неожиданно рассмеялась:

— Это же машина! Автомат! Дядя купил его на одном аукционе. Старинный автомат, очень простой, сделан в XVI веке, кажется, в Германии.

«Ничего себе машина, чердынъ-калуга!» — только и мог подумать Степа.

— Мы назвали его Бриареем, — продолжала девушка. — Он выполняет самые простые команды, может прислуживать за столом... Не понимаю, что с ним случилось? Он обычно такой забавный...

— Оу, йе! — не выдержал Тэд и невольно взглянул вверх. Окно опустело — страшная личина исчезла.

— Не понимаю... — повторила Берг. — Никогда не думала, что Бриарей может действовать без команды! Но ведь кроме нас в доме никого не было!

— Значит, этот истукан взбунтовался. — Второй офицер, постарше, с заметной сединой на висках, покачал головой. — Прямо чудище Франкенштейна!..

— Нелепо, — согласилась Наташа. — Мы, кажется, его повредили, хотя, конечно, я не могу в этом никого винить. Спаси-

бо, господа, вы лишили парижские газеты очередной сенсации — девушки, задушенной монстром...

Берг протянула Валюженичу руку, затем ее ладонь неожиданно легла на Степино плечо.

— Косухин, мне почему-то кажется, что вы выручаете меня не в первый раз. Вы долго тренировались?

Степа смутился и не нашелся, что ответить.

— Сударыня... господа, — прервал их беседу поручик. — Попрошу в машину! В дом, как я понимаю, возвращаться не стоит...

Наташа пыталась возражать, доказывая, что сумеет укротить сбившегося с пути истинного Бриарея, но ее стражи были единодушны. Поручик твердо заявил, что немедленно отвезет мадемуазель Берг к генералу. Степа и Валюженич не стали спорить: по сравнению с только что покинутым домом у Богоразы в любом случае будет безопаснее.

Генерал действительно жил в центре, в районе Монпарнаса. Косухин и Тэд проводили девушку до подъезда, послушали, как поручик объясняется с удивленной консьержкой, и решили, что их миссия на сегодня окончена. Оставалось поймать такси и вернуться в показавшуюся сразу такой уютной квартирку, которую снимал археолог.

Утром их навестил Карно, сообщивший, что профессор Робер вне себя и требует немедленно доставить в университет лентяя и прогульщика Валюженича. Тэд беззаботно улыбнулся, предложив Степе съездить вместе с ними и пообещав, что иных чудищ, кроме профессора, в университете они не встретят. Косухин готов был согласиться, дабы не отдавать приятеля на растерзание, но повидать грозного Робера ему в этот день не пришлось. Пока они собирались, к дому подкатил знакомый автомобиль, и капитан, которого звали Виктором, пригласил Степу к генералу.

Как ни плохо Косухин знал Париж, но сразу же понял, что они едут не в сторону Монпарнаса. Авто проехало через весь центр, и Степа вновь сумел увидеть уже знакомую Л'Арк Триомф и полюбоваться творением инженера Эйфеля. Увы, прекрасный Париж оставался для него городом за стеклом автомобиля. А в следующий раз Косухин надеялся побывать здесь лишь в составе Рабоче-Крестьянской Красной армии, ежели французскому пролетариату понадобится братская помощь...

Степу провели на третий этаж большого богатого дома с вежливым консьержем и коврами на лестницах. В дверях его посетителей встретил молодой человек в штатском, но с неизменной военной выправкой.

— Вас ждут, прошу... — это были единственные слова, которые довелось услышать Косухину, покуда он шел по огромной прихожей, увешанной акварелями и разными дорогими безделушками. Здесь явно жили не те, кто зарабатывает хлеб трудовыми мозолями, и красный командир невольно сжался, готовясь к чему-то неприятному.

Сопровождающий отворил высокую белую дверь, и Степа оказался в большой гостиной. Здесь также висели картины, но уже не акварели, а полотна, писанные маслом, — портреты и морские пейзажи. Люстра сверкала хрусталем, ноги тонули в ворсе персидского ковра. Шторы были задернуты, и в комнате царил полумрак, мешавший разглядеть тех, кто здесь собрался. Впрочем, Наташу и Богораза Степа узнал, едва переступив порог. При его появлении генерал встал.

— Господин Косухин!

Из кресла, стоявшего у окна, поднялся высокий чернобордый мужчина в дорогом темном костюме — крепкий, подтянутый, типичная «офицерская кость».

— Здравствуйте, Степан Иванович!

Рука, протянутая Степе, была широкой и сильной, и Косухин почувствовал к этому человеку неожиданную симпатию. Может, причиной было лицо — широкое, открытое, с выразительными темными глазами, сразу почему-то показавшееся очень знакомым. В волосах и бороде серебрилась седина. Человеку было за пятьдесят, но выглядел он значительно моложе.

— Меня зовут Александр Михайлович... А вы похожи на брата!

— Ну... да, — оттаял Степа. — Здравствуйте...

— Александр Михайлович руководит всей программой эфирных полетов, — негромко произнес Богораз, и Косухин вновь напрягся. Вот, значит, кто посылал серебристые стрелы в небо! Александр Михайлович улыбнулся:

— Я рад видеть комиссара Челкея. С частью присутствующих вы уже знакомы. Прошу...

Он не успел договорить. Из кресла, стоявшего в затемненном углу, резко вскочил высокий — еще выше хозяина дома — молодой человек и быстрыми резкими шагами подошел к гостю. Щелкнули каблуки:

— Андрей Константинович Брятинский. Здравствуйте, Степан Иванович!

Князь Брятинский выглядел именно таким, каким запомнил его Степа по фотографии: породистый аристократ давней чистой крови, тонконосый, изящный и одновременно жилистый — прирожденный победитель, живущий в особом мире, где не могло быть места Косухину. Степа вновь, как когда-то, желчно позавидовал и одновременно разозлился. Именно этого, с го-

лубой кровью, отправили первым в эфирный рейс, чтобы князь, а не сын трудового народа навек вошел в историю!

— Николай мне часто говорил о вас. — Барятинский, не подозревавший о Степных размышлениях, энергично, по-спортивному пожал гостю руку.

Хозяин дома усадил Степу в свободное кресло как раз между собой и Барятинским. Сразу стало ясно, что он и князь Андрей здесь главные.

Александр Михайлович выждал минуту, и в комнате повисла тишина. Косухин еще раз бросил взгляд на хозяина. Этот человек умел властвовать, но не присутствие большого начальника смутило бдительного Степу, а странное, беспокойное сходство чернобородого с кем-то хорошо знакомым...

— Наталья Федоровна... Господа... — Привыкший повелевать голос был ровен и спокоен. — Комиссия Российской Империи по эфирным полетам продолжает работу. Предлагаю заслушать господина Косухина. Степан Иванович, прошу вас...

Косухин был не готов выступать в подобном обществе. Конечно, будь Степа на заседании иной комиссии, например, Сиббюро ЦК, он знал бы, как и что докладывать. Не хотелось ударить лицом в грязь, ведь тут хорошо знали Николая...

Степа уже хотел начать в своей обычной манере: «Ну, это, значит...», но прикусил язык. Белая кость впервые встречается с настоящим большевиком. Ну что же...

— Граждане! — рубанул он. — Дозвольте отрекомендоваться: Косухин Степан Иванович, двадцати двух лет. Образования заводского, слесарного. В партии с октября 17-го...

В какой именно — пояснять не стал. Белая кость и сама догадается!

— На фронте командовал батальоном, за Белую орден имею. С осени 19-го — на подпольной работе в Сибири...

Его слушали внимательно. Краем глаза Косухин заметил, как щелками сузились глаза Богораза. Во взгляде Наташи, напротив, был заметен явный интерес, словно Степа прибыл не из РСФСР, а с планеты Марс. Барятинский смотрел на живого большевика тоже с любопытством, но весьма одобрительно. Лицо хозяина дома оставалось невозмутимым.

Степа хотел было упомянуть о товарище Чудове — для пущего страха, но внезапно вспомнил то, что рассказывал Ростислав.

— В начале января сего года капитан Арцеулов получил приказ от белого гада Колчака прибыть в Иркутск и найти генерала Ирмана. Он должен был передать ему пароль...

Степа не скрыл ничего. Спокойно, будто находился среди товарищей по партии, поведал, как брал Семена Богораза, как осаждал дом на Трегубовской, как пузырился липким жарким пламенем огненный гриб, плавя затвердевший январский наст. И так же спокойно он говорил о том, что слышал от других: об

упавшем возле умолкшего пулемета Казим-беке, о подземном ходе, ведущем в старую часовню, и о пустой холодной тайге, по которой уходили беглецы.

Только одно оставалось под запретом — Венцлав и все связанное с командиром 305-го. Это была не его тайна. О Венцлаве он доложит лишь в Столице...

С остальным оказалось проще. Косухин коротко рассказал, как погиб Семирадский, а дальше и скрывать было нечего. С особым удовольствием Косухин поведал о красном флаге над Челкелем, с удовлетворением заметив, что невозмутимое лицо Александра Михайловича дрогнуло. Сообщил он и о попытке сорвать старт, о фальшивом приказе Колчака, но углубляться не стал — и с этим доведется разбираться самому.

— В полдень двадцатого «Мономах» взлетел... — Косухин помолчал, словно вновь увидев желтую степь и медленно уходящую в небо ракету. — Полигон был взорван... Вот и все, граждане...

Это, конечно, было не «все», но о том, что случилось после, Степа говорить не собирался.

В комнате воцарилось молчание. Похоже, у присутствующих было о чем поразмышлять.

— Благодарю вас, Степан Иванович, — наконец проговорил хозяин дома. — Насколько я понимаю, это все, что вы имеете право нам рассказать.

— Да, — спокойно подтвердил Степа. — Правильно понимаете.

— Значит, потом вы добрались до Индии, — заметил Богораз. — По дороге познакомились с господином Валуженичем...

Степа лишь пожал плечами. Рассказывать о Тэде значило начать разговор о Шекар-Гомпе.

— Да, — раздумчиво молвил Александр Михайлович. — Остается восхититься вашим мужеством, Степан Иванович. Увы, большевики это тоже оценят...

— Что вы имеете в виду? — удивилась Берг.

— Да то, что господина Косухина поставят к стенке! — недобро усмехнулся Богораз.

— Однако, — тонкие брови Барятинского поползли вверх, — ну и нравы в большевистском, пардон, кубле!

Косухин хранил молчание, хотя был вынужден признать, что Богораз-старший близок к истине. Ведь, кроме Челкеля, за ним еще числился Шекар-Гомп...

— Господа, прошу внимания! — Короткая фраза чернобородого мгновенно восстановила тишину. — К этому мы, возможно, вернемся. А сейчас не будет ли угодно господину Косухину ответить на вопросы? У меня они уже есть, причем целых два.

— У меня их сто, — решительно заявила Наташа. — Косухин, мне вас заранее жалко!..

Степа отвечал больше двух часов. Вернее, пытался — больше всего присутствующих интересовали мудреные технические подробности. Тут уж было не до гладкости речи. Косухин заикался на каждом слове, сбивался, а кое-что пытался показать на пальцах. Но это никого не смущало. Берг что-то строчила в блокноте, Барятинский одобрительно кивал и время от времени подсказывал — причем всегда удачно. Степа и сам удивлялся, как многое успел запомнить. Впрочем, кое-что его ставило в тупик, например, вопросы о погоде на эфирном полигоне, о температуре в кабине «Мономаха» и о том, какого цвета был летный скафандр брата. Наташу особо интересовало, что делала она сама, но тут помочь было нечем — в рубку управления Косухин даже не успел заглянуть.

— Пожалуй, хватит, господа! — подвел итог Александр Михайлович. — Степан Иванович, мы вам очень благодарны. Если не возражаете, то я резервирую еще одну встречу с вами. А пока сделаем перерыв. Прошу всех в гостиную — отобедаем!..

Обедали, естественно, на белой скатерти, со служанкой в накрахмаленной наkolке и с полным буржуйским набором блюд. Спиртного, правда, не было. Косухин понял: люди собирались работать.

После обеда чернобородый отозвал его в сторону.

— Степан Иванович, сейчас у нас будет разговор о Берге. Мне бы хотелось, чтоб вы присутствовали, но в этом случае вам придется дать слово. От вашего молчания может зависеть жизнь многих людей...

Степа хотел уйти, но вспомнил о брате.

— Понял, — кивнул он. — Буду молчать.

«Честное слово» не было произнесено, но Александр Михайлович спокойно кивнул, показывая, что вопрос решен. Вначале Степа подумал об интеллигентском легковерии, но потом сообразил, что его собеседник хорошо понимает людей. И вновь странное сходство — неведомо с кем — поразило Косухина...

На этот раз докладывал Богораз. Нового Степа ничего не узнал, зато его самого попросили кое-что добавить по поводу ночного происшествия.

— Я уже говорила! — Наташа, не дослушав до конца, нервно развела руками. — Это какая-то ерунда! Бриарей — простая игрушка. Дядя мне подробно объяснял устройство — он немногим сложнее музыкальной шкатулки, обычный образец средневековой механики...

— «Артефакт», — вспомнил Степа словечко Тэда. Ничего себе музыкальная шкатулка!

— Все это неважно. — Александр Михайлович поднял руку. — Важно другое...

— Да, — поддержал Барятинский. — Главное, что Берг — предатель...

— Князь! — Наташа протестующе вздернула подбородок. — Я... я просила бы...

— Извините, сударыня. — В легкомысленном голосе Барятинского прорезался холодный металл. — Он скрыл от всех правду о «Мономахе». Он пытался ликвидировать господина Косухина — единственного свидетеля, он уничтожил лабораторию... Не решусь утверждать, но ваша болезнь, Наталья Федоровна, тоже крайне подозрительна...

— Нет... — Наташин голос оборвался. — Дядя занимался «Мономахом» больше двадцати лет! Он отдал проекту всю жизнь! Это какое-то недоразумение, его обманули...

Никто не возразил, но было ясно, что остальные смотрят на поведение Карла Берга иначе. Степе не хотелось лезть в это дело, но он все же не удержался:

— Наталья Федоровна... Наташа... У вашего дяди есть перстень... серебряный. Какой он?

Берг равнодушно пожала плечами:

— Помню. Очень красивый перстень. Дядя купил его незадолго до моего возвращения. Перстень большой, массивный, на печатке два маленьких алмаза и изображение головы Горгоны...

— А не змейки? — вырвалось у Косухина.

— Нет, я точно помню. Стилизованная голова Горгоны, по моему, работа прошлого века...

...Ниточка оборвалась. Перстень был другой. Но тревога не проходила: издалека он был неотличим от того, что носил Арцеулов...

— Не будем спешить, — резюмировал Александр Михайлович. — Мы все знаем заслуги господина Берга. Будем надеяться... Да, будем все же надеяться, что это какое-то страшное недоразумение. Впрочем, у нас будет время поговорить об этом. Как и о том, как связаться с Тускулой. Верю, что Николай Иванович и Семен Аскольдович живы и мы еще увидимся с ними...

Косухин и сам не хотел верить в смерть брата. Мало ли что велел передать ему предатель Берг! Не таков Николай, чтобы пропасть зазря! Но стало ясно — надежды очень мало. Брат, если он и жив, находится где-то в невообразимой дали, и даже эти люди, знающие и умеющие, казалось, все на свете, не могут помочь...

— А ведь сегодня юбилей, — внезапно улыбнулся хозяин дома. — Помните, господа?

— Пойдите... — Барятинский задумался. — До дня первого запуска «Мономаха» еще пять дней...

— Я не об этом. Впрочем, данный юбилей никогда не отмечался. Я сам узнал о нем случайно — от своего покойного брата. А ведь это событие имеет отношение и к вам, князь...

Он замолчал, затем заговорил вновь, в голосе его звучала гордость и одновременно грусть:

— В этот день мой дядя, Константин Николаевич, подписал приказ о создании лаборатории по изучению ракетного движения. Начальником лаборатории был назначен его адъютант — Сергей Барятинский, ваш дед, Андрей Константинович. Так начался «Мономах». Это было ровно шестьдесят лет назад...

— Вот как? — Барятинский явно удивился. — Дед мне ничего не рассказывал. Я знал лишь, что «Мономах» — идея Дмитрия Ивановича Менделеева...

— Господин Менделеев обосновал практическую сторону программы и разработал проект строительства эфирного полигона. Но работы начались раньше...

Александр Михайлович встал и медленно подошел к окну.

— После больших маневров на Балтике, когда были испытаны противокорабельные ракеты Конгрева, Константин Николаевич обратился в Академию наук, предложив создать особую ракетную лабораторию. По семейным преданиям, ему еще в детстве подарили китайскую книгу, где рассказывалось о мудреце Ли Цзе, который построил ракету и улетел на ней в Небесный Дворец бога Лэй-Гуна. Академики к этой идее отнеслись без всякого энтузиазма, но ваш дед, Андрей Константинович, был человеком упорным — впрочем, как и мой дядя. Через пять лет в Кронштадте состоялось первое испытание ракетного двигателя — еще порохового...

Александр Михайлович встал и не спеша прошелся по комнате. Было заметно, что эта история волнует его.

— Я занялся проектом в 1908 году, тогда же, когда мы начали готовить первых авиаторов. Мы рассчитывали, что с 1920 года сможем запускать по два «Мономаха» в год. А потом появилась Тускула. Мы просто не успели...

Косухин чувствовал себя весьма неуютно. Конечно, с проклятым режимом царизма надо было кончать, но жаль, что программу «Мономах» так и не удалось завершить. Всемирная Коммуния без эфирных полетов показалась внезапно какой-то неполной, даже примитивной...

— Теперь на восстановление всего уйдут годы. Если, конечно, будет кому восстанавливать...

— Жаль, что вы не пустили меня на фронт! — резко бросил Богораз. — Большевики... эти... уничтожили все — даже то, о чем не имели никакого представления! Вандалы!

Степа вскипел. Наука — наукой, но слушать такое он не мог. Александр Михайлович покачал головой:

— В том, что случилось, виноваты и мы. Большевики пришли уже на руины... К тому же они знали о «Мономахе», так ведь, Степан Иванович?

Косухин от неожиданности вскочил. Перед глазами встало жуткое красноватое лицо Венцлава...

— О «Мономахе» вроде бы знают в Столице, — неуверенно начал он. — Но нам не говорили...

— Естественно. — Барятинский дернул в усмешке яркие губы. — Иначе таким, как вы, Степан Иванович, пришлось бы многое объяснять. Между прочим, большевистское руководство собирает всех, кто работал над «Мономахом». Интересно, для чего?

На прощание Александр Михайлович крепко пожал Степе руку, повторив, что надеется еще раз увидеться с ним в ближайшее время. Богораз проводил Косухина до подъезда, где терпеливо ждал черный автомобиль.

— А вы понравились Его Императорскому Высочеству! — В голосе генерала сквозило явное удивление.

— К-кому?! — оторопел Степа. — Какому высочеству? Богораз усмехнулся:

— Неужели не догадались? Александр Михайлович — дядя Государя. Перед встречей с вами мы договорились не употреблять в разговоре титулов, чтоб, так сказать, не смущать гостя...

Теперь в словах генерала звучала злая ирония, но Косухин не обратил на это никакого внимания. Царский дядя! Вот почему его лицо казалось таким знакомым! Ведь портретов Николая Кровавого Степа насмотрелся за свою жизнь более чем достаточно.

...Всю дорогу Косухин молчал, глядя на мелькавшие за стеклами авто оживленные парижские улицы. Ему было не по себе. Он и раньше догадывался, что «Мономахом» руководят не простые офицеры, как его брат, и даже не профессора, вроде покойного Семирадского. Это была государственная программа Империи, и неудивительно, что ее возглавил тот, кто создал русскую авиацию и руководил перевооружением флота после Цусимы — великий князь Александр Михайлович, о котором большевик Косухин, конечно, был слышан. Самое ужасное, что Александр Михайлович тоже понравился красному командиру. Еще год назад Степа почел бы за честь лично поставить этого царского дядю к стенке, но теперь все становилось слишком сложно. Выходит, великий князь не только занимался своим привычным делом — пил народную кровь, но еще и строил аэропланы, отправлял таких, как его брат, учиться летать в Парижскую авиашколу и руководил эфирными полетами. Значит, большевик

Косухин и его товарищи по партии, сокрушая прогнивший царский режим, уничтожили и все это? А что же строилось взамен? Степа привычно подумал о коммунизме — светлом будущем всего человечества, но тут же пришел иной ответ: нет, они строили Шекар-Гомп — Око Силы!..

Тэд был дома, причем не один, а вместе с Карно. Вид у обоих был веселый — кажется, визит к страшному профессору Роберу прошел удачно. При виде Степы оба удивленно смолкли. Косухин слышал, как его о чем-то спрашивают, сначала по-французски, затем — на ломаном русском, но отвечать не было сил. Косухина усадили в кресло, и Карно стал совать ему какую-то таблетку.

— Не надо, — отмахнулся Степа. — Спасибо, ребята! Не болен я. Просто... домой мне надо. Очень!

Прятели переглянулись.

— Нет проблем! — Американец неуверенно взглянул на Шарля. — А может, все-таки...

— Мне надо в Россию! — твердо проговорил Косухин и, увидев, что его слова вызвали почему-то еще большую растерянность, упрямо повторил: — Домой... Мне надо домой, ребята!..

...Из Парижа Степа уехал через три дня. Особых проблем и в самом деле не оказалось. Полученный в Бомбее паспорт был действителен, деньги имелись, а пароходы по Балтике ходили исправно. Косухину заказали билет на лайнер «Эссекс», который делал остановку в Гавре, а оттуда шел до Стокгольма через Ревель. К величайшему облегчению Степы, плыть ему предстояло вторым классом.

Все эти три дня Косухин безропотно выполнял все, что придумали Валуженич и Шарль. Его водили по музеям, показывали Париж с Эйфелевой башни и даже по настоянию Карно прокатили в Версаль. Степа подчинялся беспрекословно, пытался что-то запомнить, но в голове творилось нечто странное. Наконец он понял. В России его ждала определенность — та самая определенность, которую он напрочь утратил в последнее время. Там не придется ничего решать. Его дело выполнять приказы, вести в атаку красноармейцев, идти грудью на пулеметы... О Мировой Революции почему-то не думалось. Степа понимал лишь, что ему надо вернуться, рассказать все, что знает, а там пусть белый гад Арцеулов ставит его к первой же стенке!

Неугомонный Тэд уговорил его заехать к профессору Роберу. Косухин, помня разговоры приятелей, ожидал встретить нечто похуже глиняного монстра — жуткое чудище, евшее поедом бедных студентов. Но Робер оказался молодым застенчивым интеллигентом, встретившим Степу необыкновенно любезно и по-

казавшим такие любопытные «артефакты», что Косухин поневоле заинтересовался. Чуть подумав, он выждал, когда они остались вдвоем, и отдал профессору почти все свои франки, рассудив, что после Ревеля они будут ему совершенно ни к чему. Ошеломленный Робер принялся возражать, но Степа внушительно заявил, что представляет большевистский фонд помощи археологам, на что профессору ответить было нечего.

...Наташу он так и не увидел, хотя почему-то очень надеялся.

За день до отъезда Карно сумел-таки затащить Степу в гости. Косухину был торжественно показан портрет великого Лазаря Карно, который, как оказалось, был не только руководителем революционных армий, но и знаменитым математиком. Затем гостя заставили продегустировать какие-то отчаянно редкие вина из семейного погреба, и наконец Шарль, взглянув как-то странно, сообщил, что со Степой желает поговорить его отец — сенатор Карно.

Отказываться было неудобно, хотя Косухин не представлял, зачем он мог понадобиться столпу буржуазной власти. Шарль проводил гостя в кабинет, сам же войти отказался, сообщив, что отец немного поговорит по-русски и Степан скоро поймет все сам.

Степа действительно понял, причем сразу же, как переступил порог. Сенатор Карно — худой, мрачный, чем-то похожий на портрет знаменитого предка — в самом деле сносно изъяснялся по-русски. И дело, по которому он пригласил гостя, тут же разъяснилось, поскольку сенатор был в кабинете не один. Великий князь Александр Михайлович сидел возле камина, просматривая какую-то старинную книгу, и, увидев большевика Степу, приветливо улыбнулся.

Карно приветствовал гостя по-русски, а затем заговорил медленно, тщательно подбирая слова. Он сообщил, что рад познакомиться с приятелем своего сына. По счастливой случайности месье Косухин оказался знакомым не только Шарля, но и одного его давнего друга...

Александр Михайлович вновь улыбнулся, и Степа окончательно убедился, что эта встреча не случайна.

— Я узнал также... — Карно-старший запнулся, затем нерешительно выговорил: — некое обстоятельство...

— Степан Иванович, — великий князь встал, — вам нельзя возвращаться в Россию. Вам не простят...

«Ну вот еще, чердынь-калуга!» — хотел привычно возразить Косухин, но в горле внезапно пересохло. Ему не простят...

— Думаю... — вновь заговорил Карно-старший, — с видом на жительство особых... э-э-э... проблем не предвидится... Как и с работой...

— Все это ненадолго. — Александр Михайлович подошел совсем близко и слегка коснулся Степиного плеча широкой сильной ладонью. — Мы все равно продолжим работу, пусть и в эмиграции. Мы сможем вместе работать над «Мономахом»...

— Это с четырьмя-то классами! — вырвалось у Степы, и он поспешил прикусить язык.

— Это... не проблема тоже, — покачал головой Карно. — В Париже можно учиться...

— А также в Кембридже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе, — кивнул Александр Михайлович. — Мы еще не знаем, где будет наш новый центр. Вы еще все успеете, Степан Иванович! Работа займет долгие годы, мы все уйдем — а «Мономаху» нужна смена...

На мгновение Степу охватила привычная классовая ярость. Ему, большевику и красному командиру, предлагают дезертирство! Хуже — предательство! Эх, расчердынь-калуга, кем же ты стал, Степа Косухин, ежли белая кость думает, что купит тебя за какой-то там Кембридж?

Но злость тут же погасла, а на смену ей пришла тихая окончательная ясность. Эти двое немолодых людей — русский и француз — просто хотят спасти ему жизнь. Спасти от того, что ждет дома — в отечестве пролетарской революции. Так же, как они с Ростиславом, не думая о классовой сущности, спасали Валюженича, а он, Степа, шел в Шекар-Гомп выручать Наташу. И как потом выручали его самого...

— Я... понимаю. Спасибо... — Слова рождались трудно, будто каждое из них — последнее. — Но мне надо вернуться! Это очень важно...

— Умереть не всегда подвиг. Иногда надо жить, — негромко заметил Александр Михайлович.

Великий князь был прав, но Косухин понимал, что выбора у него нет.

— Я не все вам рассказал. Потом, после Челкея, я узнал... очень важное. Страшное!.. Мне надо вернуться в Столицу и все доложить!

— Кому? — Александр Михайлович тяжело вздохнул. — Удивляюсь одному — как вы еще живы? Теперь ясно, почему Наталью Федоровну заставили все забыть...

— Но... Может, вы, месье Косухин, не будете спешить? — заметил сенатор. — Подождите — месяц, может, год...

Это был тоже выход. Побывать здесь, попытаться связаться с придурком Арцеуловым, вытащить его с этой проклятой войны... Но Степа понимал, что и это не выход. Шекар-Гомп растет с каждым днем. Что-то страшное клубится в самом сердце Революции...

Его больше не уговаривали. Вероятно, собеседники тоже

что-то поняли. Косухин коротко простился и, не отвечая на вопросы Шарля, вышел на улицу. На душе внезапно стало спокойно: он решил, а значит, был свободен.

Прощались вечером на перроне вокзала, где Косухина ждал поезд до Гавра. Все старались казаться веселыми — и сам Косухин, и Тэд, и Карно, который все совал Степе свою визитную карточку, заказанную, по его словам, специально для этого случая. Степа не возражал, записал адрес Валюженича и даже адрес его отца в Абердине. Но Косухин знал, что писать не сможет, а ему самому посылать письма некуда: постоянного адреса у него не было уже четвертый год. В последний момент, вспомнив, он назвал Тэду адрес единственного человека, который мог помочь связаться с ним, — Николая Лунина, да и то при условии, что Колька жив и вернулся в Столицу.

...Поезд нырнул в затопившие вокзал вечерние сумерки, привычно застучали колеса. Все было кончено.

Через неделю он был уже в Ревеле. За время путешествия Степа тщательно продумал свой будущий доклад в комиссии Сиббюро. Версия выстраивалась четко: попал в плен к белым гадам под Иркутском, вывезли в Китай, побег с помощью товарища Джора и его славного партизанского отряда... Паспорт и деньги ему достали, само собой, индийские большевики — лучшие сыны страдающего под колониальным игом великого народа. Маршрут через Париж тоже не вызывал сомнений — он был самым коротким.

Второй свой доклад, предназначавшийся для иных ушей, Степа также продумал досконально. Следовало сразу же попроситься на прием к товарищу Троцкому — и рассказать обо всем...

В Ревеле, где на каждом шагу звучала русская речь, Косухин вначале решил договориться с вездесущими контрабандистами и перейти границу нелегально. Так было безопаснее — он мог сразу же уехать в Столицу и явиться в ЦК. Но, подумав, Степа рассудил, что это все-таки неправильно. Он не шпион и не эмигрант. Нелегальный переход границы сразу вызовет ненужные подозрения. Косухин добрался до Нарвы и вышел к первому же пограничному мосту. Молодые ребята в высоких суконных шлемах, таких же, какие носили бойцы 305-го, но с привычными звездами, изучили его паспорт и кликнули находившегося тут же уполномоченного ВЧК.

Степу отвезли в Псков. Два дня он проскучал в одиночке местной тюрьмы и даже обрадовался первому допросу. Молодой чекист, явно приняв его за белогвардейского шпиона, предло-

жил покаяться, обещая от имени советской власти проявить в этом случае снисхождение. Косухин терпеливо выслушал его, затем представился, назвал свою должность и номер партбилета, а потом велел сообщить о его прибытии товарищу Смирнову, руководителю Сиббюро. Глаза молодого чекиста вылезли на лоб, и Степе пришлось все это дважды повторить, пока пораженный следователь не занес сказанное в протокол.

Его не отпустили, но чекист заверил, что телеграмма будет немедленно отправлена в Столицу. Кормить стали получше и ежедневно приносили газеты. Степа прочитывал «Правду» и «Красноармейца» от корки до корки, с радостью ощущая себя дома. Тюремные стены не смущали — все должно было скоро разъясниться.

Все действительно выяснилось, причем быстрее, чем он думал. Уже на третий день после допроса, ближе к вечеру, дверь камеры открылась и на пороге появился все тот же чекист. Лихо подбросив руку к козырьку, он назвал Косухина «товарищем» и сообщил, что вопрос решился. Косухин подумал было, что пришла телеграмма из Сиббюро, но следователь сказал, что за Степой приехал специальный представитель из Столицы с чрезвычайным мандатом.

На мгновение Косухин почувствовал нечто вроде гордости. Его не забыли! Степа одернул пиджак, провел рукой по отросшей за эти дни щетине, жалея, что нет времени привести себя в порядок, и проследовал в тюремную канцелярию.

За деревянным столом сидел человек в командирской шинели с большими красными звездами в петлицах. Увидев Косухина, он пружинисто встал и затушил в пепельнице папиросу.

— Здравствуйте, Степан Иванович!

Степа хотел ответить, но застыл на месте, не в силах сказать ни слова. Перед ним стоял Венцлав.

ГЛАВА 5

АЛЕКСАНДРОВСК

Над городом стлалось черное облако дыма. Александровск горел. Штурмовые колонны ворвались в город с рассветом, а сейчас был полдень, бешеное июльское солнце заливало степь, и многочасовой грохот боя стал настолько привычен, что уже не воспринимался сознанием.

Арцеулов опустил бинокль. Он так и не привык наблюдать бой издалека, каждый раз ощущая себя дезертиром. Там гибнут его товарищи, а он, подполковник Русской армии, прохлаждается в тылу!.. Порой это становилось невыносимо.

— Скучаешь, Слава? — Тургул тоже опустил бинокль и не торопясь достал портсигар. — Брось! Через пару часов посмотрим все вблизи. Комиссары уже выдыхаются...

— Ну и нервы у тебя, Антошка!

Когда вблизи не было подчиненных, генерал-майор Антон Васильевич Тургул, командир легендарной Дроздовской дивизии, был для Арцеулова по-прежнему Антошкой, впрочем, как и он, специальный представитель Ставки — просто Славой.

— В штыки тянет? — улыбнулся генерал. — Имей в виду, не будешь слушаться, сообщу Барону, а он запрет тебя в санаторий. Ты его знаешь!

Арцеулов улыбнулся в ответ, но улыбка вышла грустной. Все вообще шло как-то не так. И даже совсем не так.

...Арцеулов почувствовал это сразу, как только болгарский пароход высадил его у Графской пристани. Ростислава тут же арестовали и отконвоировали в ближайший рavelин, где им занялась контрразведка. Никакие объяснения не помогали. Его рассказ о том, что он тот самый Арцеулов, посланный весной 19-го со специальной миссией в Сибирь, вызвал лишь ленивую ухмылку. Когда же Ростислав попытался повысить голос, его назвали «большевистской сволочью» и бросили в одиночный карцер.

Деньги конфисковали в первый же день. К счастью, сапфир, словно предчувствуя беду, капитан еще на пароходе успел зашить в подкладку пиджака.

Его допрашивал полковник с забавной фамилией Нога. Выслушав Ростислава, он явно ему не поверил, но все же предложил назвать кого-либо из офицеров Русской армии, которые могли бы засвидетельствовать его, Арцеулова, подозрительную личность. Стало ясно, что дела плохи. К Колчаку его и Гришина-Алмазова отправлял лично Деникин, но бывший Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России еще в марте покинул негостеприимный Крым. Генерал Романовский, присутствовавший при том разговоре, бы недавно убит в Стамбуле. Не было в живых ни Маркова, ни Дроздовского. Арцеулов стал называть фамилии своих однополчан, но полковник Нога смотрел на него так, что Ростислав понял — это едва ли поможет.

Все оказалось еще хуже. Дней через пять Ростислав был вновь вызван к полковнику, и тот протянул ему список. Из его товарищей не уцелел никто. Ротный — капитан Корф уже в чине полковника пропал без вести, офицеры его взвода погибли еще в 19-м, а совсем недавно, в марте, умер от тифа Андрей Орловский. Князь Ухтомский, на встречу с которым Ростислав надеялся больше всего, так и не попал в Крым. Его часть была отрезана под Новороссийском и отступила куда-то к грузинской границе.

Итак, не осталось никого. Прошел всего год — и он вернулся на кладбище. Даже хуже — никто уже не скажет, где, в каких местах от Тулы до Симферополя находятся могилы его друзей...

Полковник Нога, подумав, предложил назвать кого-либо из офицеров других частей, которые могли бы помнить Арцеулова. Это был выход. Ростислав хорошо знал ребят из отряда Дроздовского. Самого Дроздовского уже не было в живых, и он назвал капитана Туцевича, с которым был знаком еще с 16-го. Увы, Туцевич тоже погиб прошлым летом. Арцеулов стал лихорадочно вспоминать. Он неплохо знал еще двоих: капитана Макарова и поручика Тургула. Ростислав хотел назвать Макарова, но вспомнил, что того перевели в штаб Май-Маевского, а значит, его тоже могло не быть в Крыму. И он назвал Антошку Тургула.

Брови полковника поползли вверх. Он заявил, что поручика Тургула не знает, а что касается его превосходительства генерала Тургула, то запрос сделать можно, ежели, конечно, Арцеулов знаком именно с ним. Ростислав стал вспоминать, не было ли у Антошки дяди генерала, но потом решил, что терять ему нечего. Тем более выяснилось, что и Антошку, и загадочного генерала зовут одинаково — Антоном Васильевичем.

Через три дня дверь его камеры распахнулась и появился Антошка — веселый, подтянутый, в лихо заломленной на затылок, по примеру покойного Дроздовского, фуражке. Они обнялись, и Тургул потащил его из камеры. Какие-то тюремные крысы пытались толковать о нарушенном порядке, но Антошка рыкнул — и контрразведчиков сдуло ветром. Тут только Арцеулов заметил, что на Тургуле не обычный офицерский китель, а щегольская форма дорогого сукна. А еще через несколько минут он узнал то, что добило его окончательно: Антошка, то есть, конечно, Антон Васильевич, не просто генерал, которых в Крыму и так окопалось достаточно. Бывший поручик командовал знаменитой Дроздовской дивизией.

С этой минуты жизнь пошла совершенно иначе. В тот же день Арцеулова доставили прямиком к главнокомандующему. Выяснилось, что Врангель его хорошо помнит. Ростислав получил выговор за то, что не решился обратиться прямо к главному, а затем Врангель слушал его больше двух часов. Арцеулов понимал, что его рассказ уже не имеет никакой практической ценности. Все, ради чего его посылали через фронт, погибло вместе с Колчаком. Но барон слушал его не перебивая, как слушают сказку — или древний миф о героях.

Из кабинета Врангеля Ростислав вышел уже подполковником. Так же легко он мог стать и генералом — барон, повысивший его на чин, верил на слово. Конечно, подобная мысль даже

не приходила ему в голову, но кое-какие выводы Арцеулов уже успел сделать. Здесь, в Крыму, очень легко отправляли людей в контрразведку — и так же просто повышали в званиях. Оставалось узнать, как тут воюют.

Тургул обещал ему должность заместителя командира полка — и не простого, а Первого Офицерского, лучшего в дивизии. Иного желать было просто невозможно. Оставался пустяк, чистая формальность — пройти через армейских эскулапов, дабы получить необходимую справку. Ростислав с легким сердцем зашел в центральный севастопольский госпиталь — и был признан полностью негодным к службе.

Это был конец. Напрасно он шумел, пытался поднимать гирию и стоять на руках. Врачи были неумолимы. Арцеулов в отчаянии прорвался на прием к какому-то столичному светилу, занесенному военным ветром в Симферополь. И тут уж ему самому стало не до шуток. Светило говорило долго, сыпало латинскими терминами, но главное Ростислав уловил сразу. Черепная травма — свежая, обширная, поразившая почти треть мозга...

Ростислав вспомнил: падающий «Муромец», лопнувшие ремни, страшный удар... Он, прикованный к креслу, смотрит на глухую стену неведомого ему парижского дома...

Врач после долгих расспросов подтвердил — Ростислава ждет полный паралич. То, что этого до сих пор не случилось, было для петроградского светила величайшей и абсолютно неразрешимой научной загадкой.

...Арцеулов не стал рассказывать о тайном убежище и о Цронцангамбо, лечившем его каким-то пахучими мазями. Тогда боль и слабость отступили. Позже, в Индии, почти ничего не напоминало о травме. Другое дело, насколько долго будут действовать загадочные снадобья...

Единственно, чего он добился, — это должности офицера по особым поручениям при Ставке. Конечно, это было абсолютно не то. Арцеулов ехал в Крым не инспектировать — он спешил на войну, и очень скоро его посетило первое сомнение. Может, Ростиславу все-таки стоило остаться в Индии и вместе с Ингваром организовывать экспедиции в Гималаи. А может, — и эта мысль посещала его все чаще, — надо было ехать в Париж, чтобы краснопузый дурак Степка не оставался там один...

...Ростислав не выдержал и написал Валюженичу, сообщив свой симферопольский адрес. Ответа не было, и тревога росла. Ростислав вспомнил последний разговор с Наташей, странную телеграмму от Карла Берга и еще более странное молчание Тэда...

В свободное время, которого здесь оказалось слишком много, Арцеулов забегал в библиотеки: и в симферопольскую городскую, и в знаменитую севастопольскую, основанную адмиралом Лазаревым. Там он нашел немало статей Семирадского, не-

сколько публикаций Семена Богораза и массу работ, напечатанных Бергами — Карлом и Федором, отцом Наташи. Были и Наташины статьи, но прочитать их, равно как и все прочие, Ростислав так и не смог. Физика и высшая математика — от этого он полностью отвык за фронтовые годы. Переделистав «Известия Императорской Академии наук», Арцеулов нашел статью Родиона Геннадьевича, который оказался не простым учителем, а почетным доктором Стокгольмского университета. Ростислав решил ее основательно проштудировать, но не успел. Барон отправил его под Александровск, где Дроздовская дивизия насмерть схватилась с 13-й армией бывшего поручика Уборевича.

...День клонился к закату, но грохот канонады не стихал. Арцеулов то и дело поглядывал на Тургула — лицо Антошки оставалось невозмутимым, даже веселым, но глаза выдавали скрытое беспокойство. Что-то складывалось не так. Ростислав видел, что генерал сам готов немедленно мчаться в Александровск, где сражались его «дрозды».

Было уже около семи, когда адъютант позвал Тургула к телефону. Антошка отсутствовал долго, а вернувшись, бросил уже без всякой улыбки:

— Сглазил! Нас вышибли из центра и гонят дальше. Я послал туда полк Колтышева... Слушай, у Барона есть сведения о красных резервах?

— К Александровску идет Вторая Конная Миронова...

— Эти далеко. Объявилась свежая красная дивизия. Там, оказывается, есть ударный полк — 256-й имени Парижской Коммуны. Они опрокинули наш Первый Офицерский, представляешь?

— Ого! — Арцеулов покачал головой. — А кто командир?

— Какой-то Косухин. Говорят, бывший офицер. Вот бы кого достать!..

Тургул скрипнул зубами. Офицеров, служивших у красных, здесь в плен не брали...

...Арцеулов вновь вскинул бинокль, хотя рассмотреть хоть что-нибудь в дымящемся мареве было невозможно. Интересно, есть ли у краснопузого Степы родственники-офицеры, кроме брата? Впрочем, Степина фамилия не из редких, в отличие от его собственной. Да и то на всю Таврию гремело имя красного летчика Константина Арцеулова, что стало предметом частых язвительных шуточек сослуживцев Ростислава.

Еще полчаса прошло в молчании. Подполковник знал, что Тургул отправил в бой всех, кроме начштаба, которого в атаку посылать не принято, и его самого. В Александровске наступал момент, когда судьбу сражения могла решить свежая рота. Но к

красным спешили резервы, а у Тургула оставался лишь один батальон — Особый Офицерский.

Адъютант вновь что-то доложил Тургулу, тот кивком отпустил его, минуту подумал и повернулся к Арцеулову:

— Нас прижали к южной окраине. Колтышев ранен, Володю Манштейна отрезали, он где-то в центре. Я вывожу батальон...

— Антон, разреши! — дернулся Арцеулов.

— Слава, ты же знаешь!..

— Ваше превосходительство! — Ростислав стал по стойке «смирно». — Даю слово офицера, что вышибу красных и продержусь в городе до рассвета!

— Господин подполковник, — грустно улыбнулся Тургул, — этого мало. Надо продержаться до десяти утра. На подходе бригада Морозова. Но к ним идет Вторая Конная...

— Я понял. Разреши!..

Тургул секунду подумал:

— С Богом, Ростислав. Вышиби этого Косухина! Далеко не забирайся, в центре много каменных зданий — зацепись за них...

— Так точно! — Арцеулов подбросил руку к козырьку и зло улыбнулся. Он не знал, доживет ли до рассвета, но в любом случае Степиному однофамильцу придется туго.

На южную окраину батальон ворвался без выстрелов. Кололи штыками — «дрозды» из Особого батальона были сплошь ветераны, еще с Ясского похода. Красные, уже уверенные в победе, дрогнули и покатались по горящим улицам к центру. «Дрозды» атаковали молча, экономя патроны и не давая врагу опомниться. Арцеулов шел впереди батальона с потухшей папиросой в зубах и трехлинейкой наперевес. Фуражку еще в начале боя сбила пуля. Ростислав не стал ее искать, радуясь, что вечерняя прохлада овеивает разгоряченную голову. Наконец-то он воевал, и это был горький праздник, поминки по тем, кого Арцеулов оставил в далекой Сибири и здесь — от Одессы до излучины Дона.

Центр горел, но в нескольких массивных кирпичных зданиях красные все же сумели удержаться. В упор ударили пулеметы. Арцеулов помянул большой Петровский загиб, выплюнул окурок и бросил «дроздов» к ближайшему из домов — огромному, с толстенными стенами, похожему на старинный купеческий склад. Один пулемет удалось «погасить», и «дрозды» ворвались внутрь. Арцеулов оказался в большом помещении, где валялись несколько трупов и брошенные винтовки, но дальше ходу не было. Внутренняя дверь простреливалась: красные успели поставить еще один пулемет, а в маленькое окошко, больше похожее на крысиный лаз, нельзя было просунуть даже гранату.

Ростислав решил не лезть на рожон и отправил роту в обход.

Вскоре ему доложили, что склад удалось окружить, но дальше красные не пускали. Арцеулов, послав донесение Антошке, приказал закрепляться. Сам он решил оставаться на складе. В случае артобстрела здесь безопаснее, а к красному соседству было не привыкать. Напротив внутренней двери поставили «гочкис», раненых унесли в тыл, и наступил момент для первого перекура.

В помещении склада вместе с Арцеуловым расположились десятка два офицеров. Ростислав достал папиросы, подавая пример. Вспомнилось, что точно так же в коротком промежутке между боями они перекуривали на окраине Екатеринодара. Папиросами угощал генерал Марков — они у него не переводились, к радости страдающих без табака «добровольцев».

— Господа, огоньку не найдется?

Вопрос повис в воздухе. Курильщики растерянно похлопывали себя по карманам, но — редкая вещь — ни у кого не оказалось ни спичек, ни зажигалки. Ростислав с сожалением вспомнил, что отдал свой коробок Тургулу.

— У красных попросить, что ли?

Нелепое предложение вызвало смех, но затем один из офицеров — молодой поручик с солдатским Георгием на груди осторожно подошел к слуховому окошку, подмигнул остальным и прокричал:

— Эй, краснопузые! Спичек не будет?

— А повежливее можно? — донеслось в ответ. Поручик удивился, но, подумав, предпринял новую попытку:

— Господа красноармейцы! Не соблаговолите ли одолжить спички? Взываем к солидарности курильщиков!

На этот раз засмеялись за стеной. Легкий стук — коробок упал на пол, к нему тут же потянулись нетерпеливые руки. Красные не оплошали — по яркой наклейке кто-то успел сделать карандашную надпись: «Травитесь, беляки!»

— Вернуть не забудьте! — донеслось из-за стены. После того как сизый дым пополз под потолок, Арцеулов лично переправил надпись, заменив «беляки» на «товарищи», и отправил спички обратно, не забыв прибавить: «Сэнк'ю».

— Дон'т менш ит! — послышалось в ответ.

— Ого! — Офицеры стали переглядываться. Да, красные уже были не те, что в 18-м!

— Эй, краснопузые, откуда будете?

Ответа не ждали, но из-за стены прозвучало твердо и веско:

— 256-й имени Парижской Коммуны!

Кто-то присвистнул. Значит, здесь те, кто разбил Первый Офицерский! Лица недобро улыбались — если бы не кирпичная стена и не пулемет у прохода, тамошним курильщикам пришлось бы несладко.

— А где ваш Косухин? — Красного командира за эти сутки уже успели дружно возненавидеть.

— А на что он вам? В плен собрались, недобитые?

Там, за стеной, хорошего настроения явно не теряли.

— Да нам поговорить бы...

Офицеры стали перешептываться. Граната в окошко не пролезет, но можно просто пальнуть из винтовки...

Невидимые собеседники замолчали. Настала тишина, лишь где-то далеко, за несколько улиц, шла ленивая перестрелка.

— Ну я Косухин! — Голос прозвучал спокойно, с явной насмешкой. — Чего надо, чердынь-калуга?

Ростислав похолодел. Разведка ошиблась: командир 256-го — не из бывших офицеров... Он жестом остановил собиравшихся высказаться на полную катушку «дроздов» и осторожно подошел к окошку.

— Степан?

За стеной молчали. Арцеулов хотел уже уйти и все забыть, но внезапно вновь послышался знакомый голос:

— Че, Ростислав, никак ты? Еще не расстреляли?

Тон и слова были под стать обстановке, но Арцеулову почему-то показалось, что где-то самым краешком в голосе Степы прозвучала радость. Из холода Ростислава бросило в жар.

— Сдавайся, краснопузы! — крикнул он первое, что пришло на ум, просто желая еще на минуту затянуть разговор. — Мы вас окружили!

— Это кто кого окружил, чердынь-калуга! — Степа засмеялся как можно обиднее. — Ладно, возьму тебя в плен — поговорим!

Ростислав отошел в сторону. Сердце бешено билось, в голове появилась знакомая слабость. Значит, они все-таки встретились! Господи, как нелепо...

— Вы его знаете, господин подполковник? — В тоне спрашивающего прозвучало уважение и одновременно страх, словно Арцеулов был знаком не с красным командиром, а с самим Вельзевулом.

— Немного, — отвечал Арцеулов, даже не думая. — Довелось...

Арцеулов заставил себя думать о другом. Красные не просто перекуривают. У них тоже приказ, и едва ли красноармейцы 256-го намерены всю ночь мирно отдыхать. Ростислав приказал батальону готовиться к бою. И вовремя.

Красные атаквали, как только стемнело. «Дрозды» отбились, чуть было не захватили весь центр, но к врагу подошла подмога, и теперь уж дроздовцам пришлось туго. Спасали выучка, многолетний опыт, а также то, что Арцеулов до последнего момента держал в резерве два свежих взвода. Когда краснопузы уже валили по главной улице, разрезая батальон надвое, подпол-

ковник бросил офицеров в штыки — и бойцы полка имени Парижской Коммуны вновь отступили.

К полуночи стрельба стихла. Тургул прислал с вестовым записку, сообщая, что бригада Морозова на подходе и будет в Александровске еще до рассвета.

В помещении склада все оставалось без перемен. Правда, никто уже не думал переговариваться — и те, и другие смертельно устали. Когда часы показали половину второго, Арцеулов разрешил «дроздам» поспать — естественно, посменно, выставив караулы. Красные молчали. Оставалось ждать, кто подоспел первым — командарм Миронов или командир Донской бригады Морозов.

...Арцеулову не спалось. Маленькое окошко притягивало. Ростислав представил, что там, за стеной, комполка Косухин тоже не спит. Подполковник быстро оглянулся и, осторожно перешагивая через спящих, подошел к черному отверстию. Он хотел окликнуть Степу, но внезапно сам услышал негромкое:

— Ростислав, эй! Ты там?

— Здесь!

Кровь застучала в висках, хотя, казалось, волноваться нечего. Встретились бывшие приятели — нынешние враги. Такое бывало, и не раз, и не два...

— Я тебя третий раз выкликаю, чердынь-калуга! Спишь, что ли, капитан?

— Подполковник! — Арцеулов невольно усмехнулся.

— Все одно, я тебя главнее... Ну че, беляк, тебя твои не тронули?

— Неделю продержали, — вновь улыбнулся Ростислав. — Чуть за шпионаж не расстреляли.

— Ага! Меня тоже. Своим рассказал?

— Нет!

...Арцеулов не стал рассказывать Врангелю ни о «Мономахе», ни о тибетском монастыре. Что-то удержало. Да и под крымским небом его история выглядела слишком невероятной...

— И я тоже, стало быть... Ладно, от Валюженича письмо получил?

— Нет. — Ростислав забеспокоился. — Степан, что было в Париже? Вы встретили брата?

— Потом... Тэд напишет... В том перстне, ну, который... Две змейки, точно?

— Д-да... Но почему...

— Все, бывай, кадет! Скажи своим, чтоб мотали отсюда — шас двинем...

«Шас двинем!»! Раздумывать не приходилось. Арцеулов от-

скачил от черного окошка и оглянулся. Офицеры спали, даже пулеметный расчет сморило: несколько часов боя прошли недаром.

— Тревога!

«Дроздов» не требовалось предупреждать дважды. Несколько секунд — и все были на ногах.

За стеной было тихо, но Ростислав знал, что порой означает такая тишина. Он жестом указал на выход. В глазах офицеров мелькнуло удивление, но дисциплина превозмогла — один за другим «дрозды», стараясь не шуметь, выскочили на улицу. Арцеулов уходил последним. Он уже стоял в проходе, когда из внутренней двери вылетело что-то темное, тяжелое...

Ростислав успел отскочить и прижаться к стене. Взрыв потряс здание. Опоздай они на минуту, и связка гранат, заботливо припасенная красными на подобный случай, разнесла бы всех в клочья.

— К бою!

Вокруг уже гремело, на улице слышалось гудение моторов, а откуда-то издали доносилось еле слышное конское ржание. Авангард Второй Конной Миронова ворвался в город.

«Дроздов» выручила ночь, а также узкие, загроможденные битым камнем улицы. Красные не могли развернуться, и Арцеулов смог продержаться еще полчаса. Первый броневик подбили сразу, и стальная туша закупорила проход. Ростислав уже подумывал о контратаке, когда внезапно стрельба раздалась со всех сторон — из соседних улиц, сзади, даже с крыш. 256-й полк взял батальон в кольцо.

«Дрозды» заняли круговую оборону, огрызаясь из нескольких пулеметов. Сам Арцеулов с трофейным «льюисом» устроился на первом этаже горящего дома, решив никуда не уходить. В конце концов, в городе было ничуть не опаснее, чем в степи, где уже гуляли сабли мироновцев...

Под утро стрельба немного стихла. К батальону Арцеулова пробились остатки Первого Офицерского во главе с заместителем Тургула — одноруким Володей Манштейном. Тот, в запарке боя не узнав Ростислава, именовал его отчего-то «капитаном» и приказал держаться. Приказ был лишним — иного выхода просто не было.

Морозовцы ворвались в город в половине восьмого. Веса вновь заколебались, но уже через час с юга донеслась стрельба — к Александровску шла лучшая дивизия Русской армии — Корниловская...

Арцеулов оставался в городе. Когда 256-й полк, отстреливаясь и огрызаясь, отступил, он не выдержал и заглянул туда, где провел вечер. Взрыв разворотил все. Кирпичные стены змеились трещинами, чей-то забытый котелок расплющило и пре-

вратило осколками в сито. Ростислав покачал головой: в эту ночь смерть еще раз прошла мимо. Арцеулов внезапно почувствовал стыд. Он не желал подобного подарка. Тем более от проклятого краснопузого — потомственного дворянина Степы...

Тургул долго качал головой, грозил санаторием, а затем пожал руку, заявив, что составит особый рапорт, дабы Ростиславу дали наконец полковника и разные нижние чины перестали бы путать звания. Присутствующий при этом Манштейн, узнавший наконец Арцеулова, то и дело порывался извиняться, но Тургул лишь зловеще похихатывал.

Ростислав упрямился, никому не сообщать о его участии в бою, опасаясь, что Врангель вообще перестанет пускать на фронт. Слухи о случившемся в Александровске уже дошли до Тургула. Он несколько раз с интересом взглянул на приятеля, а затем, как бы случайно, поинтересовался, как прошла встреча с красным командиром Косухиным.

— Поговорили, — лаконично бросил Ростислав.

— Так он из офицеров?

— Нет, — чуть помолчав, ответил Арцеулов. — Он слесарь.

...Врангеля он нашел в Джанкое. Главнокомандующий выслушал Арцеулова и ничего не сказал. Радоваться было нечему: Александровск взят, но дальше ни Тургулу, ни корниловцам продвинуться не удалось. Фронт замер.

Арцеулов хотел попроситься к Слащеву под Мелитополь, где тоже было жарко, но почему-то не решился. Что-то сломалось в душе. Краснопузый Косухин сыграл не по правилам. Между боями враги, случалось, разговаривали, но предупреждать об атаке было нельзя, просто невозможно. В апреле 19-го Косухин уже выручил его, но на реке Белой он лишь поделился водой с умирающим. Теперь же...

Барон велел ехать в Севастополь и ждать дальнейших распоряжений. Только тут Ростислав решился возразить и попроситься на передовую, но Врангель был непреклонен. В глазах командующего Арцеулов прочитал сочувствие к тяжелооболванному, и ему стало не просто стыдно, а еще и невыносимо плохо.

...Уже в поезде, ночью, когда сон не шел и он курил папиросу за папиросой в холодном гремящем тамбуре, Ростиславу вспомнилось давнее позабытое правило. Врага отпускали, взяв с него слово больше не воевать. Никакого слова он Степану, естественно, не давал, но принял его условия, послушав совета и не оставшись на верную смерть среди выщербленных осколками стен...

В Севастополе Ростислава ждало письмо от Тэда. Оно было

напечатано на машинке, вдобавок Валюженич дописал еще пару страниц своим чудовищным почерком. К счастью, послание оказалось на английском, и Арцеулову не пришлось продирааться сквозь дебри польско-русско-американского воляпюка.

Ростислав прочитал письмо дважды, полюбовался аккуратно вычерченными схемами церкви Святого Иринейя и дома Карла Берга, а также присланной фотографией: улыбающийся Тэд и хмурый Степа на фоне версальских фонтанов. Потом он долго курил, стараясь привести нахлынувшие мысли в относительный порядок. Ростислав наконец-то понял, что не давало ему покоя с первой же минуты приезда в Крым. Он ошибся. Это была не его война. Ему незачем воевать со Степаном Косухиным...

Оставалось два выхода. Первый — немедленно подать в отставку и ехать в Париж. Второй — оставаться здесь и ждать: то ли случайной пули, то ли подсказки...

В этот вечер он долго гулял по севастопольским улицам. Город поражал — здесь почти ничего не напоминало о войне. Лощеные тыловики прогуливали дам по Большой Морской и Историческому бульвару, посещали рестораны, где за ужин выкладывали сумму, равную месячному офицерскому окладу. Севастополь гулял, веселился и даже пускал фейерверки.

Когда стемнело, Арцеулов завернул в небольшой ресторан неподалеку от Графской пристани. Деньги имелись — жалование он почти не тратил, к тому же контрразведка после нескольких напоминаний вернула конфискованные фунты. Ростиславу повезло: его усадили за спрятанный в углу столик, откуда не было видно зала, и даже визгливый шум оркестра доносился не так явственно. Официант, скользнув наметанным взглядом по посетителю, извернулся и принес бутылку довоенной «Смирновской». Пить Арцеулову строго запрещалось, но в этот вечер настроение было настолько мерзким, что он пренебрег наказом эскулапов. Хмель не брал — привычные фронтовые нормы были куда круче.

Ресторан гудел, гоготал, вопил. Осипшая дива пела про шарбан-американку под неумолчный звон тарелок и рюмок. Арцеулов затосковал и внезапно подумал, что Степа все-таки изрядная сволочь. Когда бы не он, все бы уже кончилось. А еще лучше, если б красный командир Косухин пристрелил его на берегу Белой. Тогда умирать было легче...

— Не думай об этом, брат-воjak! — прозвучал неожиданно знакомый голос. — Там для таких, как мы, тоже нет покоя...

Чешский подпоручик сидел за столом, держа в руке пустой прозрачный бокал. Лицо его было таким же, как и раньше, — спокойным, приветливым, и так же странно смотрели пустые

неживые глаза. Даже шинель оставалась прежней — зеленой, поношенной. Сейчас, вблизи, можно было заметить несколько сквозных прожженных дыр: на боку, на животе и одну, самую большую — напротив сердца...

— Здравствуйте, поручик!

Страх не было. Неожиданная встреча внезапно показалась желанной.

— Подпоручик, — улыбнулся чех. — Поручиком я так и не стал, брат-вояк.

...В Сибири и даже позже, после Челкея, Ростислав мог еще сомневаться, но теперь знал, с кем имеет дело. Непонятно лишь — почему. Ведь никогда прежде он не встречался с этим улыбочным парнем!

— Надо отдавать долги. — Чех аккуратно поставил на скатерть пустой бокал. — Я тебе должен, Ростислав. Не думай об этом, брат-вояк. Если хочешь поговорить, то тебя ждут.

— Где? — Арцеулов весь сжался, боясь поверить. Значит, о нем вспомнили!

— Возле Албата, немного южнее, есть деревня. Неподалеку от нее — пещерный город. Тебя будут ждать послезавтра, перед заходом солнца. Будь осторожен, брат-вояк, ждать будут не только друзья... Прощай!..

Чех кивнул, встал и не спеша направился к выходу. Никто, казалось, не замечал неожиданного посетителя, но, странное дело, люди расступались, испуганно оглядывались, словно в жаркую летнюю ночь внезапно повеяло могильным холодом. Музыка смолкла. Оркестранты замерли, не решаясь взяться за инструменты. Чех спокойно прошел к выходу, оглянулся и помахал Ростиславу рукой...

Арцеулов улыбнулся. Молодой чех, так и не успевший получить нашивки поручика, тоже не любил тыловых крыс.

ГЛАВА 6

ПРИКАЗ

До Албата Арцеулов добрался спокойно. Поезд довез до Сюрени, а там удалось подсесть на попутную татарскую арбу. Но, уже подъезжая к селу, Ростислав понял, что везение кончилось. Возле околицы его остановил патруль. Старший унтер, не слушая объяснений, направил Ростислава к какому-то «начальству».

«Начальством» оказался немолодой хмурый полковник, которого Арцеулов несколько раз встречал в штабе барона. Он носил странную фамилию Выграну и руководил особым отрядом по борьбе с повстанцами. Удостоверение, подписанное

Врангелем, тут же уладило вопрос о лояльности неожиданного гостя, но пропустить Арцеулова Выграну решительно отказался. Пути вперед не было — особый отряд ловил капитана Макарова.

Павел Васильевич Макаров, бывший офицер Феодосийского полка, был тем самым давним знакомым Арцеулова, сослаться на которого помешала чистая — и счастливая — случайность. Признаться он в контрразведке, что знает Макарова, дело могло обернуться так скверно, что и Тургул не помог бы. Пашка Макаров, которого Ростислав помнил как отчаянного сплетника, выпивоху и картежника, был арестован за шпионаж, бежал из тюрьмы и перекинулся к «зеленым», возглавив одну из самых опасных банд.

Выграну резонно заметил, что в лапы повстанцев спешить не стоит. Как раз вчера «зеленые» спустились с гор, оседлав южную дорогу — ту, которая и нужна Ростиславу.

Вспомнилось предупреждение чеха. Да, его ждут не только друзья...

...Полковник предложил «господину чрезвычайному представителю Ставки» — несуществующий титул подкреплялся самым язвительным тоном — принять участие в атаке на село. Буде таковая удастся, штабной подполковник может отправляться дальше один. Под собственную, естественно, ответственность.

Выбирать не приходилось.

В село ворвались с налету — с криком, гиканьем и даже с надрывным «ура!», переполошившим одуревших от зноя собак. Испуганные татары выглядывали из-за калиток. Ни Макарова, ни его людей нигде не было. Какие-то неизвестные в форме приезжали за продуктами прошлой ночью — вот и все, что удалось узнать. Арцеулов мысленно посмеялся над бдительным полковником, но Выграну оставался невозмутим. Солдаты окружили село и начали обыск. Внезапно возле одного из домов послышалась пальба. Опытное ухо уловило: били из «гочкиса».

...Им достались трупы — двое в военной форме, старой, явно с чужого плеча, а также винтовки, пулемет и полдюжину ручных бомб. Арцеулов понял — шуточки кончились. «Зеленые» не были фантазией перепуганного штаба. Но отступать было поздно.

Он вышел из села в шесть вечера, рассчитывая добраться до пещерного города засветло, прихватив для верности одну из трофейных винтовок. На Ростислава смотрели странно: так глядят на сумасшедших — или на покойников.

Нужная тропа отыскалась быстро — помогла взятая в штабе карта. Вокруг было тихо и спокойно. Невысокие деревья с маленькими жесткими листьями словно скорчились от невыноси-

мой жары; над пеленой леса молчаливо вздымались серые неприступные вершины. Но в дорожной пыли то и дело встречались отпечатки сапог, несколько раз попадались пустые гильзы, а однажды под ногами оказалась полная обойма от мосинской трехлинейки. «Зеленые» были где-то рядом.

...Врагов выдала тень: черная, выросшая в эти предзакатные часы, она лежала поперек тропы. Ростислав оглянулся. Сзади была спокойно, был шанс отступить, но уходить еще опаснее: тропинка шла ровно, первый же случайный взгляд обнаружил бы беглеца. Оставалось одно — нырнуть прямо в густой крымский лес.

Теперь Ростислав шел осторожно, стараясь не задеть тонкие хрупкие ветки. Любой звук мог выдать, приходилось ступать мягко, на носок. Его расчет был прост — обойти засаду лесом и вновь вернуться на тропу. Несколько раз до Арцеулова доносились чужие голоса. Дозорные спокойно переговаривались, и подполковник подумал, что имеет дело с необстрелянной шайкой — иначе бы не оплошали с тенью!

Впереди мелькнул просвет. Арцеулов опустил на землю, стараясь не хрустнуть случайной веткой. Перед ним была поляна — небольшая, прилепившаяся к склону высокой горы. Горел костер. Пламя лизало большой черный котел, вокруг сгрудились десятка два небритых оборванцев, чуть дальше темнели силуэты спрятанных за деревьями лошадей, неподалеку, в аккуратной пирамиде, стояли винтовки.

В первую секунду Ростислав почувствовал вполне понятный испуг, затем — раздражение и наконец — злость. Этих грабителей и дезертиров не стоило бояться. Будь у него хотя бы десяток дроздовцев, он показал бы Пашке Макарову! Особенно взбесили подполковника винтовки. Проголодавшиеся разбойники оставили их в пирамиде, воображая, что поступают по уставу! Повезло же им, что Арцеулов здесь не по их душу!..

Оставалось повернуть обратно, пройти лесом полсотни метров и вновь выйти на тропу. Ростислав презрительно усмехнулся, но внезапно замер.

На поляне появились еще трое. При виде их компания у костра смолкла. Один из оборванцев подскочил к пришедшим, что-то зашептал. Его выслушали, после чего все, не сказав ни слова, разошлись в разные стороны.

Тут уж не пахло дилетантизмом. Арцеулову вдруг подумалось, что компания болванов у костра — лишь прикрытие, нехитрая обманка. Настоящая засада не здесь...

Один из гостей прошел совсем близко, направляясь как раз туда, куда собирался Ростислав, — по тропе вправо. Арцеулов затаил дыхание, стараясь получше рассмотреть врага. Аккуратная форма, странный нарукавный знак, фуражка... Шедший

внезапно остановился, повернул голову — и Ростислава обдало холодом. На фуражке не было привычной красной пентаграммы, там голубел свернувшийся паучок — эмалевая свастика.

Арцеулов подождал, покуда стихнут легкие шаги, и только тогда перевел дыхание. Его предупреждали не зря...

Ростислав отошел в глубь леса. Сердце лихорадочно билось, ладони, сжимавшие винтовку, скользили от пота. Внезапно над головой пронеслась тень. Арцеулов присел, вскинув оружие, но тут же облегченно вздохнул. Птица — необычно большой для здешних гор орел. Наверное, вылетел в поисках добычи, чуя приближающуюся ночь.

Тень исчезла, затем появилась вновь. Птица кружила совсем низко, задевая крыльями верхушки деревьев. И Ростислав вдруг понял, что это тоже неспроста. Орел искал его, нашел и теперь не улетал, словно желая о чем-то сообщить.

Арцеулов вспомнил — орел был похож... Да, он чем-то напоминал изображение на барельефе в пещере у Челкея! Ростислав решился. Осторожно оглянувшись, он сделал первый шаг туда, куда вел его странный посланец. Идти приходилось медленно, стараясь не шуметь. Орел, словно понимая, то возвращался, показывая, что не бросает человека, то вновь, медленно покачивая крыльями, уносился на юг, обозначая направление. Лес становился все гуще. Ветки уже успели в нескольких местах порвать плотную ткань кителя, на лице закровили свежие царапины, но Ростислав упорно пробирался дальше. Мелькнула нелепая мысль о ловушке и тут же пропала. Какая уж тут ловушка? Достаточно было просто перекрыть тропу...

И тут в лицо пахнуло свежим ветром. Арцеулов, отодвинув колючие ветки какого-то особо навязчивого куста, выглянул и понял, что лес кончился. Перед ним был каменистый склон, вверх по которому вилась еле заметная козья тропа. Орел вновь снизился, а затем резко взмыл вверх...

Взбираться было легко. В затылок не целились винтовки, под ногами не скользил тибетский лед. Первые несколько десятков метров тропа шла круто, затем перевалила через гребень, и Ростислав невольно остановился. Прямо над ним чернели вырубленные в скале окна, вверх вели каменные ступени. Пещерный город... Ростислав вспомнил название: Тэпе-Кале — Замок Вершины.

Солнце уже скрылось за горой. Тропа кончилась, под ногами скрипели старой пылью каменные ступени, из темного отверстия дверного проема несло сыростью и тленом. Арцеулов оглянулся на потемневшие в сумерках кроны деревьев, на блеснувшую вдаль у самого горизонта серебристую полосу моря и шагнул за порог.

...Из вырубленных в камне окон падал рассеянный закатный свет. Влево и вправо уходили узкие галереи, а впереди было то, что когда-то служило храмом или часовней: алтарная ниша, черные неглубокие провалы на месте древних могил, остатки фресок... Что-то знакомое бросилось в глаза: рядом с алтарем был когда-то изображен всадник. Время и люди не пощадили фреску, но можно было разглядеть белую масть коня и руку человека, поднятую к небу. Это могло быть совпадением, но рука невольно потянулась к полевой сумке, где, аккуратно замотанный в ткань, лежал эвэр-бурэ — подарок командира Джора...

— Сейчас он не понадобится, Ростислав...

Знакомый голос говорил на неизвестном, но понятном языке. Старик сидел рядом с алтарем, пристроившись на чем-то напоминающем старый коврик.

— Здравствуйте...

— Мир вам, Ростислав. Хорошо, что вы были сегодня осторожны...

— Те, внизу, искали именно меня? — понял Арцеулов. — А орел?..

Легкая улыбка мелькнула по обожженному солнцем морщинистому лицу:

— Значит, вы его все-таки увидели?

Ростислав уложил плащ-палатку на камень и присел, не зная что сказать. Старик тоже молчал, затем на его лице вновь мелькнула улыбка:

— Если не знаешь, как начать, начинай сначала!..

— Пожалуй, — выдохнул Арцеулов. — Понимаете... Я в трудном... нелепом положении...

— Нет, Ростислав. Просто вам приходится начинать все сначала...

Значит, это не шутка! Но почему сначала?

— Ваш путь должен был кончиться в пещере возле Челкея, но вы попросили отсрочки.

Подполковник кивнул — правда. Он хотел помочь Наташе Берг и вернуться в Россию...

— Ваш последний бой уже позади, Ростислав!

Арцеулов понял. Там, в горящем Александровске, и ждало его неизбежное. Он так и хотел: встретить смерть в бою, среди товарищей, чтобы в лицо ударил огонь случайной гранаты — или целой связки, брошенной из темного прохода...

— И этот путь вы прошли до конца, — тихо сказал старик. — Ваша война закончена.

— Но... я ведь жив!

Морщинистое лицо вновь прорезала усмешка. Смех не был злым, скорее сочувственным.

— Вашу судьбу изменил тот, кто имел на это право.

— Кто?! — удивился Ростислав. — Тот, кто послал вас сюда? Старик покачал головой:

— Не ищите так далеко...

Арцеулов не понял. Где искать? Не чумазый же Степка Косухин вершит людские судьбы! Спасибо ему, конечно, — предупредил, спас, но ведь это просто случайность!

— Он имел право, — повторил старик. — Ему многое позволено, ибо платить придется дорого...

— О чем вы? О ком?

Ответа не было. Арцеулов постарался забыть о недобитом большевике, который так нагло влез в его жизнь. Имеет право, значит? Ну и пусть его!..

— Я хотел бы что-то сделать сам. Помочь вам...

— Мы не нуждаемся в помощи. В помощи нуждаетесь вы сами. Но я понял, Ростислав. Значит, вы снова хотите воевать? С кем?

Ответ пришел сразу. В последнее время об этом думалось часто.

— Красных я ненавижу, но еще больше ненавижу тех, с голубыми свастиками. Красные... Не в них сейчас дело. Мне хочется узнать, что и кто стоит за этим? Почему все это началось? Там, в Шекар-Гомпе...

Он не стал договаривать — слов не хватало. Старик немного подождал, вздохнул:

— Я понял. Твой друг рассудил так же, но сделал это раньше. Он уже выбрал свой путь...

Ростислав невольно скривился. Выходит, правда! Краснопузый с его четырьмя классами и здесь сообразил первым!

— Подумайте. Вам тоже придется идти до конца. Вы разучились бояться смерти, но есть вещи страшнее. Жертвуют не только жизнью...

Что-то жуткое, надчеловеческое было в этих словах. Чем еще можно пожертвовать? Надеждой на спасение? Собственной душой? Нет, они не имеют права!..

...И тут откуда-то из глубины памяти всплыли слова о тех, кто не побоятся погубить душу. Тот, Кто приходил на землю, не зря упомянул об этом...

— Я согласен, — вздохнул он.

— А что вы хотите взамен? За все полагается воздаяние — и за дурное, и за доброе...

— Этому не обучен. — Усмешка вышла горькой. — Не привык торговаться... А что, господин Косухин уже запросил свое?

— Да... — Ответ прозвучал ровно и холодно.

Ростиславу стало любопытно. Интересно, на чем торговались с краснопузым? За мешок воблы? За вагон червонцев для большевистского казначейства? Или... за «Мономах», начинен-

ный тротилом? Старик прав: все имеет цену, иначе они, белые, были бы просто клубом самоубийц. Их цена высока — спасение России. За это он тоже готов заплатить — всем...

И тут вспомнилось услышанное от монахов в оранжевых балахонах. Огонь Арджуны! Оружие победы, спрятанное в подземельях Шекар-Гомпа! Он сожжет Большевизию. Дотла! Не останется даже бродячих собак, чтобы выть на развалинах Смольного...

Ростислав ничего не успел сказать. Его взгляд встретился с глазами старика, и Арцеулову стало страшно. Большевики превратили Россию в развалины. Он готов сжечь то, что еще уцелело...

— Я... — Короткое слово выговорилось с трудом. — Мне ничего не надо. Я лишь хочу все узнать, пусть перед смертью, за миг — но узнать. Ведь если смогу я, то смогут и другие...

Старик задумался, помолчал.

— Хорошо. Вы все поймете, Ростислав...

— Жду распоряжений...

Самое трудное было позади, оставалось привычное — ожидать приказа.

— Да, конечно. — Бледные губы вновь улыбнулись. — Вы лишь воин, вам нужно указать путь. Пусть будет так...

Он заговорил медленно, нараспев, словно не отдавал приказ, а читал древнее заклинание:

— Рука вождя укажет путь, рассказ друга — место. Старый дом, хранящий мудрость... Полнолуние — в полночь тень передаст тайну. Одному не унести, половину спасет спасший тебя. Зови его ночью — он придет. Вокруг смерть, подарок выручит и защитит. Воспользуйся тайной или храни ее для того, кто сделает это вместо тебя...

Память у Арцеулова была отменной. Правда, он привык получать приказы иного рода, но выслушал странные слова с невозмутимым видом и без запинки повторил, пока еще не вдумываясь в смысл.

— У вас будет время все взвесить и понять, — кивнул старик. — Сейчас ночь, оставайтесь здесь, утром опасность отступит. Мы не увидимся больше. Прощайте...

Последние слова прозвучали еле слышно. Темнота уже затопила мертвый город, и когда Арцеулов шелкнул зажигалкой, то понял, что остался один.

Он вышел наружу и, сев на быстро холодеющем пороге, закурил, поглядывая на залитый светом восходящей луны лес, окружавший гору. Луна была почти полной. Ростислав прикинул, что до полнолуния осталось дня три, максимум — четыре...

Станный приказ был немногим сложнее тех, которые приходилось читать перед атакой. Скоро полнолуние. Врангель — «рука вождя» — направит его туда, где он встретится с каким-то

хорошим знакомым. Остальное станет ясно на месте. А «пода-рок», рог Джор-баши, всегда под рукой...

И еще одно Ростислав понял сразу. Тем, кто поможет, должен стать не кто иной, как краснопузый пролетарий Степа.

...Утром его разбудили выстрелы. Из леса выезжали всадники с шашками наголо. Арцеулов присмотрелся и узнал солдат полковника Выграну.

Врангеля он встретил в Севастополе. Главнокомандующий был мрачен и никак не отреагировал на просьбу Арцеулова отправить его на фронт. Но, уже прощаясь, барон вдруг попросил Ростислава задержаться, предложив отправиться в 1-й корпус к генералу Кутепову под Токмак, где красные бешено огрызались, то и дело переходя в контрнаступление.

Ростислав воспринял приказ совершенно спокойно. Здесь, в привычной тишине штабного кабинета, странные слова, услышанные в Тэпе-Кале, казались просто сном. Врангель отправлял его к Кутепову, но мог послать к Слашеву в Крымский корпус или к генералу Писареву. Везде было трудно, его командировка в Токмак — чистая случайность. Где уж тут «рука вождя»!

На всякий случай Арцеулов зашел в оперативный отдел и взял последнюю сводку по корпусу Кутепова. Разведка отмечала подход свежих сил врага, в том числе появление на левом фланге 256-го красного полка, переброшенного из-под Александровска...

Ростислав постарался успокоиться. На войне бывали совпадения и покруче. Но на всякий случай следовало запомнить: левый фланг... Он взглянул на карту. Части корпуса зацепились за Малую Белозерку. В Большой Белозерке уже красные. Степан где-то там...

Кутепову, которого он нашел в Токмаке, было не до свалившегося на голову офицера Ставки. Арцеулов, сам не желая мешать командиру корпуса, сразу же попросился на передовую, где бы он мог принести какую-нибудь пользу. В глазах генерала мелькнуло что-то похожее на благодарность, он взглянул на карту и предложил Ростиславу посетить части, прикрывавшие Малую Белозерку. Красные явно готовили удар, и лишняя пара глаз была к месту...

Это третьим совпадением, но Арцеулов уже понял, что таких совпадений не бывает. До полнолуния оставалось два дня...

Ростислав не стал брать в штабе корпуса авто и предпочел коня — серого в яблоках, со смирным, несколько флегматичным нравом. В Сибири почти не приходилось ездить верхом, зато в Таврии юнкерская выучка пригодилась. Арцеулов прикнул к резервному эскадрону, спешившему на левый фланг, и

к вечеру уже въезжал в большое, разбросанное среди выжженной солнцем степи село.

Штаб боевого участка был тут же, в простой мазанке неподалеку от церкви. Ростислав был почему-то уверен, что сразу же встретит кого-то из давних приятелей, ведь пока все предсказанное сбывалось. Но таковых не нашлось. Ни командовавший участком пожилой полковник, ни его штабные не были ему знакомы. Приезд Арцеулова, как и следовало ожидать, никого не обрадовал. Противник то и дело атаковал, фронт растянулся на много верст по голой степи, а в ближнем тылу зашевелились махновцы. Упыря, как звали «батьку» в Таврии, боялись даже больше, чем красных. Ростислав честно досидел до конца совещания, чтобы узнать обстановку, а затем попросил разрешения посетить передовые позиции. Полковник, обрадовавшись, что избавится от непрошеного гостя, посетовал на невозможность лично сопровождать представителя Ставки и послал за каким-то штабс-капитаном, дабы тот проводил Арцеулова на позиции. Фамилия офицера показалась знакомой, но Ростислав вспомнил, что тот, о ком он подумал, давно уже отвоевал свое.

Через несколько минут в хату вошел невысокий худой штабс-капитан с короткой бородкой. Вид у него был явно недовольный. Впрочем, мало кого могла прельстить роль чичероне при заезде штабном чине. Он собрался доложить, небрежно подбросив ладонь к козырьку, и тут их глаза встретились.

Память не подвела. Подвели слухи — многих на памяти Арцеулова хоронили по несколько раз.

— Андреич? Вы?!

— Ростислав? Ну, знаете!..

...В Марковском полку их роты сражались рядом. Поручик Арцеулов был взводным в роте капитана Корфа. Соседней же ротой командовал бывший приват-доцент Харьковского императорского университета штабс-капитан Пташников. Они расстались в Донбассе: Ростислав попал в госпиталь, а рота Пташникова, по слухам, полностью погибла при штурме Горловки.

Штабс-капитану было за тридцать, и молодые офицеры называли его не по имени, а по отчеству. Владимир Андреевич Пташников ходил в Андреичах, нисколько не сетуя на нарушение субординации. Арцеулов, в свою очередь, был для него Ростиславом, а порой и просто Славиком.

Сообразив, что офицеры знакомы, полковник с видом явного облегчения поспешил распрощаться. Арцеулов и штабс-капитан вышли на улицу. Пташников все еще явно не мог опомниться.

— Знаете, Славик, я не очень верю в привидения, но даже в этом случае вы должны пугать людей где-нибудь на Енисее...

Арцеулов рассмеялся. Приятно все же иногда чувствовать себя живым! В нескольких словах он поведал о своих приключениях. Штабс-капитан покачал головой:

— Экий вояж! Когда нас отсюда вышибут, не пропадете — заработаете на мемуарах... А подполковника в Индии получили?

Сам Пташников оставался по-прежнему штабс-капитаном и ничуть этим не тяготился, заявив, что привык к своим погонам, к тому же очень скоро и они не понадобятся.

— Но вы-то, Славик? Ладно, обошли всю Азию, но вы — и штаб?

— Самому противно, — честно признался Арцеулов, прекрасно помня, как относился к штабным. — Не по своей воле, ей-богу! Лучше скажите, кто из наших еще остался?

— Никого, Ростислав, — ответ прозвучал спокойно и грустно. — Я — последний. Всех похоронил, представляете... Сейчас набрали желторотиков из Симферополя и пленных краснопузых — вот и вой!

Куда-либо ехать расхотелось. Андреич, несмотря на доцентское прошлое, воевал с пятнадцатого года, и на его слова можно было положиться. Ростислав, достав карту, уточнил некоторые детали. Обстановка была вполне понятна. Пташников пожал плечами:

— Хуже чем под Екатеринодаром. Красные — еще ладно, а вот если появится батька Упырь со своими тачанками... Еще не встречались?

Арцеулов покачал головой. С махновцами, о которых он был наслышан еще в Сибири, воевать не приходилось.

— Ваше счастье! А я вот познакомился с ними еще под Волновахой, почти год назад. Дерутся, как дьяволы...

Пташников предложил расположиться на ночь в его хозяйстве — рота стояла на северной околице. За столом сидели долго, вспоминая Ростов, марш к Екатеринодару, блуждания по кубанской степи. Теперь все это казалось сказкой...

— И все-таки мы продули. — Пташников говорил спокойно, но в голосе звенела боль. — Знаете, Ростислав, я часто думал: почему? Дело ведь не в господах пейзажах и нашей дурацкой привычке хвататься за шомпол. Краснопузые ведут себя не умнее...

Невольно вспомнились слова полковника Любина, странные рассуждения Семирадского, беседы с неумытым комиссаром Степой...

— Им помогают... — Ростислав пожалел о вырвавшихся словах, но все же повторил: — Им кто-то помогает, Андреич! Мне кажется, Смуту вообще задумали не большевики...

— Вы, часом, не о масонах? — скривился штабс-капитан. — Славик, вы же интеллигентный человек! Масоны — это...

Арцеулов покорно прослушал лекцию о масонах — доцентские привычки еще чувствовались у бывшего фронтовика. Его так и подмывало рассказать о Бессмертных Красных Героях, а еще больше — о монастыре в горах Тибета. Но поверит ли ему

бывший приват-доцент? В таврийских степях Ростиславу самому порой казалось, что все виденное — лишь сон, вернее — ночной кошмар.

— Андреич, вы ведь историк? — поинтересовался он, когда с масонами было покончено.

— Помилуйте, Славик! Вчера сообразил, что забыл даже дату битвы при Грюнвальде...

— Профессора Валуженича знаете?

— Криса? — Штабс-капитан удивленно моргнул. — С каких это пор, милостивый государь, вы стали интересоваться проблемами классической и романо-германской филологии?

— Я познакомился с его сыном, — пояснил Ростислав. — Он археолог, студент Сорбонны.

— Крис и сам когда-то недурно копал... Вы что, Славик, за это время успели увлечься благороднейшей из наук?

— Усвоил понятие «артефакт», — улыбнулся Арцеулов. — А вы, Андреич, больше этим не интересуетесь?

Пташников грустно покачал головой:

— Это только Государь император Александр III в бытность свою наследником мог во время Турецкой войны баловаться раскопками — в перерыве между боями. Где уж нам!.. Да и места тут не особо интересные. Пара скифских курганов, их раскопали еще при Мельгунове. А так — бронза, печенегии...

Арцеулов улыбнулся — штабс-капитан явно изучил будущее поле боя не только с точки зрения ротного командира. И тут же вспомнилось: «Старый дом, хранящий мудрость»...

— Здесь раньше был какой-то музей, — неуверенно начал он. — Или библиотека...

— В Белозерке? Да Господь с вами, батенька! Глушь страшная, грамотных — трое на сотню. Безбаховку — и ту разграбили...

Странное название резануло слух. Безбаховка...

— ...Бывшее имение Вейсбахов. Господа пейзаисты перекутили по-своему — вот и Безбаховка. У старого графа был там конный завод, маслобойня, опытная станция — спалили! Дом, говорят, цел, но все, что можно, вынесли. А там была такая библиотека! Леопольд фон Вейсбах собирал всякие раритеты, особенно увлекался древними надписями...

— Где это?

Безбаховка оказалась небольшим хутором посреди степи верстах в двенадцати от Малой Белозерки.

— Ездить не советую, — покачал головой бывший приват-доцент. — Ничего там уже нет, даже склепы разграблены, а красные совсем рядом. Да еще батька... Я бы туда с батальоном не сунулся!..

Арцеулову предлагали заночевать в хате, но он предпочел сеновал. Здесь было просторно, тихо, черное небо нависало над самой головой, ярко светил мертвенный лунный диск. Но Ростиславу не спалось. Итак, завтра он должен быть в Безбаховке. Кто ждет его там — в старом поруганном доме? Да и ждет ли?

Накатили сомнения. На Тэпе-Кале он верил каждому слову старика, но в спокойном Севастополе и здесь, у линии фронта огня, думалось по-другому. Какие могут быть тайны среди голой степи, по которой гуляют махновские тачанки? Но ведь он обещал, а значит, придется ехать. На худой конец разведает обстановку, а заодно поглядит, не осталось ли чего-нибудь интересного в заброшенном имении...

В Безбаховке следовало быть завтра, как стемнеет, а значит, никакой возможности связаться с краснопузым Косухиным не оставалось. «Позови его ночью — он придет». Ночь оставалась единственная — эта. Как он может позвать Степана? Выйти на ближайший курган и во всю глотку воззвать к командиру 256-го полка, назначая randevu в имении Вейсбаха?

Наконец пришел сон. Что-то странное виделось Ростиславу: серые силуэты в отсветах луны, пустая зала с косо висевшими старинными портретами. И тут перед ним встал Косухин в окровавленном разорванном френче. Неживые глаза смотрели пристально, не мигая...

Ростислав проснулся, вытер холодный пот со лба и поспешил закурить. Вокруг царила ночь, издали доносилось лошадиное ржание, где-то вдали короткими очередями строчил пулемет.

...Он должен позвать Степана. Позвать, пока не кончилась ночь. Вспомнилась пещера возле Челкеля, серебряная чаша. Сома дэви...

Арцеулов уже не удивлялся, что легко разбирает незнакомую речь. Надо лишь сконцентрировать внимание, и слова сами собой становились понятными. Но, может, он способен на большее? «Позови его ночью...»

Ростислав закрыл глаза и представил себе лицо Косухина, каким запомнил его в последний раз, — злое, недовольное и одновременно растерянное. Нет, не так! Сейчас, когда на фронте затишье, красный командир наверняка спит...

Воображение нарисовало лицо Степана с закрытыми глазами, чуть улыбающееся (во сне краснопузый почему-то всегда улыбался). А теперь... Ростислав представил, что мысленно переносится туда сквозь черную ночь. Он сейчас рядом с Косухиным! Он должен в это поверить — хотя бы на минуту!

«Степан!» — Он произнес это мысленно, про себя, а затем повторил вслух:

— Степан, проснись!

...Во сне он мог не говорить краснопузому «вы».

Лицо спящего не изменилось, и на миг Арцеулов ощутил всю нелепость ситуации. Но привычка доводить все до конца пересилила:

— Косухин! Хватит спать!

Сонная улыбка исчезла, веки дрогнули, на Ростислава взглянули одурелые глаза. Губы шевельнулись.

— Ты... ты чего?!

Внезапно, без всякого на то основания, Арцеулову увиделось, что Степина рука сложилась щепотью. Краснопузый явно собирался перекреститься.

— Да ты же атеист! Вот чудила!

Рука, коснувшись лба, дрогнула, почудились далекие еле слышные слова:

— Ты что, Слава? Ты это... умер, да?

Арцеулову стало страшно. Если это игра воображения, то выходило слишком реально. Впрочем, можно проверить...

— Почему ты спрашивал о перстне?

— Да... У Берга такой же. Только там не змейки, а голова... как ее, чердынь, Горгоны...

И тут Ростислав сообразил, что это уже не шутки.

— Степан, завтра к одиннадцати вечера приезжай в Безбавку. Я там буду один. Ты мне нужен, понял?

Лицо Косухина вдруг стало расплываться, но слух уловил далекое:

— Да ты, беляк, сначала скажи, ты жив?

Интересно, как Степа воспринимает его самого? Если, конечно, все виденное не результат разгулявшегося воображения.

— Я жив. Помнишь старика в пещере? Приезжай...

Внезапно в глазах вспыхнул белый огонь — и все исчезло. Ростислав перевел дух и взглянул на бесстрастно мерцавшие звезды. В висках стучала кровь, в ушах шумело, и Арцеулов понял, сколько сил стоил ему воображаемый разговор. Что ж, он попытался, почти наверняка — напрасно... Ростислав грустно улыбнулся: как просто было бы жить, умей люди разговаривать вот так, сквозь черную ночную пустоту! Интересно, почему воображение подсказало ему какую-то голову Горгоны?..

До вечера Арцеулов был на позициях. Положение оказалось даже хуже, чем он думал. Ударь большевики в этот день, защитникам Белозерки пришлось бы туго. Но бывший поручик Уборевич медлил, и срочно переброшенные батальоны резерва сумели перекрыть наиболее угрожаемые участки. Правда, в коннице красные по-прежнему имели превосходство, да еще где-то поблизости крутился Махно. На махновцев управы не было, с ними в Белой армии умел управляться лишь генерал Слашев, да и то при трехкратном превосходстве сил.

Начальник участка, явно оценив энергию присланного к нему штабника, пригласил Арцеулова к ужину, а узнав, что тот

не просто офицер по особым поручениям, а «первопоходчик», стал смотреть на Ростислава совсем иначе. Тосты следовали за тостами, и Арцеулову приходилось прилагать героические усилия, чтобы не пить.

В начале одиннадцатого он распрощался, сославшись на усталость. Конь был уже готов, к седлу приторочен карабин, а в вещевом мешке припасены две бомбы. Выхав за околицу, Ростислав в последний раз взглянул на карту. Ориентироваться было нетрудно (язык созвездий он выучил еще в детстве), к тому же над горизонтом вставал огромный красноватый диск. Полнолуние...

В степи веяло свежестью. Резкий крик ночных птиц нарушал тишину, с запада, со стороны Токмака, доносились дальние отзвуки канонады. Но здесь было спокойно, серый в яблоках конь ровно перебирал точеными ногами, и уже через час на горизонте, вынырнув из-за высокого кургана, показалось небольшое темное пятно. Мертвенный свет луны высветил острые вершины тополей, густые кроны старинного парка, серые контуры утонувшего среди деревьев дома. Ростислав был у цели.

По пути ему встретились черные остовы деревянных строений. Что-то здесь горело, но горело давно, и на пепелище успела вырасти трава. Наверно, это и был конный завод старого графа, уничтоженный еще в начале Смуты. Арцеулов невольно насторожился, но никто — ни человек, ни тень — не потревожил покой руин. Кованые ворота усадьбы оказались сорваны с петель, когда-то роскошная аллея темнела рядами уродливых пней. Парк погиб, вырубленный и сожженный. Чуть в стороне Арцеулов заметил небольшую часовню. Не удержавшись, он подъехал ближе. Лунный свет сквозь выбитые окна падал на сорванные могильные плиты — все, что осталось от усыпальницы Вейсбахов...

Возле самого крыльца Ростислав спешился и неторопливо двинулся вперед, держа коня в поводу. Он не опоздал — было около одиннадцати. Успей Арцеулов связаться с Косухиным наяву, а не в воображении, краснопузый уже ждал бы — либо прислал бы сюда пару взводов для поимки опасного врага трудового народа. Черные выбитые окна дома молчали, в саду Ростислав не заметил ни души, но он по опыту знал, как обманчива такая тишина.

Внезапно его серый в яблоках вскинул голову и заржал, ловя воздух мягкими ноздрями. И тут же, совсем рядом, послышалось отчетливое ржание — чья-то кобыла была спрятана где-то в густых деревьях, окружавших дом.

Карабин мгновенно оказался в руках. Ростислав отскочил в сторону, вслушиваясь в неверную тишь. Если здесь все-таки засада, сейчас враги себя обнаружат, не глухие же они в самом деле! Ржание послышалось вновь, и вот откуда-то со стороны

мертвой часовни донесся звук шагов. Незнакомый шел спокойно, словно не ждал для себя беды.

Лунный свет упал на человеческую фигуру. Перед Ростиславом был враг — высокий конический шлем, прозванный «богатыркой», считался последней новинкой в красных частях. Человек в «богатырке» прошел мимо крыльца, приближаясь к тому месту, где был привязан конь. Серый вновь заржал, красноармеец прислушался и зашагал быстрее.

Арцеулов положил палец на спусковой крючок, но спешить не стал. Этот, в суконном шлеме, показался странно знакомым. Но ведь таких совпадений не бывает!..

— Эй, беляк! Хватит прятаться, чердынь-калуга!

ГЛАВА 7

ПОЛНОЛУНИЕ

Красный командир Косухин стоял, освещенный серебристым светом луны. Карабин висел за спиной, рука сжимала тяжелый «маузер» — осторожности Степа не терял. Арцеулов переступил с ноги на ногу, и Косухин резко повернулся. Свет упал на лицо. Ростислав поразился — казалось, Степа успел постареть на много лет. Резкие складки рассекли щеки, на лбу обозначились морщины... Мертвенный лунный свет сыграл невеселую шутку с красным командиром, добавив непрощенные годы.

— Да ладно, Арцеулов, чего прятаться? — В голосе Косухина слышалось нетерпение и почему-то страх.

Ростислав закинул ненужный карабин за плечо:

— Добрый вечер, Степан!

И тут же ствол «маузера» резко дернулся:

— А ну, погодь!.. Стой, где стоишь, чердынь-калуга!

Уж чего-чего, а этого Арцеулов не ожидал. Он даже не успел обидеться — он растерялся. Конечно, Степан — командир «рачей-собачей», но все же...

— Ты, Ростислав, погодь... — повторил Степа. — Ты... это, скажи сначала...

Арцеулов понял — классовая бдительность здесь ни при чем.

— Я — живой. Перекреститься, чтобы поверил?

Ствол «маузера» дрогнул, Косухин с силой провел рукой по лицу:

— Извиняй, подполковник! Напугал ты меня. То ночью являешься, то сейчас словно привидение...

— Это луна! — Арцеулов облегченно вздохнул и даже засмеялся. — У вас тоже вид, признаться...

Смех окончательно успокоил Степу. Его рука оказалась горячей — Арцеулов успел почувствовать бешеное биение пульса.

— Извиняй. — Косухин долго доставал пачку папирос и несколько раз щелкал непослушной зажигалкой. — Знаешь, увидел тебя вчера ночью... ведь чего я подумал?..

— Жалко стало? — не удержался, чтоб не съязвить, Ростислав.

— А, иди ты! Насмотрелся тут...

Арцеулову вдруг представилось, что он сам увидел ночью что-то подобное — призрак, назначавший свидание в заброшенном имении! Но ведь Косухин пришел — не побоялся...

— Вы один?

Степа дернул плечом:

— Еле сбежал! Тут наступление на носу...

Он сбился, сообразив, что сболтнул лишнее. Ростислав совсем развеселился. Перепуганный Косухин как-то не вязался с образом вершителя людских судеб. Нормальный парень, симпатичный, только краснопузый...

— Вы меня уже второй раз предупреждаете. Помните, в Александровске, перед атакой? Если бы не вы, Степан, то сегодня сюда точно заглянуло бы привидение.

— В Александровске? — Косухин затоптал окурки. — Ты, Ростислав, не путай. Ничего я тебя не предупреждал! Померещилось тебе...

Странно, Степа не лукавил. Похоже, он просто забыл — как забыл о фляге воды, когда-то оставленной на берегу Белой.

— Я получил письмо от Валуженича. Правда, не все понял. Что с Наташей? И при чем тут перстень?..

Они не спеша направились к крыльцу. Арцеулов щелкнул зажигалкой, освещая циферблат. До полуночи время еще было.

Степа рассказывал неохотно, с трудом подбирая слова. Подполковник слушал молча, лишь иногда покачивая головой.

— Жалко Наталью Федоровну. — Ростислав невольно вздохнул. — Может, врачи все же что-то сделают? Ведь амнезию лечат!

— Может...

Прозвучало невесело. Арцеулов не стал переспрашивать, пытаясь осмыслить услышанное. Итак, главное сделано — краснопузый доложил о «Мономахе». Выходит, приказ, полученный от адмирала, выполнен — не странно ли? — не им, а все тем же Степой! Истории с перстнем Ростислав не придавал особого значения, решив, что у Косухина разыгрались нервы. Мало ли на свете похожих безделушек? А в Бриарея и вовсе не поверил, но смолчал, зная, что во время боя (да еще ночью!) порой мерещится нечто совершенно несусветное.

— Значит, своим не рассказали?

— Не рассказал. — Степа вздохнул. — Так... ну, получилось... Думаешь, я трус, чердынь-калуга? Струсил, да?

— Не думаю. — Ладонь Арцеулова мягко коснулась Степина плеча. — Вы поступили абсолютно правильно. Признаться, я опасался другого...

— Они же все знали! — Косухин скривился. — Понимаешь, все знали!

Усугублять не хотелось, тем более о чем-то подобном подполковник догадывался и сам. Чтоб замаять разговор, Ростислав в двух словах сообщил о том, как пытался поговорить со Степой прошлой ночью.

— Понял, — кивнул Косухин. — Сомы дэви! Мне Карно так и говорил, что мы теперь можем всякие фокусы устраивать.

— Это не фокусы, Степан.

— Вижу, что не фокусы. Ладно, ты чего меня сюда вызвал? Дело у тебя в Безбаховке, что ли?

Теперь уже предстояло думать Ростиславу. Заодно можно было и кое-что уточнить.

— Старика помните? В пещере у Челкея?

— Так ты его встретил? — Косухин явно удивился. — Откуда ж он здесь взялся?

— Значит, вы его больше не видели?

— Откуда? Скажешь еще!

Все стало ясно. Никто Степану ничего не поручал. Или бес толковый Косухин попросту не понял.

— В полночь нам должны передать что-то важное. — Про «тень» и все прочее Ростислав решил не говорить. — Старик посоветовал нам разделить то, что получим, на две части...

— Ага, — кивнул Степа, — чтоб сохраненной было... Обдурили тебя, интеллигент! Дом пустой, я его за вечер весь облазил. Все вынесли. Только книжки валяются, да и те все оборванные — раскурили, чердынь... И ни души!..

— Посмотрим. Скоро полночь. Степан, чему вы удивляетесь? После того, что с нами было!

— А чего было? Или ты во все эти призраки веришь?

— А вы считаете, что все это — таинственные явления, объясняемые с научной точки зрения? — усмехнулся Арцеулов. — И Шекар-Гомп тоже? И собачки ваши?

— Они не мои! — огрызнулся Косухин. — Шекар-Гомп — это научный центр! А собаки — ну... опыты... Биология, язви его!.. И призраки — это всего лишь излучение... как его?.. Некробиотическое...

— А Венцлав — старый большевик с дореволюционным стажем, — кивнул Арцеулов. — Степан, что они с вами сделали?

Косухин не ответил, но Ростиславу стало ясно: с красным командиром что-то не в порядке. Правда, лунный свет обманул — внешность у Степы осталась такой же, как и раньше, он и

не думал стареть. Но прежнего задиристого Косухина уже не было. Он уже не наступал, а лишь устало отругивался, причем не своими — чужими словами.

— Пора. — Арцеулов вновь шелкнул зажигалкой. Стрелки подбирались к двенадцати. — Оружие не прячьте...

— Да нет там никого! — Степа послушно достал «маузер». — Ладно, раз уж приехали...

Тяжелая дверь со скрипом отворилась. В доме стояла мертвая тишина. Лунный свет падал на ободранные стены, на голые рамы среди обрывков обоев. Прямо перед ними начинались широкие ступени мраморной лестницы.

— Это на второй этаж, — сообщил Косухин. — Пусто там...

И в то же мгновение появился свет. Не серебристый отсвет луны — огонь был теплый, трепещущий. Он шел откуда-то сверху, медленно приближаясь. Степа шумно вздохнул и поднял «маузер».

— Спокойно... — Арцеулов шелкнул затвором карабина.

Свет стал ярче. Блеснули огоньки — из темноты выплыла высокая фигура, державшая в руке большой старинный канделябр.

— Ах ты! — Косухин резко выдохнул. — Пусто ж было!..

Человек не спеша спускался. Теперь уже можно было его рассмотреть — худого старика в роскошном темном халате. Длинное гладко выбритое лицо казалось спокойным и невозмутимым. Но — странное дело — звука шагов не было слышно, словно он ступал по толстому ковру. Ростислав присмотрелся. То ли неровный отсвет свечей сыграл с ним шутку, то ли зрение пошаливало, но Арцеулову почудилось, что ноги незнакомца ступают, не касаясь каменных ступеней...

Человек спустился по лестнице и медленно поднял канделябр, всматриваясь в лица гостей. Косухин не выдержал и кашлянул.

— Добрый вечер, сударь! — молвил Арцеулов как можно непринужденнее, словно завернул на огонек к давнему знакомому.

— Здравьте! — добавил от себя Степа.

Худое старческое лицо оставалось невозмутимым. Короткий вежливый кивок — и незнакомец, медленно повернувшись, вновь ступил на лестницу.

— Эй, товарищ! — позвал Степа, но старик уже перешагнул через ступеньки. Шел он ровно, плавно и как-то неестественно. Присмотревшись, Арцеулов понял — ноги ступали твердо, но чуть-чуть не доставали до гладкого камня, словно незнакомец шел по какой-то другой лестнице, невидимой глазу. Пламя свечей стояло неподвижно, будто не чувствуя движения воздуха.

— За ним!

Косухин подчинился, думая явно о другом.

— Все ж осмотрел! — вздохнул он и неуверенно прибавил: — Стало быть, через черный ход... Да откуда — пусто же кругом!

Арцеулов вспомнил о разоренном склепе, застывшем в холодных лунных лучах, но промолчал.

Второй этаж был темен. Лестница выходила в коридор, и черноту прогонял лишь неровный огонь свечей. Здесь также все было разбито, обои лохмотьями свисали со стен, но несколько картин — старинных, потемневших от времени портретов — все еще смотрели из позолоченных рам. Ростиславу вспомнился недавний сон...

Высокая фигура двигалась беззвучно, ровно светил огонь свечей, и казалось, коридор никогда не кончится. Но вот, не доходя нескольких метров до высоких белых дверей в торце прохода, провожатый остановился и шагнул налево.

— Библиотека там, — шепнул всезнающий Степа. — А направо — кабинет...

Двери оказались сорваны. На полу желтели страницы разорванных книг, но большинство полок и шкафов было пусто. Старик поставил подсвечник на стол и оглянулся. Худая рука указала на одну из полок, на которой сиротливо лежали два золоченых тома Полного Свода Законов.

— Так чего нам, товарищ... книжки брать? — не удержался Косухин.

Рука вновь повелительно указала на полку, затем старик подошел к огромному шкафу и достал толстую старинную книгу. Зашелестели листы; рука разгладила один из них, костлявый палец на миг задержался на цифре, обозначающей страницу. Незнакомец кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Пойдите! — не выдержал Арцеулов. — Что нам делать?

Но старик уже уходил. Он шел не обратно, в коридор, а налево, где темнела еще одна дверь, из-за которой пробивался серебристый лунный свет. На мгновение темный силуэт закрыл его, и незнакомец исчез.

— Эй, товарищ! — Степа сорвался с места и поспешил следом. Вернулся он через минуту, и вид у него был весьма растерянный.

— Пропал, чердынь-калуга! Ход там в стене, что ли?

Арцеулов улыбнулся. Красный командир Косухин всегда предпочитал научные объяснения.

— Слушай, чего нам делать-то? — Степа обошел всю библиотеку и озадаченно почесал затылок. — Книжки, что ль, искать?

Ростислав задумался. «В полночь тень передаст тайну...»

Косухин добросовестно перетряс оба тома Свода Законов и без всякого почтения швырнул их на пол:

— Это нам без надобности, чердынь-калуга! Отменено именем революции...

— Стена, — негромко подсказал Ростислав. Косухин замер

от удивления, затем хлопнул себя по лбу и осторожно простучал деревянную обшивку.

— Пустота! — удовлетворенно сообщил он. — Ну, Славка, ты голова! А я, дурень, за книжки взялся!..

Арцеулов достал из-за пояса большой саперный тесак и вставил лезвие в узкую щель. Пришлось повозиться. Наконец плотная доска скрипнула и поддалась.

— Ну-ка, беляк, тащи свечи! — распорядился вошедший в азарт Степа. — А пыли, пыли-то!..

За стеной оказалась глубокая ниша. Пыль покрывала темную поверхность металла.

— Сейф! — прошептал пораженный Косухин. — Добро буржуйское! Не увезли в Париж, сволочи! Ростислав, бомбы есть?

— Остыньте, комиссар!

Арцеулов отстранил Степу и начал внимательно осматривать находку. Вделанный в кирпичную стену сейф был невелик, но крепок, и даже граната не взяла бы надежный металл.

— Цифровой замок. — Ростислав постучал ногтем по металлу. — Здесь рукоятка, надо поставить четыре цифры...

— Это и ежу ясно! — обиделся Косухин. — Навидался я сейфов! Эх, до утра вертеть придется!..

— Книга...

Степа вначале не понял, затем подскочил к столу и осторожно поднял огромный том.

— Не закрывайте! — Арцеулов был уже рядом, неся подсвечник.

...Старинный готический шрифт, широкие поля, странные завитушки вверх и вниз. Давно, очень давно была напечатана эта никому уже не нужная книга...

— Ну и буквы! — возмутился Степа, добросовестно изучая непонятный текст. — Выдумали, буржуи!..

Арцеулов постарался вспомнить еще раз: рука старика открывает книгу, палец скользит по странице...

— Какой номер? — спросил он, боясь спугнуть удачу. — Степан, номер страницы? Сколько цифр?

— 1269-я... Четыре цифры... — Косухин помотал головой и вздохнул. — Слышь, Ростислав, ну чего ты такой умный? Даже противно!

— А нечего у красных служить! Сами наберете, любитель сокровищ? Только набирайте начиная с первой, по порядку...

Дверцу решили открывать осторожно, но ничего и не случилось — замок клацнул, тяжелый металл стал медленно поддаваться. Косухин стоял наготове, держа подсвечник.

Вначале Ростиславу показалось, что в сейфе пусто. Но, присмотревшись, он увидел нечто плоское, похожее на небольшую книгу. Он кивнул. Степа нетерпеливо сунул руку, затем выпрямился и разочарованно выдохнул:

— Тю, деревяшки! Ну, чердынь-калуга, обдурили!

Находку положили на стол. Свет упал на сложенные в стопку деревянные таблички. Арцеулов всмотрелся:

— Буквы... Здесь что-то написано!

Деревянную поверхность покрывали ряды странных, ни на что не похожих знаков. Их было много, они теснились по всей поверхности, обрываясь у краев. Табличек оказалось четыре, одна из них — самая маленькая — расколота на три части.

— Наука! — снисходительно молвил Степа. — Это для Тэда. Артефакт...

Арцеулов тоже был несколько разочарован. Впрочем, смысл находки ясен: надпись надо прочесть. «Воспользуйся тайной — или храни ее для того, кто сделает это вместо тебя»...

— А вот еще! — Степа вновь заглянул в сейф. — Каменюка какая-то...

На его ладони лежал плоский круглый камень, чуть обитый с боков.

— Драгоценный? — Тон Косухина был настолько искренен, что Ростиславу вновь стало весело. Камень казался самым обычным — серым, с полированной поверхностью. Арцеулов осторожно провел ладонью — рука почувствовала холод. Гладкая поверхность начала темнеть...

Ростислав отдернул руку — ладонь занемела.

— Степан! Вы слышите меня?

Косухин, все еще изучавший пустой сейф, вздохнул и повернулся.

— Нам пора уходить. Здесь опасно оставаться...

— Ага, точно, — скривился Степа. — До утра вернуться надо, а то комиссар измену припишет... Ладно, забирай эту ерунду. Как раз для Тэда...

Арцеулов аккуратно сложил таблички. Рука взялась за странный камень, и тут он вспомнил: «Одному не унести, половину спасет спасший тебя»...

— Степан, возьмите камень!

Решение пришло внезапно. Конечно, надписи на табличках — это важно, но в камне было что-то особенное.

— На память? — удивился Степа. — Эх, ежели б сапфир был!

Ростислав усмехнулся. Камень Спасения был надежно зашит в подкладке френча.

— Косухин! Этот камень — не простой, понимаете? Его нужно сохранить. Даже если меня убьют...

— Типун тебе! — Степа фыркнул. — Можешь не уговаривать: надо — так возьму.

Он аккуратно спрятал камень в полевую сумку.

— Храните его у себя. Ежели что, передайте своему приятелю — Лунину, если не ошибаюсь. У меня есть его адрес.

— Ага, Колька Лунин... Он сейчас комиссар в Стальной дивизии. Ладно, понял. Камень тебе когда отдать?

Арцеулов задумался. Проклятая война! Между ними вновь будет линия фронта!..

— Храните его у себя — скажем, год. Если я не появлюсь — перешлите камень Валюженичу. Только расскажите ему все...

— Ясно! — кивнул Косухин. — Ежели со мною чего — камень перешлют Кольке Лунину. Я напишу ему — он тебе отдаст. Только не говори, что ты беляк, он вашего брата на дух не переносит...

Они вышли на крыльцо, и Арцеулов с удовольствием вдохнул свежий ночной воздух. Степа нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Ну, пора мне... Здорово, что увиделись! А то поехали со мной, чердынь-калуга! У меня заместитель тоже из ваших, из офицеров, но такой дурень! Послужишь с полгода, потом получишь полк, а то и дивизию...

Арцеулов невольно засмеялся. Степино предложение не обидело — скорее привело в хорошее настроение:

— Нет, Степан. Присягу один раз дают... Это вы бы подумали! Служить этим Венцлавам...

Косухин зло дернул головой:

— Я, беляк, служу трудовому народу! И с Венцлавом разберусь — дай срок! А не я — так другие!.. Ладно, видать, не столкнемся...

Арцеулов не стал спорить. Что толку?

— Вот чего, Ростислав... — Косухин заговорил тихо, не поднимая глаз. — Если ты такой несознательный... Поезжай в Париж, найди генерала Богораза, он тебя сведет с вашим главным — князем Александром. Они «Мономахом» занимаются, ты им нужен будешь. Только сейчас уезжай. Учти, Крым возьмем — пленных не будет!..

— Понял. — В эту секунду Косухин показался Арцеулову совсем взрослым, куда старше его самого. — Спасибо, Степан. Только я не уеду. Выживу — останусь в России, найду вас... Обещайте, что без меня вы ничего не будете делать. И никому не говорите о Шекар-Гомпе! Вдвоем нам будет легче. Хорошо?

Степа секунду помолчал, затем кивнул и пожал Ростиславу руку. На этот раз его ладонь была холодна как лед.

— Бывай, интеллигент!.. Хотя в бой не суйся, чердынь-калуга. Эх, чему вас учили, образованных?..

Он махнул рукой и, не оглядываясь, шагнул в темноту. Через минуту послышались лошадиное ржание и удаляющийся топот копыт...

Все кончилось. Краснопузый Степа уехал командовать своим 256-м полком, и Ростислав вновь остался один.

Таблички, аккуратно завернутые в сменную гимнастерку, были уложены в вещевой мешок. Бомбы Арцеулов прицепил к поясу — на всякий случай. Оставалось взглянуть на карту и ехать.

Ростислав пустил коня шагом и закурил, перебирая в памяти события этой ночи. С табличками он решил не медлить, сразу же снять копии, а заодно показать Андреичу. Правда, об этом думалось как-то вскользь. Арцеулов никак не мог забыть Степу. С красным командиром было что-то не так.

...Ростислав многое понял из недоговоренного. Степану велели молчать — похоже, все им виденное считалось у красных высшей государственной тайной. «Они же все знали!» Сам Арцеулов не сомневался в этом ни секунды. Бедняга Косухин! Умный же парень, но повелся на своей мировой революции и бесплатной воле!

Что ж, так даже лучше. Пусть они оставят красного командира в покое. Он найдет Степу, а там уж Бог рассудит... Бывший марковец и фанатик-краснопузый вместе, пожалуй, могут стоять роты...

Меланхолический жеребец равнодушно перебирал ногами. Мерная езда убаюкивала. Арцеулов тряхнул головой: не хватало еще заснуть прямо в седле! И тут же понял, что рано успокоился. Вокруг все спокойно, даже дальняя канонада стихла, лунный свет заливал степь, но что-то изменилось. Вначале Ростислав решил, что задремал и сбился с дороги. Он поглядел на звезды, достал карту...

Земля стала неровной. Луна освещала резкие стрелки оврагов, взгорбившиеся холмы, полосу леса у самого горизонта. Арцеулов чертыхнулся. Заблудиться на ровном месте, с картой, компасом, при безоблачном звездном небе! Но ведь тут и заблудиться-то негде...

...По телу пробежала дрожь, кровь застучала в висках, а где-то под сердцем словно открылась смертельная пустота. Ростислав еще раз оглянулся и, не выдержав, соскочил с коня. Повеяло холодом. Черная птица пронеслась над головой и пропала в лунном свете. Заржал конь, будто чуя беду...

Правильнее всего было вскочить в седло и мчаться без оглядки. Но куда? Карта была уже развернута, он щелкнул зажигалкой и стал лихорадочно рассматривать мелькавшие перед глазами топографические значки. Нет, ничего понять нельзя! Конь вновь заржал, рванулся и попытался стать на дыбы. В глазах животного плавал ужас, удила покрылись пеной.

«Волки?» — мысль была нелепой. Волков в Таврии почти что не осталось, тем более летом они не нападают на людей...

Ростислав поспешил снять с седла вещевой мешок. Серый ударил копытами в землю, отбежал в сторону, но тут же вернулся, словно прося защиты...

За спиной был склон кургана. Позиция никудышная, но все же получше, чем в чистом поле. Карабин, две ручные бомбы и «наган»... Вполне хватит, чтобы подороже продать жизнь.

Но врагов не было. Конь немного успокоился и теперь покорно стоял рядом. Арцеулов внимательно осматривал белесую степь. Вновь вспомнился вчерашний сон... Но вот что-то изменилось. Издалека, от ровной полоски леса, накатывалось странное белесое облако. Туман, совершенно невозможный в такую сухую ночь, надвигался с огромной скоростью, словно белые волны хлора, которые пускали германцы в далеком 15-м...

Уходить было некуда. Правда, туман опасен лишь сыростью, но за белесой дымкой могли скрываться враги. Он даже не успел перезарядить карабин...

Луна начала меркнуть. Белые клочья быстро заволакивали небосвод. Похолодало, но в воздухе по-прежнему не было влаги, лишь откуда-то еле заметно донесся запах гнили. Туман не казался густым — сквозь пелену тускло проглядывал контур лунного диска, можно было разглядеть склон кургана и степь на сотню метров кругом. Ростислав решил подождать. Если это всего-навсего неожиданный туман, он скоро рассеется, можно будет поискать дорогу... И тут по спине вновь пробежали мурашки. Сквозь пелену промелькнула тень...

Пришел страх. Хотелось щелкнуть затвором и посылать в белесое облако пулю за пулей — просто так, чтобы не чувствовать собственного бессилия. Минуты текли за минутами, и вот появился еще один силуэт, затем третий, четвертый...

Не волки, не собаки, не люди... Они бежали вдоль кургана, по огромному кругу, скрываясь в тумане и вновь возникая из него. Бежали как-то очень странно...

На минуту темные силуэты исчезли. Ростислав подумал, что неизвестные отправились своей дорогой, но тут луна на миг выглянула из тумана, и он понял, что ошибся. Ровная цепь выстроилась вокруг кургана.

Туман вновь надвинулся. Конь заржал, ударил копытами, помчался вперед — и снова вернулся. Уже не ржание — крик... Арцеулов вгляделся в белую пелену и понял, что надо отступать. Кургана был за спиной. Ростислав закинул за спину карабин, подхватил вещевой мешок и стал быстро подниматься.

С вершины было видно лучше. Туман вновь ненадолго поредел, лунный свет упал на застывшую в молчании степь...

Они не ушли, напротив — подступили ближе. И вновь побежали — не по кругу, а по странной кривой, постепенно приближаясь к подножию кургана. Что-то знакомое вдруг вспомнилось Ростиславу. Он не видел такого, но читал: так бежали бесы в дантовском аду...

Теперь сквозь неистовое ржание коня до Арцеулова доно-

сился иной звук — низкий и тихий вой. Запах гнили усилился, а холод начал пробираться до костей.

Ростислав вскинул карабин, но сдержался. Слишком странными были те, что окружили курган: длиннорукие, горбатые, почти без шеи. И бежали как-то непонятно — медленно, зависая в воздухе...

Не люди...

Вой стал громче. Черные фигуры задвигались быстрее, цепочка стала смыкаться...

Конь не выдержал — встал на дыбы, тяжело ударил копытами в землю, рванулся вперед — прямо на бегущие тени. Арцеулов затаил дыхание. Серый неся как стрела, но внезапно, не доскакав нескольких шагов до мерно бежавших тварей, неистово заржал и отпрыгнул в сторону. Те, казалось, не обратили на него ни малейшего внимания, продолжая свой бесконечный бег. Конь секунду постоял и вновь бросился вперед, напролом. Тени были уже рядом, и тут жеребец прыгнул, надеясь перелететь через строй врагов. Тщетно — копыта бессильно ударили по воздуху, со всех сторон к жеребцу потянулись руки — нет, не руки — мохнатые когтистые лапы. Вновь послышалось ржание, но уже полное боли и отчаяния. Арцеулов видел, как от бегущей шеренги отделилось несколько тварей. Ржание перешло в тоскливый, почти человеческий крик и оборвалось. Остальные продолжали свой бег, подбираясь все ближе к подножию кургана.

Арцеулов вскинул карабин. Выстрел прозвучал неожиданно громко. Ответом был дружный вой. Твари ускорили бег. Сквозь туман Ростислав уже мог разглядеть обращенные к небу глаза, горевшие желтым огнем. На миг вновь выглянула луна, и он увидел их — лохматых, с узловатыми кривыми ногами, с узкими волчьими мордами. Тоскливый вой не умолкал, становясь все громче. Ростислав вновь выстрелил. Одна из фигур упала, но тут же вскочила и побежала дальше. Круг почти сомкнулся, теперь твари бежали тесно, касаясь друг друга...

Ростислав рванул с пояса гранату и застыл. Откуда-то донесся вой — но не тоскливый, а грозный, полный силы и вызова. На миг твари стихли, а затем завывали сами, но уже вразнобой... Что-то приближалось из тумана. Арцеулов понял: серые твари — лишь загонщики. Главный охотник еще в пути.

И тут Ростислав увидел... Огромное, бесформенное, черное, похожее на ползущую по земле тучу, оно, казалось, плыло над травой, кутаясь во тьму, еще более беспросветную, чем ночь. Но мерный топот свидетельствовал, что враг ступал по земле, сотрясая все вокруг. Волосы на голове зашевелились. Арцеулов не боялся Венцлава и его псов, испытывая лишь омерзение к нелюдям. Даже эти волкоголовые страшили только численностью —

сто на одного. С гранатами он взялся бы справиться с дюжиной — и не дрогнул. Но то, что мерно шагало сквозь туман, не имело ничего общего с миром людей...

Проклятые твари уже крутились возле самого подножия, взвизгивая и сверкая желтыми глазами. Но Арцеулов не смотрел на них — он ждал, всматриваясь в темноту. Черное пятно, скрывавшее того, кто пришел за ним, приближалось с каждой секундой. Задрожала земля, твари истошно завывали. Ростислав понял — боя не будет. Его сомнут, раздавят, разотрут в кровавое месиво. Старик предупреждал: «Вокруг — смерть... подарок выручит и защитит...» Да, смерть была рядом. Арцеулов бросил бесполезный карабин. Напрасно Степан поил его водой на Белой и спасал среди руин Александровска! Как говорят господа матросы, амба...

Он вновь вспомнил о «подарке». Рука сама собой полезла в полевую сумку, но Арцеулов так и не решился достать рожок. Это казалось смешным: древняя наивная магия — и то, что двигалось к нему...

Внезапно бесконечный бег вокруг кургана прекратился. Твари замерли. Черное пятно тьмы стало редеть, сквозь него обозначились смутные, колышущиеся контуры. Холодным огнем загорелось огромное белое око. Но, странное дело, почудилось, оно не испускает свет — напротив, втягивает, оставляя лишь беспросветную тьму...

Твари у подножия кургана разбегались, освобождая широкий проход. Загонщики выполнили свою работу, настал час охотника.

«Вокруг — смерть... подарок выручит и защитит». Арцеулов вновь расстегнул сумку и нащупал рог. Терять было нечего. Может, и неплохо, что последним звуком, который ему придется услышать, будет зов рога Гэсэра...

Заметили! Громкий испуганный визг — серые твари вопили, указывая на него когтистыми лапами, отбегали назад, оглядывались на надвигающуюся смерть, словно прося поспешить. Вновь блеснула надежда. Выходит, и на эту мразь есть управа! Ростислав приложил эвэр-бурэ к губам и резко затрубил. Наступила тишина. Враги замерли, но вот где-то совсем ровно и чисто пропела боевая труба...

Послышался свист и резкий конский топот. Белое око погасло, клочья тьмы сгустились; засуетились, испуганно перекликаясь, косматые твари. Вновь пропела труба. Стена тумана поредела, с запада налетел сильный теплый ветер, разгоняя белую мглу. Ярко вспыхнул диск луны — серебристый свет упал на неподвижно застывшую сухую траву вокруг кургана. Страшные загонщики исчезли, пропав в редющей туманной мгле.

Топот усилился, вновь раздался дружный, с переливами свист, а затем чей-то сильный хрипловатый голос прокричал:

— Гей, хлопцы! А ну робы грязь!

Из-за кургана вылетели всадники. Их было шестеро — крепких хлопцев в смушковых шапках и богатых кафтанах. Под лунной сверкали вынутые из ножен сабли, породистые кони приплясывали и нетерпеливо ржали.

«Махновцы», — пронеслось в голове, но страха не было. В эту минуту Арцеулов был рад и махновцам.

Трое всадников повернули коней и бросились прямо на отступающую стену тумана. Ростислав видел, как тает белая пелена, как распадается на части страшный черный силуэт, исчезая без следа...

Трое других остановились у подножия кургана. Арцеулов медленно подобрал карабин и начал спускаться.

Двое всадников были молоды. Из-под смушковых шапок улыбались безусые лица, кафтаны были расстегнуты, лунный свет падал на дорожную сбрую. Третий, в котором Арцеулов сразу же угадал командира, был явно постарше. Длинные усы побило проседью, из-под шапки свисал седой чуб. Одет всадник был просто, куда беднее, чем его хлопцы, но из-за туго затянутого кушака золотой отделкой сверкали старинные пистолы, а на рукояти кривой турецкой сабли тускло поблескивали самоцветы.

— Здоров будь, хлопче! — В хриплом, низком голосе слышалась легкая насмешка. — Ще живой?

— Здравствуйте...

Знакомый малороссийский говор... Значит, все-таки махновцы или какой-нибудь из бесчисленных повстанческих отрядов, бродивших по таврийской степи.

Ростислав поднял глаза и увидел, что туман исчез. Ночная степь дышала покоем, словно все случившееся просто пригрезилось.

— Панэ бунчужный! — Трое всадников возвращались, пересмеиваясь и поигрывая саблями. — Чисто! Накажешь наздогнаты?

— Досыть з них! — Тот, кого называли бунчужным, бросил саблю в ножны и ловко соскочил с седла. — Бильш нэ сунуться!

Он был невысок ростом, пониже Ростислава, но широк в плечах и костист. Чувствовались долгие годы, проведенные в седле, среди битв и походов.

— Подполковник Ростислав Арцеулов! — Рука привычно взлетела к козырьку. — Благодарю вас, господи! Выручили.

Хлопцы недоуменно переглянулись. Ростислав не понял, что их так удивило — не появление же врангелевского офицера возле линии фронта!

— То пан нэ простый жолнеж? — Бунчужный виновато покачал головой. — А я його мосць хлопцем назвав! То пан полковник такой молодой...

— Помилуйте, что за счеты! — Арцеулов даже рукой махнул. — Вы меня от смерти спасли...

— То нэ смэртъ... — Бунчужный оглянулся. — То нэ смэртъ, панэ Ростиславэ. То мара. Воны вжэ сами мэртви — погынули в давни вики. Тилькы в таку нич воны сылу мають... Ну що, хлопцы, перепочинэмо?

Всадники соскочили с коней и окружили Арцеулова. Он заметил, с каким интересом они разглядывают его форму и оружие. Ему самому стало любопытно: повстанцы (если его спасители, конечно, из их числа) были обмундированы крайне живописно. На ум тут же пришла известная картина Репина из Русского музея. Впрочем, он слышал, что махновцы и прочие «батяки» любили шеголять в давних запорожских нарядах.

— З какой армии, панэ? — поинтересовался один из хлопцев с серьгой в левом ухе и большим шрамом через все лицо. — Чи нэ поляк?

— Почему поляк? — поразился Ростислав. — Русский я, из армии барона Врангеля.

Ответом было удивленное перешептывание. Бунчужный покачал головой:

— Нэ дывуйтэся, хлопци! Пан Ростислав и сам здывуvasя. Кого тилькы в ночи не зустринэш!.. А ну, краще зложит багаття. Пересыдымо до ранку — и гайда...

Арцеулов не понял, что означает «багаття», но тут же сообразил — хлопцы принялись собирать сухую траву и какой-то деревянный хлам, валявшийся на кургане. Вскоре вспыхнул огонь, и тьма отступила. Ростислав машинально отметил еще одну странность — один из хлопцев разжигал костер не спичками и не зажигалкой, а непонятным приспособлением, высекавшим искры.

«Наверно, огниво. — Арцеулов лишь покачал головой. — Ну надо же!..»

Впрочем, разруха, охватившая бывшую империю, приучила и не к такому.

— Сидайтэ, панэ Ростиславэ, — пригласил бунчужный. — Посыдымо, люльки попалымо.

Арцеулов опять не понял, но все стало ясно, когда тесно сгрудившиеся у костра хлопцы достали большие украшенные резьбой трубки и стали неторопливо набивать их из вышитых кисетов.

— Папиросы, господа! — Арцеулов поспешил достать пачку «Дюшеса». Ответом были удивленные взгляды. Ростислав пожал плечами и щелкнул зажигалкой. Хлопцы переглянулись, руки несмело потянулись к пачке. Лишь бунчужный, усмехаясь, поблагодарил, но закурил все-таки свою «люльку».

— Хытро, — заметил один из хлопцев, дымя «Дюшесом». — Нэ бачив такого. Хиба що з Нимеччины привэзлы...

Арцеулов уже не удивлялся. В самом деле, в ночной таврийской степи можно встретить кого угодно. Даже тех, кто никогда не курил папирос.

— Що ж вы нас, панэ, так пизно покликали? — поинтересовался бунчужный, затягиваясь «люлькой». — Чи сами думалы нежить розигнаты, як Козьмодемьян?

— Растерялся, — честно признался Арцеулов. — Да и не верил как-то, что рог поможет...

— То риг знатный. — Старшой внимательно оглядел подарок Джора и вернул Ростиславу. — Сыла в нему велика — з морського дна пидняты можэ. В тэбэ псыголови мэртво вчепилися. Самого позвалы!..

«Самый» — то, что надвигалось, окутанное тьмой. Даже у горящего костра старый воин не решался произнести его имени. По телу Арцеулова пробежала запоздалая дрожь.

— Тилькы здається мени, помылылыся воны, — продолжал бунчужный. — Не вас йим було потрибно. Того, що вони шукали, в вас нэмае...

Вначале Арцеулов не понял, а затем вспомнил. Камень! Он отдал камень Степану! А что, если Косухина тоже перехватили в пути? А ведь у краснопузого нет с собой подарка Джора!

— Мы... Мы с другом были в Безбаховке, — нерешительно начал он. — Там...

— Знаю, хлопче, — кивнул бунчужный, похоже, забыв на время о том, что к Ростиславу надлежало обращаться «пан». — Велька за вами сыла, якщо старый граф передав вам цэ... А за свого товариша не бийся, йим його не взяты. Пэкэльный вогонь на ньому...

И вновь Арцеулов ничего не понял. «Пэкэльный», вероятно, означало «адский». Конечно, он под горячую руку именовал краснопузых «антихристами», но не в буквальном же смысле!

— То що ж, панэ бунчужный, того хлопця й дидько не визьмэ? — удивился один из парней.

— Дидько — не в ночи його спомынаты — не скажу, — с достоинством ответил старшой. — А оця нежить не визьмэ. Я ж кажу — пэкэльный вогонь. Хто його бачив, того воны бояться...

Адский огонь? Откуда? Но Ростислав вспомнил — Морадабад, грязный, в лохмотьях жрец страшной богини Кали. Он тоже испугался Степана! Красный отсвет «Головы Слона»!..

— Його що, нияка смэрть не визьмэ? — продолжал допытываться любопытный хлопец. Бунчужный помолчал, выбил пепел из трубки и наставительно произнес:

— Не лизь куды не треба! Не твоя цэ справа. Смерть йому будэ вид людської руки або вид того, кого в ночи называты не можна. Тому пэкло — дим ридный...

В «пэкло» Арцеулов после нескольких лет Германской и Смуты не очень верил. Ад он увидел на земле. Но, похоже, излу-

чение Красного Рубина и в самом деле отпугивало нежить. Что ж, значит, краснопузому хоть в чем-то повезло.

— Годи про цэ! — подытожил старшой. — Пану Ростиславу нэ варто слухаты ци дурни балачкы. Краще, Тымко, заспывай нам. Воно й вэсэлишэ будэ — швидше нич скинчиться...

Тымко — вероятно, Тимофей — согласно кивнул и спустился вниз, к лошадям. Через минуту он вернулся, неся странный инструмент, чем-то напоминающий лютню.

— Позвольте, господа! — заинтересовался Ростислав. — Это, по-моему, бандура?

— Ни, панэ, — усмехнулся Тымко. — Бандуру я й нэ бачыв. Це — кобыз турецкий. У Трабзони узав...

Арцеулов удивился, как мог попасть молодой хлопец в Трабзон, но память подсказала: в 1916-м Кавказский фронт занял Восточную Анатолию. Вероятно, Тымко воевал в войсках Николая Николаевича Юденича...

— Так, добрэ було в Трабзони! — кивнул другой хлопец, чуть постарше. — Повни «чайкы» здобычи набрали! Лэдэ не потоплы!

Ростислав еще раз пожалел, что не знает малороссийского наречия. Может быть, «чайками» называют десантные корабли Черноморского флота...

— Грай, Тымко! Вин добрэ грае, — обернулся бунчужный к Арцеулову. — Пан зацный и мосцный звык до иншої музыки, але хай послуха й нашу...

— С удовольствием. — Ростислав поудобнее пристроился у костра, сообразив, что «кобыз» и малороссийская «кобза» наверняка похожи. Он много читал об украинской экзотике — слепых кобзарях, — но никогда их не слышал. Правда, Тымко ничуть не походил на несчастных «старцев», скитавшихся от села к селу. Молодой парень с красивым смуглым лицом, с крепкими руками, привыкшими скорее к сабле, а не к беззащитным струнам...

Пальцы легли на деку. Наступило молчание, но вот тишину нарушил первый звук. Казалось, зашумело море. Пальцы осторожно перебирали струны, и Арцеулову вдруг стало чудиться, что он слышит морской прибой, завывание ветра в корабельных снастях и видит низко сидящие в волнах черные лодки под белыми парусами. И тут он наконец вспомнил, что такое «чайки»... Музыка крепла. Казалось, волны вскипают и обрушиваются на тех, кто плывет на черных лодьях к далекому вражьему Трабзону...

И тут музыка стала другой — тихой, спокойной, словно ночной летний ветер. Тымко запел. Голос оказался неожиданно низкий, совсем не такой, каким он только что рассказывал о своем «кобызе». Вначале Ростислав плохо разбирал слова — малороссийское наречие с трудом давалось ему, — но затем освоился и стал слушать внимательно.

Тымко пел о степи — о покрытом ковылем просторе, протянувшемся от Дуная до Кавказских гор вдоль Черного Змеиного моря. В степи шумел ковыль, гулял ветер, и мертвым бесконечным сном спали под высокими могилами забытые богатыри...

Голос певца внезапно стал резким и жестким. Смерть пришла с юга — от желтых перекопских песков. Быстрые как смерч всадники мчались от Змеиного моря, сжигая хаты и уводя уцелевших в далекий полон. Черные волны рассекали острые носы чужеземных галер, на которых стонали прикованные к веслам невольники. А с запада, от болот Полесья, надвигалась новая беда — пышноусые паны на кровных конях занимали город за городом. Черные вороны — латинские ксендзы — закрывали Божьи церкви, уничтожая дедовскую веру...

...И тут голос окреп. Не все погибли, не все покорились. Среди плавней великой реки, на маленьком острове, собрались последние рыцари этой земли. Без доспехов и пушек — с одними саблями выходили они на бой, защищая свой народ и свою веру. Один за другим гинули храбрецы, порубанные, застреленные, повешенные за ребро и посаженные на «пали». Но на смену приходили новые, и вот уже вырастала среди плавней рыцарская столица, где собиралось могучее войско, где рыцари держали совет и ковали оружие. И жили они там под Божьим законом, и были между ними великая правда и великое равенство.

И вот объявился могучий вождь, новый Моисей, который вывел войско из плавней в широкую степь и воззвал к остатку народа, призывая восстать и окропить вражьей кровью поруганную землю. Засвистали сабли, загремели пушки — и покатались вражьи полчища за ковыльные степи, за полесские болота. Над освященной кровью землей засияло солнце великой свободы, и воздвигся на берегах могучей реки Новый Иерусалим — град Божий, сердце воскресшего народа...

Голос певца дрогнул. Затмилось солнце, надвинулись со всех сторон черные тучи. Умер великий вождь, у его гроба рассорились славные рыцари, и началась между ними рознь. Послали они за подмогой к вчерашним врагам, вновь полилась кровь — и гибель, руина, пришли на несчастную землю. Погас свет Иерусалима, и над страной был слышен свист сабель и вороний грай...

Музыка стала резкой, порывистой, голос посуровел, в нем загустела боль... Один из рыцарей-сподвижников ушедшего вождя тянулся к золотой булаве и позвал на подмогу лютых врагов из перекопских степей. А чтоб задобрить их, приказал отдать в рабство сотни христиан, надеясь купить этим победу и власть. Триста верных хлопцев погнали полон на юг, к Змеиному морю, но не дошел никто. Гнев Божий упал на тех, кто исполнял неправую волю. В степную землю ушли они, и навек легло прокля-

ть над памятью трехсот, выполнивших приказ, но презревших народ и Бога...

Голос стал тих, пальцы едва касались струн, и над степью словно повеял тихий печальный ветер... Прошли века без славы и подвигов. Давно успокоились все — и правые, и неправые, но триста проклятых до сей поры не ведают прощения. Днем, когда светит над степью беспощадное солнце, они лежат под высокой травой, где застали их смерть и позор, но в лунные ночи их тени выходят под степной ветер, блуждая между высокими курганами. И думают они, что все же не вечно проклятие, что смилуется Господь над великими грешниками, если помогут они тем, кого застало лихо среди ночи. Вот и спешат они на помощь, разгоняя проклятую нежить, спасая души живых, чтобы простилось когда-нибудь им. Не всякий увидит скитальцев — лишь иногда в лунную ночь блеснет под луной булатный турецкий клинок, и ветер донесет еле слышное конское ржание...

...Тихо пели струны, перед глазами плыла ковыльная степь, из темной дали выезжали ряды молчаливых всадников в богатых кунтушах и смушковых шапках. Звенело золоченое оружие, негромко звучала печальная песня...

— ...Ростислав! Славик!

Перед глазами блеснул яркий свет. Арцеулов удивленно привстал и поразился еще более. Солнце стояло уже высоко. Он лежал возле кургана, правая рука все еще сжимала монгольский рожок, а над ним склонились несколько взволнованных людей в привычной зеленой форме. Андреич — штабс-капитан Пташников — держал его левое запястье, считая пульс.

— Доброе утро!

Он явно сказал что-то не то, поскольку офицеры переглянулись, а Андреич возмущенно покачал головой:

— Ну, знаете, Славик!.. Доброе! Ищем вас уже полдня, а вы тут лежите — холодный, без пульса... Ничего себе доброе...

— То есть? — Арцеулов пружинисто вскочил. Чувствовал он себя превосходно, словно ночевал не в степи, а в гостиничном номере. — По-моему, я жив и даже здоров...

С ним не спорили, но посмотрели недоверчиво. Ростислав оглянулся. Его вещи — карабин, «наган» и даже бомбы — лежали тут же. Рядом валялся вещевой мешок — открытый, выпотрошенный. Деревянные таблички валялись на траве, разбросанные чьей-то недоброй рукой.

— Все, паника отменяется! — Андреич удовлетворенно вздохнул, доставая папиросы. — Представитель Ставки цел и невредим, срывание погон и отправка под трибунал откладывается до следующего раза... Славик, нельзя же так! Хоть бы предупредили!..

— Извините, Андреич! — Арцеулов почувствовал себя кругом виноватым. За него отвечали. За него просто по-человечески волновались...

— Таки съездили в Безбаховку! — улыбнулся наконец штабс-капитан. — Оттуда?

Пташников склонился над травой, рассматривая находку. Лицо его внезапно стало внимательным и строгим.

— Боюсь, я вас разочарую, Ростислав. Это скорее всего подделка прошлого века. Тогда этим многие баловались... Впрочем... Если всё же не подделка...

Он покачал головой и аккуратно сложил таблички, не забыв соединить воедино осколки той, что была разбита. В движениях бывшего приват-доцента чувствовался многолетний навык, привычка к возне со столь любимыми Валюженичем «артефактами».

— Простите, господа! — Арцеулов обернулся к офицерам. — Не представляю, как я заблудился? Заехал Бог весть куда...

И тут слова замерли на языке. Прямо перед ним белели хатки Малой Белозерки. Он не доехал до села всего лишь пары километров! Вокруг расстилалась знакомая степь. Ни оврагов, ни далекого леса не было и в помине...

— Мы вас долго искали, господин подполковник, — заметил один из офицеров. — Хорошо, что унтер сообразил — орла увидел.

— Орла? — Ростислав вспомнил крымский лес и своего крылатого проводника.

— Так точно, ваше благородие! — охотно отозвался пожилой унтер-офицер. — Так что гляжу — орел. А он птица умная, людей чует. Дивный орел, ваше благородие, я таких и не видал, даром что здешний...

— Ерунда, орнитологи разберутся! — махнул рукой Пташников. — Ладно, Ростислав, поехали, а то начальство уже третий час на стенку от волнения лезет: вдруг от барона позвонят и вас потребуют...

Арцеулов стал быстро собираться. Деревянные таблички он вновь завернул в гимнастерку, тщательно спрятал эвэр-бурэ, на который по счастливой случайности никто не обратил внимания. Он спросил о своем коне, но серого в яблоках никто не видел. Впрочем, до позиций было рукой подать. Один из солдат уступил Ростиславу лошадь, и вскоре они уже въезжали в село.

— Андреич, вы сказали, что если это не подделка, то — что? Пташников пожал плечами:

— Славик, за эти годы я изрядно одичал. Но могу ручаться, что эта письменность в научный оборот не вводилась — по крайней мере до лета пятнадцатого, когда я ушел на фронт и стал изу-

чать боевые наставления. Единственные аналогии — рунические надписи Уэльса и Бретани...

Арцеулов тут же вспомнил письмо Валюженича.

— Андреич, помогите разобраться! Вы же специалист!

Штабс-капитан засмеялся, но смех вышел горьким:

— Помилуйте, Ростислав! Боюсь, это уже не для меня. Вот роту в штыковую — это охотно... Впрочем, и это уже ненадолго. Как думаете, до зимы продержимся?

— Бог весть... — вздохнул Арцеулов. — Не хотелось бы под белыми мухами пропадать. Я уже пробовал — скверно.

— Не спорю. — Андреич невесело улыбнулся. — Впрочем, увидим. Так ли, этак — но занавес упадет скоро. Очень скоро!..

ГЛАВА 8

ПАСТУШЬЯ КРЕПОСТЬ

Занавес упал в ноябре, когда осенние штормы угрюмо били в черный каменный берег. Небо затянуло свинцовыми тучами, лил бесконечный дождь, ветер рвал низкие облака, гоня их прочь, но из-за угрюмых гор шли новые и новые тучи, застилая неяркое солнце и гася последние надежды.

О катастрофе Ростислав узнал в Джанкое. Еще 5 ноября сводки дышали оптимизмом, но враг валил без передышки, бесконечными волнами накатываясь на блиндажи перешейка. Латыши и махновцы форсировали ледяной Сиваш, и огонь сотен тачанок разметал по промерзлой степи конницу Барбовича — последний резерв Ставки.

Когда бесстрастный телеграф отстучал о падении Юшуни, Арцеулов понял, что и эта война им проиграна. Барон отдал приказ об эвакуации, и Ростислав вместе с другими офицерами штаба отправился в Симферополь, где был основной транспортный узел.

Арцеулов хорошо помнил сибирскую катастрофу. Похоже, Врангель тоже учел страшный опыт армии адмирала. Эвакуация проходила четко. В Севастополь и Феодосию сумели переправить не только отступающих солдат, но и тысячи штатских, не желавших идти под большевистскую палку. Помогло то, что красные орлы рассыпались по Крыму, дорвавшись до брошенных складов и богатых имений. Пока бандиты Фрунзе и Миронова громили Джанкой, последние эшелоны уходили за горные перевалы к морю.

Арцеулов оставался в Симферополе до конца. Когда по улицам с гиканьем и свистом уже неслись всадники в «богатырках», офицеры штаба погрузились в эшелон. Но фортуна на этот раз

изменила Ростиславу. Пока красные шли от Перекопа, с гор уже спускались отряды «зеленых» — невидимая армия Мокроусова и Папанина. Одна из банд перекрыла дорогу, и поезд бессильно замер, запертый в неглубокой ложбине.

Из двух десятков офицеров вырваться удалось двенадцати. Арцеулов оказался старшим по званию. Отведя маленький отряд подальше в горы, он приказал сделать привал и предложил всем подумать, как быть дальше. До последнего дня эвакуации, 16 ноября, оставалось чуть больше суток. Добраться до Севастополя через леса, кишевшие бандитами, было невозможно.

Двое офицеров решили вернуться и сдаться первому же красному патрулю. По радио уже который день передавали воззвание Фрунзе с обещанием полной амнистии. Многие верили. Жизнь в России, пусть и большевистской, казалась спасительным выходом.

Арцеулов не стал спорить, но для себя решил твердо. Он помнил слова Степы: «Крым возьмем — пленных не будет». Но даже если удастся выжить, что делать ему в Совдепии? Вечно под надзором, под недреманным оком проклятой ВЧК, унижения, сухой хлеб — пока его все-таки не обнаружат те, кто охотился за Ростиславом еще в Иркутске. Едва ли Венцлав будет соблюдать обещания, даваемые бывшим фельдшером, пытающимся изобразить из себя большевистского Ланцелота!

Десятеро решили уходить к морю. Даже если последний пароход уйдет без них, остаются шлюпки, лодки, шаланды контрабандистов. В подкладке френча был надежно зашит Камень Спасения, и Арцеулов надеялся, что сумеет договориться с пронырливыми греками. Но даже если осеннее бурное море обманет, что ж — лучше смерть в пучине, чем у кирпичной стенки...

Патронов было мало, еще хуже оказалось с продуктами. Пройдя сутки по узким горным тропам, поливаемым непрерывным холодным дождем, решили рискнуть и заглянуть в попавшуюся по пути татарскую деревню. Им повезло. Молодежь ушла с оружием в горы, а старики — со страху или действительно сочувствуя — накормили беглецов и предоставили ночлег. Это была действительно удача, но уже последняя. От гостеприимных хозяев Арцеулов узнал, что все окрестные дороги перекрыты «зелеными» из отряда беглого капитана Макарова. Ростислав зло выругался: Пашка Макаров оказался-таки предателем и сволочью. Но хуже всего, что за оружие почти поголовно взялись татары — красная чума добралась и до них.

Отряд прошел еще сутки, плутая по пастушеским тропам второй крымской гряды. Дождь не переставал, люди выбились из последних сил, и Арцеулов приказал свернуть к небольшой

деревеньке, мирно спавшей в седловине между двумя угрюмыми, поросшими лесом вершинами.

...Их подпустили к самым домам и встретили кинжальным огнем. Бой был проигран сразу, оставалось одно — не дать живыми. Наверное, Бог все-таки вспомнил о рабе Своем Ростиславе. Арцеулов ушел — единственный, унося смертельно раненого товарища, молоденького прапорщика, взятого в армию в последнюю мобилизацию. Он тащил его несколько километров, наугад, почти в полной темноте. Погоня отстала. Они оказались в непроходимых дебрях между мокрых, залитых дождем скал, равнодушно взирающих сквозь ночную тьму на двух загнанных, словно затравленные волки, людей.

Прапорщик умирал. Не было даже бинта, чтобы перевязать рану. Под утро он затих. Арцеулов оставил тело возле высокой меловой скалы — рыть могилу в промокшей земле было нечем.

Над седьмыи скалами вставал блеклый холодный день. Дождь на время перестал, но все: шинель, фуражка, вещевой мешок — было насквозь мокрым. В револьвере оставались три патрона, имелся еще нож, годившийся, чтобы вскрывать консервы или всадить его в горло врагу. Но консервов не было, а краснопузы едва ли подпустят ближе, чем на винтовочный выстрел.

Все было кончено. Последние пароходы уже отплыли из Севастополя и Феодосии. Арцеулова сочтут пропавшим без вести и, может, помянут за невеселой попойкой где-нибудь в Стамбуле. Но Ростислав был жив. Жив — и упорно, вопреки всякой логике, не желал умирать. Проще всего найти ближайший пост краснопузых и выпустить оставшиеся пули, желательно лучше прицелившись. Его война будет окончательно завершена, как Арцеулов и предполагал когда-то в занесенном снегами Нижнеудинске.

...Подполковник Арцеулов довоевал до конца. Июль, август, сентябрь, октябрь — месяцы растянулись в целую жизнь. Он прослужил честно, хотя и не совсем так, как хотел. В бой больше не посылали. Барон усадил Ростислава за бумажную работу. Арцеулов составлял приказы, редактировал сводки, проверял отчеты, а в начале августа нежданно-негаданно получил приказ отправиться в Варну вместе с генералом Драгомировым для переговоров с союзниками.

В Варне — заштатном порту, где было больше греков и турок, чем болгар, — работы оказалось немного. Деньги имелись, но ресторанный загул не манил, и Арцеулов начал с неожиданного — отправился в городскую библиотеку. Нейтральные болгары аккуратно получали через Швецию большевистскую прес-

су, и Ростислав, чувствуя легкие угрызения совести, углубился в чтение свежей подшивки «Известий».

Жизнь в Большевизии, в пролетарском раю с бесплатной воблой по карточкам, интересовала мало. Он искал корреспонденции с фронта — и поражался. Бои в Таврии мало волновали комиссаров. Их больше интересовала Польша, где красный клин упорно прорывался к Варшаве. О Врангеле писали похода и все больше — с иронией. Барон и его Русская армия были уже списаны в расход.

Арцеулов морщился от тараканьих виршей Демьяна Бедного, но упорно продолжал поиск. Он знал, что ищет. Терпение было вознаграждено — в номере за 30 июля взгляд сразу же наткнулся на большую статью «Герои Южного фронта». Мелькнуло знакомое название — полк имени Парижской Коммуны. Номера, естественно, не было — по давней репортерской традиции он именовался «Н-ским». Репортер сообщал, что бойцы славного полка бодры, веселы и полны решимости добить до конца белую гидру, напрасно бряцающую ржавым оружием, полученным от мирового капитала. Это подтверждал и командир — гроза белых, пламенный большевик Степан Косухин...

Ростислав отложил подшивку и несколько минут сидел, не открывая уставших от чтения глаз. Итак, Степан жив и ему пока ничего не грозит, иначе бойкие писаки не стали бы прославлять зазнавшегося «красного орла» на всю Совдепию. Большого и не требовалось.

Арцеулов дал телеграмму в Париж Валюженичу, сообщив, что пробудет в Варне еще несколько дней. Ответ пришел быстро, но телеграмма была не от Тэда. Шарль Карно, о котором Ростислав знал из письма Валюженича и рассказов Степы, сообщал, что Тэд отправился на летние вакации в Абердин, к своему уважаемому родителю, и предлагал всю возможную помощь.

На следующее утро Арцеулов посетил ближайший фотосалон. Потемневшие дощечки с непонятными знаками были у него с собой — Ростислав предпочел не расставаться с ними. Там весьма удивились, но все же выполнили заказ. Фотографии вместе с тщательно упакованными стеклянными негативами он отослал в Париж. К посылке прилагалось письмо. Арцеулов сообщал, что если до августа 21-го он не появится в Париже, Валюженич и Карно вправе поступить с наследством по своему усмотрению, а заодно указал адрес находки и фамилию владельца — старого Вейсбаха. Велик был соблазн отправить Тэду оригиналы, но Ростислав все же не решился. Почта могла что-то напутать, к тому же таблички доверены именно ему...

За день до отплытия в Крым он получил еще одну телеграмму. Карно извещал о получении посылки, желал скорейшей демобилизации и передавал поклон от Натальи Федоровны Берг.

Арцеулов знал, что Наташа его не помнит. Заочный поклон был лишь данью вежливости.

В Джанкое его ждало известие, на которое Ростислав уже и не надеялся. Виктор Ухтомский сумел добраться на шаланде от самой грузинской границы до Феодосии. Правда, увидеться не удалось. Князь тут же уехал на фронт, в дивизию Антошки Тургула, штурмовавшую Каховку. Виктор оставил в штабе короткое письмо, сообщая, что жив-здоров, получил наконец штабс-капитана и заодно представлен к ордену Святого Николая. Письмо кончалось надеждой на скорую встречу — если не в Столице, то в освобожденной Каховке.

Прочитав послание, Арцеулов невольно улыбнулся. Князь, которому скоро должно было исполниться двадцать, еще придавал значение чинам, орденам и прочей мишуре. Сам Ростислав тоже умудрился получить орден Св. Николая — маленький крест из серого железа на Георгиевской ленте. Барон наградил его за Александровск — Антошка все-таки не удержался, подал рапорт.

Арцеулов надеялся съездить в Дроздовскую дивизию в первых числах сентября. Повод был — под Каховкой вновь разгорелись безнадежные бои. Барон обещал отправить его к Тургулу пятого, но уже третьего сентября Антошка сообщил по «Бодо», что штабс-капитан Ухтомский пропал без вести во время ночного боя на окраине города...

...В этот вечер, впервые за много недель, Ростислав напился. Вернее, попытался, но голова оставалась ясной, только в ушах шумело и откуда-то издалека доносились знакомые слова...

«...Меня ты не найдешь. Тебе скажут, что я пропал без вести под Каховкой. Это будет через полгода...»

Давний сон сбылся. Что такое «пропасть без вести» в ночном бою, Арцеулов хорошо знал. Тогда, во сне, Виктор обещал встречу — очень нескорую. Да, они встретятся, если там, куда им всем предстоит попасть, за светящимся золотистым туманом, они смогут узнать друг друга...

Теперь не осталось никого. Молодые офицеры, спешившие в ноябре проклятого 17-го в Ростов под знамена Алексева и Корнилова, выполнили свой долг до конца. Крымская трагедия шла к финалу, и Ростиславу оставалась одно — дожидаться занавеса.

И вот, когда занавес упал, когда оставалось выйти к ближайшему красному патрулю и поставить точку, Ростиславу бешено захотелось жить. Пусть впереди нет ничего, кроме прозябания под парижскими каштанами, — пусть! Он не хотел стынуть здесь, под холодным небом отвергнувшей его родины. Его война не кончилась! Крым сдан, но остались непрочитанными потемнев-

шие таблички, осталась тайна камня — и по-прежнему возвышалась среди ледяных гор черная громада Шекар-Гомпа...

Ростислав сжег документы и забросил в ручей железный крестик с изображением Святого Николая. Погоны оставил. Пока он в форме, он все еще солдат...

Он шел ночами, пробираясь к спасительному морю. То и дело рядом гремели выстрелы — бандиты Пашки Макарова добивали какого-то бедолагу. Приходилось прятаться, часами пережидать в сырых, промозглых ущельях, в заброшенных убежищах для овец. Несколько раз Ростислав сбивался с пути, кружил, но каждый раз вновь находил дорогу.

В первый день его мучил голод, но потом наступило странное оцепенение. Холод был страшнее. Ноябрьские ночи выматывали, а мокрые дрова не позволяли разжечь спасительный костер. И все-таки Ростислав шел. На третий день тропинка вывела к гигантскому склону. Это была первая крымская гряда, а за ней — море.

В тот вечер удалось поест. Встреченные у подножия пастухи поделились с ним скудным ужином. От них Арцеулов узнал, что находится между Судаком и Алуштой, а на противоположном склоне горы стоит маленькая татарская деревенька, обычно пустовавшая в осенние месяцы. Но сейчас там былолюдно. Отряд «зеленых» уже третий день навязывал мирным татарам свое непрошеное присутствие.

Надо было идти. Тропинка вилась по склону, неторопливо взбираясь к голой безлесной вершине. Донимал холод, ветер сбивал с ног. Ростиславу то и дело вспоминался краснопузый Степа, когда-то искавший их в ледяной тайге. Мелькнула странная, нелепая мысль — вместе с Косухиным ему было бы легче. Интересно, согласился бы командир победоносной «рачьей и собачьей» сопровождать беглого врангелевца к спасительному морю?

На вершину Арцеулов поднялся в полдень. Темное страшное море бушевало далеко внизу, но даже сюда ветер доносил мелкие капли влаги. До самого горизонта не было видно ничего, кроме бурлящей пучины. Корабли ушли. Он остался один...

Спускаться приходилось осторожно. Ноги скользили по раскисшей земле, острые ветви норовили ударить прямо по лицу, но куда опаснее были голоса, что доносились снизу. Наивно было думать, что это мирные пастухи... Ростислав добрался почти до самой дороги, шедшей вдоль моря. Он уже видел ее сквозь деревья — узкую, в следах повозок, но не спешил выходить из леса. Внизу то и дело проходили люди, и почти у всех за спинами торчали винтовки. Следовало дожидаться темноты. Он

нашел маленькую полянку, надежно прикрытую со стороны дороги густым кустарником, накрылся шинелью, положил под голову вещевой мешок и провалился в черное, без сновидений, забытье.

...Резкий толчок. Ударили прикладом, но боли Ростислав даже не почувствовал. Рука привычно рванулась к кобуре — пусто. Те, что пришли за ним, тоже кое-чему научились за эти годы.

— Проснулся?

Их было трое — не красноармейцы, обыкновенные бандиты, «зеленые», в невыразимо грязных шинелях без ремней, с обязательными красными лентами на шапках. Вечерний сумрак не позволял разглядеть лиц, да этого и не требовалось.

— Поднимайся, кадет, выпался!

Арцеулов встал. В грудь целились стволы винтовок.

— Офицер?

Он не стал отвечать. Кто-то дернул за плечо, взглянул на погоны.

— Подполковник. В штаб, товарищи?

«Товарищи» переглянулись. Идея явно не пришлась по душе.

— Если б генерал!..

Его не обыскивали, только забрали нож и ткнули прикладом в вещевой мешок. Пленный подполковник мало интересовал победителей.

— И так все ясно! — рассудил старшой. — Контра!

— Так что, к Духонину?

— К Духонину!

...Что такое «отправить в штаб к Духонину», Арцеулов знал без перевода.

Его вытолкали прикладами на дорогу и поставили у обочины, спиной к бушующему морю.

— Молись, офицер, — предложил старшой. — Минута тебе...

Молитва не шла на ум. Исчезла ненависть, не было даже отчаяния. Жажда жизни, которая вела его эти дни, сгинула без следа. Ростислав чувствовал одно — усталость. Внезапно суетная мысль посетила его. Арцеулов понял, что очень хочет курить...

— Господа, у вас не будет махорки? — Слова вырвались сами собой. Ростислав тут же пожалел, но просьба была воспринята как нечто вполне естественное. Кто-то полез в карман шинели, затем повстанцы переглянулись.

— Не повезло тебе, беляк. Скурили!

Слова прозвучали виновато, не чувствовалось ни «классовой ненависти», ни даже просто злобы к врагу. Эти трое выполняли

работу — добросовестно и честно. В памяти промелькнули слова Косухина: «Пленных не будет»...

— Баста! — решил старшой. — Долго возимся. Нам еще до Пастушьей Крепости все прочесать надо.

Последние слова явно предназначались для пленного. Ему пояснили причину излишней торопливости. Работы много, Красный Крым предстояло еще чистить и чистить...

Ростислав слышал, что перед смертью его товарищи держали себя героями. Но здесь не перед кем выкрикивать лозунги и петь «Смело, корниловцы, в ногу!». Палачи были скучны, и его, Арцеулова, смерть будет тоже другой, не такой, как у остальных. Война кончилась, наступили серые будни «чисток». Ему придется умирать уже в новую эпоху...

Одному из повстанцев пришлось перезаряжать винтовку, что заняло еще пару минут. За это время Арцеулов немного пришел в себя. Стало стыдно. Годом раньше он просто прыгнул бы на врагов и утащил с собою минимум одного. Но сил больше не было. Он смирился. Не будет Парижа, он не встретит Тэда, не разыщет краснопузого Степу, не увидит трехцветные флаги над Столицей... Значит, судьба. Там его тоже ждут: ребята из его взвода, Виктор Ухтомский, профессор Семирадский, с которым он так и не доспорил. Там ждала Ксения...

— Что вы тянете, сволочи! — произнес он еле слышно, но палачи услышали. Медленно, словно неохотно, стволы винтовок начали приподниматься...

И тут Арцеулову стало не по себе. Что-то не так! Он забыл нечто важное!.. Нет, не важное. Просто напоследок...

Ростислав улыбнулся, вынул из-за пояса рог Гэсэра. Прощай, старая сказка!

Звук был резким и чистым. Убийцы удивленно переглянулись, старшой пожал плечами и положил палец на курок. Резкий свист... Арцеулов невольно сжался, но привычное ухо отметило: не пуля.

...Один из бандитов медленно оседал на землю. В его спине торчала короткая черная стрела. Остальные успели лишь обернуться. Снова свист, короткий стон... Те, что пришли чистить берег от белой заразы, так и не смогли выполнить свою работу.

...Стрелы были странные. Сознание отметило это автоматически, и так же, сам собою, пришел ответ: не стрелы — арбалетные болты... Арцеулов глубоко вздохнул, поднял с земли винтовку — и услышал конский топот.

Скакали с запада, с противоположной от красного гнезда стороны. Темные силуэты казались едва различимыми в вечернем сумраке, но что-то необычное было в этих молчаливых всадниках. Ростислав всмотрелся — каски. Это не удивило, но

каска — скорее шлемы — были непривычной формы: приплюснутые, с широкими стальными полями...

Бежать не оставалось сил. Бояться — тоже. Оставалось ждать.

За плечами всадников висело оружие, но не привычные глаза карабины. Кавалькада приближалась, и Ростислав, уже не удивляясь, машинально отметил:

«А вот и арбалеты!.. Что ж, удобно...»

Арбалетчики ехали плотной колонной, по трое в ряд. Их было не меньше взвода. На солдатах были не только каски, но и что-то похожее на кирасы. Впереди скакал командир — без шлема, в заломленном на ухо берете. Отряд несясь рысью, казалось, не обращая внимания на одинокую фигуру у дороги. Но внезапно первый всадник поднял руку и рванул удила. Молча, без обычного ржания, конь замер в двух шагах от места, где стоял Арцеулов. Всадники отреагировали мгновенно — перед Ростиславом словно выросла странная скульптурная группа.

Предводитель даже в седле казался высоким, куда выше среднего роста. На нем был широкий плащ, у пояса висела шпага — или узкий меч. На почти не различимом в сумраке лице темнела короткая борода. Всадник поднял голову, затем резко обернулся к Ростиславу:

— Почему так поздно позвал нас? Или брезгуешь нашей подмогой?

Неизвестный говорил не по-русски, но слова, произнесенные на незнакомом певучем языке, сразу же становились понятны. Впрочем, это уже не удивляло.

— Я Чезаре ди Гуаско, благородный рыцарь из славного города Генуи, властелин Пастушьего замка и Арпатского леса, гроза Алустона и всей Готии. Это мои верные слуги, а земля, на которой ты стоишь, — моя земля...

Странная пышная фраза тоже не удивила. Поразил тон — холодный, гордый и несколько снисходительный.

— Подполковник Арцеулов! — Привычные слова вернули бодрость. Ростислав внезапно ощутил стыд: вид у него, кадрового офицера, был словно у мокрой вороны.

— Откуда у тебя этот рог, Арцеулов? Где ты его нашел?

Безразличие уходило. Арцеулов почувствовал острый интерес. Выходит, эвэр-бурэ помогает не только против нежити!..

— Мне дал его командир Джор, Джор-баши. Мы встретились с ним в Западном Китае...

Не меньше минуты чернобородый молчал, а когда заговорил, тон его стал совершенно иным — почтительным, немного испуганным:

— Синьор, вы хотите сказать, что рог передал вам сам Рыцарь Востока? Вы с ним знакомы?

— Знаком. — Арцеулов нашел в себе силы улыбнуться. — Извините, не успел сразу поблагодарить вас...

— Джор... — негромко повторил ди Гуаско. — Он даже назвал вам свое имя... Моя услуга невелика, синьор. Все мы лишь тени Рыцаря Востока... Но я невежлив. Вы желаете о чем-либо спросить?

— Мне, наверно, полагалось бы удивиться, — вздохнул Ростислав. — Но я очень устал...

— Прошу! — Гуаско махнул рукой, и от кавалькады отделился один из всадников, ведя в поводу коня. — Поспешим в замок...

Замок... Арцеулов вновь улыбнулся. Это прозвучало так естественно, словно они находились не в крымской глуши, а где-нибудь возле славного города Генуи. Между тем ди Гуаско вновь махнул рукой, и тут из-за деревьев, росших вдоль дороги, молча выступили несколько арбалетчиков в таких же шлемах, панцирях и стальных наколенниках. Значит, вот кто его спасители!..

Ростислав с трудом взобрался в седло. Тело ныло, отказываясь повиноваться, но требовалось продержаться — хотя бы еще полчаса. Замок — не замок, а какое-то убежище у этого итальянца должно быть.

Отряд проехал немного вперед и развернулся на небольшой поляне. Чернобородый по-прежнему скакал впереди. Арцеулов пристроился рядом, стараясь крепче держаться в седле. Конь, который ему достался, был норовистым и абсолютно черным. Ростиславу даже показалось, что все кони в отряде одной, вороньего крыла, масти...

— Как ваше имя, синьор? — Гуаско пустил коня рысью, знаком велел солдатам ехать следом.

— Ростислав...

— Древнее имя! Рустэ-слейф... Ваши предки из Скандинавии?

— Всю жизнь считал себя россиянином, — удивился Арцеулов. — Разве что татары в родне сыщутся...

— Вы все забыли, беспамятные дети великих отцов. То, что было нашей славой, для вас лишь отзвук легенды...

Арцеулов не стал спорить. В чем-то его странный спаситель был прав.

— Еще в Генуе я знал одного колдуна, его звали Луиджи Дьявол. Он говорил, что в нем течет иная кровь — не людская. Тот, у кого есть эта кровь, способен помнить все, чтобы было с его предками. На остальных лежит заклятье беспамятства... Он был хороший колдун, Луиджи. Его сожгли — на городском рынке...

Арцеулов вспомнил Италию, где бывал несколько раз еще до войны, — веселую, немного суматошную страну...

— Господин ди Гуаско, — вздохнул он, — давайте все-таки договоримся, в каком веке живем...

Послышался негромкий смех.

— Вы — в двадцатом. Я — когда захочу!

Ростислав усмехнулся в ответ:

— Вы повелеваете временем?

— Нет. — Голос ди Гуаско стал серьезен. — Я заключил с ним договор. Или, может, синьор Ростислав, вы принимаете меня за призрака?

Арцеулов пожал плечами:

— Посудите сами, господин ди Гуаско: ночь, арбалетчики на черных конях и вы, рыцарь из Генуи. А ведь сейчас — ноябрь 1920-го...

— Вас смущают мои арбалетчики? Но я смог помочь вам и без пулемета «гочкис». Впрочем, из него тоже мои люди стреляют неплохо.

— Я не о том...

— Я понял, синьор, — перебил ди Гуаско. — Вас смущает то, что сейчас ноябрь 20-го... Знаете, вы бы очень удивились, узнай, какой день сегодня на моем календаре. Не уверен, понимаете ли вы меня...

— Понимаю. — Ростислав подумал о другом. — Хотя и не знаю итальянского.

— А-а! Этому нехитрому фокусу меня научили в Генуе. В чужой земле подобное бывает полезно...

Вспомнилась серебряная чаша, в которой кипела переливающаяся красками жидкость. Интересно, пил ли синьор Гуаско сома дэви?

— А насчет календаря попытаюсь пояснить... Раньше я жил в Генуе, пока чернь не сожгла наш фамильный замок. Мы с братом отплыли в Тавриду, но я могу вернуться в Геную или поехать куда-нибудь еще. Вы же привязаны к тому месту, где родились, и вам кажется, что нельзя покинуть свое время, как невозможно тем, кто не умеет ходить, уйти из родного города...

Они ехали над морем, справа темнели крутые, поросшие лесом склоны, тишину нарушали лишь беспокойные волны да негромкий стук копыт. Но вот дорога сделала поворот, стена гор резко отступила вправо. Впереди была утонувшая во тьме стена леса, а за ней возвышалась огромная гора, уходящая далеко в море.

— Замок ди Гуаско. Его называют Пастушьей Крепостью... — Рука в бархатной перчатке указала в сторону вершины, где темнел черный силуэт полуразвалившейся башни.

Отряд свернул направо и углубился в густой лес. Гуаско уверенно ехал впереди, находя затерявшуюся в густой темноте дорогу, которая то карабкалась вверх, то спускалась в лошину, то вновь круто шла в гору.

Лошади перешли на шаг. Стена леса оборвалась, всадники

выехали на голую, поросшую невысоким кустарником вершину. Стало заметно холоднее. По темному небу одна за другой неслись тяжелые тучи, совсем близком шумела морская пучина, а впереди темнели старые, поросшие кустарником руины.

Замка не было. Время и люди разрушили его. Жалкие остатки стен едва угадывались в траве, и только одна из башен — огромный, сложенный из грубо околотога сланца донжон — возвышалась над руинами.

Несмотря на усталость, Арцеулов ощутил легкое разочарование. Он часто видел в Крыму такие развалины. Ничего удивительного, что чернобородый Гуаско устроил здесь стоянку своего отряда. Но все же Ростислав надеялся на что-то иное. Увы, временем повелевать нельзя. С ним невозможно договориться — рухнут самые прочные стены, навеки погаснут окна, и там, где шумела пиршественная зала, вырастет чертополох...

Казалось, ди Гуаско понимал, о чем думает его гость. Чернобородое лицо скривилось в усмешке:

— Вы, кажется, принимаете меня за шутника, синьор Ростислав? Я обещал вам хоромы, а привел на пепелище. Но не спешите. Мы еще не приехали...

Арцеулов почему-то представил себе вырубленные глубоко в скале подземные казематы, где таинственный генуэзец устроил себе убежище. Чезаре невозмутимо держал путь прямо туда, где среди редкого кустарника еле угадывались остатки того, что когда-то было воротами.

— Держитесь рядом со мной!

Предупреждение прозвучало серьезно. Ростислав кивнул и ударил черного коня каблуком. Теперь они ехали бок о бок с генуэзцем.

— Не удивляйтесь, — кивнул тот. — Сейчас все поймете... Ну что, готовы вступить в мои владения, чтобы отдохнуть среди развалин?

Ростислав настолько устал, что был согласен поспать и среди руин. И вдруг запоздалая мысль отрезвила его, заставив дернуть за поводья. Деревянные таблички! Они остались там, на берегу, в вещевом мешке!..

— Господин ди Гуаско... — Возвращаться смертельно не хотелось, но иного выхода не было. — Я... Мне надо назад. Я кое-что забыл...

— Вот как? — небрежно заметил рыцарь. — Наверное, что-то очень ценное? Но не волнуйтесь.

Он обернулся, сделав короткий жест рукой. Один из арбалетчиков подъехал и, молча поклонившись, передал Ростиславу его вещи — не только мешок, но и револьвер, нож и даже пустой карабин одного из повстанцев. Арцеулов поблагодарил, но Гуаско лишь дернул подбородком:

— Не стоит и вспоминать. Впрочем, благодаря такой мелочи я узнал кое-что важное... А сейчас — вперед! Добро пожаловать в Пастушью Крепость — замок ди Гуаско!

И в тот же миг загремели трубы. Звук шел словно ниоткуда — от мертвых камней, поросших травой и кустарником. Арцеулов растерянно оглянулся, но генуэзец уже тронул коня шпорой. Копыта переступили почти неразличимую черту, когда-то бывшую границей замковых стен...

...Яркий, неровный свет факелов. Развалины исчезли, пропало ночное море на горизонте. Вокруг был только камень — узкий проход с низкими гулкими сводами, по которому с трудом могли проехать двое. Кони спокойно продолжали путь, но Ростислав невольно отшатнулся. Он понял, почему чернобородый советовал ехать рядом. Арцеулов вновь оглянулся: отряд въезжал в проход, сзади чернело что-то похожее на глубокий ров...

— Мы под надвратной башней, — пояснил ди Гуаско. — Тут узко, и, когда мы ступили на мостик, я просил вас ехать поблизости. Неудобно, зато здесь можно задержать целую армию...

— Да-а, — выдохнул Арцеулов, — маскировка исключительная!..

Чернобородый расхохотался — громко и весело:

— Вперед, синьор Ростислав! Как вы это назвали? Маскировка?

Проход кончился. Они выехали на площадку, где их должны были встретить поросшие травой руины и одинокий силуэт обезглавленной мертвой башни.

...Копыта звонко ударили о вымощенный камнями двор. Яркий свет факелов упал на мощный квадрат высоких стен, на зубчатые башенки, на громаду донжона. В узких окнах горел свет, а перед входом ровными рядами выстроились арбалетчики в черных латах. Вновь загремели трубы. Дверь, высокая, окованная железом, отворилась, на каменное крыльцо выступили двое юных пажей. Вслед за ними на крыльцо вышел высокий молодой человек в ярких широких одеждах. Золотистые волосы, выбиваясь из-под круглой шапочки, вились по плечам, безбородое юное лицо с любопытством смотрело на прибывших.

Золотоволосый сбежал вниз по ступенькам и склонил голову. Чезаре ловко спрыгнул с коня, бросив поводья подскочившему пажу, и обернулся к Ростиславу:

— Мы дома, синьор... Здравствуй, Гонзальво!

Последнее относилось к молодому человеку. Тот поднял голову, улыбнулся:

— Здравствуй, Чезаре! Ты привез гостя?

Арцеулов неловко слез с коня, чуть не упав. Силы были на исходе.

— Мой брат и верный вассал синьор Гонзальво ди Гуаско!

Молодой человек вновь улыбнулся и подал Арцеулову узкую холеную руку.

— Нашего гостя зовут Ростислав, — продолжал Чезаре. — Его прислал к нам Рыцарь Востока...

На юном лице младшего брата мелькнуло удивление:

— Поистине сие странно! Не провинились ли мы перед Покорителем Гор?

Чезаре рассмеялся и повернулся к Арцеулову:

— Видите, синьор, у вас грозный покровитель! Нет, Гонзальво, синьор Ростислав — просто гость.

— Мы рады гостям. И сколь жаль, что они появляются так редко...

— Не задерживай нас, — нетерпеливо махнул рукой Чезаре. — Синьор Ростислав устал. Все разговоры — потом...

Действительно, Арцеулов держался из последних сил. Глаза еще видели, но как-то странно, урывками. Коридор, на стенах — чадающие факелы... Черные доспехи в полный рост... Слуги в пышных одеждах... Его поддержали под локти, повели куда-то вперед...

— Сначала выпитесь, — донесся неясный голос чернобородого. — Но все-таки советую что-нибудь поесть... Спокойной ночи, синьор Ростислав!

Его перевели через порог. Арцеулов успел заметить пышный балдахин, завешанные гобеленами стены — и пол мягко провалился куда-то в пустоту...

...Ростислав знал, что спит. Он чувствовал время, каждую секунду, минуту, час. Он даже пытался считать, но сбивался и начинал снова. И вдруг он понял, что считать не имеет смысла, потому что вокруг — вечность...

Разбудил его голод, странное ощущение пустоты во всем теле и ноющая боль под сердцем. Вокруг стояла тьма — крошечная, тяжелая. Ростислав удивился, затем испугался, протянул руку... Балдахин! Вот почему темно! Отчего-то стало неловко. Вот, значит, как жили — живут! — господа благородные рыцари! То-то бы высказался краснопузый Степа!..

Грязная одежда исчезла — на Арцеулове была ночная рубашка тонкого шелка. Умыться самому не позволили — молчаливые слуги принесли серебряный таз, подали широкие, с вышивкой полотенца, а затем облачили — иного слова Ростислав подобрать не смог — в нечто странное: рубашку с широкими рукавами, шаровары с узорчатым пояском, узкие, с длинными носами башмаки. Все это — цветное, шитое чем-то блестящим. Чувство неловкости усилилось, и Арцеулов вновь вспомнил непримиримого Степу.

Завтрак принесли в комнату — и тоже на серебряном подносе. Впрочем, ни поднос, ни даже сами блюда его не интересовали. Ростислав глотал все подряд, запивая чем-то теплым, пахнущим мускусом из тяжелого кубка. Жизнь брала свое. Возвращались силы, а вместе с ними — любопытство.

Братьев он нашел в большом зале — круглом, с огромным пылающим камином. Каменный пол был устлан коврами, такие же ковры покрывали стены. Чезаре ди Гуаско сидел в глубоком кресле, просматривая обширный манускрипт в тяжелом кожаном переплете. Гонзальво, пристроившись на небольшой скамейке, рассеянно перебирал струны испанской гитары.

— Отдохнули, синьор? — поинтересовался хозяин после долгих учтивых приветствий. — Присаживайтесь, поговорим...

Он отложил книгу и кивнул гостю на пустующее кресло рядом с камином. Младший брат, оставив инструмент, подсел поближе.

— Я расскажу, что было со мной, — начал Ростислав. — Если, конечно, вам это интересно, господа...

Казалось странным говорить о гибели Белого Крыма двум рыцарям в роскошном зале средневекового замка. Но его слушали очень внимательно. Глаза младшего брата не отрывались от гостя. Чезаре слушал, чуть отвернувшись, губы были сжаты, темные глаза смотрели холодно и невозмутимо.

— Сколь жаль, что столько доблестных кавалеров нашли свою смерть от руки взбунтовавшегося мужичья! — сочувственно заметил Гонзальво, когда рассказ был закончен. — Поистине, дорогой синьор, меня терзает печаль, что гибнут благородные обычаи, когда лишь достойным дозволено было носить оружие...

— Ты забыл Геную, брат! — покачал головой Гуаско-старший. — Забыл Сьену, Флоренцию и Милан! На нашей родине мужичье давно уже взялось за колья и косы. Рыцарство погибло, и погибло навсегда... Сочувствую, синьор Ростислав. Я знаю, что такое терять родной дом и родную страну. Я перевешал целые толпы мужичья, но не считаю себя в расчете. Даже если обставить виселицами дорогу отсюда до Кафы!..

Арцеулов вздрогнул. Еще совсем недавно он рассуждал так же. Стрелять, колоть, резать — устилать трупами краснопузых всю Россию...

— Это не поможет, — с трудом выговорил он. — Сумасшедших надо лечить. Карать надо тех, кто свел их с ума...

— Вы — философ, синьор! — жестко усмехнулся Чезаре. — Я тоже философ — по-своему. В этих стенах нам не грозит ярость хамов... Рад предложить вам погостить, но — увы! — должен предупредить: это опасно.

Арцеулов кивнул. Со временем можно заключить договор. А вот с синьором Фрунзе...

— Синьор Ростислав не понял тебя, — заметил Гонзальво. — Объясни ему, брат!

— Да, конечно... Здесь вам ничего не грозит. Войти в этот замок невозможно — без меня или моего брата. Вы называете это маскировкой, синьор. Трибунал святейшей инквизиции назвал бы это иначе, но дело не в словах. Итак, вместе со мной вам было легко войти. Но выйти — дело другое...

Арцеулов похолодел. Этого он не ожидал. Знал бы — предпочел бы заночевать где-нибудь на сыром горном склоне...

— Тот, кто пробудет в этих стенах больше определенного времени, останется здесь навсегда. Он сможет лишь ненадолго покидать замок — вместе с нами. Вы долго спали, синьор, я не смел тревожить вас. Но теперь вам следует решить — осталось лишь двенадцать часов...

Ростислав перевел дух. За двенадцать часов можно уйти далеко...

— К сожалению, гора окружена. Ваши враги, синьор, обнаружили трупы своих и начали поиск. Наши кони не оставляют следов, но у людей есть глаза и уши. Пока они видят лишь старые развалины. Но вас они заметят. Мы могли бы проводить вас, но вокруг, на много лиг, враги. Решайте...

Арцеулов вновь кивнул. Выбор ясен — либо стать призраком, либо выйти наружу и получить давно жаждавшуюся его пулю...

— Брат, неужели мы не можем помочь столь доблестному рыцарю? — Гонзальво был явно расстроен. — Если надо, я сам возьму в руки меч!..

— В этом нет нужды. — Цезаре встал и подошел к узкому окну, через которое слабо пробивался тусклый свет. — Ночью сюда подойдет лодка. Она пристанет к обрыву незаметно. Ее владелец — мой знакомый, он может отвезти нашего гостя далеко от берегов Таврии. Но ему надо заплатить...

— Надеюсь, он не потребует мою душу? — Ростислав постарался, чтобы слова звучали как шутка, но ему стало не по себе. За этими стенами можно было ожидать чего угодно... Цезаре коротко рассмеялся:

— Нет, синьор! Ему нужно всего лишь золото. Он сильно рискует — головой...

Арцеулов вспомнил о нескольких фунтах, оставшихся в кармане френча. Наверное, не хватит...

— Брат, наш гость не понял нас! — взволнованно проговорил Гонзальво. — Он думает, мы скупы, словно ростовщики нашего родного города!..

— Это правда, Гонзальво, — хмуро улыбнулся старший. — Мы никому не отдадим свое золото — как и свою честь. Но тот,

кого послал Рыцарь Востока, больше чем гость. Нам не жалко золота, синьор Ростислав. Дело в другом...

— Наше золото не может достаться обычным людям, — быстро заговорил Гонзальво. — Стоит ему побывать за этими стенами — и для всех прочих оно станет просто грудой камней!..

— Под горой мы закопали несколько кладов — на подобный случай, — продолжал Чезаре. — Но до них еще нужно добраться. А времени мало, синьор!

И тут Арцеулов вспомнил Ингвара. Камень Спасения! Художник советовал держать его до последней крайности. Вот она, последняя!..

— Прикажите принести мой френч, — попросил он. — Думаю, у меня есть то, что заменит золото...

Чезаре позвонил в маленький колокольчик. Слуги принесли одежду Ростислава — уже чистую, постиранную и выглаженную. Хозяин замка улыбнулся и передал гостю нож:

— Обычно подобное зашивают за подкладку. Разрежьте сами. Мои руки не должны коснуться того, что принадлежит вам...

...Неяркий отсвет горящих дров отразился в сверкающих фиолетовым цветом гранях. Гонзальво подошел ближе. Чезаре остался на месте, но глаза его, не отрываясь, глядели на сапфир:

— Это королевский камень, синьор! Я скажу капитану. Его зовут синьор Ставриди. Грек, конечно, но по-своему честный человек. Он не обманет...

По совету хозяина Арцеулов вновь спрятал сапфир, чтобы отдать его греку лично — уже на борту лодки. Гуаско рассудил, что за Камень Спасения капитан Ставриди не только доставит подполковника в любой из портов Черноморья, но и снабдит его документами и всем необходимым. Куда именно держит путь их гость, уточнять не стали.

— Скоро мы расстанемся навсегда. — Чезаре проговорил это без всяких эмоций, просто констатируя факт. — Но прежде мне хотелось бы узнать одну важную мелочь... Какую тайну вы уносите с собой?

Ростислав насторожился. Откровенничать с чернобородым не хотелось.

— Я имею в виду не тайны вашей христианской души! — коротко рассмеялся рыцарь. — Я о том, что вы храните в своем вещевом мешке, ведь ради этого вы хотели вернуться прямо в лапы врага!..

Арцеулов задумался. Почему бы и нет? Чезаре может что-либо подсказать...

Безмолвные слуги положили на маленький изящный столик вещевой мешок Ростислава и — отдельно — эвэр-бурэ, подарок Джора. Гонзальво не скрывал любопытства. Старший брат был

внешне спокоен, но Арцеулова не оставляла мысль, что Чезаре волнуется.

Ростислав достал таблички и подал их чернобородому. Тот нахмурился и бережно взял в руки одну из деревянных дощечек. Гонзальво потянулся к другой, но резкий жест брата остановил его. Он не обиделся и стал с интересом глядеть через плечо Чезаре. Молчание затянулось. Ди Гуаско брал одну дощечку за другой и долго вглядывался в непонятные значки. Лицо его было странным — хмурым, даже немного брезгливым, но в глазах мелькало нечто похожее на страх.

— Брат, выйди! — неожиданно бросил он. Младший вскочил, растерянно взглянул сначала на Чезаре, затем на гостя, но все же подчинился. Короткий обиженный кивок — и Арцеулов остался с хозяином замка один на один.

— Ваш брат может обидеться, господин ди Гуаско! — не выдержал Ростислав. Молодой Гонзальво с его наивными рассуждениями о рыцарских традициях ему понравился.

— Он не посмеет! — Чезаре дернул щекой. — Гонзальво не только мой брат, но и вассал. Мое слово для него — закон, и его долг — повиновение. Впрочем, я забочусь прежде всего о нем самом... Синьор Ростислав, вы уже прочитали это?

— Нет. Но прочитаю! — Арцеулов сам удивился своей уверенности.

Взгляд Чезаре стал тяжел и мрачен. Ростислав не выдержал и отвел глаза.

— Да... Вы сможете сделать это, синьор. Вы упорны, а главное, уверены, что эта тайна поможет вам отомстить. Я не ошибаюсь?

Это было не совсем так. Арцеулов и сам не знал, что содержится в табличках. Но на что-то подобное он действительно надеялся. Отомстить? Не так уж плохо!..

— Теперь я кое-что понял, синьор! — Слова падали тяжело и веско. — Это Рыцарь Востока решил мстить — вашими руками. Но прошу вас, синьор Ростислав, подумайте, трижды подумайте, прежде чем пытаться воспользоваться тем, что здесь написано!

Арцеулов удивленно поглядел на чернобородого. Тот не шутил, он действительно испугался. Но почему?

— Вам, наверно, сказали, что здесь заключена тайна, которая поможет одолеть врагов. Мои слова не имеют веса, когда ландскнехты под красными штандартами расстреливают Крым. Но я все же попытаюсь...

Гуаско откинулся на спинку кресла. Узкие сильные кисти сжали подлокотники.

— Вы наверняка уже сумели составить обо мне определенное мнение, синьор Ростислав. В Генуе я был убийцей и черно-книжником, а здесь стал пиратом. Я не люблю людей — кроме

себя и Гонзальво. Я грабил, вешал, жег и разорял не только богатей, но и бедняков. Меня обвиняли в том, что я поклоняюсь Сатане — это неправда, но могло казаться правдой. И все же даже для меня есть граница...

Он помолчал. Темные глаза смотрели напряженно, почти зло.

— Эта граница очевидна. Я не люблю людей — но я человек. Я не чту Того, Кого вы называете Творцом, но я согласен с Ним в главном: человек действительно венец этого мира. Тот, Кто Несет Свет, тоже не отрицает этого...

«Тот, Кто Несет Свет»... Ростислав хотел переспросить, но тут же вспомнил: Несущий Свет... Светоносный... Люцифер...

Рука дернулась в крестном знамении. Гуаско чуть улыбнулся и покачал головой:

— Успокойтесь, синьор! Я не поклоняюсь ему, но чту. Попы лгут, называя его Князем Тьмы. Может, есть и такой — не знаю. Но Несущий Свет — враг тьмы. Он действительно несет Свет — и этот Свет невыносим для людей. Только самые мужественные могут не закрывать глаза, и тогда Свет приносит им истину... Несущий Свет прекрасен, как солнце, и столь же беспощаден. Он существовал всегда, но был вдали от людей. Теперь Он наконец пришел...

Арцеулов пожал плечами, ничуть не убежденный. Не ново! Давняя сказка — и Чезаре не первый, кто готов склониться перед Искусителем. Люцифер, Несущий Свет, Лха Старший Брат...

— Желаете бороться с ним? Боритесь, как учат вас ваши попы. Ставьте свечи перед разрисованными досками, вызывайте к небу... Но вы задумали другое...

Он взял в руку одну из табличек. Глаза пробежали по первым строчкам. Чернобородый покачал головой.

— Напомню вам известные слова. Я не люблю эту Книгу — зато вы знаете Ее. Помните, Некто изгонял бесов силою Вельзевула, князя бесовского? Вы хотите сделать то же самое — бросить против Несущего Свет черную тьму...

Слова были страшны и непонятны. Арцеулов постарался запомнить — подумать он еще успеет.

— Эту армию можно собрать. Можно даже одержать победу, но победителями будут НЕ ЛЮДИ. Вы изгоните своего Врага, но сами станете рабами тех, о ком пока даже не знаете!.. Подумайте об этом, и да поможет вам Тот, в Кого вы верите...

Арцеулов молчал. Слова чернобородого не убедили. Разве те, кто помогал Ростиславу, — слуги тьмы? Старик в пещере, монахи Шекар-Гомпа, командир Джор?..

— Не верите!.. — вздохнул Чезаре. — Вы мне напоминаете тех, что нашивали на одежду крест, считая, что спасают Гроб

Господень, и при этом убивали столькох невинных, что в сравнении с ними я могу показаться сущим ангелом... Сделаем так...

Ди Гуаско осторожно взял со стола эвэр-бурэ:

— С Черным Рогом вам придется расстаться...

Это была не просьба, а решение. Арцеулов понял, что возражать бессмысленно.

— С ним меня допустят к Кесарю, и я смогу объясниться. Может быть, Кесарь все же поймет меня...

— Кесарь?

— У него много прозвищ. Я называю его Рыцарем Востока, вы — командиром Джором...

Ростислав понял. Слово менялось, переходя из языка в язык: Кесарь — Кейсар — Гэсэр...

— Это необходимо, — повторил ди Гуаско. — Я должен убедить его, а вместе с ним — других. Не думайте, синьор, что оставляю вас без магической защиты. Это ведь обыкновенный рожок...

Он положил эвэр-бурэ на ладонь и качнул — вверх и вниз.

— В нем нет никакого волшебства. Это лишь знак. Кесарь велел охранять вас — и вас будут беречь. Но хочу предупредить: даже слуги Кесаря не всемогущи. Случайная пуля, увы, не пролетит мимо... Что передать от вас Рыцарю Востока?

Арцеулов на миг задумался.

— Передайте, что я всегда буду помнить ущелье возле озера Челкель. И что с радостью отдам долг, когда узнаю — как...

Чезаре кивнул и осторожно прикрепил эвэр-бурэ к украшенному серебром поясу.

Отъезд предстоял в полночь, а вечером Ростислава пригласили на ужин.

В зале ярко горели факелы. Музыканты в ярких одеждах играли незнакомую музыку — то медленную, то быструю. За столом Арцеулова ждали братья. Рядом с ними сидели несколько мрачных бородачей в темных камзолах с большими кинжалами за кожаными поясами. Ростислава представили, бородачи вежливо поклонились, но своих имен не назвали. Слуги подавали вино в больших глиняных амфорах, обмазанных черной смолой. Арцеулова не удивил кабан, зажаренный целиком и поданный на огромном блюде. Кабаны в здешних лесах водились. Но тут же, на серебряных блюдах, лежали южные фрукты, роскошный, явно не крымский виноград и какие-то совершенно невообразимые, ни на что не похожие пахучие плоды, на вкус напоминающие землянику. Ростислав не стал интересоваться. Что-то противоестественное было в этом роскошном пиршестве. Там, за невидимыми стенами, красные бандиты добивали последних за-

шитников Крыма, а здесь благородные рыцари пировали, защищенные от опасности, равнодушные к чужой беде...

Перед Ростиславом поставили высокий серебряный кубок, слуга вновь и вновь наполнял его, но Арцеулов пил мало. Вокруг шумели, Чезаре громко смеялся, бородачи охотно подхватывали, но, присмотревшись, Ростислав понял, что не один он не весел. Молодой Гонзальво сидел молча, поглядывая то на брата, то на гостя, глаза его были печальны, красивое лицо казалось расстерянным и хмурым. Что-то расстроило молодого рыцаря.

Внезапно разговоры стихли. Гости отложили острые ножи, которыми орудовали вместо вилок, музыканты спрятали инструменты. Дверь отворилась, и в залу неслышно вошла девушка в пышных турецких одеждах — невысокая, смуглая, похожая на пятнадцатилетнего мальчишку. При виде ее Чезаре усмехнулся, а младший брат сдвинул брови и отвел взгляд... Что-то крылось за всем этим, но гадать не имело смысла. Это была часть странной, непонятной жизни затерявшегося в веках разбойничьего замка...

Девушка взяла в руки цитру, села на лежавшие прямо на полу подушки, тронула пальцем струну. Тихий звук пронесся по залу, и девушка запела. На этот раз Ростислав не смог понять ни слова. Таинственная сила, позволяющая легко разбираться в незнакомой речи, почему-то не помогла. Впрочем, это было не так и важно. Грустный красивый голос рассказывал о чем-то далеком, недостижимом, ушедшем навсегда. Ростиславу почудилось, что он видит песчаный берег, белый город с высокими минаретами, узкие улицы, заполненные шумной толпой, верхушки зеленых пальм за высокими глухими стенами... Голос смолк, но цитра по-прежнему звучала. Музыка походила на легкий ветер, веющий над холодными волнами, навеки разлучившимися со всем, что было дорого, чему уже не вернуться никогда...

Певица молча встала, поклонилась и вышла, провожаемая одобрительными возгласами раскрасневшихся бородачей. Чезаре по-прежнему усмехался, но младший брат был серьезен, его красивое лицо казалось изваянным из холодного мрамора.

Пир был в самом разгаре. Слуги вносили все новые амфоры, посреди стола был водружен вылитый из белого сахара миниатюрный город, миглом разломанный на части жадными руками, когда старший ди Гуаско, взглянув на Ростислава, еле заметно кивнул. Арцеулов понял и, поклонившись присутствующим, вышел из зала.

Слуги помогли переодеться, несмотря на все его протесты — к подобному барству привыкнуть было трудно. Наконец его оставили одного. Арцеулов облегченно вздохнул: китель, фуражка, шинель, сапоги — он снова стал самим собой. Мешок он заки-

нул за плечи, револьвер привычно сунул в кобуру. Оружие показалось неожиданно тяжелым. Ростислав удивился: револьвер был заряжен. В замке ди Гуаско разбирались не только в арбалетах...

Чезаре ждал его на пороге. Младший брат стоял чуть поодаль, словно не решаясь подойти.

— Попрощайтесь! — Чернобородый, кивнув, шагнул дальше, к выходу.

— Счастливо вам, синьор! — Гонзальво грустно улыбнулся. — Поистине жаль, что нам так и не довелось поговорить. Возмите на память. Да хранит вас...

Не договорив, он быстро передал Арцеулову что-то маленькое, блеснувшее в свете факелов. Ростислав поблагодарил и протянул руку — пожатие младшего Гуаско оказалось крепким и резким...

Он уже повернулся, чтобы идти, но не удержался и украдкой взглянул на подарок. Иконка — маленькое серебряное изображение Мадонны. Что-то странное было в этом прощальном даре — словно Гонзальво хотел о чем-то предупредить, но так и не решился. «Да хранит вас...» Имени Творца в этих стенах не проносили...

Чернобородый вывел его не через ворота, а сквозь узкую потайную калитку в стене. Ростислав обернулся. Замок исчез, только развалины донжона темнели на фоне ночного неба...

— Лодка ждет, — ди Гуаско кивнул в сторону обрыва. — Спускайтесь, там есть ступеньки... Не люблю прощаний, синьор! Каким бы ни был ваш путь — идите до конца!..

Арцеулов повернулся, чтобы ответить, но вершина Чабан-Кермена была пуста, только ночной ветер шумел над старыми руинами...

ГЛАВА 9

ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА

Степа Косухин очнулся, открыл глаза и увидел ангелов. Крылатые младенцы летели по нарисованному небу, чему-то беспричинно улыбаясь. Огромная фреска расплзлась по всему потолку, захватывая своими голубыми разводами верхнюю часть стен до самых оконных проемов. Он лежал на койке, укрытый неправдоподобно чистой простыней, слева была тумбочка, а дальше — долгие ряды кроватей. Рука скользнула по толстому слою бинта на лице. Значит, он снова уцелел. Ударь осколок чуть посильнее, ангелы, которых Степа теперь рассматривал, могли быть и настоящими.

...18 марта 1921 года штурмовые колонны вступили на невер-

ный весенний лед. Впереди, за туманной дымкой, был Кронштадт. Красные знамена развевались над колоннами, и такие же красные флаги полоскал холодный ветер над фортами крепости. Свои шли против своих, но на пятом году Смуты это уже не могло удивить.

Делегат X съезда РКП(б) Степан Иванович Косухин шел впереди своего полка. Было страшно — не только из-за шевелящегося под ногами льда и кронштадтских пушек. Куда опасней была пуля в спину. Полк, в который Степу назначили перед самым штурмом, чуть было не переметнулся к восставшим. Каждого десятого расстреляли, но и уцелевшим верить было нельзя. За густой цепью бойцов шла другая: заградительный отряд был готов уложить на месте малодушных.

Перед штурмом, на совещании у товарища Тухачевского, среди знакомых и незнакомых лиц Степа вновь увидел Венцлава. Именно Особый полк, бывший 305-й, получил приказ организовать заградительный огонь. Товарищ Венцлав заметил Косухина, кивнул, красные губы дернулись в короткой усмешке...

Кронштадта Степа так и не увидел. Серый контур бастиона еще только начинал вырисовываться из утренней мглы, когда ударили пушки, длинными очередями заговорили крупнокалиберные пулеметы, и Степа упал лицом в рыхлый мокрый снег.

Итак, жизнь продолжалась. Ангелочки разъяснились быстро — Косухина поместили в один из питерских госпиталей. Ранение в голову от случайного осколка не было опасным, и врачи обещали продержат его не больше недели. А вот что дальше — загадка, и решать такие загадки красному командиру с каждым разом хотелось все меньше. Прошлой весной он спешил, боясь не успеть, но на его век вполне хватило и войны, и многого, многого другого...

...Венцлав, встретивший его в канцелярии Псковской тюрьмы, был немногословен, сообщив, что имеет приказ доставить Косухина в Столицу. Всю дорогу они почти не разговаривали. Краснолицый о чем-то размышлял, а Степа, стараясь не думать о своем страшном спутнике, вновь и вновь повторял то, что надлежит сказать в Сиббюро. Беспокоило одно: как бы командир 305-го не пристрелил его «при попытке к бегству». Но — обошлось.

Прибыв в Столицу, Косухин хотел ехать прямо в ЦК, но Венцлав отвез его в военный наркомат. Степа обрадовался — появился шанс повидать товарища Троцкого. Но Лев Революции был на Южном фронте, а больше ни с кем разговаривать Косухин не собирался. Венцлав провел его в кабинет на втором

этаже, усадил за стол и достал из сейфа кожаную папку, велел прочитать и расписаться.

Бумаги оказались с грифом «Совершенно секретно». Такого Косухин начался вволю, но первый же документ заставил его побледнеть. Это было секретное письмо ЦК с длинным названием: «Перспективы Мировой Революции и особенности развития революционного процесса в странах зарубежной Азии». Как выяснил Степа, очаг Мировой Революции перемещается в Тибет, конкретно же — в бывший монастырь Шекар-Гомп. Там было и о восстании угнетенных китайскими феодалами бхотов, и об оказании помощи Тибетской Трудовой Коммуне, для чего из Столицы направлялась «группа ответственных работников ЦК», и, главное, о создании в бывшем оплоте мракобесия научного института «ввиду его особой ценности для дела пролетариата». Под письмом стояла подпись товарища Троцкого.

Вторая бумага была копией решения секретариата ЦК «Об осуждении практики злоупотребления некоторыми видами научных работ». Косухин узнал, что еще в июне 18-го была создана специальная лаборатория под руководством заместителя председателя ВЧК товарища Кедрова по использованию достижений медицины в целях оказания помощи красному фронту. Некоторые предложения лаборатории Кедрова оказались полезны, и ЦК их приветствовал. Но некоторые строго осуждал. Среди них и «стимулирование индивидуумов с пониженным жизненным тонусом», а также неких «объектов с измененной биологией». Эта научная белиберда не расшифровывалась, но далее было сказано, что из «индивидуумов» и «существ», нечувствительных к ранам и боли, формировались особые части, в том числе 305-й стрелковый полк. Все эти опыты ЦК на будущее «строжайше запрещал». Под бумагой расписался член политбюро товарищ Каменев.

Третью бумагу Степа читал уже без всякого удивления. Это был приказ «О принятии мер по проекту «Мономах». Мелькнули знакомые фамилии: Богораз, Ирман, Берг... Приказ издал заместитель Троцкого товарищ Склянский.

Косухин внимательно перечитал документы, поставил подпись в том, что ознакомился и обязуется хранить все прочитанное в полнейшей тайне, и молча отдал папку краснолицему. Тот запер ее в сейфе, поинтересовавшись, имеются ли у товарища Косухина вопросы. Вопросы имелись — хотя бы о том, кто таков сам товарищ Венцлав, — но спрашивать Степа ничего не стал. Главное ясно: товарищам в ЦК обо всем известно, а он, Косухин, отныне обязан молчать. Выходит, зря он спешил через полмира! Интересно, кем его тут считают, дураком или изменником?

Венцлав, удовлетворенно кивнув, сообщил, что «вопрос» можно считать исчерпанным. «Вопрос», как пояснил красноли-

ций, состоял в том, что «товарищи из ЦК» сочли возможным закрыть глаза на поведение представителя Сиббюро, вызванное молодостью, отсутствием опыта и политической наивностью. Значит, сочли дураком. Дурака простили, как прощают нашкодившего щенка...

Напоследок Венцлав заметил, что им, вероятно, еще придется встретиться. Косухин насторожился, но голос командира 305-го был самым обычным и ничего не выражал, кроме уверенности, что двум красным командирам неизбежно выйдет встреча где-нибудь на одном из фронтов.

Вслед за этим наступили будни. Степа отчитался в Сиббюро, выслушал поздравления, получил обратно партийный билет и орден и был тут же направлен на Южный фронт. Стойкому большевику товарищу Косухину, геройски проявившему себя при освобождении Сибири от белых гадов, поручалось командование только что сформированным 256-м полком. Южный фронт Степа прошел без единой царапины. Его другу-приятелю Кольке Лунину, с которым очень хотелось увидеться и поговорить, повезло меньше. Не успел он со своей Стальной имени Баварского пролетариата дивизией прибыть с Польского фронта, как его скосил тиф, и молодого комиссара отправили в Столицу — лечиться. Они увиделись только в декабре, когда Степу вызвали на расширенный пленум ЦК по военным вопросам.

Разгоряченный крымской победой, Косухин был уверен, что речь пойдет о новом походе в Европу, но услышал совсем другое. От тайги до британских морей лютая гидра контрреволюции была разбита, но враги упорно не хотели сдаваться. Это было не ново, да только враги оказались какими-то не такими. Он и раньше не встречал среди белой сволочи толстопузых капиталистов и помещиков-крепостников. Попадались в основном мобилизованные и, естественно, дураки-интеллигенты, вроде начитавшегося книжек Славки Арцеулова. Таких теперь было даже жалко, особенно после Перекопа и того, что устроил Юра Пятаков со сдавшимися офицерами. Но на пленуме речь шла об ином. Несознательное крестьянство собиралось в банды, тревожные вести шли из Таврии, где гулял Махно, из Западной Сибири и даже из Тамбова, откуда рукой подать до Красной Столицы. Вдобавок забузили рабочие, требуя многопартийных Советов. Вот этого Косухин никак не ожидал и в душе даже ужаснулся, но вскоре понял, что возможны вещи и пострашнее. В начале марта восстал Балтийский флот....

Косухин не поверил в белогвардейские козни и предателей-спецов, заваривших кашу в Кронштадте. Дело было проще: братва-клешники не могли дожидаться демобилизации и начали шуметь. Но почему они требовали отменить продразверстку и разогнать оплот революции — ВЧК? Куда занесло тех, кто брал Зимний и атаковал «кадетов» в полный рост?

Рассуждать было поздно. «Братишки» под красным флагом становились страшнее Деникина, и Степа без колебаний ступил на мартовский лед. Но на душе было холодно. Революционный праздник кончился...

Теперь можно было отдохнуть. Госпитальный паек оказался жидок, но пролетариат революционного Петрограда не поскупился для раненых командиров. Степа не только наелся селедки, но и попробовал совершенно буржуйского вида плоды под названием «апельсины». Рана быстро заживала, и уже на третий день Косухину стало скучно. Вволю наговорившись с братвой, он взялся за газеты. «Правда» сообщала об отмене продразверстки, а «Известия» — о мире с поляками. И то и другое подтверждало: с Мировой Революцией что-то не ладится. Значит, грядут перемены...

На пятый день, когда Косухин уже подумывал о том, чтобы сбежать, в госпитале внезапно началась суета. Набежал перепуганный персонал, вдоль дверей выстроились крепкие ребята в кожаных куртках, откуда-то появились вазы с цветами и даже чудом уцелевший ковер. Двери палаты растворились, охранники в куртках застыли словно каменные, и появился Лев Революции товарищ Троцкий. На нем была такая же кожаная куртка, короткая бородака вызывающе торчала вперед, а на носу сверкали известные всей стране очки в простой железной оправе.

Предреввоенсовета властно поднял руку, отчеканил: «Слава героям Кронштадта!» — и начал быстро обходить палату. С тем же невозмутимым, надчеловеческим спокойствием он здоровался с ранеными, осведомлялся о самочувствии и поздравлял с победой. Возле койки Косухина он задержался чуть дольше. Ледяные стекла очков блеснули. Лев Революции улыбнулся, пожал Степе руку и кивнул адъютанту. Секунда — и на ладони Косухина оказалась небольшая бордовая коробочка. Очки вновь сверкнули, грянул железный голос:

— Революция гордится вами, товарищ Косухин! Поздравляю!

Следовало отвечать. Впрочем, особых вариантов не было:

— Служу мировому пролетариату, товарищ Председатель Реввоенсовета!

Внезапно холодная маска исчезла. Улыбка на какой-то миг стала похожа на нормальную, человеческую:

— Выздоровливайте, Степан Иванович. Очень рад, что вы живы!

Новое рукопожатие — и Красный Лев уже разговаривал со Степиным соседом. Косухин раскрыл коробочку: на белом

шелке тускло блеснул металл. Орден Боевого Красного Знамени РСФСР — второй...

Конечно, о том, чтобы побеседовать с Председателем Реввоенсовета, и речи быть не могло. Лев Революции спешил, как всегда загруженный невероятной массой забот. В последний раз они встречались в перерыве съезда. Косухин был среди тех, кто яростно защищал Троцкого от нападок всякой штатской мелочи — Сокольников, Коллонтай и прочих, пороха не нюхавших. Тогда Троцкий не казался каменной статуей — он весело шутил, вспоминал 19-й год и даже припомнил, как вручал Степе орден за бои против Каппеля. В тот день Косухина так и тянуло спросить Льва Революции о Шекаре-Гомпе. Но железная партийная дисциплина так и не позволила ему раскрыть рот...

Ордена кроме Косухина получили еще трое — Революция не жалела наград героям Кронштадта. Странно, но Степа не ощущал радости. Мятежников следовало уничтожить, однако славы в этом не было никакой. Красные шли против красных, и Боевое Красное Знамя тут явно лишнее.

Троцкий исчез так же внезапно, как и появился. Следом за ним испарились ковер, вазы с цветами и «кожаная» охрана. Оцепнение прошло, молодые командиры зашумели, откуда-то вынырнула бутылка спирта, и от орденоносцев стали требовать немедленного обмывания наград — дабы блистали и лучше носились.

Степа сбежал, захватив кисет с махоркой, и пристроился на черной лестнице, подальше от гудящих возбуждением палат. Здесь можно было не тратить силы на ненужные улыбки и разговоры. Он аккуратно свернул «козью ногу» и стал бездумно глядеть в темный колодец двора за окном.

— Да вот же он, Косухин! — Сосед по палате появился внезапно, и Степа чуть не выронил самокрутку. — Товарищ комполка, к вам гости!

Косухин подумал было о Кольке Луние, но тут же сообразил, что тот еще не встал после тифа. А больше ждать некого, разве что Венцлава.

— Это... пусть сюда идет!..

— Так точно...

По лестнице простучали сапоги. Косухин на миг отвернулся к окну, собираясь с силами, бросил окурочек и резко обернулся. Если это Венцлав...

— Здравия желаю, ваше красное высокоблагородие!

Перед ним стоял Арцеулов. Степа подавился воздухом, еле сдержался, чтобы не зайти в кашле, и наконец окаменел. Проклятый беляк улыбался, явно любуясь зрелищем израненного большевика. Выглядел Ростислав превосходно. В добротной шинели, новеньких яловых сапогах и краснозвездной фуражке он походил на военспеца из крупного штаба.

— Ты... это... почему высокоблагородие?

На большее Степу не хватило. Арцеулов рассмеялся и хлопнул пламенного большевика по плечу:

— Потому что вы теперь комполка, чудило необразованное!

— Славка! Чердынь твою...

Тут только до Косухина дошло. Ростислав жив, здоровехонек и в России. Он схватил проклятого беляка за плечи, но сдержался, выпрямился, расправил больничный халат:

— Ну, здравствуй, стало быть... Ты чего, Ростислав, в Красной Армии?

Более глупого вопроса придумать было нельзя. Белый гад вновь залился таким искренним смехом, что Степе даже стало завидно.

— Чего хохочешь, недорезанный?

— Ну, Косухин!.. Нет, Степан, я не вступал в РККА. Я вообще не Арцеулов. Разрешите отрекомендоваться: Ростислав Коваленко, заместитель начальника снабжения Киевского укрепления. Нахожусь в отпуске по ранению...

— Шпион, значит!.. — обреченно вздохнул Степа.

Беляк явно хотел смеяться дальше, но взглянул на совсем растерявшегося Косухина и передумал:

— Я не шпион, Степан. На кого мне шпионить? Я, конечно, мог полчаса назад пристрелить вашего Бронштейна, только зачем? Вы же его сами и съедите, без всякой посторонней помощи...

Раньше бы Степа не преминул дать отпор подобному глумлению, но теперь проявил слабость и смолчал.

— Я ведь читал, что творилось на вашем сонмище. Напрасно защищали Лейбу! Он был нужен год назад, а сейчас настало время иных...

И вновь Косухин отмолчался, вспомнив свою речь на съезде — искреннюю, горячую, но, как он и сам понимал, совершенно наивную. С ними, фронтовиками, победителями белой гидры, как-то очень быстро перестали считаться.

— Ну это, ладно, Ростислав... Коваленко — так Коваленко, какая разница!.. Как ты из Крыма... это... уехал?

В глазах Арцеулова блеснул злой огонек. Оба они подумали об одном и том же. В ноябре Фрунзе обещал амнистию — и теперь черноморские рыбы жирели на даровом корме.

— Вашими молитвами, Степан. Вовремя предупредили, чтобы не верил большевистским сиренам... Я отплыл на шаланде, которой командовал суший разбойник с морской фамилией Ставриди. Он довез до Одессы и предложил на выбор целых три «ксивы» — если я точно освоил ваш новый язык. Я выбрал документы Коваленко — чтобы к чужому имени не привыкать. Зиму поездил, а теперь решил вас навестить. Ведь у нас с вами есть дело...

— Ты о чем это?

Вопрос был лишним. Степа сразу понял, о каком деле говорит беляк.

— Как я понял, вы никого не видели и ни с кем не разговаривали?

Косухин покачал головой.

— И о вашем брате — ничего?

— Ничего...

Арцеулов на миг задумался.

— Степан, может, не стоит вас снова втравливать? Все наладилось, комиссары от вас в восторге. Вот и второй орден. Кстати, поздравляю.

— Глумишься, кадет?

Косухин вновь вздохнул, чувствуя, что не в силах дать отпор очередной вражеской провокации. Арцеулов недобро усмехнулся:

— Поздравляю вполне искренно. Насколько я помню, именно кронштадтцы штурмовали Зимний. Революция — свинья, пожирающая своих детей. Помните? Это лишь начало. Но, если хотите, я исчезну...

Косухин ответил не сразу. Если он сейчас скажет «нет», Ростислав будет действовать один, сложит свою дурную интеллигентскую голову, а он, Степка Косухин, благополучно дотянет до персонального кабинета и до кирпичной стенки, где его добьют прикладами мордатые ребята...

— Я... это... бумаги читал. Секретные... Мол, Венцлав и все такое... научные опыты, чердынь-калуга...

Арцеулов кивнул:

— Помнится, вы уже делились этой версией. Значит, все-таки поверили?

— Нет... — Слово далось тяжело, но дальше пошло намного легче. — Врут, чердынь-калуга! Вернее, вокруг ходят, но правды не говорят. Но ведь как подступиться? Вон думал с товарищем Троцким потолковать...

Степа безнадежно махнул рукой.

— И хорошо, что промолчали. Эту крепость в лоб брать нельзя. С Лейбой говорить опасно, с остальными — тоже, в Шекар-Гомп нам больше не сунуться. Что остается?

Косухин уже знал ответ. Там, во Франции, он уже держал в руках ниточку.

— Берг... Который Наташин дядя... Только ведь он в Париже!

— Берг в России, Степан. В Столице...

Голос беляка был спокоен и решителен, словно у командующего перед генеральной битвой. И Косухин поневоле позавидовал этому спокойствию и этой решимости.

— Вы должны получить отпуск после ранения. Если хотите, встретимся у вашего Лунина. Он передает вам привет, естест-

венно, пламенный и коммунистический. Серьезный молодой человек...

Косухин кивнул. Колька Лунин был действительно серьезным парнем. Значит, беляк и там успел побывать?

— Ты, Ростислав, у него каменюку забрал? Которую мы в Безбаховке нашли?

— Она у него? — удивился Арцеулов. — Нет, он же не знает, кто я. Самое интересное, таблички тоже там. Я просил сохранить, пока не вернусь.

— Ага, — вспомнил Степа. — Прочитал?

— Нет. Но пытаюсь. Ну, выздоравливайте, красный командир. И учтите, вас ждут сюрпризы. Некоторые приготовил я. А вот других опасайтесь...

Арцеулов улыбнулся, пожал Косухину руку и оставил одного у темнеющего окна. Странно, но неожиданная встреча ошеломила Степу лишь поначалу. Наверно, он был уже давно готов к этому.

Через два дня Косухин, получив свои документы и месячный отпуск, уже оформлял билет в Столицу, когда в последний момент мальчишка-курьер разыскал его и вручил телеграмму. Товарищу Косухину предписывалось немедленно явиться в ЦК.

Степа тут же вспомнил о сюрпризах. Этот подготовил явно не интеллигент Арцеулов. Мелькнула мыслишка выправить бумаги на имя какого-нибудь Степана Иваненко и использовать свой немалый опыт конспиративной работы. Но он знал — бесполезно. Найдут — из-под земли достанут. В конце концов, перед партией он чист, прощен и вроде как даже отмечен...

Прямо с Петроградского вокзала Косухин направился на Старую площадь. Дежурный, полистав списки, назвал номер кабинета и выписал пропуск. О том, чей это кабинет, Степа спросить не решился. Найдя нужную дверь и постучав, он услышал басовитое: «Входи!» Голос показался знакомым, и Косухин почти не удивился, увидев за столом грандиозную фигуру чудобогатыря революции — незабвенного Прова Самсоновича.

— Ну, здоров, здоров, товарищ Косухин! — Чудов даже встал со стула, вернее — с нескольких подушек, позволявших ему доставать до поверхности стола. — Давно, давно не видел! Ну, проходи!

Товарищ Чудов был столь же квадратен, даже, пожалуй, набрал за этот год мощи, дабы в полной силе противостоять белым гадам и прочим недобиткам. Могучая длань долго жала Степину руку. Внутри Прова Самсоновича что-то клокотало, булькало, словно революционная энергия, не найдя должного применения, просилась наружу.

— Ну, покажись, покажись! Молодец! Орден, стало быть, — это хорошо, хорошо...

Косухин слушал столпа сибирского большевизма с невозможным видом. «Клоп» — вспомнилось словечко злоязыкого Арцеулова. Степа вдруг понял, что дело не во внешнем сходстве. Товарищ Чудов тоже мастак пить чужую кровь...

Пров Самсонович продолжал греметь, но Степа слушал уже вполуха. О его делах Чудов, прибывший в Столицу совсем недавно, узнал из бумаг Сиббюро, а значит, не ведал ни черта. Пусть булькает!

— Здорово, здорово ты белых гадов обставил! Не дал им над пролетарской костью глумиться! Аж в Индию забрался — ну, молодец! Будешь у нас по индийскому пролетариату первым специалистом...

Косухин еле сдержался, чтобы не улыбнуться, представив себя на площади в Дели агитирующим за Мировую Революцию, — и тут же поймал себя на мысли, что совсем недавно подобное вовсе не казалось забавным, напротив...

— А пока у партии для тебя другое задание есть. Наиважнейшее...

Степа насторожился. С каких это пор товарищ Чудов начал распоряжаться кадрами Реввоенсовета?

— В Сибирь тебе вертаться надо, товарищ Косухин. Лютуют там недорезанные, пьют кровь рабочую! А наш брат ослабел. Компромиссы всякие гнилые поразводили! В общем, собирайся. Завтра с утра на вокзал, перебросим тебя под Благовещенск. Будешь ты, Степан, главным над всеми отрядами в Забайкалье. Считаю, фронтом покомандуешь. Ну чего, рад?

Должен ли он, Степа Косухин, радоваться? Назначение завидное, что и говорить! Но в словах Чудова почудилось нечто странное. «Компромиссы» — не загадка. Иркутские большевики стеной встали против товарищей из Приморья, выступивших за создание Дальневосточной республики. Еще на съезде слышал Косухин, что мечтает Пров Самсонович схарчить дальневосточного вождя товарища Краснощекова, а значит, нужен он, Степа, вроде как таран против несогласных. Но вот «с утра на вокзал»... Даже в 19-м, когда на колчаковских фронтах жарко было, людей с порога да с бухты-барахты во вражий тыл не направляли! С чего это Клоп так забежал? Сам спешит — или приказали?

Встал Степа, ремни оправил, улыбнулся радостно:

— Ну, товарищ Чудов, спасибо! Уважили, чердын-калуга, а то боялся, что от безделья помру!..

— Точно, точно! — расцвел Клоп. — Нечего тебе, товарищ Косухин, по штабам ошиваться! В бой, за дело пролетарятам!

— Ага! — Степа хотел вновь улыбнуться, еще пошире, но передумал. Этак можно и переборщить.

— Пойду вещички соберу. Мечтаю, чердынъ-калуга, с белыми до конца рассчитаться! С товарищем Краснощековым мы их быстро пощелкаем!

Усмешка на физиономии Прова Самсоновича разом увяла, и Косухин сообразил, что попал аккурат в точку.

— Я как на съезде про республику Дальневосточную услышал, так понял — нашенское это дело! Ведь товарищ Ленин как сказал? Надобно нам республику эту иметь...

Минут пять Степа восторженно пояснял скисшему Чудову партийную мудрость, выразившуюся в создании ДВР — буфера на советском Дальнем Востоке. Под конец он еще раз упомянул Краснощекова — для верности.

— Пишите, товарищ Чудов, мандат! — самым решительным тоном заключил он. — Правда, у меня отпуск по ранению... Да ну его, этот отпуск!..

От товарища Прова Самсоновича шел пар. Вождь сибирского пролетариата клокотал и бурлил, и Степа испугался, что даже мощная натура Чудова не выдержит — разлетится на части.

— Ты это, товарищ Косухин, не поспевай пока, не поспевай!.. — прогудело паровой сиреной из-за стола. — Я ж забыл, ранетый ты на льду кронштадтском! Негоже тебе прямо к госпиталя — да в бой...

Косухин браво махнул рукой, изображая презрение к медицине, но товарищ Чудов был непреклонен:

— Не прав я, Степан! Ошибся! Отдых тебе положен. Там ведь морозы знаешь какие? Так что не поспевай, здоровье береги. А я тебя вызову...

Степа не выдержал — хмыкнул. Хороши морозы, если впереди лето! Плохо совсем у Прова Самсоновича с воображением!..

Из кабинета Косухин вышел с пожеланием не спешить и как следует подлечиться. О завтрашнем поезде не было сказано ни слова.

На улице Степа ловко прицепился к переполненному трамваю и медленно покотил на Пречистенку, где квартировал Колька Лунин. Разговор с Клопом повеселил — и одновременно встревожил. Сюрпризы начались, его хотят срочно услатить из Столицы, да подальше. Не угодил кому? Или... Зря, что ли, господин Берг в Столице объявился?

Колька Лунин год назад получил комнату в большой буржуйской квартире. Прежнего хозяина замела ВЧК, а квартиру заселил трудовой элемент, поразвесивший всюду бельевые веревки и пропитавший прежнюю обитель эксплуататора запахом лука и карболки. Пройдя на ощупь по полутемному коридору, Степа отсчитал нужную дверь и постучал.

— Заходите, товарищ, не заперто!

Колька лежал на кушетке и читал толстую книгу, не иначе «Капитал» товарища Маркса. Лунин был худ как щепка, на голове ежиком торчали подросшие после тифа волосы, но голубые глаза смотрели весело.

— Заходи, Степа! Чаю наливай. Вон на столе — горячий!

Лунин всегда называл Степу полным именем. Он и вправду был серьезен не по годам.

Косухин бросил вещи в угол и подсел к столу, где в пузатом чайнике дымился свежий морковный чай. Колька чуть заметно поморщился, привстал и поудобнее уселся, опираясь на локоть.

— Извиняй! Пока не хожу — ползаю... Ну чего, разбил гидру? Хреново было?

— Куда уж, чердынь-калуга! — вздохнул Степа. — Они ж, понимаешь, Колька, под красным флагом...

— Главного не видишь, Степа! — перебил Лунин. — Флаг — это ладно. Но ведь они чего хотели? Власти Советов, прекращения войны, отмены «чрезвычайек» — как и мы в 17-м. А их — пушками! Смекаешь?

— Смекаю... — вспомнились слова белого гада Арцеулова. — Чего ж это будет, Колька?

— Плохо будет... Ладно, раскисать не стоит. Я спирту достал — вечером отметим. Не орден, а что жив остался. Твой приятель обещался быть...

— Ростислав? — Косухин вздрогнул.

— Он. Товарищ Коваленко. Так, значит, ты с ним на Южном фронте познакомился?

— На Южном фронте. Ну, под Александровском... — брякнул Степа и умолк под насмешливым взглядом Лунина.

— Ты вот чего, Степа. Я тебя давно знаю. Ты — партиец проверенный, да и мы с тобой вроде как друзья-приятели. Так что, прежде чем я тебя в ВЧК сдам, давай-ка разберемся...

Почему-то Косухин не испугался. Ему лишь стало неловко, что сразу не сказал другу правды.

— Поправишь, если не туда сверну. Весной мы с тобой виделись, и ты сказал, что объявился у тебя новый знакомый — Арцеулов Ростислав, причем из «бывших». Дал ты ему мой адрес, чтоб не потеряться. И вот приезжает ко мне такой умный да воспитанный, что белой костью за версту разит. И тоже Ростислав, да только Коваленко...

Степе оставалось мысленно ругать последними словами белого гада Славку, думавшего обмануть всех своей «ксивой».

— То, что «товарищ Коваленко» даже в званиях наших не разбирается, я сразу понял. Да не это главное. Твой Арцеулов — личность известная, в списке он особо опасных беляков, что в розыске состоят. Причем оба вы из Сибири приехали. Вот я и думаю: или вас на Лубянку сдать, как недобитую контру, или я что-то крупно не понимаю. А если не понимаю — объясни...

Косухин растерянно молчал. Его не удивило, что Колька всерьез думает сдать его в ЧК. Странно, что он до сих пор этого не сделал...

— Так чего это вы с беляком этим задумали?

Рассказать? Но поверит ли Колька? Косухин представил себя на его месте. Он спрашивает про белого офицера с фальшивыми документами, а в ответ слышит про эфирные полеты, оборотня Венцлава и тибетский монастырь.

— Крепко ты запутался, Степан! — кивнул Лунин, разливая по кружкам остаток чая. — Пей, пока горячий... Ладно, тогда слушай сюда. Сдал бы я тебя, не пожалел, да только смекнул, что не все так просто. Мне в военном отделе ЦК показывали рапорт товарища Волкова. Всеслав Игоревич Волков, партийная кличка Венцлав. Знаешь такого?

— Знаю...

Этого Степа не ожидал. Хотя почему бы и нет? Колька Лунин накоротке со многими товарищами со Старой площади. Поговаривали, что еще весной его хотели взять на работу в секретариат, но молодой комиссар попросился на фронт.

— Товарищ Волков докладывал об операции «Мономах». Говорит тебе это что-нибудь?

Косухин кивнул.

— Значит, не ошибся... Там сказано, что по его приказу какой-то представитель Сиббюро прибыл в Китай на полигон Челкель и обеспечил успешный запуск эфирной ракеты. Затем этот представитель попал в плен, но бежал, оказался в Индии...

Степа горько усмехнулся. Вот как все лихо повернулось!

— Затем я читал бумаги по Тибетской Трудовой Коммуне. Знаешь, где это? Вижу, знаешь! А я полчаса по карте ползал. Как я понял, наши товарищи там малость подгадили, но тот же представитель Сиббюро навел порядок...

Выходило что-то непонятное. Сперва его хотели прикончить, а теперь представляют чуть ли не героем! Зачем? Впрочем, ясно. Выгораживает себя краснолицый, чтобы под партийное постановление не попасть! А его, Степу, решили пока не трогать. То ли как свидетеля, то ли как заложника. Небось узнали, кто такой полковник Лебедев! Вот и прячут подальше — в тайгу под Благовещенском...

— Среди разыскиваемых по делу «Мономаха» упоминается капитан Арцеулов. Из Индии никто кроме тебя из работников Сиббюро не возвращался... Что я должен был подумать?

— И что ты подумал? — вздохнул Косухин.

— Что ты со своим Арцеуловым выполняешь особое задание. Между прочим, месяц назад у Вождя было совещание по эфирным полетам. Создается группа во главе с товарищем Цандером. Знаешь такого?

О Цандере Степа не слыхал. Но не зря же в Столице так интересовались «Мономахом»! Выходит, работы уже начались, Карл Берг не зря вернулся в Россию... Он нерешительно поглядел на друга. Особое задание! Если бы...

— Колька, ты это... — Проклятые слова не шли на язык. — В общем, Волков... Венцлав... врет! Все врет! У него был другой приказ — не допустить запуска «Мономаха». Понимаешь?

— Нет, пока не понимаю. Если считаешь нужным — разъясни!..

Объяснение затянулось. Лунин требовал ясности, а вот этого как раз не хватало. К счастью, Колька читал те же бумаги, что и Косухин, — о «Мономахе», о Коммуне на Тибете, об «измененной биологии». Но все равно, история выходила очень странная.

— Понял, — наконец кивнул Лунин и неторопливо стал свертывать самокрутку. — Значит, ты решил, Степан, что в Центральном Комитете действует вражеская группа...

Колька всегда называл кошку — кошкой.

— ...И эта группа преследует какие-то свои цели, используя новейшие научные исследования. Заодно они обманывают партию — попросту врут...

Лунин затаился, резко выдохнул дым.

— Многое неясно, Степан. С такими данными я бы не пошел наверх. Мало доказательств. Если это правда, Венцлав просто станет козлом отпущения. А тех, в Шекар-Гомпе, и так уже осудили. Выходит, концы в воду?

— И я так думаю, — согласился Степа. — Потому и Берга найти надо...

— А если не найдешь? Если его хорошо охраняют? Давай-ка прикинем...

Лунин порылся под кушеткой и достал пачку нарезанной обойной бумаги и карандаш.

— Что мы о них знаем? Гольдина похоронили два года назад. Даже если это он, доказать будет трудно, а Берг человек посторонний. Такой группой должен руководить кто-то из своих...

— Приказ по Шекар-Гомпу подписывал товарищ Троцкий. А по «Мономаху» — Скланский, его заместитель, — выговорил Степа, тут же испугавшись сказанного.

— Страшно? — понял его Лунин. — Мне, признаться, тоже. Вроде так и выходит. Только завыка есть...

Лунин нахмурился и потушил самокрутку в большой жестяной банке из-под монпансье.

— Слишком гладко получается. Венцлав — командир полка, а значит, из ведомства товарища Троцкого. Документы тоже подписали Троцкий и Скланский. Смекаешь? Случись что — кто в ответе?..

Лунин замолчал и начал постукивать пальцами по столу — верный знак, что молодой комиссар о чем-то серьезном задумался.

— Вот чего. Не пожалею-ка я здоровья, съезжу завтра кой-куда. Очень интересно, кто направил Венцлава в Сибирь? Ведь Сиббюро, Степан, не в ведомстве Троцкого, правда? И еще... Приказ по «Мономаху» помнишь?

Косухин кивнул. Выходило нечто непонятное. В приказе Склянского не сказано об уничтожении программы. Требовалось лишь взять работы под контроль.

— Вот я и сообразил. Не совпадает! Кроме того — когда, говоришь, ракета, ну...

— Стартовала, — подсказал Косухин, — 20 января...

...Холодная зимняя степь, рыжие холмы, неровная цепочка китайских траншей. И — гром, ударивший ровно в полдень...

— А вот приказ, Степан, подписан в феврале. Разумеешь?

Степа вскинулся:

— Задним числом, чердынь-калуга? Да зачем?

— Вот я и думаю — зачем? Не для того ли, чтоб товарищ Склянский на нем расписался? В общем, проверю. А ты, Степан, подумай. Может, еще чего вспомнишь? Кстати, а твой Ростислав с какой радости всем этим занялся?

Ответить на это было нелегко. Ясное дело, не из дружеских чувств к первому государству трудящихся. Проклятый беляк видел в этом какую-то тайну, чуть ли не секрет того, что случилось в победном Октябре.

Лунин, выслушав не особо внятные Степины пояснения, пожал плечами:

— Никак и вправду контуженый! Давеча деревяшки с буквами показывал. Он их тоже, что ли, к делу приспособить решил?

Вот незадача! Степа и сам не очень-то понимал странные занятия Арцеулова. Образованный вроде мужик, книг начитался...

— Интеллигент! — только и мог ответить Косухин. — Думает, чердынь-калуга, что те вражины используют какие-то древние, ну, артефакты...

Пришлось объяснять Лунину значение этого слова.

— Понял, — наконец кивнул Колька. — То ли контуженый, то ли и вправду умен этот твой интеллигент... Ладно, заболтались. Надо картошку сварить, товарищ орденоносец. Не голимый же спирт потреблять!

За чистку картофеля принялись вдвоем. Косухин не стал бы заниматься подобным никчемным делом, сварив ценный продукт по-пролетарски, в мундире, но дотошный Колька прочитал в «Красной газете», что варить картофель подобным образом небезопасно для здоровья. Впрочем, в два ножа дело шло быстро.

Лунин, словно забыв обо всем только что говоренном, принялся рассуждать на свою любимую тему — о перспективах победы социалистической революции в оплоте мирового капитала — Северо-Американских Соединенных Штатах. Перспективы эти казались весьма близкими. Косухин слушал плохо. Не то чтобы проблемы американских братьев по классу были от него далеки. Но из головы не выходили слова Кольки: «Может, еще чего вспомнишь?» Что он мог еще вспомнить? Анубиса? Умирающего парня с напрочь оторванной челюстью?.. Или того, сладкоголосого?

Точно! Степу даже передернуло. Их разговор он помнил от слова до слова. Большевики борются не с гидрой капитализма, а со смертью, значит, нужен Венцлав с его 305-м полком, серые оборотни — и Шекар-Гомп. И еще... Смерть — это чей-то дар, но не Бога. Бога, по утверждению сладкоголосого, нет... Жаль, что он не присмотрелся к этому умнику еще на Челкеле, когда самозванный Руководитель Проекта предъявлял фальшивое письмо Колчака! Правда, на нем были авиационные очки, и вообще, лицо у него какое-то странное. А Наташе этот певун обещал, что «большевистский эксперимент» скоро кончится...

...Но ведь не врал! Степа только что вернулся из Кронштадта. Там и вправду все кончилось — каратели добивали восставших краснофлотцев...

Между тем Лунин, разделавшись с картошкой, занялся примусом. Дело было тонкое, деликатное, и Косухин мог лишь со стороны наблюдать за этой процедурой.

— И все-таки они лопнут! — убежденно заявил Колька, когда примус загудел, а кастрюля была водружена на место.

— Ты о чем?

Сказанное могло относиться к чему угодно, например, к картофелинам.

— Империалисты американские. Точно лопнут! И знаешь, что их сгубит?

— Как чего? — удивился Степа. — Революция пролетарская, чердынь-калуга!

— Тут интересен повод. У нас война поспособствовала, так? А у них от войны буржуазии — одна прибыль. Их, Степан, борьба с водкой погубит!

— Чего-о? — Косухин наслушался всякого о причинах-поводах революции, но о подобном даже и не подозревал.

Лунин усмехнулся:

— Американцы — они к свободам буржуйским привыкли. А сейчас у них сенатор объявился — то ли Джонсон, то ли Парсон. Он, представляешь, предложил водку запретить. И — запретили!

— Ну дадут!

Такого от заокеанских буржуев Степа не ожидал. Интересно, пьющий ли Тэд?

— Ежели и вправду так пойдет, там такое начнется! Да никакая власть не устоит! У нас в феврале 17-го всех делов-то было, что вместо ржаного хлеба стали сайку продавать.

— Ты че, серьезно?

Историю Февральской революции Косухин представлял несколько иначе.

— Точно. Белого — завались, а ржаного не подвезли. И то народ не выдержал. Министры царские как нарочно сработали! А тут... Нет, шалишь, разнесут все Северо-Американские!..

Косухину почему-то стало неловко. Выходит, великие революции могут начинаться с подобной ерунды? Хотя, ежели подумать, не такая уж это ерунда. А главное, этакое очень легко «сработать». В нужный момент да умелыми руками...

— А Ростиславу твоему ничего говорить не станем, — совершенно нелогично резюмировал Колька. — Пусть думает, что его белая кость нашей пролетарской умнее! Он ведь как, Степан, не социально опасный? Бомбы в вождей кидать не будет?

— Не-а, — усмехнулся Косухин. — Бомбы — точно, чердынь-калуга, не будет!

ГЛАВА 10

ОСОБНЯК НА АРБАТЕ

Арцеулов шел по Собачьей Площадке мимо музыкального училища. Места были знакомые еще с довоенных времен. Правда, теперь это был совсем другой город. Дома, когда-то нарядные, давно просили ремонта; обшарпанные, облупленные стены пестрели дурацкими плакатами с красными чудо-богатырями и мордатými буржуями...

Стемнело. Самое время было ехать к комиссару Лунину, но бросать дело незавершенным не хотелось. Уж больно интересно все складывалось!

...Конспирации подполковник Арцеулов был не обучен и, решив остаться в Большевиэзии, сначала несколько растерялся. Оказавшись в Одессе и неожиданно став красным командиром, он совершенно не представлял, как эти самые красные командиры себя ведут. Ростислав подозревал, что надлежит всем «тыкать», держать ложку в кулаке и забыть про носовой платок. Говорить было вообще опасно — первое же «пожалуйста» могло привести аккурат в «чеку».

Все оказалось проще — и одновременно сложнее. Красные командиры изыском не отличались, но, странное дело, всячески старались подражать только что разбитой контре. Молодые

«краскомы» лихо козыряли, водили дам под ручку и даже говорили «мерси». Гвардейская выправка Ростислава оказалась как раз ко двору. На него смотрели не просто уважительно, но и с гордостью. Да, красные были не те, что в 18-м...

Военная форма вместе с документами сослужила хорошую службу и в другом отношении. Выяснилось, что можно ездить и жить в гостиницах совершенно бесплатно, а также получать немалый паек. Совдепия оказался не так уж и плохо. Не для всех — большинство жило скверно, но были и другие: штабные офицеры, функционеры РКП(б), всякого рода чиновный сброд. В большевистском сумасшествии чувствовалась своя логика, хорошо, впрочем, знакомая и понятная...

Адреса друзей Арцеулов помнил наизусть. Родня Ухтомского, жившая в Петербурге, сгинула еще в 18-м. Но оставались другие. Подполковник заехал в Харьков, обрадовав родителей штабс-капитана Пташникова. Бывший приват-доцент успел уехать из Крыма и теперь, как подозревал Ростислав, обживал полуостров Галлиполи. Другие встречи были не столь веселыми. В Столице он навестил семью ротного — Михаила Корфа. Его жена и двое детей мыкались в маленькой комнатухе. Все, что можно, уже было продано, жили впроголодь, и Арцеулов понял, что ждет в Совдепии «бывших». Сын Корфа, семилетний Володя, узнав, кто их гость, заявил, что обязательно отомстит за отца — вот только вырастет. При этом он грозно сжимал трофейный немецкий тесак, привезенный бароном с Юго-Западного фронта. Мальчик не шутил, и Ростиславу подумалось, что еще ничего не кончилось. Они погибли, но растет поколение мстителей. С братом покойного Андрея Орловского, худым тонкошеим подростком, тоже бедовавшим в Столице, поговорили уже всерьез, но подполковник не решился посвятить парня в свои дела.

Устроился Ростислав надежно — в общежитии командного состава на Якиманке, для верности оставив часть вещей у Лунина, который как раз вернулся из госпиталя. Оставалось ждать Степу, но тут Арцеулову впервые повезло. Прямо на Тверской, у «Националя», он нос к носу столкнулся с Петером Арвельтом, сослуживцем еще по Юго-Западному фронту. Тот был в штатском, но выглядел весьма довольным жизнью. Ростислав чуть было не решил, что его знакомый делает карьеру у большевиков, но все оказалось куда интереснее. Майор Арвельт работал в эстонской военной миссии, недавно приехавшей в Столицу. Эстляндец был очень рад встрече, тут же похвастав орденом, полученным за прошлогодние бои с красной сволочью.

Миссия имела свою собственную линию связи, и Ростислав отправил телеграмму в Париж. Ответ пришел быстро. Валюженич ругал за долгое молчание и просил сообщить адрес, чтобы

прислать письмо. Договорились, что он напишет в Ревель, родителям майора. Задержка была небольшой — письма в свободной от большевизма Европе ходили быстро.

И вот в кармане у Ростислава лежит большой запечатанный конверт. Он решил вскрыть его вместе с краснопузым, попозже. Это была удача, но Арцеулов повезло еще раз — и повезло настоящему. Началось все с очередного визита. Ростислав навестил Вадима Николаевича Говоруху, когда-то служившего вместе с ныне покойным отцом Арцеулова в Столичном отделеции Сената. Подполковник шел в знакомый дом не без опаски, зная, что бывшие чиновники считались лакомой добычей для ВЧК. Но господин Говоруха, как выяснилось, процветал. Ему удалось устроиться в «совслуже», кормить многочисленную семью и даже понемногу помогать кое-кому из бедствовавших знакомых. Обитал он в двух комнатах своей прежней квартиры, что по тем временам считалось явной роскошью.

Беседовать с жизнелюбивым «совслужем» было интересно, но противно. Арцеулов хотел уже откланяться, но тут Вадим Николаевич упомянул учреждение, в котором служит. Контора называлась «Цекубу». Услышав такое, хотелось перекреститься, но это означало всего-навсего «Центральная комиссия по улучшению быта ученых». Тех, кого не успели расстрелять или сгноить, подкармливали. Говоруха похвастался, что он накоротке не только с «буревестником революции» Максимом Горьким, но и с уцелевшими академиками — Бехтеревым, Тимирязевым, Павловым. «Совслуж» воодушевился и стал рассказывать, что Цекубу помогает даже иностранным ученым, приезжающим в Совдепию. Он ставил на довольствие финнов, немцев, а недавно и французов, в том числе молодого, но очень талантливого физика Гастона де Сен-Луи, прибывшего для научной работы в Столицу.

Теперь оставалось лишь внимательно слушать.

...Француз получал двойной «академический» паек, доставлявшийся ему прямо на дом. В Цекубу он появлялся регулярно, решая разные проблемы нелегкого послевоенного быта. Физик, по словам Говорухи, был молод, лысоват, с заметным брюшком и слегка хромал на правую ногу...

На третий день Арцеулов встретил Гастона у входа в контору Говорухи. Он никогда не видел Наташиного жениха, но ошибиться было трудно. Сен-Луи носил роскошное, по последней парижской моде, пальто и действительно хромал. Всезнающий мальчишка-курьер охотно подтвердил, что это «он и есть». Гастона ждала машина, и Арцеулов успел лишь заметить, что он уехал по направлению к центру. Снова Сен-Луи появился в Цекубу через два дня. На этот раз он возвращался на извозчике, и

Ростислав сумел проследить за ним до самого дома. Гастон квартировал на Арбате, в небольшом особняке за высокой чугунной оградой.

Для верности требовалось проверить еще раз. И вот теперь француз, отпустив извозчика возле Манежа, шел пешком, вероятно, решив прогуляться. Шел быстро — легкая хромота ничуть не мешала. Арцеулов следовал за ним на некотором отдалении, уверенный, что тот свернет от Собачьей Площадки налево.

Гастон миновал здание музыкального училища, на миг задержался, прикуривая, и резко оглянулся. Арцеулов не стал отворачиваться. Сен-Луи его не знает, а идущий по Столице красный командир едва ли вызовет особые подозрения. Так и случилось. Француз закурил и свернул налево, в узкую улочку, ведущую к уже знакомому дому. Оставалось как следует осмотреть особняк, но перед воротами крутились две весьма подозрительные личности. Пришлось наблюдать за домом с другой стороны улицы — из подъезда пятиэтажного дома. Впрочем, главное Арцеулов все же сумел заметить.

...Картошка уже была сварена, на столе стояла бутылка со спиртом. Серьезный Лунин и улыбающийся Степа встретили Ростислава радушно, словно старого друга-товарища по борьбе с белой контрой. Правда, взгляд голубых глаз молодого комиссара был строг и не улыбчив, но подполковник уже успел привыкнуть к характеру Степиного приятеля. Сам Косухин казался немного смущенным, старательно именовал Арцеулова «товарищем Коваленко» и предлагал тосты за победу Великой Мировой пролетарской революции...

Наутро Арцеулов попросил у Лунина отданные на хранение деревянные таблички, а заодно и странный плоский камень. Все это было уложено в саквояж, после чего Ростислав предложил Степе не надоедать хозяину и прогуляться по Столице. Косухин поспешил согласиться, а по лицу Николая Лунина промелькнула странная усмешка...

— Не выйдет из тебя подпольщика, беляк, — заметил Степа, когда они вышли на освещенную ярким весенним солнцем улицу. — Хоть бы не морщился, чердынь-калуга, когда про коммунизм говорим!..

Ростислав улыбнулся:

— Виноват! Постараюсь исправиться... Степан, так что у вас там было с Клопом?

Косухин пересказал разговор с Провом Самсоновичем. Арцеулов кивнул:

— Очень похоже. Кому-то надо, чтоб вы уехали подальше. Ваш Чудов — дурак, но скоро они придумают что-нибудь получше...

— Ты, Ростислав, лучше о Берге расскажи, — перебил Степа.
— Успеем. Сейчас, господин красный полковник, мы зайдем в гости к одному старому знакомому. Но сначала — вот...

И он достал из кармана письмо Валюженича. Вчера, в присутствии Лунина, о нем он сказать не рискнул.

Тэд писал по-английски — с изучением русского явно вышла заминка, поэтому Арцеулов читал письмо вслух, тут же переводя. Американец сообщал, что пишет дипломную работу у грозного профессора Робера и собирается в очередную экспедицию вместе с Карно, на этот раз в Центральную Америку. С Наташей Берг встречается часто и передает от нее поклон. Впрочем, из письма было ясно, что память к девушке не вернулась.

Берг и Сен-Луи в Париже так и не объявились. По газетам пробежал слух, что они похищены агентами ВЧК, но затем о них как-то быстро забыли, и даже мадам Кюри не проявила видимого интереса к исчезновению двух известных физиков. Единственной новостью было то, что кто-то побывал в особняке Берга и вывез часть имущества, включая книги.

Валюженич повидался с генералом Богоразом, и тот велел передать, что новостей от тех, кто улетел на «Мономахе», к сожалению, нет...

— Такие дела, товарищ комполка, — заметил Ростислав, складывая письмо. — Кстати, тут есть еще одно письмецо — вам лично.

Степа почему-то подумал о Наташе, но письмо — небольшой листок, густо исписанный с обеих сторон, — оказалось от Шарля Карно. Потомок великого революционера писал, естественно, по-французски, и Степе пришлось еще раз прибегнуть к помощи интеллигента Арцеулова. Тот просмотрел послание и хмыкнул:

— Ого! *«Генералу Великой Российской революции Стефану Косухину от скромного волонтера Шарля Карно...»*

— Выначивается, буржуй, — охотно пояснил Степа.

— *«Гражданин! Извещаю вас о результатах научной экспертизы агента контрреволюции, известного под кличкой Бриарей...»* Позвольте, это что, тот глиняный монстр?

В свое время он не очень-то поверил Степиному рассказу. Выходит, зря...

— *«Найденные в церкви Святого Иринья фрагменты были подвергнуты химическому анализу. В результате получено следующее...»*

Далее шло несколько строчек замысловатых формул, тут же предъявленных Косухину, который не преминул еще раз ругнуть проклятую интеллигенцию.

— *«Это красная глина с сильными добавлениями органики, скорее всего — крови. О чем вам, мой генерал, спешу доложить. Объяснить все это никак не могу, разве что сошлюсь на старинный*

трактат, не представляющий, естественно, ни малейшей научной ценности, а именно «Некромантион» раввина Льва из Праги. Перевод с древнееврейского профессора Робера при моей скромной помощи...»

Арцеулов бросил взгляд на Степу. Тот стоял серьезный, и Ростислав удержался от уже готового насмешливого замечания.

— «Знающие имя Б-га всесильны, не дано им лишь вдохнуть дыхание жизни в свои создания, ибо это удел Г-да. Но во всем прочем им нет преград, ни в великом, ни в малом. Чтя день субботний, восхотел я создать слугу, дабы мог прислуживать мне, не оскверняя Святой день. Вылепил я из красной глины фигуру ростом с десятилетнего ребенка, и произнес имя Б-га, и начертал слово «Жизнь» на его лбу. Так создал я Голема, подобного тем, что творили мои братья по Каббале в Нюрнберге, Меце и Неаполе. Мое творение было лишено речи — дара Б-жия, зато послушно и сильно необычайно. За полгода создание выросло до размеров взрослого мужчины, и тогда я произнес Имя Предела, дабы не вырастить исполина. На глиняной спине, против сердца, оставил я отверстие, дабы поразить моего слугу в час его безумия. Известно, что одно может взбунтовать Голема — вид человеческой крови. А посему надлежит быть осторожным, ибо так погиб великий знаток Каббалы Исаак из Толедо, случайно порезавшись в присутствии своего субботнего слуги...»

Перед глазами Степы встала страшная глиняная личина, красноватые огоньки маленьких глаз... А Наташа считала Бриаря игрушкой!

— Неужели это все серьезно? — удивился Арцеулов, пряча письмо. — Ну, знаете!..

— Видел бы, так не спрашивал! — буркнул Косухин.

— Ладно, учтем! Отверстие на спине против сердца и реакция на льющуюся кровь... Письмо нужно сжечь... Ну, пошли?

Они миновали центр, оказавшись в переулках Замоскворечья. Арцеулов то и дело поглядывал по сторонам, наконец уверенно свернул к одному из домов.

— Я обещал вам сюрпризы, Степан. Прошу!..

Косухин не поверил своим глазам. Напись над входом в двухэтажный особняк вешала: «Дхарский культурный центр».

...Январская стужа, заброшенная таежная деревенька, ссыльный учитель. Дхары — они же «дары» и «дэрги»...

— Зайдем? Вас там ждут, Степан!

— Кто? — еще более изумился Косухин. — Родион Геннадьевич?

Ростислав кивнул:

— Я был тут неделю назад. Господин Соломатин — директор центра. Он приехал сюда в конце прошлого года...

Бывшего ссыльного они нашли в огромном кабинете на втором этаже, заваленном кучами книг, брошюр и плакатов. Висевший на стене портрет Карла Маркса придавал помещению необходимую революционную респектабельность. Родион Геннадьевич долго жал им руки и усаживал на стулья. Увы, стулья оказались колченогие, и Косухин предпочел устроиться прямо на стопке книг.

— Очень хорошо, что вы зашли, товарищи! — Директор центра улыбнулся и кивнул на груды литературы. — Первые дхарские учебники! Мы издали букварь, книжку для чтения для младших классов и пособие по арифметике. У нас уже три дхарские школы!

— Поздравляю, Родион Геннадиевич! — с достоинством кивнул Степа. — Советская власть — она всегда за права угнетенных народов...

Он бросил взгляд на Арцеулова, но белая сделал вид, что ничего не слышит.

— Рад видеть вас обоих, — продолжал бывший учитель. — Честно говоря, после той нашей встречи я изрядно волновался... Война кончилась — как хорошо! Столько дел!.. Еще пять лет назад такое казалось невозможным — дхарские школы! Сейчас мы ведем переговоры с Институтом Востока, чтобы создать там дхарское отделение. Выходит, и мои скромные исследования кому-то понадобились...

— Это все советская власть — власть трудящихся! — вновь подчеркнул Степа. Проклятый белая и ухом не повел, а Родион Геннадьевич охотно кивнул:

— Да, я заблуждался. Не верил большевикам — и вот посрамлен в своем неверии. Вчера я был в наркомате национальностей и говорил с товарищем Сталиным — такой, представьте, приятный человек!..

Степа хотел еще раз вернуть фразу о заслугах диктатуры пролетариата в деле возрождения прежде отсталых народов, но Арцеулов опередил, водрузив на стол саквояж:

— Господин Соломатин, ваши знания действительно очень нужны. Мы к вам обращаемся как к эксперту. Взгляните...

Он аккуратно выложил на стол деревянные таблички и отдельно — странный серый камень. Тут только Косухин сообразил, зачем его сюда привели.

Соломатин долго разглядывал таблички, еще дольше — камень. Наконец он взглянул на гостей, и взгляд его был очень серьезен.

— Не смею спрашивать, откуда это...

— Безбаховка, в Таврии. Из коллекции графа фон Вейсбаха, — сообщил Ростислав. Бывший учитель пожал плечами:

— Увы, не слышал. А таблички, если не подделка, очень древние...

— Дхарские? — не удержался Степа.

— Не уверен. Сейчас дхары пишут обычным звуковым письмом, тридцать две буквы в алфавите. А это иероглифы. Что-то подобное я видел, но не на Урале. Может, это из Европы? Там тоже когда-то жили дхары...

— Эти... дэрги? — вновь не вытерпел Косухин, вспомнив рассказы Тэда.

— Дэрги или дары. Правда, это лишь гипотеза. Во всяком случае, у так называемых «серых», дхаров, есть предание, что они когда-то владели чуть ли не всем миром. Предание темное, старое. Вроде бы когда-то дхары были светом...

— Как? — не удержался и Арцеулов.

— Были как свет, — повторил Соломатин, — «Эхно лхамэ», если по-дхарски. Потом они вмешались в людские дела и стали такими, как люди, а затем превратились в чудищ-оборотней. Некоторые связывают это предание с легендой о Логрисе и лограх...

Косухину вновь вспомнились разговоры Тэда и Карно. Выходит, все эти сказки, а по-научному — мифы, хорошо известны!

— Я слышал, что было четыре как их реликвии, — осмелился заметить он. — Меч, потом корона, ножны и кольцо...

— Это не дхарские предания, — усмехнулся бывший учитель. — Приятно видеть, товарищ Косухин, насколько серьезно вы увлекаетесь мифологией! Но связывать легенду о четырех реликвиях логров с дхарами излишне смело. У нас нет преданий о короне и ножнах. Правда, дхарские гэгхэны — вожди — имели какой-то Черный Меч, но такие легенды есть у всех народов.

— Позвольте, а кольцо? — перебил Ростислав. — Мой перстень, помните?

...Странное свечение, лунный диск в морозном небе, смутные образы, мелькнувшие внутри серебряного ободка...

— Волшебное кольцо — сквозной образ всей мировой мифологии. Возьмите хотя бы Нибелунгов... У дхаров тоже было нечто подобное — Перстень Вагров. Но ваше кольцо, Ростислав Александрович, все же другое. Я специально уточнил — в Перстне Вагров был большой светящийся камень...

В этих словах Косухину послышалось что-то знакомое. Ну да! Светящийся камень был в перстне Артура!

— Кольцо любопытное, — заключил Родион Геннадьевич. — Как ученый, могу предложить отдать его в серьезную лабораторию. А вот как потомок жрецов-дхармэ...

Он помолчал секунду-другую, а затем медленно произнес:

— Храните его, и не дай Всевышний, чтоб оно попало в злые руки. Если же кто-то будет не только зол, но и проницателен, то да поможет всем нам Высокое Небо...

Степа и Арцеулов невольно переглянулись. Кольцо, которое носил Берг, было другим, но оба почувствовали тревогу.

— А камень? — Арцеулов кивнул на странную находку, лежавшую на столе.

— Как ученый, — Соломатин усмехнулся, — могу предположить, что это обычный атрибут жреческих обрядов. Когда-то он был частью какого-то изделия, затем его достаточно грубо извлекли оттуда и использовали уже отдельно. Химический состав определить не берусь — я не химик и не геолог. Но у дхаров было нечто подобное...

— А как они использовали? Покажите! — не отставал Ростислав. Бывший учитель развел руками:

— Ученый на этом умолкает. Впрочем, если желаете познакомиться с примером древнедхарских суеверий...

Он резко выбросил вперед руку. Ладонь застыла прямо над камнем. Глаза закрылись, губы стали что-то негромко шептать. Вначале ничего не изменилось, и Косухину даже стало неловко за товарища Соломатина, как вдруг поверхность камня стала светлеть, становиться прозрачной, а затем наливаясь густой синевой. Засветились маленькие яркие огоньки, в комнате словно повеяло сильным теплым ветром...

— Где-то так...

Родион Геннадьевич опустил руку, и все исчезло. Камень стал прежним — серым, невыразительным, ничем не интересным.

— Использовалось для простейших магических действий. Снятие сглаза, порчи...

Арцеулов не отрывал взгляда от камня. Снятие сглаза, порчи... Наташа потеряла память...

— А память это возвращает? — Косухин подумал о том же.

— О чем вы? — удивился Соломатин. — Если человек потерял память, следует обратиться к врачу, а не к знахарю! Это же суеверия, фольклор!.. Да, если память потеряна вследствие магических действий, жрецы-дхармэ применяли специальное заклинание, которое читалось над подобным камнем в присутствии пострадавшего. Оно у меня записано. Я как раз готовлю работу по фольклору дхаров. Издательство «Академия» обещало напечатать...

Порывшись в бумагах, загромодивших стол, он достал небольшой листок.

— Господа... то есть товарищи! Предупреждаю, не вздумайте лечить кого-нибудь таким образом! Дхармэ, конечно, знали какие-то медицинские приемы, но...

— Я перепишу, сударь!

Тон Арцеулова был настолько решителен, что бывший учитель немедленно отдал листок.

На улице оба долго молчали. Арцеулов достал папиросы, и это несколько разрядило обстановку.

— Думаешь, поможет? — безнадежным тоном поинтересовался Косухин. — Прав товарищ Соломатин — тут врач нужен.

— Не знаю... — пожал плечами Ростислав. — Хуже, думаю, не будет... Жаль, не удалось прочесть таблички! Я, признаться, надеялся...

— На что? — Степа уже немного пришел в себя. — Нахвтался ты, Ростислав, всякой чертовщины! При чем тут этот, чердынь-калуга, фольклор? Что ты, что Тэд! Помешались на артефактах!.. Лучше давай о Берге...

Арцеулов понимал, что спорить со Степой бессмысленно.

— О Берге... Берг, судя по всему, в Столице. Я его не видел, но выследил Гастона. Живут легально, состоят на большевистском довольствии — через Цекубу. Знаете такую контору?

Степа кивнул. Ненавистник большевиков благополучно получает паек от пролетарского государства! Так-так...

— Они квартируют в особняке на Арбате. Там охрана, черный ход заколочен, в окна не влезть — решетки. Берг из дома не выходит, все дела ведет Сен-Луи. Ваши предложения, товарищ комполка?

Степа начал быстро соображать. В ВЧК заявлять бессмысленно, там наверняка все знают. Не зря Колька Лунин говорил, что создается группа Цандера по эфирным полетам! Сходить в гости да поговорить по душам? Не пустят, а то и еще хуже. Очень нужен кому-то Карл Берг! Прав Лунин — измена где-то очень высоко, на самом верху...

— А все одно я туда пойду! — Косухин упрямо мотнул головой. — Говори адрес!

Арцеулов задумался. Все верно, Берга упускать нельзя.

— Хорошо! Вместе ходим. Только надо все продумать. Мне нужен день. Согласны?

Беляк был серьезен, и Степа сразу поверил, что Арцеулов и вправду что-то придумает. А лишний день не помешает...

— Добро, Слава! Значит, завтра и ходим. Он мне скажет о Николае!..

Ростислав кивнул.

— Завтра вечером. Встретимся в шесть у Большого театра. Где Большой, знаете?

— Ты, беляк, за кого меня держишь? — возмутился Косухин. — Да я в Большом почаще твоего бывал!

Это была чистая правда, хотя Степа бывал не на спектаклях, а на конференциях и съездах, проводившихся именно там. Арцеулов не стал спорить. Образ краснопузого — завсегдатая классического балета его изрядно позабавил.

Они расстались у потрескавшегося гипсового монстра — памятника, поставленного в честь великого бунтаря Стеньки Разина. Косухин остался один.

Лунин появился под вечер, едва держась на ногах от усталости — тиф все еще давал о себе знать. Пили заваренный Степой морковный чай с сахарином. Колька молчал, курил и хмурился.

— Ладно, уклонист, поговорим!

Лунин, допив чай, поставил пустой стакан вверх дном — давняя привычка выходца из рабочих предместий.

— Почему уклонист? — обиделся Косухин. Шутки шутками, а верность генеральной линии была превыше всего.

— Потому! Ты на съезде за какую платформу выступал? За Троцкого? Значит, против партии.

Степа даже задохнулся от возмущения:

— Колька, да ты чего? Ведь дискуссия была — согласно уставу!

— Старому уставу, — усмехнулся Лунин. — Решения десятого съезда помнишь? Принадлежность к фракции автоматически ставит вне партии. Усек?

...Решение было принято как раз тогда, когда двести делегатов съезда шли по кронштадтскому льду...

— Всех таких, как ты, героев решено перевести подальше от Столицы. Тебя — одного из первых. Понял?

О чем-то подобном Косухин уже догадывался. Разговор с товарищем Чудовым был, похоже, чем-то вроде пробного шара.

— Если учесть, что ты не Троцкий и не Шляпников, то такое внимание неспроста. Ладно, что-нибудь еще вспомнил?

Степа задумался. Рассказать о сладкоголосом?

— Вот чего, Николай... Когда мы были на Челкеле, то получили радиogramму...

Лунин слушал, не перебивая, и время от времени кивал, словно все это ему известно.

— Понял, — подытожил он. — Конец большевикам обещал, значит? Да, интересно!.. Лица, говоришь, не запомнил?..

— Нет...

Степа еще раз вспомнил Челкель. Лицо того, кто прилетел на «Ньюпоре», казалось каким-то серым пятном. Оно словно постоянно меняло образ, расплывалось, таяло. Запомнились лишь странные светлые глаза...

— И голос, значит, знаком? Но ты его не узнал?

Косухин кивнул:

— Понимаешь, голос какой-то... будто нарочно измененный. Но я его слышал, точно! Но это не товарищ Троцкий, его б я сразу...

— Ладно, тогда слушай...

Николай постучал пальцами по столу, задумался, дернул щекой.

— Первое: Венцлава направили в Сибирь по линии секретариата ЦК. Второе: приказ о «Мономахе» Склянский подписал 24 февраля. Смекаешь?

Степа кивнул.

— Похоже, ни Троцкий, ни Реввоенсовет ничего не знали. Теперь третье — Шекар-Гомп. В июне 19-го товарищ Троцкий предложил разработать план по форсированию революции в Азии. Он намечал удар по Британской Индии. В Ташкенте уже начали создавать Индийскую Красную Армию, но появилось другое предложение — начать с Тибета. В общем, и тут вроде идея товарища Троцкого...

Косухин вновь кивнул. И правда, получалось ловко. Лев Революции ничего не знал — и нес за все ответственность.

— А сейчас самое главное. Командировка Венцлава была утверждена по предложению одного товарища. 305-й полк создан тоже по его же предложению. Дальше сам продолжишь?

— Шекар-Гомп! — понял Косухин. — И приказ по «Мономаху», да?

По спине прошел холодок. Значит, правда — измена в самом сердце партии!

— И Шекар-Гомп, и приказ по «Мономаху». И, между прочим, решение о переводе оппозиционеров в провинцию. Не спеши радоваться — в бумагах названа не фамилия, а партийная кличка.

— Какая, ну?

Партийные клички вождей Степа знал в точности.

— Агасфер...

Косухин стал быстро вспоминать. Зиновьев, он же товарищ Радомысленский, он же товарищ Евсей. Каменев — товарищ Розенфельд, он же Градов...

— Я проверял, — прервал его размышления Колька. — Ни у кого из членов ЦК такая кличка не значится. Но это не посторонний. В документах сказано точно: «По предложению товарища Агасфера». Значит, это чей-то секретный псевдоним...

Секретный псевдоним? Зачем? Хотя ответ ясен: чтобы такие, как Степа Косухин, не узнали, часом, лишнего...

— Итак, вывод первый. — Лунин ударил костяшками пальцев по столу. — Во главе этой группы стоит некто товарищ Агасфер, член ЦК. Но, похоже, он и член Совнаркома — создание базы на Тибете обсуждалось именно там.

Косухину стало жутко. Враг скрывается среди тех, кому доверяли безоговорочно. Совнарком — это товарищ Дзержинский, товарищ Семашко, товарищ Сталин. Это Лев Революции. Это сам Вождь...

— Коля, а может, это кто поменьше? Секретарь какой-то, консультант...

— Не думаю. Предлагать может только кто-то из цекистов или наркомов. Мне бы протоколы хотя бы за год, я б этого Агасфера мигом вычислил. Да кто мне их покажет?.. Ну как?

Косухин молчал. Нет, он не был доволен, скорее напуган. Все оказалось еще страшнее, чем он предполагал.

— В таких делах, Степан, важна точность. Пока же с этим идти наверх нельзя. Да и к кому? Угодишь прямиком к твоему Агасферу...

«К Вождю!» — хотел ляпнуть Степа, но почему-то сдержался. Кажется, его приятель рассказал далеко не все. Лунин докурил очередную самокрутку и вновь ударил по столу костяшками:

— Ладно. Есть одна история. Уже не факты — так, сплетни. Один товарищ...

Он прервал себя и усмехнулся:

— Фамилии не назову, сам догадайся. Этот товарищ в партии со дня основания, был еще в кружке Бруснева, потом в «Союзе Борьбы». В общем, ходячая история... Так он как-то рассказывал, что среди первых марксистов был один с такой кличкой. Я тогда запомнил: Агасфер — Вечный Жид. Работал вместе с Плехановым, организовывал подполье, а потом исчез. Вернее, исчез псевдоним. «Агасфер» звучало слишком по-библейски. Очень может быть, мы все его знаем — но под другим именем. Теперь понял?

Понятнее не стало. Тех, кто работал еще с Плехановым, в партии оставались единицы. Неужели кто-то из них? Но ведь в Совнарком из ветеранов только...

Степа хотел назвать имя, но слова замерли на языке. Бред, чушь, ерунда! Лунина обманули, его хотят нарочно спровоцировать!.. А если все же не бред и не провокация?

Ближе к ночи Степа стал собирать вещи. Лунин недоуменно поглядывал на приятеля и наконец не выдержал:

— Ты куда? Далеко собрался?

Косухин не отвечал. Скучный багаж уместился в вещевом мешке. Таблички и странный камень Арцеулов забрал еще вчера. Значит, все...

— Колька, послушай...

Лунин, похоже, начал что-то понимать, его взгляд стал тревожен:

— Степан, не дури!

— Погодь...

Косухин задумался. Другого выхода не было.

— Сейчас я уйду. Завтра сиди дома...

Он жестом остановил приятеля, пытающегося его перебить.

— Завтра сиди дома. Послезавтра утром, но не раньше, пойдешь в ВЧК. Прямо на Лубянку. Там скажешь, что я вел эти... контрреволюционные разговоры и грозился террором. Ты пытался меня задержать, но не смог, потому как больной. А сразу на меня

не донес оттого, что сомневался, думал, что это все у меня от контузии. А потом набрался сознательности и заложил. Понял?

Лунин отвернулся, качнул стриженной головой.

— Нет, Степан. Отвечать будем вместе! Я что, трус? Предатель, да?

В голосе друга звенела обида. Отважный комиссар Лунин внезапно стал похож на обыкновенного растерянного мальчишку. Кольке Лунину еще не исполнилось и двадцати одного...

— Не дури, чердынь-калуга! — усмехнулся Косухин, внезапно почувствовав себя много старше своего серьезного приятеля. — Ежели оба пропадем, кто Агасфера достанет? Считай, что ты в разведке. Это, Колька, называется «отвлекающий маневр». Мы их не глупее — мы пока слабее, а значит нужна хитрость. Тебе поверить должны, пусть знают, какой ты бдительный!..

— Вроде Иуды... — негромко добавил Лунин.

— Сравнил, чердынь-калуга! — возмутился Степа. — Развел поповщину, а еще в дивизии комиссарил!.. Все! Выживу — найду. Бывай!..

Колька, не поднимая головы, кивнул. Степа на миг задержался, чувствуя, что так прощаться негоже, но ничего подходящего на ум не пришло. Он секунду постоял на пороге, повторил: «Бывай!» — и, не дождавшись ответа, вышел.

Дальнейшее он уже продумал. На ночь легко было устроиться в общежитие комсостава, тем более оно находилось поблизости от Большого, а днем стоило побродить по Столице, как следует проверившись на предмет наличия «хвоста».

Косухин шел по темным пустым улицам, стараясь не попадаться никому на глаза. Можно было спокойно размышлять. Кое-что он решил правильно — но не все...

Ростислава сомнения не мучили — слишком много было дел. Он нашел Петера Арвельта и договорился о том, что эстляндец переправит Валюженичу в Париж посылку, в которой были таблички, камень и подробное письмо. Арвельт также пообещал сообщить на ближайшую пограничную заставу у Нарвы про возможный переход через кордон двух беглецов. Арцеулов был уверен, что после визита к Бергу уходить придется не только ему.

Дальше стало труднее. Требовался пропуск в особняк. Будь это не в центре, Арцеулов предпочел бы слегка пошуметь. Черный ход можно было взломать, да и решетки не казались особо надежными. Но первый же выстрел накличет беду, поэтому следовало действовать тихо. Белого офицера вместе с любопытным красным командиром туда не пустят, значит...

Значит, оставалось найти подходящее место, где выдаются подобные пропуска!

К вечеру оно было найдено — небольшая улица на Пресне.

Ее прежнего названия Ростислав не помнил, а новое, намалеванное поверх старых табличек, гласило: «ул. Первой Баррикады». Правда, от баррикад не осталось и воспоминаний, улица была тиха, двухэтажна, только два многоэтажных здания возвышались над одинаковыми серыми строениями. Оба дома понравились Арцеулову — один имел подходящий темный подъезд, а на другом красовалась надпись «Районный комитет РКП(б)». Там обязательно должен быть телефон...

Ростислав еще раз прикинул, каким образом отсюда проще добраться до центра, и вернулся в свое общежитие. Ночью он спал абсолютно спокойно, без сновидений, как спят перед трудным боем.

Арцеулов прибыл на улицу Первой Баррикады после трех, неторопливо прошелся взад-вперед и остановился у дверей райкома. Пора... Он еще раз мысленно прокрутил в голове свой нехитрый замысел, бросил беглый взгляд на свое отражение в оконном стекле. Фуражка со звездой, шинель с красными отворотами, револьвер на боку... Порядок!

Дежурный поднял на него равнодушные глаза. Арцеулова он не интересовал, куда важнее, что телефон стоял тут же — большой, черный, с толстым витым проводом.

— Здравствуйте, товарищ... — В голосе дежурного уже сквозило удивление.

— Номер ВЧК знаете? — Рука Ростислава лежала на трубке. Удивление в глазах дежурного сменилось живым интересом. Он на секунду замялся, заглянул в какую-то книжку и назвал несколько цифр, добавив: «Приемная».

— Барышня! — отчеканил Арцеулов. — Дайте...

На третьей цифре он замялся, но дежурный тут же просуфлировал. Соединили немедленно.

— Приемная главного управления...

— Говорит полковой комиссар Фельдман. — Ростислав скосил глаза, заметив, что у дежурного начинает отвисать челюсть. — Нужна ваша помощь, товарищи! Надо задержать опасного преступника...

— Минутку, переключаю...

Собеседник на Лубянке отреагировал быстро. Несколько секунд в трубке царил молчание, а затем басовый мужской голос отозвался:

— Секретно-политический отдел. Говорите, товарищ Фельдман!

— Я только что встретил белого офицера. Карателя. Его по всей Сибири разыскивают...

— Фамилия?

— Арцеулов...

В трубке воцарилась тишина. Ростислав напряженно ждал. Должны клюнуть господа чекисты, должны!..

— Вы уверены? — В голосе слышались удивление и неприкрытая радость. — Ростислав Александрович Арцеулов, 1896 года рождения?..

— Не знаю я его года рождения! Капитан Арцеулов, бывший «черный гусар». Я его сразу, гада белого, узнал! Он бороду отрастил...

— Бороду?

Ростислав представил, как его невидимый собеседник внимательно вглядывается в фотографию.

— Да, бороду. И теперь у него большой шрам — на левой щеке. Но я его всю жизнь помнить буду! Он меня в Омске лично к стенке ставил...

— Где вы находитесь?

Арцеулов понял — на Лубянке клюнули.

— Улица Первой Баррикады...

Дежурный что-то зашептал, и Ростислав поспешил повторить:

— Это бывшая Дерюжная. Я в райкоме партии...

— Хорошо, сейчас пришем сотрудников...

— Постойте! — заторопился Ростислав. — Он может уйти. Тут, на улице, есть пятиэтажный дом. Я буду у подъезда...

— Он один? — Говоривший уже что-то приказывал, прикрыв мембрану ладонью.

— Один. Я бы его и сам, гада, взял!..

— Не торопитесь, товарищ Фельдман! Сейчас подъедем...

Арцеулов дал отбой и вернул трубку на место.

— Товарищ... — В глазах дежурного светился неприкрытый восторг. — Может, мобилизовать коммунистов?..

— Вы что? — Арцеулов внушительно взглянул на ретивого большевика и мрачно добавил: — Спугнете — отвечать будете!

Этого вполне хватило. Арцеулов небрежно кивнул и вышел на улицу. До облюбованного им подъезда было около сотни шагов.

Он стал так, чтобы первым увидеть гостей. Лишь бы их было не слишком много, с тремя, даже четырьмя он справится, но если пришлют взвод... Минуты тянулись медленно. Арцеулов еще раз припомнил дорогу от Лубянки до Пресни. Спокойно, спокойно... Подъедут, сволочи!..

Автомобиль вынырнул откуда-то из-за угла — небольшой, черный, как раз такой, как требовалось. Арцеулов расстегнул кобур и шагнул на тротуар. Авто затормозило в двух шагах.

Дверцы распахнулись, оттуда выскочили двое в кожанках — постарше и помоложе. Третий остался за рулем.

— Здравствуйте, товарищи! — Рука взлетела к козырьку. Только бы не потребовали документы...

— Здравствуйте! Старший оперуполномоченный Оцуп. Он здесь?

— Да. Пятая квартира. Только тише, товарищи...

Оперуполномоченный Оцуп кивнул и вынул «наган». Второй, что был помоложе, последовал его примеру. Ростислав кивнул на подъезд. Тот был всем хорош: темный, с глубоким подвалом, двери первого этажа заколочены, так что шум могут даже не услышать...

— Идите за мной!

Оцуп, похоже, хотел возразить, но Ростислав быстро пошел прямо к двери. Чекисты переглянулись и поспешили следом. Подъездная сырость дохла застарелым смрадом. На миг Ростиславу стало весело. Эти сволочи приехали брать загнанного, переодетого офицера, чтобы тащить его в лубянские подвалы для своей кровавой потехи. Попробуйте, господа! Сейчас второй чекист закроет дверь...

Дверь глухо хлопнула, и тут же все утонуло в сером сумраке.

— Сюда! — Арцеулов шагнул на первую ступеньку. Товарищ Оцуп попытался его обогнать, поспешил вперед, на какой-то момент они поравнялись. Второй чекист отставал на какой-то шаг. Пора!

Он ударил, не размахиваясь, — ребром левой ладони по горлу. Оцуп захрипел. Следующий удар пришелся в солнечное сплетение, и тело начало медленно оседать на ступеньки. Второй чекист успел недоуменно поднять голову, и кулак Арцеулова попал ему прямо в открытый подбородок. Парень был крепок — сумел удержаться на ногах, но Ростислав ударил вновь, на этот раз рукояткой револьвера по виску. Все...

На секунду он замер, переводя дух и прислушиваясь. В подъезде было тихо, еле заметные в сумраке тела безвольно застыли у лестницы. Ростислав быстро забрал оружие, револьвер Оцупа сунул в карман, второй забросил в открытую дверь подвала. Теперь последнее...

Он выглянул из подъезда. Шофер спокойно сидел за баранкой и дымил папирсой.

— Товарищ, скорее! Он уйдет!..

Шофер дернулся, уронил папирсу и через секунду уже бежал к подъезду. Он успел лишь перешагнуть порог — рукоятка револьвера ударила в затылок, и еще одно тело обрушилось на цементный пол.

Арцеулов достал документы чекистов. В одном из карманов рука наткнулась на что-то странное. Наручники! Их оказалось целых две пары — еще одна была у шофера. Сами напоролись,

товарищи! Подполковник защелкнул наручники на запястье старшего оперуполномоченного, приковав его к водителю. Другая рука шофера оказалась сцепленной с лодыжкой молодого оперативника. Если попытаются встать, это будет забавно...

Он вышел из подъезда и неторопливо направился к автомобилю, на ходу просматривая документы. Три удостоверения, комсомольский билет... А это что?

Бумажка называлась «Мандат». Лента на пишущей машинке была старой, но прочитать все же можно: «Податель сего... выполняет особое задание в интересах РСФСР... прошу оказывать всемерную помощь...» Фамилия Оцупа была вписана от руки, а внизу стояла размашистая подпись: «Ф. Дзержинский».

На такое Арцеулов не мог и надеяться. Птица попалась важная. Итак, Оцуп Абрам Моисеевич... Он уже взялся за дверцу, как откуда-то сзади послышался ровный перестук копыт. По улице неторопливо ехал патруль. Семеро — милиция. Как раз вовремя...

— Стой!

Первый милиционер дернул удила и хотел было поинтересоваться причиной, но Ростислав его опередил:

— Старший оперуполномоченный ВЧК Оцуп!

Удостоверение подействовало мгновенно. Патрульные замерли.

— Откуда?

— Пресненский районный отдел...

— Прекрасно! — Арцеулов еле удержался от усмешки. — Товарищи, там в подъезде — трое бандитов. Мои сотрудники преследуют остальных. Приказываю: забрать эту сволочь и доставить в отдел!

— Так точно! — Старший милиционер кивнул своим людям, и они начали спешиваться.

— Имейте в виду — бандиты особо опасные, работают под видом сотрудников ВЧК...

— Ух, гады! — В глазах милиционера уже сверкал азарт.

— Поэтому... — Ростислав на секунду задумался. — В разговоры не вступать. Никуда не звонить — у них могут быть сообщники. Запереть в камеры и ждать машину с Лубянки!

— Понял! — кивнул старший. — Не волнуйтесь, товарищ Оцуп. Никуда не денутся, сволочи!

— Выполняйте!

Арцеулов козырнул и сел в машину. Милиционеры уже бежали к подъезду. Если повезет, Оцупа и его людей разыщут лишь через несколько часов, а то и через сутки. Едва ли этот служивый осмелится послушаться приказа... Ростислав нажал на газ и тронулся с места. Теперь надо сделать пару кругов по городу — для верности, а затем ехать на Театральную площадь.

Степа стоял у подъезда Большого театра и нервно курил только что купленные папиросы «Ира». Курево было дорогое, но Косухин решил потратиться. Когда он волновался, самокрутки свертывались какие-то несуразные, табак просыпался, а во рту ощущался привкус горелой бумаги. Степа выкурил три папиросы подряд и взглянул на часы. Без пяти минут шесть...

Прошедший день не прибавил оптимизма. В общежитии, где пришлось ночевать, только и было разговоров о посылке на новый фронт — под Тамбов, где объявилась целая кулацкая армия во главе с бывшим начальником местной милиции. Поговаривали о «волынке» на заводах Питера, которая не стихала, несмотря на решительные действия ВЧК. Косухин с трудом понимал происходящее. Выходит, в стране новая революция? Но против кого? С кем собираются бороться рабочие Красного Питера и крестьяне Тамбова?

Хватало и вовсе поганных слухов. Начались аресты комсостава. И не «бывших» — своих, прошедших всю войну. Конечно, такое бывало и раньше. В девятнадцатом «разменяли» Антона Богунского, Колю Щорса и товарища Кочубея, в двадцатом — шлепнули Думенко, а теперь взяли самого товарища Миронова — командарма Второй Конной! А кто следующий? Комиссар Лунин? Или он сам, излишне строптивый Степка Косухин?

Недокуренная папироса упала в лужу. Во рту стало горько, и не одни папиросы были тому причиной. Влип ты, Косухин, чердынь-калуга! Всюду клин — даже не будь Шекар-Гомпа. Когда в 17-м их звали на штурм мирового капитала, никто не думал, что через четыре года молодые командиры РККА станут опасны. Интересно, для кого? Для дела революции? Или для товарища Агасфера, будь он трижды неладен?!

Ровно шесть... Косухин оглянулся — Ростислава не было. Степа вздохнул, хотел достать четвертую папиросу, и тут совсем рядом мягко затормозило черное авто. Косухин замер, сообразив, кто ездит на таких автомобилях. Да и номер был приметным — не спутаешь...

— Садитесь, господин полковник!

Белый гад Славка Арцеулов распахнул дверцу, подмигнул:

— Нравится?

Косухин хотел было пуститься в расспросы, но решил, что место явно неподходящее. Он плюхнулся на переднее сиденье и взглянул на беляка. Ростислав был в хорошем настроении, даже весел — не иначе сотворил шкodu делу революции.

Авто миновало Театральную площадь и выехало к Манежу. Тут только Степа опомнился:

— Ростислав, ты... Откуда машина? Это же с Лубянки!

— Так точно. — Арцеулов оскалился и вновь подмигнул. — Одолжил на время. Держите!..

Он сунул Степе небольшую книжечку — удостоверение агента второго разряда главного управления ВЧК.

— Запомните фамилию... На всякий случай — я Оцуп Абрам Моисеевич, старший уполномоченный. Вы...

— Балаев Иван Иванович... Славка, ты что?

— Нервы, господин красный командир! — Арцеулов уже не улыбался. — По-моему, очень удобно. Я проверял — пропускают всюду, даже бензин залили бесплатно... Вещи собрали?

— Какие вещи, чердын-калуга? — Степа наконец таки рассердился. — Ты что это, белый гад, сообразил? Да ты же контра!

— По-моему, я этого никогда не отрицал. Все! Эмоции — потом. Вещи собрали?

— Да какие вещи! — Злость сменилась растерянностью. — Все со мной. Только рисунки у Кольки оставил. На память...

— Ингвара рисунки?

— Ага... — Косухин вздохнул: рисунков было жаль. — Я это... Велел Кольке завтра на Лубянку пойти и меня заложить. А то пропадет парень...

Арцеулов кивнул:

— Верно. Если уцелеем — уйдем через эстонскую границу. Я договорился...

Степа промолчал. Насчет дальнейшего у него имелся свой план.

— Хорошо. Слушайте, Степан... Сейчас мы подъедем на Арбат...

Арцеулов излагал свой план четко и ясно, словно отдавал приказ перед атакой. Слушая, Косухин желчно позавидовал беляку — сам бы он едва ли до такого додумался. Хотя почему бы и нет? И получше придумал, если б не занимался интеллигентским самокопанием. Ишь, сомнения замучили, словно гимназистку!

— Повторять не надо?

Арцеулов искоса взглянул на хмурого Степу. Тот покачал головой:

— Не маленький. Авто где взял и документы?

Ростислав довольно усмехнулся и в нескольких словах описал случившееся.

— Шлепнут тебя, беляк! — рассудил Степа. — И меня разом с тобой!..

— Да ну? — удивился Арцеулов. — А я думал, что нам с вами от большевиков пенсия положена. Степан, у вас что, память в Шекар-Гомпе током отшибло?

— Не отшибло... — буркнул Косухин, отворачиваясь от самоуверенного беляка.

Авто миновало Манежную площадь и не спеша свернуло на-

право, в сторону Собачьей Площадки. Степа задумался и наконец выпалил:

— Я против трудового народа не пойду!

Белый гад негромко рассмеялся.

— Знаете, Степан, я тоже. К трудовому народу претензий не имею...

Косухин замолчал, чувствуя, что беляка не переспоришь. Впрочем, время для выяснения отношений кончилось. Автомобиль въехал на Собачью Площадку. Возле музыкального училища Ростислав затормозил.

— Садитесь за баранку. Я теперь — господин чекистский генерал, мне не положено. Где газ, показать?

Косухин даже задохнулся от возмущения:

— Да ты!.. Я «Муромец» водил!

Арцеулов закашлялся, и Степе стало стыдно. Кажется, он разучился понимать элементарные шутки.

— Не спешите, — негромко говорил Ростислав, пока Степа выруливал на нужную улицу. — Такие машины не спешат... Без моей команды из авто не выходить. В любом случае — не стреляйте...

— Да помню...

— Вот он!

Ростислав кивнул налево. Косухин и сам заметил особняк — и двоих в штатском, стоявших на тротуаре.

Арцеулов едва успел открыть дверцу, как охранники оказались рядом. Руки были наготове — в карманах. Степе стало не по себе: мало ли какой приказ имеют чекисты!

— Старшего! — повелительно бросил Ростислав. Удивленные оперативники застыли.

— Я, — вымолвил наконец один. — Агент первого разряда Гусев...

Арцеулов ткнул ему под нос удостоверение. Это был решающий момент — чекисты могли знать Оцуа в лицо...

— Слушаю вас, товарищ старший оперуполномоченный!

Степа облегченно перевел дух. Ростислав же, казалось, и не сомневался в успехе.

— В доме трое?

— Наших? Так точно — трое, товарищ старший...

— Не при старом режиме! — Арцеулов легко махнул рукой. — Бросьте чины! Отвечайте коротко: объекты там?

Косухин вздохнул. Интересно, где Ростислав нахватался таких словечек? «Объекты»! Ему бы в жизнь такое не придумать!..

— Так точно. Француз недавно вернулся. Главный, как обычно, не выходил...

Арцеулов сделал суровое лицо:

— Всех наших — сюда. Без шума!

— Есть!

Один из чекистов метнулся к двери и позвонил. Ростислав быстро оглянулся — Степа уже вошел в роль, на лице у него была написана высшая деловая сосредоточенность. Через минуту на тротуаре стояли пятеро — двое «наружников» и трое из внутренней охраны, даже не успевших надеть пальто.

— Ознакомьтесь! — Арцеулов достал мандат. Агент первого разряда Гусев осторожно взял бумагу и прочитал вслух. Чекисты переглянулись.

— У меня приказ. — Ростислав, неторопливо спрятав мандат, выждал для солидности секунду-другую. — Приказ секретный. Ваша задача — ничего не спрашивать и выполнять все мои распоряжения...

Возражений не последовало. Мандат с подписью Дзержинского делал свое дело.

— Ставлю задачу: двое остаются у дверей, трое оцепляют дом со стороны сада. Никого не подпускать. Подчеркиваю — никого! Стрелять после первого же предупреждения!

Чекисты вновь переглянулись. Гусев кивнул:

— Так точно. Только... Может, вам помощь нужна?

— Не понял? — Тон Арцеулова стал настолько сух, что агент первого разряда тут же стал по стойке «смирно». — И еще... Что бы ни происходило в доме — не реагировать. Вопросы?

Вопросов не было. Арцеулов взглянул на замеченный им еще вчера телефонный провод:

— Городской?

— Так точно. Обычный городской. Обещали провести спецсвязь...

— Провода разъединить. Товарищ Балаев! Сюда!

Степа, сообразив, что Балаев — это он, выскочил из машины. Один из чекистов дернул телефонный провод и показал Арцеулову обрывок. Ростислав удовлетворенно кивнул. Теперь обитатели особняка не смогут позвать на помощь...

— Товарищ Балаев! Приготовьте оружие!

Степа вынул револьвер и привычно провернул барабан. Ростислав указал на дверь. Старший агент Гусев достал ключ, и через секунду вход был открыт.

— Никого не пускайте! — повторил приказ Арцеулов. — Придет смена — передайте им все распоряжения.

— Так точно! — вновь повторил чекист и не выдержал: — Правильно, товарищ старший оперуполномоченный! Эти буржуи проклятые у нас уже поперек горла! Трескают апельсины, сволочи, а наши дети и сахара не видят...

Ростислав взглянул на чекиста и внезапно для самого себя зло бросил:

— Ничего, подавятся!

Косухин замер у двери, держа оружие наготове. Ростислав остановил его движением руки и быстро заглянул внутрь:

— Я пошел...

Внутри неярко горела лампа. Небольшая прихожая была заставлена нераспакованными ящиками, дальше начиналась лестница, ведущая на второй этаж, влево и вправо уходили темные коридоры. Арцеулов вошел и махнул рукой. Степа тут же оказался рядом.

— Засов!

Косухин быстро задвинул тяжелую щеколду.

— Ну вот, товарищ Балаев! — усмехнулся Ростислав. — В особняк я вас доставил. Что будем делать дальше?

Степа ответил сразу. Почему-то казалось, что их встретят выстрелами в упор. Но вокруг была тишина, словно дом вымер...

— Жаль, что вас знают в лицо, Степан. С такими документами их легко прижать к стенке. Может, я сам поговорю?

— Да ты чего? — не согласился Косухин. — Шлепнут за милую душу! Они ж...

Он не договорил. Послышались негромкие медленные шаги. Кто-то шел слева, из коридора. Степа дернул руку с револьвером. Шаги приближались, из темноты проступило светлое пятно...

— Говорить буду я, — шепнул Ростислав. — Отойдите в тень...

Кто-то высокий, в черном вечернем костюме с белой крахмальной манишкой, подошел к лестнице. Лицо тонуло во тьме — человек держал лампу так, чтобы видеть гостей, не особо показываясь самому.

— Вы ко мне, господа?

Степа узнал голос Берга...

Арцеулов не спешил отвечать, ожидая, когда хозяин дома подойдет поближе. Тот также не торопился. Наконец поставил лампу на один из ящиков и неторопливо шагнул вперед:

— Добрый вечер! С господином Косухиным я уже знаком. Могу я узнать ваше имя, сударь?

ГЛАВА 11

ДРУГИЕ НЕБЕСА

Теперь Берг стоял так, что свет лампы освещал его лицо. В полутьме оно казалось каменным, неживым — недвижная белая маска, похожая на высеченные из мрамора портреты римских цезарей. Губы не двигались, даже глаза походили на кусочки темной слюды.

— Моя фамилия Арцеулов, господин Берг.

— Ростислав Александрович? — Мраморные губы шевельнулись. — Меня предупреждали... Вы пришли убить меня?

— Мы... это... не убийцы, чердын-калуга! — не выдержал Степа. — Молчали бы лучше, а еще ученый человек!

— Вы злопамятны, господин Косухин! — Губы сложились в подобие улыбки. — Вас так напугал малыш Бриарей? Ну что ж, господа, здесь неудобно беседовать. Пойдемте...

— Постойте! — Арцеулов не любил, когда противник брал инициативу на себя. — В доме есть еще кто-то?

— Кто-то? — В голосе Берга прозвучали удивление и насмешка. — Вас интересует господин Сен-Луи? Он наверху...

Ростислав хотел позвать Гастона, но тут послышались быстрые дробные шаги, и на лестнице показался сам ученик мадам Кюри. Гастон действительно прихрамывал, но двигался очень быстро. Арцеулов покачал головой. Избранник Наташи был лысоват, кривоног, вдобавок успел отрастить заметное брюшко. На пухлом лице вызывающе торчали маленькие усики. В глазах светился страх, узкие тонкие губы нервно кривились.

«Что она в нем нашла? — невольно подумал Ростислав. — Экая жаба!»

— Добрый вечер... — проговорил Гастон по-французски, но тут его взгляд остановился на злорадно усмехавшемся Косухине.

— Степан, проверьте оружие!..

Косухин вновь усмехнулся и шагнул к Гастону. Тот дернулся, рука полезла в карман. Степа легко перехватил кисть — револьвер упал на пол. Сен-Луи рванулся, но легкий удар по шее заставил француза разом присмиреть.

— Стоять-бояться! — Степу так и тянуло врезать Гастону от всей души. — Шевельнешься — прибью, чердын-калуга!

— Он не понимает по-русски, — спокойно заметил Берг. — Не тратьте свое пролетарское красноречие, господин Косухин! Больше в доме никого нет, господа. Меня можете не обыскивать — оружия не ношу. Если не возражаете, поговорим в моей лаборатории. Господина Сен-Луи можете оставить здесь...

— Нет, — решил Арцеулов. — В доме есть комната с надежным замком?..

— Сколько угодно!

Берг взял лампу и неторопливо шагнул в темноту коридора. Арцеулов секунду колебался — все-таки ему навязывали правила игры, — но решил рискнуть. Степа ткнул француза в спину, и Гастон покорно поплелся вперед. Ростислав шел последним.

Возле одной из дверей Берг остановился, достал из кармана ключ и отпер замок:

— Прошу!

Свет лампы упал на шкафы с книгами, стол, кресла. Других дверей в комнате не было, а на окнах темнели решетки. Арцеу-

лов бросил взгляд на замок — изнутри тот открывался только ключом.

— Степан! Вот нож, обрежьте веревки от занавесей и стреножьте этого типа...

Косухин не без удовольствия принялся за дело. Гастона он усадил в кресло и как следует привязал, постаравшись затянуть узлы потуже. Француз взвизгнул, но Степа дал ему подзатыльник, и визг тотчас прекратился. Берг спокойно ждал.

— Все-таки у вас уголовные наклонности, господа! Так и кажется, что сейчас вы начнете выносить серебро...

— Ниче, буржуй, — зло бросил Степа. — Это тебе не Париж, чердынь-калуга! Разберемся...

— Вы правы, господин Косухин. В такой компании я сразу чувствую себя как дома...

Комнату заперли на ключ. Берг подождал, пока Степа как следует дернет дверь, проверяя надежность замка, и не спеша пошел дальше. Коридор кончился небольшой лестницей, ведущей вниз, в подвал. Сквозь приоткрытую дверь просачивался свет.

— Моя лаборатория, господа. Там нам не помешают...

Тон его не понравился Ростиславу. Он жестом велел подождать и первым спустился вниз. За дверью было тихо. Он заглянул внутрь — в глаза ударил электрический свет. Лаборатория больше походила на мастерскую — всюду стояли какие-то ящики, валялись инструменты, а дальнюю часть комнаты занимал огромный стол, заставленный приборами. Окон не было, стены — голые, кирпичные...

— Другой выход есть?

— Нет. Взгляните сами...

Арцеулов еще раз осмотрел комнату. Ящики, кресло, три стула, стол с приборами...

— Заходите...

Берг неспешно спустился по лестнице, поставил лампу на ближайший ящик и прошел к креслу. Арцеулов кивнул Степе на стул. Косухин понял и пристроился там, держа оружие наготове. Ростислав подождал на пороге и закрыл входную дверь. Дверь понравилась — вышибить такую сложно, вдобавок имелся мощный засов. Задвинув его, Арцеулов почувствовал себя в некоторой безопасности.

— Вот-с, господа, — Берг удобно откинулся на спинку кресла и обвел лабораторию руками, — можете ознакомиться. Правда, я только начал устраиваться... Впрочем, насколько я понял, наука вас не интересует...

— Посмотрим, — неопределенно отреагировал Ростислав, вновь оглядывая лабораторию. Ничего особенного он не заметил, разве что химическую посуду на столе. Это удивило, ведь Берг был физиком. Внезапно взгляд зацепился за какую-то

странность. Прямо над креслом хозяина к стене были прикреплены две небольшие звезды, сделанные из темного металла. Одна из них напоминала большевистскую пентаграмму, но почему-то перевернутую. Другая была шестиконечной — Могендавид...

— А это что? Балуетесь черной магией, господин Берг?

— Это? — Взгляд темных глаз на миг взметнулся вверх. — Когда-то они висели в лаборатории великого Агриппы Нестингеймского. Неучи тоже считали его чернокнижником...

Намек был ясен, но Ростислав не стал реагировать. Да, Берг спокоен. Здесь, при электрическом свете, его лицо казалось не каменным, а просто очень бледным, как у человека, который редко видит солнце. Время от времени по лицу пробегали едва заметные судороги. Это был не страх — скорее сдерживаемый гнев.

— Вы не предупредили меня о визите, господа, поэтому я не сумел должным образом подготовиться. Но там на столе, кажется, есть коньяк...

Степа и Арцеулов переглянулись. Пить в таком доме они не собирались. Здесь даже дышать казалось опасным.

— Итак, насколько я понял, ваш визит предпринят не с санкции здешних властей. А посему я вовсе не обязан беседовать с вами...

— Обязаны, господин Берг! — прервал его Ростислав. — Плевать я хотел на здешние власти! Я русский офицер, а вы — человек, подозреваемый в измене. Сейчас вы будете отвечать на вопросы. Малейшее сопротивление или неискренность — и я пушу вам пулю в лоб...

— Очень убедительно! — Щека Берга дернулась. — Если вы офицер, то чей приказ изволите выполнять?

— Верховного Правителя России адмирала Колчака! — отрезал Арцеулов. — Год назад я получил от него приказ оказать помощь в завершении программы «Мономах»...

— Вот как? А вы, господин Косухин? Вы-то не служили адмиралу! Вообще, вы странная пара, господа...

Степа не стал отвечать. Почему-то подумалось, что Берг попросту тянет время.

— Хватит! — Арцеулов присел на стул и положил револьвер на колени. — Вопрос первый, господин Берг. Почему вы уехали из Парижа и теперь сотрудничаете с большевиками?

— Я не сотрудничаю с большевиками! — В темных глазах сверкнул гнев. — Я работаю не на них! Вы меня поняли?

— Нет. Повторяю вопрос...

— Лабораторию в Париже разломали? — не выдержал Степа. — Бумаги все спалили, нет?

— «Разломали»... — Губы Берга презрительно дернулись. — Вам что за печаль, молодой человек?

Теперь уже и Арцеулов видел, что Берг явно затягивает разговор.

— Вы неправильно ставите вопрос, господа! Но извольте... Я ликвидировал установку «Пространственный Луч», потому что связь с Тускулой опасна.

— Для вас?

— Для Земли. Для всей Земли, понимаете? То, что я делаю, необходимо не большевикам! Я работаю в интересах всего человечества!

— В большевистской Столице? — не выдержал Арцеулов.

— Именно здесь, молодой человек! В Париже собрались озлобленные беглецы, помнящие и думающие лишь о прошлом. Их замыслы направлены назад, а не вперед...

— Это «Мономах»-то? — поразился Степа.

— Не «Мономах», господин Косухин! — Голос Берга на миг потерял невозмутимость. — Тускула! Из нее хотят сделать колонию вооруженных эмигрантов, желающих вернуть старое. Этакий межзвездный Кобленц! Именно в этом заключается проект «Надежда». Если бы не подобные бредни, полковник Лебедев был бы жив!..

— Что?!

В глазах у Степы потемнело. Значит, это правда? Коли больше нет...

— Когда мы первый раз встретились, я имел основания считать вас агентом ВЧК и потому не собирался откровенничать. Ваш брат погиб, пытаясь перейти по каналу «Луча» с Тускулы. Что-то не удалось... Мы похоронили его в колумбарии Пер-Лашез. Сочувствую, господин Косухин...

Холод охватил сердце, а разум все еще отказывался верить. Коля, братан... Да как же это? Но память подсказала: «Берг велел найти вас, чтобы сообщить о вашем брате!.. Отправляйся к нему, красная сволочь!» Берг врал! Он прекрасно знал, кто такой Степа, еще в Париже! Врет и сейчас...

— Что случилось с Натальей Федоровной?

Косухин очнулся. Верно, пусть ответит!

— Я избавил свою племянницу от слишком тяжелых воспоминаний. — Берг легко пожал плечами. — На ее здоровье это никак не сказалось, напротив... Вы не о том спрашиваете, господа! Вы, обыкновенные люди, случайно столкнулись с тем, что выше вашего понимания. Не обижайтесь! Вы просто дикари, умеющие лишь убивать и грабить...

— Возможно! — Арцеулов усмехнулся в ответ, сдерживаясь, чтобы не нажать на курок. — Но вы тоже, господин Берг, просты

до невозможности. Вы — предатель, продавший родину за большевистский паек!..

— Нет... — Карл Берг медленно встал и выпрямился во весь свой огромный рост. — Вы искали правды? Вот вам краешек... Я служил Империи и моему Государю. Но потом пришел Тот, Кто является истинным Владыкой. Он сокрушил Империю и утвердил Свою власть. Скоро Ему будет принадлежать весь мир, и тогда люди получают то, чего были лишены по собственной глупости и темноте. Мой долг, долг ученого, помогать этому...

— Люди? — хмыкнул Степа. — А он, этот ваш Владыка, он чего — не человек?

— Это неважно. У Него много имен и много лиц. Он долго ждал, но теперь настал Его час. Он принес свет — и горе вам, слепым!..

Ростислав невольно кивнул. Знакомо! Чернобородый Гуаско тоже ждет Светоносного. Значит, и Берг готов служить Лха Старшему Брату...

— О Люцифере изволите говорить, сударь?

— Люцифер... Я назвал вас дикарями и не ошибся... Да разве важно, кто Он? Пусть будет Люцифер, если только такое доступно вашему пониманию...

— А зачем обязательно Люцифер? — внезапно поднял голову Косухин. — А может, чердынь-калуга, Агасфер?

И тут Берг впервые дрогнул. Что-то похожее на растерянность отразилось на его бескровном лице. Ростислав удивленно покосился на Степу.

— А вы не так просты, молодой человек! — Темные глаза взглянули в упор. — Что ж, можете умирать спокойно. Для такого, как вы, вам удалось узнать много. Даже слишком много...

— А вы не преувеличиваете? Насчет умирать? — Арцеулов выразительно взглянул на свой револьвер.

— Я? Ничуть, господин Арцеулов. Тот, Кому я служу, способен защитить. Впрочем, я и сам не очень боюсь вас. Можете спрятать револьверы, они не понадобятся... Скажу напоследок, чтобы вас успокоить. Вы — белые и красные — душили друг друга три года с бешеным, достойным троглодитов. Ваши товарищи проиграли, господин Арцеулов, но не горюйте! Большевики тоже не нужны моему хозяину. Война требовалась, чтобы истребить наиболее упорных, которые могли бы помешать прогрессу. Одно дикое племя уже разбито, а что касается победителей, господин Косухин, то от них тоже скоро избавятся. И тогда Он выступит открыто. Все уже готово — и далеко отсюда, среди мертвых гор, скоро откроется Око нового мира...

— Это вы про Шекар-Гомп?

Торжественная речь ничуть не смутила Ростислава. Пора было сбить спесь с этого мерзавца!

— Вы, кажется, были там? Все равно — слепые не увидят солнца...

— Ладно! — Арцеулов тоже встал и не спеша прицелился прямо в бледный лоб Берга. — А теперь быстро: имя, фамилия и должность вашего... Светоносного!

Берг усмехнулся и легко взмахнул рукой. Электрический свет скользнул по старому тусклому металлу. Перстень — очень похожий, но на печатке вместо знакомых змеек темнела странная голова с распущенными волосами. Горгона...

— Не смешите, господа! Ваш свинец хорош лишь для таких дикарей, как вы сами. Господин Косухин, помните церковь Святого Иринейя? Тогда вам повезло — во-первых, в ваши дикарские руки попала действительно важная вещь, а во-вторых, трус Гастон наплел такое, что я предпочел не вмешиваться. Так что уберите револьвер!

Косухин вспомнил. Ножны, спасшие их с Тэдом от пуль! Напридумывали артефактов, чердынь-калуга!

— Знакомый перстень? Ах да, маленькая деталь... Горгона! Мне она нравится больше, чем эти нелепые змеи. Смешно, господа! Вы держали в руках то, что могло сделать вас могущественными, но для вас это был лишь шаманский амулет...

Берг легко коснулся перстня, и серебристый щиток с Горгоной остался в руке. Словно маленькое солнце засветилось на пальце — белый камень чистой воды, горящий десятками ярких граней... Перед глазами у Степы встала старинная гравюра — Артур, окруженный врагами, со сверкающим перстнем на пальце. Эхма, проглядели!

Арцеулов подумал о другом. Охс Вагрэ — Перстень Духов. «Если же кто-то не только зол, но и проникателен — то да поможет всем нам Высокое Небо...»

Берг кивнул, довольный произведенным эффектом:

— Не догадались, господа? Теперь эта вещь в надежных руках. Для вас перстень был все равно бесполезен. Господин Лебедев даже не попытался им воспользоваться...

Степа понял. Дыхание перехватило — все наконец стало на свои места.

— Гад! Сволочь! Ты убил Николая!

Выстрелы прогремели как гром — низкие своды отразили звук. Огоньки пуль ярко вспыхнули — и вокруг фигуры Берга расплылось легкое сияние. Косухин выстрелил вновь, а затем опустил бесполезный револьвер.

— Ничего, Степан! — Арцеулов неторопливо засунул оружие в кобуру. — Я этого мерзавца руками придушу!

— Поздно!

Голос Берга был полон насмешки, и словно в ответ раздался оглушительный удар. Ростислав отскочил в сторону и оглянулся.

Дверь, сорванная с петель, бессильно покачивалась на уцелевшей скобе.

— Ростислав, назад! — отчаянно заорал Степа.

...Бриарей стоял в дверях. Глиняная личина казалась бесстрастной, но маленькие глаза горели злым огнем. Голем был зряч, только теперь поверх зрачков сверкали толстые прозрачные линзы.

«А я не верил! — с запозданием подумал Арцеулов. — Куда ж этого негодяя бить? В глаза?»

— Мой малыш снова здоров. — Берг вновь сел в кресло, с усмешкой поглядывая то на своих гостей, то на глиняного монстра. — Кстати, он вполне разумен и ничего не забыл. Убей их, Бриарей!

Монстр медленно повернулся всем туловищем, разглядывая своих врагов. За ним мелькнула тень — Гастон де Сен-Луи заглянул внутрь и поспешно отскочил.

«Здорово придумано, чердынь! — мелькнуло в голове у Степы. — Ладно, что там Шарль писал? Дырка на спине?»

Но голем не собирался подставлять врагам спину. Медленно, словно нехотя, он сделал шаг вперед. Выстрел — пуля шелкнула по прозрачным линзам.

— Не тратьте пуль, господа! — расхохотался Берг. — Я подумал об этом... Бриарей, не убивай их сразу! Схватишь первого — оторви ему руку...

Еще одна пуля отскочила от прозрачного забрала. Бриарей был уже рядом, глиняные клещи тянулись к горлу. Ростислав чертыхнулся и отскочил подальше, к центру комнаты. Стул! Бриарей легко парировал удар, по комнате разлетелись деревянные щепки. Красные глазки горели ненавистью.

На миг Арцеулову стало страшно. Это не машина. Не машина, не человек, не зверь...

Теперь монстр стоял в центре лаборатории. Прямо перед ним был стол, заставленный приборами и колбами — пустыми и полными. Стол тянулся почти до самой стены, оставляя два узких прохода. Степа оказался слева, где было чуть пошире, Ростислав же — справа. Бриарей не спешил, медленно поворачиваясь из стороны в сторону. В комнату вновь заглянул Гастон, на этот раз не став прятаться. Берг встал, скрестив на груди длинные руки, на бледном лице застыла торжествующая усмешка.

Косухин видел своего врага не впервые и ощущал не растерянность, а злость. Стрелять было бессмысленно, но револьвер Степа не бросал. По Бергу не попадешь, глиняный урод пуль не боится, но...

Косухин выстрелил, пуля шелкнула о стену возле самого уха Гастона. Тот взвизгнул и рухнул на пол. Еще одна пуля заставила мсье де Сен-Луи перевернуться и вновь вскочить на ноги. Лабо-

раторию наполнил отчаянный крик, заставивший обернуться Берга. Бриарей дрогнул и стал не спеша поворачиваться.

— Ростислав! У него должна быть дырка! Сзади!..

Арцеулов быстро кивнул, вспомнив письмо Шарля Карно. Только бы голем повернулся...

Но тот не стал подставлять спину. Резкий окрик Берга — и монстр вновь двинулся к Ростиславу. Воспользовавшись моментом, Гастон на четвереньках выскочил из комнаты.

Степа прикинул, что, если Бриарей пойдет дальше, можно будет зайти со спины — и влить чудищу свинцовый гостинец. Монстр не спеша сделал шаг. Арцеулов стоял на месте, внимательно следя за тем, чтобы не оказаться на расстоянии удара. Еще шаг, глиняные клещи взметнулись, но Ростислав быстро отступил. Бриарей на секунду потерял равновесие, однако выпрямился и двинулся дальше.

Косухин бросился вперед. Оставалось преодолеть не больше двух шагов, чтобы оказаться прямо за спиной чудовища. Револьвер был наготове... Не успел! Бриарей повернулся — молниеносно, рывком, в воздухе мелькнула тяжелая клешня. Спасла реакция — удар не попал в голову, а пришелся по плечу. Степа рухнул на пол, револьвер откатился к ногам Берга. Тот усмехнулся и легким ударом ботинка отбросил оружие в угол.

Степа был уже на ногах. Бриарей стоял вполоборота, словно размышляя, броситься ли ему на Косухина или двигаться дальше, где стоял Ростислав. Степа хлопнул себя по карману — рука наткнулась на холодный металл. Револьвер Гастона — он и забыл о нем! Ну теперь посмотрим! Куда б ни двинулся голем, спину он все равно подставит. Только б не вмешался Берг...

Но физик по-прежнему стоял у кресла. В руках у него теперь тлела сигара. Поймав Степин взгляд, он улыбнулся и пустил в воздух кольцо дыма.

Бриарей вновь двинулся на Ростислава. Косухин приготовился, решив не подходить близко. Хватит и трех саженей — он не промажет. Монстр сделал шаг и вдруг резко повернулся. Глиняные лапы схватились за край огромного стола. Зазвенела стеклянная посуда. Тяжелый стол, сдвинутый могучим рывком с места, придавил Степу к кирпичной стене.

Косухин не выронил оружия, но толку от револьвера было мало. Стол казался чугунным — не сдвинешь и на пядь. Да и времени не оставалось. Бриарей, обезопасив себя от одного из врагов, занялся другим.

Ростислав отступил на шаг, затем еще... Стена! Бриарей на двигался, несокрушимый словно скала, красные глазки горели торжеством, огромные клещи тянулись вперед...

Ростислав сжал зубы и поднял револьвер. Пули били в упор, оставляя на глине глубокие царапины. Выстрелы на минуту за-

держали монстра. Он замер, словно ожидая, пока у Арцеулова кончатся патроны. И вот револьвер бесполезно шелкнул — барабан был пуст. Глиняные лапы вновь начали приподниматься, растопыренные пальцы тянулись к горлу...

Степа барахтался, пытаясь отодвинуть проклятый стол. Удалось повернуться, но Бриарей стоял к нему боком, не подставляя спины. Огромные лапы взметнулись, Арцеулов дернулся в сторону, и клешни поймали воздух. Но теперь уходить было совсем некуда — Ростислав оказался в узком углу между стеной и столом.

Косухин бросил взгляд на Берга — физик с наслаждением затягивался толстой сигарой, словно буржуй с агитационного плаката РОСТА. Вспыхнула ненависть. Чужими руками воюет, гад! Хоть бы кровь ему пустить, прежде чем доведется загнуться!..

Степа замер. Кровь! Лев из Праги писал...

Рука стала шарить по столу. Колба! Пустая — не годится... Полная!.. Этот гад не боится пуль. А ежели чего попроще?

Колба была большая, наполненная мутным раствором. Рука привычно взвесила ее, глаза уже оценивали дистанцию. Саженой шесть... Только б не сдвинулся с места!..

Степа отвернулся, словно собираясь метнуть колбу в голема. Рука взлетела в воздух — и Косухин, резко повернувшись, кинул стеклянный сосуд, целясь прямо в голову Берга. Зазвенело стекло — физик успел закрыться рукой, но на тыльной стороне ладони проступили красные пятна... Есть!

Бриарей уже нависал над Ростиславом, пытаясь ухватить верткого врага, но вот его лапы внезапно дрогнули и застыли. Косухин обернулся. Берг, морщась, перевязывал руку платком...

И тут монстр как-то странно дернулся. По глиняному тулову пробежала дрожь, словно под Бриареем тряслась земля. Резкий поворот — и красные глазки уже глядели на Берга. Воспользовавшись моментом, Арцеулов вскочил на стол и одним прыжком очутился рядом со Степой.

— Кровь! — шепнул Косухин, кивая в сторону хозяина дома. Ростислав вначале не понял, но затем зло усмехнулся. Кажется, старый алхимик не ошибся!

Бриарей уже возвращался. Огромные лапы с растопыренными пальцами тянулись вперед, движения стали резкими, неуверенными, словно разум, скрытый за глиняной оболочкой, начал мутиться. Берг крикнул. Слова были непонятны, но в голосе уже звенел страх. Секунду-другую он выжидал, повторяя странное, непонятное слово, раненая рука взметнулась в запретительном жесте. Но поздно — Бриарей был уже рядом, отрезая путь к отступлению.

Только сейчас Берг понял, что случилось. Окровавленная рука была спрятана за спину, другая попыталась сдвинуть тяже-

лое кресло в надежде задержать монстра. Тщетно! Одним ударом голем разнес преграду в щепки, и через секунду лопатки Берга коснулись кирпичной стены. Бледное лицо уже не улыбалось. В глазах плавал ужас, губы беспрерывно что-то шептали, словно физик все еще надеялся на силу древних заклятий. Глиняные пальцы уже тянулись к горлу. Берг закричал, но крик тут же прервался, перейдя в хриплый стон.

Монстр не спешил. Одна клешня вцепилась хозяину в горло, другая потянулась к раненой кисти. Отчаянный вопль — рука с сухим треском сломалась. Окровавленная человеческая длань упала на пол...

— О Господи! — Арцеулов невольно прикрыл глаза. Степа застыл, не в силах сдвинуться с места. Такого он не видел даже на кровавых фронтах Смуты.

...Монстр рвал хозяина на части. По полу расплывалась кровавая лужа, тело билось в конвульсиях, крик перешел в негромкий вой. Клешни чудовища пробили грудную клетку...

— Степан! — выдохнул Арцеулов. — У меня патронов нет... Остановите!

Косухин кивнул, но потребовалось время, чтобы отодвинуть тяжелый стол. Наступила тишина. Голем молча отрывал от тела клочья окровавленного мяса. Степа ругнулся и бросился вперед, на ходу проворачивая полупустой барабан револьвера. Секунда — и он был рядом. Бриарей, чуть наклонившись, разрывал челюстку то, что недавно было горлом... Глиняная спина казалась гладкой, но почти посередине темнело небольшое отверстие. Бриарей замер, почуяв нового врага. Огромное туловище начало выпрямляться, но Косухин уже вставил револьверный ствол в темную дырку. Выстрел, другой... Монстр застыл, затем лапы начали медленно опускаться. Туловище дернулось, Бриарей пошатнулся и с грохотом рухнул на каменные плиты пола...

...Голем лежал навзничь, в черных щелках глаз медленно гасли кровавые огоньки. В последний раз они мигнули злым огнем — и пропали. Нелюдь был мертв.

— Степан, вы не ранены? — Арцеулов стоял рядом, лихорадочно перезаряжая револьвер. — Степан!..

— А? — очнулся Косухин. — Не-а, порядок...

— Слава Богу! — Ростислав широко перекрестился. Взгляд упал на кровавое месиво у стены. Арцеулова передернуло. Смотреть на то, что осталось от Карла Берга, было страшно.

— Вот буржуи проклятые! — Степа покачал головой, чувствуя, что к горлу подступает тошнота. — Навыдумывали, сволочи! Слушай, Слава, ну разве так можно?

Ростислав взглянул на Степу. Красный командир, только

что спасший их обоих от верной гибели, казался растерянным и слабым. Ненависть покинула душу — остались лишь недоумение и боль.

— Он это заслужил. — Арцеулов положил руку на Степино плечо. — Это ему за вашего брата...

— Николай... Коля... — Косухин сглотнул горькую слюну и выдохнул: — За Колю его надо было судить! Судить гада — и к стенке. А так... Так люди не должны погибать! Не должны!

— Он сам это придумал. — Ростислав окинул взглядом залитую кровью комнату, мертвую глиняную тушу, бессильные клешни. — Надо уходить...

Степа кивнул и медленно направился к двери. Арцеулов оглянулся — глаза резанула яркая вспышка. Перстень лежал на полу, рядом с кровавой лужей. Странно, но ни одно пятнышко крови не попало на старое серебро...

Подходить было страшно, но Ростислав заставил себя подобрать кольцо. Неподалеку лежал револьвер Косухина — он захватил и его. Еще ничего не кончилось, оружие могло понадобиться...

В коридоре мелькнула тень. Негромко хлопнула дверь.

— Гастон! — Арцеулов сообразил первым и бросился вдогонку. Где-то здесь! За дверью, ведущей в одну из комнат, слышался шорох...

Сен-Луи стоял на коленях, что-то бессвязно бормоча и всхлипывая. Миндальничать было некогда. Резкий удар по лицу — и француз испуганно затих.

— Ты чего? — Степа вошел в комнату и брезгливо поморщился. — Да ну его!..

— Нет, пусть скажет!

Арцеулов подождал секунду, давая Гастону время опомниться, затем быстро спросил по-французски:

— Кто такой Агасфер?

— Это... Это наш шеф... — Сен-Луи с трудом сглотнул. — Кто-то из здешнего правительства... Имени не знаю, честное слово!

— Кто убил Николая Лебедева?

— Берг! Это он... он! Я не хотел, я боялся. Господин Берг сказал, что у полковника был какой-то важный прибор...

Арцеулов перевел дух.

— Поняли, Степан?

— Он о Николае? — В эту минуту Степе было не до того, чтобы вслушиваться во французскую речь. — Понял...

— Ладно, продолжим... Над чем вы работали здесь?

— Я физик, господа! — Полные ужаса глаза Гастона взметнулись вверх. — Я только физик! Господин Берг собирался про-

должать работу по «Пространственному Лучу», а меня должны были направить в лабораторию сверхпроводимости...

Ростислав пожал плечами — тут он был не силен.

— Спроси, что они сделали с Наташей? — подсказал Косухин. Услышав вопрос, Сен-Луи взмахнул руками:

— Я... Я тут ни при чем! Господин Берг сказал, что проведет сеанс гипноза! После того, как мадемуазель Наташа узнала о гибели полковника Лебедева...

— Ясно... Степан, вы хотите что-либо спросить?

— Ну его к черту, чердынъ-калуга!

Косухину стало противно и мерзко. Хорош фрукт этот Гастон! Револьвером балуется, а на расправу жидок!

— Почему вы хотели убить господина Косухина?

Сен-Луи отшатнулся, взглянул на мрачного, насупившегося Степу и прошептал:

— Не убивайте, господа! Это все Берг! Он приказал мне... Он сказал, что господин Косухин и мадемуазель Наташа... Они...

— Пошли отсюда! — Последнюю фразу француза Степа кое-как понял. — Брось эту дрянь...

— Ну уж нет! — Ростислав схватил Гастона за воротник и поволок к выходу. Сен-Луи не сопротивлялся, только жалобно взвизгивал. Возле входной двери Арцеулов сунул Степе револьвер.

— Зарядите. Мы снова сотрудники ВЧК. Не забывайте, я Оцуп, вы...

— Балаев Иван Иванович, — вспомнил Степа. — А этого?

Он поглядел на замершего в ужасе Гастона, но Арцеулов лишь зло усмехнулся.

За дверью на них тут же надвинулись две тени.

— Быстро вы, товарищи! — Агент первого разряда Гусев был слегка удивлен. Действительно, они пробыли в доме не больше часа. За это время, показавшееся им вечностью, даже не успела смениться охрана. Арцеулов мрачно взглянул на чекиста:

— Дом — опечатать. Никого не впускать. Этого, — рука с револьвером указала на Гастона, — на Лубянку. Он убийца и шпион. Выберите из него все!

— Так точно! — Гусев кивнул напарнику, и на запястьях Гастона защелкнулись наручники. — Расколем буржуя!

— Учтите, это опасный враг! Выдает себя за француза, но французского даже не знает. Нажмите покрепче — сразу русский вспомнит!

— А второй?

Арцеулов нахмурился, и чекист понял, что сказал лишнее.

— В машину, товарищ Балаев!

Степа кивнул и шагнул вперед. Арцеулов, опередив его, сам сел за руль. Авто рвануло с места, и через несколько минут стра-

шный темный особняк остался далеко позади. Вокруг были оживленные улицы, в окнах домов уже зажглись огни, и случившееся казалось ночным кошмаром.

— Уходим! — резюмировал Ростислав. — Прямо по Тверской — из города. Рванем до Пскова, а там — к границе. Если что, захватим другое авто...

Степа не отвечал. Слишком многое случилось за этот короткий час.

— А вы мне не все сказали, Степан! Кто такой Агасфер?

— А-а! — сообразил Косухин. — Их главный — кто-то из Совнаркома. Он все решения принимал...

— Фамилии не знаете?

— Нет... Кто-то из стариков. Еще с Плехановым работал.

Степа отвечал, почти не думая. Арцеулов спешит уехать — и он прав. Беляку больше нечего здесь делать. А вот ему, Косухину...

— Агасфер, значит? Уже легче... Обратили внимание, Берг его считал чуть ли не Сатаной!

— А! — отмахнулся Косухин. — Тронулся, видать! А ты тоже хорош — таблички всякие, амулеты...

— Нет, Степан...

Арцеулов уверенно вел машину, стараясь не сбавлять скорости. Черное авто пропускали — с ВЧК в Столице привыкли считаться.

— Я не свихнулся. Просто мне кажется, что эта история началась очень давно. И в табличках написано об этом. Перстень, ножны, камень — это не мистика! Это физика! Агасфер — не просто сволочь...

— Ага, он марсианин. Ладно, Слава, останови машину.

Арцеулов удивился, но все же затормозил. Они были на Тверской, неподалеку от «Националя».

— Ты вот чего... — Степа помолчал и наконец решился: — Ты, Ростислав, уезжай. Я... Я останусь...

— Спятели, комиссар! — Арцеулов резко повернулся. — Уже через пару часов они все будут знать! Да и авто уже ищут. Степан, мы сделали все, что могли!..

— Ты — все, — кивнул Косухин. — А я — нет... Час-другой у меня есть. Пойду прямо в Главную Крепость. Там сейчас как раз Совнарком должен собираться... Пойду к Вождю! Теперь это уже не болтовня, чердын-калуга! Теперь мы Агасфера враз скрутим, у Вождя сил хватит!..

Арцеулов хотел возразить, но невольно задумался. В чем-то Степан прав. Большевистский фараон не захочет терпеть соперника, будь он даже самым Сатаной. Пусть Люцифер столкнется с красным Вельзевулом! Но все равно, соваться прямо в пасть...

— Вас не пустят!

Степа вздохнул, затем полез за отворот шинели и вытащил какую-то бумажку:

— Пропуск. Я даже с товарищем Горбуновым говорил — он секретарь ВЦИКа. Обещали пропустить прямо к Вождю...

Пропуск в Главную Крепость Степа получил еще вчера. Его дали без разговоров — комполка Косухина, делегата съезда, в Столице помнили.

Ростислав не знал, что и сказать. Опасно! Но не опаснее, чем идти в Шекар-Гомп. Лысоватый большевистский фараон не даст в обиду Косухина — иначе восторжествует неведомый Агасфер. Но что-то мешало. Краснопузый думает, что этот Агасфер — старый партиец, работал с Плехановым...

— Степан, а вы уверены, что не попадете прямоком к Люциферу?

— Да брось, беляк! — Степа даже не рассердился. — Скажешь еще!

— А почему? Агасфер — кто-то из высших, курирует армию, партию, даже науку. А кто в вашем кубле за все отвечает? Принцип Оккама: прямой путь — самый вероятный...

Степа долго молчал. В такое поверить было нельзя, сама мысль об этом равносильна измене. Но беляк прав: прямой путь — он и есть самый вероятный...

— Тогда... Тогда я не вернусь, Слава. И ты поймешь, кто такой твой Люцифер. Все равно узнаем! Только неправда все это, зря душу травишь...

— Нет! — покачал головой Ростислав. — Вы не пойдете. Я вам запрещаю, Степан!

— Ты чего? — Косухин нашел в себе силы улыбнуться. — Я ведь у Врангеля, чердынь-калуга, не служил! Да и по званию, считай, тебя старше...

— Ну, прошу... Не имеет смысла так рисковать!

— Это для тебя не имеет. Мы ведь враги, Ростислав!

— Мы... Мы с вами? — Арцеулов даже не ожидал, что эта простая констатация так его заденет.

— Ну, не мы с тобой. Но ты ведь беляк, а я был за Коммунию, и за нее подохну. Твои друзья — против моих, вот и весь разговор!

— Нет... — Они говорили на эту тему много раз, и теперь Ростислав знал правильный ответ. — Нас столкнули лбами! Понимаете? Таких, как вы и я. По всей России! Нас попросту стравили!

Степа хотел возразить, но невольно задумался.

— Ну, тем более, если так. Значит, и вправду есть в чем разбираться! А говоришь — нет смысла... А ты... это... мотай из Столицы, а то сцапают...

— Еще чего? — на этот раз заставил себя улыбнуться Арцеу-

лов. — Встретимся завтра в полдень у Большого. Запасной срок — послезавтра, в то же время... Да, возьмите перстень.

Косухин покрутил в руках сверкающий белым камнем серебряный ободок.

— Не стоит. Я им и пользоваться не умею. Там он не поможет — враз с рукой оторвут...

Ростислав понимал, что Степа прав. То, что не пускало револьверные пули и гнало прочь Венцлава, для Агасфера не будет преградой. Но все-таки...

— Может, возьмете?

— Нет. — Косухин привычно поправил ремень на шинели и открыл дверцу. — Бывай, интеллигент! Увидишь Тэда — кланяйся. Ну и Наташе... Наталье Федоровне...

— Не выдумывайте! — резко бросил Арцеулов. — Сами все передадите!

— Ага! — вздохнул Степа. — Точно! Наташе ничего не передавай. А Тэду — кланяйся... Все! Пошел...

Хлопнула дверца. Арцеулов растерянно проводил глазами исчезающий в клубящемся вечернем сумраке силуэт и резко нажал на газ. На душе было муторно, словно он кого-то предал или попросту струсил...

Косухин шел быстро, хотя можно было особо не спешить. Главная Крепость была рядом, нависая черным контуром огромных зубчатых башен. У случайно уцелевшего фонаря Степа взглянул на часы — обычно в это время в Совнаркоме начинается перерыв перед ночным заседанием. Оставалось еще раз проверить пропуск и документы. Под руки попало удостоверение агента второго разряда Балаева. Степа чертыхнулся и разодрал его в клочья. Не хватало еще с этим соваться в Совнарком! Ну, Славка, штукарь, чердынь-калуга, здорово все провернул! Сами виноваты, товарищи чекисты, не ловите ворон!..

Злое веселье тут же исчезло. Все потом! Будет время вспомнить, подумать о том, что делать дальше, помянуть брата и поплакать, если весь этот ад не высушит слезы навсегда. Потом! Сейчас — дело. Вождь примет его в перерыве. У Степы будет минут десять, пусть даже пять. Никаких, как говорит Славка, эмоций — одни факты! Берг — раз, Шекар-Гомп — два, Венцлав — три, Агасфер — четыре... Он успеет! Хватит и трех минут. Главное — предупредить, что в ЦК и Совнаркоме измена, какая-то язва завелась в Коммуне, сволочи и нелюди собираются использовать Великую Мировую в своих паскудных интересах!

Болью ударило в грудь. А если?.. Принцип этого Оккама, чердынь-калуга! Нет, только не это! Ведь с именем Вождя Косухин пришел в партию, поднимал бойцов в атаку. Если не верить

ему, то кому же еще верить? Нет, нет и нет! Славка ошибся, ошибся Лунин — нет!

Косухин помотал головой, словно отгоняя надоедливых мух. Не расслабляться, чердынь-калуга! Рассусоливаешь, красный командир! Что будет — то будет, на то и разведка. А сейчас — забыть.

Пора...

Охрана долго разглядывала Степины документы, но пустила без слов. Косухин облегченно вздохнул. Как ни хитер Агасфер, но у него, Степы, в запасе по крайней мере час — хотя бы до смены охраны в особняке. Он успел.

В здании Совнаркома, где уже приходилось бывать, Степа сразу же прошел на второй этаж. Здесь былолюдно. В коридоре мелькнула знакомая фигура Троцкого. Красный Лев беседовал с низеньким рыжеватым усачом. Приглядевшись, Степа узнал товарища Джугашвили-Сталина. Похоже, перерыв уже начался.

На лестнице Косухин нашел товарища Горбунова. Тот перекуривал. Узнав Степу, он сообщил, что Вождь уже ждет товарища Косухина в своем кабинете, а посему следует поспешить. Итак, его ждут! Степа снял шинель, бросил ее на первый попавшийся стул в коридоре и побежал на третий этаж, где находился кабинет Предсовнаркома.

Тут было тихо. Возле приемной Вождя топтались двое добродушного вида курсантов, лениво опиравшихся на винтовки. Увидев Степины нашивки, парни подтянулись, но, взглянув на пропуск, пропустили без слов. Посторонним в Главную Крепость ходу не было, и караул стоял как память о бурных месяцах войны.

В приемной за столом читал газету секретарь. Он поднял на Косухина удивленные глаза и сообщил, что Вождь занят. Пришлось назвать фамилию. Секретарь вздохнул, долго копался в каких-то записях и наконец неохотно кивнул в сторону двери. Косухин оправил гимнастерку. Он у цели! Сейчас!..

Степа толкнул дверь — она поддалась легко, — вошел и растерянно остановился у порога. Стол, лампа под зеленым абажуром, шкафы с книгами... Кабинет был пуст. Косухин на всякий случай кашлянул, неуверенно переступил с ноги на ногу и наконец шагнул к покрытому темно-зеленым сукном столу.

— Добрый вечер, Степан Иванович!

Голос показался знакомым, но это был не голос Вождя. Шевельнулась глухая черная портьера, высокая фигура выступила на свет. Красноватое лицо было спокойно, алые губы кривились легкой насмешкой.

— Напрасно беспокоите Предсовнаркома, товарищ Косухин. — Венцлав укоризненно покачал головой. — Он уже вполне в курсе.

— Мне... — Горло у Степы перехватило. — Мне надо с ним поговорить! Вы... вы права не имеете!..

Венцлав пожал плечами:

— Напрасно волнуетесь! Тот, к кому вы спешили, уже отдал приказ. А от себя скажу, Степан Иванович: совсем недавно Агасфер подарил вам жизнь. Зря вы искушали судьбу!..

Он щелкнул пальцами. Портьера распахнулась, несколько крепких розовошеких парней в одинаковых гимнастерках окружили Степу. Его схватили за руки, на запястьях защелкнулись наручники, на губы легла изоляционная лента. Косухин не сопротивлялся — силы исчезли. Мелькнула мысль об измене, прокравшейся в святая святых — кабинет ничего не ведающего Вождя, но в такое уже не верилось. Загадка решена — Агасфер открыл забрало. Ему надоело играть с красным командиром Степой в прятки...

За портьерой оказалась еще одна дверь. Косухина впихнули в узкий проход, провели маленьким коридором к глухой лестнице, тускло освещенной пыльными лампочками. Его толкнули в спину, ступени выскакивали из-под ног, лента на губах мешала дышать... Мельком подумалось, что Славка Арцеулов оказался прав, да и сам он, Степан Косухин, обязан был не раскисать, а догадаться. Голос! Такой знакомый голос, только на Челкеле и позже, в каменном мешке подземелья, он звучал не резко и отрывисто, как обычно, а мягко и плавно. Степа должен был догадаться, понять, но оказался глух и слеп. Значит, поделом...

Лестница кончилась. Перед ним был маленький дворик, спрятавшийся между глухой, без окон, стеной здания и громадой крепостной башни. Их ждали — пятеро парней с винтовками переминались с ноги на ногу. Косухин невольно всмотрелся — нет, это не бойцы Особого полка. Обыкновенные курсанты, каждый не старше двадцати. Смена...

Его толкнули к стене. Косухин чудом удержался на ногах, но заставил себя выпрямиться. Вот, значит, где доведется, чердынь-калуга! Запоздалая ненависть захлестнула его. Значит, их всех обманывали — и живых, и погибших! Будь оно все проклято!..

Но тут же пришло спокойствие. Он знал, на что идет. Красный командир Косухин разведку закончил. Ростислав все поймет. Он ведь умный, Славка Арцеулов! Он знает, что делать дальше...

Венцлав появился неожиданно. При виде его курсанты стали по стойке «смирно», старший козырнул, готовясь рапортовать, но краснолицый нетерпеливо махнул рукой:

— Всем отойти!

Парни переглянулись, но послушно шагнули назад, к стене здания. Венцлав подошел к Степе и несколько секунд молчал, словно не решаясь заговорить.

— Агасфер подтвердил приказ... — Он умолк, по лицу промелькнула усмешка. — Доставили вы нам хлопот, Степа Иванович! Мои бойцы боятся вас — вы же видели Большой Рубин! Пришлось звать курсантов. Взял грех на душу — сказал, что вы готовили покушение на Вождя... Знаете, Степа Иванович, я еще в Иркутске понял, что ваша ретивость не доведет до добра. Впрочем, мораль читать поздно...

Говорить Косухин не мог — мешала лента, залепившая рот. Смотреть в лицо нелюдю было тяжело, и Степа поднял глаза к небу. Сквозь ночную темень пробивался странный синеватый отсвет. Звезд не было — тучи накрыли ночную Столицу...

— И еще... — Голос Венцлава дрогнул. — Я обязан вам сказать... Вы едва ли поймете, но все же... Мне предсказано, что смерть придет за мной в облике молодого воина, незнатного и безвестного. Я думал, это вы...

Странные слова на миг пробудили интерес. Значит, гад все же боится? Ничего, этот безвестный еще появится! То-то краснотелый трус празднует!

— Я не боюсь! — Венцлав словно читал его мысли. — Но вы не можете представить, что значит все время ждать смерти. Не месяцы, не годы... Вам, людям, проще. Я не рад тому, что случилось... Прощайте!..

Венцлав быстро кивнул и повернулся к курсантам:

— Сюда!

Парни подбежали и застыли, сжимая в руках трехлинейки.

— По приказу Председателя Совнаркома!.. Врага революции ликвидировать немедленно. Не стрелять — действовать без шума!

Венцлав резко повернулся и, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь. Курсанты на миг замешкались, затем старший нерешительно поднял винтовку.

— Приготовиться, товарищи...

— Штыков нет, — растерянно откликнулся кто-то. — Забыли!..

— Прикладами!

Степа вспомнил пещеру у Челкея и свое странное видение — сон о несбывшемся будущем. Выходит, и здесь ошибки не вышло! Растерянность прошла. Нет, не на того напали! Он, чердьнь-калуга, им не телок на бойне!..

Степа пригнул голову и бросился вперед. Одного он сбил с ног и, быстро развернувшись, попытался ударить головой в живот следующего, но тут его сильно толкнули в спину. Косухин шатнулся, его толкнули снова, и вдруг на затылок обрушился страшный удар. Казалось, земля рванулась навстречу. Еще несколько секунд он чувствовал какие-то толчки: приклады били по телу — и тут все разом оборвалось...

— ...Степан! — негромкий, но сильный голос заставил очнуться. Он был тут же, во дворе. Парни в зеленых гимнастерках столпились вокруг чьего-то скорчившегося тела. Смотреть на такое было неприятно, Косухин невольно отвернулся и вдруг все понял. Добили! Он хотел крикнуть — назло всем, доказать, что он здесь, что они рано обрадовались... Не успел. Все, что было вокруг — тускло освещенный фонарями двор, красный кирпич стены, недвижимое тело, вокруг которого столпились убийцы, — стало тускнеть, расплываться, медленно исчезать...

— Степан... Степа!

На этот раз голос был другим, знакомым. Ключья тумана, застилавшие взор, исчезли, и Косухин узнал брата. На полковнике была белая парадная форма, золотом сверкала сабля у пояса, а на груди тускло мерцала эмаль орденов. Таким он видел Николая лишь на фотографии — и в том странном сне. Тогда Коля тоже встречал его и почему-то торопил...

— Ну здравствуй!.. — Брат улыбнулся — слегка, одними уголками губ. — Пойдем, тебя ждут...

Степа хотел спросить, что все это значит, кто может ждать его здесь и где это — «здесь», но Николай взял его за локоть:

— Мы еще поговорим. Ты молодец, Степан!.. Пойдем...

Косухин на мгновение почувствовал себя совершенно счастливым. Он снова с Колей, и брат — сам Николай! — назвал его молодцом. Но тут же его охватила тревога. Приближалось что-то важное, очень важное...

...В глаза ударил невыносимо яркий свет, Степа закрыл лицо ладонями, но свет все равно пронизывал его насквозь. Ослепительно белый огонь, ярче раскаленной стали, ярче самого солнца, забушевал вокруг, волны света захлестывали, сбивали с ног, и вот откуда-то из самой глубины послышался голос, позвавший его тогда, в первый раз, сквозь черноту забвения:

— Степан! Ты сделал то, что было велено?

— Я... — Отвечать не было сил.

— Забыл наш уговор? Вспомни о чечевичной похлебке!..

Косухин вспомнил: да, он обещал. Обещал — но не успел. То, что скрывалось в Шекар-Гомпе, по-прежнему всесильно. Он ничего не смог... Или... Или все-таки...

Степа стал напряженно соображать, рука привычно полезла к затылку, и тут он понял, что светящийся океан исчез. Косухин открыл глаза — перед ним встала черная стена гор. Под ногами была тропинка, а совсем рядом темнел вход в пещеру. Все было знакомо, точно как в тот вечер, когда всадники Джора доставили их с Ростиславом к первому ночлегу. Внутри пещеры горел костер.

— Заходи, Степан...

Теперь он узнал этот голос. Тот, с кем он разговаривал

ночью у огня, сидел возле костра, держа свои большие крепкие ладони над языками пламени.

— Погрейся! Ты поделился со мной огнем. Теперь — моя очередь. Сядь...

Косухин послушно присел. Костер горел ярко, и с каждым мгновением Степе становилось все спокойнее и легче. Его давний собеседник подбросил дров, угли весело затрещали. Незнакомый улыбнулся и потер ладони, счищая прилипшие кусочки темной коры.

— Не спеши — все поймешь, Степан. Но главное знай: ты сделал то, что обещал. Ты просил награды?

Степе стало стыдно.

— Вы... это... извините! Сболтнул лишнее. Дверь эту светящуюся увидел...

— Теперь ты знаешь, что за нею?

Косухин кивнул. Да, теперь он знал...

— Ты хотел вернуться. Тебе обещано, а такие обещания не даются попусту. Ты вернешься — но не туда, откуда пришел. Под нашим небом некоторые законы не изменить даже мне, но есть другие небеса. Твой путь не окончен, Степан. Дам совет: то, что станет теперь твоим, береги, но не бойся отдать, когда придет день...

Это было уже совсем непонятно. «Другие небеса» — поди Америка или что подальше. А вот «то, что станет твоим»...

— Ты поймешь. — Губы незнакомца вновь улыбнулись, но глаза смотрели строго и серьезно. — А сейчас пора. Мы выполнили то, что обещали: ты — свое, я — свое...

— Постойте! — Степа вскочил, видя, что все вокруг — пещера, костер, его собеседник — начинает медленно расплываться перед глазами. — Мне бы это... поговорить!..

— Мы поговорим, но ты должен прийти ко мне сам. Понял меня, Степан? Ты сам придешь ко мне...

— Я? — Он еще успел удивиться, прежде чем наступила тишина...

ГЛАВА 12

ДОЛГ

Арцеулов прибыл к Большому театру ровно в полдень. Теперь Ростислав ничем не походил на щеголеватого командира РККА. Красные нашивки спороты, исчез дорогой кожаный ремень, вместо фуражки голову украшала старая потрепанная шапка. Приобретенная ради подобного случая справка удостоверяла, что «податель сего» является демобилизованным красноармейцем Южного фронта.

Косухина не было. Прошло полчаса, топтаться на оживленном пятачке становилось опасно. Ростислав заставил себя не думать о самом худшем. Оставалось еще завтра, можно было зайти к комиссару Лунину, можно было попытаться — чем черт не шутит! — проникнуть в Главную Крепость...

На следующее утро он уже собирался прицепиться к переполненному трамваю, чтобы ехать в центр, но помешал газетчик. Оборванный мальчишка выкрикивал какие-то нелепости о белогвардейских злодеяниях. Ростислав развернул «Правду» и понял, что ехать незачем да и некуда...

...На фотографии, обведенной жирной черной рамкой, красный командир Косухин выглядел странно серьезным, даже суровым. Таким Арцеулов не видел его даже после Тибета. Ростислав быстро пробежал глазами неровные полуслепые строчки. «Зверски убит белогвардейской бандой... легендарного 256-го полка... дважды орденоносец... кандидат в члены ЦК РКП(б)»...

Ниже была статья. Ростислав взглянул на подпись и скривился — под текстом стояла паскудная фамилия Троцкого. Опус назывался «Прощай, товарищ Косухин!». Из статьи можно было узнать, что член РКП(б) с октября 1917 года, один из первых командиров молодой Рабочей и Крестьянской, Степан Иванович Косухин честно выполнял свой партийный долг всюду, куда направляла его Революция. Подлые враги отомстили герою. Они были названы — озверелые недобитки из колчаковских банд во главе с офицером, «прославившимся нечеловеческими зверствами на окровавленных просторах Сибири». Дальше читать Арцеулов не стал. Все стало ясно.

Хотелось завывать, заорать, разрядить револьвер в первого же встреченного комиссара, ворваться на Лубянку с гранатой в руке... Лопоухий веснушчатый Степа выполнил свой долг до конца. Ему, Арцеулову, остается уползти за кордон и портить глаза над табличками с древними письменами — подходящее занятие для никому не нужного инвалида.

...Арцеулов решил ехать прямо на вокзал, но не удержался и вновь развернул проклятую большевистскую газету. Под статьей мерзавца Бронштейна была заметка о том, что похороны товарища Косухина должны состояться завтра, в час дня, на кладбище бывшего Донского монастыря.

Ехать туда было безумием. Его ищут. На Донском кладбище офицера, «прославившегося нечеловеческими зверствами», будут высматривать особо внимательно. Подполковник Арцеулов нужен этой банде — как слишком много знающий свидетель, как идеальный враг, на которого можно списать все — и Берга, и Степу, и деяния 305-го полка в Сибири. Эмоции следовало забыть. Степана опустят в холодную апрельскую землю под людоедские гимны, а он, Слава Арцеулов, поспешит подальше, раду-

ясь, что уцелел. Ехать нельзя! От него этого и ждут, Агасфер и его нелюди прекрасно знают все слабости ненавидимых ими русских интеллигентов. Он закажет панихиду в ближайшей церкви по убиенному рабу Божьему Степану, но на Донском делать нечего. Это попросту ловушка...

Оставалось кружить по Столице, пересаживаясь из трамвая в трамвай. Дважды Ростислав приезжал на вокзал, но каждый раз уезжал оттуда, ругая себя за неуместную чувствительность. Косухин не обрадовался бы, узнав, что белого гада Арцеулова арестовали прямо у его гроба. Ростиславу казалось, что он слышит голос Степы: «Спятил, чердынь-калуга? Уматывай, интеллигент!...»

Ростислав переночевал на Петроградском вокзале, затерявшись в огромной толпе демобилизованных. Оставалось дожидаться поезда на Псков. Билет он, как солдат героической РККА, уже получил. Поезд уходил в десять утра. Надо было ехать. Ничего уже не изменить, разве что к худшему, если он, Ростислав Арцеулов, попадет прямо в лапы Светоносного...

...На кладбище Арцеулов приехал без четверти час. Через старые монастырские ворота уже тянулась огромная толпа, у тротуара стояли черные авто, порядок охраняли молчаливые парни с винтовками. К могиле подойти не удалось. Там суетились распорядители, стоял почетный караул из каких-то мордастых в кожаных пальто. Играл оркестр. Апрельское небо хмурилось, начинал накрапывать мелкий дождь...

Митинг никак не начинался. Наконец охрана проложила коридор сквозь молчаливую толпу, и к могиле быстро прошел Троцкий. Блеснули тяжелые стекла очков. Лев Революции поднял к небу холеную белую руку и начал речь. Арцеулов не слушал. Его не интересовали ораторские пассажи Лейбы Бронштейна и тех, кто сменял его на невысокой, обтянутой красным ситцем трибуне. Ростислав просто стоял и смотрел на заколоченный гроб. Он пытался вспомнить Степино лицо, но перед глазами плавали темные пятна...

На трибуне сменился очередной оратор. Арцеулов узнал знакомое по фотографиям самодовольное лицо Луначарского и вдруг почувствовал чей-то взгляд. Он обернулся — комиссар Лунин стоял совсем близко, стриженная голова склонилась над ним, холодные голубые глаза смотрели не мигая. Ростислав кивнул. Лунин сжал губы и медленно покачал головой. Понятно без слов — подходить нельзя. Колька вновь качнул головой, взгляд скользнул куда-то в сторону. Ростислав обернулся и вздрогнул. Венцлав! Краснолицый стоял в окружении нескольких крепких молодцов в одинаковых серых шинелях. Арцеулов хотел обер-

нутья, но не успел. Взгляды встретились. Командир Бессмертных Красных Героев еле заметно улыбнулся...

Страх не было. Рука сжала рукоять револьвера. Пусть только сунутся — и, как сказал бы Степан, «чердынь-калуга»!.. Но тут же ему представилась статья в завтрашней «Правде» о садисте-колчаковце, осмелившемся явиться на похороны убитого им красного героя, дабы устроить покушение на вождей революции. Для того и приглашали! Он навсегда останется убийцей Степана. Несущий Свет, похоже, мастер на подобные забавы...

Нет, не выйдет! Арцеулов незаметно достал револьвер и кинул под ноги, втоптав оружие в чавкающую под сапогами грязь. Фальшивые документы никому не повредят, а остальное уже в Ревеле. Светоносному достанется только он, белый гад, колчаковский недобиток... Но тут рука наткнулась на что-то небольшое, странной формы. Перстень! Ростислав совсем забыл о нем. Он тоже достанется Агасферу! «Если же кто-то не только зол, но и проницателен...» Ростислав затравленно оглянулся. Серые шинели еще далеко, можно кинуть серебряное кольцо под ноги, в грязь. Но это слишком просто. Найдут! Если надо, перелопатят всю грязь под ногами, это не так уж трудно...

Арцеулов взглянул туда, где стоял комиссар Лунин. Если протолкаться к нему... Нет, когда их увидят рядом, Кольке не сберечь перстня. Найдут — и не пощадят.

В уши ударил «Интернационал». Ростислав поднял голову и дернулся от сухого винтовочного залпа. Салют... Красного командира Косухина опустили в могилу... Толпа зашевелилась. Вожди уже бросили по горсти мокрой глины и уступили место остальным. Люди шли быстро. Ростислав пошел вслед за всеми, понимая, что бандиты Венцлава могут оказаться рядом в любой момент. Надо успеть...

Темный провал могилы был уже рядом. Ростислав поднял мокрую горстку земли, готовясь кинуть ее на гроб. И тут же вспомнилось — Ксения унесла перстень с собою, но Охе Вагрэ вернулся. Пусть же Степа станет его хранителем! Это будет последнее, что сможет сделать командир Косухин.

Пальцы быстро залепили кольцо в податливую глину. Прощай, Степан! Мокрый комочек глухо ударился о красную крышку гроба...

...Трое в серых шинелях подошли к нему возле ворот, еще двое стали по бокам. Ростислав ждал, не говоря ни слова. Взгляд упал на лицо одного из серошинельных. Пустые мертвые глаза казались стеклянными, ярко-алые губы победно улыбались. Бессмертные Герои! Что ж, этого следовало ожидать...

— Гражданин Арцеулов? — Венцлав отстранил рукой одного из солдат. — У меня ордер на ваш арест. Прошу сдать оружие...

Все было будничным и скучным. Его обыскали, толкнули в спину и повели через ворота. Черное авто стояло наготове. Ростислава усадили на заднее сиденье рядом с одним из красногубых. Венцлав сел по другую сторону.

Машина мягко тронулась с места. Красногубый солдат опустил занавески на окнах. Еще одна, плотная, из темной ткани, отделяла заднее сиденье, не давая возможности смотреть через ветровое стекло. Арцеулов мельком удивился: неужели дорога на Лубянку — государственный секрет?

— Папиросы? — Венцлав держал в руках тяжелый серебряный портсигар. Ростислав потянулся за куревом, но тут же опомнился. От этих нелюдей ему ничего не надо. Даже если эта папироса — последняя.

— Пристрастились к махорке, Ростислав Александрович?

Голос краснолицего был насмешлив и полон злой иронии. Внезапно Арцеулову стало легче. Почему бы и не поговорить?

— Да пошел бы ты, шкура комиссарская, да в Христа-Богородицу через крест животворящий...

Адрес выговаривать было приятно. Прав Степан — хорошо порой забыть о воспитании и прочей «интеллигентской ерунде»!

— Не смейте! — Венцлав злобно дернул щекой. — Я дворянин, Ростислав Александрович! Мой род правил этой землей, когда ваш пращур ходил с сохой!..

Это было ново. Большевик, требующий уважения к своему «чуждому» происхождению! Ишь, дворянин нашелся!

— Не смейте улыбаться!

Бесцветные глаза горели злостью. Ростиславу же и вправду стало весело:

— Молчал бы лучше, нелюдь! Дворянин... Да ты просто большевистская сволочь и предатель родины! Понял — или повторить, упырь драный?

На какое-то мгновение показалось, что краснолицый его ударит. Но Венцлав сдержался. Глаза потухли, голос стал тихим и невыразительным:

— Я не виноват в том, что не человек. Но я был человеком, и то, что вы говорите, в вашем столетии называется расизмом. Это недостойно...

Арцеулова передернуло. Расизм, вот как?

— Я не знаток некромантии. Но то, что ты творил в Сибири, я видел своими глазами. Предатель не может оставаться дворянином. А ты предал родину и Государя!

— Предал... — Краснолицый чуть повысил голос. — Ваша Империя плохо относилась к таким, как я. Кое-что я вам покажу — попозже. И не злите меня, Арцеулов, а то я прикажу своим

ребятам не убивать вас сразу. Вы ведь еще не видели мою спецкоманду? Это не олухи из 305-го, это получше... Перстень у вас?

— Ищите...

— Вы отдадите его сами. Не мне — с вами будут говорить. Будьте благоразумны, Ростислав Александрович. Кстати, как вам удалось убить Берга? Натравили голема на свежую кровь?

Ростислав промолчал. Пусть сами разбираются со своими големами, упырями и нелюдями знатного происхождения!

— Вы облегчили мне задачу. Я имел приказ ликвидировать Берга, но, увы, не мог, ведь у него был перстень... Мы не приказывали убивать полковника Лебедева. Нам нужен контроль над Тускулой, а не уничтожение лаборатории. Берг убил его сам — польстился на перстень. Дурак! Думал, что стал всесильным...

Арцеулов не стал спорить. Какая разница? Он отвернулся и стал глядеть в занавешенное окно. Интересно, кто это с ним будет беседовать? Неужели сам Агасфер?

Внезапно авто затормозило. Венцлав кивнул, сидевший рядом солдат достал большую черную повязку. Ростислав не стал сопротивляться, позволив завязать глаза. Силы он побережет. Руки не связаны — значит, не все потеряно...

Его вывели из машины. Под ногами был твердый камень — наверное, дворик, вымощенный плитами. Один из солдат взял его за плечо, и Ростислав ощутил ледяной холод. Его подтолкнули вперед.

— Ступеньки, — услышал он голос краснолицего.

Ростислав споткнулся о порог и ощутил спертый воздух подвала. Ступеньки, снова порог, затем еще один. Пахнуло сыростью, легкие наполнились холодным стылым воздухом. Где-то неподалеку капала вода, под ногами хлопнуло...

— Повязка... — распорядился Венцлав.

С него сняли черную ткань. Вокруг была тьма, рассекаемая светом электрических фонарей. Осклизлые стены, низкие своды, странные ниши. Подземелье...

— Мы под Столицей, — пояснил Венцлав. — Идите за мной и не вздумайте бежать. Людей здесь нет, и вас встретят плохо...

Угроза была неясной, но Ростислав почувствовал ее серьезность. Похоже, в этой черной бездне нет места живым...

Один из солдат шел впереди, светя фонарем, за ним шагал Венцлав, а за Арцеуловым пристроились остальные. Свет фонарей падал то на древнюю, поросшую мхом кладку, то на проходы, уводящие в стороны. Шли долго, не меньше получаса. Наконец краснолицый остановился.

— Я вам обещал кое-что показать, Арцеулов. Пойдемте...

Он взял у солдата фонарь и кивнул на один из боковых проходов. Они оказались в большом подземном зале. Венцлав неторопливо провел лучом света по стенам, в которых чернели глу-

бокие ниши, затем фонарь осветил заржавленные крючья, вбитые в низкий потолок, следы столбов, когда-то вмурованных в каменный пол.

— Раньше здесь было светло. Застенок... Знаете, что это такое? Вот тут стояла дыба. Дальше — жаровня, где калили железо...

Ростиславу почудилось, что где-то совсем рядом глухо звякнули старые заржавелые цепи...

— Зачем... Зачем вы мне это показываете? Вы что, кого-то здесь пытали?

В темноте послышался смех.

— Перешли на «вы»? Нет, Арцеулов, я никого не пытал. Здесь пытали меня. Я ведь чувствую боль, хотя иначе, чем люди. Мне не за что любить эту страну. Ваша власть и ваши попы уничтожали все, что казалось непохожим и странным. Палачей не предаю — им мстят... Пойдемте...

Теперь шли недолго. Проход привел к небольшому помещению, выложенному потемневшими от времени и влаги каменными блоками. Венцлав остановил солдат.

— Мы останемся здесь. Идите вперед, Арцеулов. Будьте благодарными...

Идти не хотелось, но промедление могли принять за трусость. Шаг, другой... Свет фонарей исчез, вокруг было тихо, только вдалеке еле слышно капала вода. Он сделал еще несколько шагов, протянутая рука уткнулась в осклизлый камень...

— Идите вдоль стены. Там есть скамейка.

Голос прозвучал неожиданно. Арцеулов вздрогнул и прошел чуть дальше. Нога уткнулась во что-то твердое. Это была каменная скамья, на которую кто-то бросил что-то мягкое, похожее на старую шинель.

— Присядайте...

Голос был знакомым. Он уже слышал его — на Челкеле.

— Вы ведь искали меня? Очень, очень неразумно!

Руки сжались в кулаки, по всему телу пробежала дрожь. Тот, кто разговаривает из темноты... Они виделись и при свете, но Арцеулов почему-то никак не мог вспомнить его лицо.

— Ну, здравствуйте, Ростислав Александрович...

— Что... Что вам от меня надо, Люцифер?

Из темноты послышался смех — беззлобный и легкий:

— Остроумно! По крайней мере приятнее, чем Вельзевул или Сатана. Что подлаешь! Люди не любят тех, кто несет им Свет... Прошу прощения, что приходится беседовать в подобных условиях. Мой привычный облик мне самому, признаться, поднадоел. Скоро я поищу что-либо другое. А выступать в каком-то случайном обличье не хотелось — вдруг вам не понравится?

Арцеулов заставил себя усмехнуться:

— А зачем вам «обличье»? Вы что — на жабу похожи?

Вновь послышался смех.

— Ну, будь я действительно рогатым бесом из ваших сказок... Или марсианином — читали Уэллса?.. Я... скажем так, человек, хотя и не такой, как вы. Похожих людей вообще не бывает...

— Вы — человек. — Ростислав вытер выступивший на лбу холодный пот. — Венцлав тоже... почти человек, и его оборотни — почти люди...

— Нет. Они не люди. Им нельзя верить. Венцлав предаст, как он предавал всех, кому служил. Они ненавидят людей, но пока бесполезны. Придет час, и мы загоним эту стаю обратно — в небытие...

Арцеулов вспомнил — Наташе тоже обещали нечто подобное.

— И большевиков туда же?

— Не верите, Ростислав Александрович? Напрасно. Это как прививка оспы. Люди должны переболеть, чтобы потом стать здоровыми. Большинство образумится, а самых бешеных легко ликвидировать. Так что у нас здесь полное единство взглядов.

Ловко! Уже — «у нас»! Впрочем, если это искушение, то не Бог весть как умно...

— Агасфер, а ведь это подло! Вам поверили миллионы людей, а вы сознательно ведете их на гибель!

— Я никого не обманывал, просто представил им будущее в доступной для понимания форме. Идея Коммуны примитивна, но понятна миллионам. Людей надо было чем-то выманить из болота, в котором они гнили тысячелетия...

Прозвучало очень искренно, и Арцеулов вновь усмехнулся. Ну и сволочь этот Лха Старший Брат!

— Кстати, по поводу Агасфера. Все-таки раскопали? Глупый псевдоним, особенно в таком антисемитском обществе. Сейчас меня чаще называют «Вечный». Это более нейтрально.

— Вам нравятся эти дурацкие игры?

— Это забавно. Люди вообще очень забавны. Возьмите образ, который я им демонстрирую. Поглядеть со стороны — просто смешно. Уродливый ненормальный придурок с набором нелепых закланий. Самому иногда не по себе! Но я не ошибся — это принимают всерьез. И не только рабочие и крестьяне. Скоро поверят многие из тех, кто считается солью земли... Людям не нужна правда...

Ростислав хотел возразить, но сдержался. Надо слушать. Искушитель к чему-то ведет. Вся эта болтовня неспроста...

— Так вот, Ростислав Александрович. Вначале я просто хотел предложить вам жизнь. Многим и этого вполне достаточно. Жизнь — и в придачу законное место в обществе будущего. Но я понял, вы — человек прошлого. Вы обращаете внимание на внешность, а не на смысл. Вам по сердцу весь этот нелепый ан-

тураж с двуглавыми орлами, колокольным звоном и дворянскими грамотами...

Вновь захотелось возразить. Разве за дворянские грамоты они шли в Ледяной поход? Что за чушь!

— У каждого своя цена. Венцлаву и ему подобным лестно выйти из мрака и мстить людям. Другим хватает усиленного пайка, некоторым — власти. Вы хотите большего — вернуть прошлое. Итак, ваша цена известна. Теперь о моей...

Ростислав понял, что сейчас будет сказано главное. Интересно, какие сребреники ему предложат?

— Вы — обычный человек, Ростислав Александрович. Но в силу причин, о которых тут речи не будет, вы оказались связаны с некоторыми важными событиями. Смысла их вы не понимаете — и не поймете. Поэтому буду говорить проще. Мне необходимо то, что вы нашли в Безбаховке. Мне нужна та вещь, которую вы считаете перстнем. Мне нужно кое-что, хранящееся у ваших друзей. Поверьте, это не магические сувениры, это вообще не магия. Если случится то, чего я опасаясь, плохо будет не мне, а людям — таким, как вы, Ростислав Александрович. Если бы мы жили пару веков назад, я сказал бы, что наступит царство бесов. Выразусь иначе: восторжествует сила, чуждая людям. Чуждая и враждебная...

Странно, но Арцеулов почти поверил. Он уже слышал подобное и не раз, да и сам понимал, что речь идет не о древней магии. Может, в этом — и только в этом! — проклятый Агасфер прав?

— Вам доведется этому помешать. А взамен... Вы хотите вернуться в прошлое? Вы вернетесь!

Ростислав вспомнил Пастушью Крепость. Чезаре ди Гуаско договорился со временем. А что предлагают ему?

— Я не отправлю вас в прошлое в прямом смысле. Это невозможно — пока по крайней мере. Но это и не требуется. Вы попадете в мир, где на календаре будет такой же день, что и сегодня. Но в том мире не случилось кое-что из того, что вам так ненавистно. История пошла иначе...

— Этого не может быть! — вздохнул Арцеулов.

— Слышу голос образованного человека! Может, Ростислав Александрович! Как только вы согласитесь, я вам тут же смогу сие доказать. Представьте, что в одном из близких нам миров Российская Империя уцелела. Там вы сможете наслаждаться родной вам стариной, а заодно встретите своих друзей. Большинство из них живы...

— И себя самого?

— Представьте себе, нет. Поручик Арцеулов пропал без вести во время весеннего наступления Русской армии 13 марта 1918 года. Как видите, я приоткрыл вам кое-что из этой иной истории. Вы появись там и, думаю, легко докажете, что вышла

ошибка, что вы были в госпитале. Ваша супруга охотно опознает вас...

И тут Арцеулов понял. Ему предлагали жизнь — настоящую, которая навсегда погибла в огне Смуты, мир, где Россия выстояла в войне, преодолев хаос и большевистский мятеж. Он вернется домой, где жива Ксения, где он встретит Виктора Ухтомского, Корфа, Орловского, сможет познакомиться с выдающимся ученым Семирадским и знаменитым авиатором Николаем Ивановичем Косухиным. Мир, где поднимаются в небо стрелы эфирных ракет, где нет «чеки» и голода — его мир. Там он встретит младшего брата знаменитого летчика — лопоухого Степу. Наверное, краснопузый в том мире не занимается глупостями, а летает на «Муромцах», а может, учится в школе эфирных полетов. Все это так близко — только протяни руку! Он никого не предаст, не прольет ни капли крови. Стоит отдать несколько никому не нужных «артефактов»...

— Скажу вам по секрету, что я специально оставил там все как есть — для сравнения. Так сказать, контрольный экземпляр... Наш мир уже не вернуть к прошлому. Забудьте о нем, Ростислав Александрович! Ваш мир — там...

Да, он не сможет победить Совдепию и оживить погибших друзей. Но можно просто вернуться и считать все пережитое тифозным бредом. Возможно, через несколько лет он и сам поверит, что воспоминания о Смуте — лишь последствия ранения в марте 18-го, когда Русская армия наступала на врага...

Сердце билось учащенно, мысли неслись вихрем, страшный необоримый соблазн охватывал душу. Что на другой чаше весов? Что он сможет сделать? Прочитать ветхие таблички? Узнать еще какую-нибудь непонятную тайну? Чепуха! Все это ничто перед Силой, с которой он сошелся лицом к лицу...

И тут вдруг Ростислав почувствовал боль. Он протянул руку к груди — что-то жгло кожу. Пальцы нащупали непонятный предмет в нагрудном кармане, маленький, плоский, показавшийся внезапно горячим, почти раскаленным. Иконка — образ Богоматери, подаренный младшим братом чернобородого, юным Гонзальво. «Возьмите на память... Да хранит вас...» Иконка жгла руку, захотелось бросить ее на холодные камни, растоптать... Арцеулов сжал пальцы, боль на миг показалась невыносимой — и вдруг все стало на свои места. Как же он мог? Прости, Степан...

— Ну что, Ростислав Александрович, я вас убедил?

Голос искуителя внезапно показался хриплым и жутким — не голос, а клекот. Арцеулов встал:

— Изыди, Сатана! Будь проклят во веки веков! Аминь!

Настала тишина, повеяло холодом. Иконка вновь стала обыкновенной, чуть теплой, Ростислав перекрестился и быстро

спрятал ее в нагрудный карман. Холод становился невыносимым, защемило сердце — и внезапно все пропало. Осталась сырость старого подземелья, глухая тьма — и далекий звук падающих капель.

— Пойдемте, Арцеулов!

Он не заметил, как подошел Венцлав. На плечо легла ледяная ладонь.

— Вы сами выбрали. Пойдемте!..

И снова свет фонарей рассекал стылую тьму. Шли недолго. Коридор привел в тускло освещенный керосиновыми лампами зал. Он был большим, четырехугольным, в стенах темнело несколько проходов. В центре у стоявшего прямо на земле фонаря толпились какие-то фигуры.

— Моя спецкоманда, — кивнул Венцлав. — Вас можно было прикончить прямо на месте, но мои ребята скучают без работы...

Арцеулов молчал. Венцлав хмыкнул и подтолкнул его в спину. Толчок привел в чувство. Ростислав сделал шаг вперед и резко развернулся. Удар был точен — прямо по горлу краснолицего. Рука отозвалась болью, словно он попал по деревянной доске. Венцлав покачнулся, но устоял. Бандиты из спецкоманды уже бежали к ним. Арцеулов уклонился от прямого в челюсть и ударил снова. Под рукой что-то хрустнуло, краснолицый зашатался и рухнул на каменные плиты. Вовремя! Бандиты были уже рядом, Арцеулов поднырнул под протянутую к нему руку, ударил ногой, перехватил чью-то кисть, резко дернул и, услышав злобный крик, бросился к ближайшему проходу. Он был близок к цели, когда почуял сзади хриплое булькающее дыхание. Подсечка сбила с ног. Ростислав успел перевернуться, спасаясь от удара сапогом, но тут еще один удар — прямо в голову — на миг лишил сознания.

Очнувшись, он почувствовал, что его трясут. Чьи-то руки рвали шинель, слышалась злобная ругань. Открыв глаза, Ростислав увидел склонившиеся над ним лица. Нет, не лица — жуткие личины: мертвые тусклые глаза, перекошенные от злости красногубые пасти с оскаленными желтыми клыками...

— Очухался! Че с ним, с падлой, делать, начальник?

Голоса перебивали друг друга. Кто-то шарил по карманам. Послышался вопль — иконка, подарок Гонзальво, выпала из чьей-то лапы, и нелюдь, бешено ругаясь, принялся втаптывать образ Богородицы в грязь. Арцеулова встряхнули и поставили на ноги.

— К стенке! — Венцлав брезгливо отряхивал шинель. Красное лицо было перекошено. Кажется, удары Ростислава не пропали зря.

— Не надо, начальник! Мы его и так! Разреши! На части порвем. Горлянку враз исполосуем...

Венцлав спокойно выслушал недружный крик.

— Приказ. Шлепнете — он ваш!

Ростислав не ждал чего-нибудь иного. О чекистах он был слышан, а люди они или упыри — значения не имело. Что они с ним собираются делать? Сожрать, что ли? Арцеулов не удивился бы и этому. Его толкнули к стене. Ростислав взглянул на выщербленные пулями камни и понял, что будет не первый, кого привели сюда. Нелюди предпочитали творить расправу подальше от света, в самом сердце подземелья...

Оставалось повернуться, стать спиной к стене и встретить смерть, как и полагается офицеру, — лицом. За эти годы приходилось умирать много раз. Наверное, это последний...

Бандиты, ругаясь, разбирали винтовки. Венцлав стоял в створке, в руке дымилась папироса. Лицо нелюдя вновь стало холодным и безразличным.

— Братва, в сердце не целить! Сперва по коленям, а после набьем брюхо свинцом, пусть в кровянке, гад, поползает! Жалко, если сразу сдохнет...

Щелкали затворы. Клыкастые пасти жадно скалили, пустые мертвые глаза смотрели с нечеловеческой лютой ненавистью. На мгновение вновь стало страшно. Арцеулов зажмурился...

— Нужна помощь, брат-воjak?

Он почувствовал легкое прикосновение и, все еще не веря, открыл глаза. Чешский подпоручик стоял рядом все в той же старой зеленой шинели и высокой легионерской фуражке — точно такой же, как встретился ему в далеком Нижнеудинске. Он улыбался — спокойно, чуть грустно.

Арцеулов резко выдохнул. «Брежу, — пронеслось в голове. — Откуда?» Но он не бредил. Его странного спасителя увидели. Красножир испуганно переглядывались, не решаясь поднимать винтовки. Венцлав замер, сжав окурки в кулаке.

— Не бойся их! — усмехнулся чех. — Это просто ночной кошмар. Сейчас он кончится...

— Стреляйте! — В голосе Венцлава звучали гнев и одновременно растерянность. — Огонь, сволочи!

Бандиты начали нерешительно перешептываться, один сплюнул, поднял черный ствол... Глаза подпоручика сощурились, тонкие губы сжались и побелели. Отчаянный вопль — винтовка упала на землю, бандит взмахнул дымящимися ладонями. Остальные с криками бросились прочь, в темноту.

— Стой! — Венцлав шагнул вперед, сжимая «наган». — Ты не имеешь права! Ты... Ты такой же, как и мы!

— Пойдем, брат-воjak. — Чех опять улыбнулся, глаза блесну-

ли живым ярким светом. — Пусть они остаются там, где им место, — в бездне...

Его рука легла на плечо Ростислава. Арцеулов повернулся — перед ним была стена.

— Пойдем! — повторил подпоручик и прошел прямо сквозь темные выщербленные камни. Арцеулов мгновение помедлил, затем, уже ничему не удивляясь, шагнул следом. На миг стало темно, дыхание перехватило, но вот легкие наполнились холодным сырым воздухом. Стена осталась позади: Вспыхнул свет — чех включил фонарик и передал его Ростиславу:

— Здесь проход...

Узкий коридор вел куда-то вверх. Скоро воздух стал не таким сырым, повеяло свежим ветром. Чех остановился, кивнул куда-то вперед.

— Сейчас выйдем, брат-вояк. В городе найдешь дорогу?

— Д-да, конечно, — растерялся Арцеулов. — Постойте! Постойте, подпоручик! Я...

— Не надо, — покачал головой чех. — Я ведь твой должник. Помнишь, я говорил тебе?

— Но... Почему?

— Разве люди не должны помогать друг другу? — Легионер улынулся. — Неужели это так важно?

— Важно!

— За тебя просила та, которая помнит и молится о тебе, Ростислав...

Арцеулов понял — чех говорит о Ксении. Дыхание вновь перехватило:

— Я... Я увижу ее?

— Мы все увидимся, брат-вояк. А пока она просила передать, чтобы ты помнил ее слова. Все сбудется. Твой счет уже оплатили...

...Давний сон. Поезд Верховного, утро катастрофы...

«Ты будешь жить долго, Слава... Тебе поможет тот, кто уже помог тебе, хоть и желал зла. Тебе поможет тот, кому помог ты, хоть и забыл об этом. И, наконец, тебе поможет старый друг, с которым ты не надеешься увидеться...»

Чех осторожно тронул его за локоть, и Арцеулов послушно пошел дальше. Да, все сбывалось. Тот, кому он помог, шел рядом. Тот, кто помог ему, лежал в свежей могиле на Донском. Его счет оплатили — Ксения, лопухий Степа, друзья, лежавшие в русской земле от Харькова до Читы. И всем им он должен. Ему предстоит всю жизнь выплачивать этот долг. Кто-то поможет — тот, с кем он не надеется увидеться. Это будет, наверное, не скоро. Что ж, он будет жить, бороться — и ждать...

— Но все-таки, — не выдержал Арцеулов, — почему вы, подпоручик? Мы же с вами никогда не виделись!

— Виделись, брат-воjak... Ну, мы пришли.

Перед ними была глухая стена, только вверху светилось маленькое окошечко, через которое струился свежий весенний воздух. Арцеулов недоуменно взглянул на своего спутника.

— Тебя смущает стена? Забудь про нее, брат-воjak! Ты же видел — это нетрудно. Шаг — и ты свободен. Прощай...

— Постойте! Вы не ответили... Где мы?... Как?..

— А ты вспомни, Ростислав. Это тоже нетрудно...

Чех улыбнулся, в странных неживых глазах вновь вспыхнул огонек. И тут Ростислава словно ударило: зеленая шинель! Зеленая шинель, заброшенная землей, почти незаметная среди молодой высокой травы...

...Рота наступала, пробиваясь к высоким берегам Камы. Только что кончился бой — тяжелый, кровавый. Все смертельно устали, но Арцеулов торопил: надо было успеть похоронить погибших. Их шестеро — пятеро нижних чинов и пожилой унтер. Еще с Германской Ростислав соблюдал железное для солдата правило — мертвые имеют право на последний приют.

Могины копали на опушке, там же, где только что гремел бой. Мертвые лежали, укрытые шинелями. Вскоре к ним прибавился еще один, из соседней роты, забытый товарищами.

— Посмотрите еще! — приказал Арцеулов, и солдаты без особой охоты разошлись по округе.

— Все! Только краснопузые!

Ростислав кивнул. Антихристы его не интересовали.

— Господин штабс-капитан!

Арцеулов оглянулся. К нему бежал один из унтер-офицеров.

— Еще один. Но не наш — чех. Давно валяется! Их тут неделю назад покрошили...

Сообщение унтера вызвало ропот. Легионеров успели не полюбить, к тому же все знали, что бывает за неделю с непохороненным трупом.

— Пусть валяется, союзничек! Наших небось не хоронят!..

Все были согласны. Возиться с разложившимся телом, да еще какого-то чеха, никому не хотелось. Арцеулов бросил папиросу.

— Где он?

Легионер лежал в высокой траве. Зеленая шинель была наполовину засыпана землей, от лица, от рук — от всего, по чему узнается человек, — ничего не осталось. Стоять рядом было тяжело, дыхание перехватывало...

— Да оставьте его, господин штабс-капитан! Они наших не жалуют. Да и сгнил весь — еще схватим чего...

Солдаты боязливо поглядывали на зеленое пятно шинели.

— Нет. — Арцеулов закатал рукава и, сдержав дыхание, наклонился над мертвецом. — Это человек...

Он потянул зеленое, распадавшееся под руками сукно. Кто-то подскочил, помог. Тело было тяжелым, казалось, оно уже приросло к покрытой молодой травой земле...

Через час рота ушла дальше, оставив невысокий холмик с наскоро срубленным православным крестом...

Арцеулов открыл глаза. Он был один. Луч фонарика утыкался в камни старой, почерневшей от времени и сырости стены. Предстояло пройти сквозь них. Правда, молодой легионер из Праги, так и не ставший поручиком, считал, что это совсем нетрудно. Не труднее, чем волочить по траве страшное мертвое тело в разорванной на клочья зеленой шинели...

На Монпарнасе цвели каштаны. Небольшое кафе, где обычно собирались беззаботные молодые художники, было почти пустым. На столике стояла позабытая бутылка бордо, из которой никто так и не выпил ни глотка.

— Какой ужас, Господи! — Наташа сжала виски тонкими пальцами. В глазах блеснули слезы, отчего ее лицо внезапно стало совсем как у растерянного, обиженного ребенка. — Но почему? Дядя, господин Косухин... Ничего не понимаю!

Арцеулов промолчал. Что можно было ответить?

— Ничего нельзя было сделать, Ростислав? — Тэд хмурился и комкал в руках свернутую в трубку газету, недавно купленную на бульваре.

— Не знаю... — Арцеулов говорил медленно, слова давались с трудом. — Очевидно, я где-то ошибся...

— А я ведь совсем не помню господина Косухина! — вздохнула Берг. — Мне все рассказали, Ростислав Александрович, но я не помню! Только те дни, когда он был в Париже. Тогда мне он показался таким серьезным, я даже его немного боялась...

Ростислав и Валюженич переглянулись. Память не возвращалась к девушке. С Арцеуловым ее пришлось знакомить заново...

— Правда, мне снилось... — Наташа нерешительно замолчала. — Такой страшный сон... Будто мы с господином Косухиным идем по какому-то темному подземелью, входим в склеп, бежим по тоннелю, а потом стоим на каком-то заснеженном поле, и мне очень страшно...

— Это не сон, Наталья Федоровна... — Ростислав вспомнил черный силуэт монастыря, нависающий над заснеженной долиной. — Это было. Шекар-Гомп...

— Оу! — Валюженич обрадованно улыбнулся. — Наташа! Вы начинаете вспоминать! Я тогда стоял у входа...

— Нет. — Девушка тоже улыбнулась, но улыбка вышла невеселой. — Это только сон — наяву я по-прежнему беспамятная

дура. Извините, господа, нервы... Пора идти. Ростислав Александрович, ждем вас вечером. Его Императорское Высочество желает с вами о многом поговорить...

— Буду, — кивнул Арцеулов.

— Вы нам очень нужны. — Девушка встала и перебросила через руку легкий светлый плащ. — Наша группа продолжает работу...

— Не знаю, — растерялся Ростислав. — Вам ведь нужны специалисты... физики, математики. Я обыкновенный офицер...

— Не выдумывайте, Ростислав Александрович! — Тон Наташи стал спокойным, деловым, словно и не было тяжелого разговора. — Впрочем, об этом потолкуем вечером... Не провожайте меня, это несовременно...

Она повернулась, чтобы уходить, но внезапно остановилась:

— Чуть не забыла. Вам привет, господин Арцеулов. Вы ведь знакомы с Богоразом?

— С генералом? Нет.

— Не с отцом. С Семеном. С Семеном Аскольдовичем. В радиограмме он передает привет вам и... и господину Косухину.

— Что? — не понял Ростислав. — Тускула?

— Три дня назад мы установили связь... До вечера, господа!

Тускула вышла на связь! Значит, все не зря — Иркутск, бегство по ледяной тайге, падающий «Муромец», гром ракетных двигателей на Челкеле! Никто не погиб зря! И он, офицер погибшей армии, выполнил приказ Верховного Правителя России...

— Все-таки надо попробовать. — Валюженич плеснул вино в бокалы. — Говорят, что-то особенное...

Вкуса Ростислав так и не распробовал. Знаменитое бордо показалось терпким и противным.

— Кстати, Гастон вернулся. Представляешь? Шарль хочет засадить этого молодого гения лет на десять, чтобы не бегал с револьвером где не надо...

— Да пусть его!

Арцеулова не интересовал господин де Сен-Луи. Степана не вернуть, а мстить трусливому ничтожеству не хотелось.

— Оу, Ростислав, ты что-то подобрел!.. Ладно, если Наташа его отшила...

Валюженич запнулся и поспешил сменить тему:

— Как я понял, ты не собираешься заниматься этими ракетами?

Арцеулов пожал плечами:

— Чем я могу помочь? К тому же я рассчитывал на кое-что другое...

— Йе, Ростислав! — оживился Тэд. — Конечно! Я не успел

тебе рассказать. Как только я получил твоё письмо из Ревеля, я написал отцу. Вчера пришел ответ. Вот...

Он достал из кармана конверт и нерешительно развернул густо исписанный лист бумаги:

— Понимаешь, я сообщил ему, что ты желаешь заниматься древними языками, что у тебя способности...

— Да вы что! — Арцеулов даже растерялся. — Какие способности?

— Оу, ты себя недооцениваешь! Так вот... — Американец замялся. — Отец, наверно, был не в духе. Пишет, что моя рекомендация может только скомпрометировать человека. И что ты даром тратил силы, спасая на Тибете такого дурака, как я...

Валюженич виновато вздохнул, а затем широко улыбнулся.

— Зато дальше... Читаю: «К счастью, мистер Арцеулов имеет куда более солидные рекомендации, чем твоя. Мой уважаемый коллега из России мистер Пташников, гостивший недавно в Абердине, узнав, о ком идет речь, заверил, что мистер Арцеулов — человек серьезный, давно и успешно работающий в области древних текстов — в отличие от тебя, тратящего время на полную ерунду. Поэтому при первой же возможности прошу не забыть и передать мистеру Арцеулову мое приглашение. Он может приехать в Абердин в любое удобное для него время...»

Арцеулов почувствовал себя самозванцем.

— Оу, Ростислав! — понял Тэд. — Ты справишься! Отец любит таких, как ты, — серьезных...

Арцеулов невольно улыбнулся. Сам себе он не казался таким уж серьезным. Но в Абердин надо ехать. Он должен расшифровать странные таблички. Придется работать долго, много лет. Что ж, он будет работать...

— Повезло тебе! — Валюженич почесал затылок и вздохнул. — Когда вы с отцом раскрутите эту тайнопись, будет настоящая сенсация! Слушай, хоть камень оставь. Честное слово — без тебя к нему не притронусь. Это же такой артефакт!

...Странный плоский камень, способный менять цвет, послушный старинным заклинаниям. Когда-то дхарские маги снимали с его помощью порчу, возвращали память. Память... Наташа так и не смогла ничего вспомнить... Ростислав полез в карман пиджака. Листок с переписанным заклинанием, случайно уцелевший, был спрятан в бумажнике.

— Тэд, я хотел поговорить с вами об этом камне. Вот...

Он положил на стол белый лист бумаги, исписанный странными, непонятными словами.

— Йе! — Валюженич вцепился в листок, глаза радостно блеснули. — Фольклор!

— Нет. — Арцеулов осторожно забрал бумагу. — Это не фольклор. Тут такое дело, Тэд...

- Вы, я вижу, не в настроении, Агасфер?
- Нет-нет, не обращайтесь внимания. Много дел в моем... си-недрионе, так, кажется? Итак, вижу, вас ничто не убедило. Мы встречались чуть больше года назад, и вот война кончена!..
- Разве? В стране голод. Ваши нелюди уничтожают священников, ученых...
- Некоторых, друг мой. Некоторых. Среди них встречаются очень беспокойные...
- Отрешившиеся?
- Запомнили? Совершенно верно. Порой они могут доставить изрядные хлопоты. Но не только они. Придется, как ни странно, заняться дхарами...
- До седьмого колена, да?
- О! Изучаете здешние священные тексты? По-моему, мы всегда однозначно относились к отступникам. Мы с вами расходимся в методах, а вот они...
- Их потомки не виноваты!
- Не скажите! Кое-кто начинает припоминать некоторые любопытные подробности. Вы что, хотите, чтобы все повторилось вновь? И я не хочу. Только, в отличие от вас, не боюсь брать на себя ответственность — и вмешиваться. Кстати — ай-яй-яй, мой друг, вы все-таки не удержались — и занялись моими делами!
- Я вас не понимаю.
- Та история — с двумя глупыми, но очень любопытными молодыми людьми. Впрочем, это мелочи. Все уже позади...
- А что впереди? Вы укажете людям единственно верный путь?
- Опять вы об этом! Они уже нашли верный путь — вместе со мной. Вся эта грязь, накипь, пена — все уйдет!..
- Слышал! Недавно вы выступали, обещали близкий рай...
- Не преувеличивайте. Я говорил правду: мы начинаем грандиозный, невиданный эксперимент...
- ...Над людьми.
- Не над людьми! Вместе с ними! Вы слушали мою последнюю речь? Тогда вы должны помнить...
- Помню... «Все мы вместе...»
- Именно так! Все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ТРИЛОГИИ

1993—1994 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5

Книга первая ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ

Глава 1. НИЖНЕУДИНСК	11
Глава 2. ПОСЛАНЕЦ СИББЮРО	30
Глава 3. ПОЛКОВНИК ЛЕБЕДЕВ	47
Глава 4. НЕПУСКАЮЩАЯ СТЕНА	62
Глава 5. ГОЛУБЫЕ СВАСТИКИ	82
Глава 6. ПОГОНЯ	103
Глава 7. СЕМЕН-КРЕСТ	122
Глава 8. НОЧЬ ГУРГУНХ-ЭРА	139
Глава 9. «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»	164
Глава 10. ЧЕЛКЕЛЬ	187
Глава 11. «МОНОМАХ»	203
Глава 12. ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ	212

Книга вторая СТРАЖ РАНЫ

Глава 1. ТРИВИУМ	227
Глава 2. КОМАНДИР ДЖОР	242
Глава 3. ЧЕРНЫЕ ПОЛУШУБКИ	259
Глава 4. УБЕЖИЩЕ	273
Глава 5. ШЕКАР-ГОМП	292
Глава 6. ШАНС	311
Глава 7. ИСКУШЕНИЕ	324
Глава 8. ТРОПА СВЕТА	343
Глава 9. МОРАДАБАД	364
Глава 10. «ВЛАДИМИР БЕСПОКОИТСЯ»	377
Глава 11. ИНГВАР	390
Глава 12. ЖЕЛТЫЙ ПЛАЩ	403

**Книга третья
НЕСУЩИЙ СВЕТ**

<i>Глава 1. АМНЕЗИЯ</i>	421
<i>Глава 2. СВЯТЫНИ ЛОГРОВ.</i>	435
<i>Глава 3. ПРЕДАТЕЛЬСТВО</i>	455
<i>Глава 4. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ.</i>	475
<i>Глава 5. АЛЕКСАНДРОВСК</i>	494
<i>Глава 6. ПРИКАЗ.</i>	506
<i>Глава 7. ПОЛНОЛУНИЕ</i>	520
<i>Глава 8. ПАСТУШЬЯ КРЕПОСТЬ.</i>	539
<i>Глава 9. ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА.</i>	560
<i>Глава 10. ОСОБНЯК НА АРБАТЕ</i>	576
<i>Глава 11. ДРУГИЕ НЕБЕСА.</i>	598
<i>Глава 12. ДОЛГ.</i>	618

Литературно-художественное издание

Андрей Валентинов

ОКО СИЛЫ

Первая трилогия. 1920—1921 годы

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *И. Сауков*
Художник *Алгу*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *С. Жилова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых монтажей 06.11.2001.

Формат 84х108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 39,5.

Доп. тираж 5000 экз. Заказ 730.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»
101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mgl@logosgroup.ru

contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ООО «ПРЕСБУРГ», «Магазин на Ладужской». Тел.: 267-03-01(02)

Москва, ул. Ладужская, д. 8 (рядом с м. «Бауманская»)

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

*Любите читать?
Нет времени ходить по магазинам?
Хотите регулярно пополнять домашнюю
библиотеку и при этом экономить деньги?*

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы БЕСПЛАТНО получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

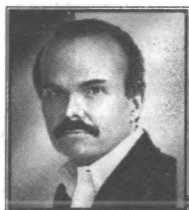
Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо-заявку по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон “горячей линии” **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Дина КУНЦА

**В СЕРИИ
«ПОЧЕРК МАСТЕРА»**

**Старые призраки не уходят
насовсем – они просто кружат
где-то неподалеку...**

Дин Кунц – не только кропотливый исследователь самых темных уголков нашего сознания, но и подлинный мастер слова. Он прибавляет от книги к книге, и с искусством музыканта-виртуоза берет самые глубинные струны человеческой души, закручивая тонкую интригу на насыщенном мистическими красками фоне. Ясновидящие, экстрасенсы и пророки, люди с паранормальными способностями, таинственные ритуалы вуду – неизменные атрибуты захватывающих романов короля ужасов, потеснившего на этом троне даже великого Стивена Kingа.

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ОСЕНИ'2001:

«Черные реки сердца»

«Сошествие тьмы»

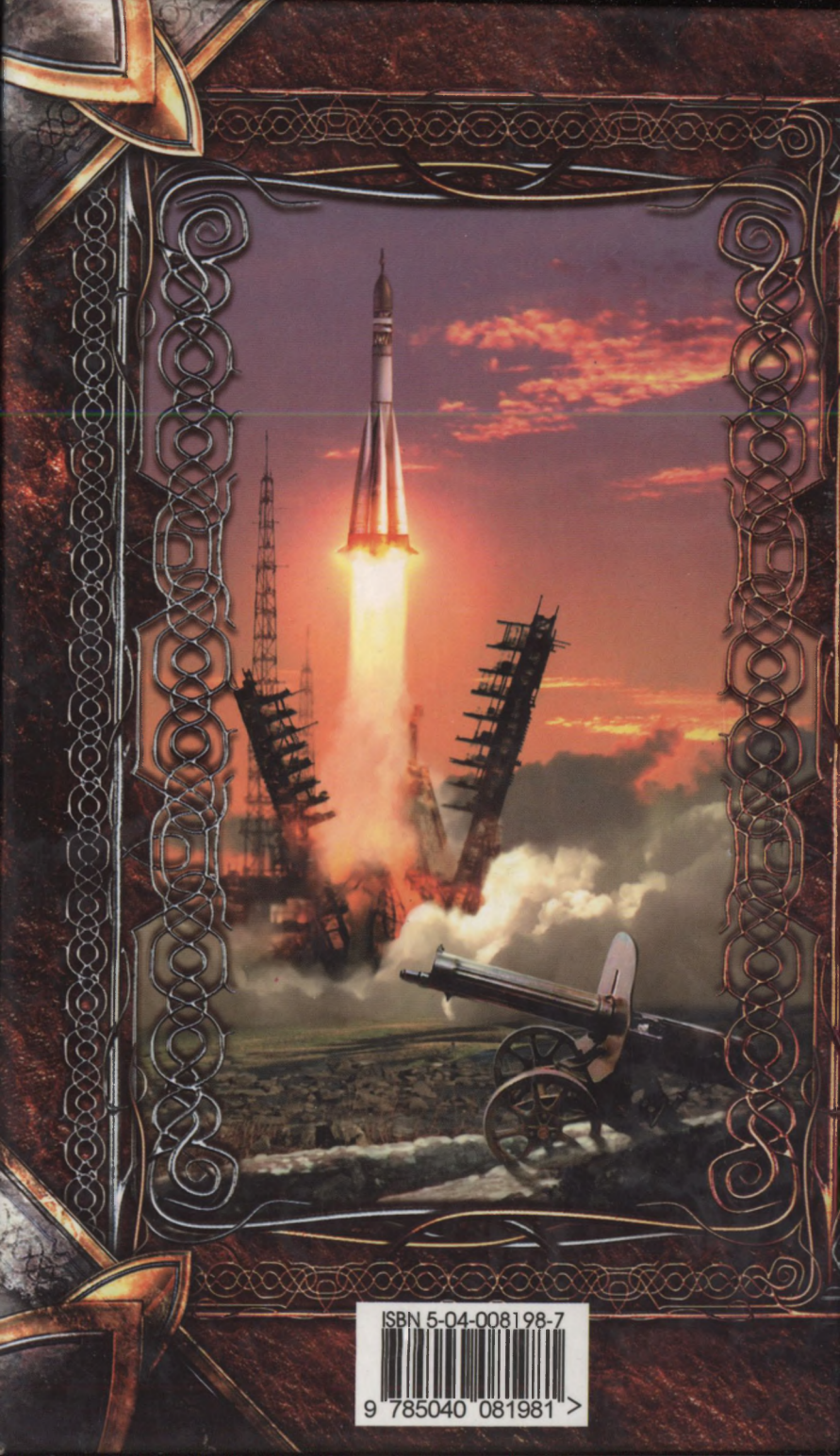
«Слуги сумерек»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанированный переплет, шитый блок.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»

Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ISBN 5-04-008198-7

9 785040 081981 >